

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

3

ТЕОДІСЬ, 1885.

Типографія Канцеляріи Главнначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

І ОТДѢЛЪ.

I. Забѣтки объ Осетіи и осетинахъ.—Помощ. классн. наставн. Тифлисской 1-й гимназіи <i>Д. Лаврова</i>...	СТР.
Мѣстоположеніе, орографія и гидрографія.....	1— 47
Горныя породы, минеральныя источники, почва.....	47— 81
Климатъ.....	81—114
Растительность.....	115—162
Животныя.....	162—168
Историческія свѣдѣнія.....	168—314
II. Краткія забѣтки о Карсской области.—<i>К. Садовскаго</i>.	315—350
Положеніе, границы, устройство поверхности, орошеніе, климатъ.....	315—326
Занятія жителей, характеръ земледѣвія, земледѣліе, скотоводство, пчеловодство, промышленность и торговля.	
Пути сообщенія.....	326—340
Населеніе. Система турецкаго управленія и русское управленіе.....	341—350

Приложеніе: Карта Осетіи.

II ОТДѢЛЪ.

I. Станица Темнижбенская и пѣсни, поющіяся въ ней.—Учит. Баталпашинскаго городского училища <i>Е. Передельскаго</i>.....	1—90
Мѣстоположеніе станицы, населеніе, занятія жителей, внѣшній видъ ихъ, характеръ и воспитаніе.....	1—31
Времяпровожденіе и пѣсни, поющіяся въ станицѣ: святочные, великопостныя, пасхальныя, трючныя, хороводныя, свадебныя и пѣсни, поющіяся во всякое время.....	31—90
II. Нѣсколько назацныхъ пѣсенъ и повѣрій въ ст. Разшеватской, Кавказскаго уѣзда, Кубанской области. Записаны со словъ казака <i>Григорія Турищева</i> учителемъ Разшеватской школы <i>К. Живило</i>.....	91—100
Пѣсня про наборъ въ солдаты. Пѣсня о казакѣ Луков-	

киѣ. Пѣсня о взятіи Кюрюкь-дара. Пѣсня Кубанскаго полка 1858 года. Пѣсня о походѣ за Аргунь. Пѣсня о Шамигѣ. Пѣсня объ умирающемъ казакѣ.....	91—96
Повѣрье о змѣяхъ. Двѣ легенды о происхожденіи горъ. Космогоническія повѣрья и разныя предрасудки.....	97—100
III. Селеніе Салахъ-лу и татарскія сказки, записанныя въ немъ.—Учителя Салахлинскаго училища <i>Б. Ветяминова</i>.....	101—137
Селеніе Салахъ-лу.....	101—112
Сказки: Мелнѣ-Мамадъ и Мелнѣ-Шумшидъ. Авилъ-Касимъ и Авилъ-Мамадъ. Шахъ Рустамъ. Царевичъ Камбаръ. Шахъ Исмангъ. Шарифъ.....	112—187
IV. Карачаевскія сказанія.—Запис. учит. Карачаевской школы <i>М. Алейниковымъ</i>.....	138—168
Нѣсколько словъ отъ собирателя. Ачмезъ и Хубунъ. Эмегени. Девлеръ, или кто сильнѣе? Кто больше? Джеммаусъ. Аймушъ, преданіе о горномъ озерѣ Хурла-кель. Карча, родоначальникъ карачаевцевъ.....	138—168
Приложеніе: Ноты пѣсенъ, помѣщенныхъ въ ст. Темнѣевской. Запис. <i>Е. Передельскимъ</i>.	

ОТДѢЛЪ I.

ЗАМѢТКИ ОБЪ ОСЕТИИ И ОСЕТИНАХЪ

Физическая природа края.

Мѣстоположеніе, орографія и гидрографія.

Осетины, или ироны, какъ они сами себя называютъ, по своему первоначальному происхожденію представляютъ одно изъ племенъ Иранскаго поколѣнія. Число ихъ, по статистическимъ даннымъ 1881 года, простирается до 111,000 душъ об. п. Въ численномъ составѣ 35 туземныхъ племенъ Кавказскаго края осетинское племя занимаетъ 10-е мѣсто послѣ 9 группъ, съ населеніемъ отъ 130 тысячъ до 980 т., и многочисленнѣе 25 группъ, съ населеніемъ отъ 90 тысячъ до 1-й тысячи; въ составѣ же всего населенія Кавказскаго края изъ 43 національныхъ и племенныхъ группъ осетины, по своей численности, занимаютъ 11-е мѣсто и представляютъ 2,07% всего населенія. Главная масса осетинскаго племени населяетъ склоны и долины Кавказскаго хребта между 42°5', 43°20' с. шир. и 61°10', 62°20' вост. долг., въ самой срединѣ Кавказскаго перешейка. Приблизительными намѣтками этого пространства на небольшихъ географическихъ картахъ служатъ: гора Казбекъ, верховья Терекъ и Ріона. Въ общихъ очертаніяхъ Осетинскій округъ представляетъ здѣсь неправильный овалъ, распространяющійся по сѣверному и южному склонамъ Кавказскаго хребта; діаметръ этого овала, взятый по крайнимъ осетинскимъ поселеніямъ на сѣверѣ и югѣ, по ширинѣ хребта, около 125—130 верстъ,

а по длинѣ хребта, или по крайнимъ точкамъ округа на востокъ и западъ, около 95—98 верстъ. Все это пространство охватываетъ общій массивъ Кавказскаго хребта и узкую полосу предгорныхъ равнинъ и заключаетъ въ себѣ около 205—210 кв. миль. Но кромѣ этого главнаго района, осетинскія поселенія распространены въ сторонѣ отъ хребта—по среднему теченію р. Терекъ, близъ г. Моздока. Разбросанныя здѣсь частію отдѣльно, частію совмѣстно съ поселеніями русскими, они обособляются отъ главнаго района 50-ти верстной полосой поселеній чеченскихъ и русскихъ и представляютъ какъ-бы колонію около 4 тысячъ душъ населенія. По Владикавказско-Ростовской желѣзной дорогѣ Осетинскій округъ начинается тамъ, гдѣ она, впервые приблизившись къ р. Тереку, входитъ въ живописное Татартупское ущелье, образующее въ Псехешскихъ горахъ какъ-бы ворота въ горную страну Кавказа. Протягиваясь къ юго-западу невысокой лѣсистой грядой, Псехешскія горы окаймляютъ съ сѣвера Владикавказскую равнину и сѣверныя окраины главнаго Осетинскаго округа. Впрочемъ, сплошныя осетинскія поселенія начинаются вообще на 10—15 верстъ южнѣ Псехешскихъ горъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Владикавказской равнины еще ближе къ Кавказскому хребту; до этой же линіи осетинскія села перемежаются частію съ станицами казаковъ, частію съ поселеніями сосѣднихъ туземцевъ—ингушъ. По длинѣ, напр., желѣзной дороги осетинскія села распространяются на сѣверный склонъ Псехешскихъ горъ, до выхода р. Терекъ изъ Татартупскаго ущелья, а къ западу отъ нея, по лѣвымъ притокамъ Терекъ—Архону и Аръ-дону, они отгѣсняются казачьими станицами къ самой срединѣ Владикавказской равнины. Кромѣ русскихъ и ингушъ, къ сѣверной границѣ осетинскаго района примыкаютъ кабардинцы,— третья національность на 75-ти верстномъ протяженіи сѣ-

верной окраины округа. Восточная граница Осетии начинается въ сѣверо-восточномъ углу Владикавказской равнины и направляется по ея восточной окраинѣ въ ущелье Военно-грузинской дороги. На сѣверномъ склонѣ хребта осетинскія поселенія и ихъ земельные участки отчетливо обособляются отъ поселеній сосѣдей—ингушъ и ихъ соплеменниковъ—кистовъ теченіемъ Терека; по ширинѣ перевала они отклоняются на 5—6 верстъ отъ полотна дороги и р. Байдары въ глубь восточныхъ высей, окаймляющихъ путь перевала. На южномъ склонѣ восточнымъ предѣломъ осетинскихъ поселеній служитъ р. Арагва. По ширинѣ перевала къ землѣ осетинъ примыкаютъ земли хевсуровъ и пшавъ; въ бассейнѣ р. Арагвы поселенія осетинъ теряютъ свою обособленность и смѣшиваются съ поселеніями грузинъ. Предѣломъ осетинскихъ поселеній на юго-востоку округа, или юго-восточной границею его можно приблизительно намѣтить восточное колѣно р. Арагвы, гдѣ она отходитъ отъ Военно-грузинской дороги, и гор. Душетъ. На южномъ склонѣ хребта поселенія осетинъ вообще значительно смѣшаны съ поселеніями грузинскими; вслѣдствіе этого южная граница Осетинскаго округа не имѣетъ опредѣленнаго линейнаго протяженія, а представляетъ какъ-бы широкую полосу, проходящую по предѣльнымъ осетинскимъ поселеніямъ и постепенно сливающуюся съ райономъ Грузіи. Начавшись близъ гор. Душета, западнѣе Военно-грузинской дороги, эта полоса-граница проходитъ сначала у подошвы хребта, а потомъ направляется по правымъ притокамъ р. Ліяхвы къ верховьямъ Ріона. Западная граница осетинскаго района, извилистая и ломанная по планамъ частныхъ земельных участковъ, въ общемъ своемъ направленіи тянется отъ истоковъ Ріона чрезъ Кавказскій хребетъ по горнымъ вершинамъ, окаймляющимъ съ лѣвой стороны теченіе р. Уруха и его верхнихъ притоковъ, до выхода Уруха изъ Кав-

казскаго хребта на предгорную равнину. На 85—90 верстномъ протяженіи западной границы къ Осетинскому округу примыкають: въ верховьяхъ р. Ріона—земли имеретинъ и по теченію р. Уруха—земли балваръ, Кабардинскаго племени. По общему рельефу своей поверхности Осетинскій округъ представляетъ страну весьма гористую; низменныя мѣста протягиваются въ немъ лишь на сѣверной и южной окраинахъ небольшими полосами, какъ предгорныя равнины у подошвы хребта. Вообще же, весь районъ, по которому распространены осетинскія поселенія, какъ въ самомъ массивѣ хребта, такъ и въ окрестностяхъ города Моздова—по среднему теченію р. Терека, по высотѣ своей поверхности надъ уровнемъ моря, представляетъ двѣ полосы: горную и равнинную. Первая начинается съ сѣверныхъ и южныхъ окраинъ хребта, съ высоты приблизительно 3,000 фута., и восходитъ къ срединѣ хребта до средней высоты снѣжныхъ гребней—11 тысячъ футовъ и отдѣльныхъ вершинъ—14, 15, 16 тысячъ фута.; она составляетъ около 0,75 всей поверхности осетинскаго района. Равнинное пространство, съ поверхностью ниже 3,000 фута. надъ уровнемъ моря, состоитъ изъ трехъ обособленныхъ пониженій: а) узкой полосы при подошвѣ южнаго склона, б) опредѣленно очерченнаго продолговатаго четырехугольника—Владикавказской равнины, при подошвѣ сѣвернаго склона, и в) небольшой полосы по среднему теченію р. Терека, въ сторонѣ отъ хребта. Равнины на сѣверномъ и южномъ склонахъ хребта, составляя какъ-бы продолженіе его боковой поверхности, постепенно понижаются къ сѣверу и югу; изъ нихъ первая заканчивается приблизительно на высотѣ 1,000—1,200 футовъ, при выходѣ Терека изъ Псехешскихъ горъ, а вторая на высотѣ 2,500—2,600 фута., по среднему теченію притоковъ р. Буры—Ліяхвы, Ксанги и друг., въ предѣлахъ Осетинскаго округа. Обособленная отъ главнаго района, равнина по среднему

теченію Терека имѣетъ почти равномѣрную высоту 600—400 фут. Всѣ эти равнины составляютъ около 0,25 всей поверхности округа, или 50—52 кв. мили. Одна половина этого пространства составляется Владикавказской равниной, а другая распредѣляется на двѣ неравныя части: большую—на южномъ склонѣ хребта, и меньшую—по среднему теченію р. Терека, въ окрестностяхъ г. Моздока. Кавказскій хребетъ въ осетинскомъ краѣ, взятый по общему характеру боковыхъ склоновъ, представляетъ значительное разнообразіе. Съ сѣвера, напр., съ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги онъ рисуется исполинскимъ снѣжно-зубчатымъ валомъ, съ отчетливо очерченною наклонною круто поверхностью; здѣсь всѣ его частныя боковыя контуры какъ-бы сливаются въ одинъ исполинскій массивъ. Онъ вздымается надъ Владикавказской равниной сначала темною полосой лѣсистыхъ предгорій до высоты 7,000—7,500 фут., затѣмъ болѣе свѣтлою полосой скалистыхъ обнаженій и, наконецъ, съ высоты 10,500—11,000 фут. серебристою полосой снѣжныхъ вершинъ. Въ грядѣ конусовъ и пиковъ, вѣнчающихъ темносиній массивъ хребта, наиболѣе замѣтно вырисовывается самый восточный въ осетинскомъ районѣ—Казбекъ—16,546 фут. высоты; въ западу отъ него въ послѣдовательномъ порядкѣ выдѣляются: Джимара-хохъ—15,673 фут., Сырху-берзонъ (Красная высота)—13,634 фут., Тепли-хохъ—14,510 фут., Адай-хохъ (Дѣдъ-гора)—15,244 фут., и нѣсколько другихъ менѣе выдающихся и менѣе обособленныхъ пиковъ и конусовъ. Съ юга, напр., съ тифлисскихъ высотъ, горный осетинскій районъ, или южная сторона Кавказскаго хребта въ осетинскихъ границахъ представляетъ уже не круто-наклонный рельефно-очерченный массивъ, а широкую волнообразную, постепенно возвышающуюся горную группу; она также заканчивается снѣжно-зубчатою грядою, въ которой, кромѣ Казбека и Джимара-

хоха, выступают другія высоты хребта: Кадласанъ, Зильгахохъ, Цоцольдъ, Брутсабзели и др., отъ 12 до 14 тысячъ футовъ высоты. По протяженію Военно-грузинской дороги различіе сѣвернаго и южнаго склоновъ хребта опредѣляется, какъ-бы въ разрѣзѣ, очертаніями высотъ, окаймляющихъ дорогу съ западной стороны. На сѣверномъ склонѣ онѣ громоздятся рядомъ постепенно возвышающихся конусовъ, болѣе покатыхъ къ внѣшней сторонѣ хребта и часто совершенно отвѣсныхъ къ сторонѣ внутренней. Въ общемъ рельефѣ хребта эти конусы представляютъ собою поперечные массивы хребтовъ, тянущихся параллельно другъ другу, но перпендикулярно къ Военно-грузинской дорогѣ, и обрывающихся надъ нею скалистыми стремнинами. На южномъ склонѣ хребта западныя высоты Военно-грузинской дороги въ большинствѣ случаевъ окаймляютъ ее не поперечными разрѣзами своихъ массивовъ, а боковыми наклонами хребтовъ, тянущихся параллельно дорогѣ. Вслѣдствіе этого южный склонъ хребта, по своему орографическому характеру, не имѣетъ такой законченности очертаній, какъ склонъ сѣверный, и представляется скорѣе горной страной обособленнаго происхожденія, чѣмъ боковымъ рельефомъ хребта. Осматривая намѣчаемыя мѣста съ значительныхъ возвышенностей, какъ-бы съ высоты птичьяго полета, можно явственно видѣть, что всѣ частныя картины, частные рельефы этого пространства, при всемъ своемъ разнообразіи, сливаются и обобщаются въ одну орографическую картину—широкое исполинское приподнятіе земной поверхности. Высшія точки этого рельефа проходятъ двойною полосой снѣжныхъ гребней и конусовъ отъ востока къ западу; отъ нихъ, какъ отъ гребней исполинскихъ крышъ, распространяются къ сѣверу и югу волнистыя, постепенно понижающіяся поверхности, или боковые склоны хребтовъ. Такимъ образомъ общій массивъ хребта въ описываемомъ

районъ по своей высшей полосѣ раздѣляется на два горныхъ массива, съ среднею высотой 11,500 фут.,—сѣверный и южный центральные хребты. Оба они обособляются по своему протяженію рядомъ глубокихъ ущелій, образующихъ въ картинѣ всего приподнятія Кавказскаго хребта какъ-бы глубокую продольную трещину отъ востока къ западу. Начиная отъ протяженія Военно-грузинской дороги, центральные хребты тянутся двойной 95-ти верстной грядою къ западу и потомъ сходятся тамъ на западной границѣ Осетинскаго округа. На этомъ протяженіи въ сѣверной центральной грядѣ выдѣляются высочайшія вершины: Казбекъ (16,546 фут.), Джимара-хохъ (15,673 фут.), Сырху-берзонъ (13,634), Тепли (14,510 фут.), Адай-хохъ (15,244 фут.) и др. съ меньшею высотой. Въ южномъ центральномъ хребтѣ, начинающемся къ западу отъ Гудаурскаго перевала зубчатымъ массивомъ Сырху-хохъ (Красная гора), возвышаются въ дальнѣйшемъ протяженіи: Арсикомъ, Десикомъ, Зильга, Брутсабзели, Зикара, Халаца, Геске—отъ 12 до 14 тысячъ фут. высоты.

Вѣчные снѣга и ледники, залегающіе въ вершинахъ центральныхъ хребтовъ, служатъ постояннымъ запасомъ водъ, орошающихъ среднее пространство Кавказскаго перешейка. Внутренніе склоны хребтовъ падаютъ крутыми, бугроватыми поверхностями и представляютъ собою стороны центральныхъ ущелій или центральной трещины. Внѣшніе склоны хребтовъ, представляя соотвѣтственные склоны общаго массива хребта, въ своемъ послѣдовательномъ пониженіи состоятъ изъ горныхъ высотъ, обособленныхъ промежутками—ущельями. Сѣверный склонъ состоитъ изъ трехъ параллельныхъ хребтовъ, съ постепенно понижающимися высотами, тянущихся параллельно хребту центральному. Съ высоты, позволяющей зрѣнію охватить ихъ общій рельефъ, эти хребты представляются какъ-бы послѣдовательными

длинными отвалами общаго склона; таѣ, напр., во многихъ мѣстахъ выпуклости и углубленія въ боковой поверхности одного хребта соответствуютъ противоположнымъ рельефамъ на противоположной же поверхности хребта другаго и т. п. Въ поперечномъ разрѣзѣ, со стороны Военно-грузинской дороги, восточные массивы боковыхъ параллельныхъ хребтовъ кажутся рядомъ постепенно возвышающихся конусовъ, зеленѣющихъ растительностью на сѣверныхъ покатостяхъ, и скалистыхъ, обнаженныхъ на южной поверхности. Со стороны же Владикавказской равнины параллельные хребты, въ своей общей картинѣ, или сливаются своими послѣдовательными высотами въ исполинскій сплошной валъ, съ снѣжно-зубчатыми вершинами, безъ признака продольныхъ промежутковъ-ущелій, или же неясно рисуются горизонтальными темноватыми полосами на общемъ массивѣ хребта. На южномъ склонѣ общій уровень приподнятой поверхности разнообразится менѣе правильными углубленіями и возвышеніями. Продольныя хребту углубленія здѣсь встрѣчаются частію въ восточной оконечности склона близъ Военно-грузинской дороги, частію въ его нижней половинѣ. Возвышенности, обрисовывающіяся этими углубленіями, въ большинствѣ случаевъ имѣютъ скорѣе характеръ холмовъ, чѣмъ продольныхъ цѣпей. Вообще же, сравнительно съ построеніемъ склона сѣвернаго, въ констукціи южнаго склона есть какъ-бы недостатокъ орографической системы,—недостатокъ, напр., той послѣдовательности, съ которою на сѣверномъ склонѣ понижается его общій уровень въ точкахъ на одинаковомъ разстояніи отъ своего центральнаго хребта. Поэтому, въ общей своей картинѣ en face, южный склонъ представляетъ не отчетливыя очертанія сѣвернаго склона, а смѣшеніе горныхъ рельефовъ и направленій, въ которомъ зрѣніе не находитъ базиса для топографическихъ и геологическихъ

обобщеній. Одинъ лишь центральный хребетъ длинной грядой своихъ снѣжныхъ вершинъ представляетъ здѣсь въ высшихъ точкахъ этой картины порядокъ и систему, незамѣтные для простаго наблюденія среди его южныхъ соседей. Кромѣ ущелій по длинѣ хребта отъ востока къ западу, склоны его прорѣзываются отъ вершинъ хребта къ его подошвѣ ущельями перпендикулярными къ длинѣ. Узкія въ своихъ вершинахъ и расширяющіяся къ выходу на равнину, наклонныя ущелья, пересекая ущелья по длинѣ хребта, расчленяютъ его поверхность на частныя, обособленныя возвышенія. Въ гидрографическомъ отношеніи эти ущелья представляютъ какъ-бы исполинскія ложа горныхъ потоковъ и по своему общему наклону подраздѣляются на три группы: 1-ю группу составляютъ ущелья въ бассейнѣ р. Терека, 2-ю—въ бассейнѣ р. Кумы, 3-ю—въ бассейнѣ р. Ріона. Центральная расщелина между главными хребтами, состоя изъ 4-хъ ущелій, относится частію къ бассейну р. Терека, частію къ бассейну р. Ріона. Взятая въ своемъ обособленномъ протяженіи отъ востока къ западу около 90 вер., она представляетъ сначала широкое, отъ 1 до 2 версты въ діаметрѣ, углубленіе, открытое съ востока въ ущелье р. Байдары—долину Коби, и заменное съ запада узкимъ хребтомъ Сиверауть (около 11 тыс. фут.)—ущелье Труссо. Начавшись у склона Сиверауть крутою поватостію къ востоку, Труссо чрезъ 2—3 версты принимаетъ на свое просторное (саженъ 150—200 ширины) исподѣ бурный, стремительный Терекъ. Но этотъ сынъ горныхъ Кавказскихъ высотъ, полноводный и внушительный, когда подходит къ Владивавказу, въ вершинахъ Труссо—небольшой потокъ въ $1\frac{1}{2}$ —2 сажени ширины и $\frac{1}{2}$ арш. глубины. Онъ вытекаетъ въ 5—6 верстахъ къ югу отъ вершинъ Труссо изъ снѣжныхъ и ледниковыхъ залежей Зильга-хохъ (Крутящейся горы), возвышающейся (до 12,645 фут.) ко-

нусомъ съ тупыми ребрами. Падая отъ 600—700 фут. на 1 вер., Терекъ скрадываетъ здѣсь свою маловодность оглушительнымъ шумомъ и сердитымъ клокотаніемъ своихъ могучихъ водъ. Теченіе его здѣсь представляетъ рядъ водопадовъ и пороговъ. Грозный и опасный въ этомъ мѣстѣ, Терекъ, бросаясь далѣе въ исподѣ Труссо съ 2—3 значительными притоками, постепенно измѣняетъ свой бурный характеръ и становится игривымъ и безопаснымъ потокомъ, съ спокойной зыбью и равномерными переливами блестящихъ своихъ струй; здѣсь паденіе его не превышаетъ 35—40 фут. на версту. На 15—16-й верстѣ своего общаго нагона къ востоку ущелье Труссо быстро суживается въ тѣснину Касару, около 2—6 саж. въ діаметрѣ и 5—6 верстъ длины. Наклоняясь не менѣе 120 фут. на 1 версту, Касара образуетъ какъ-бы длинный 5-ти верстный порогъ. Здѣсь Терекъ, увеличенный въ предыдущемъ 20-верстномъ протяженіи притоками: справа—Цоцолдомъ, Деси-дономъ, слѣва—Реси-дономъ, Тепъ-дономъ, Джимара-дономъ и Суатисъ-дономъ, вытекающими изъ сѣверной и южной сторонъ ущелья Труссо—центральныхъ хребтовъ, стѣсняется глыбами скалъ и камней и снова повторяетъ свое стремительное и бурное теченіе, подъ аккомпаниментъ глухаго и отрывистаго стука сдвигаемыхъ камней. Черезъ 5 верстъ, съ выходомъ изъ узкой тѣсины Касара и расширеніемъ ущелья до 2—3 верстнаго діаметра, Терекъ опять измѣняетъ свой бѣшеный характеръ на болѣе спокойное паденіе 35—40 фут. За этимъ расширеніемъ, черезъ 5—6 верстъ, ущелье Труссо заканчивается, близъ впаденія р. Байдары въ Терекъ, широкой Кобійскою площадью-котловиной. Начавшись на высотѣ 7,800—8,000 фут. и оканчиваясь высотой Кобійской котловины 6,500 фут., ущелье Труссо на своемъ 25-ти верстномъ протяженіи представляетъ, такимъ образомъ, верхній гидрографическій районъ Терека и восточное

протяженіе центральной расщелины. При средней высотѣ исподья Труссо надъ уровнемъ моря 7,000—7,200 фут. и средней высотѣ обставляющихъ его хребтовъ 11,000—11,500 фут., восточная часть центральной расщелины представляетъ углубленіе въ массивъ хребта около 4,000—4,300 фут. Продолженіе ея къ западу, обособленное отъ Труссо узкимъ гребнемъ Сивераутъ,—ущелье Заккско-Нарское; по протяженію его пробѣгаетъ потокъ Закка-донъ, впадающій съ притоками Цгуй-донъ, Хіяй-донъ, Цодай-донъ въ р. Наръ-донъ. Послѣдній принимаетъ далѣе: Гинать-донъ, Зругъ-донъ, Лія-донъ и др. По общему направленію своего наклона Заккско-Нарское ущелье представляетъ двѣ части: западную и сѣверо-западную. Въ первой части, или въ наклонѣ къ западу, называющемся ущельемъ Заккскимъ, центральная расщелина углубляется въ массивъ хребта равномерно съ углубленіемъ Труссо; въ дальнѣйшемъ наклонѣ и протяженіи къ сѣверо-западу, которое называется ущельемъ Нарскимъ, центральная расщелина, при высотѣ своего исподья на уровне моря 4,000—5,600 фут., представляетъ относительно средней высоты центральныхъ хребтовъ углубленіе въ 5,400—7,000 фут., а относительно высоты вершинъ, ближайшихъ къ исподью, — 2,400—3,000 фут. Заккско-Нарское ущелье протягивается около 32 верстъ и имѣетъ ширину — въ верхнемъ и нижнемъ протяженіяхъ отъ 1 до 2 верстъ и въ средней части отъ 30 до 40 саж. Потоки, орошающіе эту часть центральной расщелины, имѣютъ значительное паденіе и отличаются бурнымъ характеромъ только въ верховьяхъ ущелья, а въ остальномъ его протяженіи они представляютъ сравнительно умѣренную высоту паденія 55—60 фут. на 1 версту. Въ концѣ своего протяженія Заккско-Нарское ущелье отклоняется къ сѣверу и соединяется съ концемъ ущелья Мамисонскаго. Въ общемъ протяженіи обоихъ уще-

лій это соединеніе представляет дугообразный изгибъ всей центральной расщелины отъ общаго восточно-западнаго направленія къ сѣверу. Мамисонское ущелье, подобно Труссо, обособляется отъ ея западнаго протяженія хребтомъ Кадисаромъ и орошается потокомъ Мамисонъ-дономъ, принимающимъ притоки изъ сѣвернаго и южнаго центральныхъ хребтовъ: Казъ-донъ, Бубисъ-донъ, Халаца-донъ, Сататъ-донъ и другіе менѣе значительные. По своимъ гидрографическимъ подробностямъ Мамисонское ущелье представляетъ какъ-бы повтореніе ущелья Заекско-Нарскаго: здѣсь тотъ же равномерный наклонъ его исподья, выражающійся въ паденіи р. Мамисонъ-дона по 50—60 фут. на каждой верстѣ. Мамисонъ-донъ и Наръ-донъ соединяются въ сѣверномъ выступѣ центральной Заекско-Нарско-Мамисонской расщелины и поворачиваютъ отсюда почти подъ прямымъ угломъ къ сѣверу подъ именемъ р. Аръ-дона (Бѣшеной рѣки). Черезъ 80 верстѣ теченія по склону хребта р. Аръ-донъ вливаетъ свои соединенныя волны въ Терекъ. Разстояніе между вершинами центральныхъ хребтовъ въ ущ. Труссо простирается отъ 14 до 16 верстѣ. По длинѣ же ущелій Заекско-Нарскаго и Мамисонскаго центральные хребты расходятся своими вершинами на разстояніе 20—25 верстѣ. Здѣсь внутренніе склоны центральныхъ гребней представляютъ бугристое, волнообразное пространство между ихъ снѣжными массивами, съ среднею высотой 7,000—8,000 фут.; оно замыкается съ востока острымъ, высокимъ (около 11 тыс. фут.) гребнемъ Сивераутъ, а съ запада поперечнымъ горбомъ Кадисаромъ (около 10 тыс. фут.). Тотъ и другой представляютъ какъ-бы соединительные валы отъ одного центральнаго хребта къ другому. Съ значительной высоты пространство, заключенное между этими высотами и прорѣзанное ущельями Заекско-Наръ-дона, Мамисонъ-дона и ихъ вѣтвобразныхъ притоковъ, представляется, по своей

обширности и замкнутости, бугристой, волнообразной котловиной, тянущейся около 30 верстъ въ длину отъ востока къ западу и 20 верстъ отъ сѣвера къ югу,—это котловина Нардонская. Средняя высота ея по большинству поверхности около 7—8 тысячъ футовъ. Въ общую картину центральной расщелины Нардонская котловина входитъ не столько всею поверхностію, сколько полоскою крутыхъ покатостей надъ потоками Закеа-Нарь-дономъ и Мамисонъ-дономъ или ущельями этихъ потоковъ, какъ наиболѣе рѣзкимъ углубленіемъ въ общей поверхности котловины. При наблюденіи описываемаго района съ уровня поселеній и потоковъ, Нардонская котловина является такою же странною высокихъ стремнинъ, какъ и всѣ гористыя мѣста этого края. Она весьма мало доступна на своей наиболѣе распространенной поверхности и доступна только въ исподьяхъ ущелій, вслѣдствіе чего общій рельефъ ея, какъ углубленія, для обыкновенныхъ наблюдателей остается незамѣченнымъ. Перенесенная на равнину, Нардонская котловина была бы высокой горной страной съ вершинами въ 7—8 тысячъ фут.; но здѣсь, обставленная гребнями, конусами и пиками: съ востока—Сиверауть, съ сѣвера—Тепли, Цміа-комъ-хохъ, Адай-хохъ, съ юга—Резъ-хохъ, Брутсабзели, Зикара, Халаца и другими, поднимающимися надъ среднею высотой ея поверхности на 6—7 тысячъ футовъ, она представляетъ весьма замѣтное, обширное углубленіе съ общимъ гидрографическимъ наклономъ къ сѣверу. Этотъ наклонъ заканчивается какъ-бы исполинскими воротами въ сѣверной центральной грядѣ—ущельемъ Касарскимъ, по которому выходятъ соединенные потоки Нардонской котловины—р. Аръ-донъ. Западное продолженіе центральной расщелины представляетъ ущелье р. Швеляриса, притока Ріона. Оно начинается на западномъ склонѣ горба Кадисара, отдѣляясь его двухъ-

верстною толщею отъ вершины Мамисонскаго ущелья, и протягивается прямою линією на 18—20 верстъ до соединенія съ южнымъ наклономъ ущелья Ріонскаго. Здѣсь центральные хребты снова сближаются до 10—12 верстнаго діаметра между своими вершинами и, выпуская изъ своихъ снѣговъ и ледниковъ десятки притоковъ въ Швелирисъ, разнообразятъ своими волнообразными отрогами прямолинейность его ущелья. Какъ на востокъ конецъ центральной расщелины выходитъ въ поперечныя ея общей длинѣ ущелья Военно-грузинской дороги, такъ и на западѣ центральная расщелина сливается почти подъ прямымъ угломъ съ ущельемъ р. Ріона. Съ этой стороны, протягиваясь системою четырехъ ущелій: Труссо, Заккско-Нарскаго, Мамисонскаго и ущ. р. Швелириса, подъ одною 42-ю параллелью, центральная расщелина какъ-бы естественно обособляется въ одну топографическую намѣтку верхне-горнаго осетинскаго района, намѣчая въ то же время и все его протяженіе по восточно-западному діаметру. Не менѣе обособляется центральная расщелина и по своимъ гидрографическимъ особенностямъ. Взятая въ своихъ крайнихъ пунктахъ на востокъ и западѣ, она представляетъ два противоположныхъ, но соотвѣтственныхъ по своей параллельности, теченія—р. Терека на сѣверъ и р. Ріона на югъ; причемъ оба эти теченія представляютъ какъ-бы двѣ противоположныя силы, дѣйствующія въ двухъ концахъ рычага—центральной расщелины; одна изъ нихъ—р. Ріонъ выноситъ въ своемъ притоѣ Швелирисѣ воды центрального углубленія на югъ, а потомъ въ Черное море, а другая—р. Терекъ направляется на сѣверъ и дальше въ Каспій. Одновременно съ этимъ, обѣ эти рѣвки, отчасти отдѣляя осетинскій районъ отъ земель другаго населенія на востокъ и западѣ, служатъ болѣе замѣтными пунктами въ общей намѣткѣ его географическаго положенія. Наконецъ, самые потоки центрального углубленія пред-

ставляютъ выдающуюся гидрографическую своеобразность— правильное чередованіе своихъ теченій. Вступая въ ихъ общую длину по 42-й параллели съ востока, мы встрѣчаемъ здѣсь въ длинѣ ея 1-й четверти восточное теченіе р. Терека, далѣе, за водораздѣломъ Сивераутъ, въ длинѣ 2-й четверти — теченіе р. Завка-Наръ-дона на западъ, въ 3-й четверти — теченіе р. Мамисонъ-дона опять на востокъ и въ послѣдней четверти теченіе потока Швелариса опять на западъ. Въ графическомъ изображеніи эти теченія являются какъ-бы двумя парами противоположныхъ гидрографическихъ силъ, дѣйствующихъ въ 2 точкахъ—водораздѣлахъ: Сивераутъ и Кадисаръ, на востокъ и западъ Нардонской котловины; оба они лежатъ на общемъ протяженіи центральной расщелины.

Со стороны топографическихъ подробностей, благоприятныхъ и неблагоприятныхъ для заселенія этого края, система центральныхъ ущелій представляетъ, какъ это можно предположить и по однимъ даннымъ высоты, три орографическихъ полосы: заселемую, не заселяемую, но эксплуатируемую и, наконецъ, пустынную полосу, не эксплуатируемую и не заселенную. Первую полосу составляютъ исподья или горизонтальныя поверхности ущелій, по которымъ протекаютъ потоки, и нижнія полосы по боковымъ поверхностямъ ущелій. Ширина этой, наиболѣе заселяемой, полосы весьма разнообразна: самыя просторныя ущелья имѣютъ діаметры около $2—2\frac{1}{2}$ верстъ, а самыя тѣсныя нерѣдко суживаются до ширины горныхъ ручьевъ. Въ общемъ 95-ти верстномъ протяженіи центральной расщелины одна четверть ея длины имѣетъ діаметры отъ 1 до 2 и $2\frac{1}{2}$ верстъ; самыя значительныя суженія, съ діаметрами менѣе 20 саж., въ общемъ соединеніи представляютъ длину около 18—20 верстъ. Все это пространство, взятое по исподью центральной расщелины и по нижней полосѣ ея

боковыхъ склоновъ, составляетъ приблизительно 70 кв. верстъ. Кромѣ главныхъ ущелій по теченію р. Терека, Закка-Нарь-дона и Мамисонъ-дона, общее углубленіе между центральными хребтами разнообразится ущельями по теченію притоковъ означенныхъ рѣкъ. Самыя значительныя изъ нихъ — ущелья притоковъ р. Терека: Мны-дона и Деси-дона и ущелья р. Лія-дона, впадающей въ р. Нарь-донъ. Ущелья остальныхъ притоковъ по своей ширинѣ очень незначительны. Вся поверхность ихъ исподья составляетъ около 30—32 кв. верстъ. Такимъ образомъ, полосу наиболѣе доступныхъ мѣстъ по длинѣ центральной расщелины между центральными хребтами, растянутую на 95 верстъ, можно представить площадью приблизительно въ 100 кв. верстъ. Сопоставляя это пространство съ общимъ пространствомъ центральныхъ ущелій, состоящимъ изъ внутреннихъ склоновъ центральныхъ хребтовъ и занимающимъ не менѣе 1,100 кв. верстъ, мы получаемъ въ взаимномъ отношеніи ихъ величинъ=1:11 —приблизительную характеристику частнаго рельефа, частныхъ пониженій и повышеній въ поверхности центральной расщелины. Ущелья, прорѣзывающія внутренніе склоны центральныхъ хребтовъ или, что то же, поверхность центральной расщелины, въ своемъ соединенномъ протяженіи имѣютъ не менѣе 550 верстъ длины. Такимъ образомъ, поверхность описываемаго района какъ-бы на каждой кв. верстѣ прорѣзывается верстовымъ ущельемъ въ 23—25 саж. ширины. Въ общей, такъ сказать, средней своей картинѣ, наиболѣе доступное пространство центральной расщелины представляетъ длинную сѣть узкихъ поверхностей — исподья ущелій, окаймленныя съ обѣихъ сторонъ горными стремнинами. Наибольшая высота надъ уровнемъ моря исподья ущелій, гдѣ они по топографическимъ условіямъ еще доступны для заселенія, простирается до 7,600—7,800 фут., а наименьшая высота ихъ, или самыя низкія мѣста

надъ уровнемъ моря въ описываемомъ районѣ не опускаются ниже 5,000 фут. При средней высотѣ горныхъ массивовъ, въ которыхъ прорѣзаны ущелья центральной расщелины, отъ 7,000 до 8,500 фут.—высотѣ отроговъ, составляющихъ склоны центральныхъ хребтовъ, и отъ 8,500 до 16,546 фут.—высотѣ центральныхъ хребтовъ, боковыя поверхности ущелій возвышаются надъ ихъ исподьемъ весьма рѣдко ниже 1,000 фут., а большею частію—на 3,000—7,000 фут. Характеризуя удобства сообщеній, эти цифры указываютъ, что ущелья въ большинствѣ случаевъ весьма изолированы трудностями подъемовъ и спусковъ по высокимъ боковымъ поверхностямъ. Эти боковыя поверхности составляютъ 2-ю не заселяемую, но эксплуатируемую полосу—хлѣбопашества и по преимуществу скотоводства. Она начинается на высотѣ 7,600—7,800 фут., гдѣ, по своему топографическому рельефу, поверхность въ большинствѣ случаевъ мало удобна для заселенія, и распространяется въ второстепенныхъ отрогахъ центральныхъ хребтовъ по всей ихъ поверхности, а въ массивѣ центральныхъ гребней до 9,500—10,000 ф. высоты. Въ частномъ распространеніи по ущельямъ, 2-я полоса начинается ниже помѣченной высоты на западномъ концѣ центральной расщелины. Здѣсь, при отклоненіи центральной расщелины къ сѣверу, низайшія мѣста ущелья находятся на высотѣ 5,000—5,200 фут.; полоса хлѣбопашества, вслѣдствіе неудобствъ сообщеній, рѣдко восходитъ за высоту 6,500—6,700 фут. Боковыя поверхности ущелій, по степени своего наклона къ горизонту, представляютъ здѣсь въ своей общей картинѣ два вида: малодоступныя и недоступныя. Первыя имѣютъ средній наклонъ въ 45° — 50° , а вторыя не менѣе 75° — 80° . Малодоступныя боковыя поверхности, гдѣ возможно только нѣшнее и верховое сообщеніе, окаймляютъ верхнее и нижнее теченія главныхъ потоковъ центральной расщелины, а

недоступныя боковыя поверхности, большею частію скалистыя отвѣсныя стремнины, въ главномъ углубленіи центральной расщелины находятся по среднему протяженію ущелья Труссо (тѣснина Касара), ущелья Завьскаго и Мамисонскаго, а во второстепенныхъ ущельяхъ—въ большинствѣ ихъ протяженія. Вообще же, отвѣсныя стремнины, или же наклоны боковыхъ поверхностей не менѣе 75°, встрѣчаются, по крайней мѣрѣ, на половинѣ всего протяженія ущелій.

Съ высоты 9,000—9,500 фут. надъ полосою пастбищъ начинается 3-я полоса: сначала она распространяется дивнымъ темно-сѣрымъ, или буроватымъ фономъ скалъ и оспей, а выше вѣнчается снѣжными полями на открытыхъ поверхностяхъ и ледяными толщами въ тѣнистыхъ глубокихъ ущельяхъ. Взятая обособленнымъ райономъ, эта полоса въ своемъ нижнемъ началѣ, гдѣ зеленый фонъ растительности постепенно переходитъ въ бесплодный скалистый и снѣжный, представляетъ весьма извилистую и часто неопредѣленную линію. Иногда разность между повышениями этой предѣльной линіи въ одномъ мѣстѣ и пониженіями ея въ другомъ бываетъ не менѣе 1,100—1,200 фут. На этой промежуточной высотѣ, въ самый разгаръ лѣта, когда дневное пригрѣваніе солнца вызываетъ усиленную растительность, а ночные холода горныхъ высотъ парализуютъ вліяніе теплоты, весьма нерѣдко можно встрѣтить оригинальное сліяніе верхне-пастбищной полосы съ ниже-снѣговою—бѣлыя пятна небольшихъ снѣговыхъ залежей въ 100—200 кв. саж. на ярко-зеленомъ фонѣ мелко-рослой альпійской растительности. Подобныя оригинальности встрѣчались, напр., по склонамъ Завьскаго ущелья въ половинѣ іюля даже во время необыкновенно сухаго и жаркаго лѣта 1882 г. Еще чаще они встрѣчаются въ дождливыя лѣта. Съ высоты 10¹/₂—11 тысячъ фут.

поверхность как сѣвернаго, такъ и южнаго центральныхъ хребтовъ представляетъ уже вполне законченныя и отчетливыя картины растительной пустоты: лишь въ самыхъ благопріятныхъ по сочетанію наибольшей теплоты и влаги мѣстахъ здѣсь изрѣдка сѣрветъ мохъ или бѣлѣтъ хилій подсіѣжники; а чаще на склонахъ, гдѣ они не переходятъ крутизну 70° , 75° , здѣсь залегаютъ широкія площадки вѣчнаго снѣга, и въ глубокихъ трещинахъ и ущельяхъ просвѣчиваютъ сѣроватосинія толщи ледниковъ. Самые обширныя ледники находятся во впадинахъ широкаго бугра, надъ которымъ высится конусъ г. Казбека, и въ нижнихъ углубленіяхъ конуса. Все снѣжно-ледниковое пространство Казбека представляетъ продолговатый четырехугольникъ, отъ 8—10 верстъ длины отъ востока къ западу и отъ 4 до 6 верстъ ширины отъ сѣвера къ югу. Въ общихъ очертаніяхъ оно распространяется по массиву казбекскаго горба широко вздутымъ озеромъ съ изрытою поверхностью: въ однихъ мѣстахъ гладкій фонъ снѣжно-ледяныхъ толщ перемежается съ трещинами—ущельями казбекскаго массива; а въ другихъ онъ какъ-бы пробивается изъ нѣдръ горы темно-сѣрыми скалистыми массаи. Начавшись на высотѣ ущелій казбекскаго конуса, около 14 т. фут., ледниковыя залежи опускаются на всѣ стороны плотною каймою этого конуса до высоты $10-10\frac{1}{2}$ т. фут. Здѣсь онѣ задерживаются зубчатою грядою скалъ и особенно выдающихся частныхъ бугровъ казбекскаго массива. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ледниковыя залежи опускаются по боковымъ ущельямъ Казбека еще ниже 10 т. фут.; тамъ онѣ образуютъ, относительно главной массы на вершинѣ горба, какъ-бы наклонныя заливы около 200—300 сажень длины и 80—150 ширины. На восточной сторонѣ Казбека эти ледниковыя заливы опускаются съ высоты горба въ верховья ущелій

крутыми загибами какъ-бы исполинскаго застывшаго водопада. Здѣсь они имѣютъ чистый серебристо-стальной цвѣтъ и, отражая лучи солнца, иногда виднѣются издали блестящими пятнами на серебристомъ фонѣ Казбека. Но съ постепеннымъ наклономъ въ длину ущелій и съ повышеніемъ ихъ боковой скалистой поверхности, ледниковые заливы постепенно теряютъ чистоту своей поверхности. Уже при первомъ паденіи въ ущелья поверхность ледниковъ покрывается, какъ-бы островами, обломками скаль, вѣзавшихся въ ихъ гладкую поверхность темно-сѣрыми шероховатостями. А на десятки сажень ниже эти отдѣльныя шероховатости сливаются въ одну сплошную массу разрушенныхъ горныхъ породъ въ глыбахъ и рыхлыхъ тяжелыхъ осыпяхъ. Опускаясь по ущельямъ далеко ниже линіи вѣчныхъ снѣговъ смѣшанными скалисто-льдистыми глыбами, они заканчиваются тамъ грозными рыхлыми отвѣсами въ дальнѣйшій наклонъ ущелій. Одинъ изъ такихъ ледниковъ—Девдоракскій, опустившійся въ сѣверо-восточномъ углу казбекскаго склона, по ущелью р. Амилишки, до высоты 7,600 фѣт., въ рѣдкіе, но памятные годы низвергался всею своею рыхлою скалисто-ледяною массою на 6 вер. внизъ, въ русло р. Терека. Обрушившаяся масса, какъ бывали случаи, распространялась по ущелью р. Терека рыхлою 40-саженною толщею версты на $1\frac{1}{2}$ —2 въ длину и сажень на 70—100 въ ширину, задерживала теченіе Терека и дѣлала изъ его водъ обширную глубокую запруду. Въ теченіе столѣтія Девдоракскій ледникъ низвергалъ съ высоты своего залеганія 7,600—14,000 фѣт. въ нижніе предѣлы казбекскаго склона къ р. Тереку одиннадцать обваловъ: 6 въ послѣднюю четверть прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и 5 во времена занятія русскими Кавказскаго края—въ 1808, 1817, 1832, 1842 и 1855 годахъ. Въ 1808 г. графъ Гудовичъ, бывшій главноуправляю-

щимъ Кавказскимъ краемъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи *) такъ описываетъ Девдоравскій обвалъ: „20-го прошлаго іюля мѣсяца обрушилась страшная громада обледенѣлаго снѣга съ высочайшей изъ Кавказскихъ горъ— Казбека, упала въ вытекающую изъ сей горы Чахтонку (р. Чачь) и при стремленіи своемъ вдоль по ущелью, ведущему къ Тереку, увлекая съ собою все, что ни встрѣчалось на пути, и катя оторванные камни чрезвычайной величины, достигла самаго Терека, гдѣ, остановясь всею своею массою, составлявшею цѣлыя ледяныя горы, совсѣмъ заперла Терекъ, такъ что, не смотря на быстрое теченіе этой рѣки, падающей по ущелью съ чрезвычайнымъ стремленіемъ, теченіе оной совершенно прекратилось и она осушилась на цѣлые 2 часа. Наконецъ, сильный напоръ воды, размывая по-малу сію обледенѣлую громаду, открылъ путь къ ея проходу, а потомъ разорвалъ оную, и Терекъ пошелъ вдоль по ущелью страшными волнами... Причиною, по моему мнѣнію, непрерывные дожди съ 5 по 20 іюля. На Казбекъ же падалъ новый снѣгъ, обледенѣлъ, а 20 іюля, при чрезвычайной жарѣ обледенѣлая масса отстала, скатилась“. Изъ послѣдующихъ 4 обваловъ—1817, 1832, 1842 и 1855 годовъ наиболѣе грандіознымъ и разрушительнымъ былъ обвалъ 1832 года. Это была исполинская ледяная глыба съ обломками скалъ, пескомъ, грязью и т. п.; она закрыла общее углубленіе ущелья р. Терека 40 саженною толщею на протяженіи цѣлыхъ 2 версты и прекратила теченіе рѣки на 8 часовъ. Каменные и песчаные наносы этого обвала, образовавши надъ прежнею поверхностью ущелья рыхлую, легко разрушающуюся толщу, въ теченіе 2—3 лѣтъ еще болѣе увеличивали трудности Военно-грузинской дороги. Остальные обвалы Девдоравскаго ледника въ подобныхъ исполинскихъ размѣрахъ не доходили до р. Терека и были

*) Акты Археогр. Коммиссія, т. III, № 51.

менѣе разрушительны для района Военно-грузинскаго пути. По рассказамъ старожиловъ, движеніе ледника сопровождалось настолько сильнымъ передаточнымъ движеніемъ воздуха, что отъ него падали люди, животныя и т. п. Съ этой стороны разрушительное дѣйствіе обвала распространялось далеко за предѣлы его массива, по ущелью р. Терекъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ сел. Казбекъ. Всѣ эти поразительныя картины Девдоракскаго обвала сопровождались страшнымъ гуломъ и трескомъ ломавшихся и сталеживавшихся ледяныхъ массъ, обломковъ скалъ и т. п. Периодичность Девдоракскихъ обваловъ, довольно явственная въ рядѣ промежуточныхъ между ними годовъ—9, 15, 10 и 13, указываетъ, что они имѣютъ общую причину въ однихъ и тѣхъ же физическихъ явленіяхъ казбекскаго района. Она послужила также въ составленію мнѣнія, что Девдоракскіе обвалы происходятъ чрезъ каждые семь лѣтъ. Мнѣніе это распространено даже въ населеніи ближайшихъ окрестностей Казбека; оно основано отчасти на неопредѣленномъ знаніи о времени бывшихъ обваловъ, отчасти на суевѣрномъ чувствіи, которое настолько возбуждено этимъ грандіознымъ явленіемъ, что одухотворяетъ его въ явленіе, какъ-бы преднамѣренное. Общая причина Девдоракскихъ обваловъ заключается прежде всего, какъ это можно предположить по выдающимся физическимъ явленіямъ казбекскаго района, въ особенно значительномъ накопленіи ледниковыхъ массъ, которое бываетъ результатомъ того, что количество ежегодно падающей изъ атмосферы влаги, увеличивая массу ледника, превышаетъ количество влаги, вытекающей изъ ледника отъ годовой теплоты. Наростая, такимъ образомъ, въ своемъ объемѣ и ежегодной прибыли, болѣе значительной при влажныхъ, но холодныхъ годахъ и менѣе значительной при сухихъ и теплыхъ и т. п., и достигнувъ наконецъ извѣстнаго предѣла своей массивности и тяжести, леднико-

вая масса уничтожаетъ препятствія, поставляемыя ея движенію по склонамъ, и низвергается своею нижнею частію въ ущелье р. Амилишки, выходящее къ р. Тереву. Предвѣстниками обваловъ служатъ трескъ и гулъ въ нижнихъ оконечностямъ ледниковыхъ залежей; они происходятъ отъ разрывовъ ледниковой массы и раздаются подобно пушечнымъ выстрѣламъ или отрывистымъ громовымъ раскатамъ. Одновременно съ этимъ р. Амилишка, вытекающая изъ нижней оконечности ледника, то исчезая, то появляясь мутными приливами, своимъ тревожнымъ теченіемъ указываетъ также на исполинскія потуги Девдоравскаго ледника. Съ 1855 года, не смотря почти на 30-лѣтній промежутокъ, Девдоравскій ледникъ до настоящаго времени не выдѣлялъ еще ни одного значительнаго обвала. Свѣдущіе старожилы объясняютъ это тѣмъ, что съ одной стороны количество атмосферной влаги, увеличивающей объемъ ледника, въ послѣдніе годы вообще значительно уменьшилось, а съ другой—лѣта стали теплѣе, чѣмъ въ минувшіе годы, такъ что Девдоравскій ледникъ при этихъ условіяхъ скорѣе могъ уменьшаться, чѣмъ увеличиваться. Кромѣ Девдоравскаго, изъ общей массы ледниковыхъ залежей при подошвѣ конуса Казбека выдѣляется до 10 такихъ же ледниковыхъ заливовъ въ верховья ущелій и боковыхъ углубленій общеказбекскаго склона. Наиболѣе значительные и удлиненные изъ ледниковыхъ заливовъ указываются верховьями болѣе значительныхъ потоковъ казбекской системы, образующихъ здѣсь какъ-бы лучеобразно расходящіяся водныя линіи: р. Чхери, Амилишка на восточномъ склонѣ Казбека приводятъ къ ледниковымъ заливамъ—Орцвери и Девдоравскому; верховья р. Мны и Суатиса вытекаютъ изъ-подъ ледныхъ обрывовъ, углубившихся и опустившихся до высоты 8,000—8,500 фут. на южномъ казбекскомъ склонѣ; на сѣверномъ склонѣ ледниковыя удлиненія и углубленія зале-

гають въ потокахъ р. Чачь, которая, повернувъ дальше на востокъ, соединяется съ р. Амилишкой въ одинъ притокъ р. Терека—Кабахи. Представляя въ своемъ протяженіи съ востока на западъ какъ-бы широкой горбъ, увѣнчанный по срединѣ конусомъ, а по краямъ къ склонамъ обставленный зубцами и ребрами скалъ, казбекскій хребетъ тѣмъ самымъ представляетъ благопріятныя условія скопленія ледниковыхъ массъ на широкомъ въ 3—4 версты діаметрѣ горба. Дальнѣйшая западная гряда отъ Казбева, не смотря на значительную высоту, почти не представляетъ обширныхъ ледниковыхъ залежей. Ближайшія къ Казбеку возвышенности: Джимара, Зырху-берзонъ, Тенли, Спверраутъ изрѣзаны узкими глубокими трещинами и въ общей своей группѣ вырисовываются острыми зубцами надъ полуотвѣсной крутизною боковыхъ склоновъ. Здѣсь на 30-ти верстномъ протяженіи гребня виднѣются лишь 3—4 небольшихъ площадки въ 300—400 саж. длины и еще меньшей ширины, но и тѣ, при сильномъ наклонѣ своихъ поверхностей, не ограждены краевыми возвышеніями и не могутъ служить гнѣздами ледниковыхъ залежей. Крутизна и угловатость поверхности этой горной гряды препятствуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже снѣговымъ покровамъ, такъ что гряда эта, особенно съ южной стороны, рисуется пестрою поверхностію съ разбросанными снѣговыми пятнами, какъ-бы безъ опредѣленной границы снѣжнаго района. На 70-й верстѣ своего протяженія сѣверный центральный хребетъ снова представляетъ обширныя гнѣзда въ длинныхъ отрогахъ Адай-хоха (15,244 фут.); они распространяются по наибольшему протяженію на 5—6 верстѣ отъ сѣвера къ югу и имѣютъ около 200—300 саж. ширины отъ востока къ западу. Въ общемъ своемъ видѣ этотъ ледниковый районъ представляетъ какъ-бы двѣ длинныя бугристыя ложбины, начинающіяся въ сѣверныхъ высяхъ Адай-хо-

ха и постепенно понижающіяся, съ его общимъ склономъ, по верхнимъ ущельямъ р. Уруха и Садонъ-дона. Обѣ онѣ обособлены свалистыми отрогами Адай-хоха и, постепенно удаляясь одна отъ другой, по мѣрѣ своего пониженія, образуютъ два ледника: восточный—Цейскій и западный—Саудурскій. Судя по близости къ нижнимъ залеганіямъ этихъ ледниковъ довольно значительныхъ лѣсныхъ зарослей, сѣверные концы ихъ опускаются значительно ниже 7,400—7,500 фут.,—предѣла лѣсной растительности въ этомъ краѣ. Южная центральная гряда не имѣетъ обширныхъ ледниковъ; наибольшіе изъ нихъ, залегающіе въ углубленіяхъ горъ Зильга и Брутсабзели, по своей величинѣ въ 150—200 саж. длины и еще меньшей ширинѣ, равняются приблизительно второстепеннымъ ледникамъ въ расщелинахъ гряды сѣверной.

Высшая полоса осетинскаго района, лишенная всякой растительности и вообще не эксплуатируемая для экономическихъ потребностей,—полоса скалъ, снѣговъ и ледниковъ по протяженію центральныхъ хребтовъ, занимаетъ приблизительно отъ 660 до 700 кв. верстъ. Какъ недоступная или трудно проходима, она обособляетъ центральное углубленіе отъ вѣдшихъ склоновъ центральныхъ хребтовъ—сѣвернаго въ хребтѣ сѣверномъ и южнаго склона въ хребтѣ южномъ. Сѣверный склонъ, взятый въ общемъ составѣ своихъ параллельныхъ хребтовъ,—около 3,000—3,100 кв. верстъ,—кромѣ ущелій продольныхъ центральному хребту, прорѣзывается рядомъ ущелій—по направленію склона или—перпендикулярныхъ къ общей длинѣ хребта. Какъ продольныя ущелья представляютъ промежутки исполинскихъ отваловъ склона, такъ и эти перпендикулярныя ущелья представляютъ глубокія расщелины склона,—узкія въ своихъ верхнихъ протяженіяхъ и болѣе широкія къ его подшвѣ. Гдѣ края расщелинъ значительно обвалились, тамъ

ущелья изменили свою первоначальную форму трещинъ въ массивѣ хребта и ваяются промежутками высотъ, обособленныхъ въ первый періодъ своего происхожденія, а стороны ущелій являются какъ-бы отдѣльными вздутіями поверхности. Но гдѣ наклонъ ущелій менѣе подверглись разрушительнымъ вліяніямъ влаги, тепла и т. п., тамъ они рѣзко и отчетливо заявляютъ о своемъ первоначальномъ происхожденіи, какъ трещины одного массива. Кромѣ ущелья р. Терека, составляющаго восточную границу Осетинскаго округа, сѣверный склонъ прорѣзываютъ пять ущелій: Тагаурское или Гизельское—длиною 35 верстъ, Куртатинское или Фіагдонское—40 верстъ, Алагирское или Ардонское—50 верстъ, Урухское или Дигорское—58 верстъ. Эти ущелья начинаются въ вершинахъ центральнаго хребта; между ними склоны хребта прорѣзываютъ до 15 меньшихъ ущелій, начинающихся съ половины или въ концѣ склона и имѣющихъ отъ 15 до 30 верстъ длины. Пять главныхъ ущелій проходятъ черезъ весь склонъ почти параллельно другъ другу: первая 4 на разстояніи 9—12 верстъ, а послѣднее—Урухское на разстояніи отъ ближайшаго Алагирскаго 32—35 верстъ. Узкія въ своемъ верхнемъ 18—25-ти верстномъ протяженіи, съ діаметромъ 10—40 саж., и расширенныя въ низовьяхъ до діаметра 400—600 саж. и болѣе, эти ущелья представляютъ своими исподьями около 200—210 кв. верстъ болѣе или менѣе ровнаго, удобнаго для заселенія пространства,—приблизительно 0,07 всей поверхности склона. Примѣняясь къ обыденнымъ терминамъ, это пространство можно назвать площадью, за предѣлами которой невозможно колесное сообщеніе.

Общее направленіе сѣверныхъ ущелій въ верхнихъ половинахъ—на сѣверо-сѣверо-востокъ, а въ нижнихъ—на сѣверъ. Для экономической эксплуатаціи, частію земледѣ-

лія, но больше скотоводства, эти ущелья доступны приблизительно до высоты 7,500, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и 8,000 фут. При средней высотѣ исподья этихъ ущелій надъ уровнемъ моря: въ верховьяхъ—7,600 фут., по среднему протяженію—4,000 фут., при устьяхъ—2,000 фут. и средней высотѣ поверхности сѣвернаго склона въ соответственныхъ пунктахъ 12,000, 9,000, 4,500 фут., боковые наклонныя ущелій возвышаются надъ исподьями въ верхнемъ районѣ на 4,400 фут., среднемъ—5,000 фут., нижнемъ—2,400 фут. Поясняя эти цифры болѣе наглядными примѣрами, можно сказать, что обыватель, или вообще наблюдатель высотъ этой мѣстности, переходя по одной параллели изъ ущелья въ ущелье, нигдѣ не встрѣтитъ преграды, которая бы значительно превышала свою громадностью и массивностью приведенные нами примѣры средней относительной высоты. По наклону своихъ боковыхъ поверхностей къ горизонту, ущелья представляютъ двѣ полосы: верхнюю и часть среднюю, съ наклонами въ 70° и болѣе, и нижнюю, гдѣ крутые склоны встрѣчаются небольшими протяженіями и гдѣ средній наклонъ около 35° — 40° . Верхняя полоса крутыхъ, часто совершенно отвѣсныхъ наклонныхъ—это ущелья, прорѣзывающія общій склонъ главнаго центрального хребта. Въ дальнѣйшемъ пониженіи его къ продольной впадинѣ между центральнымъ и 1-мъ параллельнымъ хребтами, крутые склоны перемежаются съ короткою полоскою отлогихъ покатостей, а потомъ снова продолжаютъ въ верхнемъ районѣ 1-го параллельнаго центральному хребта. Въ массивахъ 2-го и 3-го параллельныхъ хребтовъ стороны ущелій представляютъ довольно покатыя поверхности въ 35° , 40° къ горизонту; густыя лѣсныя заросли, покрывающія нижнюю половину общаго склона, ступенчатая его частныя неровности и угловатости, придаютъ его поверхности мягкіе, округлыя контуры.

Въ гидрографическомъ отношеніи всѣ ущелья представляютъ исполинскія ложа потоковъ. Одни изъ нихъ вытекаютъ изъ-подъ снѣговыхъ и ледниковыхъ залежей сѣвернаго центрального хребта, другіе изъ-подъ гранитныхъ и сланцевыхъ толщ параллельныхъ хребтовъ. По выходѣ изъ ущелій на Владикавказскую равнину, всѣ эти притоки соединяются въ два притока р. Терека съ лѣвой стороны: Аръ-донъ и Урухъ. До выхода на Владикавказскую равнину, въ своемъ почти параллельномъ теченіи по склону хребта, рѣчная система послѣдняго, начиная съ востока, представляетъ слѣдующій порядокъ. Самый восточный потокъ, составляющій восточную границу Осетинскаго округа, — Терекъ. Онъ тянется по Осетіи почти на 140 вер. и, по выходѣ изъ центральной расщелины—Трусовскаго ущелья, направляется сначала къ сѣверо-востоку, а потомъ къ сѣверу. Прорѣзывая общій склонъ хребтовъ этимъ направлениемъ на протяженіи 62—65 верстъ, Терекъ принимаетъ здѣсь въ предѣлахъ Осетинскаго округа съ лѣвой стороны до 12 потоковъ съ восточныхъ склоновъ Казбека и потоковъ 8 изъ постепенно понижающихся высотъ общаго сѣвернаго склона. Всѣ эти потоки очень незначительны—длиною отъ 5 до 10 верстъ, но въ періоды дождей и весенняго таянія снѣговъ они представляютъ весьма значительныя препятствія для сообщенія за предѣлами полотна Военно-грузинской дороги. Закончивая собою близъ г. Владикавказа восточную границу Осетинскаго округа по сѣверному склону, Терекъ поворачиваетъ отсюда къ сѣверо-западу въ овайвленную горами даль Владикавказской равнины и прорѣзываетъ ее до Псекешскихъ горъ извилистой 55-ти верстной линіей. Въ своемъ теченіи къ сѣверу отъ Казбека до г. Владикавказа Терекъ какъ-бы намѣчаетъ горную полосу сѣвернаго осетинскаго района; она имѣетъ средній діаметръ—30 вер. и, начинаясь по длинѣ сѣвер-

наго центрального хребта, заканчивается параллелью г. Владикавказа— $43^{\circ}2'$. Поворачивая отъ г. Владикавказа къ сѣверо-западу, Терекъ намѣчаетъ этимъ направлениемъ равнинную полосу сѣвернаго склона; она занимаетъ около 1,100 кв. верстъ и протягивается верстъ на 48—50 отъ востока къ западу и отъ 20 до 25 в. отъ сѣвера къ югу. Окруженная на этомъ протяженіи со всѣхъ сторонъ горами, Осетинская равнина представляетъ продолговатый неправильный четырехугольникъ, раздѣленный на двѣ части, какъ діагональю, извилистымъ Терекомъ отъ юго-востока къ сѣверо-западу. Направление р. Терека указываетъ наибольшій наклонъ равнины къ сѣверо-западу съ средней высоты 2,200 фѳут. при подошвѣ хребта до высоты ея сѣверныхъ предѣловъ—1,500 фѳут. при подошвѣ Псехешскихъ горъ. Къ востоку и сѣверу отъ діагонали р. Терека окраины Владикавказской равнины прорѣзываются правымъ притокомъ его—Камбилеевой. Вытекая изъ 2-й параллельной гряды, р. Камбилеевка, по выходѣ на равнину, сначала проходитъ верстъ 20 на сѣверъ, а потомъ поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ на западъ къ концу діагонали р. Терека. Уголъ изъ двухъ направлений р. Камбилеевки, въ соединеніи съ означенной діагональю р. Терека, образуетъ продолговатый треугольникъ, орошающій сѣверо-восточную часть Владикавказской равнины. Къ западу отъ р. Терека сѣверный осетинскій районъ орошаютъ въ послѣдовательномъ порядкѣ: р. Архонъ (Черная рѣка), вытекающая изъ 2-го параллельнаго хребта въ окрестностяхъ Балты,—около 52 верстъ длины, р. Гизель-донъ—70 в.,—съ Геналь-дономъ, составленнымъ изъ р. Кани-дона, Каври-дона и др. Всѣ они вытекаютъ изъ снѣговъ и ледниковъ Джимара-хоха въ центральномъ хребтѣ. Въ дальнѣйшемъ протяженіи р. Гизель-донъ принимаетъ Кудачинъ-донъ, Махмарамандакъ-донъ и до 6-ти другихъ потоковъ, которые, вытекая изъ 2-й параллельной гряды

Ахсанъ-хоха, соединяются въ одинъ лѣвый притокъ Гизель-дона. Ущелье, по которому протекаетъ р. Гизель-донъ въ своемъ верхнемъ протяженіи по склону хребта, и ущелье, орошаемое системою Геналь-дона, носятъ одно общее названіе—ущелья Тагаурскаго и частныя: Даргавскаго и Санибскаго. На западѣ параллельно съ р. Гизель-дономъ по склону хребта протекають р. Фіягъ-донъ (Лопата-рѣка)—около 80 в., и Аръ-донъ, орошающій ущелье Алагирское. Фіягъ-донъ выходитъ изъ снѣговыхъ залежей въ восточныхъ углубленіяхъ Хилака (Тепли) и, принявъ справа р. Джимара-донъ, Царить-донъ, Ахсау-донъ, Гижи-донъ, слѣва р. Карць-донъ, Хиталь-донъ и др., сливается на равнинѣ съ р. Гизель-дономъ. Всѣ перечисленные потоки, протекая въ ущельяхъ склона параллелями, при выходѣ на равнину постепенно сближаются и образуютъ своими послѣдовательными соединеніями цѣлую систему угловъ, обращенныхъ своими вершинами по направленію частныхъ наклоновъ равнины—къ сѣверу и сѣверо-западу.

Вся эта система послѣдовательнаго составленія потоками угловъ, въ свою очередь, какъ-бы обобщается въ одинъ большой уголъ теченіемъ и сліяніемъ самыхъ значительныхъ рѣкъ сѣвернаго района—Терека и Аръ-дона (Бѣшеной рѣки). Рѣка Аръ-донъ вытекаетъ изъ снѣжныхъ высотъ, окаймляющихъ Нардонскую котловину: Сиверауть, Ліа-хохъ, Тбилиса-хохъ и др., многочисленными притоками, изъ которыхъ главнѣйшіе: Мамисонъ-донъ, Зака-донъ, Ліа-донъ, Наръ-донъ. Всѣ они соединяются въ сѣверномъ отклоненіи центральной расщелины и составляютъ одинъ потокъ Аръ-донъ. Въ дальнѣйшемъ теченіи по склону хребта и равнинѣ около 95 верстъ, р. Аръ-донъ принимаетъ: Цей-донъ, Садонъ-донъ, Тамашки-донъ, Уналь-донъ, Салугаръ-донъ и др. въ горной полосѣ, и Фіягъ-донъ, Гизель-донъ, Архонъ-донъ—на равнинѣ; въ верхнемъ теченіи р. Аръ-донъ ороша-

еть ущелье Алагирское, а въ нижнемъ—среднее протяженіе Осетинской равнины. Направляясь по діаметру равнины отъ юга къ сѣверу, р. Аръ-донъ сливается, за 7—8 верстѣ до ея сѣвернаго предѣла—Псехешскихъ горъ, съ Терекѣмъ и образуетъ этимъ протяженіемъ западную сторону Терекско-Ардонскаго угла, изрѣзаннаго сѣтью правыхъ притоковъ р. Ардона. Вообще же этотъ рѣчной уголь представляетъ собою наиболѣе орошенную часть Осетинской или Владикавказской равнины. Здѣсь почти каждая площадь въ 10—12 кв. верстѣ прорѣзывается двумя, а иногда тремя потоками. Въ періодъ половодья многіе изъ нихъ, выходя изъ береговъ, затопляютъ низменныя мѣста и образуютъ временныя или постоянныя плесы стоячей воды. При подошвѣ Псехешскихъ горъ, задерживающихъ общій стокъ воды по наклону равнины на сѣверъ, подобныя скопленія водъ образуютъ обширныя болота. Западную часть Владикавказско-осетинской равнины орошаютъ: р. Урсъ-донъ (Бѣлая рѣка) съ правыми притоками: Црау-донъ, Крыпсъ-донъ, и р. Дурдуръ съ притокомъ Дархдагъ. Рѣки Урсъ-донъ и Дурдуръ имѣютъ равную длину около 50 верстѣ и вытекаютъ изъ группы высотъ въ 1-й параллельной грядѣ Кіонъ-хоха, Астарты-берзонъ и Сырху-хоха. Соединившись на сѣверной окраинѣ Владикавказско-осетинской равнины, они впадаютъ въ Терекъ на 9—10 верстѣ ниже р. Ардона. Всѣ перечисленные притоки Терека впадаютъ въ него на Владикавказско-осетинской равнинѣ съ лѣвой стороны; съ правой же стороны онъ принимаетъ только два соединенныхъ потока: Карджинъ и Камбилееву въ концѣ равнины; на всемъ остальномъ 45—48 верстномъ протяженіи Терекъ принимаетъ съ правой стороны только 3—4 небольшихъ ручья. Увеличенный многочисленными притоками Терекъ входитъ въ широкія ворота Псехешскихъ горъ—ущелье Татартупское, или Змѣйское бурной полноводной рѣкой, а потомъ, пройдя

8—9 версть въ живописной ваймѣ его лѣсистыхъ бугровъ и скалистыхъ навѣсовъ, онъ выходитъ за предѣлы главнаго осетинскаго района въ открытую даль Кабардинско-моздокскихъ равнинъ. Послѣдній потокъ на западѣ Осетинскаго округа—р. Урухъ; онъ орошаетъ ущелье Дигорское на протяженіи 58—60 версть и совершенно обособленъ отъ рѣвъ равнины невысокимъ водораздѣломъ Дзагебарцъ. Р. Урухъ беретъ начало въ сѣверо-западныхъ отрогахъ Адай-хоха и принимаетъ съ правой стороны Сангуты-донъ, выходящій 3-мя своими притоками, подъ одной параллелью съ Урухомъ, также изъ ледниковъ и склоновъ Адай-хоха; съ лѣвой стороны Урухъ принимаетъ: Харвесь-донъ, Беляги-донъ, Сакхелья-донъ и др. Въ общемъ своемъ теченіи р. Урухъ представляетъ длинную, 110 верстную линію отъ юга въ сѣверу, съ двумя отгибами въ срединѣ протяженія сначала къ западу, а потомъ къ востоку. Полоса лѣвыхъ притоковъ р. Уруха отъ верховьевъ до 60-ой версты его паденія по склону хребта представляетъ западную границу Осетинскаго округа. За этимъ протяженіемъ р. Урухъ выходитъ изъ предѣловъ Осетіи въ сѣверныя предгорія Кабарды, а потомъ на Кабардинскую равнину и, прорѣзавъ ее на 30—32 версты отъ юга къ сѣверу, впадаетъ съ лѣвой стороны въ р. Терекъ.

Южный склонъ Кавказскаго хребта въ гидрографическомъ отношеніи значительно соотвѣтствуетъ склону сѣверному. Какъ здѣсь, такъ и тамъ боковыя ущелья, по которымъ проходятъ потоки склона, прорѣзываютъ его перпендикулярно къ общей длинѣ хребта. Это соотвѣтствіе дополняется еще тѣмъ, что главныя ущелья южнаго склона, прорѣзывая его отъ сѣвера къ югу, совпадаютъ своими меридіанными протяженіями съ главными ущельями склона сѣвернаго. Такъ, на востокѣ склоновъ ущелью р. Терева соотвѣтствуетъ ущелье р. Арагвы, подъ $62^{\circ} 16' - 18'$ вост. долг., Тагаурскому—ущелье Ксанское, подъ $62^{\circ} 6' - 12'$,

Алагирскому или Ардонскому—ущелье Лияхвское, подь 61° 40'—50' в. д. Ущелья Арагвское, Ксанское и Лияхвское прорѣзываютъ южный склонъ отъ вершинъ центральной гряды до самаго паденія въ долину Куры: 1-е на протяженіи 95—98 верстъ, 2-е—65—68 верстъ, 3-е—55—58 верстъ. Всѣ они, въ общемъ своемъ протяженіи, почти параллельны другъ другу. Ущелье Арагвское, подобно ущелью р. Терека, представляетъ восточную границу Осетинскаго округа на южномъ склонѣ приблизительно до параллели гор. Душета; нижнимъ протяженіемъ оно выходитъ за предѣлы осетинскаго района. Ущелье Ксанское проходитъ въ 18—20 верстахъ къ западу отъ Арагвскаго, а ущелье Лияхвское въ 40—45-ти верстахъ къ западу отъ Ксанскаго. Взятая въ своихъ южныхъ концахъ, они представляютъ длины, послѣдовательно укорачивающіяся въ порядкѣ ихъ перечисленія и какъ-бы указывающія на уменьшеніе діаметра южнаго склона. Начиная съ востока, эти ущелья входятъ въ Осетинскій округъ: 1-е двумя третями своего протяженія, а 2-е и 3-е уже большею частью своего протяженія. Въ исподыяхъ этихъ ущелій протекають быстрые потоки, по именамъ которыхъ названы самая ущелья. Восточный потокъ—р. Арагва вытекаетъ бѣловатой лентой изъ сѣверныхъ темнобурыхъ стремнинъ снѣжно-зубчатаго Сырху-хоха, который возвышается къ западу отъ Гудаурскаго перевала массивнымъ фономъ Арагвскаго ущелья. Окаймивъ юго-западные отвѣсы Гудаурскаго мыса, „Бѣлая“, по цвѣту своей воды, Арагва принимаетъ слѣва его сѣверо-восточную кайму—р. Кайшауръ и десятки другихъ потоковъ; пробѣжавши въ одномъ направленіи къ юго-востоку около 40 верстъ, Бѣлая Арагва принимаетъ слѣва Черную Арагву и поворачиваетъ двувѣтнымъ потокомъ на югъ. Около мѣст. Ананура р. Арагва, встрѣтивъ массивное препятствіе въ хребтѣ Ахаз-

бидь, отклоняется на 8 верстѣ къ востоку отъ своего южнаго направленія и отъ Военно-грузинской дороги, а потомъ опять поворачиваетъ на югъ и впадаетъ близъ г. Мцхета въ р. Куру. На своемъ общемъ протяженіи 105—110 верстѣ р. Арагва проходитъ по діаметру Осетинскаго округа около 67—68 верстѣ. Вторая оросительная полоса южнаго склона, по меридіану $62^{\circ}6' - 12'$, къ западу отъ бассейна р. Арагвы, состоитъ въ верхнемъ районѣ, близъ центральныхъ горъ, изъ группы 14—15 озеръ, разбросанныхъ на 14—15 верстѣ по длинѣ меридіана. Въ дальнѣйшемъ пониженіи склона эту оросительную полосу продолжаетъ р. Ксанва; она имѣетъ около 75 верстѣ длины и впадаетъ въ р. Куру. По склону хребта Ксанва пробѣгаетъ около 65 в., въ районѣ осетинскихъ поселеній около 50.

Озера верхней полосы намѣчаемаго района очень невелики; большинство ихъ представляетъ запруды горныхъ потоковъ въ 7—8 кв. десятинъ. Самое большое—озеро Кели, около 2 кв. верстѣ, расположенное на югѣ этой озерной группы, образуется изъ верхнихъ ручьевъ р. Ксанви. Всѣ они разбросаны на широкомъ волнообразномъ бугрѣ или плоскогоріи Кели, которое возвышается въ сѣверо-восточномъ углу южнаго склона на 8,000—9,000 фут. обширную площадь въ 75—80 кв. верстѣ. Распространяясь здѣсь широкимъ массивомъ съ болѣе или менѣе равной поверхностью, плоскогорье Кели представляетъ какъ бы нарушеніе той послѣдовательности, съ которою поверхность склона понижается отъ линіи центрального хребта къ долинѣ р. Куры. Подобную же топографическую особенность представляетъ въ юго-западномъ углу южнаго Осетинскаго округа плоскогоріе Эрцо; оно возвышается на 8,500—9,000 фут. массивнымъ водораздѣломъ р. Квирилы и Джоджоры—притокъ Ріона, и Пацы—притока р. Мяхвы.

Распространяясь сравнительно съ Кели по меньшему

диаметру, плоскогоріе Эрцо тѣмъ не менѣе еще рельефнѣе перваго нарушаетъ послѣдовательность южнаго наклона: оно окружено со всѣхъ сторонъ впадинами рѣчныхъ системъ и возвышается надъ ними отчетливо очерченнымъ выступомъ съ крутыми склонами. Вершина этого выступа—почти горизонтальная поверхность, около 38—40 кв. в., окруженная гребнями горъ, какъ-бы каймой и защитой отъ вѣтровъ; на восточной половинѣ она украшена небольшимъ скопленіемъ водъ изъ горныхъ потоковъ—озеромъ Эрцо, около 1 кв. версты. Между Эрцо и Кели, представляющими какъ-бы топографически-типичныя намѣтки южнаго осетинскаго района на востокъ и западъ, общій наклонъ хребта прорѣзываютъ отъ р. Ксанки на западъ почти параллельные потоки: Рехули, Меджури и Малая Ліяхва, начинающіеся въ среднемъ протяженіи склона, и Большая Ліяхва—въ сѣжныхъ высотахъ южнаго центрального хребта. Рехули и Меджури вытекаютъ изъ южныхъ отроговъ Ліяхвскаго и Ксанскаго водораздѣла—хребта Дзири-си, въ 7,000—8,000 фут. высоты; оба эти потока орошаютъ осетинскій районъ своимъ верхнимъ 18—20-ти верстнымъ протяженіемъ. Малая Ліяхва начинается версть на 20 сѣвернѣе этихъ потоковъ изъ отроговъ хребта Мангавшавъ. Перешедши до параллели, гдѣ вытекаютъ означенные потоки, по направленію склона къ югу около 20 версть, Малая Ліяхва встрѣчаетъ препятствіе къ дальнѣйшему протяженію на югъ въ водораздѣлѣ ея отъ верховьевъ Меджури и поворачиваетъ къ западу; сдѣлавши около 20 версть въ этомъ направленіи, она снова поворачиваетъ къ югу и чрезъ 30—32 версты впадаетъ съ лѣвой стороны въ одноименную ей Большую Ліяхву. Большая Ліяхва въ своихъ верховьяхъ представляетъ двѣ системы потоковъ съ востока и юга, сходящихся на широкой площадѣ Верхне-Ліяхвскаго или Рокьскаго ущелья. Восточные потоки на-

чинаются вѣро-образнымъ расширеніемъ своей общей группы изъ снѣжныхъ высотъ южно-центральной гряды и частию западныхъ гребней плоскогорья Кели. Пробѣжавъ въ общемъ направленіи около 15—16 верстъ на западъ и слившись на послѣднихъ 5 верстахъ въ одинъ потокъ, восточное верховье Большой Ліяхвы соединяется съ верховьемъ южнымъ—съ потоками, выходящими изъ снѣжныхъ и ледниковыхъ залежей Брутсабели, отроговъ Саухоха, Резь-хоха и др. Отсюда Большая Ліяхва, постепенно увеличиваясь небольшими ручьями изъ лѣсистыхъ высей Ліяхвскаго ущелья, сначала пробѣгаетъ къ югу по диаметру снѣжно-вершинной Брутсабели около 16—17 верстъ, а потомъ отклоняется тремя дугообразными изгибами къ западу. Обогнувши здѣсь западные отроги хребтовъ Осеби съ Ціорой, составляющихъ водораздѣлъ между Ліяхвами, Большая Ліяхва снова направляется къ югу и, слившись, по выходѣ изъ горъ, съ Малой Ліяхвой, впадаетъ близъ г. Гори въ р. Куру. Общая длина Большой Ліяхвы отъ сліанія ея верховьевъ въ Ровьскомъ ущельи—около 95 верстъ. Проходя верстъ 65 по осетинскому району до выхода на равнину между горными высотами, Большая Ліяхва, кромѣ многочисленныхъ небольшихъ притоковъ, принимаетъ справа Пацу, вытекающую изъ снѣжныхъ залежей Зикара-хохъ въ центральной грядѣ, и слѣва Цыпра-донъ изъ гребня Мирнаветъ, въ срединѣ склона. Со стороны топографическихъ подробностей, обставляющихъ направленіе водъ Ліяхвскаго бассейна, средняя часть южнаго склона представляетъ, сравнительно съ другими гидрографическими полосами на югѣ и сѣверѣ Осетинскаго округа, большую расчлененность его поверхности продольными и поперечными ущельями. Въ то время, какъ ущелья сѣвернаго склона на своемъ верхнемъ 15—18-ти верстномъ протяженіи почти не расширяются болѣе 45—50 сажень и часто су-

живаются до діаметра своихъ потоковъ, ущелье Большой Ліяхвы въ массивѣ самаго центрального хребта, т. е. въ своихъ верховьяхъ,—просторная наклонная площадка въ 400—600 саж. ширины. Такой же просторъ, т. е. 400—600 саж. ширину, Ліяхвское ущелье имѣетъ не менѣе какъ на трехъ пятыхъ своего общаго протяженія. Въ среднемъ протяженіи по склону ущелье Ліяхвы расширяется до діаметра 4—5 верстъ и представляетъ здѣсь обширную волнистую котловину. Въ самомъ значительномъ своемъ суженіи ущелье Ліяхвы на 50—60 сажень шире наибольшаго суженія ущелий сѣвернаго склона. Сопоставляя площадь наиболѣе доступной поверхности въ Ліяхвскомъ ущельи съ таковою же въ соотвѣтственномъ по меридіану ущельи сѣвернаго склона—Алагирскомъ или Ардонскомъ, величина ея въ первомъ будетъ относиться къ величинѣ ея въ послѣднемъ, по приблизительнымъ цифрамъ той и другой: 66—68 и 35—37 кв. верстъ, какъ 1,8:1. При большой тѣснотѣ сравнительно съ Алагирскимъ ущельемъ Куртатинскаго, пространство исподья въ ущельи Ліяхвскомъ не меньше таковаго въ этихъ двухъ ущельяхъ сѣвернаго склона, взятыхъ вмѣстѣ. Кромѣ ущелья Ліяхвскаго, южный склонъ представляетъ, сравнительно съ сѣвернымъ, большія расчлененія и во всей остальной полосѣ Ліяхвскаго бассейна; первая характеристика этого—рѣзкое разнообразіе въ направленіи его боковыхъ притоковъ: на сѣверѣ они въ большинствѣ случаевъ и—можно даже сказать—исключительно направляются, съ незначительными отклоненіями, по наклону общей поверхности края, здѣсь же боковые притоки—беспорядочная смѣсь всѣхъ направленій измѣняющихся въ каждомъ частномъ бассейнѣ. Эти гидрографическія особенности находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ, что южный склонъ разъединенъ большимъ числомъ ущелий, въ направленіяхъ, весьма разнообразныхъ сравни-

тельно съ таковыми же на сѣверѣ. При этомъ, продолжныя хребту ущелья сѣвернаго склона между параллельными хребтами въ своихъ исподьяхъ представляютъ неровныя, бугроватыя и волнистыя поверхности, между тѣмъ какъ на южномъ склонѣ они являются болѣе ровными узкими и широкими полосами, обособляющими горныя массивы какъ-бы въ отдѣльныя многочисленныя группы съ частными центральными высотами. Средняя высота горныхъ группъ южнаго склона, по верхней, средней и нижней полосамъ=11,000, 7,500—8,000 и 3,500—4,000 фут. При средней высотѣ исподья ущелій въ соответственныхъ полосахъ 7,000, 3,400 и 2,700 фут., боковыя наклонныя ущелій возвышаются надъ исподьями въ верхней полосѣ на 5,000, средней—на 4,300—4,400, нижней—на 1,050—1,100 фут. Соответствуя высотѣ сторонъ въ ущельяхъ сѣверныхъ по полосамъ верхней и средней, ущелья южнаго склона довольно значительно различаются отъ ущелій сѣверныхъ въ своемъ нижнемъ протяженіи: здѣсь боковыя стороны возвышаются надъ уровнемъ ихъ исподья футовъ на 1,000 ниже сторонъ сѣверныхъ. Кромѣ меньшей высоты сторонъ въ нижнемъ протяженіи ущелій, южный склонъ представляетъ, сравнительно съ сѣвернымъ, почти во всемъ Ліяхвскомъ и частію Ксанскомъ бассейнахъ болѣе раздвижныя, болѣе покатыя наклоны боковыхъ поверхностей ущелій. Такъ, въ Ліяхвскомъ ущельи самыя крутыя наклоны къ горизонту его боковыхъ поверхностей не превышаютъ 65° — 70° , и все это не болѣе, какъ на 25—30 верстномъ протяженіи ущелья. На остальныхъ же 35—40 верстахъ Ліяхвскаго ущелья онѣ наклоняются къ горизонту не болѣе какъ на 35° . Не мало также мѣсть, гдѣ боковыя поверхности ущелій едва наклоняются до 10° — 12° и представляютъ какъ-бы постепенные незамѣтные переходы исподья въ боковыя стороны. Густыя лѣсныя за-

росли, покрывающія боковыя поверхности ущелій, еще болѣе смягчаютъ ихъ общіе контуры и какъ-бы удлинняютъ пониженіе этихъ боковыхъ поверхностей къ исподью ущелья. Такіе же мягкіе контуры встрѣчаются въ боковыхъ поверхностяхъ Меджурскаго, Рехульскаго и Нижне-Ксанскаго ущелій. Ущелья же восточнаго и сѣверо-восточнаго района: Арагвское съ Магландолетскимъ (по верхнему правому притоку Б. Арагвы), Верхне-Ксанское, или Джамурское представляютъ рѣзко-очерченныя углубленія. Здѣсь наклоны боковыхъ сторонъ въ большинствѣ случаевъ превышаютъ крутизну 60° — 75° и нерѣдко протягиваются на цѣлыя версты совершенно отвѣсными стремнинами, какъ напр., въ ущельяхъ Магландолетскомъ и Верхне-Джамурскомъ. Вообще же, при большей расчлененности южнаго склона, пространство по исподьямъ его ущелій, какъ наиболѣе доступнымъ мѣстамъ, превышаетъ таковое же въ ущельяхъ сѣвера приблизительно на 140—150 кв. миль. При равенствѣ общаго пространства склоновъ въ предѣлахъ осетинскихъ поселеній, наиболѣе доступная поверхность южнаго склона относится къ таковой на сѣверѣ приблизительно какъ 1,6 : 1. Означенныя выше цифры показываютъ, что южныя ущелья представляютъ большій просторъ, вслѣдствіе того по нимъ проходитъ больше колесныхъ путей, проложенныхъ безъ искусственной обработки грунта. Обобщая намѣченные нами факты приблизительнымъ графическимъ изображеніемъ, общіе рельефы склоновъ можно представить въ поперечномъ разрѣзѣ ихъ отъ сѣвера къ югу, по среднему осетинскому меридіану $61^{\circ}45'$ — $50'$, двумя прямоугольными треугольниками. Основаніями этихъ треугольниковъ будутъ 30-ти верстные діаметры, проведенные отъ нижней поверхности склоновъ до срединъ центральныхъ хребтовъ. Сѣверный діаметръ, начинаясь въ одномъ изъ пунктовъ при подошвѣ горъ, протягивается къ центру хребта на высотѣ

2,100 фут. надъ уровнемъ моря; южный, начинаясь выше подошвы горъ, прорѣзываетъ массивъ своего склона на высотѣ 2,650 фут. Высоты центральныхъ хребтовъ, пересѣкаясь съ діаметрами, вырисовываются надъ ихъ горизонталями: на сѣверѣ катетомъ въ 2,83 версты (12,000 фут.—2,100 фут.), на югѣ катетомъ въ 2,4 версты (11,000—2,650 фут.). Принявъ обѣ эти высоты за тригонометрическія величины—тангенсы угловъ, образуемыхъ пересѣченіемъ діаметровъ-основаній съ склонами—гипотенузами, мы получаемъ здѣсь въ величинѣ угла, соответствующаго большему тангенсу, $4,245^\circ$ —приблизительную характеристическую крутизну, или паденія сѣвернаго склона, а въ величинѣ меньшаго угла— $3,6^\circ$, характеристическую паденія склона южнаго. Большая высота сѣвернаго центральнаго хребта, приблизительно на 1,000 фут., даетъ, такимъ образомъ, для сѣвернаго склона большую крутизну паденія на $0,645^\circ$, при равныхъ діаметрахъ склоновъ. Четырехъ-градусный наклонъ поверхности къ горизонту, едва замѣтный на небольшомъ пространствѣ, въ описываемой мѣстности представляетъ исполинское приподнятіе земной коры. На общемъ фонѣ этого приподнятія вырисовываются отдѣльные выступы поверхности—горныя вершины и отдѣльныя пониженія ея—ущелья. Хотя всѣ частныя нарушенія прямолинейности склона весьма разнообразны, тѣмъ не менѣе они могутъ быть приблизительно обобщены въ три отдѣльныхъ рельефа, какъ-бы въ три послѣдовательныхъ уступа. На южномъ склонѣ, гдѣ горныя группы не всегда параллельны по своему протяженію хребту центральному, уступо-образное строеніе его мало замѣтно; но на сѣверномъ склонѣ оно отчетливо вырисовывается рядами центральнаго хребта и трехъ постепенно понижающихся параллельныхъ хребтовъ. Приблизительнымъ указаніемъ на уступы въ общемъ пониженіи склоновъ можно принять соот-

вѣтственныхъ этому строенію особенности въ теченіи потоковъ, орошающихъ склоны. Такъ, быстрота этого теченія почти одинакова въ тѣхъ ихъ протяженіяхъ, которыя орошаютъ соотвѣтственныя полосы склоновъ; все же теченіе въ своей общей картинѣ представляетъ рядъ послѣдовательныхъ измѣненій большей быстроты въ меньшую: на сѣверномъ склонѣ—приблизительно 5 послѣдовательно измѣняющихся теченій, 3 быстрыхъ и 2 болѣе медленныхъ; а на южномъ—4, съ двумя теченіями большей быстроты и съ двумя меньшей, также взаимно чередующимися. Это послѣдовательное разнообразіе въ быстротѣ теченія представляетъ одну изъ наиболѣе выдающихся и наиболѣе сохраняемыхъ памятью картинъ этого края. По впечатлѣнію, производимому на чувства, теченія съ болѣею быстрою, перемежаемыя теченіями меньшей быстроты, представляютъ какъ-бы три вида: бурно-стремительное, быстрое и умѣренно-быстрое. Первое встрѣчается во всѣхъ потокахъ сѣвернаго склона въ ихъ верхнемъ 16—18 верстномъ протяженіи, частью въ потокахъ, орошающихъ сѣверо-восточный уголъ южнаго склона,—Ксангѣ, Арагвѣ и др. Стремительное теченіе этихъ рѣкъ обуславливается паденіемъ соотвѣтственныхъ поверхностей не менѣе 150 фут. на 1 версту; нѣкоторыя же изъ этихъ рѣкъ, какъ Терекъ, Аръ-донъ, Фіагъ-донъ, Ксанка, стремятся во многихъ мѣстахъ по наклонамъ, падающимъ по 300, 400 фут. на 1 версту. Частныя повторенія стремительной быстроты верховьевъ на дальнѣйшемъ протяженіи встрѣчаются преимущественно въ Терекѣ и рѣке—въ Фіагъ-донѣ. Оба эти повторенія приходятся на одной полосѣ склона: въ Терекѣ по Дарьяльскому ущелью, въ полосѣ его гранитныхъ обнаженій, представляющихъ какъ-бы исполинскій порогъ въ общемъ наклонѣ поверхности; въ Фіагъ-донѣ—по ущелью Дзивгисскому, между отрогами Кріу-хоха и Тбау-хоха въ 1-й параллель-

ной грядѣ. Здѣсь, какъ и въ ущельи Дарьяльскомъ, исполинская гранитная масса нарушаетъ своимъ поперечнымъ залеганіемъ болѣе равномерное паденіе склона и образуетъ полосу съ болѣе крутымъ наклономъ поверхности. Среднее теченіе потоковъ въ намѣчаемыхъ нами мѣстахъ имѣетъ быстроту 250—350 саж. въ минуту. Сопоставляя эту быстроту съ теченіемъ, напр., р. Куры близъ Тифлиса—около 80—90 саж. въ минуту, р. Терекъ близъ г. Владикавказа—около 100 саж., съ теченіемъ р. Кумы въ Новогригорьевскомъ уѣздѣ—около 25—30 саж. въ минуту, мы получаемъ въ отношеніяхъ: 3,4: 1; 3: 1; 10: 1,—какъ-бы приблизительную характеристику теченія потоковъ въ верхней полосѣ сѣвернаго и части южнаго склоновъ сравнительно съ наиболѣе извѣстными примѣрами—условными единицами этого теченія. Превращаясь весьма нерѣдко въ пороги-водопады, обставленные громадами горныхъ каменныхъ обваловъ, выступами ущелій и т. п., горные потоки этой полосы поражаютъ и слухъ и зрѣніе своими ударами въ массивныя препятствія, сопровождаемыми оглушительнымъ шумомъ и бѣшено-бурливымъ влокотаніемъ пѣнящихся волнъ. Здѣсь даже небольшіе потоки въ $1\frac{1}{2}$ —2 саж. ширины весьма нерѣдко составляютъ затруднительныя препятствія для сообщенія; сдвигая камни, иногда въ 2—3 пуда вѣсомъ, они сбиваютъ съ ногъ даже привычныхъ къ горной природѣ крупныхъ животныхъ; а, при ширинѣ въ 3—4 саж., эти потоки представляютъ для сообщенія препятствія настолько значительныя, что побѣдить ихъ можно только при искусственныхъ приспособленіяхъ. Масса воды, даже при незначительной глубинѣ въ 2—3 фута, здѣсь обладаетъ такою силою, что въ состояніи сбить съ ногъ и превратить въ безформенную массу самое крѣпкое и сильное животное.

Вторая картина быстрого теченія, болѣе благопріятнаго для бытовыхъ условій, встрѣчается въ нѣкоторыхъ

потокахъ Нардонской котловины, въ потокахъ, прорѣзывающихъ массивы втораго параллельнаго хребта на сѣверномъ склонѣ, въ потокахъ южнаго склона—въ Ліяхвахъ, Рехули, Меджури и Ксангѣ—въ ея второй, нижней половинѣ горнаго протяженія. Они пробѣгаютъ по склонамъ съ среднею высотой паденія 80—85 фут. на 1 вер., паденія, образующаго приблизительно уголъ въ своему горизонту въ 1° , и имѣютъ быстроту 150—180 саж. въ минуту. Хотя эта быстрота также весьма значительна, но теченіе рѣкъ въ обозначенныхъ протяженіяхъ, сравнительно съ теченіемъ ихъ въ верхней полостѣ склоновъ, кажется, въ общемъ знакомствѣ съ природою этого края, умѣреннымъ и спокойнымъ. Это различіе прежде всего отражается на удобствахъ сообщенія въ ущельяхъ. По Верхне-Куртатинскому, Верхне-Алагирскому или Касарскому ущельямъ Фіагъ-донъ и Аръ-донъ, низвергаясь съ бѣшеною стремительностію ежеминутныхъ каскадовъ и водопадовъ, на протяженіи 18—20 верствъ представляютъ безусловныя преграды для переходовъ съ одной стороны ущелья на другую; искусственныя приспособленія, мосты здѣсь представляютъ крайнюю необходимость даже для привычныхъ и невзыскательныхъ на удобства путей сообщенія туземцевъ. Въ то же время потоки центральныхъ углубленій и южнаго склона—Ліяхвы переходимы, хотя и съ затрудненіями, по всему протяженію близъ горныхъ дорогъ; Большая Ліяхва имѣетъ, напр., нѣсколько такихъ переходовъ въ бродъ даже въ своемъ верхнемъ, наиболѣе быстромъ теченіи.

Третій видъ—умѣренно-быстрое теченіе встрѣчается по нижней полостѣ склоновъ, гдѣ ихъ поверхность образуетъ послѣдніе уступы надъ предгорными равнинами и падаетъ по 40—60 фут. на 1 версту. Здѣсь быстрота теченія—около 110—140 саж. въ 1 минуту—постепенно умалывается съ выходомъ рѣкъ за склоны хребта. Впрочемъ,

при большей величинѣ потоковъ, сходящихся здѣсь въ значительныя рѣки, водныя теченія этой полосы, особенно во время половодья, кажутся почти такими же быстрыми, какъ и въ болѣе высокой полосѣ склоновъ. Каждая изъ полосъ съ означенными быстротами перемежается и обособляется отъ другой такими полосами, гдѣ потоки, пробѣгая по болѣе отлогимъ паденіямъ склоновъ, имѣютъ быстроту 80—100 саж. въ минуту. Частные случаи умѣренно-быстраго теченія, какъ гидрографическое разнообразіе верхне-горной полосы, встрѣчаются въ теченіи р. Терека по Трусовскому ущелью и теченіи р. Завка-Наръ-дона въ Нардонской котловинѣ. Въ одномъ изъ наиболѣе значительныхъ расширеній Трусовскаго ущелья р. Терекъ, протягиваясь широкой слабо-волнующейся лентой на 4—5 верстъ, кажется до того спокойнымъ потокомъ, что воображеніе наблюдателя невольно рисуетъ для него обстановку мягкихъ очертаній предравнинной поверхности, вмѣсто дѣйствительной обстановки высокихъ скалистыхъ стремнинъ и снѣжныхъ заоблачныхъ гребней.

Всѣ означенные виды водныхъ теченій, какъ характеристика частныхъ рельефовъ въ поверхности горнаго осетинскаго края, видоизмѣняются, въ приведенномъ выше графическомъ изображеніи его разрѣза двумя треугольниками, прямыя линіи боковыхъ наклоновъ въ ломаныя линіи частныхъ повышеній и пониженій поверхности. Три полосы быстрыхъ теченій на сѣверномъ склонѣ, послѣдовательно перемежаемыя двумя полосами теченій съ меньшею быстротою, въ графическомъ изображеніи своихъ поверхностей представляютъ три болѣе значительныхъ наклона, послѣдовательно перемежаемыхъ меньшими наклонами, или три уступа. По такому же графическому изображенію двѣ полосы болѣе быстрыхъ теченій на южномъ склонѣ, перемежаемыя полоскою теченія менѣе быстрого, представляютъ

два уступа. На сѣверномъ склонѣ эти уступы составляются массивами горныхъ хребтовъ: 1-й уступъ—массивомъ центрального хребта, 2-й—массивомъ 1-й параллельной гряды, 3-й—дальнѣйшей нижней полосы общаго склона. На южномъ склонѣ 1-й уступъ составляется также наилономъ центрального хребта, 2-й—нижней полосой склона. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ отклоненіе обѣихъ Ліяхвъ, послѣ верхняго южнаго направленія къ западу, служить какъ-бы приблизительнымъ указаніемъ раздѣльной полосы между уступами, и она образуетъ какъ-бы карнизъ при подошвѣ южнаго центрального хребта.

Горныя породы, минеральные источники, почва.

На сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта уголь, образуемый наклономъ поверхности къ своему горизонтальному діаметру, указывая на большее приподнятіе здѣсь земной коры, сравнительно съ южнымъ склономъ, въ общей картинѣ описываемаго района выражается особенно рѣзкими и глубокими обнаженіями ея подпочвенной, внутренней среды. Съ этой стороны всѣ сѣверныя ущелья представляютъ своими боковыми наклонами къ исподьямъ исполинскія толщи геологическихъ напластованій; при узкомъ діаметрѣ исподій, особенно въ верхнемъ протяженіи ущелій, эти толщи составляютъ здѣсь громадкія, исполинскія стѣны въ сотни сажень высоты. Наибольшую рѣзкость въ геологическомъ отношеніи и крутизною своихъ боковыхъ поверхностей въ сѣти главныхъ сѣверныхъ ущелій отличаются верхнія протяженія ущелій Алагирскаго или Касарскаго, ущелья Фіагдонскаго, Дигорскаго и нѣкоторыя полосы ущелья Теревскаго. Второстепенныя же ущелья верхней полосы склона представляютъ вездѣ узкія исполинскія трещины съ отвѣсными сторонами. На южномъ склонѣ рѣзкія обнаженія пластообразныхъ толщій встрѣ-

чаются по преимуществу въ сѣверо-восточномъ углу этого района. Ущелья Ляхвъ и ущелья второстепенныя соответственнаго района отличаются, напротивъ, рѣдкими случаями отвѣсныхъ и вообще крутыхъ возвышеній своихъ боковыхъ сторонъ, рѣдкими видами геологическихъ обнаженій.

По свойствамъ горныхъ породъ, которыя являются наиболѣе распространенными и наиболѣе замѣтными для наблюдений, а въ картинахъ поверхности края составляютъ или боковыя толщи ущелій, или его верхнія нагроможденія и наружныя пласты, все пространство Осетинскаго округа можно раздѣлить приблизительно на 4 полосы: полосу глины и чернозема, полосу, гдѣ чаще встрѣчаются породы свѣтло-известковыя, полосу породъ гранитныхъ и другихъ плотно-песчаныхъ и полосу породъ глинисто-сланцевыхъ. Полоса наибольшей распространенности глины занимаетъ все пространство равнинъ какъ при сѣверной, такъ и южной подошвахъ хребта. Она мало распространяется въ высоту горъ, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ на южномъ склонѣ хребта. Въ нижней полосѣ склоновъ на равнинныхъ пространствахъ округа глина встрѣчается довольно значительными залежами на поверхности пространства, какъ верхній почвенный покровъ; но, съ постепеннымъ переходомъ равнинныхъ пространствъ въ предгорья и склоны хребта, она ступевывается другими горными породами и обнажается лишь въ отвѣсахъ ущелій сѣроватыми слоями. На сѣверѣ склона наиболѣе открытыя залежи глины распространены на Владикавказско-осетинской равнинѣ по теченію рр. Терека, Аръ-дона, Фіягъ-дона и др. потоковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой равнины встрѣчаются и довольно значительныя пласты цвѣтной глины. Она залегаетъ преимущественно въ треугольникѣ, образуемомъ теченіемъ р. Терекъ и его праваго притока—р. Камбилеевки. Городъ Владикавказъ и множество зда-

ній въ другихъ поселеніяхъ Владикавказской равнины построены изъ кирпича мѣстной глины, добываемой въ ближайшихъ окрестностяхъ. На южномъ склонѣ хребта залежи глины распространены въ устьяхъ ущелій Ліяхвскаго, Ксанскаго и въ окрестностяхъ г. Душета. Цвѣтная глина залегаетъ въ небольшомъ количествѣ въ ущельяхъ рр. Ліяхвы и Ксанки; изъ нея выдѣлываются небольшіе кувшины оригинальныхъ формъ, которые изрѣдка встрѣчаются и въ Тифлисѣ.

Съ переходомъ предгорнаго пространства равнинъ въ боковые склоны хребтовъ и вообще съ первымъ возвышеніемъ предгорій, начинаютъ появляться бѣлыя и сѣровато-бѣлыя залежи известковыхъ породъ. На лѣвомъ берегу р. Террека, предъ его выходомъ на Владикавказскую равнину, эти известковыя породы возвышаются однообразными изсѣра-бѣловатыми навѣсами на зеленомъ фонѣ лѣсныхъ зарослей, нависшихъ надъ полотномъ Военно-грузинской дороги. Устилая его мелкимъ щебнемъ и разрушаясь отъ механическихъ и атмосферныхъ вліяній, онѣ образуютъ здѣсь, при вѣтряной сухой погодѣ, густыя облака тяжелой бѣловатой пыли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣвернаго и южнаго склоновъ смѣшанныя сѣровато-бѣлыя глинисто и песчано-известковыя залежи перемежаются съ болѣе чистыми известковыми породами. Таковы, напр., залежи въ склонахъ 2-го и 1-го параллельныхъ хребтовъ, прорѣзываемыхъ среднимъ теченіемъ р. Аръ-дона въ Алагирскомъ ущельи. Появляясь въ началѣ ущелья небольшими бѣловатыми просвѣтами сквозь зеленыя заросли, известковыя залежи въ дальнѣйшемъ подъемѣ рѣзко и широко выступаютъ на склонахъ ущелья, эффектно обѣляя бугроватую поверхность склоновъ. Началомъ этой оригинальной по окраскѣ полосы Алагирскаго ущелья служитъ лѣвый притокъ Аръ-дона—р. Тамиска. Въ то время, какъ русло перваго стелется по исподью ущелья

широкой шероховато-сѣрой полосой, ложе р. Тамишки врѣзывается въ однообразный фонъ окружающей мѣстности рѣзко-очерченной бѣлою лентой; все оно состоитъ изъ бѣлыхъ известковыхъ кругляковъ, представляющихъ въ общей картинѣ какъ-бы искусственную мозаичную настилку, заключенную въ темную раму береговъ. Эта красивая, хотя и незначительная по величинѣ, картина еще болѣе выигрываетъ отъ чистоты и серебристой прозрачности воды р. Тамишки. Въ то время какъ волны бурнаго Аръ-дона темнѣютъ грязно-сѣрой, шероховатой лентой, воды р. Тамишки, какъ намъ случилось наблюдать, бѣлѣютъ своею чистотою и прозрачностью даже въ дождливую погоду; послѣднее обстоятельство, очевидно, указываетъ на отсутствіе въ той полосѣ, по которой она проходитъ, такихъ горныхъ породъ, которыя способны были бы мутить ее своими растворами. Но самая обширная полоса известковыхъ залежей находится выше р. Тамишки на 7—8 верстѣ. Окруженная со всѣхъ сторонъ величественнымъ амфитеатромъ бурыхъ и свѣтло-сѣрыхъ скалистыхъ высотъ, она врѣзывается здѣсь въ ихъ гранитные и желѣзисто-песчаниковые массивы широкою бѣло-пятнистою поверхностью. Картиннымъ, наиболѣе замѣтнымъ центромъ этого пестраго, волнистаго района вырисовывается 70—80-ти саженный известковый конусъ; отсюда известковыя залежи продолжаютъ бѣлыми просвѣтами вправо и влѣво по направленію рѣчнаго ложа и въ даль постепенно возвышающагося ущелья. Восточнымъ продолженіемъ известковыхъ залежей на этой полосѣ, болѣе замѣтныхъ для наблюденія, приблизительно можно намѣтить сначала среднюю полосу Куртатинскаго ущелья, совпадающую съ среднею полосою въ общемъ пространствѣ сѣвернаго склона хребта, потомъ склоны ущелья Кобанскаго и, наконецъ, ущелья параллельныхъ хребтовъ, обрывающихся у Реданта, Балты и Ларса. Въ отвѣсахъ и склонахъ Кур-

тагинскаго ущелья бѣловато-известковые пласты, начинаясь небольшими пятнами на восточномъ склонѣ Криу-хоха и высотахъ праваго берега Аръ-дона, затушевываются, по дальнѣйшему пониженію ущелья, гранитными массивами, образующими пороги р. Фіагъ-дона; здѣсь они изрѣдка окаймляютъ толстыми плотными обрывами ленту дороги, или просвѣчиваютъ вдали сѣвозъ кустарниковыя и лѣсныя заросли на склонахъ ущелья. Закрытыя также густою древесною растительностію въ группѣ хребтовъ къ западу отъ Реданта и Балты, въ продольныхъ и поперечныхъ длинѣ ихъ углубленіяхъ, известковыя залежи обнаруживаются здѣсь небольшими осыпями надъ руслами потоковъ или на травянистыхъ откосахъ, обнаженныхъ въ своемъ верхнемъ покровѣ дождевыми потоками.

На южномъ склонѣ глинисто-известковыя залеганія, начиная появляться при выходѣ изъ ущелій Ліяхвы, Ксаньи и Арагвы, встрѣчаются хотя и рѣже, сравнительно съ такими же случаями на склонѣ сѣверномъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ ущельи Б. Ліяхвы, они восходятъ вверхъ по длинѣ ущелій почти къ подошвѣ гребней, замыкающихъ верховья ущелій. Вообще же болѣе чистые, бѣлыя известковые пласты на сѣверномъ склонѣ замѣчаются по среднему горному теченію Аръ-дона—въ Алагирскомъ ущельи, въ остальныхъ же случаяхъ пласты, содержащіе известъ, имѣютъ болѣе или менѣе отемняющія примѣси другихъ минеральныхъ породъ. Въ дальнѣйшемъ повышеніи сѣвернаго склона горныя породы, въ наибольшихъ случаяхъ обнаженія того или другаго вида, приблизительно соотвѣтствуютъ послѣдовательности ихъ въ ущельи Военно-грузинской дороги; здѣсь же свѣтлыя известковыя залежи постепенно замѣняются болѣе темными обнаженіями породъ глинисто-сланцевыхъ, песчаниковыхъ и гранитныхъ. Послѣднія обыкновенно залегаютъ плотными, могучими сло-

ями, съ узкими поперечными и продольными промежутками, придающими ихъ массивамъ очертанія призматически-слоистыхъ толщѣй. Наибольшее распространеніе гранита и соотвѣтствующихъ ему породъ плотнаго, песокушимаго песчаника замѣчается по средней полосѣ сѣвернаго склона. Обѣ эти горныя породы, встрѣчаясь въ другихъ мѣстахъ въ легко разрушающейся средѣ, по ущельямъ намѣченной полосы представляютъ на значительномъ протяженіи или беспорядочныя исполинскія нагроможденія, или гладкія массивныя толщи, какъ-бы фундаментъ боковыхъ наклонныхъ ущелій. Они перемежаются здѣсь во многихъ мѣстахъ почти съ одинаковымъ съ ними по своей несокрушимости, хотя и болѣе правильнымъ въ своемъ построеніи, базальтомъ. Гранитныя породы въ сѣверныхъ ущельяхъ отличаются нерѣдко своимъ весьма красивымъ рисункомъ и разнообразіемъ: въ однихъ мѣстахъ скалы и горныя отвѣсы имѣютъ цвѣтъ зеленоватый, желтоватый и т. п.; въ другихъ — гранитныя толщи, сѣрыя снаружи, въ изломахъ представляютъ рисунки, придающіе гранитной поверхности цвѣтовые оттѣнки мрамора. На сколько глинисто-известковыя породы представляютъ собою среду, легко поддающуюся разрыхленію, вывѣтриванію, какъ это можно видѣть даже по Военно-грузинской дорогѣ, на столько же породы гранитныя, песчаниковыя, какъ извѣстно, способны сопротивляться вліянію сырости и солнца. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они представляютъ туго-поддающуюся среду для водворенія въ нихъ корней растений. Сильное дѣйствіе влаги не столько разрыхляетъ эти породы, сколько какъ-бы обтачиваетъ ихъ верхній покровъ. Во многихъ мѣстахъ Дарьяльскаго, Куртатинскаго и Алагирскаго ущелій извивающаяся здѣсь дорога окаймлена природными стѣнами изъ массивныхъ и длинныхъ отвѣсовъ этой породы. Отрываясь и низвергаясь въ исподья ущелій, гранитныя глыбы упорно борются съ

стихіями, не превращаясь въ пыль, подобно глинисто-известковымъ породамъ, и пестрятъ ущелья своими крупными и мелкими обломками. Отъ свойства этихъ породъ—скорѣе обтачиваться, чѣмъ разрыхляться при вліяніи влаги, по всей вѣроятности, зависятъ и тѣ оригинальныя формы, которыя иногда принимаютъ гранитныя глыбы, подверженныя усиленному дѣйствию влаги. Здѣсь можно встрѣтить, напр., громадныя окаменѣлыя дупла, вазы и полувазы, естественныя желоба въ выступахъ скалъ и т. п.

Меньшія залеганія гранитно-песчаныхъ породъ на южномъ склонѣ, по всей вѣроятности, по крайней мѣрѣ, отчасти обуславливаютъ большую мягкость въ очертаніяхъ южнаго склона, въ которомъ, судя по бѣловатому цвѣту его обнаженій, преобладаютъ известковыя залеганія съ примѣсью глинистыхъ и песчаныхъ.

Наибольшія залеганія известковыхъ породъ на южномъ склонѣ замѣтны по среднему протяженію Ксанскаго ущелья въ отрогахъ хребтовъ, составляющихъ это ущелье параллельнымъ р. Ксангѣ протяженіемъ отъ сѣвера къ югу. Преобладаніе известковыхъ породъ въ нижней полосѣ склоновъ обнаруживается отчасти существованіемъ въ Алагирскомъ и Терекскомъ ущельяхъ на сѣверномъ склонѣ и въ Ксанскомъ на южномъ известковыхъ ломовъ, дающихъ, впрочемъ, не вполне хорошую известъ, а отчасти бѣловатымъ отсвѣтомъ каменнаго строительнаго матеріала, наиболѣе распространеннаго въ этихъ мѣстахъ. Въ Ксанскомъ ущельи встрѣчается также довольно значительными залежами цѣнный представитель известковой породы—мраморъ разныхъ цвѣтовъ.

На высотѣ 6—7 тысячъ футовъ граниты, песчаники и базальты мало-по-малу какъ-бы затушевываются болѣе обширными тонко-слоистыми темными обнаженіями глинистаго сланца и преимущественно глинистаго шифера. Бла-

годаря своей способности дѣлиться на тонкія плитообразныя глыбы и распространяться съ своихъ гнѣздъ на далекія разстоянія, глинистый сланецъ является какъ-бы господствующей породой въ верхней полосѣ склоновъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ изгибахъ Мамисонскаго и Закеско-Нарскаго ущелій глинистый сланецъ чередуется съ исполинскими обломками гранита, трахита и другихъ плотно-слоистыхъ горныхъ породъ. Но въ большей части Нардонской котловины и другихъ ущелій центральной расщелины и въ особенности по сѣвернымъ склонамъ центральныхъ хребтовъ глинистый сланецъ образуетъ почти непрерывную вайму проложенныхъ здѣсь дорогъ или въ видѣ широкихъ и длинныхъ темныхъ полосъ на нагорныхъ высотахъ, или въ видѣ громоздкихъ плитовыхъ осыпей,—точно разрушенной исполинской кладки. На вершинахъ же высокихъ горныхъ переваловъ, гдѣ есть и залежи снѣга, глинистый сланецъ представляетъ плотную, но расчлененную настилку, утрамбованную тяжестью снѣговыхъ наваловъ. Въ дождливую погоду эта расчлененная настилка, особенно на покатосяхъ, представляетъ неодолимое препятствіе для сообщеній; притомъ, спалзывая постепенно съ горъ, она засариваетъ и загромождаетъ плитами и мелкими обломками пастбищныя и пахатныя склоны ущелій.

На южномъ склонѣ глинистый сланецъ распространенъ болѣе по ущелью и вообще въ бассейнѣ р. Арагвы, въ бассейнѣ же р. Ляхвы онъ встрѣчается очень рѣдко сравнительно съ сѣвальною полосою. Здѣсь рѣдкія болѣе или менѣе значительныя обнаженія состоятъ чаще изъ свѣтлыхъ известковыхъ породъ; на нѣкоторыхъ высотахъ, дающихъ начало притокамъ р. Ляхвы, онѣ образуютъ иногда толстый сыпучій покровъ, въ сухую и вѣтряную погоду подымающійся густою тяжелою пылью. Соединеніе въ одномъ какомъ-нибудь бассейнѣ различныхъ по окраскѣ горныхъ по-

родъ иногда отражается на цвѣтѣ водъ этого бассейна. На югѣ такой примѣръ представляютъ рѣки Черная и Бѣлая Арагвы, названныя такъ по цвѣту своихъ водъ. Первая вытекаетъ изъ обширныхъ залежей темнаго шифера, окрашивающаго ее своими растворами въ темный цвѣтъ, а вторая, вытекая изъ менѣе растворимой среды дикаго желѣзистаго песчаника и свѣтлыхъ глинисто-песчаныхъ породъ, даже въ періоды крайней мутности своихъ водъ сохраняетъ свой свѣтлый оттѣнокъ.

На сѣверномъ склонѣ болѣе замѣтные случаи таковой разноцвѣтности представляютъ: р. Фіагъ-донъ и его притокъ Джамара-донъ въ вершинѣ Куртатинскаго ущелья и рѣки Тамишка и Аръ-донъ въ ущельи Алагирскомъ. Фіагъ-донъ, вытекая изъ-подъ снѣговыхъ залежей конуса Тепли (или Хилака), проходитъ около $1\frac{1}{2}$ версты по сѣрой глинисто-шиферной осыпи. Въ стремительномъ паденіи по $75-80^{\circ}$ -ной крутизнѣ, Фіагъ-донъ насыщается ея сѣроватымъ растворомъ и, въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи по исподю ущелья, походитъ даже въ ясную погоду своимъ грязно-сѣрымъ цвѣтомъ на полосу пыльной дороги. Черезъ 14—15 верстъ изъ узкой трещины отроговъ снѣжнаго Сырху-берзона (Красной вершины, 13,614 ф.) къ нему подходитъ справа мутно-чернильная лента другаго потока. Не смотря на бурное теченіе, оба эти потока, соединившись въ одномъ руслѣ, не смѣшиваются, однако, сейчасъ же своихъ водъ и саженой 300 текутъ рѣзко-очерченной двуцвѣтной полосой. Темныя пятна на склонахъ ущелья праваго потока и на скалистой каймѣ снѣговыхъ залежей Сырху-берзона указываютъ причину черноватаго цвѣта потока отъ растворовъ темнаго шифернаго сланца. Изъ этихъ примѣровъ, скажемъ къ слову, можно видѣть, что горные потоки не всегда играютъ на солнцѣ „зеркальной“ чистотой. Эта чистота, впрочемъ, является тогда, когда паденіе и

стремительность рѣки умалается, какъ, напр., въ данномъ случаѣ съ 200 фут. на 70—80 фут. Растворы и муть въ горныхъ рѣчкахъ осѣдаютъ на дно быстрѣе, чѣмъ въ рѣчкахъ равнинъ, такъ какъ въ первыхъ они состоятъ изъ крупнозернистыхъ тяжелыхъ минеральныхъ частицъ, а во вторыхъ изъ мелкозернистыхъ и болѣе легкихъ. Описываемый, напр., нами Фіягъ-донъ, въ своихъ верховьяхъ стремится мутною темно-сѣрою лентою, шероховатую отъ пороговъ и бурленія, а чрезъ 20—25 верстъ онъ льется уже свѣтлымъ, прозрачнымъ потокомъ.

Кромѣ перечисленныхъ нами горныхъ породъ, чаще другихъ встрѣчающихся въ верхней и нижней высотахъ хребта, попадаетъ тамъ или отдѣльными слоями, или цѣлыми массами дивнй желѣзистый камень, пестрящій всѣ высоты хребта бурными пятнами и полосами. Въ восточной части центрального хребта онъ образуетъ обширныя залежи въ исполинской массѣ Сирху-хоха; въ верховьяхъ рр. Фіягъ-дона, Наръ-дона и Терека онъ иногда разнообразитъ своимъ бурнымъ цвѣтомъ нагроможденія и осипи глинистаго сланца. Особеннымъ разнообразіемъ по окраскѣ горныхъ породъ выдается среднее протяженіе Алагирскаго ущелья. Расширенное здѣсь до діаметра 500—600 саж. въ котловину (близъ сел. Унала и Ксурты), оно представляетъ весьма эффектное сочетаніе обширныхъ залежей породъ известковыхъ, дико-желѣзистыхъ и чернаго порфіра. На востокѣ ущелья бѣлѣютъ, точно снѣговныя пятна, обширныя залежи извести; на сѣверо-западѣ громоздятся сѣроватые и бурые навѣсы диваго желѣзняка и гранита, а на югѣ мрачно высятся черныя слоистыя обнаженія порфіра. Отдѣленный отъ известковыхъ залежей 60—80 саженой шириной русла Аръ-дона, онъ кажется здѣсь, по своему мрачному контрасту съ бѣлыми известковыми залежами противоположнаго берега, искусственнымъ нагроможденіемъ, — дѣломъ

какого-нибудь сказочнаго богатыря, героя космогонической поэзіи. Свѣтлое полотно дороги, подхoдя подѣ скалистые навѣсы порфира, переходитъ какъ-бы въ расчищенную обугленную поверхность деревяннаго помоста; а отсутствіе осыпей и пыли на черномъ полотнѣ дороги указываетъ, что, не смотря на мелкую слоистость, эта горная порода отличается достаточною прочностію и мало поддается атмосфернымъ вліяніямъ. Впрочемъ, этотъ уголокъ по среднему теченію р. Аръ-дона и его притокамъ—Садонъ-дону, Джемидону, близъ сел. Садона и Холста, отличается вообще особымъ разнообразіемъ своихъ горныхъ породъ: здѣсь, въ ущельяхъ этихъ притоковъ, есть мѣсторожденія серебро-свинцовой руды, свинцоваго блеска, каменнаго угля и другихъ, имѣющихъ значеніе въ промышленности породъ.

Разработка здѣсь серебро-свинцовой руды производилась еще въ глубокой древности. Впрочемъ, русскіе, занявши описываемый край, нашли здѣсь только заваленныя шахты и вообще одни слѣды прежней разработки. Настоящая разработка этихъ рудъ началась въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ частной промышленной компаніей, а въ 50-мъ году рудникъ перешелъ въ вѣдѣніе казны. Для переработки минераловъ, въ 33—35 верстахъ внизъ по теченію р. Аръ-дона, въ сел. Алагирѣ былъ построенъ казенный заводъ. Онъ началъ свои дѣйствія съ 1853 г. и въ теченіе 25 лѣтъ переработалъ изъ добытыхъ рудъ около 440 пуд. серебра и 130,000 пуд. свинца. Садонская серебро-свинцовая (содержащая, впрочемъ, и незначительный % мѣди) руда находится въ скалистыхъ, покрытыхъ лѣсомъ отрогахъ высокой группы (11,230 фут.) Кіонъ-хоха; одинъ изъ нихъ, постепенно понижаясь широкою покатостію, обрывается мысомъ при сліяніи двухъ потоковъ: Садонъ-дона и Эмасть-дона. Здѣсь сгруппированы разнообразныя горныя породы: известнякъ, желѣзистый камень и др.; но

между ними преобладаютъ сѣро-стальные толщи гранита. Серебро-свинцовая руда состоитъ изъ смѣси разнообразныхъ горныхъ породъ: кварца, волчедана, известкового шпата и др., окрашенныхъ блестками, вкрапленіями металловъ. Вся эта разнородная цвѣтовая масса залегаетъ въ гранитныхъ толщахъ какъ-бы обособленной вѣлкой, незначительной въ ширину и толщину, но глубоко уходящей въ нѣдра своего горнаго массива. По изслѣдованнымъ и намѣченнымъ разработкою пунктамъ, рудоносная жила углубляется въ нѣдра горы болѣе чѣмъ на 200 саж. и въ общемъ залеганіи представляетъ въ своей оболочкѣ, гранитной средѣ, наклонную толщу. Нѣсколько выше Садонскаго рудника, въ одной съ нимъ горной группѣ, распространяющейся отъ одного и того же центра возвышенія—Кіонъ-хоха, частію обособленными, частію полузакрытыми залежами, встрѣчаются мѣсторожденія (впрочемъ, не разрабатываемыя) каменнаго угля. Эта горная порода, показавшись здѣсь на значительной высотѣ, продолжается по ея дальнѣйшему склону къ р. Аръ-дону и какъ-бы заканчивается у его береговъ рѣзкой, мрачной массой порфира на свѣтломъ фонѣ известковыхъ залежей. Вся эта группа мѣстороженій серебро-свинцовой руды и каменнаго угля находится въ небольшомъ 5—6 верстномъ въ ширину углубленіи, между отрогами высотъ центральнаго хребта: Адай-хоха, Кальтвери, Кіонъ-хоха и Ходъ-хоха, въ параллельномъ имъ второстепенномъ хребтѣ, на высотѣ 5,000—6,000 фут. Открытое къ востоку въ ущелье р. Аръ-дона, это углубленіе съ запада заканчивается высокимъ водораздѣломъ Аръ-дона и Уруха—Садонскимъ переваломъ въ 8,300 фут.

Ущелье Сангути-дона, притока р. Уруха, представляетъ также не мало разнообразія въ своемъ минеральномъ покровѣ. Здѣсь на протяженіи 15—18 верстъ фонъ ущелья образуютъ разнообразныя массивно-слоистыя нагроможденія

гранита, песчаника или бурья полосы дикаго желѣзняка. Ближе къ впаденію Сангути-дона въ Урухъ, бока и исподье ущелья испещрены массами обвалившихся каменныхъ глыбъ. По общему геологическому характеру мѣстность эта имѣетъ сходство съ верхнимъ протяженіемъ Алагирскаго и Куртагинскаго ущелій и 15—20-ти верстнымъ протяженіемъ ущелья Дарьяльскаго. Здѣсь, въ одномъ изъ лучеобразныхъ отроговъ г. Кодотъ, обрывающихся надъ русломъ Сангути-дона частію скалистыми, частію лѣсистыми навѣсами, находится также мѣсторожденіе серебро-свинцовой руды. Оно, какъ и Садонское, извѣстно съ давнихъ временъ, но по трудности своей разработки пока еще не привлекло къ себѣ технической дѣятельности. Подобныя же мѣсторожденія, не разрабатываемыя, но извѣстныя съ давнихъ поръ частію по разработкѣ и опыту древнихъ временъ, частію по случайнымъ позднѣйшимъ открытіямъ,—большую частію мѣсторожденія свинцоваго блеска,—встрѣчаются во многихъ мѣстахъ западной части Осетинскаго округа. Восемь лѣтъ тому назадъ намъ пришлось слышать отъ туземцевъ этого уголка о случайной находкѣ въ этихъ мѣстахъ даже самородка золота. Къ сожалѣнію, нѣкоторые частныя обстоятельства и въ особенности боязливая таинственность, которою былъ обставленъ фактъ находки, не позволили намъ собрать болѣе подробныхъ свѣдѣній о ней. Вообще же присутствіе золота въ горахъ, дающихъ начало р. Тереку и его притокамъ, помимо частныхъ сообщеній и слуховъ, указывается еще и другими фактами, напр., находженіемъ золотыхъ крупинкозъ въ наносахъ р. Терекъ. Въ 1834 году „гиттенъ-фервальтеръ-Фолендорфъ“ производилъ, по порученію Кавказскаго начальства, изысканія въ наносахъ Терекъ, при выходѣ его на Моздокскую равнину, и нашелъ тамъ въ 100 пудахъ песку $\frac{1}{8}$ золотника золота.*). Очевидно,

*) Актъ Кавк. Арх. Ком., т. VIII, № 73.

что найденныя крупинки золота были вынесены изъ горныхъ нѣдръ, дающихъ начало верховьямъ р. Терека, и осѣли вмѣстѣ съ другими минеральными наносами вдали отъ своихъ рудоносныхъ гнѣздъ. Кромѣ обозначенныхъ нами, завѣдомо извѣстныхъ рудныхъ мѣсторождений, въ краѣ встрѣчаются мѣста, опозитизированныя народными преданіями, какъ источники богатствъ и матеріальнаго достатка во времена давноминувшія. Хотя богатства эти и не называются въ преданіяхъ непосредственно минеральными, тѣмъ не менѣе на высказанныя предположенія наводитъ, напр., то обстоятельство, что мѣста эти отличаются чрезвычайною дикостію и бесплодностію, такъ что другіе виды богатствъ—богатства почвенныя, производительность сельскохозяйственная—въ этихъ мѣстахъ безусловно невозможны. Однимъ изъ такихъ мѣстъ преданіе намѣчаетъ гребень Стырь-хоха (Большая гора), возвышающійся болѣе чѣмъ на 10 тыс. фут. водораздѣломъ потоковъ Фіагъ-дона и Зака-дона. По другому, болѣе историческому преданію, въ верховьяхъ Закакскаго ущелья во времена грузинской царицы Тамары (12 стол.) добывалось какое-то, по всей вѣроятности, минеральное богатство—*амтонъ*. Хотя указанія эти, взятая въ связи съ разсказами о временахъ давноминувшихъ, содержать, безъ сомнѣнія, не мало вымысла и несообразностей, тѣмъ не менѣе они не лишены нѣкоторой доли правдоподобія и находятъ себѣ приблизительныя подтвержденія въ прямыхъ и косвенныхъ слѣдахъ того, на что указываетъ преданіями. Такъ напр., на вершинѣ узкаго Стырь-хоха, покрытой частію снѣжными пятнами, частію плотно лежащими плитами шифернаго сланца, и вообще представляющей картину дикости и безжизненности, при внимательномъ осмотрѣ, можно замѣтить въ одномъ мѣстѣ нѣсколько довольно большихъ и хорошо обдѣланныхъ камней. Они указываютъ, что этотъ пустынный уголокъ въ

необитаемой полосѣ вѣчныхъ снѣговъ, куда не забираются и цѣпкія вездѣсущія стада горной баранты, когда-то былъ предметомъ довольно значительнаго людскаго вниманія. Обращенное на такое мѣсто, гдѣ, повидимому, человѣческій трудъ не могъ найти цѣлесообразнаго приложенія, это вниманіе, очевидно, обусловливалось исключительными причинами: или самозащитою въ отдаленныя времена отъ вражескихъ нападений, или какими-либо религіозными и другими побужденіями. При этомъ наше вниманіе невольно останавливается на себѣ желѣзисто-бурая, слегка даже блестящая, поверхность громаднаго конуса Тепли, заканчивающаго на сѣверо-западѣ постепенное возвышеніе гребня Стырь-хоха. Обрываясь къ востоку амфитеатромъ снѣговыхъ залежей и скалистыхъ стремнинъ, конусъ Тепли на своей западной половинѣ, на обнаженныхъ отъ снѣга промежуточныхъ поверхностяхъ представляетъ такое обиліе красной желѣзистой окиси, что воображеніе невольно рисуетъ въ его нѣдрахъ обширныя рудоносныя богатства. И можетъ быть, въ отдаленномъ прошломъ здѣшніе аборигены, съ одной стороны нуждавшіеся въ желѣзѣ для орудій защиты, а съ другой—запертые окрестными врагами, сами добывали эти богатства и оживляли пустынный гребень своею жизнію. Уничтоженная временемъ и событіями эта жизнь, по всей вѣроятности, и оставила свои слѣды въ нѣмыхъ камняхъ на пустынной и дикой поверхности гребня, о которыхъ мы говорили, и въ поэтическихъ сказаніяхъ народа о быломъ счастьи здѣшняго люда и баснословныхъ богатствахъ дикаго, обездоленнаго края.

Что же касается до добыванія какого-то, неизвѣстнаго самимъ туземцамъ, „*алутона*“ (не измѣненіе-ли это слово татарско-ногайскаго „алтынъ“—золото?), то въ пользу хотя нѣкоторой правдоподобности этого факта говоритъ, съ одной стороны, убѣжденіе туземцевъ въ существованіи „*алуто-*

на“, а съ другой—весьма точныя указанія мѣста, гдѣ добывался этотъ неизвѣстный предметъ, весьма драгоцѣнный, по мѣстнымъ преданіямъ. Всѣ окрестные обыватели единогласно и съ глубочайшей, слегка печальной увѣренностію обдѣняковъ, владѣющихъ безцѣннымъ, но недоступнымъ богатствомъ, мѣстомъ „алутона“ указываютъ небольшую площадку на правомъ берегу потока Цодай, въ 30 саж. отъ поселка Коркора и въ 2 вер. отъ сел. Завка. Въ настоящее время указываемое мѣсто „алутона“ не представляетъ рѣшительно ничего особеннаго, что могло бы дать пищу суевѣрному вниманію, и потому эти указанія дѣлаются тѣмъ важнѣе и интереснѣе для насъ. Это обыкновенная площадка, поросшая травой и нисколько не выделяющаяся на обширномъ однообразномъ фонѣ ущелья. Здѣсь нѣтъ ни скалъ, ни пещеръ и не видно вообще того разнообразія, которое могло бы остановить на себѣ любопытное или вдумчивое вниманіе своею оригинальностью, красотою, поэтической таинственностію или какою-нибудь особенностію своего существованія. Впрочемъ, десятки лѣтъ тому назадъ на этой площадкѣ, по рассказамъ старожиловъ, было весьма замѣтное колодезе-образное углубленіе, сажня 4 въ діаметрѣ. Нѣкоторые изъ старожиловъ добавляютъ еще, что въ этомъ 2—3 аршинномъ углубленіи они видѣли массивный камень съ испещренною неизвѣстными имъ надписями поверхностію.

Въ параллель къ указаніямъ древней обитаемости на 10 тысячной высотѣ Стыръ-хоха, между населеніемъ приказбекскаго района существуетъ также преданіе, что на снѣжныхъ высотахъ Казбека въ древнія времена жила цѣлая колонія святыхъ людей, и что остатки ихъ жилищъ видны тамъ и въ настоящее время. Во всякомъ случаѣ предположенія о рудахъ, болѣе многочисленныхъ, чѣмъ тѣ, которыя разрабатываются въ настоящее время, находятъ

для себя какъ-бы косвенное подтвержденіе въ томъ, что древняя Осетія была извѣстна на Кавказѣ какъ страна весьма развитой горной промышленности, причемъ извѣстны были и ея металлическія издѣлія. О минеральныхъ богатствахъ восточной и южной частей Осетіи пока еще мало извѣстно, но за то эти уголки богаты дорогимъ строительнымъ матеріаломъ: разнаго вида гранитомъ, таеъ называемыми краснымъ и зеленымъ камнями, мраморомъ и т. п. Первые встрѣчаются преимущественно по протяженію Военно-грузинской дороги, а послѣдній въ ущельи р. Ксанки.

Не менѣе распространенное богатство осетинскаго края представляютъ собою его минеральные источники. По своему главнѣйшему составу они раздѣляются на двѣ группы: тепло и холодно-сѣрные и углекисло-желѣзистые, разнообразно насыщенные углекислотой и желѣзомъ. Общее число болѣе или менѣе значительныхъ источниковъ съ обособленнымъ теченіемъ, гдѣ каждый въ отдѣльности даетъ въ минуту не менѣе 0,25 ведра воды, простирается до 50. Большинство ихъ (около 30) распространяется по центральному углубленію между главными хребтами и въ вершинахъ ущелій на южномъ склонѣ хребта. Въ сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ углахъ этой страны, по среднему теченію рѣкъ: Гизель-дона, Фіягъ-дона и Уруха, сколько намъ извѣстно, минеральныхъ источниковъ почти не встрѣчается. Въ центральныхъ ущельяхъ минеральные источники образуютъ какъ-бы группы, попадаясь въ большемъ числѣ на однихъ мѣстахъ и незамѣтные на значительныхъ протяженіяхъ въ другихъ. Но въ общемъ своемъ расположеніи минеральные источники намѣчаютъ переходную полосу гранитныхъ залежей и обнаженій въ залежи и обнаженія глинистаго сланца. Съ этой стороны, взятые по линіи своего наибольшаго распространенія, минеральные источники составляютъ гидрографическую полосу Кавказскаго хребта на высотѣ 5,000—8,000 фута надъ уровнемъ моря.

Сѣрные источники находятся: а) въ центральной расщелинѣ по среднему теченію р. Наръ-дона и въ ущельи Труссо, близъ Касарской тѣснины, б) на сѣверномъ склонѣ—по среднему теченію р. Аръ-дона и въ верховьяхъ потока Геналь-дона, подъ снѣговыми залежами Адай-хоха, в) на южномъ склонѣ—въ верховьяхъ Пацы, притока Большой Ліяхвы. Наиболѣе многочисленную группу минеральныхъ источниковъ представляетъ восточный конецъ центральной расщелины, въ верхнемъ теченіи р. Терека и по теченію притока его—Байдарки. Здѣсь по 15-ти верстному сѣверному спуску съ Гудаурскаго перевала изъ нижняго склона хребта Содзели выходитъ до 6 наиболѣе значительныхъ кислыхъ источниковъ и столько же менѣ замѣтныхъ просачиваній, заявляющихъ свой минеральный составъ красноватымъ цвѣтомъ ближайшихъ увлажненій.

По среднему протяженію Труссовскаго ущелья разбросано также не менѣ 12 источниковъ углекисло-желѣзистыхъ и сѣрныхъ. Наиболѣе значительный и извѣстный по своей утилизаціи сѣрный источникъ Труссо вытекаетъ близъ сел. Абано, на высотѣ около 6,500 фут. Вода его имѣетъ температуру около 10° и служитъ для жителей какъ этого, такъ и окрестныхъ селеній цѣлебнымъ средствомъ при наружномъ и внутреннемъ употребленіи. Нѣкоторые изъ минеральныхъ источниковъ, попадающихся въ тѣснинѣ Касара, по отзывамъ туземцевъ, производятъ очень вредное дѣйствіе на здоровье. Кое-гдѣ въ мѣстахъ этого ущелья обнаруживаются также скопленія сѣры; иногда она встрѣчается вблизи источниковъ на открытыхъ мѣстахъ, но больше въ трещинахъ скалъ, какъ рѣдка я случайная находка. Кромѣ этихъ косвенныхъ признаковъ вулканическаго характера этого уголка, въ скалистыхъ нагроможденіяхъ Касарской тѣснины можно встрѣтить и прямое указаніе на его прошлую вулканическую жизнь—массив-

ныя прослойки застывшей лавы. Во многих мѣстахъ Касарской тѣснины она образуетъ массивныя, плотныя влады въ горизонтальные пласты другихъ горныхъ породъ; при внимательномъ наблюденіи, на нихъ можно видѣть весьма явственные отпечатки разныхъ растений даже съ ихъ мелкими прожилками.

Въ среднемъ продолженіи къ западу центрального углубленія, ущельи Завьско-Нарскомъ, минеральныхъ источниковъ встрѣчается уже меньше, чѣмъ въ ущельи Труссо. Здѣсь на протяженіи 40 верстъ не больше 6—7 желѣзно-кислыхъ источниковъ и 2 сѣрныхъ; болѣе замѣтный изъ послѣднихъ—это упомянутый нами сѣрный источникъ недалеко отъ сел. Нара. Вода его тоже употребляется туземцами для лѣкарственныхъ цѣлей.

Западную группу минеральныхъ водъ центральной линіи представляютъ 7 или 8 желѣзно-кислыхъ источниковъ, вытекающихъ изъ скалистыхъ высей по р. Шведярису, притоку Ріона.

На сѣверномъ склонѣ горъ болѣе извѣстны 4 сѣрныхъ источника. По высотѣ температуры самымъ значительнымъ, хотя и трудно доступнымъ источникомъ можно признать сѣрный источникъ въ верховьяхъ р. Геналь-дона, на высотѣ около 6,000 фут. Онъ имѣетъ температуру 25°—28° R. Вытекая изъ-подъ гранитныхъ толщъ Адайхоха, этотъ источникъ представляетъ здѣсь своею теплою температурою оригинальный контрастъ громоздящимся надъ нимъ холоднымъ массамъ снѣга и льда. Между туземцами, которые называютъ его *Карма-донъ* (теплая вода), источникъ этотъ по своей цѣлебной силѣ пользуется большою репутаціею. Сюда, не смотря на трудности пути, во время лѣта, а иногда, говорятъ, и во время зимы, собираются больные и купаются въ теплой водѣ источника или пьютъ ее различной температуры. Многие берутъ воду домой и

тамъ въ холодномъ видѣ или подогрѣвая употребляютъ ее наружно и внутрь. Другіе 3 сѣрныхъ источника находятся въ Алагирскомъ ущельи. Изъ нихъ наиболѣе доступный и разработанный вытекаетъ недалеко отъ сел. Бизъ, на абсолютной высотѣ 2,455 фут., изъ-подъ скалы, образующей около дороги широкій пещерообразный навѣсъ въ 1—3 саж. высоты и 4—5 саж. наклонной глубины. Въ глубинѣ навѣса съ сильно-покатой площадкой сквозъ промежутковъ площадки и массивной сѣрой доломитовой скалы просвѣчиваетъ голубоватая поверхность источника. Здѣсь онъ образуетъ овальное озеро сажени $2\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ и $\frac{1}{2}$ саж. глубины. Доломитовая известковая скала, прикрывающая источникъ, образуетъ надъ нимъ какъ-бы сводъ, который можно замѣтить, только близко пригнувшись къ уровню воды. Пробившись изъ-подъ полотна дороги, шириной въ 10—12 саж., источникъ выходитъ сѣро-голубою широкою лентою и впадаетъ въ русло р. Аръ-дона. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ образуетъ здѣсь цвѣтные отливы, а застоившіяся въ углубленіяхъ лужи источника принимаютъ цвѣтъ какъ-бы широкихъ пятенъ гнойной матеріи. Источникъ этотъ имѣетъ температуру $9,2^{\circ}$ R. (при 19° температуры воздуха); сѣрный запахъ распространяется отъ него на цѣлую версту внизъ по ущелью и сажень на 150 вверхъ, особенно усиливаясь въ тихую пасмурную погоду. Немного выше, въ 30—40 саж., по ложу р. Аръ-дона замѣтна полоса другаго сѣрнаго источника, который, вытекая изъ исподья берега, вливается прямо въ развѣтвленія р. Аръ-дона и не образуетъ, подобно описанному выше, удобнаго для пользованія скопленія воды на подобіе ванны. Кромѣ этихъ источниковъ, довольно значительный сѣрный источникъ, по словамъ нѣкоторыхъ обывателей, находится на другой сторонѣ Аръ-дона въ верховьяхъ одного изъ небольшихъ его притоковъ. Придорожный пещерный

источникъ-озеро извѣстенъ населенію еще съ самыхъ древнихъ временъ. Вода его иногда употребляется туземцами съ цѣлями лѣчебными подогрѣтая или натуральной температуры. Но главная польза, какую извлекали туземцы изъ этого источника, состояла въ добываніи изъ него сѣры для выдѣлки пороха, особенно въ тревожныя боевыя времена здѣшняго края. Этими источниками почти исчерпывается водное минеральное богатство средне-сѣвернаго склона. Хотя мѣстные обыватели и указываютъ на существованіе кое-гдѣ въ Куртатинскомъ, Гизельскомъ и др. ущельяхъ желѣзисто-кислыхъ минеральныхъ источниковъ, но они, какъ видно изъ рассказовъ, имѣютъ слабое минеральное содержаніе. Одинъ изъ такихъ источниковъ находится на высотѣ 8,000—8,500 фут. въ верховьяхъ Куртатинскаго ущелья, въ началѣ подъема на перевалъ черезъ гряду Стырь-хохъ въ ущелье Заекское. Этотъ источникъ, или, вѣрнѣе, группа 14 источниковъ, вытекающихъ изъ одной трещины, образующей горизонтальную линію 8—9 саж. длины, заявляетъ свой минеральный составъ слабо-кисловатымъ вкусомъ и буроватымъ налетомъ своего ложа. Съ этого пункта виднѣются на противоположной сторонѣ ущелья по сѣрому обнаженному склону лѣваго берега Фіягъ-дона темно-бурая лентя, вѣроятно, такихъ же минеральныхъ источниковъ.

Источники, находящіеся на южномъ склонѣ Кавказско-осетинскаго хребта, въ большинствѣ, принадлежатъ также къ группѣ желѣзисто-кислыхъ. Наиболѣе значительное соединеніе ихъ въ группы встрѣчается по сторонамъ Военно-грузинской дороги, недалеко отъ сел. Квишеты. Одинъ изъ этой группы, ближайшій къ дорогѣ, благодаря нѣкоторой разработкѣ, постоянно посѣщается проезжими любителями кислыхъ водъ. Вся группа распространяется на небольшомъ 80—100 саженномъ протяженіи и состоитъ изъ

*

5—6 источниковъ. Къ западу отъ с. Квишеты, за переваломъ хр. Архъ, въ вершинѣ Ксанскаго ущелья (Джамури), находится желѣзно-кислый источникъ, извѣстный даже между дальними обывателями особыми цѣлебными свойствами, будто бы, противъ всѣхъ болѣзней. Въ бассейнѣ р. Большой Ліяхвы встрѣчается около 10 болѣе извѣстныхъ источниковъ: 7—въ ея верхнемъ бассейнѣ, близъ сел. Эдиси и Згубири, на высотѣ около 5,000 ф.; 3—по среднему теченію, въ самомъ исподѣ Ліяхвскаго ущелья, близъ сел. Роки, на полянѣ Стыргейвадь и въ окрестностяхъ сел. Кошки—всѣ на высотѣ больше 4,000 футовъ. Кромѣ указанныхъ минеральныхъ источниковъ, между сел. Хвце и Джава (въ Ліяхвскомъ ущ.) на ровной прирѣчной полянѣ, слегка увлажненной пробѣгающими по ней едва замѣтными ручейками, находится углубленіе, выдѣляющее углекислый газъ; вокругъ него въ разныхъ мѣстахъ поляны темнѣютъ небольшія сухія ложбины, какъ-бы слѣды рѣчныхъ потоковъ во время половодья. Въ числѣ разсказовъ объ этомъ мѣстѣ лицъ, которыя знаютъ его по многократнымъ и обстоятельнымъ развѣдкамъ, намъ, между прочимъ, довелось слышать сообщеніе компетентнаго изслѣдователя этого уголка, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ замѣчалъ здѣсь присутствіе нефти. Въ верховьяхъ одного изъ лѣвыхъ притоковъ Пацы, въ сел. Абано находится небольшой сѣрный источникъ съ температурою не болѣе 16° R. Вода его, по разсказамъ обывателей, служитъ исключительно для наружнаго употребленія. Всѣ желѣзно-кислые источники употребляются мѣстными жителями какъ обыкновенное, пріятное на вкусъ питье. Большинство ихъ имѣетъ очень низкую температуру отъ 4° до 6° R. Нѣкоторые же изъ минеральныхъ источниковъ съ болѣе высокой и равномерной температурой въ теченіи года и съ значительнымъ содержаніемъ щелочей служатъ для хозяйственныхъ цѣлей, напр., мытья бѣлья,

сухна и т. п. Группа туземовъ, встрѣчающаяся иногда по дорогѣ отъ селеній подъ какою-нибудь скалою съ горами носильнаго скарба, — обыкновенно признакъ близости такого источника.

Низкая температура большинства минеральныхъ водъ описываемаго района и ихъ, по преимуществу, углекислый составъ даютъ основанія, въ виду общезвѣстныхъ законовъ образованія минеральныхъ водъ, предполагать, что они берутъ свое начало на незначительной глубинѣ. По мнѣнію ученаго Абиха, обиліе углекислыхъ источниковъ въ средней части Кавказскаго хребта находится въ тѣсной связи съ обширными подземными резервуарами углекислоты, или обширными подземными пещерами и пустотами.

Въ 1872—1873 годахъ, когда въ Кавказской административной сферѣ возникла мысль о проведеніи черезъ хребетъ желѣзной дороги, и мѣстные ученые техники энергично разрабатывали техническую сторону этого дѣла, ученый Абихъ высказалъ рѣшающее мнѣніе, что средняя часть Кавказскаго хребта представляетъ „исключительныя геологическія особенности“ и что вообще постройка желѣзной дороги, особенно съ пробитіемъ тоннеля, обставлена здѣсь большими трудностями, чѣмъ, напр., въ Альпахъ. По общему смыслу дальнѣйшаго мнѣнія г. Абиха, средняя часть Кавказскаго хребта представляетъ во многихъ мѣстахъ чрезвычайную перепутанность и изломанность разнородныхъ геологическихъ пластовъ. Наиболѣе неблагоприятное условіе такого геологическаго строенія для прочности дорожныхъ сооруженій составляетъ непослѣдовательное и, такъ сказать, неожиданное соприкосновеніе крѣпкихъ горныхъ породъ съ породами легко разрушающимися. По первоначальному геологическому происхожденію крѣпкія породы, какъ трахитъ, гранитъ и т. п., въ общей системѣ своего залеганія, распространяются какъ-бы потоками, расходя-

щимися лучеобразно отъ центровъ высокихъ конусовъ, которые были когда-то кратерами вулкановъ. Во многихъ мѣстахъ эти крѣпкія горныя породы являются какъ-бы владками въ породы легко разрушающіяся. Въ восточной части описываемаго района центръ бывшихъ изверженій и настоящаго распространенія твердыхъ огненно-жидкихъ породъ трахита и т. п.—г. Казбекъ.

Принявши мнѣніе ученаго Абиха за руководящій свѣтъ для нахождения порядка и системы въ хаосѣ исполинскаго нагроможденія горныхъ породъ описываемаго района, приблизительнымъ геологическимъ соотвѣтствіемъ при-казбекскому району можно намѣтить въ срединѣ Осетинскаго округа группы высотъ Тепли-хоха и Брутсабзелн, на западѣ—группы высотъ Адай-хоха. Возвышаясь съ западной стороны почти гладкимъ конусомъ, Тепли-хохъ съ восточной стороны круто обрывается въ исподю Фіагдонскаго ущелья громаднимъ амфитеатромъ снѣжныхъ и скалистыхъ бугроватостей. Изъ средины этого амфитеатра выдѣляется, точно исполинская масса пережженаго желѣза, темнобурый остро-зубчатый, съ изборужденной поверхностью отрогъ. Угрюмый и мрачный, какъ-бы еще недавній свидѣтель могущества Плутона, онъ стоитъ даже въ самый разгаръ горной растительности (20 іюля) безъ малѣйшаго травянаго покрова. Постепенно понижаясь, этотъ отрогъ отдѣляется отъ себя изъ нижней полосы боковыхъ наклоновъ въ руслу р. Фіагъ-дона обвалы громадныхъ трахитовыхъ и гранитныхъ глыбъ. Надъ этими могучими породами кое-гдѣ виднѣются полосы глинистаго сланца, а еще выше острые зубчатые гребни отрога и верхняя полоса склона бурѣютъ, какъ пережженный шлакъ желѣза, изрытыми безпорядочными нагроможденіями, по всей вѣроятности, желѣзистаго камня.

Подобныя же картины безпорядочнаго геологическаго

разнообразія, понятнаго лишь съ высоты научныхъ обобщеній г. Абиха, встрѣчаются въ группахъ г. Брутсабзели, Сырху-хоха, Адай-хоха и др. Вершина г. Брутсабзели, возвышаясь стѣбнообразными нагроможденіями какъ-бы полуразрушеннаго амфитеатра, своимъ общимъ видомъ весьма живо напоминаетъ разорванный конусъ исполинскаго вулкана. Еще картиннѣе вырисовывается вулканическое прошлое этого края общимъ массивомъ г. Сырху-хоха. Рѣзко выдѣляясь обособленнымъ широкимъ конусомъ изверженія съ сръзаною вершиною, на которой бѣлѣетъ десятокъ небольшихъ остро-вершинныхъ снѣжныхъ конусовъ, Сырху-хохъ испещренъ темными, сѣрыми и бурными полосами разнородныхъ геологическихъ толщ. Въ общей картинѣ взаимнаго расположенія, онѣ представляютъ здѣсь такіа неправильныя и перепутанныя соединенія и сопоставленія, такую громоздкую беспорядочность, что воображеніе невольно рисуетъ моментъ ихъ первоначальнаго происхожденія—страшный взрывъ подземныхъ вулканическихъ силъ. Группа Адай-хоха, гроздящаяся 5—6 острыми конусами на широкомъ изрытомъ массивѣ, хотя и не имѣетъ картинной отчетливости конуса-вулкана, но также представляетъ многочисленныя случаи перепутанности горныхъ породъ, намѣчаемая и объясняемая г. Абихомъ. Таковы, напр., исполинскія глыбы и обломки гранита и трахита въ сѣверномъ отгибѣ центральной расщелины, въ Мамисонскомъ ущельи, съ одной стороны Адай-хоха и въ верховьяхъ р. Садонъ-дона и Уруха съ другой. Во всѣхъ этихъ случаяхъ твердыя огненно-жидкія породы весьма часто разнообразятъ свою прочностію и величиною оторванныхъ и обрушившихся глыбъ рыхлую среду глинистаго сланца и известковыхъ породъ. Въ верховьяхъ р. Ксанки, Тереза и Магландолетскомъ ущельи, кромѣ намѣченныхъ породъ, гроздящихся боковыми стремнинами ущелій, встрѣчаются обширныя тол-

щи лавы. Судя по выдающимся и наиболее замѣтнымъ обнаженіямъ, твердыя огненно-жидкія породы въ ущельяхъ южнаго склона въ бассейнѣ р. Большой и Малой Ліяхвъ, Рехули, Меджури и др. распространены менѣе, чѣмъ въ описанномъ пространствѣ. Мнѣніе ученаго Абиха, объясняющее и приводящее въ систему кажущуюся беспорядочность и хаотичность въ расположеніи горныхъ породъ, служить, между прочимъ, весьма вразумительнымъ объясненіемъ всевозможныхъ случаевъ въ наслоеніяхъ, обставляющихъ ущелья полосоватыми высями. Между ними, особенно въ ущельяхъ сѣвернаго склона, какъ болѣе узкихъ и глубже разорванныхъ, встрѣчается не мало картинъ, вызывающихъ на размышленія. Такими являются въ верхнихъ протяженіяхъ Куртатинскаго (Фіагдонскаго) и Алагирскаго (Касарскаго или верхне Ардонскаго) ущелій на общемъ фонѣ ихъ боковыхъ нагроможденій и пластовъ многосаженныя сѣрыя толщи песчаныхъ и ило-подобныхъ наносовъ съ гранитными кругляками въ ихъ плотной средѣ—толщи, по всѣмъ признакамъ, воднаго происхожденія. Большею частію онѣ тянутся сѣрыми просвѣтами на высотѣ 30—40 сажень надъ уровнемъ потоковъ. Но иногда водно-наносныя толщи забираются въ высоту боковыхъ стремнинъ ущелья и скрываются тамъ въ общемъ хаосѣ нагроможденій, а иногда онѣ опускаются къ уровню потоковъ и, сливаясь въ одинъ сѣрый фонъ съ ихъ песчаными и каменистыми прибрежьями, окаймляютъ потоки какъ продолженіе водныхъ наносовъ, образованныхъ этими потоками въ позднѣйшее время. Просвѣчивая такимъ образомъ въ стремнинахъ ущелій нештуническою вкладкой въ вулканическую среду, водно-наносныя толщи какъ-бы молчаливо, но краснорѣчиво заявляютъ, что мирный періодъ ихъ спокойнаго образованія былъ прерванъ періодомъ страшныхъ вулканическихъ буръ, которыя взрыли и перевернули могучіе пласты

земной коры и задавили прежнюю жизнь гнетом многослойных нагромождений огненно-жидких породъ. Объясненіемъ этихъ геологическихъ картинъ служить, между прочимъ, мнѣніе ученаго Абиха, что въ соответственныхъ мѣстахъ Кавказа нѣкогда было обширное скопленіе ледниковыхъ массъ, распространявшееся и на Владикавказско-осетинскую равнину; слѣды этихъ ледниковыхъ массъ представляютъ гранитные валуны на Владикавказско-осетинской равнинѣ, занесенные сюда поступательными движеніями ледниковъ изъ горныхъ нѣдръ.

Всѣ эти разнообразныя картины прошлой геологической жизни, поражающія и умъ, и чувства своимъ стихійнымъ могуществомъ, грандіозностію, медленно, но съ роковымъ неотразимымъ постоянствомъ мало-по-малу затушевываются въ рѣзкостяхъ своихъ обнаженій новымъ верхнимъ покровомъ—покровомъ почвеннымъ.

По главнѣйшимъ составнымъ частямъ этотъ почвенный покровъ представляетъ какъ-бы три вида: черноземно-глинисто-известковый, черноземно-известковый и каменисто-черноземный. Первая почва распространяется по низменнымъ, равниннымъ мѣстамъ округа и входитъ неправильными клиньями по углубленіямъ ущелій въ массивъ хребта, приблизительно до высоты на сѣверѣ склона—3,500 фут., на югѣ—4,500 фут. Вторая, черноземно-известковая, почва встрѣчается чаще всего какъ тонкій покровъ покатыхъ склоновъ второстепенныхъ параллельныхъ хребтовъ. Ея наибольшее распространеніе находится въ полосѣ 4,000—6,500 фут. высоты надъ уровнемъ моря. Третій видъ—почва каменисто-черноземная распространяется въ верхней полосѣ хребта. Она состоитъ по преимуществу изъ порошка раздробленныхъ и разрушившихся глинисто-сланцевыхъ горныхъ породъ и черноземъ составляетъ въ ней рѣдкое дополненіе въ такихъ мѣстахъ, которыя имѣютъ незначительный наклонъ,

чтобы сохранять на себѣ перегной растеній. Со стороны орошенія почвы нижней и средней полосъ представляютъ благоприятную среду для удержанія и поглощенія влаги, между тѣмъ какъ плотныя малооздреватыя частицы глинистаго сланца воспринимаютъ влагу только своими поверхностями; отъ этого, даже при сильнѣйшемъ увлажненіи, почва верхней полосы представляетъ не тѣстообразную рыхлую массу, а какъ-бы мелкій смоченный порошокъ, частицы котораго обособляются одна отъ другой даже въ своемъ микроскопическомъ дѣленіи. На южномъ склонѣ хребта черноземно-глинисто-известковый почвенный покровъ встрѣчается и въ самой высокой полосѣ его; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр., въ верхнемъ бассейнѣ р. Ляхвы, онъ распространяется, благодаря пологости склоновъ, почти до линіи вѣчныхъ снѣговъ.

По степени производительности всѣ три намѣченныхъ вида почвы можно приблизительно назвать: первую почву—наиболѣе плодородною, вторую—просто плодородною, третью—малоплодородною. Почва верхней горной полосы, приблизительно съ высоты 6,000—6,500 фут., въ свою очередь, представляетъ нѣсколько частныхъ видоизмѣненій. Въ большинствѣ малоплодородная, она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходитъ отъ накопленія чернозема, возможнаго прежде всего при слабыхъ горныхъ поватостяхъ, въ почву плодородную. Но вообще малоплодородная почва встрѣчается преимущественно въ ущельяхъ центральной расщелины. Начиная съ восточнаго конца центральной расщелины—Кобійской котловины, и далѣе на западъ по теченію р. Терека—въ ущельи Труссо, по теченію Зака-дона, Цгуй-дона и другихъ потоковъ—въ ущельи Завескомъ и въ ущельи Цуды-комъ, почва въ восточной части этого пространства болѣе каменисто-глинистая, въ средней—каменисто-черноземная, съ примѣсью, кажется, извести (въ

ущелья Труссо), въ западной—тоже каменисто-черноземная, но съ меньшимъ, судя по цвѣту почвы, содержаніемъ чернозема. Каменисто-глинистая почва восточной части, напр., въ Кобійской котловинѣ, производитъ, за рѣдкими исключеніями, гдѣ на ней накопился достаточный слой чернозема, довольно тощую растительность уже по самымъ, такъ сказать, основнымъ неблагоприятнымъ условіямъ своего сочетанія. Почва ущелья Труссо представляетъ болѣе благоприятныя условія для растительности, особенно въ своихъ горизонтальныхъ плоскостяхъ. Сходная съ нею почва ущелья Заекскаго (по р. Цгуй-дону, Зака-дону) превосходитъ нѣсколько почву Кобійской равнины, судя по ея растительности, только при усиленной влагѣ. Въ среднемъ протяженіи верхне-горной полосы, частію по р. Наръ-дону, частію по р. Мамисонъ-дону, почва менѣе плодородная, нежели въ предыдущемъ—восточномъ; здѣсь она по преимуществу каменисто-песчаная, съ примѣсью глины и въ ней весьма мало чернозема; сухая и трудная для обработки, она требуетъ для растворенія своихъ питательныхъ элементовъ сильной, постоянной влаги.

Въ западномъ районѣ, по притокамъ р. Ріона, почва становится опять плодороднѣе, приближаясь по своему составу къ почвѣ лучшихъ мѣстъ Труссовскаго ущелья. Сѣверная же часть западнаго района, въ верховьяхъ Урухскаго бассейна, какъ и въ лѣвыхъ верховьяхъ р. Аръ-дона, имѣетъ въ большинствѣ скудную каменисто-глинистую почву. Такимъ образомъ, представляя вообще почву болѣе каменистую, сухую, съ примѣсью глины или песку, верхній осетинскій районъ, въ растительномъ отношеніи, находится въ тѣсной зависимости отъ количества падающей атмосферной влаги. Но это же благодѣтельное начало, при крутыхъ покатостяхъ горной поверхности, приноситъ весьма часто больше вреда, чѣмъ пользы: низвергаясь по склонамъ

съ стремительною быстрою, атмосферные осадки смываютъ съ нихъ послѣдній скудный почвенный покровъ или засоряютъ его нижнее распространеніе сплошными каменными глыбами.

Съ пониженіемъ хребта, гдѣ его боковые склоны становятся болѣе пологими, въ верхнемъ почвенномъ покровѣ страны увеличивается содержаніе чернозема. Встрѣчаясь въ верхней полосѣ тонкимъ вершковымъ налетомъ на прирѣчныхъ мысахъ—площадкахъ или защищенныхъ горизонтальныхъ уступахъ боковыхъ склоновъ ущелій, какъ счастливое исключеніе, здѣсь черноземъ покрываетъ во многихъ мѣстахъ полтора-двухвершковымъ слоемъ пространства въ дѣлѣ десятки десятинъ. А на покатосяхъ, распространяющихся подъ темнозелеными полосами лѣсныхъ зарослей, черноземъ достигаетъ нерѣдко значительной толщины $3\frac{1}{2}$ —4 вершковъ. Содержа въ себѣ весьма благопріятныя примѣси извести и глинистыхъ частицъ, черноземная почва этой горной полосы является такимъ образомъ легкой, весьма питательной средой для растений, не любящихъ почвенной сырости. Рыхлая известняковая подпочва этой полосы, легко задерживая атмосферную влагу, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ же легко возвращаетъ ее обратно и не усложняетъ растительныхъ процессовъ излишней сыростью, такъ связать, излишнимъ окисленіемъ почвенныхъ питательныхъ веществъ. Въ этой же полосѣ встрѣчается наибольшее число чистыхъ, прозрачныхъ ручьевъ, образующихся изъ атмосферной влаги, просачивающейся севозъ губчатую подпочву до плотныхъ непроницаемыхъ слоевъ. Въ верхнемъ горномъ районѣ большинство ручьевъ вытекаетъ изъ-подъ ледниковъ и снѣговыхъ залежей. Гдѣ нѣтъ вблизи этихъ вѣчныхъ производителей потоковъ, тамъ верхне-горные районы представляютъ иногда и картины безводности. Вообще, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, въ верхней полосѣ гораздо меньше,

чѣмъ въ полосѣ нижней, такихъ ручьевъ, которые образуются просачиваніемъ атмосферной влаги. По всей вѣроятности, это зависитъ отъ того, что глинистый сланецъ верхне-горной полосы, гдѣ онъ залегаетъ горизонтальными пластами, представляетъ среду, непроницаемую для атмосферной влаги, такъ что, даже при обильномъ атмосферномъ орошеніи, эта влага скользитъ по поверхности сланцевъ и скатывается тотчасъ же шумными потоками въ исподѣ ущелій. При непроницаемости сланцевыхъ пластовъ въ горизонтальномъ расположеніи, влага этой полосы если и находитъ доступъ въ глубь земли, то только тамъ, гдѣ пласты изломаны и расположены въ болѣе или менѣе вертикальномъ направленіи, гдѣ влага можетъ проникать въ ихъ среду между слоями со стороны изломовъ. Каменистая почва изъ разрыхленныхъ горныхъ породъ, съ слабою примѣсью чернозема, въ нижней полосѣ склоновъ обыкновенно встрѣчается въ связи съ болѣе крутыми наклонами поверхности, гдѣ черноземъ смывается дождевыми потоками. Крутые же наклоны, какъ признакъ прочности залегающихъ внутри горныхъ породъ, чаще всего сопровождаютъ распространеніе твердыхъ породъ—гранита, трахита и т. п. по теченію р. Терева въ Дарьяльскомъ ущельи, по теченію Гизель-дона и Фіягъ-дона приблизительно на высотѣ 4,000—4,500 фут., по рр. Аръ-дону и Уруху въ полосѣ свинцовыхъ приисковъ.

Наконецъ съ высоты 3,500—3,000 ф.—высоты первыхъ параллельныхъ хребтовъ, почвенный покровъ, до сихъ поръ сходный по своимъ составнымъ частямъ въ большинствѣ своего распространенія какъ на сѣверномъ, такъ и на южномъ склонахъ, мало-по-малу становится различнымъ. На сѣверномъ склонѣ въ характерѣ почвы преобладающимъ составомъ является перегной, черноземъ, и почва сѣвернаго склона становится въ дальнѣйшемъ пониженіи поверх-

ности съ намѣченной высоты преимущественно тучно-черноземною, жирною; на южномъ же склонѣ она по преимуществу глинисто-черноземная, т. е. она содержитъ въ себѣ меньшее количество перегноя. Это различіе распространяется на равнины склоновъ, — большую равнину при сѣверной подошвѣ и меньшую — при южной. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ равнины сѣвернаго склона встрѣчаются полосы, по которымъ въ почвенномъ покровѣ преобладаетъ глина. Таковы полосы въ треугольникѣ, образуемомъ р. Террекомъ и р. Камбилеевкой. Хотя глина значительно распространена и по всей равнинѣ, но въ большинствѣ она является какъ слой подпочвенный, выдѣляющій въ составъ чернозема лишь взрыхляемыя частицы; здѣсь же глина выступаетъ на поверхность пространства обширными просвѣтами. Кромѣ обыкновенной сѣровато-желтоватой глины, здѣсь находятся довольно обширныя залежи глины другихъ цвѣтовъ: красно-оранжевой, синеватой и т. п. Цвѣтная глина, какъ намъ случалось слышать, въ послѣднее время начинаетъ употребляться для выдѣлки посуды.

Находясь постоянно подъ дѣйствіемъ воды, стекающихъ во время дождей съ горныхъ наклоновъ, сѣверная или Владикавказско-осетинская равнина носитъ въ своей почвѣ и слѣды этого орошенія — кругляки и песокъ, разнообразящіе своею твердостью рыхлое тучное содержаніе ея верхняго покрова. Раздробляясь и разрыхляясь въ равномерномъ распредѣленіи съ частицами равниннаго перегноя и глины, эти каменные и песчаные наносы способствуютъ своимъ кремнеземомъ улучшенію почвы, уменьшая ея бродильныя кислыя свойства. Толщина равнинной почвы въ 4—5 вершковъ у подошвы горъ увеличивается по ея наклону къ сѣверу до 7—8 вершковъ и болѣе. Такимъ образомъ, съ этой стороны, какъ равно и по своему составу и качествамъ, равнинная почва представляетъ неисчерпаемый питательный

матеріалъ для разнообразной растительности. Подпочвенный слой равнины состоитъ, въ большинствѣ случаевъ, кромѣ глины, изъ наносовъ гравіа—кругляковъ разной величины; эта подпочва весьма легко пропускаетъ атмосферную влагу въ глубь земли, чѣмъ предупреждаются неблагоприятные результаты излишней влаги въ тучной черноземной почвѣ. Впрочемъ, сѣверныя окраины равнины, гдѣ она окаймляется невысокою цѣлью Псехешскихъ горъ, представляютъ случаи излишка влаги въ почвѣ. Последнее происходитъ тамъ, гдѣ горные потоки, въ своемъ сѣверномъ стремленіи по наклону равнины, встрѣчаютъ преграду въ Псехешскихъ горахъ и, не находя выхода ни на востокъ, ни на западъ, задерживаются въ стоячія, болотистыя скопленія.

На общемъ 45—50 верстномъ протяженіи Владикавказской равнины отъ востока къ западу и 25—28 верстной ширинѣ ея отъ сѣвера къ югу, полосы излишней влаги, умаляющей доброкачественность равнинной почвы, встрѣчаются по ея сѣвернымъ окраинамъ постоянно и въ срединѣ равнины временно—послѣ разлива вешнихъ водъ. Вообще же Владикавказская равнина орошена весьма обильно. Ее прорѣзываетъ цѣлая сеть потоковъ и рѣкъ: Терекъ, Архонъ (Черная рѣка), Гизель-донъ, Филгъ-донъ, Аргунъ, Дурдунъ и Урухъ съ десятками своихъ меньшихъ притоковъ. Всѣ главнѣйшіе потоки равнины, выходя изъ горъ на 7—10 верстномъ разстояніи другъ отъ друга, постепенно сближаются другъ съ другомъ въ сѣверной половинѣ равнины, а близъ Псехешскихъ горъ—сѣверной пограничной ваймы, они сливаются въ одно русло—р. Терекъ. Кромѣ обозначенныхъ потоковъ, между ними протекаютъ еще десятки небольшихъ ручьевъ, служащихъ иногда какъ-бы соединителями однихъ большихъ потоковъ съ другими, такъ что по среднему протяженію равнины на ней по раздѣльной линіи отъ востока къ западу текуція воды встрѣчаются

почти на каждые 2—3 кв. верстахъ. Въ періоды половодья всѣ эти воды, представляя иногда недолимья затрудненія для сообщеній, приносятъ изъ горъ кремнистые наносы—дополненіе къ черноземной равнинной почвѣ.

Равнина южнаго склона занимаетъ сравнительно съ Владикавказской меньшее пространство: Владикавказская равнина имѣетъ около 1,225 кв. верстъ, а равнина южнаго склона до 700 кв. верстъ. Первая топографически обособлена въ одинъ сплошной районъ, а послѣдняя состоитъ какъ-бы изъ двухъ районовъ, расширенія двухъ ущелій—Ліяхвскаго и Ксанскаго, раздѣленныхъ небольшою группою горъ Накалакеви и Клеваци. Почвенный покровъ этихъ равнинныхъ пространствъ состоитъ изъ глинистаго чернозема, съ примѣсью освѣтляющихъ почву известковыхъ частицъ. Такая почва весьма плодородна, но требуютъ для себя обильнаго орошенія. Сѣверная Владикавказская равнина, при наибольшей высотѣ 2,400 фут. и наименьшей 1,100 фут., расположена надъ поверхностію моря значительно ниже равниннаго пространства южнаго склона; послѣднее распредѣляется узкою полосою небольшихъ влиньевъ, при устьяхъ ущелій Ліяхвскаго, Меджурскаго, Рехульскаго и частью Ксанскаго. Начинаясь приблизительно съ высоты 2,900—3,000 фут., эта полоса равнинныхъ уголковъ въ предѣлахъ осетинскаго поселеній не опускается ниже 2,000 ф. Хотя сѣверная равнина представляетъ большую высоту паденія, чѣмъ равнинное пространство южнаго склона, но эта высота распредѣляется на большемъ диаметрѣ ея въ 25—28 верстъ, тогда какъ наклонъ въ 1,000 фут. равнинной полосы на югъ распространяется по диаметру 16—18 верстъ. Вообще же, по высотѣ своего паденія на 1 версту 90—100 фут., равнинная полоса южнаго склона составляетъ болѣе замѣтное продолженіе боковой поверхности хребта, чѣмъ равнина сѣвернаго склона. Какъ

на сѣверѣ, такъ и здѣсь почва равнины содержитъ примѣси гравія и вообще наношихъ горно-каменныхъ породъ, неблагопріятныхъ въ цѣльныхъ кускахъ, но полезныхъ въ мелко-раздробленномъ видѣ. Значительный наклонъ южной равнины и отсутствіе на ея поверхности преградъ для водныхъ теченій предупреждаетъ здѣсь неблагопріятныя скопленія въ почвѣ излишней влаги. Впрочемъ, при свойствахъ самой почвы, требующей усиленнаго овлжженія, быстрые потоки воды представляютъ здѣсь даже неблагопріятное условіе. Бываютъ, напр., годы, когда нѣкоторыя изъ культурныхъ растений этого уголка довольно сильно страдаютъ отъ недостатка влаги, и жители въ такомъ случаѣ усиленно прибѣгаютъ къ искусственному орошенію.

Климатъ.

Распространяясь между сѣверными параллелями $42^{\circ}5'$ и $43^{\circ}20'$, осетинскій край по географическому положенію представляетъ страну переходнаго климата отъ умѣреннаго къ умѣренно-теплому. Такъ, напр., предположивъ поверхность этого края на одной высотѣ съ уровнемъ моря, мы на основаніи выводовъ нѣкоторыхъ ученыхъ, что средняя экваторіальная температура (около 33° R.) по направленію къ полюсамъ понижается чрезъ 1° широты приблизительно на $0,6^{\circ}$,—можемъ опредѣлить приблизительно температуру воздуха сѣверной и южной границъ описываемаго края: первой въ 7° R., второй въ $7,75^{\circ}$, или среднюю температуру всего края въ $7,374^{\circ}$,—температуру кукурузы и даже винограда. Но поверхность осетинскаго края возвышается надъ уровнемъ моря и возвышается весьма значительно и разнообразно; вслѣдствіе этого показанная температура значительно видоизмѣняется прежде всего по закону пониженія температуры воздуха приблизительно на 1° R. на высотѣ 800 фут., а потомъ—отъ вліянія влаги

и воздушныхъ теченій изъ другихъ климатическихъ полосъ. Самыя значительныя изъ такихъ условій, видоизмѣняющихъ намѣченную, такъ сказать, условно-нормальную температуру климата: а) высота надъ уровнемъ моря, уходящая за линію вѣчныхъ снѣговъ; б) широтное протяженіе хребта, обозначающее склоны хребтовъ—сѣверный отъ южнаго тепла и южный отъ сѣвернаго холода; в) влага Чернаго моря, распространяющаяся преимущественно по сѣверному склону хребта.

Какія величины, повышающія или понижающія намѣченную нами условно-нормальную температуру, представляютъ собою означенныя условія,—опредѣлить, конечно, весьма трудно; тѣмъ не менѣ замѣтнѣйшее изъ этихъ условій, широтное протяженіе Кавказскаго хребта до нѣкоторой приближенности можетъ быть оформлено въ числа температуры. Чтобы опредѣлить, напр., насколько Кавказскій хребетъ, какъ защита отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ, способствуетъ повышенію температуры воздуха на южной, защищенной полосѣ хребта, мы обратимъ вниманіе на разстояніе между изотермами, проходящими по сѣверной и южной подошвамъ хребта. Въ предѣлахъ Кавказскаго перешейка эти изотермы тянутся двумя параллельными линіями. Съ выходомъ же изотермъ, напр., на поверхность Каспійскаго моря, гдѣ сѣверные токи воздуха безпрепятственно проходятъ на югъ, изотерма южной подошвы хребта рѣзко и круто поворачиваетъ на югъ, почти въ южнымъ берегамъ Каспія, такъ что разстояніе между изотермами увеличивается почти вчетверо, и южный поворотъ южно-подошвенной изотермы пересѣкаетъ около 3-хъ параллелей. Пока изотермы проходили по подошвамъ Кавказскаго хребта, то разность ихъ, помимо той, какая зависѣла отъ широтнаго разстоянія и другихъ причинъ, зависѣла также и отъ массива хребта, какъ защиты южныхъ склоновъ хребта отъ холодовъ сѣвера; но, съ выходомъ изотермъ на однообраз-

ную поверхность Каспія, разность между ними стала зависѣть только отъ одного широтнаго разстоянія. При этомъ южно-подошвенная изотерма сдѣлала крутой поворотъ на югъ на 3° и тѣмъ самымъ какъ-бы послужила указаніемъ, что отсутствіе преградъ для сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ понизило температуру по параллели южнаго склона на величину, соотвѣтствующую ея пониженію чрезъ три параллели, т. е. на $0,6^{\circ} \times 3 = 1,8^{\circ}$. Такимъ образомъ, Кавказскій хребетъ, защитивъ южные склоны хребта отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ, тѣмъ самымъ какъ-бы повысилъ ихъ среднюю температуру на $1,8^{\circ}$ R., или придвинулъ южные склоны въ сѣверу какъ-бы на цѣлыхъ три градуса. Въ виду этого осетинскій край, въ климатическомъ отношеніи, раздѣляется на двѣ полосы: сѣверную и южную. Помимо обозначеннаго вліянія, Кавказскій хребетъ вліяетъ также и на распредѣленіе влаги Чернаго моря и усложняетъ намѣченную разность температуръ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ влаги на обоихъ склонахъ хребта. Врѣзываясь высокимъ массивомъ по линіи пространства черноморскихъ тучъ и облаковъ, когда они, гонимыя сѣверо-западными вѣтрами, несутся въ даль Каспія, Кавказскій хребетъ раздѣляетъ ихъ какъ-бы на двѣ полосы по склонамъ хребта. По сѣверному склону они безпрепятственно двигаются почти на двѣ трети широтнаго протяженія хребта за районъ описываемыхъ мѣстъ. Южная же полоса тучъ встрѣчаетъ постоянныя препятствія въ высотѣ южныхъ хребтовыхъ отроговъ и высей вблизи Чернаго моря; здѣсь она или осаждается на ихъ гигроскопическихъ поверхностяхъ, или отклоняется южнѣе осетинскихъ широтъ въ свободное пространство долины р. Куры. Вслѣдствіе этого въ южную полосу осетинскаго края доходитъ несравненно меньшая масса тучевыхъ скопленій, чѣмъ въ полосу сѣверную. Такимъ образомъ, главнѣйшія условія въ измѣненіи нормальной полосы составляютъ: а) значительная

*

высота надъ уровнемъ моря, б) изолированность отъ южно-широтнаго тепла,—условія, понижающія температуру, и в) влага Чернаго моря,—условіе, уравнивающее рѣзкости температуры. Главнѣйшія условія, видоизмѣняющія нормальную температуру климата въ полосѣ южной: а) значительная высота надъ уровнемъ моря,—условіе понижающее температуру, б) изолированность отъ сѣверныхъ холодныхъ токовъ воздуха,—условіе, повышающее температуру, и в) мало-влажность—условіе, предполагающее нѣкоторыя рѣзкости въ проявленіяхъ температуры. Однимъ изъ выдающихся фактовъ по опредѣленію климатическаго различія полосъ сѣверной и южной можно намѣтить также крайніе предѣлы распространенія на нихъ винограда: на сѣверномъ склонѣ крайній предѣлъ виноградной культуры—1,100—1,200 фут., на южномъ склонѣ воздѣлываніе винограда, какъ постоянное сельско-хозяйственное занятіе, распространено даже на высотѣ 3,500 фут.; этотъ подъемъ на 2,300—2,400 фут., при незначительной широтной разности склоновъ, очевидно, весьма рѣзокъ. Принявъ во вниманіе, что главное условіе созрѣванія винограда—не столько высота годовой, сколько высота лѣтней температуры, и сопоставивъ это съ фактомъ винодѣлія подъ изотермою $+7^{\circ}$ R., сѣвернѣе осетинскаго края на 3—4 градуса, отсутствіе виноградной культуры на сѣверномъ склонѣ можно принять хотя и не цифровымъ, но довольно опредѣленнымъ указаніемъ того, что климатъ сѣверной полосы отличается равномерностію, т. е., что лѣта ея прохладны. Эта равномерность выражается слѣдующими цифрами температуръ: $-1,05^{\circ}$ R., иногда $-1,8^{\circ}$ —температурою зимы, соотвѣтствующею широтѣ своего мѣста, и среднею температурою лѣта $+14^{\circ}$, $+16^{\circ}$, соотвѣтствующею температурѣ саратовскаго, воронежскаго, курскаго и вообще срединно-россійскаго лѣта. Это пониженіе температуры, между прочимъ, распространяющееся и

на весну, помимо значительной высоты надъ уровнемъ моря, производятъ влага Чернаго моря, проносимая западными или, вѣрнѣе, сѣверо-западными вѣтрами. Здѣсь, какъ и повсемѣстно на Кавказѣ, наибольшее количество ея выпадаетъ въ 6. мѣсяцевъ теплоты отъ марта до сентября: 30—36 дюймовъ въ теченіи года и 20—27 дюймовъ весною и лѣтомъ. Въ выдающіеся по дождливости годы количество атмосферныхъ осадковъ доходитъ даже до 44 дюймовъ.

Сопоставляя даже только среднее количество влаги на сѣверномъ склонѣ съ количествомъ ея въ двухъ пунктахъ южнаго склона Кавказа, приблизительно соотвѣтствующихъ по климату южной осетинской полосѣ (16 дюймовъ въ г. Тифлисѣ и 17 въ м. Сурамѣ), можно также приблизительно опредѣлить, что количество ея на сѣверной полосѣ почти вдвое превышаетъ таковое на южной. Но въ maximum'ѣ и minimum'ѣ влаги на Кавказѣ вообще, (какъ напр., 116—118 дюймовъ въ г. Кутаисѣ и 7—8 въ г. Елисаветполѣ), 30—36 дюймовъ влаги сѣвернаго склона представляютъ наибольшую влажность только для восточной половины Кавказскаго края. Выпадая въ большинствѣ весною и лѣтомъ и понижая температуру этого времени на сѣверной осетинской полосѣ до температуры срединно-россійской, она такимъ образомъ рельефнѣе выдѣляетъ повышение лѣтней температуры южнаго склона. Наболѣе замѣтнымъ, такъ сказать, графическимъ выраженіемъ этого служитъ повышение предѣльной высоты виноградной культуры на южномъ склонѣ до 2,300—2,400 фут. Если взять это повышение какъ результатъ разности только лѣтнихъ температуръ, то, по закону пониженія температуры приблизительно на 1° съ повышеніемъ высоты на 800 фут., намѣченные 2,300—2,400 ф. можно принять какъ-бы приблизительнымъ графическимъ выраженіемъ 2—3 градусной разности въ лѣтнихъ температурахъ сѣверной и южной полосъ осетинскаго края. Въ

менѣе отчетливыхъ, но довольно распространенныхъ случаяхъ разность климатовъ обѣихъ полосъ проявляется, кромѣ винограда, и въ другихъ растеніяхъ этого края. На сѣверныхъ высотахъ произрастаютъ растенія болѣе суроваго климата: береза, сосна, а менѣе распространенныя кустарниковыя—барбарисъ, шиповникъ, калинникъ и др., господствуютъ однообразными зарослями уже на высотѣ 5,000 ф. и почти не соединяются здѣсь съ растеніями, болѣе или менѣе чувствительными къ холодамъ. На южномъ же склонѣ въ этой полосѣ, кромѣ темно-зеленыхъ зарослей хвойныхъ породъ, перемежающихся съ серебристыми просвѣтами березовыхъ чащъ, встрѣчаются довольно обширныя группы тополей, клена, орѣшника и другихъ породъ, не выдерживающихъ продолжительныхъ суровыхъ зимъ. Посѣвы кукурузы, прекращающіеся на сѣверной полосѣ на высотѣ 2,500—3,000 фут., на южной распространяются выше 3,500 фут.; наконецъ, воздѣлываніе пшеницы, заканчивающееся на сѣверномъ склонѣ предгорьями и нижней полосой ущелій на высотѣ 3,200—4,000 фут., на южномъ восходитъ до высоты 6,000 фут. Разность температуръ, довольно значительная по сдѣланнымъ указаніямъ въ нижнихъ полосахъ склоновъ, постепенно умалется къ вершинамъ центральныхъ хребтовъ. Такъ, съ высоты 9,000—9,500 фут. въ растительности обѣихъ полосъ видно полное однообразіе, и первые спуски по склонамъ съ высотъ ихъ переваловъ представляютъ какъ-бы одинъ нейтральный районъ, гдѣ царствуетъ однообразіе низкой годовой температуры. Впрочемъ, незамѣтная по растительности, разность температуры заявляетъ себя здѣсь въ высотѣ снѣговыхъ залежей: на южныхъ склонахъ южнаго центрального хребта залежи эти весьма рѣдко встрѣчаются на высотѣ 10,500—10,800 фут., между тѣмъ какъ на сѣверномъ склонѣ южнаго центрального хребта онѣ встрѣчаются, хотя изрѣдка,

ниже 9 тыс. фут. Эти цифры высотъ тѣмъ болѣе близки къ выраженію температурной разности, что онѣ относятся къ наблюденіямъ 1882 года, отличавшагося равнымъ бездождіемъ на сѣверной и южной полосахъ и вообще равными условіями для наблюденія надъ проявленіями теплоты склоновъ. Вообще же, съ высоты 9,000—9,500 фут. общее годовое различіе температуры, достаточное для образованія различія въ распространенныхъ растительныхъ видахъ, переходитъ въ случайное, временное,—въ различіе большей или меньшей теплоты только отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, которое исчезаетъ съ заходомъ солнца или съ закрытіемъ его при пасмурной погодѣ. На склонахъ острыхъ гребней южнаго центрального хребта результаты такого временнаго дневнаго различія температуръ встрѣчаются весьма нерѣдко при 80—100 саженомъ діаметрѣ; иногда, напр., сѣверный склонъ такого узкаго гребня бѣлѣтъ нарастающими снѣговыми залежами, а южный, совершенно свободный отъ остатковъ холодной зимы, довольно ярко зеленѣтъ густымъ травянистымъ покровомъ. Уравниваясь въ своей температурѣ по ночамъ, оба эти склона тѣмъ не менѣе въ теченіе солнечныхъ дней такъ же обособляются ея временною неравномѣрностію, какъ это бываетъ въ меньшихъ размѣрахъ на сѣверной и южной поватостяхъ домовыхъ крышъ. Каждая изъ полосъ склона въ свою очередь подраздѣляется на двѣ полосы по высотѣ надъ уровнемъ моря: нижнюю, состоящую изъ предгорныхъ равнинъ и первыхъ подъемовъ хребта, и верхнюю—въ массивѣ хребта. Первые распространяются приблизительно до высоты 3,000—4,000 фут.,—выше на южномъ склонѣ и ниже на сѣверномъ. Какъ та, такъ и другая имѣютъ среднія климатическія полосы приблизительно по высотѣ 2,200—2,300 фут.; ихъ климатическія явленія могутъ служить, такъ сказать, обобщеніемъ для обѣихъ нижнихъ по-

лось. Разсматривая съ этой стороны климатъ нижней сѣверной полосы, мы встрѣчаемъ слѣдующія цифры температуръ: въ сентябрѣ отъ 8° до 12° , въ октябрѣ отъ 5° до 8° , въ ноябрѣ отъ 1° до 3° , а вообще средняя температура осени колеблется отъ 5° до 8° ; на южной полосѣ температура соответственныхъ мѣсяцевъ обыкновенно выше въ началѣ осени и сходна съ приведенною въ концѣ ея. При среднемъ количествѣ осадковъ въ теченіе осени на сѣверѣ 6—9 дюймовъ, на югѣ 3—4 дюйма, осенній періодъ обѣихъ полосъ можно назвать, сравнительно съ другими годовыми періодами, мало-влажнымъ или умѣренно-влажнымъ. При обыденныхъ наблюденіяхъ осень этихъ полосъ казается тѣмъ болѣе сухою и малодождливою, что замѣченное количество влаги выпадаетъ здѣсь большею частію въ первые дни сентября и послѣдніе ноября, такъ что въ остальное время осени въ краѣ стоитъ ясная, солнечная погода съ максимум'омъ температуры въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ: 22° , 19° и 18° и минимум'омъ: $+6^{\circ}$, -5° , -6° . При продолжительной ясной погодѣ и сухости воздуха, утренники -5° , -6° , чередуясь съ 18-ти, 19-ти градусною температурою дневныхъ солнечныхъ пригрѣваній, возбуждающею иногда несвоевременное движеніе растительныхъ соковъ, представляютъ значительныя опасности для садоводства. Впрочемъ, густые ночные туманы, окутывающіе своимъ влажнымъ покровомъ склоны хребта въ періоды осенняго бездождія, значительно смягчаютъ утренніе холода и вообще рѣзкіе контрасты наибольшей и наименьшей температуръ осеннихъ мѣсяцевъ. Средняя высота барометра (при температурѣ 0°) въ осенній періодъ колеблется между 701 и 705 миллиметр., представляя въ этотъ сезонъ наибольшее повышеніе воздушнаго столба. Въ концѣ ноября ясная сухая погода постепенно смѣняется на сѣверной полосѣ равномерно-холодною сыростью изморози, мо-

краго снѣга въ перемежку съ дождемъ и частыми туманами. Въ сухія или малождливныя утра температура послѣдующихъ дней зимы весьма нерѣдко понижается до -10° , -12° , а въ холодные годы даже до -19° , -20° . Но эти пониженія нерѣдко же перемежаются въ зимніе мѣсяцы съ $+15^{\circ}$, $+8^{\circ}$, $+9^{\circ}$ во времена дневныхъ оттепелей, служащихъ какъ-бы косвеннымъ указаніемъ на южно-широтное положеніе края. Въ большинствѣ годовъ холодный періодъ показанныхъ крайнихъ температуръ распространяется на декабрь, январь, февраль и мартъ. Среднія температуры этихъ мѣсяцевъ бывають весьма разнообразны; но наибольшее паденіе ихъ встрѣчается чаще въ январѣ и февралѣ; декабрь и мартъ нерѣдко имѣють болѣе или менѣе сходныя температуры. Такъ, среднія температуры декабря и марта въ большинствѣ колеблутся между $+2^{\circ}$ и $-1,7^{\circ}$ R., января и февраля—между 0° и -3° ; бывали, впрочемъ, случаи, когда средняя температура февраля понижалась до $-6,1^{\circ}$. Вообще же, сравнительно съ другими годовыми сезонами, зимніе періоды этого края отличаются большимъ непостоянствомъ и разнообразіемъ среднихъ температуръ. Такъ, напр., на протяженіи 6 лѣтъ, взятыхъ въ непослѣдовательномъ порядкѣ, зимы этого края имѣли слѣдующія среднія температуры: $-0,5^{\circ}$, $-1,62^{\circ}$, $-2,89^{\circ}$, $-0,8^{\circ}$, -5° , $-1,85^{\circ}$. По количеству же выпадающей влаги зима, при всемъ частно-годовомъ разнообразіи этихъ количествъ отъ 2 до 5 дюймовъ, представляетъ во всѣхъ случаяхъ наименѣе влажное время года. Высота зимняго барометрическаго столба колеблется между 700 и 703 миллиметрами. Частные случаи повышенія температуры до $+8^{\circ}$, $+10^{\circ}$ представляютъ почти ежегодное, такъ связать, постоянное явленіе зимъ сѣверной полосы. Распространеніе же снѣжнаго покрова мѣсяца на два, такъ чтобы въ край въ это время могъ устанавливаться по-

всемѣстный санный путь, составляетъ исключеніе, повторявшееся, напр., не болѣе 2 — 3 разъ въ послѣднее десятилѣтіе. Впрочемъ, послѣдніе годы, по отзывамъ старожиловъ, отличаются вообще болѣе суровыми зимами, чѣмъ годы прежніе; это обстоятельство объясняется ими тѣмъ, что холодъ принесли съ собою русскіе изъ Россіи,—объясненіе, довольно распространенное во всѣхъ мѣстахъ Кавказа, гдѣ только обыватели наблюдали пониженіе температуры. Оцѣнивая подобныя замѣчанія по температурамъ послѣдняго времени и 25-ти лѣтней давности, на протяжении которой сгруппированы данныя для высказанныхъ нами климатологическихъ обобщеній, можно сказать, что измѣненіе климата сѣверной полосы, если оно только есть, началось не позднѣе, какъ десяти лѣтъ тому назадъ. Такъ, напр., сопоставляя температуры и другія климатологическія данныя относительно этого края 1854, 1856 и послѣднихъ лѣтъ, мы встрѣчаемъ, что въ первомъ случаѣ, т. е. въ климатологической характеристикѣ 1854 и 1856 годовъ, среднія температуры зимы = $-1,65^{\circ}$ R., весны = $5,63^{\circ}$, лѣта = $+15,85^{\circ}$, осени = $+6^{\circ}$ и — къ слову о пониженіи температуры — наибольшія температуры декабря, января, февраля = $+15,4^{\circ}$, $+8,7^{\circ}$, $+8,7^{\circ}$, наименьшія = $-13,2^{\circ}$, $-13,6^{\circ}$, $-10,6^{\circ}$ и -10° даже въ мартѣ; все это — съ 31 дюймою годовой влаги. Въ послѣдніе же годы, напр., въ 1874 и 1879, взятые какъ-бы средними послѣдняго десятилѣтія, эти метеорологическія данныя — среднія температуры — представляются слѣдующими: среднія температуры зимы = $-2,32^{\circ}$ и $+0,72^{\circ}$; весны = $+5,63^{\circ}$ и $+8^{\circ}$; лѣта = $+16^{\circ}$ и осени $+7,8^{\circ}$ и $+7,9^{\circ}$ съ количествами влаги въ 32 и 34 дюйма. Представляя болѣе замѣтное различіе климата въ 25-лѣтній періодъ только въ температурѣ зимъ, климатъ послѣднихъ лѣтъ въ общемъ проявленіи является вполне соответственнымъ климату 1854, 1856 годовъ тѣмъ, что пониженіе, напр., тем-

пературы 1874 года уравнивается повышениемъ ея въ 1879 году и т. п.

Въ подобномъ же отношеніи находятся цифровыя данныя климата и при другихъ групповыхъ комбинаціяхъ разныхъ метеорологическихъ годовъ этого 25-лѣтняго періода. Одною изъ выдающихся особенностей зимняго климатическаго періода сѣверной и частію южной полосъ описываемаго края можно признать распространеніе періода, въ который бывають болѣе значительныя пониженія температуры, за предѣлы зимнихъ мѣсяцевъ. Бывають годы когда 8—10 градусныя холода захватываютъ и вторую половину марта; впрочемъ, случаи эти, какъ пониженія общей температуры, также нерѣдко разнообразятся оттепелями въ концѣ февраля и началѣ марта. Переменяясь другъ съ другомъ болшею частію въ короткіе часовые періоды съ рѣзкостію, свойственною мѣстамъ, открытымъ для господствующихъ воздушныхъ теченій, подобныя перемѣны температуры представляютъ одно изъ неблагопріятныхъ условій здѣшняго климата. Какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ хребта мартъ является мѣсяцемъ сильныхъ вѣтровъ, быстро затемняющихъ и быстро очищающихъ атмосферу отъ тучевыхъ скопленій. По количеству атмосферныхъ осадковъ, отъ 1 до 2 дюймовъ, мартъ—одинъ изъ наименѣе влажныхъ мѣсяцевъ.

Въ ряду вѣтряныхъ, непостоянныхъ мартовъ послѣдняго десятилѣтія особенно памятенъ для обывателей не только описываемаго края, но и всей сѣверной половины Кавказа мартъ 1875 года. Начавшись мягкимъ весеннимъ тепломъ, вызвавшимъ вмѣстѣ съ растительностію и сельскохозяйственныя операціи весенняго періода, мартъ 1875 года разразился во 2-ой половинѣ и закончился страшною снѣжной бурей, погубившей подъ глубокими, саженными наносами снѣга десяти тысячъ домашняго скота и десятки

людей. Не менѣ губительна была эта снѣжная буря и для растительности края: она уничтожила холодомъ и своею стремительною цѣлые сады, выворотивъ съ корнями тысячи разныхъ деревьевъ и обледенивъ забродившіе растительные соки. Нѣсколько меньшею запоздалостью холодовъ до марта мѣсяца отличался и 1874 годъ, когда холода, впрочемъ, не прерывались съ зимнимъ періодомъ, но отличались иногда жестокими для весенняго времени 20—22 градусными морозами. Впрочемъ, въ метеорологическомъ обобщеніи температуры зимы эти холода понизили среднюю температуру ея только на 1° , такъ какъ начало зимы отличалось до половины феврала теплотою и сухостью. Последний 1882 годъ имѣлъ почти всѣ намѣченныя нами климатическія особенности зимняго и первовесенняго періодовъ: то же распространеніе холодовъ на мартъ и даже апрѣль, середина зимы этого года въ январѣ состояла почти изъ ежедневныхъ морозовъ отъ -8° до -14° R., а мартъ изъ сѣрыхъ снѣжно-холодныхъ дней съ ежедневными 0° — 3° утренними заморозками.

Текуція воды сѣверной полосы во время правильныхъ зимъ съ среднею температурою— $1,65^{\circ}$ начинаютъ замерзать въ концѣ ноября, а освобождаются ото льда въ началѣ марта. Но такъ какъ сезонная правильность температуръ нарушается здѣсь довольно часто, то бывають случаи совершенной свободы водъ отъ ледянаго покрова въ самой срединѣ зимы и въ то же время замерзанія водъ на 45 вершковъ толщины въ концѣ феврала и половинѣ марта. Впрочемъ, при значительной быстротѣ своего теченія, здѣшнія рѣки за исключеніемъ небольшихъ притоковъ или тихо-текущихъ рукавовъ, никогда не закрываются сплошнымъ ледянымъ покровомъ. Признакомъ наиболѣе значительныхъ холодовъ здѣсь является замерзаніе двухъ третей рѣчныхъ поверхностей на 4—5 вершковыхъ толщ и большія ледяныя глыбы, проно-

сящіяся на свободныхъ ото льда водныхъ поверхностяхъ. Настоящій весенній періодъ, безъ паденій температуры ниже 0° , на сѣверной полосѣ края устанавливается въ большинствѣ случаевъ въ концѣ апрѣля. Первые же дни этого мѣсяца нерѣдко представляютъ утренніе -5° морозы съ дневнымъ повышеніемъ температуры до $+20^{\circ}$, — рѣзкости, весьма вредныя для растительности. Такое же разнообразіе представляетъ апрѣль и въ обще-суточныхъ переměнахъ погоды, то теплой и сухой, то сырой и холодной. По количеству атмосферной влаги, падающей дождемъ и нерѣдко снѣгомъ отъ 2 до 3 дюймовъ, апрѣль — умѣренно-влажный мѣсяць года, съ среднею температурою $+4^{\circ}, +6^{\circ}$. Вообще же апрѣль представляетъ переходный періодъ отъ умѣреннаго холода къ умѣренному теплу, когда на зеленомъ фонѣ поднимающейся растительности можно встрѣчать иногда бѣловатыя пятна вновь выпавшаго снѣга, мокраго и быстро тающаго. Впрочемъ, снѣгъ иногда падаетъ здѣсь даже въ маѣ, представляя на общемъ фонѣ майской природы оригинальныя сочетанія зимы съ весною. Такъ, напр., 13 мая 1882 года, по сообщенію Владикавказской метеорологической станціи, ночью и утромъ шелъ снѣгъ, а 14-го надъ той же полосой разразилась гроза. Наибольше же встрѣчающаяся температура апрѣля большею частію колеблется между $+1^{\circ}, +2^{\circ}$ утренняго пониженія и $+12^{\circ}, +18^{\circ}$ дневнаго повышенія. Май, мѣсяць мягкаго солнечнаго тепла и мягкой согрѣвающей свѣжести въ странахъ умѣренныхъ, въ описываемомъ краѣ является мѣсяцемъ почти непрерывныхъ дождей, дающихъ наибольшее количество влаги въ ея помѣсячномъ распредѣленіи 7—9 дюймовъ; количество это равняется полугодовому въ полосѣ южной и годовому количеству въ мало-дождливой, какъ, напр., въ г. Баку. При постоянномъ насыщеніи влагою, майскій воздухъ сѣверной полосы большею частію сохраняетъ равномерную

теплоту отъ $+10^{\circ}$ до $+11^{\circ}$ въ нейтральный утренній періодъ солнечнаго восхода къ зениту и $+20^{\circ}$, $+22^{\circ}$ въ послѣобѣденные солнечныя пригрѣвы съ прояснившася на короткое время неба. Наименьшее паденіе температуры этого мѣсяца доходить до $+6^{\circ}$ и $+7^{\circ}$; бывали, впрочемъ, рѣдкіе случаи, когда температура понижалась даже ниже нуля. Наступая послѣ болѣе или менѣе теплыхъ дней, вызвавшихъ растительную жизнь, эти пониженія жестоко поражали въ особенности культурныя растенія. Не рѣдко также бывали и случаи, когда струи дождя въ маѣ опестрялись хлопьями мокраго снѣга. Вообще же весенній періодъ сѣверной полосы, обильный холодною сыростью, скорѣе походитъ на сырую скучную осень умѣреннаго климата, чѣмъ на время года, опозитизированное въ идеаль климатическихъ пріятностей. Бываютъ годы, когда въ теченіе мая здѣсь не выпадаетъ ни одного яснаго дня, а 20—22 дня пасмурныхъ и дождливыхъ почти заурадное явленіе въ погодѣ этого мѣсяца. Средняя температура весны колеблется между $+7^{\circ}$ и $+9^{\circ}$; а средняя высота барометра между 700 и 702 миллиметрами. Лѣтнее повышеніе температуры большею частію происходитъ весьма послѣдовательно. Количество атмосферной влаги, распредѣляющееся въ маѣ почти ежедневными дождями, на лѣто хотя и уменьшается (3—5 дюймовъ въ іюнѣ, 4—5 въ іюль, 2—6 въ августѣ), но еще бываетъ довольно значительнымъ для предупрежденія рѣзкостей въ температурахъ весны и лѣта. Конецъ мая и начало іюня, сырые, но достаточно теплые для возбужденія въ растительности усиленной жизни, представляютъ періодъ самаго роскошнаго развитія мѣстной флоры,—періодъ, такъ сказать, того послѣдняго насыщенія ея питательными земляными растворами, за которымъ обще-стеблевое движеніе соковъ переходитъ въ плодовыя и цвѣточные завязи, а клѣтчатка листьевъ и стебля начинаетъ деревя-

нѣтъ. Для культурныхъ растений, какъ большею частію плодовыхъ и слѣдовательно требующихъ въ періодъ своего плодоразвитія болѣе спокойнаго и сконцентрированнаго питанія, дождливое соединеніе конца мая съ началомъ іюня является весьма неблагоприятнымъ: оно распространяетъ общее стеблевое развитіе растений въ ущербъ плодовымъ завязямъ, вслѣдствіе чего растенія являются цвѣтущими по стеблевой величинѣ, но малосодержательными по своимъ плодамъ. Средняя утренняя температура іюня колеблется большею частію между $+10^{\circ}$ и $+14^{\circ}$; въ солнечные предвечерніе пригрѣвы она изрѣдка доходитъ до $+25^{\circ} + 26^{\circ}$. Случаи уклоненія отъ этихъ приблизительныхъ предѣловъ теплоты встрѣчались скорѣе въ ея пониженіе, чѣмъ повышение; въ 1875, напр., году въ началѣ іюня, въ періодъ пасмурныхъ дождливыхъ дней, температура воздуха владикавказскихъ окрестностей понижалась даже до $+5$. Въ такое позднее время года и въ такомъ районѣ, гдѣ наблюдатель видитъ, напр., въ обширныхъ кукурузныхъ посѣвахъ, табачныхъ плантаціяхъ и т. п. ясныя указанія на южноширотную, довольно высокую годовую температуру, 5-ти градусная температура въ іюнѣ представляетъ весьма рѣзкое климатическое отступленіе. Не особенно низкая для непосредственно вреднаго вліянія, она, тѣмъ не менѣе, задерживаетъ ростъ болѣе нѣжныхъ растений и, въ благоприятномъ исходѣ, отражается случаями, гдѣ культурныя растенія въ періодъ сбора даютъ вмѣсто плодовъ—цвѣты, вмѣсто цвѣтовъ—почки и т. п. Къ такимъ растеніямъ прежде всего принадлежитъ представитель южной растительности—виноградъ.

Влажный темносѣрый покровъ, окутывающій сѣверную полосу въ теченіе мая, въ іюнѣ чередуется съ ясными, солнечными днями. Дожди, падавшіе прежде тонкими, но почти непрерывными струями, соединенные съ

унылымъ однообразіемъ тумановъ и низко надвинутыхъ тучъ, становятся теперь рѣже и падаютъ крупными, отчетливыми каплями. Тучевыя скопленія являются уже сконцентрированными массами въ высшихъ слояхъ атмосферы и даютъ пробѣлы для эффектовъ солнечнаго свѣта. Въ 8, 10 іюня, въ періодъ солнцестоянія и усиленной дѣятельности въ атмосферныхъ слояхъ, они начинаютъ раздражаться блестящими молніями и торжественными раскатами грома. Бывали годы, когда дожди съ грозой раздражались надъ сѣверной полосой въ теченіе многихъ іюньскихъ дней съ чрезвычайно правильной періодичностью суточныхъ явленій. Въ одинъ изъ среднихъ въ климатическомъ отношеніи годовъ (1869) іюньская атмосфера сѣверной полосы представляла слѣдующія данныя температуры: среднюю мѣсячную (при троекратномъ дневномъ наблюденіи) $+14^{\circ}$, наибольшую $+25^{\circ}$, наименьшую $+9,12^{\circ}$; цифры влажности за это время показывали 10 дней дождливыхъ, 11 только пасмурныхъ и 9 ясныхъ.

Мѣсяцъ іюль довольно замѣтно отличается отъ іюня большею теплотою воздуха въ полуденный и предвечерній періоды и въ общей характеристикѣ температуры представляетъ повышение въ большинствѣ случаевъ на 1—2 градуса; такое же превышеніе нерѣдко замѣчается и въ количествѣ его атмосферныхъ осадковъ, но они распределяются въ это время чаще сильными грозовыми дождями, оставляя послѣ своего паденія довольно мѣста и времени и для солнечнаго свѣта. Эти промежутки яснаго голубаго неба, особенно распространенные на нѣсколько дней,—прекраснѣйшее время теплаго сезона въ краѣ; они представляютъ тогда весьма эффектное и пріятное соединеніе блестящаго солнечнаго свѣта и его мягкой, ласкающей теплоты съ лѣтнею свѣжестью цвѣтущей зелени на величественныхъ рельефахъ горной природы. Такимъ же

климатическимъ характеромъ весьма нерѣдко отличается и первая половина августа. Какъ въ дождливые и пасмурные, такъ и въ ясные дни утрення температура 2-й половины іюля и 1-й половины августа колеблется отъ 11° до 14° ; отклоненіемъ отъ этихъ наиболѣе встрѣчающихся температуръ является еще большая прохлада и свѣжесть утреннихъ періодовъ. Съ этой стороны, самая жаркія лѣта, когда наибольшая температура (въ средніе годы $+27^{\circ}$, $+28^{\circ}$) достигаетъ $+32^{\circ}$, $+35^{\circ}$, сопровождаются утреннею свѣжестью — пониженіями температуры до $+11^{\circ}$ и т. п. Представляя постоянную особенность лѣтняго климата сѣверной полосы, эти пониженія происходятъ отъ ночныхъ приливовъ холоднаго воздуха съ сѣжныхъ высотъ Кавказскаго хребта и составляютъ одно изъ препятствій къ полному созрѣванію растений, требующихъ усиленной теплоты. Даже лѣто 1882 года, отличавшееся необычайнымъ бездождіемъ и высокою температурою въ іюлѣ и 1-й половинѣ августа, въ самый разгаръ этого періода, въ концѣ іюля и началѣ августа, представляло почти ежесуточно случаи утренней прохлады $+12^{\circ}$, $+14^{\circ}$ послѣ солнечнаго восхода и, конечно, еще большую прохладу передъ восходомъ. Количество атмосферной влаги, выпадающей за лѣто, — наибольшее изъ количествъ остальныхъ годовыхъ сезоновъ и представляетъ отъ 10 до 12 дюймовъ въ средніе годы и отъ 15 до 18 въ дождливые. Въ 1854 году въ западной половинѣ описываемой полосы, вообще болѣе орошаемой, чѣмъ половина восточная, во время лѣта выпало даже 29,75 дюйма влаги, — количество, почти вдвое превышающее цифры годоваго орошенія на южномъ слонѣ. Обиліе влаги отражается здѣсь на пониженіи высоты барометра, сравнительно съ таковою въ другіе сезоны: во время лѣта она колеблется между 699 и 701 миллиметр.; частныя уклоненія отъ этихъ предѣловъ въ большинствѣ

бываютъ настолько незначительны, что высоту лѣтнаго барометрическаго столба можно назвать наименьшею изъ такихъ въ остальные сезоны. Количества лѣтней влаги распределяются равномерно на всѣ лѣтніе мѣсяцы. Такъ, напр., въ одно изъ умѣренно-дождливыхъ лѣтъ (1870 г.) изъ общаго количества лѣтней влаги 17,485 дюйма выпало: въ іюнь—5,155 д., въ іюль—6,364 д., въ августъ—5,966 д. Въ другое, менѣе дождливое, лѣто (1868 г.) изъ общаго количества лѣтней влаги 10,670 дюйма выпало: въ іюнь—3,695 д., въ іюль—4,345 д., въ августъ—2,630 д. Приблизительной нормой лѣтней погоды, какъ она является въ большинствѣ, могутъ служить слѣдующія цифровыя данныя лѣтнихъ мѣсяцевъ одного изъ среднихъ лѣтъ: (1869 г.) среднія температуры изъ троекратныхъ ежедневныхъ наблюдений—въ іюнь $+16,3^{\circ}$, въ іюль $+17^{\circ}$, въ августъ $+17,4^{\circ}$; наибольшія—въ іюнь $+20,4^{\circ}$; въ іюль $+21^{\circ}$, въ августъ $+21,8^{\circ}$; наименьшія—въ іюнь $+12,1^{\circ}$, въ іюль $+14^{\circ}$, въ августъ $+9,1^{\circ}$. Эти умѣренныя температуры разнообразились короткими наибольшими повышеніями только въ немногіе дни: въ іюнь $+27^{\circ}$; въ іюль $+28^{\circ}$, въ августъ $+31,3^{\circ}$ и такими же рѣдкими наименьшими случайными пониженіями предъ восходомъ солнца, обыкновенно въ ясныя утра со слѣдами свѣжаго дождя: въ іюнь $+11,4^{\circ}$, въ іюль $+12^{\circ}$, въ августъ $+8^{\circ}$. Какъ цифры умѣреннаго тепла, гдѣ не было мѣста духотѣ, онѣ обуславливались, конечно, не столько широтнымъ положеніемъ страны, сколько довольно значительной высотой края надъ уровнемъ моря, а еще болѣе атмосферной влагой. Такъ, въ іюнь намѣчаемаго „средняго“ лѣта было только 9 ясныхъ дней, а остальные сопровождались или дождями, или тучевыми скопленіями, закрывавшими страну отъ солнечныхъ лучей. Іюль былъ менѣе дождливымъ, но сопровождался прохладными вѣтрами; августъ же, особенно во второй половинѣ, почти всегда овлажняющійся по

утрамъ легкой пеленой горныхъ тумановъ, въ описываемомъ году почти на половину состоялъ изъ сѣренъвихъ дней, изрѣдка перемежавшихся съ короткими солнечными просвѣтами. Нѣсколько выдающеюся климатическою особенностію августа можно признать рѣзкости повышений и понижений его температуръ, такъ что по самой высокой температурѣ августъ является наиболѣе теплымъ, а по самой низкой наиболѣе холоднымъ лѣтнимъ мѣсяцемъ.

Климатическія подробности нижней южной полосы довольно значительно различаются отъ таковыхъ же сѣверныхъ. Это отличіе въ особенности распространяется на теплую половину года, т. е. весну и лѣто. Бывали, напр., годы, когда на сѣверѣ въ апрѣлѣ и маѣ еще продолжались урывками низкія температуры, задерживавшія растительность, на югѣ же царствовала полная весна, и культурныя растенія почти созрѣвали для сбора, особенно въ полосѣ равнинъ, наиболѣе защищенныхъ отъ случайныхъ приливовъ сѣверныхъ холодовъ, но всегда открытыхъ для солнечныхъ лучей. Въ общей характеристикѣ, средняя годовая температура южной полосы превышаетъ температуру полосы сѣверной на 2°, иногда и на 3°. Высшія полосы района, взятая по высотѣ 8,710 фут., представляютъ среднюю годовую температуру около +2°, +3° R.; она распределяется приблизительно въ слѣдующія температуры по временамъ года: +1°, +2°—температуру весны; +8°, +9°—температуру лѣта; —2°, —3°—температуру зимы; +4°, +5°—температуру осени. По количеству влаги, высшія полосы описываемаго края представляютъ районъ наименѣе влажный. Такъ какъ большинство ея приносится сюда изъ Чернаго моря, то маловлажность эта можетъ быть объяснена, помимо другихъ причинъ обще-физическихъ, задержкою тучевыхъ скопленій во время ихъ движенія передовыми выступами—горными отрогами хребта въ западной половинѣ

края. Среднее количество влаги, напр., въ восточной половинѣ высшихъ полосъ края въ теченіе года составляетъ около 5—7 дюймовъ; большая часть ея (около двухъ третей) выпадаетъ въ теплое время года, т. е. весной и лѣтомъ; наименьшее количество — осенью. Впрочемъ, обыденному наблюденію высшія полосы края кажутся довольно влажными, такъ какъ выпадающая влага, вслѣдствіе низкой температуры воздуха, испаряется и вообще исчезаетъ въ болѣе продолжительные періоды времени, чѣмъ это бываетъ на равнинѣ.

Господствующими воздушными теченіями описываемаго края, судя по большинству случаевъ, можно назвать западное, или, вѣрнѣе, сѣверо-западное и восточное. Первое, какъ было сказано выше, приносить влагу изъ Чернаго моря, а второе весьма рѣдко сопровождается атмосферными осадками. Кромѣ этихъ теченій, продолжающихся нерѣдко цѣлыя десятки дней безъ перерыва, въ періодъ лѣтняго солнцестоянія бываютъ сильныя короткія теченія съ юга. Задерживаясь и видоизмѣняясь горами, эти теченія кажутся въ нижней полосѣ сѣвернаго склона иногда юго-восточными, иногда юго-западными. Въ холодное время года они появляются весьма рѣдко узкими полосами въ ширину, напр., Дарьяльскаго и Алагирскаго ущелій. Ихъ южное происхожденіе тогда весьма рѣзко заявляется необычною теплотой и необычною сухостью по времени года. Лѣтнія же теченія съ юга въ большинствѣ сопровождаются грозовыми дождями.

Одну изъ постоянныхъ и ежегодныхъ особенностей лѣтнихъ атмосферныхъ осадковъ какъ сѣверной, такъ и южной полосъ представляетъ градъ; онъ сопровождаетъ почти половину случаевъ, когда атмосферные осадки падаютъ грозовыми дождями. Наболѣе частые случаи града встрѣчаются при подошвахъ хребта, гдѣ онъ иногда выпадаетъ массивными, сплоченными и смерзшимися градинами ве-

личиною въ куриное яйцо. По разсказамъ старожиловъ, здѣсь бывали также случаи града еще большей величины—величины почти фунтовыхъ ледяныхъ глыбъ. Подобный градъ, помимо уничтоженія посѣвовъ, травъ и т. п., убивалъ на смерть барановъ, домашнюю птицу, и бывали даже случаи, что такія феноменально-крупныя градины убивали и людей.

Обобщая климатическія явленія описываемаго края сравнительно съ климатическими явленіями другихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностей Кавказа, мы должны замѣтить, что нижняя сѣверная полоса его представляла, напр., въ 1874 г. слѣдующія климатическія соотношенія. Зима этого года отличалась повсемѣстной суровостью; сильныя, необыкновенные холода имѣли распространеніе въ этомъ году не только на Кавказскомъ перешейкѣ, но и по всей Европѣ. На сѣверной полосѣ морозы этой зимы весьма нерѣдко доходили до— 20° R., въ г. Ставрополь— 22° R., въ г. Тифлисѣ до— 15° R., въ м. Сочи до— 12° R., въ г. Новороссійскѣ до— 16° R. Начало же зимы какъ въ описываемомъ краю, такъ и повсемѣстно на Кавказѣ отличалось теплотой и сухостью, вслѣдствіе чего средняя температура зимы какъ сѣверной полосы, такъ и намѣченныхъ пунктовъ почти не понизилась, сравнительно съ температурами среднихъ зимъ другихъ лѣтъ; въ первой, напр., она не превысила— $1,5^{\circ}$. Такое же соотвѣтствіе другимъ мѣстамъ Кавказа представляли климатическія явленія сѣверной полосы и въ остальные времена года. Къ числу годовъ, когда климатическія явленія сѣверной полосы не соотвѣтствовали таковымъ въ другихъ мѣстахъ, относится 1876 годъ. На сѣверной полосѣ температура зимы этого года понизилась до— $3,5^{\circ}$, т. е. на 2° ниже зимы 1874 года; между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ, особенно въ Закавказьи, она отличалась обыденной умѣренностью. Такая же разница, болѣе значительная, чѣмъ въ нормальные—средніе годы, распро-

странялась и на весну. Весна сѣверной полосы отличалась выдающимися холодами, морозами, напр., даже въ маѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ Кавказа, особенно же въ Закавказьи, она была обыденно-тепла. Изъ частныхъ климатическихъ явленій сѣверной полосы, имѣвшихъ связь съ подобными же явленіями въ другихъ мѣстахъ Кавказа, замѣчательно лѣто 1877 г. Оно отличалось какъ на сѣверной полосѣ и на сѣверномъ Кавказѣ, такъ и въ Закавказьи усиленными грозowymi дождями съ градомъ. Последнее лѣто (1882 года) имѣло весьма большое сходство съ лѣтомъ другихъ мѣстностей Кавказа по высотѣ температуры и бездождію.

Всѣ частныя климатическія явленія описываемаго края въ общей годовой характеристикѣ представляютъ среднюю годовую температуру климата въ нижней полосѣ, приблизительно до высоты 3,200—3,400 ф., отъ $5,5^{\circ}$ до $8,5^{\circ}$ R.; въ полосѣ верхней, приблизительно до высоты 9,000—9,200 ф.,—предѣла, за который рѣдко распространяется эксплуатація горныхъ мѣстностей для экономическихъ, хозяйственныхъ цѣлей,—средняя годовая температура въ большинствѣ колеблется отъ $+3^{\circ}$ до $+4,2^{\circ}$. На дальнѣйшей высотѣ температура понижается быстрѣе, чѣмъ въ нижнихъ полосахъ, такъ что съ высоты, напр., 11 тыс. фут.,—царства вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, годовая температура, очевидно, едва-ли превышаетъ температуру полярныхъ странъ— 0° . Низшія изъ приведенныхъ температуръ относятся къ климату сѣвернаго склона хребта, а высшія къ климату южнаго. Въ изотермическомъ сравненіи, климатъ сѣвернаго склона соотвѣтствуетъ въ Россіи климату причерноморской полосы, въ западной Европѣ—южной Германіи. Климатъ же южнаго склона за предѣлами Кавказскаго перешейка соотвѣтствуетъ на востокѣ южно-береговой полосѣ Каспія, а на западѣ—южно-береговой полосѣ

Чернаго моря. Такъ какъ склоны хребта повышаются послѣдовательно, то, очевидно, существуетъ еще серія температуръ промежуточныхъ, гдѣ въ порядкѣ повышения мѣстности высшія температуры незамѣтно переходятъ въ низшія. На южномъ склонѣ хребта это пониженіе температуръ происходитъ довольно послѣдовательно, но на сѣверномъ оно чередуется въ болѣе обширномъ распространеніи съ двумя полосами, на которыхъ годовая температура нѣсколько выше, чѣмъ на пространствахъ, находящихся надъ уровнемъ моря ниже этихъ полосъ. Первую полосу составляютъ продольныя протяженію хребта ущелья между первымъ и вторымъ, а вторую полосу такія же ущелья между вторымъ и третьимъ параллельными хребтами. Главное условіе повышенія температуръ на этихъ полосахъ, сравнительно съ температурами климата въ мѣстахъ, находящихся на меньшей высотѣ надъ уровнемъ моря,—защищенное отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ положеніе продольныхъ ущелій. Въ частныхъ климатическихъ явленіяхъ результаты этого бывають особенно замѣтны въ сезоны холодовъ, снѣговъ и т. п. Такъ, напр., иногда на сѣверныхъ скатахъ параллельныхъ хребтовъ и ниже на равнинѣ бушуетъ холодно-снѣжная непогода, а въ продольныхъ ущельяхъ въ то же время царствуетъ тишь и тепло солнечныхъ пригрѣвовъ, дающія свободу и сельско-хозяйственной дѣятельности обывателя, и растительнымъ процессамъ горныхъ злаковъ. Встрѣчаются въ этой полосѣ даже уголки, гдѣ, напр., снѣжный покровъ и вообще зимніе холода, какъ климатическая характеристика, не превосходятъ такихъ же явленій на южномъ склонѣ хребта на соответственныхъ по высотѣ надъ уровнемъ моря полосахъ. Приблизительной цифровой характеристикой приводимыхъ фактовъ могутъ служить слѣдующія сопоставленія средних температуръ. Въ одномъ изъ пунктовъ сѣвернаго склона (м. Алагирѣ), на-

ходящемся на высотѣ 2,300 фѳут. и открытомъ для холодныхъ воздушныхъ теченій сѣвера, среднія температуры декабря и февраля = -3° и $-1,5^{\circ}$; въ другомъ же пунктѣ (Садонскомъ рудникѣ), находящемся на высотѣ 5,200—5,300 фѳут., но защищенномъ отъ сѣвера горными массивами, среднія температуры тѣхъ же мѣсяцевъ = $-0,75$ и $+3^{\circ}$, т. е. здѣсь климатическій районъ на высотѣ болѣе чѣмъ въ 5,000 фѳут. имѣетъ температуру, превосходящую температуру климатическаго района на высотѣ 2,300 фѳут. на $2,25^{\circ}$. Оба эти пункта находятся почти подъ однимъ меридіаномъ и раздѣлены другъ отъ друга сорокаверстной полосею горныхъ высей; очевидно, что для разности температуръ въ $2,25^{\circ}$, — разности, распространяющейся такою величиною на цѣлыхъ два мѣсяца, намѣченныя разстоянія можно считать весьма незначительными. Подобное повышеніе температуры въ сезонъ холодовъ тѣмъ болѣе можетъ быть принято за величину, повышающую годовую температуру этой полосы, что въ остальное время года температуры намѣченныхъ пунктовъ сходны. Въ параллель случаямъ повышенія температуры въ мѣстахъ болѣе возвышенныхъ, — случаямъ, представляющимъ какъ-бы уклоненіе отъ закона пониженія температуры при увеличеніи высоты, на сѣверномъ склонѣ встрѣчаются и другія климатическія своеобразности; такъ, напр., пространства, защищенныя съ сѣверо-запада болѣе высокими и широко-массивными горами, орошаются меньшимъ количествомъ дождей, чѣмъ пространства, открытыя для сѣверо-западныхъ вѣтровъ. Съ этой стороны общее пространство сѣвернаго склона представляетъ по количеству атмосфернаго орошенія среду, перемежаемую полосами меньшаго орошенія. И эта характеристика тѣмъ ближе къ дѣйствительности, что она весьма нерѣдко оправдывалась соответственными случаями орошенія въ извѣстный періодъ времени. Бывали, напр., такіе случаи орошенія: на

покатостяхъ 3 и 4-го параллельныхъ хребтовъ и ниже по діаметру Владикавказско-осетинской равнины идутъ почти ежедневно въ теченіе мѣсяца проливные дожди, а въ продольныхъ ущельяхъ между вторымъ и третьимъ параллельными хребтами, за толщею 3-го параллельнаго хребта, въ теченіе того же мѣсяца царствуетъ бездождіе, приводящее населеніе въ отчаяніе. Въ то же время высшая полоса склона также изо-дня въ день клубилась темными тучами и посылала въ намѣчаемую полосу бездождія необычные мутные потоки—признакъ дождеваго орошенія. Всѣ подобные случаи служатъ какъ-бы указаніемъ, что общее количество влаги на сѣверной полосѣ распредѣляется на двѣ части: большую, выпадающую на равнинѣ и предгорьяхъ, и меньшую, выпадающую въ верхне-горномъ пространствѣ склона. Хотя распредѣленіе это, повидимому, и не соотвѣтствуетъ, напр., тому обстоятельству, что первыя скопленія являються чаще въ полосѣ верхне-горной, чѣмъ надъ равниною и предгорьями, но оно можетъ оправдываться и другими фактами. Дожди нижней полосы склона падаютъ большею частію крупными компактными каплями, между тѣмъ какъ дожди верхне-горной полосы, за весьма рѣдкими исключеніями, представляютъ скорѣе туманные брызги, чѣмъ дождевыя капли. Это различіе весьма легко замѣчается при наблюденіи дождя, падающаго въ одно время и изъ однихъ тучевыхъ массъ, на нижней и верхней полосахъ склона. Въ параллель къ этому различію въ орошеніи обѣихъ полосъ можно отнести еще то обстоятельство, что дожди съ грозою, весьма частые въ нижней полосѣ склона, въ верхней полосѣ бываютъ несравненно рѣже. Но, не смотря на большее атмосферное орошеніе, въ нижней полосѣ склоновъ ясныхъ, солнечныхъ дней бываетъ больше, чѣмъ въ полосѣ верхней. Приблизительной характеристикой ея съ этой стороны могутъ служить слѣдующія цифровыя данныя. Во

Владикавказѣ среднее число ясныхъ солнечныхъ дней въ теченіе года (изъ наблюденія 4 лѣтъ: 1873—1876) простира-лось до 126; въ частномъ распредѣленіи по временамъ года это число представляетъ: 39 ясныхъ дней осенью, 33—лѣ-томъ, 29—зимою и 25—весною. Дней, въ которые шелъ дождь или снѣгъ, среднимъ числомъ было 130 и распредѣли-лись они такъ: 49 дней—лѣтомъ, 42—весною, 21—зимою и 18 осенью. Въ числѣ однихъ только дождливыхъ дней весной и лѣтомъ (86), почти четвертая часть этихъ случаевъ (20) сопровождалась грозой. Кромѣ 256 дней съ крайними про-явленіями влажной пасмурности и солнечной ясности, ос-тальные 109 дней состояли частію изъ пасмурныхъ, но не дождливыхъ дней, частію изъ солнечныхъ, но затемняв-шихся временными заволакиваніями неба.

Всѣ случаи пасмурности нижней полосы почти всегда распространяются, хотя и съ меньшимъ количествомъ осад-ковъ, и на полосу верхнюю; но въ послѣдней, кромѣ слу-чаевъ пасмурности, общей съ ниже-полосовою, тучевыя скопленія заволакиваютъ небо и въ такіе дни, когда ниж-няя полоса залита яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, такъ что въ общестѣ итогъ число ясныхъ солнечныхъ дней въ верх-ней полосѣ менѣе числа такихъ же дней въ полосѣ ниж-ней. Всѣ разнообразныя случаи атмосферныхъ осадковъ имѣютъ со стороны общаго вліянія на климатъ одно зна-ченіе: распространяясь преимущественно на теплое время года, они понижаютъ его температуру. Но, кромѣ влаги, на пониженіе температуры имѣетъ вліяніе еще и высота надъ уровнемъ моря. Предположивъ, на основаніи выска-заннаго нами прежде замѣчанія, что температура климата на высотѣ, одинаковой съ уровнемъ моря, понижается отъ экватора къ полюсамъ приблизительно на $0,6^{\circ}$ съ каждымъ удаленіемъ отъ экватора на 1° широты, средняя условно-нормальная температура описываемой климатической поло-

сы, при высотѣ 0 ф. надъ уровнемъ моря, была-бы приблизительно $10\frac{1}{2}^{\circ}$. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ она колеблется между 6° и 8° , то пониженіе ея на $2\frac{1}{2}^{\circ}$ — $4\frac{1}{2}^{\circ}$ есть результатъ двухъ главнѣйшихъ условій: атмосферной влаги и высоты надъ уровнемъ моря 2,200—2,500 фут., взятой среднюю высоту нижней полосы описываемаго края. Такъ какъ вліяніе высоты мѣста на пониженіе температуры можно также приблизительно намѣтить въ 3° , то случаи дальнѣйшаго пониженія температуръ до средняго предѣла ихъ $+6^{\circ}$ въ своемъ большинствѣ представляютъ результаты вліянія атмосферной влаги. Эта общая климатическая особенность въ частномъ проявленіи представляла, напр., слѣдующіе случаи зависимости температуры отъ атмосферной влаги. Въ 1856 и 1857 годахъ среднія температуры теплаго времени года, т. е. весны и лѣта, когда падаетъ наибольшее количество влаги, были: въ 1-мъ $+10,74^{\circ}$, во 2-мъ $+10,38^{\circ}$. Такимъ образомъ, пониженіе температуры въ 1857 году, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, простиралось на $0,36^{\circ}$; при этомъ количество влаги въ 1856 г. было 20,207 дюйма, а въ 1857 г.—31,598 дюйма; т. е. въ весну и лѣто послѣдняго года количество влаги было больше соответствующаго количества въ предыдущемъ году на 11,391 дюйма. Еще рельефнѣе температурное значеніе влаги представляется въ метеорологическихъ итогахъ 1875 и 1876 г. Въ первомъ, напр., не смотря на среднюю зимнюю температуру $+0,06^{\circ}$, превосходившую тепломъ зимнюю же температуру 1876 г. на $+3,81^{\circ}$, средняя годовая температура была ниже температуры 1876-го года на $0,015^{\circ}$. Такъ какъ температуры осени обоихъ годовъ были почти равны, то пониженіе годовой температуры 1875 г., не смотря на его „теплую“ зиму, до уровня годовой температуры 1876 г., имѣвшая зиму холодную, было результатомъ пониженія температуры его весны и

лѣта. И дѣйствительно, среднія температуры ихъ представляли явленіе, обратное тому, что было въ зимнее и вообще холодное время года—болѣе высокую температуру въ 1876 (11,92°), а болѣе низкую (9,94°) въ 1875 году. Какъ и въ 1857 году, здѣсь пониженіе лѣтней и весенней температуры 1875 года сравнительно съ таковою въ 1876 г. сопровождалось большимъ количествомъ атмосферной влаги: около 37 дюймовъ въ 1875 и 25 въ 1876 году.

Общій результатъ подобныхъ вліяній выражается въ такомъ пониженіи средней годовой температуры края, что она оказывается весьма нерѣдко ниже температуры мѣстностей, лежащихъ гораздо сѣвернѣе осетинскаго края, какъ, наприм., г Ставрополя. Находясь подъ 45° 3,2', т. е. сѣвернѣе описываемаго края на 2° съ минутами, Ставрополь, въ періоды наибольшаго пониженія температуры нижегорной и равнинной полосы осетинскаго края, иногда имѣлъ среднюю годовую температуру теплѣе первой на 1° съ долями. Что же касается только до температуры лѣта, то послѣдняя, при сравненіи ея съ таковыми же въ пространствѣ русской низменности, соотвѣтствуетъ температурѣ мѣсть, лежащихъ сѣвернѣе на цѣлый десятокъ градусовъ, гдѣ средняя годовая температура (+3°, +4°) ниже температуры даже одной только осени описываемаго края (+5°, +8°).

Верхне-горная полоса, по средней высотѣ 7,000 фут., взятая не выше 9,000 фут.,—предѣла удобствъ для жизни населенія, имѣетъ среднюю годовую температуру отъ +3° до +4°, съ небольшими повышеніями и пониженіями въ годы, выдающіеся по теплу и холоду. На пространствѣ русской равнины эта температура соотвѣтствуетъ приблизительно температурѣ климатической полосы по 55° широты. Въ Москвѣ, напр., изъ 39 лѣтнихъ наблюденій въ 27 годахъ средняя температура колебалась отъ +3° до +5°,

въ 9 годахъ болѣе $+5^{\circ}$, и только въ 3 годахъ менѣе $+3^{\circ}$. Но соотвѣтствуя по средней годовой температурѣ 55° -ной климатической полосѣ россійской равнины, верхне-горная полоса описываемаго края по средней температурѣ лѣта (около $+8^{\circ}$) соотвѣтствуетъ лѣтней температурѣ самыхъ сѣверныхъ окраинъ россійской равнины. Такъ, напр., во время лѣта въ верхне-горной полосѣ весьма рѣдки пониженія температуры до -2° и даже -4° . А утренняя температура въ $+4^{\circ}$ или $+5$, судя по случаямъ въ июлѣ и августѣ 1882 г., отличавшихся высокою температурою, составляетъ нормальную прохладу горныхъ лѣтъ предъ восходомъ солнца. Наибольшія повышенія лѣтней температуры намѣчаемой полосы весьма рѣдко превышаютъ $+22^{\circ}$; впрочемъ, и 20° -ная температура представляетъ лишь сравнительно рѣдкое счастливое сочетаніе положенія на солнечномъ пригрѣвѣ и защищенности отъ постоянныхъ холодныхъ токовъ воздуха съ снѣжныхъ высотъ. Гдѣ соединеніе этихъ условій распространяется на 2—3 часа дѣйствія солнечныхъ лучей, тамъ температура повышается и за 25° , но это продолжается только до перваго закрытія солнечнаго диска или набѣжавшей тучкой, или вершиной ближайшей горы; чрезъ 5—6 минутъ послѣ такого закрытія температура быстро понижается на 10—12 градусовъ. Насколько такія повышенія представляютъ здѣсь случайность, весьма мало вліяющую на явленія верхне-горной природы, можно судить потому, напр., что они иногда не успѣваютъ растопить въ теченіе многихъ дней небольшой глыбы снѣга даже въ концѣ іюля, если на помощь имъ не явится дождевая влага. Вслѣдствіе этого въ верхне-горной полосѣ, на высотѣ, не превышающей 8,000 фута, даже на мѣстахъ, ежедневно подвергающихся по своему положенію сильнымъ пригрѣвамъ солнца, но изолированныхъ отъ дѣйствія сплошныхъ потоковъ воды по сватамъ въ періодъ лѣтнихъ дождей, въ малождивныя лѣта въ

іюль и августъ можно встрѣчать на зеленомъ растительномъ покровѣ поверхности бѣлыя площадки снѣга въ 5—10 кв. саженъ. Такимъ образомъ, въ общей своей характеристикѣ, климатъ намѣчаемой полосы, по своему лѣтнему проявленію, суровѣ лѣтняго климата 55⁰-ной полосы, гдѣ средняя температура этого времени доходитъ до 12⁰. Но пониженіе лѣтней температуры, при сходствѣ въ сопоставляемыхъ мѣстахъ температуръ осени и весны, пополняется нѣкоторымъ повышеніемъ температуры зимы въ верхне-горной полосѣ, сравнительно съ таковою, напр., въ г. Москвѣ. Такъ, напр., въ первой крайнія пониженія, или наибольшіе морозы весьма рѣдко переходятъ за—20⁰, между тѣмъ какъ въ климатической полосѣ г. Москвы подобные случаи, какъ извѣстно, составляютъ обыденное явленіе. И если на простыя наблюденія зимняя температура верхне-горной полосы и можетъ вазаться суровѣе, напр., средне-россійской, то причина этого—въ сильныхъ вѣтрахъ и буряхъ, свирѣпствующихъ въ горахъ и увеличивающихъ впечатлѣніе холода грозными картинами бушующихъ стихій. Въ общемъ результатѣ различіе зимъ въ сопоставляемыхъ мѣстахъ выражается средними температурами: между—3⁰ и —5⁰ въ полосѣ верхне-горной и—7⁰,—8⁰ по московской широтѣ. Встрѣчаются также въ верхне-горной полосѣ мѣста, гдѣ зимняя температура значительно выше намѣченной, это—небольшіе защищенные отъ сѣверныхъ вѣтровъ, но открытые для солнца, уголки въ системѣ центральныхъ ущелій между центральными хребтами. Нерѣдко, напр., въ такомъ уголкѣ солнечные пригрѣвы образуютъ въ снѣжныхъ навалахъ проталины—пастбища въ то время, когда за 2—3 верстовою толщею высокой горы непрерывно свирѣпствуютъ снѣжныя бури. Хотя количество влаги въ верхней полосѣ горъ меньше такового въ полосѣ нижней, но въ зимнее время оно

кажется большимъ. Это впечатлѣніе производится постоянствомъ глубокаго снѣжнаго покрова, начинающагося даже на высотѣ 5,000—5,500 фут. съ половины сентября и продолжающагося иногда до половины апрѣля. Отступленія во времени и продолжительности снѣжнаго покрова бывають чаще въ запаздываніе его съ осени и въ распространеніе, особенно на высотѣ превышающей 8,000 фут., почти до половины мая.

Разсматривая очерченныя климатическія подробности со стороны наиболѣе выдающихся, наиболѣе распространенныхъ и ощутительныхъ вліяній на здоровье человѣка, климатъ осетинскаго края можно раздѣлить приблизительно на три полосы: нижнюю—до высоты 2,400—2,600 фут.; среднюю—до высоты 8,000 фут., и верхнюю. Первая полоса, особенно на сѣверномъ склонѣ хребта по Владикавказско-осетинской равнинѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дожди и разливы рѣкъ образуютъ болотистыя скопленія, отличается большею или меньшею лихорадочностью. Здѣсь между населеніемъ Владикавказско-осетинской равнины, рѣже на южной и чаще на сѣверной половинѣ, во время лѣта встрѣчаются случаи, впрочемъ, не острой перемежающейся лихорадки. Причина ея, по всей вѣроятности, міазмы, развивающіяся въ благопріятной для нихъ средѣ—сырости, гніющей растительности и теплѣ; эти же условія сильно дѣйствуютъ въ теплое время года въ упомянутыхъ нами скопленіяхъ стоячей воды отъ обильныхъ дождей и рѣчныхъ разливовъ. Отсюда эти міазмы, какъ заносныя причины болѣзненности, по всей вѣроятности, распространяются и въ мѣста равнины, не имѣющія соответственныхъ условій для ихъ зарожденія. Съ повышеніемъ поверхности въ самомъ массивѣ хребта или переходомъ предгорныхъ равнинныхъ пространствъ въ склоны хребта, атмосфера края становится совершенно чистою и свободною отъ

міазмическихъ примѣсей. Здѣсь случаи заболѣванія лихорадками, — особенно лихорадками того вида, который считается результатомъ болотно-міазмическаго зараженія, весьма рѣдки. Но за то въ этой полосѣ хоть и не частыми, но господствующими случаями заболѣваній являются ревматизмъ и вообще простудно-ломотныя болѣзни и преимущественно болѣзни ногъ. Последнее, впрочемъ, едва-ли составляетъ результатъ специально-климатическихъ вліяній — рѣзкости, напр., атмосферныхъ температуръ и т. п. Преобладаніе въ болѣзняхъ случаевъ, такъ сказать, внѣшней простудности, не соединяющейся съ болѣе острыми ея проявленіями, болѣзнями органовъ дыханія, скорѣе указываетъ, что главныя причины высказанныхъ случаевъ болѣзненности заключаются въ частныхъ топографическихъ условіяхъ горной мѣстности, которыя подвергаютъ горнаго обитателя и во время снѣжныхъ заносовъ — зимою, и во время обильныхъ дождей — лѣтомъ постояннымъ случаямъ промоканія. Хотя климатъ горной полосы, въ своихъ частныхъ проявленіяхъ, особенно во время лѣта, и отличается довольно рѣзкими перемѣнами температуры, даже на небольшихъ разстояніяхъ, но, по вліянію на здоровье, перемѣны эти имѣютъ весьма значительное, ослабляющее ихъ вліяніе условіе: максимумъ горной температуры весьма рѣдко достигаютъ такой высоты, которая бы разслабляла организмъ своею теплотою и предрасполагала его къ простудѣ. Эти максимумы, какъ мы выше сказали, въ большинствѣ колеблются между 20° и 22°, т. е. температурою, настолько умѣренной, настолько мало возбуждающею испарину, что послѣ нея остаются безвредными самыя значительныя и быстрыя пониженія.

Такимъ образомъ, климатъ верхней полосы осетинскаго края можно признать довольно благопріятнымъ для здоровья. Съ постепеннымъ повышеніемъ склоновъ хребта въ

климатъ края, кромѣ послѣдовательнаго пониженія температуры является новое условіе—разрѣженность воздуха. Она проявляется прежде всего въ значительномъ повышеніи годоваго барометрическаго столба верхней полосы; въ сравненіи съ высотой его на нижней полосѣ это повышение представляетъ разность болѣе 100 миллиметровъ. Въ то время, какъ средняя годовая высота барометрическаго столба на нижней полосѣ склоновъ на высотѣ 2,200 ф. колеблется отъ 700 до 704 милл., на высотѣ 8,000 фут. она представляетъ около 587 миллиметровъ. Хотя разрѣженность воздуха, по своимъ общимъ физическимъ свойствамъ, и представляетъ неблагопріятное условіе для здоровья, тѣмъ не менѣе въ описываемомъ край, судя по здоровью обывателей, она еще не достигаетъ такого предѣла, за которымъ начинается вредное вліяніе ея на организмъ; даже больше того: если живость и бодрость обитателей верхней горной полосы края не составляютъ результата другихъ физическихъ вліяній, то разрѣженность воздуха верхней полосы на высотѣ, еще обитаемой, можно назвать хотя нѣсколько одностороннимъ, но благопріятнымъ климатическимъ условіемъ. Во всякомъ случаѣ, это благопріятное условіе, съ болѣею высотой, постепенно умалется и, наконецъ, заканчивается; такъ что на болѣе значительныхъ высотахъ климатъ края становится неблагопріятнымъ для здоровья. Какovy эти высоты, опредѣлить, конечно, трудно, но, судя по личнымъ наблюденіямъ надъ вліяніемъ на чловѣка разрѣженности воздуха, мы можемъ сказать, что она, напр., въ лѣтнее время (въ началѣ августа), при ясной сухой погодѣ, становится ощутительною на высотѣ не меньшей, по крайней мѣрѣ, 11,500—12,000 фут. На непривычныхъ организамахъ разрѣженность воздуха отражается прежде всего въ болѣзненно-судорожной дѣятельности сердца и вообще такихъ припадкахъ, которые, по своей свое-

образности, довольно рѣзко различаются отъ болѣзненныхъ ощущеній утомленія. По всей вѣроятности, большее или меньшее вліяніе на организмъ разрѣженности воздуха видоизмѣняется частными условіями температуры, влажности, солнечности и т. п. Хотя въ цѣлѣ свѣдѣній и разсказовъ туземцевъ верхне-горной полосы о природѣ своего края и нѣтъ свѣдѣній о разрѣженности воздуха, какъ явленіи, совершенно для нихъ непонятномъ, тѣмъ не менѣе этотъ климатическій фактъ не остался безъ косвенныхъ, отдаленныхъ замѣчаній и съ ихъ стороны. Къ разсказамъ, въ которыхъ заключаются подобныя указанія, можно отнести, напр., большинство повѣрій о недоступности такихъ высочайшихъ (14—15,000 ф.) вершинъ, которыя по своему топографическому строенію, повидимому, вполне доступны. Объясняемая въ повѣрьяхъ, легендахъ и т. п. таинственными сверхъ-естественными вліяніями, эта недоступность или трудно-доступность въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, можетъ быть, представляетъ и дѣйствительный фактъ, и объясняется, конечно, вліяніемъ разрѣженности воздуха. Проявляя свое дѣйствіе въ своеобразныхъ болѣзненныхъ припадкахъ, особенно при условіяхъ, исключających ихъ объясненіе, напр., физическимъ утомленіемъ отъ препятствій и т. п., разрѣженность воздуха, какъ осязательная, но непонимаемая причина недоступности, естественно могла быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдаленнымъ реальнымъ основаніемъ къ повѣрьямъ, что тѣ или другія горныя высоты, доступныя по топографическому строенію, недоступны по сверхъ-естественнымъ препятствіямъ. Впрочемъ, какъ неблагоприятное климатическое условіе, разрѣженность воздуха относится вообще къ тѣмъ пространствамъ края, которыя дико, пустынно, необитаемы и представляютъ интересъ лишь для исключительной любознательности.

Растительность.

Разнообразіе въ осетинскомъ краѣ климата, представляющаго рядъ температуръ отъ умѣренно-теплой до полярной, въ соединеніи съ разнообразіемъ грунтовъ—каменистыхъ, глинистыхъ, известковыхъ и другихъ, вліяетъ и на разнообразіе растительности въ краѣ. Съ этой стороны, соответственно раздѣленію климата края на три климатическихъ полосы, разнообразные виды его растительности можно также обобщить приблизительно въ три группы. Первую группу представляютъ растенія, исключительно или наиболѣе распространенныя въ умѣренно-теплой полосѣ (приблизительно до высоты 3,000—3,500 фут.); вторую—растенія умѣренной климатической полосы (до высоты 7,200—7,600 фут.); третью группу представляютъ растенія, распространенныя въ полосѣ холодной. Приспосабливая эту группировку къ опредѣленіямъ климатическихъ полосъ по наиболѣе извѣстнымъ и нагляднымъ примѣрамъ растительности, первую растительную полосу можно назвать полосой фруктовыхъ культивированныхъ деревьевъ, пшеницы и плюсь или минусъ винограда; вторую—полосой лѣсовъ и ячменя; третью—полосой горныхъ травъ. Какъ основанная на признакахъ, зависящихъ отъ одного только условія, такая группировка, очевидно, относится къ наиболѣе выдающимся, наиболѣе элементарнымъ фактамъ жизни растеній. Она, напр., не исключаетъ такихъ случаевъ, гдѣ растенія одной климатической полосы распространяются и въ другихъ полосахъ.

Растенія первой полосы—культивированныхъ фруктовыхъ деревьевъ, пшеницы и плюсь или минусъ винограда—представляютъ наиболѣе значительное разнообразіе частныхъ видовъ. Здѣсь соединяются весьма благоприятныя для растительности условія: тучная, плодородная почва и сравнитель-

но высокая температура климата. Едва только исчезнет на этой полосѣ зимній снѣгъ, какъ тучная почва, особенно сѣверной равнинной полосы, начинаетъ покрываться зеленью. Первыми открываютъ весну растенія, не боящіяся случайныхъ заморозковъ капризной весенней погоды этого края, — растенія сырыхъ мѣстъ; позднѣе появляются растенія сухихъ, песчаныхъ и каменистыхъ грунтовъ. При непостоянствѣ здѣшнихъ зимъ, этотъ первовесенній зеленый уборъ появляется въ разное время. Но приблизительнымъ среднимъ временемъ, когда нижніе склоны хребта и равнина покрываются уже довольно густою и замѣтною травою, а деревья зазеленѣютъ распускающейся листвою, можно намѣтить на сѣверѣ 1—10 апрѣля, на югѣ 1—10 марта. Большая часть равниннаго пространства покрыта травянистою и полукустарниковою растительностію. Деревья и кустарники встрѣчаются лишь въ немногихъ мѣстахъ. Они или образуютъ узкія перемежающіяся полосы лѣсковъ по прирѣчнымъ долинамъ, или отчетливо вырисовываются на широкомъ просторѣ равнинъ высокими влумбами садовъ и рощъ, группируясь вблизи поселеній и намѣчая ихъ расположеніе на равнинахъ.

Травянистую и полукустарниковую растительность равнины можно раздѣлить на двѣ группы: растительность сырыхъ низменностей, гдѣ встрѣчаются скопленія стоячей воды, и растительность пространствъ менѣе увлажненныхъ, гдѣ постоянныхъ скопленій воды почти не встрѣчается. Въ первой полосѣ распространены по преимуществу разные виды безцвѣтковыхъ или споровыхъ (*semivasculares*): хвощи (*equisetaceae*), мхи (*musci*), водоросли (*alagae*), грибы (*fungi*) разнообразныхъ видовъ и т. п. Вблизи же этихъ растеній ярко зеленѣетъ стройная осока (*carex*). Быстро поднимаясь отъ земли, она всегда оказывается болѣе сильнымъ борцомъ за свое существованіе, и чрезъ 5—6 дней весенней оттепели,

заглушая другіе виды растеній сырой почвы, распространяется по заливнымъ луговинамъ красивымъ ярко-зеленымъ ковромъ, прикрывающимъ сырую, кислую почву. Немного въ сторону отъ такихъ зарослей, какъ-бы по окраинамъ наиболѣе сырыхъ ложбинъ, обыкновенно господствуетъ стрѣлообразный пырей (*triticum repens*). Подобно осокамъ, онъ является распространеннымъ въ низменностяхъ, но только менѣе влажныхъ, чѣмъ почва, покрытая осокой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ однообразными порослями растеній болотистой почвы возвышается родственный осокамъ представитель киперовыхъ (*сурегасеае*)—камышъ (*phragmites*). Самыя значительныя заросли камыша встрѣчаются на низменныхъ окраинахъ равнинныхъ пространствъ. Дальнѣйшими, болѣе сложными по своей организаціи, представителями растительности сырой полосы, частію распространяющимися въ полосы болѣе сухія, частію заканчивающимися въ предѣлахъ наибольшей почвенной влаги, являются нѣкоторые виды семейства лютиковъ (*гапкуласеае*), лилейныхъ (*liliaceae*), бальзаминовыхъ (*balsaminae*), сложноцвѣтныхъ (*compositae*), нимфовыхъ (*nimphaeaceae*), зонтичныхъ (*umbelliferae*) и другихъ, сравнительно менѣе распространенныхъ. Изъ семейства лютиковъ въ наиболѣе сырыхъ мѣстахъ встрѣчается, такъ называемый, водяной лютикъ (*г. aquatilis*), съ маленькими бѣлыми цвѣтами и нитевидными отростками въ листовыхъ сочлененіяхъ. Но еще чаще попадаются въ сырыхъ мѣстахъ, какъ самыхъ низменныхъ, такъ и болѣе возвышенныхъ, лютики съ свѣтло-желтыми цвѣтами. Одни изъ нихъ подобно вьющимся растеніямъ виднѣются между корнями и стеблями травъ, цѣпляясь за нихъ нитевидными отростками, а другіе возвышаются своими вертикальными стеблями надъ поверхностью почвы иногда болѣе чѣмъ на 1 футъ. Между лютиками съ желтыми цвѣтами встрѣчаются экземпляры, у которыхъ лепестки цвѣтовъ окрашены по желтому фону разнообразны-

ми темными верапами. Наиболее распространенными в сырых мѣстах видами желтоцвѣтных лютиковъ можно назвать лютикъ ядовитый (г. *sceleratus*) и лютикъ язычковый (г. *lingua*). Оба они довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга какъ строеніемъ стеблей и листьевъ, такъ и цвѣторасположеніемъ. Первый имѣетъ стебель, дающій боковые побѣги у самого корневища, и трехъ-лопастные округло-вырѣзные листья съ удлинненными черешками; а второй возвышается прямой стрѣлкой съ ланцетовидными листьями, обхватывающими стебель при своихъ основаніяхъ; цвѣты ядовитаго лютика мелки и едва замѣтны въ зелени листьвы и стебля, а у лютиковъ язычковыхъ они ярко желтѣютъ крупными звѣздочками, вѣнчающими стрѣлки стеблей. Распространяясь по луговинамъ, которыя иногда раннею весною привлекаютъ къ своей зелени, за неимѣніемъ другаго подножнаго корма, домашній скотъ, лютикъ язычковый, какъ ядовитое растеніе, производитъ нерѣдко между домашними животными опасныя болѣзни. Впрочемъ, вредное вліяніе на домашній скотъ оказываетъ большинство растеній сырыхъ низменныхъ мѣстъ, особенно ранней весной, въ періодъ перваго движенія растительныхъ соковъ. Изъ другихъ травъ сырой низменной полосы, сравнительно мало распространенныхъ по другимъ мѣстамъ края, здѣсь растутъ одного же семейства съ лютиками: курслѣпъ болотный (*caltha palustris*), болотнянка, молочай болотный (*sonchus palustris*) съ длинными рѣзко-вырѣзными листьями, зубцы которыхъ заканчиваются колючками, василиснѣзъ (*talictrum*), золотянка (*crysospeilium artelnifolium*) и изрѣдка ломоносъ (*clematis*). Встрѣчаясь хоть и не такъ часто, какъ, напр., осока и пырей, они тѣмъ не менѣе довольно замѣтно бросаются въ глаза, особенно въ первый разгаръ весны и тепла, своимъ красивымъ оцвѣтениемъ, какъ разнообразныя дымчато-розовыя и желтыя пятна на зеленомъ

фонъ прямо-стоячихъ зарослей осоки, пырея и т. п. травъ. Однѣ изъ этихъ травъ, какъ вурслѣпъ болотный съ блестящими желтыми лепестками, на фонѣ которыхъ темнѣютъ кругленькими пятнышками многочисленныя тычинки, распространяются иногда небольшими сплошными зарослями, вытѣсняя сосѣднія растенія; другія, какъ василисникъ, встрѣчаются чаще въ одиночку высокими вѣтвистыми полубустарниками, густая листва которыхъ увѣнчана цвѣточными метелками и зонтиками; третьи, какъ золотянка, съ желтыми, болотнянка, съ розовыми колокольчикообразными цвѣтками, незамѣтны въ высокихъ заросляхъ осоки, камыша и т. п., выступаютъ на видъ по лужайкамъ, покрытымъ низорослымъ мхомъ сырыхъ мѣстъ.

Представителями семейства сложноцвѣтныхъ (compositae) на низменностяхъ встрѣчаются: вѣтвистый ласкавецъ съ желтыми цвѣтками (*burleugum*), водяной лопушникъ (*lappa*), манжетка (*alchemilla*), чертополохъ (*carduus*), значительно распространяющіеся, впрочемъ, и по другимъ мѣстамъ. Изъ семейства зонтичныхъ (*umbelliferae*) здѣсь растутъ: вонючая бѣшеница (*cicuta virosa*), съ толстымъ ядовитымъ корневищемъ, предупреждающая острымъ ѣдкимъ запахомъ о своей ядовитости, изрѣдка—не менѣе ядовитая собачья петрушка (*aethusa cynapium*), таволга (*spigaea*), съ бѣлыми щитковидными цвѣтками; изъ семействъ: наядоваго (*najades*), лилейнаго (*liliaceae*), колокольчиковаго (*sampanulaceae*), дербенниковаго (*salicariae*) и другихъ, виды которыхъ болѣе или менѣе предпочитаютъ сырыя низменности, въ разныхъ мѣстахъ преимущественно сѣвернаго склона встрѣчаются: дербенникъ (*lithrum salicaria*), вязель (*coronilla varia*), съ розовыми цвѣтами, вахта (*mengantes*), вероника (*veronica*), растрогъ (*teucrium*), иванъ-чай болотный (*epilobium palustre*), колокольчикъ (*sampanula*), безродный (*colchicum*), мыльнянка (*saroparia*), съ розовыми цвѣтками и взмыли-

вающимися листьями, волоногъ (*lycoris*), окопникъ (*simphitum*), кувшинчики разныхъ цвѣтовъ (*pumphaea alba*, *pumphaea lutea*), преимущественно бѣлаго и желтаго, свирѣпка (*erysimum*)—невысокое травянистое растеніе, увѣчанное пахучими желтенькими цвѣтками.

Еще большее разнообразіе видовъ представляетъ травянистая растительность переходной полосы отъ сырыхъ низменностей къ полосѣ нагорной. Здѣсь повторяется большинство видовъ полосы намѣченной и множество новыхъ, не любящихъ слишкомъ влажной почвы. Съ этой стороны растительность менѣе влажной равнинной полосы заключается въ себѣ почти всѣ виды ея въ описываемомъ краѣ. По видамъ же наиболѣе распространеннымъ, эту травянистую растительность можно назвать высоко-стебельною, буйною, растительностію многолѣтнихъ травъ съ деревенѣющими стеблями и полукустарниковою. Въ холодное время года и вообще въ періодъ замиранія растеній равнинъ, открытыя пространства исполосованы темносѣрыми пятнами—кущами засохшихъ высокорослыхъ стеблей. Когда въ краѣ разстилается бѣлая плена снѣга, кущи эти рѣзко выдѣляются на бѣломъ фонѣ темными пятнами, а, съ наступленіемъ тепла, болѣе высокорослыя кущи сухихъ деревянистыхъ стеблей долго скрываютъ въ своей тѣни зеленые побѣги новой травянистой растительности. Отъ этого многія мѣста равнины до самой поздней весны представляютъ унылый видъ растительной безжизненности; въ то же время мѣста, свободныя отъ высокорослыхъ прошлогоднихъ травъ, представляютъ полную картину весны и ярко зеленѣютъ шелковистымъ ковромъ травъ, испещреннымъ клумбами и брызгами разнообразныхъ цвѣтовъ.

Вообще растительность нижней, равнинной полосы края, судя по свойствамъ тѣхъ видовъ, которые въ ней наиболѣе распространены, можно назвать растительностью

поташною, т. е. содержащую въ себѣ значительный процентъ поташа. Кромѣ того, въ этой полосѣ не мало видовъ, содержащихъ въ себѣ довольно острые яды, вредные для людей и домашнихъ животныхъ. Одни изъ растений ядовиты въ періодъ только весенней свѣжести, другія—въ періодъ своего лѣтняго пребыванія на корню и безвредны послѣ своего высушиванія, третьи содержатъ ядовитость только въ нѣкоторыхъ частяхъ: корняхъ (по преимуществу), лепесткахъ, плодахъ и т. п. Кромѣ вышеозначенныхъ нами видовъ *gaultheriaceae*: *g. sceleratus*, *g. aquatilis* и *g. lingua*, къ группѣ растений, содержащихъ въ себѣ острое ядовитое начало, можно отнести *g. aspis* (лютичь ѣдкій). По своему общему строенію онъ представляетъ какъ-бы поверхностное соединеніе формъ *g. sceleratus* и *g. lingua*: съ первымъ онъ сходенъ по своимъ лапчато-вырѣзнымъ листьямъ съ кругло-зубчатыми краями, прикрѣпленнымъ къ высокому стоящему стеблю длинными черешками, а съ лютикомъ язычковымъ—по прямо-стоящему стеблю, вѣнчающемуся желтыми цвѣтками на длинныхъ цвѣтовыхъ ножкахъ. Большею или меньшею ядовитостію или, по крайней мѣрѣ, острымъ воспалительнымъ дѣйствіемъ даже на поверхность кожи отличаются виды группы анемоновыхъ, принадлежащей къ тому же семейству *gaultheriaceae*: веснуха или вѣтреница лѣсная (*anemone nemorosa*), вѣтреница чистая (*anemone nobilis*). Оба они довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга какъ окраской своихъ лепестковъ, такъ и формою листьевъ, имѣя одно сходство въ ядовитости. Появляясь самой ранней весною, когда въ иныхъ мѣстахъ еще бѣлѣютъ глыбы снѣга, эти анемоны (извѣстные больше подъ названіемъ подснежниковъ), по всей вѣроятности, нерѣдко служатъ, подобно лютикамъ, причиною весеннихъ заболѣваній скота, выходящаго на подножный кормъ. Еще болѣе раннимъ украшеніемъ равнинъ, даже въ концѣ зимы, на снѣжныхъ про-

талилахъ, а иногда и изъ-подъ тонкаго слоя снѣга пробиваются наружу гладко-листные эллеборы (подснѣжники, морозники, *hellebogus*), одни съ сизоватыми, а другіе съ розоватыми цвѣтками на длинныхъ цвѣтковыхъ ножкахъ, выходящихъ вмѣстѣ съ листьями прямо изъ корней.

Полный разцвѣтъ мѣстной травянистой растительности наступаетъ большею частію на сѣверѣ въ концѣ мая, на югѣ въ концѣ апрѣля. Къ этому времени обыкновенно пасмурная или непрерывно-дождливая погода постепенно переходитъ въ ясную и солнечную, и растенія, напитавшіяся обильною влагою, распускаютъ подѣ дѣйствіемъ солнечнаго тепла свои цвѣточные бутоны. Старые засохшіе стебли полукустарниковъ и высокорослыхъ травъ, до сихъ поръ закрывавшіе или цѣлыми полосами, или въ одиночку новую весеннюю зелень, теперь уже перегнили, рассыпались и превратились въ тонкій землянистый слой еще не перебродившаго чернозема; только кое-гдѣ виднѣются среди яркой зелени одинокіе корявые стебли многолѣтнихъ полукустарниковъ. Своими крѣпкими длинно-мочковатыми корнями они такъ приспособились къ тучной средѣ-почвѣ, что не уступаютъ своего мѣста даже новымъ побѣгамъ изъ тѣхъ же корней и слабыми признаками проростовъ на своихъ сочлененіяхъ какъ-бы указываютъ на признаки новой весенней жизни.

Самая высокорослая, наиболѣе бросающаяся въ глаза травянистая растительность распространяется преимущественно на мусорной почвѣ вблизи поселеній, на взрыхленной почвѣ прошлогоднихъ посѣвовъ и на тучной почвѣ по окраинамъ лѣсныхъ зарослей, гдѣ она ежегодно обновляется наносами перегнивающей лѣсной листвы. На сѣверной, Владикавказско-осетинской равнинѣ эта высокорослая травянистая растительность общюю картиною своего распространенія представляетъ приблизительно какъ-бы три по-

лосы, тянущіяся отъ востока къ западу: двѣ по сѣверной и южной окраинамъ равнины и одну по ея срединѣ. Растительность этихъ приблизительно намѣчаемыхъ полосъ (по наблюдениямъ 1873, 1874 и 1882 гг.) можно назвать также растительностью по преимуществу поташною.

По средней, равнинной полосѣ, намѣчаемой группою поселеній къ западу отъ г. Владикавказа, господствующими видами высокорослой травянистой растительности можно назвать нѣкоторыхъ представителей семействъ: губоцвѣтнаго (*labiatae*), крапивнаго (*urticae*), въ особенности изъ его группы конопляновыхъ (*datisceae*) растений, сем. пасленоваго (*solanaceae*), сложноцвѣтнаго (*compositae*), крестоцвѣтнаго (*cruciferae*), молочайнаго (*euphorbiaceae*), бурачниковаго (*borragineae*) и другихъ. Виды этихъ семействъ распространяются большею частію довольно обширными зарослями, причемъ какой-нибудь видъ растительности, заглушая другіе, является на извѣстномъ пространствѣ какъ-бы господствующимъ. Съ этой стороны, по отношенію къ поселеніямъ, означенные виды на картинѣ своего обособленнаго распространенія представляютъ какъ-бы систему концентрическихъ окружностей, гдѣ послѣдовательность въ распространеніи видовъ отъ центровъ-поселеній приблизительно соотвѣтствуетъ порядку вышеозначеннаго перечисленія ихъ семействъ. Первую зеленую кайму поселеній, прикрывающую ихъ мусоръ и т. п., какъ и вездѣ, представляютъ густыя высокорослыя чащи глухой крапивы (*lamium album*), чередующейся съ зарослями жгучей крапивы (*urtica hrens*) и желтой крапивы (*galeobdola*). Далѣе на почвѣ, менѣе засоренной растительнымъ и животнымъ мусоромъ поселеній, распространяются еще болѣе высокія и густыя чащи дикой конопли (*sannabis*),—по всей вѣроятности, будущаго богатаго матеріала технической промышленности. Наконецъ, на почвѣ, представляющей какъ-бы

переходную отъ мусорной къ чистой почвѣ свободныхъ полей, встрѣчаются въ одиночку или небольшими семейными группами разнообразныя заросли репейника (*agrimonia*), ромашки (*matricaria*), кустистой колючки (*sagmina*) съ синевато-зеленой листвою, высоко-стебельнаго, увѣнчаннаго бахромчатой метелкой полыня (*artemisia*). Здѣсь же начинаютъ попадаться группами пасленовыя, встрѣчавшіяся до сихъ поръ больше въ одиночку: бѣлена (*hyoscyamus*), распространяющая въ сырую погоду тяжелый запахъ, дурманъ (*datura stramonium*), пасленъ съ черными ягодами (*solanum nigrum*)—отчасти ядовитое растеніе, и изрѣдка его разновидность—*solanum esculentum*, пасленъ съ ягодами сладковатаго вкуса, лакомствомъ деревенскихъ дѣтей. Близъ лѣсныхъ и садовыхъ зарослей за поселеніями, гдѣ почва обильно утучнена растительнымъ перегноемъ, большею частію группируется въ перемежку съ мелкорослою растительностію кустистый огуречникъ (*borago*). Во время своего полнаго весенняго убора изъ красивыхъ голубыхъ цвѣтковъ онъ прежде всего намѣчается въ окружающихъ его чащахъ полусорныхъ травъ своимъ тонкимъ огуречнымъ ароматомъ. Въ подобныхъ же мѣстахъ возвышаются густыя чащи длиннолиственнаго купыря (*angelica*), представляющаго хоть и дурно пахучее, но довольно распространенное съѣдобное растеніе непритязательныхъ дѣтей, когда они ботанизируютъ по полямъ съ гастрономическими цѣлями. Нѣсколько въ сторонѣ отъ тѣнистыхъ зарослей, гдѣ соединяются два условія—тучная почва и обиліе солнечнаго свѣта, попадаются красивые темнозеленые кусты кудрявой волючки (*carduus crispus*). Покрытая тонкими шерстистыми иглами и какъ-бы разрисованная по длинѣ своего стебля желтовато-зелеными параллельными полосками, эта колючка, особенно въ тѣни мелколиственной растительности, сильно напоминаетъ шерстистаго исполинскаго червяка. Здѣсь же

чаще попадаются лѣкарственный гвоздичный гравилатъ (*geum*), называющійся такъ по гвоздичному запаху корня, и унылая сѣролиственная лебеда (*atriflex*), служащая обыкновенно признакомъ близости какихъ-нибудь прошлогоднихъ посѣвовъ, и гдѣ они есть, распространяющаяся дымчатыми полосами на цѣлыя десятины. Въ болѣе глухихъ мѣстахъ вблизи поселеній, особенно на почвѣ давно заброшенныхъ жилищъ изрѣдка сѣрѣтъ высокій вѣтвистый омегъ или болиголовъ (*conium maculatum*). Подобно нѣкоторымъ пасленовымъ, омегъ въ теплую сырую погоду распространяетъ хоть и слабый, но тяжелый, одуряющій запахъ, какъ-бы предупрежденіе о своей сильной ядовитости. Впрочемъ ядовитость омега заявлена и извѣстна человѣчеству, такъ сказать, широко-историческимъ предупрежденіемъ еще десятки вѣковъ тому назадъ: Сократъ, какъ извѣстно, былъ отравленъ ядомъ омега (*conium maculatum*).

Представителями высшей растительности на окраинахъ поселеній выгонахъ и пустыряхъ, примыкающихъ къ поселеніямъ, кромѣ вышеозначенныхъ, довольно часто встрѣчаются: татарникъ (*onopordium aconthium*), дивій цикорій (*cicorium intibus*) съ голубыми раздѣльно-лепестковыми цвѣтами, растущій больше въ одиночку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ, впрочемъ, встрѣчается и групповыми, семейными зарослями, но съ такими значительными промежутками между отдѣльными особями, что въ нихъ бываетъ довольно мѣста и для другихъ видовъ чаще низко-стебельной растительности. Въ мѣстахъ, гдѣ зелень вытаптывается или поѣдается домашними животными и т. п., цвѣты дикаго цикорія составляютъ иногда единственное украшеніе выгоновъ и пустырей; жестко-лепестные и крѣпко-приросшіе къ своимъ коротенькимъ ножкамъ, они успѣшно выдерживаютъ всевозможныя неблагоприятныя вліянія часто до самой осени. Однимъ изъ наиболѣе постоянныхъ

спутниковъ дикаго цикорія на мѣстахъ, подвергающихся вытаптыванію, но освѣщенныхъ солнцемъ, служить низкорослый очитокъ (*sedum acre*). Мясистый и гибкій, онъ стойко выносить, разстилаясь по землѣ, всѣ неблагоприятныя условія населенныхъ мѣстъ и часто составляетъ единственную зелень улицъ, площадей и т. п. Растительность пустырей и окраинъ поселеній состоитъ частію изъ видовъ, уже поименованныхъ, частію другихъ, растущихъ на свободныхъ поляхъ и лугахъ. Изъ разновидностей обозначенныхъ растений встрѣчается, напр., разновидность пасленовъ — рѣдколистный пасленъ съ красноватыми ягодами (*solanum dulcamara*), пахучая мята (*mentha*), заканчивающаяся на вершинѣ метелкой изъ мелкихъ лиловыхъ цвѣтковъ или круглыхъ зерновокъ. На болѣе открытыхъ мѣстахъ, какъ растенія, указывающія на близость свободныхъ полей, возвышаются поросли шалфея (*melisia*), довольно сходныя съ порослями малорослой крапивы. Одинъ видъ его имѣетъ цвѣтки голубоватые, расположенные попарно супротивно на верхней половинѣ жесткаго четырехграннаго стебля, а другой — цвѣтки больше лиловые, прикрѣпленные на округломъ стеблѣ супротивно же сидящими пятицвѣтковыми и трехцвѣтковыми висточками. Растеніе это не любитъ мусорной почвы и рѣдко заходитъ въ полосы растеній, прежде поименованныхъ. Какъ разнообразіе растеній съ открытыми цвѣтковыми чашечками, въ намѣчаемой полосѣ встрѣчается ворсянка (*dipsacus*), съ колючимъ стеблемъ и двуполосной цвѣточной головкой, какъ-бы укутанной жесткой чешуею прицвѣтниковъ. Въ однихъ — болѣе тѣнистыхъ мѣстахъ травянистыя чащи перепутываются гибкими стеблями повителя (*convolvulus*) съ ея разнообразными цвѣтками, въ другихъ они еще болѣе сцѣпляются завивающимися усиками плюща (*glechoma*) какъ-бы въ одну травянистую разнообразную массу, задерживающую, подоб-

но исполинской жесткой паутиной, случайного посетителя этих тѣнистыхъ уголковъ. Кромѣ намѣченныхъ нами видовъ растений, окаймляющихъ и наполняющихъ пространства поселеній или временными весенними порослями до первой опасности отъ зубовъ, копытъ и обуви обывателей и т. п., или густыми ежегодными чащами, повидимому, какъ менѣе постоянныя и болѣе случайныя растенія полосы населенныхъ мѣстъ, попадаютъ: высокостебельная вѣтвистая гулявица (*sysimbrium*), желто-цвѣточная старинка (*senecio*) съ колючими неправильно-вырѣзными листьями, точно обрывками темнозеленой материн, тонкостебельная съ переменными ланцетовидными листьями и мелкими желтыми цвѣтками на вершинѣ стебля пастушья сумка (*capsella bursa pastoris*), мелко и крупнорослый подорожникъ (*planthago*); мятликъ (*poa*), огородный молочай (*sonchus*) съ красноватымъ стеблемъ и продолговатыми копьеобразными неправильно-зубчатыми листьями, колючій чертополохъ (*carduus*), чистотѣль (*cheledonium majus*) иногда съ розоватыми, иногда съ желтоватыми цвѣтками, представляющій какъ бы видоизмѣненіе дикаго мака; курслѣпникъ (*anagallis*) съ красными ягодами, земляной плющъ или будра (*glechoma hederacea*) и другія. Эти растенія по преимуществу встрѣчаются въ мѣстахъ, гдѣ почва достаточно удобрена, но не засорена перегнивающимъ и разлагающимся мусоромъ. Тамъ же, какъ болѣе красивые представители растительности, встрѣчающейся и вблизи поселеній, и на поляхъ и лугахъ, виднѣются: высокорослая мальва (*malva*), иногда съ разнообразными цвѣтами на особахъ одного и того же растительнаго уголка; царская трава (*verbascum thapsus*), увѣнчанная красивымъ колосомъ изъ желтыхъ цвѣтовъ. Гдѣ группы растительности мало тревожатся вторженіемъ жизни поселеній, тамъ, особенно въ сосѣдствѣ съ садовыми зарослями, кущи травъ перевиваются стеблями и разнообразятся изящ-

ной листвою и красивыми цвѣтками мышегорошника (*vicia*). На пустыряхъ и выгонахъ селъ, расположенныхъ вблизи рѣкъ и ручьевъ съ низменными берегами, гдѣ разливы рѣчнаго половодья подходятъ къ садамъ, огородамъ и т. п., между чащами поименованныхъ растений одиноко или небольшими зарослями попадаетъ метелчатый камышь (*scirpus*), осока (*carex*), пырей (*triticum*) и другіе поименованные виды растительности сырыхъ низменностей.

За предѣлами поселеній на свободныхъ пространствахъ равнины травянистая растительность представляетъ еще большее разнообразіе видовъ. Здѣсь повторяются многіе изъ поименованныхъ видовъ, иногда раздробляясь на ихъ разновидности, и распространяются новые виды семействъ первоцвѣтнаго (*primulaceae*), гераневаго (*geraniaceae*), молочайнаго (*euphorbiaceae*), спаржеваго (*asragaceae*), злаковъ (*graminae*), гвоздичнаго (*scrophylleae*) и другихъ. Изъ семейства первоцвѣтныхъ чаще всего встрѣчается скромное украшеніе луговъ и полянъ—желтоцвѣтный баранчикъ или мучнистый первоцвѣтъ (*primula farinosa*), съ цвѣтовой кисточкой на длинной цвѣточной стрѣлѣ и при-корневыми листьями. Весьма распространены также здѣсь и высокорослыя разновидности сем. мальвовыхъ: мальва-лафатера (*m. lavatera*) съ стеблемъ, покрытымъ колючими волосками и крупными розовыми цвѣтами; мальва аптечная (*althea officinalis*), отличающаяся отъ первой болѣе свѣтлой блѣдно-розовой окраской цвѣточныхъ лепестковъ; мальва обыкновенная (*m. rotundifolia*) съ бѣловатыми и желтоватыми цвѣтками и округловатыми листьями. Всѣ эти разновидности мальвы разбросаны по полямъ и лугамъ болѣею частію одиночными особями, какъ ихъ живописное, хотя и малополезное украшеніе. Еще менѣе полезны обширныя заросли солодковаго корня (*glycyrriza*), встрѣчающіяся здѣсь по всему пространству равнины. Съ сильными глубоко-распро-

страняющимися въ почвѣ корнями *glucyrriza*, вытѣсняя другіе виды растеній, покрываетъ своимъ мелколиственнымъ однообразнымъ покровомъ большую частію выбитыя мѣста ближайшихъ къ поселеніямъ бывшихъ посѣвовъ. Не мало распространены также на такихъ мѣстахъ заросли молочая (*sonchus*) довольно разныхъ видовъ, — съ красноватымъ стеблемъ и мелкими многочисленными цвѣтками и съ стеблемъ зеленоватымъ, увѣнчаннымъ болѣе крупными или одиночными, или двойными цвѣтами. Впрочемъ, всѣ подобныя разновидности сливаются, по своему общему виду, въ одинъ типъ бесполезнаго растенія съ жесткими, колючими листьями и сокомъ, который весьма нерѣдко служитъ причиною заболѣванія пасущагося скота. Какъ разнообразіе картины раздѣльно-цвѣточныхъ травъ, на болѣе влажныхъ лугахъ попадаются высокіе красивые свѣтлорозовые колосья кукушкиныхъ слезокъ (*ogchis maculata*), съ высокой цвѣточной ножкой, а на болѣе сухихъ мѣстахъ — желтые колоски ленника (*linaria*). Не менѣе распространенъ здѣсь и высокорослый, кажется, единственный представитель сем. онагриковыхъ (*onagraceae*) иванъ-чай или „русскій чай“ (*epilobium angustifolium*), выдѣляющійся изъ пестроты свѣтло-цвѣточныхъ зарослей своей бурой цвѣточной метелкой. Утилизуемый на степяхъ сѣвернаго Кавказа иногда какъ и чай „настоящій“, этотъ иванъ-чай въ описываемыхъ мѣстахъ какъ растеніе потребляемое остается почти неизвѣстнымъ. Помимо другихъ причинъ, обстоятельство это, можетъ быть, зависитъ и отъ того, что иванъ-чай сыраго климата и тучной черноземной почвы Владивавказско-осетинской равнины не имѣетъ тѣхъ качествъ, которыя развиваются въ немъ при сухомъ климатѣ и суглинисто-черноземной почвѣ, напр., при-бумскихъ и моздокскихъ степей и даютъ ему права гражданства въ котелкахъ и чугунахъ тамошнихъ обывателей. Впрочемъ, въ виду вредныхъ свойствъ, приписываемыхъ ком-

патентными лицами (акад. Траппомъ) иванъ-чаю какъ на-
питку, о неупотребленіи этого растенія въ описываемыхъ
мѣстахъ сожалѣть, конечно, нечего. Высокостебельнымъ и
часто встрѣчаемымъ представителемъ семейства гвоздичнаго
(*caruophylleae*) можно назвать вѣтвистую звѣздчатку (*stel-
laria*). Съ тонкимъ рубчато-членистымъ стеблемъ, развѣтв-
ляющимся на длинныя цвѣточные ножки, и рѣдкими су-
противно-парными листьями, это растеніе представляетъ
украшеніе луговъ лишь въ небольшой періодъ своего ве-
сенняго роста, а въ самый разгаръ, напр., лѣта являет-
ся почти полузасохшимъ быліемъ и нарушаетъ свою
деревянистостью цвѣтовую гармонию окружающей его зе-
леной среды. Подобную же картину стеблевой сухости
и деревянистости представляютъ собою нерѣдко заросли
хвоща (*equisetum*). Это безцвѣтковое и почти безлист-
венное растеніе, съ супротивными боковыми стеблями,
расположенными подобно бороздкамъ пера на его стерж-
нѣ, даже въ періодъ своей полной растительной жизни,
не столько украшаетъ, сколько засоряетъ общій фонъ
ярко-зеленыхъ равнинныхъ зарослей. Не менѣе распро-
странены иногда одиночныя, иногда групповыя заросли
хотя и красиваго, но жестко-лиснаго пѣтушьаго гребня
(*rhinanthus crista galli*), съ желтыми лепестками на подобіе
пѣтушьаго клюва.

Всѣ означенные нами виды высокостебельной травя-
нистой растительности собственно свободныхъ луговъ и
полей весьма значительно разнообразятся и пополняются
многими изъ высокорослыхъ растеній, обозначенныхъ нами
какъ растенія, распространяющіяся преимущественно въ
районѣ поселеній. Большинство тѣхъ и другихъ въ бли-
жайшемъ экономическомъ быту обывателей не имѣетъ поч-
ти никакого примѣненія и распространяется если не всег-
да вреднымъ, то часто бесполезнымъ балластомъ почвенной

производительности. Последнее обстоятельство, впрочем, нѣсколько ослабляется тѣмъ, что нѣкоторыя изъ обозначенныхъ растений имѣютъ примѣненіе или въ аптечномъ дѣлѣ—какъ лѣкарственные травы, или вообще въ технической промышленности—по преимуществу какъ травы, дающія краски. Къ числу, напр., растений лѣкарственныхъ относятся: ромашка, мальва, солодковый корень, льнянка, старина, мята, гулявица и другія. Къ травамъ, которыя могли бы имѣть, при запросѣ, значеніе въ технической промышленности, можно отнести звѣрбой, изъ котораго, напр., въ Россіи и другихъ мѣстахъ приготавливаются доброкачественныя краски для фабричныхъ тканей. Не мало между перечисленными травами и содержащихъ въ себѣ дубильное вещество. Группа растений, доброкачественныхъ для потребностей сельскаго хозяйства и преимущественно скотоводства, состоитъ также изъ видовъ, довольно многочисленныхъ и разнообразныхъ. Изъ семейства гераніеваго (*geraniaceae*) здѣсь распространены: журавлиный носикъ (*geranium*), довольно высокое (около 1 арш.) травянистое растеніе, съ свѣтло-пурпуровыми пятнистыми, иногда съ ярко-пурпуровыми цвѣтками; гераній лѣсной (*g. silvaticum*) отличающійся отъ перваго болѣе длиннымъ стеблемъ и вырѣзами листьевъ; цапельникъ (*erodium*), съ синеватыми цвѣтками, нѣсколько отличающійся отъ первыхъ меньшею высотой и вырѣзомъ листьвы.

Полезныя въ хозяйствѣ, преимущественно кормовыя растенія изъ семействъ: сложноцвѣтнаго, крестоцвѣтнаго, леноваго, мотыльковаго, травянцеваго и друг., встрѣчаются болѣею частью въ смѣшанныхъ заросляхъ съ растеніями прежде обозначенными. Изъ сложноцвѣтныхъ замѣтище другихъ повсюду виднѣется одуванчикъ (*taraxacum*) въ разнообразныхъ, — съ мясистымъ корнемъ и длинными острозубчатыми листьями, слегка обращенными въ розоватый цвѣтъ

въ черешкахъ и главномъ пластиночномъ рубцѣ, съ корнемъ развѣтвляющимся и листьями, разсѣченными въ длинно-зубчатые съ большими между-зубцовыми промежутками и другія разновидности. Одуванчикъ, впрочемъ, представляетъ кормовую траву лишь въ ранней лѣтней періодъ, да и то только для менѣе взыскательныхъ на ѣду животныхъ. Болѣе полезнымъ растеніемъ является распространенная краса открытыхъ полей—синегато иногда и голубовато-цвѣтный василекъ (*centaurea*); его волосистый стебель въ періодъ весенней свѣжести—одна изъ любимыхъ травъ домашняго скота. Изъ другихъ семействъ, какъ кормовыя травы, здѣсь растутъ на поляхъ и лугахъ: тонкостебельная желтоцвѣтная черная пшеница или иванъ-да-марья (*melampyrum*),—красивое растеніе съ изящными продолговатыми супротивно-парными листиками, отливающими синевою. Иногда сѣмена этого растенія, попадая въ пшеницу, окрашиваютъ при размолѣ пшеничную муку въ синегаый или темноватый цвѣтъ,—единственное, хотя и безвредное обстоятельство, дѣлающее нежелательнымъ распространеніе этой травы, особенно вблизи пшеничныхъ посѣвовъ. Изъ другихъ кормовыхъ травъ болѣе распространены: смолевка (*silene*), съ розовыми цвѣтками и продолговатыми листьями; песчанка (*agrostis*), низкорослое растеніе съ округловатыми листиками, распространяющееся по преимуществу на сухихъ солнечныхъ пригрѣвахъ; камелина (*camelina*), съ желтоцвѣточной метелкой и длинными зубчато-волосистыми сидячими листьями; донная трава (*melilotus*), весьма красивое трилиственное растеніе съ желтенькими цвѣтками, расположенными на подобіе цвѣтквъ акаціи продолговатыми парно-цвѣточными кисточками,—растеніе, имѣющее не малое примѣненіе и въ медицинѣ. Но еще болѣе полезны въ мѣстномъ скотоводствѣ слѣдующіе виды съ ихъ разновидностями изъ семейства бобоваго: трилистникъ (*trifolium*), гороховникъ

(*lathyrus*), горошекъ (*vicia*), сольникъ (*salicornia*), люцерна или лѣчура, медунка (*medicago*). Всѣ эти травы встрѣчаются чаще по окраинамъ Владикавказско-осетинской равнины, гдѣ она постепенно подымается въ окаймляющимъ ее горамъ.

Изъ обозначенныхъ растений особенно многочисленны разновидности трилистника. Между ними болѣе замѣтны одни по красотѣ строенія, другіе по своей полезности: трилистникъ выродочный (*trifolium hybridum*), съ двудвѣтной розово-бѣлой цвѣточной головкой; изрѣдка встрѣчающійся—т. каштановый (*t. spadicum*), съ цилиндрической цвѣточной головкой коричневаго цвѣта; трилистникъ гибкій (*t. flexuosum*), сходный съ трилистникомъ выродочнымъ высотой роста и величиною цвѣточной головки, но отличающійся болѣе продолговатыми листьями и вѣтвистостію; трилистникъ красно-пятнистый (*t. rubens*),—одна изъ красивѣйшихъ разновидностей *trifolium*'а, съ прямымъ стеблемъ, увѣнчаннымъ конусоватой цвѣточной головкой, испещренной розовыми пятнышками по ея желтоватому остистому фону. Какъ лучшія кормовыя травы, встрѣчаются слѣдующія разновидности трилистника: трилистникъ пашенный (*t. agrarium*), съ вѣтвистымъ стеблемъ, увѣнчаннымъ желтыми цвѣточными головками, распространяющими пріятный, хотя и слабый аромат, особенно въ теплую солнечную погоду; т. луговой или дятлина, кашка, клеверъ (*t. pratense*), съ красной двойной или одиночной цвѣточной головкой; трилистникъ ползучій (*t. repens*), съ бѣлой зонтиковидной цвѣточной головкой, украшенной въ центрѣ розовымъ пятнышкомъ цвѣточныхъ тычинокъ и издающей слабый пріятный аромат медовыхъ сотовъ. Последняя разновидность отличается отъ всѣхъ другихъ большею длиною ея трехпластинчатолистныхъ черешковъ и большею длиною и розоватой окраской стебля. Почти всѣ трилистники, а въ особенности желто и бѣло-цвѣточный, содер-

жать въ себѣ обильный запасъ меда, привлекающей къ нимъ постоянно рои пчелъ и другихъ насѣкомыхъ.

Не менѣе распространены кормовыя травы, представляющія разновидности горошка (*vicia*): горошекъ полевой (*vicia grassa*), съ ланцетовидными листьями и лиловыми цвѣтками, расположенными двѣнадцати-цвѣтковой кисточкой на одной сторонѣ длинной цвѣтовой ножки; горошекъ плетневый (*v. serium*), сходный съ первымъ ланцетовидными листьями, но отличающійся отъ него большею высотой стебля и соотвѣтственно этому большею величиною листьевъ (цвѣты горошка плетневаго расположены одиночно на коротенькихъ цвѣтовыхъ ножкахъ и въ большинствѣ—фіолетовой окраски съ бѣловатымъ отсвѣтомъ); горошекъ сѣяльный (*v. sativa*), съ листьями, какъ-бы обрѣзанными на двухъ третяхъ полной ланцетовидной формы, и цвѣтами горошка плетневаго; горошекъ шлемовидный (*v. cassubica*), съ голубыми цвѣточными колосками; горошекъ инородный (*v. peregrina*), съ одиночными пурпуровыми цвѣтками, и другія менѣе выдающіяся разновидности. Изъ другихъ видовъ бобовыхъ здѣсь растутъ кормовыя травы: гороховникъ луговой (*lathyrus pratensis*), съ продолговато-овальными заостренными листьями и свѣтложелтыми цвѣтками; чечевица (*egvum*), съ тонкимъ стеблемъ и мелкими продолговато-овальными листьями, расположенными попарно-супротивно на боковыхъ развѣтвленіяхъ стебля.

Изъ кормовыхъ травъ семейства крестоцвѣтнаго и другихъ здѣсь болѣе замѣтны: сердечникъ луговой (*cardamine pratensis*), съ правильно-изгибистымъ стоячимъ стеблемъ, мелкими неправильно-овальными листиками, расположенными подобно бороздамъ пера на перемѣнныхъ равномерныхъ развѣтвленіяхъ стебля, какъ-бы общихъ черешкахъ супротивно-парныхъ листьевъ, причемъ вся эта изящная стеблевая фигура заканчивается 5—6-ти цвѣточнымъ верхушечнымъ щиткомъ изъ

желтенькихъ крестиковъ-цвѣтковь; свирѣпа рукоцвѣтная (*erysium cheiranthoides*), — прямостебельное растеніе съ верхушечнымъ зонтикомъ изъ мелкихъ цвѣтковь и листьями разной величины, расположенными какъ-бы пучковидно-перемѣнно; капуста полевая (*brassica campestris*), съ разнообразными листьями — неправильно-выемчатымъ корневымъ и цѣльными копьевидными по длинѣ стебля; мятлики (роа), — невысокое растеніе съ лентовидными листьями, распространяющееся преимущественно семейными зарослями; дивая рожь (*phleum pratense*), — высокій злакъ съ членистымъ стеблемъ, длинными обхватывающими листьями и бархатистой цвѣточной головкой — собственно торомъ, въ которомъ желтѣютъ цвѣточные звѣздочки.

Изъ культурныхъ травянистыхъ растеній на Владикавказско-осетинской равнинѣ воздѣлываются, какъ полевая растенія, а) злаки (*gramineae*): озимая пшеница (*triticum vulgare*), яровая пшеница (*triticum durum*), полба (*triticum spelta*), кукуруза (*zea mays*), — наиболѣе распространенный видъ злаковъ, рожь (*secale cereale*), овесъ (*avena sativa*), просо (*panicum miliaceum*), ячмень (*hordeum*); б) полевая растенія другихъ семействъ: гречиха (*fagopyrum aesculentum*), ленъ (*linum*), конопля (*cannabis sativa*), рапсъ (*brassica oleifera*); в) какъ растенія по преимуществу огородныя: лукъ и чеснокъ (*allium cepa*, *allium sativum*), свекловица, бурякъ (*beta vulgaris*), морковь (*daucus*), огородный укропъ (*anethum graveolens*), сельдерей (*apium sativum*), петрушка (*petroselinum sativum*), пастернакъ (*pastinaca sativa*), тминъ (*carum carvi*), макъ (*papaver somniferum*), стручковый перецъ (*capsicum annuum*), рѣпа (*brassica rapa*), хрѣнъ (*cochlearia armoracia*), рѣдька посѣвная (*raphanus sativus*), радиסקа, брюква (*br. napus esculenta*), капуста огородная (*brassica oleracea*) и ея разновидности: кап. кочанная (*b. capitata*), кап. цвѣтная (*b. botrytis*), кап. савойская (*b. bulbata*) и другія разновид-

ности (всѣ эти виды капусты отличаются вообще особою доброкачественностію); фасоль (*phaseolus vulgaris*), бадрижанъ (*solanum melongena*), артишокъ (*synaga scolymus*), горохъ (*pisum sativum*), бобы (*faba vulgaris*). Какъ культурныя травянистыя растенія, разводятся въ огородахъ и на поляхъ: картофель (*solanum tuberosum*), табакъ (*nicotiana*) и разновидности его: махорка, самсонъ, трапезонъ, кеобебъ или американскій,—растение все болѣе и болѣе распространяющееся; чечевица (*eryum sativum*), подсолнечникъ (*helianthus annuus*); изъ сем. тыквеннаго: тыква (*cucurbita*), тыква богомольцевъ или тыква-кубышка (*cucurbita leucanta lagenaria*), огурецъ (*cucumis sativus*), влещевина (*ricinus*). На сѣверныхъ окраинахъ низменнаго пространства осетинскаго края, за предѣлами Владикавказско-осетинской равнины и на равнинахъ южнаго склона, кромѣ поименованныхъ тыквенныхъ (*cucurbitae*) растеній, разводятся: арбузъ (*citrullus vulgaris*), дыня (*cucurbita melo*)—прототипъ этого вида растеній, съ гладкою желтовато-бѣлою кожею, и ея разновидности: огородная дыня желтоватая, съ узорчатымъ рисункомъ на кожѣ; сахарная дыня зеленоватая, съ зеленоватою мякотью; зимняя дыня, съ толстою слегка деревянистою верхнею кожицею-эпидермисомъ. Еще болѣе разновидностей представляетъ здѣсь собственно тыква (*cucurbita*): однѣ изъ нихъ разводятся какъ растенія съѣдобныя, другія какъ растенія декоративныя и т. п. Хотя нѣкоторыя изъ названныхъ тыквенныхъ растеній разводятся и въ предѣлахъ Владикавказско-осетинской равнины, но здѣсь, не находя соответственныхъ условій тепла и сухости воздуха, они или вовсе не созрѣваютъ, или созрѣваютъ весьма рѣдко, при исключительно благопріятныхъ условіяхъ погоды.

Нѣкоторыя изъ травянистыхъ растеній встрѣчаются преимущественно между растеніями культурными, какъ ихъ сорныя травы. Поименованныя растенія, распространяющія-

ся вблизи поселеній, составляютъ большую частію и сорныя травы растеній огородныхъ. Между культурными полевыми растеніями, преимущественно злаками, на равнинахъ весьма распространенъ, какъ ихъ сорная трава, куколь (*agrostema githago*),—высокое сѣрвато-стебельное растеніе изъ семейства травянцовыхъ (*scrophulleae*); оно покрыто шерстистыми волосками и какъ-бы расчленяется на части небольшими утолщеніями стебля; вершина его увѣнчана красивымъ пурпурово-розовымъ одиночнымъ цвѣткомъ изъ пяти лепестковъ съ округловатыми и пяти длинныхъ придвѣтниковъ съ острыми кончиками, представляющихъ въ общемъ расположеніи какъ-бы красивую звѣздочку съ правильно чередующимися широкими и узкими лучами. По одвѣтненіи, ко времени убора посѣвовъ, стебель куколя увѣнчивается продолговато-округлой пятистворчатой коробочкой, наполненной темносѣрыми, иногда буроватыми неправильными многогранными мелкими зернышками. Попадая въ пшеницу, между которой куколь распространяется по преимуществу, эти зернышки послѣ помола отемняютъ пшеничную муку, а въ болѣе значительномъ количествѣ сообщаютъ ей даже вредныя свойства. На Владикавказско-осетинской равнинѣ куколь представляетъ до того распространенное растеніе среди пшеничныхъ посѣвовъ, что послѣдніе, при всей производительности почвы, нерѣдко даютъ больше убытка, чѣмъ пользы. Довольно часто встрѣчаются также между сорными травами, вредными для посѣвовъ и вообще въ полевои сельскомъ хозяйствѣ: плевель (*lolium*) и костырь или костеръ (*bromus secalinus*), попадающіеся преимущественно въ посѣвахъ ржи и ячменя.

Какъ общераспространенныя сорныя травы, встрѣчающіяся и на полевыхъ, и на огородныхъ посѣвахъ, по всему пространству равнины растутъ: рѣзуха (*camelina*),—довольно высокое (до $1\frac{1}{2}$ —2 арш.) вѣтвистое грубоватое расте-

ніе, покрытое шерстистыми волосками и заканчивающееся на вершинах стеблевых развѣтвленій многосѣмянными плодами—стручками; горецъ повилычннй (*polygoum convolvulus*) и липучка (*cuscuta*),—вьюціяся растенія, опутывающія стебли посѣвовъ крѣпкой зеленой паутиной; козелекъ или ярутка полевая (*thlaspi*), отличающаяся отъ своей разновидности—пастушьей сумки большею прямизною стебля и большею шириною и зубчатостію листьевъ; гулявникъ лѣкарскій (*sisymbrium sophia*) съ мелкими перистовидными листиками, вѣтвистый при основаніи стебля и почти безлистный въ верхинѣ, заканчивающейся желтоцвѣточной метелкой; гулявица тысячелистная (*achillea millefolium*), называемая иногда полынемъ,—красивое растеніе съ перисто-разсѣченными, въ общемъ—сѣтчатовидными листьями, представляющими на голомъ стеблѣ какъ-бы спиралеобразно расположенныя зеленныя перья, надъ которыми красуется верхушечная сложно-зонтичная цвѣточная шапочка изъ бѣленькихъ звѣздчатыхъ цвѣтковъ, издающихъ слабый горьковатый аромат. Не менѣе распространена разновидность этого растенія—гулявица чихотная (*achillea ptarmica*), съ цѣльными ланцетовидными пиловато-зубчатыми листьями и гладкимъ стеблемъ, развѣтвляющимся съ верхней половины на длинныя цвѣтковыя ножки, причеиъ какъ послѣднія, такъ и главный стебель увѣнчаны бѣлолепестковыми цвѣтками, но лепестки цвѣтовъ, въ общемъ видѣ ихъ чашечекъ, представляютъ лишь узкую звѣздчато-крайнюю кайму большихъ тычиновыхъ кружковъ, которые, рѣзко выдѣляясь на бѣломъ фонѣ своей желтизною, придаютъ цвѣточнымъ головкамъ видъ карликовыхъ, но вполне сформированныхъ подсолнечныхъ кружковъ-головокъ. Кромѣ названныхъ растеній, встрѣчающихся часто семейными зарослями и опестряющихъ своими цвѣтами стройныя однообразныя заросли посѣвовъ, попадаются травки одиночки:

серпуха полевая (*serratula argvensis*),— жестколистное прямостебельное растение, разветвляющееся на длинные цветочные ножки, расположенные спиралеобразно в пазухах пилозубчатых ланцетовидных листьев и увенчанные бокаловидными чешуйчатыми цветочными головками; черноголовъ обыкновенный (*grunella vulgaris*),— невысокое растение с вопьевидными пилозубчатыми листьями и одиночной цветочной головкой темнолилового цвета с оранжевымъ полосатымъ просвѣтомъ, причемъ отдѣльные цветки, тѣсно сплотившись, какъ-бы сливаются въ одинъ мясисто-пероховатый круглый цветонокъ съ раздѣльно-лиственной чашечкой или прицветниками; неслія вѣточная (*neslia paniculata*),— прямостебельное растение увенчанное мелко-цветочной метелкой и отчасти сходное, по общему виду, съ обозначенной нами яруткой. Не мало виднѣется во время лѣта между посѣвами, особенно на тучной черноземной почвѣ, и одиночно разбросанныхъ кустовъ изъ растений уже поименованныхъ: разно-цветочной мальвы, татарника, иногда конопляника и другихъ.

Наибольшее разнообразіе вообще травянистой растительности описываемаго края встрѣчается на тѣхъ равнинныхъ пространствахъ, которыя примыкаютъ къ лѣснымъ и кустарнымъ зарослямъ. Таковы на сѣверномъ склонѣ хребта подошвы первыхъ параллельныхъ хребтовъ и устья ущелий, на южномъ—нижнія протяженія ущелий и рѣже—южная подошвы крайнихъ горныхъ цѣпей. По намѣченному нами распредѣленію флоры края на три растительныхъ полосы означенныя пространства представляютъ какъ-бы переходную полосу отъ полосы равнинной къ первой нагорной.

Древесная и кустарниковая растительность равнинной полосы осетинскаго края, какъ мы прежде сказали, покрываетъ лишь сравнительно небольшія пространства. На равнинѣ сѣверной половины Осетинскаго округа она, какъ

болѣ замѣтное разнообразіе флоры, протягивается четырьмя узкими полосами по четыремъ болѣ значительнымъ рѣкамъ, орошающимъ равнину: Дурдурю, Бѣлой (Урсъ-дону), Аръ-дону и Тереку. Въ западной части равнины, примыкающей къ р. Уруху, и особенно по склонамъ водораздѣльной возвышенности между рр. Урухомъ и Дурдуромъ, древесная и кустарниковая растительность встрѣчается довольно обширными зарослями. Встрѣчаются также небольшія полосы лѣсковъ и по сѣверной окраинѣ равнины при подошвѣ Псехешскихъ горъ. Наконецъ, группы садовъ и рощъ вблизи поселеній представляютъ десятокъ-полтора пунктовъ растительности, хотя и высокорослой, но настолько мало-распространяющейся, что вся она едва замѣтна на травянистомъ фонѣ равнины. Но гдѣ равнинное пространство переходитъ въ склоны горъ, тамъ древесная растительность является господствующимъ видомъ флоры. Съ этой стороны Владикавказско-осетинская равнина представляетъ какъ бы обширную поляну, окаймленную съ сѣвера, запада и въ особенности съ юга густой высокорослой древесной опушкой. Равнинныя пространства южного склона хребта покрыты лѣсною растительностью съ сѣверной стороны, гдѣ они еще сохраняютъ характеръ горныхъ склоновъ съ малымъ паденіемъ поверхности; на остальной же, большей части они представляютъ лишь однообразную картину травянистой и изрѣдка кустарниковой растительности. Изъ деревьевъ дикорастущихъ на равнинныхъ пространствахъ края болѣе или менѣе распространены виды семействъ: сережчатого (*amentaceae*), орѣхового (*juglandae*), розоцвѣтнаго (*rosaceae*), кленоваго (*acerineae*), и друг. Такъ на болѣе увлажненныхъ низменныхъ мѣстахъ равнины встрѣчаются довольно обширныя рощицы обыкновенной ивы (*salix*), окаймляющія теченія равнинныхъ потоковъ густыми, хотя и невысокими, зарослями по ихъ заливнымъ берегамъ. Изрѣдка эти заросли на

своихъ окраинахъ вблизи поселеній разнообразятся отдѣльными особыми ивы плаучей или стройными группами осокори (чернаго тополя, *populus nigra*).

На болѣе сухихъ мѣстахъ, особенно на скатахъ, постепенно повышающихся въ даль горныхъ высей, встрѣчаются заросли ольхи (*alnus*), крушины (*ghamplius*), мелкаго орѣшника (*сага*). Ближе къ горамъ, синѣющимъ щетиною своего густаго лѣснаго покрова, начинаютъ попадаться какъ-бы лѣсными лавинами, спускающимися съ высоты горъ, лѣски дивой груши (*pyrus communis*); нерѣдко попадаются здѣсь разбросанныя особи кислицы или дикой яблони (*pyrus malus acerba*), кудреватая заросли дикой черешни (*prunus cerasus avium*), клена (*acer*), дуба (*quercus*), бука (*fagus silvatica*), называемаго въ этихъ мѣстахъ обыкновенно чинаромъ; послѣдніе виды растительности, впрочемъ, встрѣчаются на равнинахъ сравнительно рѣдко. Тѣмъ не менѣе, въ виду констатированнаго факта, что намѣчаемая мѣста не очень давно были покрыты лѣсами, малое распространеніе этихъ видовъ, равно какъ и вообще древесной растительности, на равнинныхъ пространствахъ представляетъ обстоятельство внѣ постоянныхъ особенностей природы этого края.

Изъ кустарниковъ на равнинахъ произрастаютъ: шиповникъ или дикая роза (*rosa canina*),—весьма распространенное украшеніе подлѣсковъ, нерѣдко встрѣчающееся также и на открытыхъ лугахъ или небольшими семейными зарослями, или одиночными кустами. На опушкахъ лѣсовъ и вообще по окраинамъ древесныхъ зарослей, какъ природныхъ, такъ и культивированныхъ, группируются семейными зарослями или въ перемежку съ другими растеніями: колючія переплетающіяся чащи ежевики (*rubus*), кустистый ломоносъ (*clematis*), цѣпкія чащи хмеля (*humulus lupulus*) и рѣже, преимущественно на равнинахъ южнаго склона,

тѣнистыя поросли дикаго винограда (*vitis*). Прирѣчныя луговины, гдѣ наносная почва содержитъ въ себѣ обильныя примѣси песку и мелкихъ камешковъ, заростають дымчатыми мелко-лиственными кустами гребенчува. При отсутствіи древеснаго топлива, гребенчукъ, по всей вѣроятности, содержащій въ себѣ обильный запасъ смолистыхъ и маслянистыхъ частицъ, представляетъ отличное топливо, распространяющее въ своемъ дымѣ горьковатый, но пріятно пахучій смолистый ароматъ. Въ картинахъ растительности прирѣчныхъ луговинъ, гдѣ только заросли гребенчува являются господствующими, какъ ихъ типичное дополнение, большею частію являются заросли лоховника (*elaeagnus*), съ сѣроватыми мелкими листьями и желтоватыми ягодами кислаго вкуса и съ легкимъ пріятнымъ ароматомъ. Колючій, не красивый и, повидимому, совершенно бесполезный, лоховникъ тѣмъ не менѣе играетъ или, вѣрнѣе, игралъ весьма важную роль въ хозяйствѣ кавказской природы: его ягоды — любимѣйшая пища и лакомство фазановъ, — тѣхъ пернатыхъ дѣтей Кавказа, которыя, какъ извѣстно, прославили свое отечество въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ и даже — въ сферахъ, весьма тугихъ на любознательность въ мѣстахъ дивнымъ и трудно-доступнымъ. Какъ намъ случилось слышать отъ бывалыхъ и наблюдательныхъ охотниковъ, уменьшеніе фазановъ въ районѣ, куда входятъ и описываемыя нами мѣста, находится въ замѣтной связи съ уменьшеніемъ древесной растительности вообще и лоховника — въ особенности. Помимо этого, въ фазаньемъ дѣлѣ ягоды лоховника имѣетъ значеніе еще какъ пища, улучшающая качества и вкусъ фазаньяго мяса.

Менѣе типичными, хотя и нерѣдкими видами равнинной растительности являются кустарники: бузина (*sambucus*), распространяющаяся отсюда нерѣдко въ горную полосу края; терновникъ (*rupeus spinosa*), встрѣчающійся на поч-

въ менѣе тучной и менѣе овлажняемой задерживающимися потоками воды; барбарисъ или кислянка (*berberis*), бересклетъ (*evonymus*), дикій малинникъ (*rubus idaeus*), брусничникъ (*vaccinium*); нерѣдко также встрѣчаются довольно обширныя заросли кизила (*cornus*), боярышникъ (*crataegus*) мелкокорослый, чубушникъ (*philadelphus*), представляющій своими зелеными стеблями въ первый періодъ лѣта отчасти съѣдобное растеніе вяжуще-кисловатаго вкуса, и другія кустарниковыя растенія.

Не менѣе разнообразна на равнинахъ культурная древесная и кустарниковая растительность. Впрочемъ, разнообразіе это относится, особенно на сѣверномъ склонѣ хребта, къ мѣстамъ не особенно многочисленнымъ. На Владикавказско-осетинской равнинѣ оно ограничивается 4—5 садовыми насажденіями близъ г. Владикавказа и въ устьѣ ущелья р. Аръ-дона—Алагирскаго (въ мѣстечкѣ Алагирѣ). На равнинахъ же южнаго склона хребта оно встрѣчается въ десяткахъ садовъ, тянущихся зелеными полосами по теченію рѣкъ вблизи поселеній. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ растенія разнообразны не столько родами или видами и тѣмъ менѣе семействами, сколько разновидностями, преимущественно разновидностями розоцвѣтныхъ, какъ извѣстно, представляющихъ въ нашемъ климатѣ наибольшее число фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Такъ напр., отдѣлъ яблоневыхъ (*rosaceae*), кромѣ болѣе извѣстныхъ и распространенныхъ на Кавказѣ разновидностей садовыхъ яблони и груши: крымской, бергамотъ, сахарной, ранетъ, мельвилъ, зимней, скороспѣлой и т. п., въ двухъ садахъ Владикавказско-осетинской равнины раздробляется на сотни разновидностей, такъ что опредѣленіе ихъ нерѣдко даетъ опредѣлителю полную свободу названій по личному усмотрѣнію.

Изъ отдѣла яблоневыхъ одна только айва, сколько намъ

извѣстно, весьма небогата разнообразіями. Другой отдѣлъ сем. розоцвѣтныхъ, виды котораго также значительно наполняютъ фруктовые сады, — отдѣлъ миндальныхъ (*amygdaleae*), распространяется по равнинамъ почти всѣми своими видами: слива, черносливъ, вишня, черешня, персикъ, абрикось, лыча или алыча растутъ на сѣверѣ преимущественно или исключительно въ намѣченныхъ нами двухъ пунктахъ, а на югѣ по всѣмъ садовымъ насажденіямъ равнинъ. Изрѣдка на югѣ встрѣчается миндаль. Лыча попадаетъ иногда и какъ дикое растеніе въ сторонѣ отъ растеній культурныхъ. Почти каждый изъ обозначенныхъ нами видовъ подраздѣляется на разновидности, такъ что общее число послѣднихъ простирается до 60—70. Изъ розоцвѣтныхъ кустарниковъ, частію плодовыхъ или, вѣрнѣе, фруктовыхъ растеній, частію декоративныхъ и т. п., на равнинахъ болѣе или менѣе распространены: садовая малина, многолѣтняя земляника, ежевика, розы въ многочисленныхъ разновидностяхъ, представляющихъ иногда великолѣпные экземпляры растительности или по красотѣ оцвѣтенія, или по ароматичности и т. п.

Довольно распространены также виды и ихъ разновидности сем. крыжовничныхъ (*grossulariaceae*): крыжовникъ и смородина, дающіе плоды разнообразныхъ формъ, цвѣта и т. п. Изрѣдка на сѣверѣ, но весьма часто на югѣ хребта встрѣчаются насажденія грецкаго орѣшника (*juglans regia*); въ послѣднемъ случаѣ это дерево достигаетъ весьма внушительныхъ размѣровъ; иногда оно встрѣчается и вдали отъ другихъ искусственныхъ насажденій, какъ сохранившій свои культурныя особенности свидѣтель давнихъ, теперь уже безслѣдныхъ поселеній.

Еще болѣе типичною растительностію южной половины края, указывающею своимъ распространеніемъ и нераспространеніемъ на климатическое различіе, служатъ довольно обширныя насажденія винограда. На южныхъ рав-

нинахъ его зеленыя кущи встрѣчаются почти сплошною каймою потоковъ, особенно въ окрестностяхъ поселеній; между тѣмъ какъ на сѣверѣ онъ является болѣе замѣтною растительностію только по среднему теченію р. Терека, въ районѣ при-моздокскихъ осетинскихъ поселеній, обособленныхъ отъ главнаго Осетинскаго округа. Въ предѣлахъ же послѣдняго на Владикавказско-осетинской равнинѣ онъ встрѣчается весьма рѣдко и то скорѣе какъ декоративное, чѣмъ плодовое, растеніе. Хотя виноградъ, какъ это намъ извѣстно по личному опыту (въ 1874 г.), и можетъ вызрѣвать въ этихъ мѣстахъ, но только при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, особенномъ уходѣ, приспособленіяхъ и т. п.

Къ числу обще-распространенныхъ фруктовыхъ деревьевъ по равнинамъ какъ сѣвернаго, такъ и южнаго склона относятся древесный представитель сем. крапивнаго (*urticeae*)—тутовое дерево или шелковица (*morus*); между ея разновидностями здѣсь чаще встрѣчается шелковица бѣлая и ш. черная (*morus alba*, *m. nigra*). Изрѣдка разводятся въ садахъ и бислоплодные виды жимолостныхъ (*sarigifoliaceae*) и брусничныхъ (*vacciniaceae*): калина (*viburnum*), жимолость (*lonicera*), брусника (*vaccinium*), клюква (*oxycoccus*) и т. п. Въ послѣдніе годы въ равнинныхъ садахъ края довольно успѣшно разводятся и каштановыя деревья (*castanea sativa*). Изъ деревъ и кустарниковъ не фруктовыхъ повсемѣстно распространены: акація (*robinia pseudo-acacia*) въ довольно многочисленныхъ разновидностяхъ, представляющихъ и развѣсистыя деревья и кустарники; тополь (*populus*) пирамидальный (райна); тополь бѣлолиственный—преимущественно на югѣ, гдѣ онъ встрѣчается изрѣдка и какъ дикорастущее дерево; липа (*tilia platyphylla*); ясень (*fraxinus excelsior*), сирень (*syringa*), черемуха (*prunus padus*) и др. Изрѣдка, болѣе какъ декоративныя растенія, или какъ растенія опыта, дающія плоды только при крайне стара-

тельномъ уходѣ, встрѣчаются даже на сѣверномъ склонѣ: гранатъ (*punica granatum*), миндаля (*amygdalus communis*) и даже лимонъ.

Всѣ означенные виды растительности составляютъ, какъ мы прежде сказали, флору равнинныхъ пространствъ края, или первую растительную полосу, заканчивающуюся приблизительно на высотѣ 3000—3500, иногда и 4000 фут.,—вообще на высотѣ большей на югѣ и меньшей на сѣверѣ края. Далѣе начинается вторая растительная полоса. Она характеризуется прежде всего обширными лѣсными зарослями, т. е. преобладаніемъ растительности древесной и кустарниковой надъ растительностію травянистою—признакомъ, относящимся, впрочемъ, болѣе къ внѣшней, поверхностной картинѣ растительности края. Постоянными же, такъ сказать, спеціальными признаками второй растительной полосы служить прекращеніе культуры винограда и орѣшника на южномъ склонѣ хребта,—пшеницы, вувурузы и т. п. растений на сѣверномъ склонѣ. Въ топографической картинѣ края начало второй растительной полосы замѣчается болѣе замѣтнымъ подъемомъ его поверхности, т. е. переходомъ ея длинныхъ однообразныхъ наклоновъ въ круто-вздымающіяся поверхности горныхъ хребтовъ. Въ дико-растущей флорѣ края съ этихъ пространствъ также постепенно проявляются измѣненія, иногда настолько рѣзкія, что они бывають замѣтны даже для наблюдений, не имѣющихъ за собою спеціальной компетентности. Въ большинствѣ случаевъ эти измѣненія заключаются въ отсутствіи или маломъ числѣ во второй полосѣ видовъ растительности, распространенныхъ на равнинахъ, и въ преобладаніи видовъ, которые на равнинахъ ступшеваются въ пестротѣ и разнообразіи ихъ флоры. Иногда обособленность и различіе растительности горной полосы отъ растительности равнинной простирается и до того, что въ первой встрѣ-

чаются виды, которые на равнинах совсѣмъ не распространяются. Приспосабливая къ этому общему указанію случаи распространения растительности края дальнѣйшій ея перечень, растительность второй полосы можно приблизительно раздѣлить на двѣ частныхъ полосы: одну до вершинъ окраинныхъ второстепенныхъ горъ, составляющихъ, по нашему топографическому очерку, какъ-бы отвалы центральныхъ хребтовъ, а другую—до предѣловъ лѣсной растительности, составляющихъ и общую пограничную черту второй растительной полосы края. Особенности древесной и кустарниковой растительности первой полосы состоятъ въ томъ, что здѣсь преобладаютъ виды, распространяющіеся и на равнинахъ,—лиственные деревья и кустарники; особенности второй полосы состоятъ въ преобладаніи или исключительномъ господствѣ деревъ и кустарниковъ хвойныхъ.

То и другое, хотя и трудно опредѣляемое съ точностію цифръ высоты и пространства, тѣмъ не менѣе весьма рѣзко вырисовывается даже при поверхностномъ наблюдении края въ картинахъ его лѣсистыхъ высотъ. Въ нижней горной полосѣ эти высоты во время лѣта зеленѣютъ, а во время зимы темнѣютъ какъ-бы кудреватымъ руновиднымъ покровомъ широколиственныхъ деревьевъ и кустарниковъ—видомъ, свойственнымъ только листовымъ породамъ; въ верхней же полосѣ эти высоты какъ-бы покрыты стройной щетиною, представляющею на горбахъ хребтовъ остро-зубчатые вырѣзы верхушекъ деревъ. Разнообразіе такой картины покрова горъ контурами округловатыми указываетъ на заросли березы, заявляющей себя въ сплошномъ распространении еще и бѣлесоватымъ просвѣтомъ своихъ стволовъ. Первые заросли древесной и кустарниковой растительности, такъ называемые—подлѣски, при подъемахъ на крайніе горные хребты, отличаются наибольшимъ разнообразіемъ видовъ. Здѣсь группируются почти всѣ виды деревъ въ формѣ ку-

старниковъ и собственно — кустарниковъ, распространяющіеся и въ даль понижающейся и повышающейся поверхности края: шиповникъ, барбарисъ, терновникъ, кизиль, ольха, дикій виноградъ, крушина, дубъ, орѣшникъ, вленъ, бересклетъ, бузина, букъ, елицида или дикая яблоня, груша, хмель и множество другихъ видовъ. Въ однихъ мѣстахъ они представляютъ въ разнообразныхъ комбинаціяхъ — смѣшеніяхъ узкія заросли, тянущіяся по нижнимъ склонамъ горъ, въ другихъ случаяхъ тотъ или другой видъ; изъ кустарниковъ большею частію — орѣшникъ, рѣже кизиль, изъ деревьевъ — грабъ, крушина, груша, букъ и др. рѣдко закрываютъ собою пространства, насколько они охватываются зрѣніемъ съ какого-нибудь случайно встрѣтившагося по дорогѣ господствующаго пункта. За этой полосой большею частію смѣшанной растительности начинается обыкновенно царство одного какого-нибудь растительнаго вида.

На восточной половинѣ крайнихъ горныхъ цѣпей такимъ господствующимъ видомъ является букъ (*fagus silvatica*); онъ покрываетъ здѣсь склоны первыхъ параллельныхъ хребтовъ обширною бѣловато-ствольною зарослью, гдѣ особи съ аршиннымъ діаметромъ и 18—20-ти саженою высотой представляютъ, такъ сказать, среднюю величину этого растительнаго вида и встрѣчаются на каждомъ шагу. По южному склону хребта заросли бука гораздо болѣе, чѣмъ на сѣверномъ, смѣшаны съ другими породами деревьевъ. На западной половинѣ крайнихъ параллельныхъ горъ сѣвернаго склона къ буку присоединяются какъ господствующія высокоствольныя породы: грабъ или бучина (*carpinus betulus*), распространяющійся преимущественно по нижнимъ наклонамъ горъ и рѣдко заходящій на ихъ ребристыя вершины, вязъ (*ulmus effusa*), рѣдко встрѣчающійся сплошными зарослями, но тѣмъ не менѣе попадающійся почти повсемѣстно, особенно на лѣсныхъ

полянахъ; оба названные вида представляютъ лучшее топливо въ дровяномъ продовольствіи края. Еще рѣже встрѣчаются однообразными сплошными зарослями на болѣе или менѣе значительныхъ пространствахъ: карагычъ или карагачъ (*ulmus pumila*) и дубъ (*quercus gobur*); но большею частію оба эти вида растутъ сосѣдями—смѣсью, какъ-бы указывая на сходство или одинаковость условій, требуемыхъ для ихъ произрастанія; ясень (*fraxinus excelsior*), кудрявый и развѣсистый, украшающій преимущественно болѣе покатые горные склоны къ низовью потоковъ. Къ средне-распространеннымъ видамъ древесной растительности края можно отнести кленъ (*acer*), попадающійся какъ на нижнихъ, такъ и на верхнихъ полосахъ горъ. Высоковольный и вѣтвистый въ полосахъ нижнихъ, кленъ постепенно видоизмѣняется къ верхнимъ предѣламъ своего распространенія въ небольшое деревцо 4—5 саж. высоты, съ красивой, какъ-бы узорчатой древесиной—отличнымъ матеріаломъ для небольшихъ подѣлокъ; въ общемъ распространеніи кленъ представляетъ здѣсь три наиболѣе замѣтныхъ разновидностей: кленъ обыкновенный (*acer platanoides*), кленъ татарскій и чернокленъ (*a. campestre*). Къ видамъ деревъ, которыя растутъ хотя и не повсемѣстно, но тѣмъ не менѣе являются господствующими въ частныхъ пространствахъ, какъ, напр., ущельяхъ, балкахъ и т. п., относятся: дикія груша и яблоня, крушина, ольха (*alnus*), алыча и липа (*tilia*),—последнія чаще въ ущельяхъ, прорѣзывающихъ среднее протяженіе сѣвернаго склона; въ ущельяхъ южнаго склона изрѣдка встрѣчается вблизи поселеній, какъ примѣсь, тополь (*populus alba*).

Изъ кустарниковыхъ растений въ горной полосѣ, особенно полосѣ нижней, произрастаютъ всѣ тѣ виды, которые распространены на предгорныхъ окраинахъ равнинъ и выше обозначены нами. Наиболѣе господствующими

видами въ мѣстахъ, гдѣ эта кустарниковая растительность покрываетъ горные склоны, или какъ позднѣйшая замѣна нѣкогда красовавшейся тамъ растительности высовоствольной древесной, или какъ вѣковая заросль, по склонамъ ущелій встрѣчаются: кизиль, орѣшникъ, бузина, крушина кустарниковая и шипши (*mespilus germanica*)—кустарникъ, представляющій своими плодами вмѣстѣ съ кизиломъ и грушей довольно видную статью дохода въ быту населенія. Но при всей своей разновидности и частномъ преобладаніи тѣхъ или другихъ породъ, лѣсную или собственно древесную растительность первой горной полосы края, охватывающую группы крайнихъ горъ въ общей системѣ хребта приблизительно до высоты 5000—5500 фут., можно назвать царствомъ бука. Въ чащахъ древесной растительности, которая осѣняетъ первые пути въ горныя ущелья, онъ является только преобладающимъ, а въ глубинѣ горъ, особенно широко-вершинныхъ и не выходящихъ за высоту 5000—5500 фут., букъ совершенно вытѣсняетъ всѣ другія породы. Гладкоствольный и развѣтвляющійся только въ верхней части своего роста, онъ нерѣдко образуетъ здѣсь своими зарослями красивыя картины какъ-бы стройныхъ бѣловатыхъ колоннъ, поддерживающихъ густой зеленый покровъ.

Къ высотѣ 5000—5500 фут. нѣкоторые изъ обозначенныхъ нами видовъ древесной и кустарниковой растительности мало-по-малу замѣняются видами верхней горной полосы. Здѣсь распространяются сначала преобладающими, а потомъ и господствующими представители семействъ хвойнаго или шишконоснаго (*coniferae*) и березоваго (*betulinea*): ель (*abies*), сосна (*pinus*), береза (*betula*), можжевельникъ (*juniperus*) и другіе, встрѣчающіеся какъ рѣдкое, мало замѣтное разнообразіе горной древесной флоры.

Въ полосѣ переходной отъ зарослей бука къ зарос-

лямъ хвойныхъ деревъ между высокоствольными деревьями произрастають: жимолостные (*sarigifoliaceae*) кустарники—калина (*viburnum*), жимолость (*lonicega*); брусничные (*vascineae*)—клюква, (*охусосcos*), брусника (*vaccinium*) и виды уже названные: рябина, малина, черемуха и т. п. Вообще эта полоса отличается преобладаніемъ въ кустарниковой растительности такихъ ея видовъ, которые сохраняють свои плоды до самой поздней осени. Съ большею высотой эти и подобные имъ виды становятся мелкорослѣе и попадаютъ какъ рѣдкое разнообразіе верхне-горной флоры, такъ что на высотѣ 6500—6800 фѳут. царствуютъ однѣ только ель, сосна и береза. Закрывши ближайшіе къ снѣговымъ параллельные хребты темнозеленой щетиной съ бѣлесоватыми просвѣтами березовыхъ зарослей, ель, сосна и береза, наконецъ, заканчиваютъ свое распространеніе въ глубь горныхъ высей, какъ-бы вѣнчая своими зарослями царство лѣсной растительности края. Въ большинствѣ случаевъ прекращеніе лѣсной растительности совпадаетъ съ первыми подъемами на склоны центральныхъ снѣговыхъ хребтовъ, приблизительно на высотѣ 7500 и рѣже 8000 фѳут.—ниже на сѣверной и выше на южной половинѣ края.

Травянистая растительность лѣсной полосы, какъ мы прежде сказали, представляетъ частію повтореніе растительныхъ видовъ равнинъ, съ преобладаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, частію состоятъ въ распространеніи видовъ, которые хотя и не представляютъ собою выдающихся картинъ растительности и даже иногда едва замѣтны, но тѣмъ не менѣе встрѣчаются только въ извѣстныхъ мѣстахъ горной полосы, не встрѣчаясь или рѣже встрѣчаясь на равнинахъ. Вообще же, по комбинаціи этихъ и подобныхъ имъ условій, травянистую горную растительность можно приблизительно раздѣлить на три вида: а) растительность лѣсныхъ опушекъ, б) растительность, распространяющуюся въ тѣни высокостволь-

ныхъ лѣсовъ, и с) растительность открытыхъ горныхъ ска-
товъ и долинъ. По вѣшнимъ, поверхностнымъ признакамъ
своего роста, оцвѣтенія, листы и т. п., растительность
лѣсныхъ опушекъ состоитъ изъ высокостебельныхъ, вѣтви-
стыхъ и густолиственныхъ травъ, пестрѣющихъ если не
всегда яркими, то крупными колосовыми, зонтичными и
головчатыми цвѣтами; нерѣдко она перепутывается еще
стеблями и усиками вьющихся растений. Въ общемъ эта
растительность сильно напоминаетъ высокостебельная чащи
по глухимъ закоулкомъ поселеній, но безъ тѣхъ сѣроли-
ственныхъ и сѣроствольныхъ пасленовыхъ, которыя своимъ
невзрачнымъ видомъ какъ-бы свидѣтельствуютъ о невзрач-
ности и мусорности питающей ихъ почвы. Здѣсь повто-
ряются многіе виды намѣченной нами растительности рав-
нинъ: крапива, мальва, журавленикъ и т. п.; нѣкоторые же
изъ нихъ повторяются въ разновидностяхъ несравненно
большаго роста и болѣе красиваго оцвѣтенія. Къ послед-
нимъ можно въ особенности отнести: огуречникъ, разцвѣ-
чивающій нерѣдко травы опушекъ блестяще-голубыми пят-
нами своихъ цвѣтовъ, окопникъ или сальникъ (*symphitum*),
родственный огуречнику по принадлежности къ одному се-
мейству бурачниковыхъ и отличающійся здѣсь особой кра-
сотою своихъ трехлоберныхъ цвѣтовъ-колокольчиковъ. Изъ
разновидностей же растений равнинныхъ по лѣснымъ опуш-
камъ распространены: высокорослый лѣсной гераній (*ge-
ranium silvaticum*), съ пурпуровыми цвѣтами; заячій ща-
вель (*acetosella*), достигающій здѣсь наибольшаго роста;
мята перечная (*mentha piperita*), на равнинахъ низкорослая,
а здѣсь почти полукустарниковая и др. Изъ растений
мало распространенныхъ здѣсь встрѣчаются: пчелиная трава
(*melissa*) съ колокольчико-видными цвѣтами, прикрѣплен-
ными къ волѣнцамъ стебля по его верхней длинѣ; золото-
тысячникъ (*erythraea*), съ зонтичной цвѣточной верхушкой;

ложечная трава (*cochlearia*), съ красивыми желтыми верхушечными цвѣтками, представляющими какъ-бы зонтико-видную головку. Но болѣе типичными украшеніями лѣсных опушекъ являются: лилія (*lilium*), тюльпанъ (*tulipa*); дивій чеснокъ (*allium*); ландышъ (*convallaria*), пурпуро-цвѣточный касатикъ или ирисъ (*iris*); красиво-лиственная полукустарниковая сонная одурь (*atropa belladonna*), съ темно-сизыми ягодами; высокостебельный вѣтвистый горногорошникъ съ пурпуровыми цвѣтами; мышехвостъ (*myosurus*); водосборъ (*aquilegia*) съ высокимъ тонкимъ стеблемъ, развѣтвляющимся на боковые, слегка сгибающіеся подъ тяжестью красивыхъ колокольчико-видныхъ цвѣтковъ; шпорецъ (*delphinium*) съ ярко-пунцовыми цвѣтами; фіалка (*viola*) въ нѣсколькихъ разновидностяхъ какъ по цвѣту лепестковъ, такъ и по большому или меньшему ихъ аромату: фіалка ароматичная (*v. odorata*), трехцвѣтная и др.; дикая резеда (*reseda*); ясе-нецъ (*dictamnus*)—высокостебельное растеніе, покрытое бугорками и увѣнчанное метелчатой розово-цвѣтной цвѣточной верхушкой, и другія травы.

Вся эта разнообразная растительность, встрѣчающаяся у лѣсных опушекъ болшею частію пестрою смѣсью разновидностей, съ небольшимъ преобладаніемъ и скорѣе декоративнымъ, поверхностнымъ, чѣмъ единично-численнымъ, однихъ растений надъ другими, во многихъ мѣстахъ опестрывается еще и вездѣ распространенными разновидностями лопуха (*lappa*), представителя зонтичныхъ—купыря или дягиля (*archangelica*) и другихъ травы.

Травянистая растительность лѣсовъ отличается несравненно меньшимъ разнообразіемъ видовъ, чѣмъ предыдущая; даже болше того: въ лѣсныхъ заросляхъ встрѣчаются иногда весьма значительныя пространства съ почвой, почти обнаженной отъ всякаго травянистаго покрова. Эти пространства—наиболѣе крутые склоны горныхъ высей,

покрытые рыхлымъ толстымъ слоемъ опавшей листвы. Болѣе или менѣе значительныя травянистыя заросли встрѣчаются только на ровныхъ лѣсныхъ пространствахъ; здѣсь опавшая листва не подвергается тѣмъ сдвигамъ и сваламъ отъ дождевыхъ потоковъ, которые представляютъ одно изъ препятствій къ произростанію травъ по крутымъ наклонамъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаяхъ и вообще въ тѣни лѣсныхъ зарослей господствующей травянистой растительностію возвышается или уединенными особями надъ рыхлымъ слоемъ полу-перегнившей листвы, или кустистыми чащами на поватыхъ склонахъ, закрывающими другія травы,—красивый вѣро-видный папоротникъ (*filix*). Представляя въ общихъ заросляхъ однѣ картины стройнаго перистовиднаго растенія съ равномерно и слегка расходящимися надъ корнемъ стеблями и супротивно-парными листьями, папоротникъ рѣзко выдѣляется изъ группы другихъ травянистыхъ растеній, сохраняя свой оригинальный типъ и въ разновидностяхъ: *filix maxima* и *f. aculeata*. Другимъ типичнымъ растеніемъ лѣсовъ, хотя и менѣе распространеннымъ, чѣмъ папоротникъ, является лѣсной камышъ (*scirpus silvaticus*)—высокостебельное растеніе съ длинными обхватывающими листьями, образующими какъ-бы оболочку стебля; подобно своему рѣчному сородичу, онъ заканчивается на верху цвѣточной группой, но не скученной въ головчатую массу, а раскидистой, широкой, состоящей изъ множества развѣтвленныхъ висточекъ на длинныхъ цвѣтовыхъ ножкахъ. Изъ другихъ травъ здѣсь произрастаютъ, хотя и менѣе замѣтныя, но почти исключительно лѣсныя, пробивающіяся сквозь рыхлую среду перегнивающей листвы и какъ-бы съ приспособленными для этого трубчато-обхватывающими листьями: лѣсной лукъ (*gagea*) съ верхушечными желтыми цвѣтками; перловникъ (*melica*)—многостебельное растеніе, увѣнчанное однорядной цвѣточной висточкой; ландышъ лѣсной (*majanth-*

um bifolium), съ верхушечной цвѣтовой двурядной кисточкой и тонкимъ высокимъ стеблемъ съ округовато-сердцевидными листьями; черноягодникъ (convallaria), бѣлѣющій своими цвѣтами и ланцетовидными листьями и напоминающій ландышъ какъ легкимъ ароматомъ своихъ цвѣтковь, такъ и рисункомъ листьевъ; легочная трава (pulmonaria). Далѣе, здѣсь произрастаютъ ползучія съ изгибающимися стеблями: линнея (linnaea), мелко-лиственная травка съ маленькими колокольчиковидными цвѣтами, круглолистная орѣшница (asaium) и др. На мѣстахъ съ болѣе твердой почвой, гдѣ она не завалена сдвигами перегнивающей листвы, видѣются травы болѣе разнообразныя по своимъ растительнымъ признакамъ: высокостебельные или полуустарниковые—молочникъ (galega), виноградникъ (viticella), разные лопухи и др., отличающіеся, кромѣ роста или, какъ напр. молочникъ и виноградникъ—красивымъ одцвѣтениемъ, или, какъ лопухъ—широколиственностію. Здѣсь же растутъ хотя и менѣе замѣтныя, но характерныя для такихъ мѣстъ травы: вѣтреницы, лѣсные горногорошники, голубыя незабудки, вероника лѣсная съ цвѣточками голубоватыми, грушица (rugosa)—круглолистная травка, увѣнчанная красивыми бѣленькими цвѣтами, и другія частію поименованныя травы лѣсныхъ опушекъ и лѣсистыхъ равнинъ.

Третья группа растительности въ полосѣ лѣсовъ состоитъ изъ травъ, распространяющихся по открытымъ лѣснымъ полянамъ и по горамъ, не покрытымъ лѣсами. Но кромѣ непосредственно лѣсной полосы, эта группа растительности распространяется, какъ характеристичная картина флоры, и за высоту 8000 фут.—до предѣловъ растительности въ горныхъ высотахъ. Поэтому третья полоса горной растительности есть въ то же время какъ-бы продолженіе второй полосы, взятой въ ея безлѣсныхъ пространствахъ. Общій внѣшній характеръ этой растительности—отсутствіе высокорослыхъ вѣтвистыхъ или широколистныхъ изъ се-

мействъ: губоцвѣтнаго, крапивнаго, сложноцвѣтнаго, бурачниковаго, лютиковаго и другихъ въ ихъ отчасти перечисленныхъ представителяхъ равнинной тучно-почвенной растительности. Здѣсь уже почти не встрѣчается тѣхъ травянистыхъ зарослей, представляющихъ, напр., въ равнинныхъ мѣстахъ, по своей высокорослости, нерѣдко какъ-бы травянистые лѣса, въ которыхъ можетъ скрыться и скрипучая арба, и всадникъ, въ которыхъ развитіе стеблей и листы идетъ часто въ ущербъ свойствамъ, полезнымъ въ сельско-хозяйственномъ быту населенія. Травянистая растительность горныхъ безлѣсныхъ пространствъ отличается вообще тонкостебельностію, мелколиственностію и обиліемъ травъ съ верхушечнымъ одиночнымъ или сжато-сборнымъ оцвѣтеніемъ. Не закрываемое, какъ то часто встрѣчается въ растительности равнинной, вѣтвистыми развѣтвленіями стеблей, это оцвѣтеніе является въ растительности горной одною изъ ея постоянныхъ типичныхъ красотъ. Въ типъ тонкостебельной и маловѣтвистой растительности здѣсь видоизмѣняются почти всѣ и высокостебельные, вѣтвистые или широколистные виды травъ, какъ, напр., купырѣ, ломонось, василисникъ, лопухъ и т. п. Послѣдній, напр., изъ растенія, которое на равнинахъ въ тѣнистыхъ и влажныхъ мѣстахъ подлѣсковъ бросается въ глаза аршиннымъ діаметромъ своихъ листьевъ, на горныхъ высотахъ является едва замѣтнымъ мелколиственнымъ растеніемъ. Но кромѣ измѣненія особенностей роста въ сторону большей дробности, нѣкоторыя изъ растеній вмѣстѣ съ этимъ видоизмѣняются и по своимъ химическимъ или, такъ сказать, внутреннимъ свойствамъ. Такъ, наприм., болиголовъ, считающійся на равнинѣ вообще растеніемъ ядовитымъ, въ горныхъ мѣстахъ играетъ роль довольно распространеннаго съѣдобнаго растенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь замѣчается иногда какъ-бы преобладаніе видовъ изъ

семействъ травянцеваго или гвоздичнаго, маковаго и зонтичнаго, если не по количеству этихъ видовъ, то по ихъ оцвѣтенію, бросающемуся въ глаза въ картинахъ горнолуговой безлѣсной растительности.

Но есть здѣсь также растенія, распространяющіяся только въ полосѣ горныхъ луговъ и почти не встрѣчающіяся на равнинахъ. Какъ растенія, чаще всего опестряющія травянистыя заросли разнообразною красотою своихъ цвѣтовъ, по открытымъ горнымъ пространствамъ встрѣчается изъ гвоздичныхъ или травянцеваго не менѣе 5 разновидностей гвоздики (*dianthus*): а) гвоздика краснолепестковая, съ лепестками звѣздчато-раздѣльными, б) г. розово-пушисто-лепестковая, в) г. бѣло-лепестковая, г) г. розово-лепестковая, мелкоцвѣточная, е) гвоздика темно-розово-лепестковая—наиболѣе высокостебельный представитель означенныхъ и другихъ разновидностей этого прекраснаго растенія горныхъ луговъ, съ твердой мало овлажняемой почвой. Растеніе это тѣмъ болѣе веселитъ здѣсь взоръ изяществомъ и цвѣтовою прелестью своихъ разновидностей, что совмѣстно съ красотою въ немъ соединена и полезность кормоваго, медоноснаго и ароматичнаго растенія, весьма пригоднаго для добыванія пахучаго экстракта, въ пчеловодствѣ и т. д. Подобную же картину своего роста и оцвѣтенія представляютъ по горнымъ открытымъ пространствамъ разновидности смолевки или смолянки (*silene*), пестряющія своими щитко-видными мелкими цвѣтками свѣтло-розовой, пунцовой, блѣдно-розовой, бѣловатой и другихъ окрасокъ.

Другую группу типичныхъ растеній намѣчаемыхъ мѣсть составляютъ разновидности сем. маковыхъ (*papaveraceae*); онѣ также разцвѣчиваютъ зеленый фонъ травъ брызгами своихъ верхушечныхъ одиночныхъ цвѣтковъ. Наиболѣе замѣтную, по своей высокостебельности, разновид-

ность представляет макъ кавказскій (р. caucasicum), достигающій здѣсь иногда высоты 1¹/₂ арш., съ свѣтло-оранжевыми или съ ярко-красными цвѣтами; другія разновидности, при меньшей высотѣ стебля и меньшей шерстистости листьевъ, не менѣе рѣзко бросаются въ глаза—одна величиною и ярко-огненной краской цвѣтовъ, другая—цвѣтами, хотя и болѣе мелкими, красными, но весьма изящнаго рисунка, съ темными пятнышками по ярко-красному фону лепестковъ и т. п.

Довольно типичными растеніями горныхъ мѣстностей края являются и многія другія травы какъ семействъ поименованныхъ, такъ и напр., горечавковыя (gentianeae), камнеломковыя (saxifragaceae) и др.: горечавка кавказская (gentiana caucasica) съ голубоцвѣтной цвѣточной верхушкой, камнеломка (saxifraga), свѣтлоголубка (glaucium), дымянка (fumaria), дикій левкой (mitthiola), маргаритка (bellis perennis), хохлатка (corydalis), рогастикъ (hircosum), чаберъ (satureia hortensis), представляющій здѣсь нѣсколько разновидностей и распространяющійся хоть и мало замѣтнымъ, но приятно-пахучимъ растеніемъ сухихъ горныхъ скатовъ; пурпуро-цвѣтная зубница (dentaria), бѣловидная пушистая арабка (arabis), горный колокольчикъ (campanula collina), подсолнечная трава (helianthemum), песчанка (agenaria), дикій или полевой піонъ (paeonia officinalis), шерошница (asperula), вѣтвистая жерардія со множествомъ щитковидныхъ цвѣточныхъ головокъ (cherardia arvensis)—довольно распространенное растеніе и открытыхъ полей; красивый много-головчатый змѣевикъ (gnaphalium), спиралеобразно повитый листьями—рѣдкое, но типичное растеніе горныхъ мѣстъ. Всѣ эти виды травъ встрѣчаются чаще всего по сухимъ каменистымъ горнымъ скатамъ. На такихъ же горныхъ высотахъ, гдѣ, при незначительномъ наклонѣ поверхности образуется умѣренно-тучная черноземная почва, оз-

наченные виды растительности значительно пополняются разнообразными представителями душистых трав—горныи разновидностями люцерны (*medicago*), клевера (*trifolium*): кашкой, тимоееовой травой и т. п., представляющими вмѣстѣ съ повсемѣстнымъ быльникомъ, райграсомъ и другими злаками богатство горной растительности—отличныя кормовыя травы, свѣжія и сочныя до наступленія холодовъ. Весьма распространены также въ горныхъ мѣстахъ: погremoкъ (*rhinanthus*) съ желтыми цвѣтами, расположенными верхушечнымъ колосомъ, и бедренець (*pimpinella magna*)—умѣренно-высокая трава съ колѣнчатымъ непрямымъ развѣтвляющимся стеблемъ и глубоко-разсѣченными листьями, представляющими какъ-бы соединеніе множества мелкихъ продолговатыхъ листьевъ на одномъ черешкѣ. Увѣнчанная широкимъ вѣромъ сложно-зонтичныхъ мелкихъ цвѣтковъ красновато-вишневой окраски, эта трава видѣется почти по всѣмъ горнымъ склонамъ и высотамъ края. Представляя родство съ укропомъ какъ по строенію, такъ и по содержанію въ себѣ ароматическихъ маслянистыхъ частицъ, бедренець представляетъ и весьма распространенное съѣдобное растеніе, впрочемъ, не столько приправу кушанья, сколько готовое лакомство туземцевъ, обильно разбросанное за предѣлами поселеній. Еще болѣе типичною травою горныхъ высотъ, хотя и не такъ замѣтною въ чащахъ остальной травянистой растительности, какъ бедренець, являются: скабіоза кавказская или сивецъ (*scabiosa caucasica*) съ желтой цвѣточной головкой и разновидность—съ головкой или собственно лепестками голубоватаго цвѣта, оба съ прицвѣтниками, въ первомъ случаѣ короткими кожистыми, а во второмъ продолговатыми блѣдно-нервными; красно-метелка (*sanguisorba*) съ красноватой метелочкой-головкой; подмаренникъ (*galium*), усѣянный въ періодъ своей зрѣлости мелкими черными зернышками; нѣсколько

разновидностей могучника или гусиныхъ лапоть (*potentilla*); ястребинникъ или борщевикъ (*heracleum*); голубоцвѣтный колючій астрагалъ; козелець (*scorzonera*) и многія разновидности травъ полосы равнинной, — большею частію мелколистныя и невысокія.

Съ повышеніемъ поверхности горныхъ пространствъ, нѣкоторые виды растительности, какъ напр., травы мальвовыя, пасленовыя, сложноцвѣтныя и т. п., постепенно умалаясь, или совершенно исчезаютъ, или остаются едва замѣтными по своему незначительному распространенію. Одновременно съ этимъ прекращается и древесная растительность. Видоизмѣняясь въ кустарники, едва замѣтные по своему росту, она, такъ сказать, сливается съ травянистою растительностію въ одинъ общій видъ низкорослаго травянистаго покрова. Эта послѣдняя полоса растительности распространяется выше 8000 фут., до общаго предѣла всей растительности; здѣсь самыя высокорослыя ея представители: кустарныя — сосна, ель, береза; горная ива (*salix acuminata*), виднѣющаяся черѣдко въ густотѣ травянистыхъ зарослей; роды вересковыхъ (*Ericaceae*): верескъ вѣничный (*frica scoragia*), азалея (*azalea*), рододендронъ (*rhododendron*), черника, представляющіе, не смотря на свой небольшой ростъ, иногда весьма красивую картину своимъ оцвѣтеніемъ, и др. На вершинахъ переваловъ по сырмъ мѣстамъ — слѣдамъ недавно стаявшаго снѣга, виднѣются зеленныя лужайки низкорослаго звѣробоя, мятлика и т. п. вездѣсущихъ растений; здѣсь же, какъ оригинальный контрастъ залежамъ снѣга, бѣлѣющимъ въ близости и навѣвающимъ чувствительную прохладу на эти лужайки и въ самый разгаръ лѣта, между камнями просвѣчиваютъ лиловыя фіалки и подснѣжники. Наконецъ, вѣнцомъ въ подъемѣ разныхъ видовъ горной растительности по вертикальному направленію являются растительные представители полярныхъ странъ и сы-

рыхъ мѣсть,—разновидные мхи (*musci*): начавъ въ однѣхъ разновидностяхъ низжайшую полосу растительности края, они и заканчиваютъ ее другими разновидностями въ полосѣ высочайшей—на скалахъ, темнѣющихъ по бѣлому фону вѣчныхъ горныхъ снѣговъ.

Культурная древесная и кустарниковая растительность горной полосы состоитъ изъ весьма ограниченаго числа видовъ. Изъ злаковъ тамъ воздѣлываются: ячмень и въ рѣдкихъ случаяхъ овесъ и просо. Еще менѣе распространено тамъ воздѣлываніе огородныхъ растений и фруктовыхъ деревъ. Съ этой стороны все нагорное пространство представляетъ край, настолько скудный культурною травянистою и древесною растительностію, особенно, напр., въ полосѣ центральныхъ ущелій, что встрѣча въ немъ 2—3 квадратныхъ саженей подъ разсадою свеклы, картофеля, гороху и т. п. или—десятка фруктовыхъ деревъ производить впечатлѣніе выдающейся картины растительности. Таковую и, кажется, единственную, по своей сравнительной обширности, картину культурной древесной растительности составляетъ въ горной полосѣ сѣвернаго склона небольшой фруктовый садъ (г. Гутіева) въ верхней половинѣ Фіядгонскаго или Куртатинскаго ущелья, на высотѣ 5200—5500 фут. Здѣсь произрастаютъ почти всѣ наиболѣе распространенные представители яблочныхъ, миндальныхъ, крыжовничныхъ и т. п. породъ. Фактъ этотъ, между прочимъ, ясно указываетъ, что отсутствіе многихъ видовъ культурной растительности въ горной полосѣ не во всѣхъ случаяхъ зависитъ отъ суровости горнаго климата, т. е. не вездѣ составляетъ результатъ постоянныхъ климатическихъ условій. Поэтому можно надѣяться, что примѣръ культуры фруктовыхъ деревьевъ въ Фіядгонскомъ ущельи (садъ г. Гутіева), какъ полезное дѣло послужитъ началомъ будущаго болѣе или менѣе успѣшнаго распространенія въ гор-

ной полосѣ не распространенныхъ теперь видовъ культурной растительности.

Животныя.

Животное царство описываемаго края представляетъ такъ-же, какъ и растительное, не мало разнообразія. Впрочемъ, въ немъ почти не встрѣчается тѣхъ видовъ, которые привлекаютъ въ обыденныхъ случаяхъ особую любознательность выдающимися и бросающимися въ глаза признаками цвѣта, величины и т. п.; въ большинствѣ оно состоитъ изъ видовъ общеизвѣстныхъ и весьма распространенныхъ въ умѣренной полосѣ.

Помимо общеизвѣстной группировки ихъ на классы, отряды, семейства и т. п., животныхъ описываемаго края, подобно растеніямъ, можно также приблизительно раздѣлить, по общимъ физическимъ условіямъ ихъ жизни и прежде всего—по климату, на двѣ группы: а) животныхъ, обитающихъ исключительно или большею частію въ нижней полосѣ края, и б) животныхъ полосы нагорной. Какъ относящаяся къ особямъ, которыя обладаютъ болѣе многочисленными способами своего распространенія, чѣмъ особи растительныя, эта группировка, очевидно, обусловливается и большимъ числомъ отступленій и исключеній.

Изъ животныхъ домашнихъ четвероногихъ въ край повсемѣстно распространены общеизвѣстныя: лошадь, быкъ, корова, баранъ, козелъ, эшаъ (болѣе въ горныхъ мѣстахъ, изрѣдка на равнинѣ сѣвернаго склона и значительно на равнинахъ склона южнаго), буйволъ, кошка, собака въ многочисленныхъ разновидностяхъ, представляющихъ не только въ пришлыхъ, пользующихся установившеюся извѣстностію, но и въ мѣстныхъ породахъ весьма замѣчательные примѣры смысленности и, такъ сказать, особаго развитія инстинктовъ. Такова, напр., разновидность собаки—горная пас-

тушья собака; высокорослая и мускулистая, она обладает при этомъ настолько развитымъ инстинктомъ пастушества, что весьма нерѣдко является всестороннимъ исполнителемъ обязанностей по охраненію и управленію стадами, даже въ отсутствіе своего хозяина—пастуха. Можно сказать, что безъ этой собаки, съ ея качествами, скотоводство края, особенно горное, съ пересѣченными мѣстами пастьбы, было-бы соединено съ удешевленными затратами человѣческаго труда. Изъ другихъ названныхъ домашнихъ животныхъ нѣкоторое разнообразіе породъ представляетъ лошадь, крупный и частію мелкій рогатый скотъ. Не считая единичныхъ случаевъ существованія въ краѣ особей, принадлежащихъ къ породамъ пришлымъ, означенныхъ животныхъ можно раздѣлить приблизительно на двѣ группы, какъ-бы разновидности: равнинную и горную. Первая въ наиболѣе, такъ сказать, чистокровныхъ своихъ представителяхъ, потомкахъ давнихъ обитателей равнинъ, отличается вообще большимъ ростомъ и большимъ предрасположеніемъ особей къ накопленію въ своихъ организмахъ жира. Вторая, горная группа, отличаясь меньшимъ ростомъ, обладаетъ особымъ развитіемъ мускулатуры, и особи ея, преимущественно лошади, весьма мало и даже почти совсѣмъ не предрасположены къ разжирѣнію. Въ обыденномъ экономическомъ быту намѣченное различіе проявляется, напр., въ предпочтеніи лошадей горной породы для случаевъ, гдѣ требуется не столько сила, сколько выносливость и неутомимость, лошадямъ породы равнинной; далѣе, оно сказывается въ особой молочности и доброкачественности молока горныхъ коровъ,—качествахъ, заставляющихъ предпочитать ихъ, не смотря на ихъ мелкорослость, коровамъ равниннымъ; проявляется также въ особенно хорошемъ вкусѣ мяса горныхъ барановъ и т. п. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ своего распространенія и своей

извѣстности, особенно сравнительно съ группами домашних животных другихъ отдаленныхъ мѣстностей, намѣченныя нами подраздѣленія сливаются въ одинъ общій видъ домашнего скота „черкесской“ породы. Постоянными отличительными признаками его являются: для лошадей—умѣренный, для крупнаго и мелкаго рогатаго скота—небольшой ростъ, для всѣхъ—небольшая голова, прямые невыдающиеся или маловыдающиеся бока, поджарость, тонкія ноги,—все это съ выдающимися специальными качествами: живостью, проворствомъ и т. п. Наибольшее число домашних животных всѣхъ вообще распространено при подножьяхъ горныхъ хребтовъ и въ нижней полосѣ хребта; наибольшее число лошадей—въ западной половинѣ Владикавказско-осетинской равнины и западномъ протяженіи предгорій хребта; здѣсь коневодство не ограничивается размѣрами обыденнаго хозяйственнаго запроса, какъ въ другихъ мѣстахъ края, а состоитъ въ содержаніи довольно многочисленныхъ табуновъ. Нѣсколько всторонѣ отъ общихъ условій болѣе или менѣе повсемѣстнаго распространенія домашних животныхъ стоитъ еще не намѣченный нами видъ—домашнія свиньи. Въ то время какъ распространеніе другихъ видовъ зависитъ отъ однихъ лишь физическихъ и экономическихъ фактовъ, распространеніе домашнихъ свиней обуславливается еще причинами нравственно-религіозными.

Терпимыя и даже холимыя въ районахъ поселеній христіанскихъ, эти животныя, напротивъ, совершенно лишены правъ распространенія въ районахъ магометанскихъ поселеній. Впрочемъ, есть въ этомъ дѣлѣ и нейтральные районы, гдѣ свиньи пользуются снисходительною терпимостью и со стороны магометанскаго населенія, какъ животныя, хотя и не чистыя, но весьма пригодныя для стола. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ скотоводствѣ края домашнія свиньи составляютъ довольно видную статью хозяй-

ства. Встрѣчаясь на сѣверномъ склонѣ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ равнины, на южномъ склонѣ онѣ разводятся, особенно въ лѣсистыхъ горахъ, какъ предметъ спеціальнаго хозяйства, многочисленными стадами. Подобныя стада встрѣчаются, напр., по лѣсистымъ зарослямъ, окаймляющимъ своими живописными контурами протяженіе Военно-грузинской дороги между Млетами и Душетомъ. Гдѣ домашнія свиньи разводятся стадами—въ средней горной полосѣ южнаго склона,—тамъ онѣ, особенно послѣ продолжительнаго существованія при этихъ условіяхъ, видоизмѣнились въ особую разновидность, какъ-бы въ средней промежуточный типъ между обыкновенной свиньей, ноуелюжей и широко-лопаточной, и дикою свиньей или вепремъ (*sus scropha*); признакомъ первой изъ нихъ служатъ болѣе или менѣе висячія уши, а признакомъ второй—сплюсненность, т. е. большая вертикальность въ наклонѣ боковъ и клыковатость. Нѣкоторое видоизмѣненіе въ особую разновидность встрѣчается также и въ наиболѣе распространенныхъ по горамъ домашнихъ животныхъ—бараныхъ. Кромѣ намѣченныхъ нами признаковъ, относящихся ко всѣмъ горнымъ домашнимъ четвероногимъ, если не особенно выдающимся, то весьма полезнымъ въ хозяйствѣ края такимъ видоизмѣненіемъ является мягко-шерстность горныхъ барановъ; она, между прочимъ, дала возможность развитію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горной полосы края весьма видной кустарной промышленности—выдѣлки доброкачественнаго сукна.

Изъ домашнихъ птицъ въ край распространены почти всѣ общезвѣстные роды этихъ животныхъ: курица, гусь, голубь, индѣйка, утка; изрѣдка—цесарка (*numida*), павлинъ (*pavo*), лебедь и т. п. Соотвѣтственно условіямъ физической природы края, повсемѣстно распространены преимущественно виды куринныя (*gasoies*), а на равнинныхъ мѣстахъ, кое-гдѣ и въ горной полосѣ,—вообще въ мѣстахъ,

гдѣ существуютъ подходящія къ дѣлу условія—тихо текущія воды, распространены виды плавающие (natatores). Вообще же, съ постепеннымъ повышеніемъ поверхности, птичье хозяйство края, довольно значительное на равнинахъ, постепенно умалется какъ по численности особей, такъ и по разнообразію видовъ. Въ самой высшей полосѣ поселеній, полосѣ центральныхъ ущелій, изъ домашнихъ птицъ распространены въ небольшомъ количествѣ только однѣ куры. Впрочемъ, бѣдность горнаго птичьяго хозяйства зависитъ не исключительно отъ однихъ физическихъ условій, но и отъ частныхъ экономическихъ—недостатка корма для большаго числа и другаго выбора домашней птицы.

Изъ другихъ родовъ животнаго царства, имѣющихъ вообще полезное значеніе въ экономической жизни края, къ группѣ домашнихъ животныхъ можно отнести и пчелу. Это полезное насѣкомое представляетъ здѣсь, въ сравненіи съ пчелою, распространенною въ равнинно-россійскомъ хозяйствѣ, нѣкоторую разновидность; она отличается отъ первой (черной) желтизною своей окраски и болѣе миролюбивымъ характеромъ, или весьма слабымъ расположеніемъ къ ужаливанію. Въ описываемомъ краѣ пчела, какъ домашнее хозяйственное насѣкомое, распространена въ болшей или меньшей степени по всѣмъ равниннымъ мѣстамъ, а преимущественно—на западѣ Владикавказско-осетинской равнины и по среднему пространству южнаго склона.

Царство животныхъ, обитающихъ въ здѣшнемъ краѣ при однихъ лишь условіяхъ его физической природы, такъ связать, внѣ приурочиванія для культурной жизни человека, отличается, конечно, несравненно большимъ разнообразіемъ классовъ, видовъ и разновидностей, чѣмъ группа животныхъ домашнихъ.

Изъ класса млекопитающихъ (mammalia) животныхъ въ краѣ вообще водятся—а) животныя плотоядныя (carni-

vorà): медвѣдь, волкъ, барсукъ (*meles vulgaris*), лисица (*vulpes vulgaris*), представляющая какъ-бы двѣ разновидности— равнинную и горную, дикая вошка, хорекъ (*foetorius putorius*), ласка (*foetorius vulgaris*), рысь (*felis lynx*); б) толстокожія (*pachydermata*): вепрь или дикая свинья (*sus scropha*); в) жвачныя (*ruminantia*): олень, туръ или дикій баранъ (*argali*), серна (*antilope rupicapra*); г) грызуны (*glires*): бѣлка (*sciurus*), соя (*muoxus*), заяць, крыса, мышь, тушканчикъ (*dipus*), хомякъ (*cricetus vulgaris*), сурокъ (*arctomys marmota*), кроликъ (*lepus cuniculus*), слѣпецъ (*spralax typhlops*); д) насѣкомоядныя: кротъ, ежъ, землеройка и рукокрылая летучая мышь. Изъ класса пресмыкающихся (*amphibia*) здѣсь водятся: ящерица сѣрая или обыкновенная (*lacerta agilis*), ящерица зеленая (*l. viridis*), гадюка (*pelias berus*), ужъ, желтопузь (*caluber viridiflavus*), черепаха обыкновенная въ двухъ разновидностяхъ по величинѣ, лягушка обыкновенная, лягушка древесная или зеленая (*hyla arborea*), лягушка ползающая или жаба (*bufo cinerea*). Изъ рыбъ въ краѣ встрѣчаются: сомъ, сазанъ (*cyprinus carpio*), усачъ или рѣчной миронъ (*barbus fluviatilis*), пискаръ рѣчной (*gobio vulgaris*), плотва или плотичка (*scardinius erythrophthalmus*), форель, щука, карась, линь и другія. Изъ животныхъ суставчатыхъ (*arthropoda*) здѣсь водятся: ракъ рѣчной (обыкновенный), крабъ или сухопутный ракъ (*caner*), мокрица (*oniscus*), тарантулъ (*lycosa*), паукъ-сѣновосецъ (*phalangium*), паукъ клещеносецъ (*chelifer*), клещукъ или клещъ (*ixodes*), паукъ обыкновенный (*tegenaria*), паукъ водяной, крестовикъ и др. пауки. Изъ жесткокрылыхъ (*galeoptera*) здѣсь чаще встрѣчаются: носорогъ (*oryctes nasicornis*), рогачъ олень (*lucanus cervus*), вонючка (*nesophorus*), жужица или обыкновенный жукъ (*scarabus*) въ многочисленныхъ разновидностяхъ, хрущъ или майскій жукъ (*melolontha vulgaris*); изъ бабочекъ или чешуекрылыхъ насѣ-

комыхъ (Lepidoptera): большая сумеречница (Acherontia), мотылекъ въ многочисленныхъ разновидностяхъ, отличающихся между собою по цвѣту крыльевъ и другимъ признакамъ, желтянка, пестрянка, бѣлянка, толстоголовка и другія; изъ перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ (Hymenoptera) здѣсь болѣе распространены: пчела, оса въ разновидностяхъ, шмель, муравей въ нѣсколькихъ разновидностяхъ, наѣздникъ (Ichneumon) и др.; изъ двукрылыхъ (Diptera), прямокрылыхъ (Orthoptera) и подобныхъ, всюду распространенныхъ насѣкомыхъ, здѣсь наиболѣе распространены: оводъ (Oestrus), муха, комаръ, стрекоза, кузнечикъ, клопъ и другія, всѣ въ многочисленныхъ разновидностяхъ. Наконецъ, есть въ описываемомъ краѣ разнородные представители мягкотѣлыхъ (Mollusca) и червей (Vermes): пиявка, улитка въ разновидностяхъ, слизень, дождевой червь, колوراتки (Rotatoria) и т. п. животныя, какъ-бы заканчивающіяся въ своихъ измѣненіяхъ тѣми представителями своего рода, которые, по своей микроскопичности, остаются неизвѣстными человѣку даже и тогда, когда поселяются въ его собственномъ тѣлѣ и выживаютъ его съ божьяго свѣта. Всѣ намѣченныя нами животныя встрѣчаются въ краѣ какъ его постоянные обитатели. Последнее обстоятельство, особенно въ примѣненіи къ животнымъ, требующимъ для своего существованія сложныхъ условій: большихъ лѣсовъ, непроходимыхъ и недоступныхъ для человѣка мѣстъ и т. п., конечно, представляетъ также и переходныя степени обитаемости. Какое значеніе имѣютъ тѣ или другія изъ этихъ животныхъ въ бытѣ обывателей края, со стороны полезности, вреда и т. п.,—объ этомъ мы скажемъ въ дальнѣйшемъ очеркѣ края со стороны бытовой и экономической.

Историческія свѣдѣнія.

Осетинское племя, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ,

представляет одно из древнѣйшихъ племенъ, населяющихъ центральныя части Кавказа. Одинъ изъ немногихъ изслѣдователей этого племени, взгляды котораго, впрочемъ, признаны впоследствии не всегда обстоятельными и безпристрастными, д-ръ Пфафъ *), находя, въ числѣ другихъ основаній для такого вывода, филологическое сродство осетинскихъ названій горы и аула Джимара (въ центрѣ Осетин) съ „киммерійцами“ древнихъ историковъ, говоритъ, что „киммерійцы“ представляютъ собою колѣно еврейскаго народа „Гамеръ или, правильнѣе, Джимеръ“, упоминаемое въ Ветхомъ Заветѣ, и что оно еще за XV стол. до Р. Х. смѣшалось съ первобытными обитателями осетинскихъ ущелий, а впоследствии это смѣшеніе пополнилось пришельцами—иранцами. Выводы д-ра Пфафа о первоначальномъ происхожденіи осетинъ, имѣвшіе, повидимому, связь съ распространеннымъ въ числѣ другихъ мнѣніемъ о древности осетинъ, приближающейся чуть-ли не къ эпохѣ общей жизни индоевропейскихъ народовъ, нашли впоследствии полное научное оправданіе только относительно иранскаго происхожденія осетинъ. Первымъ обстоятельнымъ изслѣдователемъ осетинскаго племени со стороны лингвистической былъ г. Шегренъ, занимавшійся этимъ вопросомъ еще въ началѣ 40-хъ годовъ. Причисляя осетинъ въ первый періодъ своихъ изслѣдованій къ иранскому поколѣнію, г. Шегренъ, основательно изучившій осетинскій языкъ, впоследствии, по словамъ барона Услара **) „вопреки своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, окончательно впалъ въ сомнѣніе: должно ли осетинъ, не смотря на ихъ названіе *ироны*, причислить къ иранской вѣтви арійской расы“. Въ промежуткѣ между этими, хотя и не категорическими, но научными выводами и предположеніями, въ виду кажущагося

*) Матеріалы для древней исторіи осетинъ, I, II и др. гл.

**) Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ. Стр. 178.

сходства нѣкоторыхъ осетинскихъ словъ съ нѣмецкими, существовало мнѣніе, что осетины происхожденія германскаго. Вопросъ о происхожденіи осетинъ разрѣшенъ былъ на V Археологическомъ Сѣздѣ въ г. Тифлисѣ съ полною научною компетентностію. Проф. В. Θ. Миллеръ, представивъ на Сѣздѣ подробные результаты своихъ лингвистическихъ изслѣдованій осетинскаго языка, резюмировалъ ихъ мнѣніемъ, что осетинскій языкъ представляетъ собою одно изъ видоизмѣненій древняго иранскаго языка, и осетины—одинъ изъ народовъ иранской группы, населявшихъ въ древнія времена, подъ именемъ сарматовъ, массагетовъ и т. п., пространство между Чернымъ и Каспійскимъ морями и вытѣсненныхъ отсюда впоследствии народами тюркскими. Оторванные отъ своихъ сородичей напоромъ новыхъ пришельцевъ и втиснутые въ ущелья средняго Кавказа, осетины, благодаря изолированности своей территоріи, сохранили въ теченіе тысячелѣтій свою древне-иранскую индивидуальность.

Въ параллель къ сообщеніямъ лингвистическимъ, по вопросамъ прошлаго осетинскаго племени, графъ Уваровъ высказалъ на Сѣздѣ мнѣніе, что въ прошлыхъ погребальныхъ обычаяхъ осетинъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ въ ихъ древнихъ могильникахъ, замѣчается вліяніе древне-иранскаго элемента,—вліяніе религиозныхъ воззрѣній древне-иранской священной книги Вендидадъ. Такъ, напр., въ древностяхъ Осетіи встрѣчаются могильники, выстроенные надъ землею, гдѣ трупы укладывались на подставкахъ, не касаясь самой земли,—обычай, имѣвшій, повидимому, связь съ древне-иранскимъ религиознымъ воззрѣніемъ, что трупы оскверняютъ землю. Представивъ себѣ такіе могильники въ тотъ періодъ, когда они выполняли свое назначеніе какъ-бы кладовыхъ для тлѣннаго содержимаго (въ нѣкоторыхъ могильникахъ встрѣчаются цѣлыя груды праха и костей),

можно думать, что анти-гигиеническая обстановка тогдашних погребальных обычаевъ, которая не могла не быть тягостною и для полу-дикарей, едва-ли могла-бы поддерживаться безъ причинъ, указанныхъ гр. Уваровымъ. Мнѣніе о происхожденіи осетинъ, высказанное проф. Миллеромъ, значительно освѣщалось со стороны хронологической сообщеніями гр. Уварова о древности культуры на Кавказѣ, касавшимися и Осетіи. Матеріаломъ для этихъ сообщеній служили археологическія находки, сдѣланныя въ болѣе или менѣе центральныхъ пунктахъ Осетіи. По мнѣнію гр. Уварова, древность осетинской культуры можетъ быть отнесена къ началу вѣка желѣзнаго, по мнѣнію же оппонента гр. Уварова, г. Филимонова, она относится къ болѣе древней переходной эпохѣ отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному. Опредѣляя характеръ культуры по признакамъ археологическихъ находокъ въ Осетіи, гр. Уваровъ высказалъ, что, судя по рисункамъ на вещахъ разныхъ животныхъ, преимущественно обитающихъ въ Азіи: тигровъ, леопардовъ и т. п., и по общему характеру рисунковъ, осетинская культура находилась подъ азіятскимъ вліяніемъ; при этомъ многіе изъ рисунковъ имѣютъ особенное сходство съ рисунками древне-ассирійскими. По мнѣнію г. Филимонова, нѣкоторыя изъ археологическихъ находокъ въ Осетіи въ хронологическомъ отношеніи могутъ быть поставлены въ параллель съ этрусскими древностями, за тысячу лѣтъ до Р. Х. Г. Антоновичъ, производившій до Сѣзда археологическія раскопки на югѣ Россіи, сдѣлалъ замѣчаніе, что многіе изъ осетинскихъ древностей имѣютъ сходство съ древностями, найденными имъ въ Кіевской губ. и другихъ мѣстахъ южной Россіи.

Въ вопросахъ о прошломъ осетинскаго племени, поскольку оно освѣщается данными словопроизводства, весьма важное значеніе имѣетъ осетинское слово *кохъ*—

гора. Древнѣйшія историко-географическія названія: Кавказъ, Гогъ и Магогъ—первое у Эсхила, второе у пророка Іезекиіля, написавшихъ эти названія еще за нѣскольکو вѣковъ до Р. Х., находятся въ филологическомъ сродствѣ съ осетинскимъ *хохъ*. Баронъ Усларъ, разбирая происхождение слова „Кавказъ“, высказываетъ предположеніе, что греческое *Καβύκκος* представляетъ собою слово, отчасти заимствованное древними греками у древнихъ народовъ востока и видоизмѣненное соотвѣтственно фонетическимъ требованіямъ ихъ роднаго языка. Первый слогъ этого слова, говоритъ бар. Усларъ, „довольно близко подходитъ къ иранскому *кухъ* или *кохъ*, осетинскому *хохъ*, второй состоитъ изъ *азы*, котораго происхождение теряется въ недостижимой глубинѣ времени“, по которое было употребительно у древнихъ грековъ какъ названіе странъ и народовъ, лежащихъ отъ нихъ въ сторону Кавказа. „Гогъ-азъ или Каугъ-азъ“, говоритъ бар. Усларъ, „почти чистое Кауказосъ“.

Мнѣніе другихъ ученыхъ, нѣсколько несходное съ мнѣніемъ барона Услара, тѣмъ не менѣе ставитъ осетинское *хохъ* также въ существенную составную часть „Кавказа“. Такое же значеніе *хохъ* играетъ и въ объясненіи „Гога“—названія страны и „Магога“—названія народа, встрѣчающихся въ Ветхомъ Завѣтѣ у пророка Іезекиіля. „Большая часть толкователей“, говоритъ бар. Усларъ, и въ этомъ названіи видятъ...осетинское *хохъ*“. Вообще же, по смыслу высказанныхъ различными учеными предположеній относительно происхожденія словъ: „Кавказъ“, „Гогъ и Магогъ“, можно предположить, что осетинское *хохъ* звучало въ ущельяхъ Кавказа еще въ глубокой древности; перенесенное же въ сферу географо-историческихъ представлений другихъ народовъ, оно получило смыслъ, хотя и не вполне соотвѣтствующій своему первоначальному значенію, но вполне понятный, какъ названіе извѣстной страны или

народа, сдѣлавшееся изъ нарицательнаго собственнымъ. Обращая же вниманіе съ точки зрѣнія послѣдняго обстоятельства на содержаніе священныхъ повѣствованій прор. Іезекііля, гдѣ говорится о Гогѣ и Магогѣ, мы видимъ, что слова эти заключаютъ въ себѣ представленія о грандіозныхъ и вполне историческихъ обстоятельствахъ древняго міра, — существенное доказательство того, что *хохъ* имѣло за собою соотвѣтственную извѣстность и вызывало достаточно ясныя по конкретности представленія. Прор. Іезекіиль говоритъ о Гогѣ, какъ странѣ къ сѣверу за горами, откуда появится свирѣпый всеистребляющій народъ — Магогъ, который опустошитъ землю Израіля, — обстоятельство, вполне соотвѣтствующее, по условіямъ мѣста, выводамъ о первоначальномъ происхожденіи словъ „Гогъ и Магогъ“. Что же касается до факта нашествія народовъ съ сѣвера изъ-за горъ, то послѣднее, по обстоятельному изложенію барона Услара, находитъ подтвержденіе въ разсказѣ Геродота о нашествіяхъ на Азію сѣверныхъ варваровъ, происходившихъ до его извѣстнаго путешествія въ разныя мѣста Европы и Азіи. Эти нашествія, путь которыхъ неизбѣжно проходилъ черезъ осетинскія ущелья — главный проходъ въ Кавказскихъ горахъ, по всей вѣроятности, были главнымъ условіемъ распространенія слова *хохъ*. Можетъ быть, это *хохъ* въ области этнографическихъ и географическихъ названій играло въ свое время такую же роль, какъ полусобственное „горцы“ Кавказа въ представленіяхъ иностранцевъ, незнавшихъ русскаго языка и незнакомыхъ съ Кавказомъ. Значеніе осетинскаго языка въ объясненіи тѣхъ или другихъ историческихъ названій находится, конечно, въ тѣсной связи съ значеніемъ средняго Кавказа — древняго мѣстообитанія осетинъ, какъ пути народовъ въ эпоху ихъ переселеній. Будучи расположена по главнымъ ущельямъ — проходамъ чрезъ хребетъ, Осетія неизбѣжно втягивалась въ

водовороты событий своего мѣста и времени; для постороннихъ же историческихъ наблюдений подобныхъ событий она была, такъ сказать, указательнымъ пунктомъ со стороны общаго обозначенія ихъ названій и мѣстъ. Въ послѣднемъ случаѣ, извѣстность древней Осетии, какъ важнаго, замѣтнаго пункта историческихъ событий, кромѣ случаевъ, отмѣченныхъ осетинскимъ языкомъ, можно предположить еще по частымъ упоминаніямъ у древнихъ писателей главнаго прохода черезъ Кавказскій хребетъ: онъ назывался у однихъ *Caucasiae pylae*, у другихъ *Sarmatiae pylae*, *Cumanae pylae* и т. п. и, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ изслѣдователей, обозначалъ ущелья нынѣшней Военно-грузинской дороги. При удаленности этихъ пунктовъ какъ отъ центровъ древнихъ историческихъ наблюдений, такъ и вообще отъ центровъ тогдашней политической жизни, эта извѣстность, конечно, была результатомъ особенно важныхъ для своего времени событий Кавказскаго перешейка; такими, по общему переселенческому характеру тогдашнихъ событий, вѣроятно, были столкновенія племенъ и народовъ, разрѣшавшіяся кровавыми, истребительными боями. Такъ какъ кавказскія стремнины представляютъ собою естественныя препятствія для распространенія и политическаго могущества, и вообще политическо-экономической жизни, то въ древнія времена, времена большаго безсилія человѣка передъ природой, онѣ, очевидно, были границами и политическаго могущества государствъ Азии и Европы, и естественнаго распространенія по землѣ народныхъ группъ. Это „общее мѣсто“ исторіи людей, въ примѣненіи къ прошлому осетинской территоріи, служить до нѣкоторой степени хронологическимъ пунктомъ какъ въ вопросѣ о происхожденіи осетинскаго племени, такъ и въ частныхъ вопросахъ его прошлаго. Сопоставивъ повѣствованіе прор. Іезекииля о Гогѣ, свирѣпомъ, всеистребляющемъ народѣ, который появлялся въ землѣ Израиля съ сѣвера изъ-за

горь, и рассказы Геродота о нашествіи на Азію сѣверныхъ варваровъ, сопоставивъ эти указанія съ фактами историческаго переселенія народовъ, мы видимъ такимъ образомъ какъ-бы два періода переселенческихъ движеній по ущельямъ Кавказа: первый,—предшествовавшій Геродоту, за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. и второй—современный началу христіанской эпохи: тамъ варвары Европы вторгались въ Азію, по всей вѣроятности, для грабежа и завоеваній богатствъ ея древней цивилизаціи; здѣсь, наоборотъ, сравнительная густота населенія, съ разрушеніемъ древне-государственнаго порядка, привела къ вторженіямъ въ Европу. Насколько первыя событія были не отдѣльными историческими случаями, а характеризовали собой цѣлую эпоху, можно предположить по тому, что персидскій царь Дарій Гистаспъ вынужденъ былъ принять противъ сѣверныхъ варваровъ рѣшительныя мѣры, извѣстный походъ въ страну скивовъ, описанный Геродотомъ. По мнѣнію д-ра Пфафа, нѣкоторымъ указаніемъ на обстоятельства этой эпохи, поскольку они относились къ району древней Осетіи, можно принять, хотя съ приблизительною хронологическою соотвѣтственностію, слѣды и остатки древнихъ сооружений въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Осетіи. Судя по ихъ общему протяженію, эти остатки, по всей вѣроятности, были въ древнія времена длиннымъ, многоверстнымъ загражденіемъ ущелій съ сѣвера, противъ древнихъ скивовъ, врывавшихся здѣсь въ Азію для грабежей и опустошеній. Признакомъ древности этихъ сооружений служить, напр., то обстоятельство, что, въ сравненіи съ сооружениями даже почти тысячелѣтними, они представляютъ картину несравненно большей, такъ сказать, руинности и разрушенности, ступававшюся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до едва замѣтныхъ слѣдовъ сооружений. Предположеніе о древности ихъ, хронологически соотвѣтствующей обозначенной нами эпохѣ, можно отчасти основать еще на ана-

логичномъ примѣрѣ древнихъ сооружений—такъ называемой Дербентской стѣнѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, послѣдняя построена въ древнѣйшую эпоху существованія въ Азіи обширныхъ государствъ: Мидіи, Персіи, Ассиріи, Вавилона и т. п. Хотя древне-осетинскія сооружения, судя по ихъ слѣдамъ и остаткамъ, и уступаютъ стѣнѣ Дербентской въ протяженіи, тѣмъ не менѣе, въ нихъ можно отчасти замѣтить архитектурные признаки, общіе съ признаками стѣны Дербентской,—массивность и прямолинейность. Въ картиѣ крайне-гористаго края, гдѣ на каждомъ шагу громоздятся естественныя препятствія и является такимъ образомъ защита отъ нападений, массивныя, прямолинейныя сооружения нельзя не назвать крайне громоздкими и не соответствующими мѣстности.

Съ этой стороны древне-осетинскія сооружения, какъ они представляются воображенію по своимъ слѣдамъ и остаткамъ, можно принять средствами защиты, настолько широкими, требовательными и даже какъ-бы излишними, что они могли явиться лишь по инициативѣ власти, не стѣснявшейся ни лишней затратой труда для постройки стѣны, ни лишней затратой военныхъ силъ при ея защитѣ. Сопоставивъ это обстоятельство съ сравнительно слабыми государственными силами Осетіи, не устоявшей 900 лѣтъ назадъ даже предъ утомленною малочисленною дружиною Свато-слава, постройку осетинской стѣны, какъ защиты съ сѣвера, естественно слѣдуетъ приписать чуждымъ этой странѣ государственнымъ цѣлямъ и чуждой власти, нѣсколько односторонней, по привычкамъ къ массивнымъ стратегическимъ сооружениямъ, въ дѣлѣ охраненія границъ. Такая власть могла явиться, напр., въ лицѣ какого-либо изъ повелителей древнѣйшихъ государствъ исторической Азіи, съ ея Экбатаной, Вавилономъ и т. п. городами, исторически извѣстными прежде всего по многочисленности своихъ стѣнъ и тѣмъ самымъ какъ-

бы указывающими на какую-то своеобразную манію стѣностроения. Констатируя эти предположенія болѣе или менѣе приближающимися къ нимъ древними свѣдѣніями, мы считаемъ не лишнимъ указать на одно мѣсто въ разсказѣ Геродота о странахъ и народахъ, жившихъ по сѣверную сторону горъ, близъ страны древнихъ скивовъ. По этому разсказу, означенное пространство нѣкогда было заселено киммерійцами, которые потомъ бѣжали отъ скивовъ въ Азію. Это сообщеніе Геродотъ какъ-бы подтверждаетъ указаніями: „Καὶ νῦν ἔστι μὲν ἐν τῇ Σχολικῇ Κιμμέρια τείχεα“ (IV, 12) (и теперь еще существуютъ въ Скивской странѣ *Киммерійскія стѣны*),—придавая въ этихъ словахъ особое значеніе слову „киммерійскія“, какъ филологическому доказательству существованія тамъ киммерійцевъ, безъ обозначенія мѣстности этихъ стѣнъ. Сопоставивъ это указаніе съ слѣдами киммерійскаго элемента на осетинской территоріи въ названіяхъ Джимара—древняго аула и высокой снѣговой вершины, и присоединивъ къ этому мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что *porta Cumania*, древнѣйшее названіе Кавказскихъ воротъ, имѣетъ нѣкоторое созвучіе съ Кци, можно предположить, что неопредѣленные, съ чужихъ словъ, указанія Геродота на Киммерійскія стѣны относились къ укрѣпленіямъ, слѣды которыхъ остались до нашего времени на Кавказѣ вообще и при подошвѣ осетинскихъ горъ въ частности. Еще большее значеніе въ объясненіи прошлаго Осетіи имѣетъ то мѣсто въ IV книгѣ Геродота, гдѣ онъ разсказываетъ о народахъ, населявшихъ приблизительно сѣверную половину Кавказскаго перешейка и вообще сосѣднихъ древнимъ скивамъ. Хотя въ разсказѣ этомъ встрѣчаются не точности, весьма понятныя при сообщеніи свѣдѣній съ чужихъ словъ, собранныхъ безъ всякихъ географическихъ пособій, тѣмъ не менѣе, резюмируя ихъ подъ условіемъ приблизительной достовѣрности, мы встрѣчаемъ тамъ указанія,

весьма подходящія къ мѣстности Кавказа и Осетіи. Назвавъ нѣсколько народовъ, пограничныхъ скиѣамъ, и упомянувъ при этомъ о высокихъ горахъ, обитаемыхъ какимъ-то народомъ— „плѣшивыми“, и, по словамъ послѣднихъ, сосѣдями ихъ—возлино-ногими людьми, Геродотъ говоритъ, что въ востоку отъ плѣшивыхъ или безволосыхъ (τῶν φαλακρῶν)— „земля, населяемая *исседонами* (Ἰσσηδόνες), изслѣдована въ точности.... У исседоновъ же, какъ говорятъ, существуютъ слѣдующіе обычаи. Когда у кого-либо умретъ отецъ, то всѣ родственники приводятъ въ тотъ домъ мелкій скотъ и, обревши его въ жертву, убиваютъ, мясо же, а также трупъ умершаго родственника-хозяина разрѣзываютъ на куски и, смѣшавши все мясо вмѣстѣ, устраиваютъ пирь. Снявши съ головы умершаго волосы и очистивъ (ее), они золотятъ ее и потомъ, совершая ежегодно большія жертвы, пьютъ изъ нея кровь. Сынъ для отца дѣлаетъ то же, что дѣлаютъ греки на своихъ поминкахъ. Сверхъ того, говорятъ, они справедливы, и женщины у нихъ имѣютъ одинаковыя права съ мужчинами. И этотъ народъ извѣстенъ. Что же касается до земли за исседонами, то, говорятъ, будто тамъ живутъ одноглазые люди и грифы, стерегущіе золото“ и т. д. Выраженіе Геродота объ извѣстности исседоновъ, въ связи съ сообщеніемъ въ 13 гл. IV к., что одинъ изъ стихотворцевъ греческихъ бывалъ у нихъ, ясно указываетъ, что исседоны жили въ мѣстности, близкой и къ странѣ скиѣовъ, и къ мѣстамъ, населеннымъ греками. Присоединивъ къ этому указанія на смежность страны исседоновъ съ высокими неприступными горами, мы, такимъ образомъ, изъ логическаго сопоставленія всѣхъ этихъ фактовъ можемъ вывести предположеніе, что исседоны (Ἰσσηδόνες) Геродота—aborigены средняго Кавказа, населеннаго теперь сходно-именными имъ осетинами. Они могли сдѣлаться извѣстными скиѣамъ при

вторженіяхъ послѣднихъ въ Азію чрезъ ущелья средняго Кавказа, грекамъ—посѣтителямъ Колхиды—по сношеніямъ греческихъ колонистовъ Закавказья съ страной скивовъ чрезъ тѣ-же ущелья. Наконецъ, наименьшимъ выводомъ изъ сообщений Геродота объ исседонахъ можно принять, что страна ихъ была не за предѣлами Кавказскаго перешейка. Такъ, изъ дальнѣйшаго разсказа Геродота можно видѣть, что мѣстность исседоновъ и ихъ сосѣдей какъ-бы обобщается Геродотомъ, со стороны климатической, въ одну географическую группу съ Босфоромъ Киммерійскимъ—нынѣшнимъ Чернымъ моремъ. „Вся вышеописанная страна очень холодна.... Море и Босфоръ Киммерійскій замерзаютъ“ (IV, 28). Это обобщеніе довольно замѣтно указываетъ, что страна исседоновъ, названная къ тому же хорошо изслѣдованною, считалась въ географическомъ представленіи Геродота въ недалекомъ разстояніи отъ Босфора Киммерійскаго, по высказанному нами предположенію,—тамъ, гдѣ теперь живутъ почти одноименные Геродотовымъ „Ἰσσηδόνες“ наши „осетины“. Въ пользу такого предположенія говорить, помимо приведенныхъ данныхъ, фактъ повторенія Геродотова разсказа объ исседонахъ другими послѣдующими писателями древней Греціи и Рима, причемъ мѣстность исседоновъ почти съ безспорною точностію намѣчается въ Кавказскихъ горахъ; послѣднее обстоятельство, очевидно, вполне объясняется большимъ ознакомленіемъ этихъ писателей съ Кавказомъ. Такъ Плиній, рассказывая о народахъ вокругъ Меотійскаго озера, говоритъ: „надъ ними (напитами)—эсседоны, живущіе въ горахъ; земля ихъ простирается до Колхиды“ (VI, 7, 2). У Птолемея же мы встрѣчаемъ указанія еще большей географической точности: „около Каспійскаго моря живутъ уды, олонды и исонды (Ἰσονδα)“ (V, 8); „между р. Курой (Κῦρος) и Альбанусомъ (Самуръ) слѣдующіе города.... Оссива (Ὀσσηα) 77°30', 44°30'“

*

(V, II). Очевидно, что как Плиний, так и Птолемей не только повторяют рассказы Геродота об исседонах, но и пополняют их своими свѣдѣніями, подтверждая тѣмъ самымъ фактъ пребыванія исондовъ въ извѣстныхъ предѣлахъ Кавказа.

Предположивъ далѣе, что изъ классическихъ писателей древняго міра въ среду первыхъ книжныхъ русскихъ людей, вмѣстѣ съ общеобразовательными свѣдѣніями, проникли и частныя этнографическія свѣдѣнія о Кавказѣ, мы можемъ этимъ, хотя съ приблизительнымъ основаніемъ, объяснить названіе въ старинныхъ русскихъ лѣтописяхъ народа Кавказа — „оссовъ, яссовъ“ — видоизмѣненіемъ „исседоновъ, исондовъ и эседоновъ“. У позднѣйшихъ писателей эти „оссы, яссы“ и греческіе „исседоны“ превратились въ болѣе созвучное своимъ греческимъ и латинскимъ прототипамъ „осетины“. Такое предположеніе о происхожденіи слова „осетины“ можно, впрочемъ, видоизмѣнить еще условіемъ, что упомянутыя названія: исседоны, эседоны и исонды усвоены русскими чрезъ посредствующую среду грузинскаго названія осетинъ — „оси“. Но во всякомъ случаѣ, не имѣя даже самаго отдаленнаго фонетическаго соотношенія съ „ироны“, какъ называютъ себя осетины, русское названіе этого племени рѣшительно не могло произойти тѣмъ путемъ, какимъ произошли, напр., названія: „нѣмцы, самоѣды“ и т. д.

Д-ръ Пфафъ въ своихъ „Матеріалахъ для древней исторіи осетинъ“ (XXIX гл.) объясняетъ происхожденіе этого названія отъ имени родоначальника древнѣйшихъ обитателей осетинскихъ ущелій — „мигическаго Оса“. Предположивъ, что объясненіе д-ра Пфафа имѣетъ за собою научное основаніе, мы тѣмъ не менѣе видимъ въ этомъ объясненіи слабое освѣщеніе того обстоятельства, что осетины сами не назвали себя по имени родоначальника. Это объясненіе даетъ поводъ къ предположенію, что имя родоначальника осетинъ

сохранилось болѣе въ древней литературѣ посторонняго народа, чѣмъ народно-осетинской памяти, и болѣе извѣстно постороннимъ ученымъ, чѣмъ самому народу.

Относительно же названія *ироны* д-ръ Пфафъ говоритъ, что оно принято осетинами „отъ новыхъ арійскихъ пришельцевъ“ въ сравнительно позднѣйшій періодъ ихъ историческаго прошлаго. Нѣсколько иначе объясняется фактъ различія въ названіяхъ осетинъ—стороннемъ и собственномъ другимъ ученымъ—г. Шопеномъ. По общему смыслу историко-филологическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ относительно прошлаго осетинъ г. Шопеномъ, названія „оссы, осси“, какъ прототипъ „осетины“, и „ироны“, какъ производственное отъ „иръ“, представляютъ слова-названія, имѣющія одинъ историческій источникъ своего происхожденія. Такъ г. Шопенъ сообщаетъ, что древнѣйшія китайскія лѣтописи упоминаютъ о народѣ „и“, названномъ впоследствии (но ранѣе 2300 л. до Р. Х.) на вѣдскомъ и санскритскомъ нарѣчіяхъ „и-ры, а-ир-ы, по нѣкоторымъ произношеніямъ, иры, откуда и латинское *vir*. Эти иры или иры поклонялись зодіакальному тельцу *Оссу*“. Въ VII в. до Р. Х. скины, во время вторженія въ Азію, захватили въ плѣнъ цѣлую колонію ировъ и поселили ихъ на сѣверѣ Кавказа, гдѣ обитали „поклонники коня“. Въ отличіе отъ группы народовъ своего религіознаго культа, называвшихся „аси (отъ а-си конь), азы“ и т. п., послѣдніе называли пришельцевъ по предмету ихъ религіознаго культа—тельца, вола (который по-кабардински—ось, по-дидойски—исъ, по-аварски—оць и т. д.), „оссами, осси, иссами“ и т. п. Сами же иры, по мнѣнію г. Шопена, сохранили на новомъ мѣстѣ свое прежнее названіе. Обстоятельство это, въ соединеніи съ тѣмъ, что осетины до сихъ поръ говорятъ „почти чистымъ иранскимъ языкомъ“, замѣчаетъ г. Шопенъ, приводитъ къ тому, что „вопросъ о происхожденіи этихъ поселенцевъ можно

почесть окончательно рѣшеннымъ *). Сопоставляя мнѣніе г. Шопена съ мнѣніемъ д-ра Пфафа, мы, не смотря на нѣкоторое различіе того и другаго, можемъ все-таки найти въ нихъ и нѣчто общее: указаніе, что производство или связь русскаго названія „осетины“ съ грузинскимъ, напр., „оси“, греческимъ „исседоны“, имѣетъ историческую основу въ производствѣ послѣднихъ названій отъ того, гдѣ оно непосредственно означало поклонниковъ тельца, вола (ось, ись, оцъ и т. п.), поклонниковъ „Осса“. Но въ пользу тождества осетинъ съ Геродотовыми исседонами, какъ мы сказали, говорятъ еще и географическія данныя—близость исседоновъ къ греческимъ поселяніямъ, по всей вѣроятности, колоніямъ на Кавказѣ. Эта близость предполагается потому, что исседоны были извѣстны грекамъ; а оба эти обстоятельства предполагаютъ большее или меньшее вліяніе на исседоновъ грековъ, какъ имѣвшихъ за собою соотвѣтственныя данныя нравственнаго и умственнаго превосходства. Съ этой стороны, въ разсказѣ Геродота особую важность представляетъ сообщеніе, что къ исседонамъ отправился и Аристархъ... „стихотворецъ, вдохновенный Фебомъ“; изъ него можно видѣть косвенное указаніе даже на такое греческое вліяніе, которое распространялось дальше обыденныхъ явленій, напр., торговыхъ сношеній и т. п. Поэзія древняго классическаго міра, какъ извѣстно, была не однимъ только удовольствіемъ, но и серьезнымъ религіозно-нравственнымъ культомъ, и представители ея—поэты были не только служителями искусства для искусства, но и своего рода піонерами лучшей нравственной жизни. Въ виду этого путешествіе поэта Аристарха въ страну исседоновъ-осетинъ едвали можно объяснить, по нѣкоторымъ случаямъ нашей эпохи, напр., празднымъ любопытствомъ и т. п. побужденіями; скорѣе, быть

*) Новые замѣтки на древнія исторіи Кавказа. Изв. Шопена. 1866 г. стр. 204, 320 и др.

можетъ, оно было предпринято съ миссіонерскою цѣлью или съ цѣлью изученія страны. Въ наибольшемъ же своемъ значеніи это путешествіе даетъ нить предполагать, конечно, образовательное вліаніе грековъ на исседоновъ. Отыскивая его въ данномъ случаѣ, напр., въ сферѣ религиозныхъ, космогоническихъ и т. п. понятій, или въ ея воспроизведеніи—народной поэзіи, мы встрѣчаемъ здѣсь факты, дающіе означенному предположенію довольно историческую основу. Въ цѣль осетинской народной поэзіи существуетъ, напр., цѣлая группа сказаній, представляющихъ, съ одной стороны—стороны повѣствовательной, такъ много оригинальнаго и, такъ сказать, историческаго, даже въ мѣологической измышленности, что они рѣзко выдѣляются изъ общаго типа подобныхъ произведеній народной поэзіи. Такъ, событія этихъ сказаній, со стороны хронологической и мѣстностей, являются картинами, не расплывающимися въ туманѣ неопредѣленныхъ указаній, но настолько отчетливыми, что въ общемъ онѣ составляютъ какъ-бы опредѣленный періодъ прошлой осетинской жизни. Съ другой стороны—со стороны самаго сюжета сказаній, они представляютъ иногда какъ-бы видоизмѣненіе нѣкоторыхъ фактовъ изъ древне-греческой мѣологии,—предположеніе, тѣмъ болѣе не лишнее основанія, что оно высказывается здѣсь въ параллель научнымъ выводамъ о подобныхъ же фактахъ въ исторіи Кавказа. Въ общемъ означенныя сказанія рисуютъ одинъ опредѣленный періодъ осетинскаго прошлаго—нашествіе на Осетию и другія мѣста иноплеменныхъ завоевателей—нартговъ. По смыслу сказаній, нарты сначала отличались отъ аборигеновъ страны превосходствомъ ума и физической силы, а потомъ какъ-бы измельчали до уровня обыкновенныхъ людей. Наибольшій интересъ сказаній сосредоточивается на 4—5 типахъ доблести нартговъ и аборигеновъ страны. Послѣдніе были сначала

ла побѣждены, а впоследствии взяли перевѣсъ надъ нар-
тами. По частному повѣствовательному содержанію, эти
сказанія состоятъ какъ-бы изъ біографій наиболѣе выда-
вавшихся героевъ, или изъ небольшихъ законченныхъ раз-
сказовъ объ ихъ подвигахъ. При этомъ имена главнѣйшихъ
героевъ повторяются въ большинствѣ отдѣльныхъ сказаній
и тѣмъ сообщаютъ имъ какъ-бы единство происхожденія,
единство какаго-то общаго источника.

Нѣкоторые изъ героевъ осетинскихъ сказаній, какъ мы
замѣтили выше, представляютъ довольно замѣтное сходство
съ героями древне-греческой поэзіи. Къ признакамъ таковаго
сходства можно отнести, напр., представленіе боговъ или
жителей неба съ одной стороны съ свойствами силы и мо-
гущества своего божескаго положенія, съ другой—съ сла-
бостями и вообще свойствами обыкновенныхъ смертныхъ.
Подобно небожителямъ древне-греческаго эпоса, небо-
жители осетинскихъ сказаній дѣйствуютъ среди людей:
принимаютъ участіе въ людскихъ побоищахъ, заводятъ
съ простыми смертными любовныя интрижки, улетая въ
критическіе моменты *на небо*, и т. п. Впрочемъ, сход-
ство это относится только къ общему характеру сказаній.
По частному же своему содержанію послѣднія представ-
ляютъ какъ-бы беспорядочное наслоеніе и смѣсь событій,
можетъ быть, и дѣйствительныхъ, съ фантастическими, запутанную комбинацію именъ изъ сферы религіозныхъ вѣро-
ваній съ бытовыми фактами, къ которымъ приплетались
разнородные обрывки мифологіи, и т. п. Но представляя
съ этой стороны, такъ сказать, „общее мѣсто“ народнаго
эпоса, осетинскія сказанія и здѣсь выдѣляются изъ наиболѣе
распространеннаго типа произведеній народнои поэзіи. Та-
кимъ выдѣляющимъ признакомъ служить съ одной стороны,
такъ сказать, психологическій элементъ сказаній, или при-
сутствіе въ ихъ повѣствовательномъ содержаніи нѣкоторыхъ

особенностей какъ-бы психологическаго анализа героевъ, а съ другой—изображеніе ихъ поступковъ нерѣдко съ мелочными подробностями ухватокъ, манеръ и т. п. Собственно психологическій элементъ сказаній состоитъ въ обилии разговоровъ въ прямой діалогической формѣ; при чемъ содержаніе ихъ нерѣдко выражаетъ самыя незначительныя, но всегда правдоподобныя и соответствующія дѣлу психологическія ощущенія; впрочемъ, психологическій элементъ встрѣчается не только въ подробностяхъ, но и въ выдающихся фактахъ сказаній. Такъ, напр., на ряду съ типами, представляющими, по своему общему характеру, какъ-бы вычурную смѣсь свойствъ и качествъ героевъ въ духѣ древнегреческаго эпоса съ свойствами какъ-бы обыкновенныхъ людей, въ сказаніяхъ изображаются типы весьма жизненные и правдоподобные. Таковы, напр., герои: одинъ (Сирдонъ)—типъ практическаго, плутоватаго проныры, посредника и ловкаго исполнителя нартовскихъ порученій, другой (Сосланъ)—„мужъ очень тихій“, разсудительный и практическій. Въ то время, какъ другіе, пренебрегающіе имъ нарты, возвращаются изъ наѣздовъ съ пустыми руками, Сосланъ приобретаетъ, что ему надо, куплею за деньги изъ своего кармана и т. п. Къ числу вычурныхъ типовъ сказаній относится герой—Балсагово колесо, съ разумомъ и рѣчью человѣка и физическими свойствами колеса: вмѣсто ударовъ Балсагово колесо переѣзжаетъ—рѣжетъ своего врага и т. п. Но особою, такъ сказать чудесно-физиологическою вычурностью, особою фантастичностью и въ то же время распущенною, первобытною неряшливостью отличаются картины любовныхъ приключеній, рисуемыя сказаніями. Таковы, напр., картины: зачатіе ребенка въ сплнѣ мужчины, физиологическій актъ любви, совершенный чрезъ ширину бурной рѣки посредствомъ взаимносозерцанія и маневровъ, описаніе конхъ дѣло физиологій, и другія картины,

еще болѣе противуестественныя и нерашливыя. Все это мы называемъ вычурно-чудеснымъ, конечно, сравнительно съ такимъ характеромъ чудеснаго, напр., въ русскихъ сказкахъ, гдѣ послѣднее проявляется, можетъ быть, въ картинахъ болѣе эффектныхъ, болѣе пестрыхъ и дѣйствующихъ на простое воображеніе, но не выходящихъ, такъ сказать, изъ прямолинейности законовъ природы, — гдѣ богатырь уже безграничная сила и только, гдѣ законы физиологической жизни являются преувеличенными въ результатахъ, но не въ замысловатыхъ тонкостяхъ и курьезахъ похотливости. Съ этой послѣдней стороны факты нартовскихъ сказаній отличаются разнообразіемъ, можно сказать, безпримѣрнымъ въ сферѣ любовныхъ приключеній героевъ и русскихъ и, сколько намъ извѣстно, вообще европейскихъ сказокъ. Сообщая нартовскимъ сказаніямъ окраску наивной безцеремонности и простоты, эта особенность вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы заявляетъ своею безпримѣрностью, что въ основѣ ея не могло не быть подходящихъ дѣйствительныхъ фактовъ. Подобно тому, какъ древне-греческая мифологія носитъ въ себѣ слѣды южнаго темперамента своихъ авторовъ, когда онъ еще не былъ охлажденъ умственной культурой, намѣченная нами черта осетинскихъ сказаній могла быть результатомъ того, что съ одной стороны самые бытовые факты, а съ другой — творческое воображеніе, созидавшее на этихъ фактахъ фантастическіе образы и картины, вѣроятно, носили въ своемъ существѣ слѣды климата болѣе теплаго, чѣмъ настоящій. Но при всѣхъ этихъ своеобразностяхъ, осетинскія сказанія о нартахъ, какъ мы сказали, отличаются весьма важными качествами — болѣе или менѣе отдаленною историческою правдоподобностью, проглядывающею и сквозь туманъ вымысловъ и преувеличеній. Въ число признаковъ исторической правдоподобности этихъ сказаній, конечно въ томъ ихъ содержаніи, гдѣ оно не за-

имствовано, можно поставить, какъ мы сказали, отсутствіе въ нихъ той хронологической и географической неопредѣленности: „долго-ли, скоро-ли, гдѣ-то“ и т. п., которую обыкновенно пересыпается сказка, не имѣющая за собою точки опоры въ опредѣленномъ событіи. Съ этой стороны, особенно со стороны указанія мѣстностей, нартовскія сказанія отличаются такою, конечно, сравнительною точностью, что въ общемъ намѣчаютъ собою районъ событій, вѣрный и правдоподобный даже со стороны географической.

То же впечатлѣніе правдоподобности получается и отъ самаго способа, помощью котораго рисуются психологическія ощущенія героев—нартовъ. Такъ, напр., даже въ своихъ чудесныхъ подвигахъ нарты являются не окаменѣлыми, такъ сказать, громоздкими фигурами какихъ-нибудь одностороннихъ настроеній храбрости, свирѣпости и т. п., но живыми людьми съ настроеніемъ, въ большинствѣ случаевъ, такъ натуральнымъ и правдоподобнымъ, что въ общемъ все это производитъ впечатлѣніе разсказовъ какъ-бы изъ дѣйствительной жизни. Отъ русскихъ, напр., сказокъ сказанія о нартахъ, при всей гиперболичности своего содержанія, настолько отличаются правдоподобнымъ изображеніемъ человѣческихъ типовъ, что примѣнять въ нихъ тотъ способъ историческаго анализа, гдѣ въ героѣ видится не лицо, а эпоха, событіе и т. п., было бы преувеличеніемъ и натяжкой. Впрочемъ, элементъ сравнительной натуральности, простоты и отсутствіе туманной расплывчатости въ образахъ нартовскихъ сказокъ, можетъ быть, до нѣкоторой степени обуславливаются еще и національнымъ складомъ осетинскаго характера, его нерасположеніемъ, напр., къ такимъ образамъ и представленіямъ, которые распространяются въ ширь, высь, даль и т. п. Главный герой нартовскихъ сказаній—нартъ Батразъ (Батиразъ); онъ соединяетъ въ себѣ

всѣ свойства и качества нартовъ и служить такимъ образомъ какъ-бы ихъ представителемъ. Наиболѣе оригинальнымъ и своеобразнымъ фактомъ изъ подвиговъ и приключеній Батраза можно назвать способъ, посредствомъ котораго онъ закалялъ свое тѣло отъ ударовъ и т. п. Батразъ влѣзъ въ пушку, наполненную огромнымъ количествомъ пороку и, приказавъ выпалить изъ нея, подвергся такимъ образомъ дѣйствию пушечнаго огня. Сила этого выстрѣла, а равно и жръбность Батразова тѣла были такъ велики, что, попавъ въ непріятельскій городъ, Батразъ разрушилъ въ немъ всѣ дома, перебилъ жителей и т. п. Для дальнѣйшей закалки своего тѣла „подобно стали“, Батразъ влѣзъ въ море и, пробывъ тамъ долгое время, вылѣзъ на сушу еще такимъ горячимъ, что, для охлажденія своей головы, долженъ былъ накрыть ее ледникомъ съ подвернувшейся подъ руку снѣговой горы. Сдѣлавшись неодолимо-крѣпкимъ, Батразъ возгордился даже передъ Богомъ, началъ воевать съ Его ангелами и за это былъ наказанъ мучительной смертью. По общему выводу сказаній, конецъ Батразовой судьбы примѣняется ко всѣмъ нартамъ. Изъ героев вообще осетинскихъ сказаній, напоминающихъ героев древне-греческаго эпоса, наиболѣе приближаются къ этому типу: Сафо и Курдъ-Алагонъ—небесные кузнецы, Барастиръ—начальникъ мертвыхъ и др. Есть также въ сказаніяхъ герои, представляющіе какъ-бы смѣшеніе типовъ изъ сферы разнообразныхъ религіозныхъ вѣрованій съ типами, можетъ быть, и историческими, бытовыми: Уастырджи (Георгій), Урызмагъ, Созрыко и др. Такъ, напр., Уастырджи, почитаемый въ настоящей бытовой жизни за святаго, въ сказаніяхъ нартовскихъ является небожителемъ, довольно живо напоминающимъ, по своей любовной шюдливости между земными обитательницами, небожителей древне-греческаго эпоса.

Между героями сказаній однимъ изъ наиболѣе жи-

ненных и правдоподобныхъ типовъ можно назвать героиню—Сѣтану.

Она представляетъ собою какъ-бы типъ умной энергической женщины, впрочемъ, не безъ слабостей предъ искушеніями небожителей. Между прочимъ, одну изъ выдающихся особенностей ея дѣйствій и вообще условій жизни, рисуемыхъ сказаніями, представляетъ равноправность Сатаны предъ мужемъ даже въ интимныхъ дѣлахъ супружеской вѣрности. Такъ, напр., измена Сатаны своему мужу возбудила въ немъ не гнѣвъ владыки, а огорченіе друга, приведшее мужа къ рѣшенію—уйти изъ дому и погубить свою голову. Впрочемъ, если происхожденіе другихъ типовъ сказаній скрывается въ туманѣ разнородныхъ источниковъ, то происхожденіе Сатаны, какъ типа осетинскихъ сказаній, судя по нѣкоторымъ даннымъ, скрыто въ одномъ источникѣ— историческомъ прошломъ Осетіи. Такія данныя, какъ напр., правдоподобность этого типа,—тѣмъ болѣе знаменательны, что, не оправдываясь настоящимъ, они находятъ какъ-бы констатированіе въ прошломъ, какъ это видно изъ приведеннаго разсказа Геродота: „женщины у нихъ (исседоновъ) имѣютъ одинаковыя права съ мужчинами“... Другія данныя для этого предположенія можно встрѣтить въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго *). Здѣсь, напр., разсказывается, что у царя алановъ, жившихъ на сѣверномъ Кавказѣ, была красавица-дочь Сатиникъ. По смыслу общихъ свѣдѣній объ этой царицѣ въ намѣченномъ источникѣ, Сатиникъ пользовалась въ свое время большою извѣстностью и была даже героиней „эпическихъ пѣсенъ“. Здѣсь же сообщаются и другіе факты, которые, можетъ быть, составляютъ часть эпохи событій, послужившихъ сюжетомъ нартовскихъ сказаній. По мнѣнію д-ра Пфафа, эта эпоха—нашествіе на Осетію и Кавказъ иранцевъ и вообще народовъ мидо-персидскаго

*) Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго. Перев. Эмина. Стр. 121, 274, 296.

племени, которые, отличаясь большей цивилизаціей, чѣмъ аборигены страны, произвели на нихъ впечатлѣніе доблести и силы. Впечатлѣніе это и выразилось въ циклѣ означенныхъ сказаній. Приспосабливая къ этому обстоятельству вышесказанные признаки греческаго элемента въ сказаніяхъ, можно такимъ образомъ предположить, что осетинская поэзія, получившая свое первое начало подъ вліяніемъ греческимъ—вліяніемъ времени „вдохновеннаго Аристарха“, впоследствии видоизмѣнилась въ своихъ герояхъ и типахъ подъ вліяніемъ иранскимъ. Тогда же первоначальные имена сказаній замѣнились иранскими—Хамиць, Батразъ и др., приключенія прежнихъ боговъ замѣнились и перепутались съ приключеніями и событіями новой эпохи иранскихъ героевъ и т. п.

Какъ болѣе или менѣе содержательный историческій матеріалъ, нартовскія сказанія осетинъ имѣютъ значеніе еще и въ виду того, что подобное же мы встрѣчаемъ въ народной поэзіи многихъ другихъ племенъ Кавказа. Принявъ во вниманіе рѣзкую историческую разнь какъ между этими племенами вообще, такъ и по отношенію къ Осетіи въ частности,—разнь, которая естественно должна бы войти и въ извѣстія народной поэзіи, мы тѣмъ болѣе можемъ признать особое историческое значеніе за сказаніями такихъ племенъ, имѣющими между собою сходство. Сравнивая съ этой стороны осетинскія сказанія съ сказаніями, напр., чеченскими и кабардинскими, мы тотчасъ же замѣчаемъ въ нихъ какъ сходство вообще содержанія, такъ и сходство изображаемыхъ сказаніями типовъ; различіе относится только или къ именамъ, или къ подробностямъ, носящимъ обыкновенно признаки мѣстной жизни. Какъ въ кабардинскихъ, такъ и въ чеченскихъ сказаніяхъ есть и Сатана, и свой Батразъ, и т. п. Общее названіе богатырей-героевъ сказаній у всѣхъ этихъ племенъ одно и то же—нарты; въ чеченскихъ сказаніяхъ, между прочимъ, говорится, что нарты жили въ Осетіи,

для подвиговъ же и приключеній выходили къ нынѣшнему Дарьяльскому и прилежащимъ къ нему ущельямъ. Въ общей характеристикѣ нартовъ небольшое различіе: по кабардинскимъ и чеченскимъ сказаніямъ, нарты—образцы доблестей, по осетинскимъ же, какъ было нами сказано, нарты, въ началѣ своего появленія, были образцами доблестей, а впослѣдствіи „испортились и сдѣлались, какъ другіе“. Это различіе въ характеристикѣ нартовъ отчасти какъ бы подтверждаетъ предположеніе, что нарты—древніе пришельцы Осетіи, произведшіе на аборигеновъ страны и ея сосѣдей въ началѣ впечатлѣніе доблести и превосходства. Впечатленіе это сохранялось безъ измѣненія въ сосѣдяхъ, какъ менѣе сталкивавшихся съ нартами и не присмотрѣвшихся къ нимъ, но измѣнилось и умалилось въ обитателяхъ Осетіи, какъ свидѣтеляхъ и соучастникахъ жизни нартовъ, видѣвшихъ ихъ не въ одномъ только ореолѣ доблести. Въмѣстѣ съ тѣмъ общій характеръ сказаній о нартахъ, чуждый собственно враждебнаго къ нимъ отношенія, отчасти указываетъ, что пришельцы-нарты были не свирѣпыми всеистребляющими завоевателями, но героями, которые имѣли лишь превосходство доблестей, и что съ аборигенами страны они враждовали не столько изъ побужденій деспотизма, сколько изъ побужденій обыкновеннаго удалства, авантюризма и т. п.

Предположеніе это будетъ казаться наиболѣе правдоподобнымъ особенно тогда, если мы сопоставимъ высказанный нами отзывъ осетинскихъ сказаній о нартахъ съ отзывами русскихъ былинъ и сказокъ о „поганомъ Идолицѣ, поганомъ татаринѣ“,—представителяхъ историческихъ завоевателей. Къ произведеніямъ народной поэзіи осетинъ, имѣющимъ древне-историческое значеніе и сходнымъ по общему содержанію съ сказаніями другихъ кавказскихъ народовъ, относятся также сказанія то о горномъ духѣ, то о вели-

кавъ-богатырѣ, то, наконецъ, о людяхъ, или заключенныхъ, или прикованныхъ въ пещерахъ и на высотахъ хребта за разные проступки противъ Бога и разныхъ высшихъ мифическихкихъ существъ. Общій смыслъ этихъ сказаній съ разными варіаціями можно назвать почти тождественнымъ съ греческимъ мифомъ о Прометееѣ. Последнее обстоятельство было замѣчено почти всѣми, наиболее извѣстными изслѣдователями Кавказа, хотя матеріалъ такихъ выводовъ—самыя сказанія, въ сообщеніяхъ изслѣдователей, не всегда передавался съ сохраненіемъ ихъ оригинальности. Разнообразіе осетинскихъ сказаній, относящихся къ мифу о Прометееѣ, по всей вѣроятности, не мало обуславливается разнообразіемъ общихъ религіозныхъ вѣрованій этого племени со временъ довольно отдаленныхъ, при чемъ вліяніе ихъ на вѣрованія частныя, такъ сказать, исторически-бытовыя не могло не быть особенно значительнымъ. Допустивъ, на основаніи мнѣнія многихъ ученыхъ, древность этого мифа на Кавказѣ, восходящую даже въ тому V ст. до Р. X., когда онъ могъ послужить Эсхилу сюжетомъ для „Прикованнаго Прометея“, мы встрѣчаемъ въ жизни осетинскаго племени на этомъ 24-хъ вѣковомъ протяженіи, кромѣ общихъ неблагоприятныхъ условій сохраненія древней редакціи мифа—отсутствія письменности, забывчивости и т. п., последовательныя вліянія—наслоенія на общій фонъ древнихъ вѣрованій сначала христіанства, а потомъ магометанства съ возвращеніемъ къ христіанству. Вслѣдствіе этого древнія вѣрованія окрасились новыми именами, начала новыхъ вѣрованій перепутались съ окончаніями древнихъ и т. п., такъ что древній осетинскій мифъ о Прометееѣ безъ сомнѣнія воспринялъ въ себя такое сочетаніе именъ и фактовъ, которое, повидимому, не имѣетъ къ нему и отдаленнаго отшенія. Предположимъ, напр., что мѣсто страданій осетинскаго Прометея, не указываемое теперь съ достаточнымъ и

для сказаній однообразіемъ, по древней редакціи, находилось на г. Казбекъ, какъ наиболѣе недоступной высотѣ Осетіи. Съ усвоеніемъ христіанскихъ вѣрованій о Бого-Человѣкѣ, пострадавшемъ на крестѣ, имена и названія этого событія, казавшагося, можетъ быть, вполне схожимъ съ тѣмъ, что раньше передавалось относительно Казбека, постепенно замѣнили собою имена древней легенды о Казбекѣ и составили, такимъ образомъ, какъ-бы новую окраску извѣстнаго событія на извѣстномъ же мѣстѣ. Съ тѣхъ поръ осетинны, по всей вѣроятности, стали называть г. Казбекъ такъ, какъ они ее теперь зовутъ—*Чрсти-хохъ*, т. е. Христова гора, или Крестовая гора (*Чрсти* означаетъ Христосъ и крестъ).

Болѣе или менѣе историческое выясненіе какъ осетинскихъ сказаній, такъ и осетинскаго прошлаго, кромѣ источниковъ древне-классическихъ, встрѣчается еще въ лѣтописяхъ грузинскихъ и частію армянскихъ. Такъ какъ письменность Грузіи развилась гораздо позднѣе, чѣмъ древне-классическая (Геродотъ писалъ объ исседонахъ въ V в. до Р. X., а древнѣйшая грузинская исторически-извѣстная лѣтопись относится къ V в. по Р. X.), то, очевидно, что въ свѣдѣніяхъ первой, касавшихся осетинъ, при условіяхъ постоянныхъ сношеній Грузіи съ древними греками, нельзя не предположить заимствованій отъ греческихъ, исключая названія осетинскаго племени. По смыслу сообщенія грузинской лѣтописи, Осетія еще въ IV в. до Р. X. представляла собою государство, обращавшее на себя вниманіе даже Александра Македонскаго, такъ что для завоеванія Осетіи и сосѣдней съ нею страны онъ послалъ 100 тысячъ самаго лучшаго войска; но походъ этотъ впоследствии кончился неудачно. Первымъ, наиболѣе точнымъ историческимъ событіемъ древней Осетіи, оставившимъ по себѣ какъ письменные слѣды въ истори-

ческихъ указаніяхъ, такъ и вещественныя на осетинской территоріи—это построеніе грузинскимъ царемъ Мирваномъ Дарьяльской крѣпости въ 140 г. до Р. Х. Построеніе это, въ виду указаній на существованіе подобныхъ же укрѣпленій, по всей вѣроятности, было мѣстнымъ частнымъ возобновленіемъ древнѣйшей системы обширнаго стѣностроенія на Кавказѣ, относящагося, какъ мы выше предположили по указанію Геродота на „Киммерійскія стѣны“, къ эпохѣ вторженій сѣверныхъ варваровъ въ Азію, задолго до Р. Х. *Saucasiae pylae* древнихъ писателей, намѣчая это укрѣпленіе въ періодъ многихъ вѣковъ, какъ-бы свидѣтельствуя о продолжительномъ значеніи его въ событіяхъ Кавказа.

Въ 1-мъ в. до Р. Х., спустя почти 2 в. послѣ Александра Македонскаго, осетинъ-алановъ коснулась другая могучая завоевательная рука—рука Рима. Помпей, разбивши Митридата Понтійскаго, настойчиво преслѣдовалъ его чрезъ землю осетинъ-алановъ и Кавказскія ворота. Аланы, собравши 60,000 пѣхоты и 22,000 конницы, хотѣли было отразить дальнихъ иноземцевъ, но были разбиты. Римскія войска въ числѣ сражавшихся алановъ-осетинъ замѣтили много женщинъ. Последнее обстоятельство, въ виду существовавшаго у древнихъ народовъ сказанія объ амазонкахъ, было причиною того, что римскіе солдаты нѣкоторые изъ найденныхъ послѣ сраженія предметовъ одежды и вооруженія признали за амазонскіе: по всей вѣроятности, у нихъ были для такого опредѣленія и предварительныя свѣдѣнія объ амазонскихъ доспѣхахъ. Д-ръ Пфафъ, на основаніи соч. Шриттера и Зонараса, въ которыхъ съ указаніемъ мѣстожителства амазонокъ на Кавказѣ приводится разсказъ, что амазонки на 2 мѣсяца сходятся у р. Термодона съ народами „*gellae et ligyes*“,—высказываетъ мнѣніе, что р. Термодонъ—нынѣшній Терекъ. Хотя Термодонъ, упоми-

наемый у многих древних писателей, намѣчается нѣкоторыми учеными въ Малой Азіи, тѣмъ не менѣе предположеніе объ амазонкахъ въ мѣстахъ Осетіи находитъ оправданіе въ распространенномъ мнѣніи древнихъ писателей, что Кавказъ былъ нѣкогда жилищемъ амазонокъ. Болѣе или менѣе обстоятельное, даже съ критическимъ отбѣнкомъ, сообщеніе объ амазонкахъ мы встрѣчаемъ у Страбона (XI в., гл. V). Сообщеніе это особенно интересно потому, что оно представляетъ собою какъ-бы звено, соединяющее древнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ фактѣ съ тѣмъ, что могло быть узнано во времена вполне-историческія, когда большее знакомство съ земною поверхностью давало возможность относиться критически къ извѣстіямъ древней героической поры. Сообщенія Страбона объ амазонкахъ (*Ἀμαζόνες*) состоятъ преимущественно въ пересказѣ и критическомъ разборѣ свѣдѣній объ этомъ интересномъ предметѣ такихъ лицъ, которыя сами посѣщали Кавказъ. Такъ, одинъ изъ посѣтителей, Теофанъ, лично участвовавшій въ походѣ Помпея, по словамъ Страбона, „разсказываетъ, что между амазонками и албанцами (нынѣшними дагестанцами) живутъ скинскія племена геловъ и леговъ (теперь по правую сторону Терека есть галгаевцы и лезгины—сосѣди осетинъ); что тамъ течетъ рѣка Мермадалій, между скинами и амазонками... По увѣренію другихъ,... амазонки живутъ на границѣ съ гаргареями (*Γαργαρεῖς*) (въ Дагестанѣ: древнее поселеніе Гаргъ, Гергеры, рѣка Гаргъ, сел. Гергиль, Гаргевиль и, наконецъ, *гарр*—житель, *ири*—селеніе и т. п.), на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ, называемыхъ молниеносными. Большую часть года онѣ дѣлаютъ всѣ работы сами, пахутъ землю и т. п. Сильнѣйшія устраиваютъ охоту, упражняются въ военномъ искусствѣ. Всѣмъ имъ въ дѣтствѣ выжигаютъ правую грудь, чтобы безпрепятственно пользоваться плечомъ въ разныхъ занятіяхъ, особенно въ

метаніи копья. Вооружены онѣ лукомъ, топоромъ и щитомъ, а изъ кожъ дикихъ звѣрей готовятъ себѣ шлемы, плащи и пояса. Амазонки имѣютъ два любовныхъ мѣсяца весны, когда поднимаются на сосѣднюю гору, отдѣляющую ихъ отъ гаргареевъ. Послѣдніе также отправляются на гору по давнему обычаю, приносятъ жертвы вмѣстѣ съ амазонками, вступаютъ съ ними въ сообщеніе для производства поколѣнія, что совершается во мракѣ, такъ что вслѣдъ мужчины сообщаются со всякою женщиною случайно. Сдѣлавши, что женщины будутъ беременными, мужчины ихъ отпускаютъ домой. Дѣвочекъ (впослѣдствіи) амазонки удерживаютъ у себя, а мальчиковъ относятъ гаргареемъ на воспитаніе... Такимъ образомъ у гаргареевъ была связь съ амазонками для дѣтей, жили же они отдѣльно“. Сообщивши эти рассказы, Страбонъ (XI, V, 3,) дѣлаетъ имъ и критическую оцѣнку: „Сказаніе объ амазонкахъ отличается тѣмъ то страннымъ. Во всѣхъ другихъ сказаніяхъ баснословное и дѣйствительное различаются: старое, чудесное и ложное называется баснями, но исторія ищетъ—въ старомъ-ли, новомъ-ли—истины, и чудесное или вовсе не допускаетъ, или ужъ рѣдко. Объ амазонкахъ и прежде, и теперь рассказывается одно и то же—чудесное и весьма неправдоподобное. Кто можетъ повѣрить, чтобы или городъ, или войско, или цѣлый народъ, состояли изъ однѣхъ женщинъ, безъ мужчинъ,—чтобы народъ этотъ не только существовалъ, но совершалъ бы походы, покорялъ народы и т. д... подобно тому, какъ если кто-нибудь утверждалъ бы, что нѣкогда мужчины были женщинами, а женщины мужчинами. Но все это рассказывается объ амазонкахъ и въ настоящее время. Тѣмъ болѣе вѣжется странною чудесность такихъ сказаній, что чудесному вѣрятъ больше въ старомъ, чѣмъ въ современномъ“. Описывая правдоподобно природу Кавказа и перечисляя его народы, Страбонъ говоритъ, что

тамъ живутъ аорсы (Аорза) — многочисленный народъ, раздѣленный на верхнихъ и нижнихъ; что нижніе аорсы могли выставить 200 тысячъ войска, верхніе „еще больше“; что они занимали обширную страну между Дономъ, Каспійскимъ моремъ и Кавказскими горами, вели караванную торговлю индійскими и вавилонскими товарами, носили золотыя украшенія, „потому что были богаты“. Сообщение это, опредѣляя мѣста, населенныя нѣкогда осетинами-аланами и указывая на раздѣленіе аорсовъ, даетъ нить предполагать въ аорсахъ осетинъ-алановъ, оставившихъ, по мнѣнію д-ра Пфафа, слѣды своего пребыванія въ южной Россіи въ осетинскихъ корняхъ названій „Дона“, „Днѣпра“ *) и т. д. и раздѣленныхъ частію напоромъ тюркско-татарскихъ народовъ, частію, можетъ быть, завоевательными движеніями римскихъ легионовъ — на 2 группы. Одна изъ этихъ группъ — сѣверная исчезла въ туманѣ исторической неизвѣстности, а другая мало-по-малу, съ увеличеніемъ переселенческаго водоворота христіанской эпохи, была, какъ высказалъ профессоръ Миллеръ на V Археологическомъ Съѣздѣ, втиснута въ ущелья средняго Кавказа. Вблизи аорсовъ Страбонъ помѣщаетъ троглодитовъ, живущихъ въ пещерахъ, и деревни эйсадиновъ. Д-ръ Пфафъ въ своихъ „Матеріалахъ для древней исторіи осетинъ“ (гл. IV), на основаніи свидѣтельства Амміана Марцеллина, полагаетъ, „что число алановъ простиралось до нѣсколькихъ милліоновъ людей“, — число, приблизительно соотвѣтствующее тому, которое можно предположить на основаніи извѣстій Страбона объ аорсахъ. Что же касается до различія названія „аорсовъ“ съ аланами, то, по словамъ д-ра Пфафа, у римлянъ это можетъ объясняться раздѣленіемъ алановъ-аорсовъ на множество отдѣльныхъ

*) „Донъ“, напр., по-осетински значить вода, рѣка; „Днѣпръ“, какъ слово, взятое въ звукахъ коренныхъ, имѣетъ сходство съ словами: „донъ-бира“ — воды много и „донъ-аппаръ“ — воду, рѣку бросаю; „Днѣстръ“ — съ „донъ-стыръ“ — вода, рѣка большая.

колѣнъ, имѣвшихъ свои названія,—фактъ, свидѣтельствуемый, по замѣчанію д-ра Пфафа, какъ римскими писателями, такъ и Моисеемъ Хоренскимъ, извѣстнымъ историкомъ Арменіи. Хотя Термодонъ, какъ мы выше сказали, намѣчается весьма нерѣдко въ Малой Азій, тѣмъ не менѣе въ пользу мнѣнія д-ра Пфафа, что Термодонъ—р. Терекъ, можно, привести, съ одной стороны, возможные ошибки писателей съ обозначеніи такихъ мѣстъ, которыя были извѣстны имъ только по наслышкѣ, съ другой—нѣкоторое созвучіе „Термодонъ“ съ осетинскимъ „тер-мен-донъ“, т. е. буквально—гони меня рѣка. Въ менѣе буквальномъ значеніи это слово можно принять какъ-бы выраженіемъ выдающагося признака р. Терека,—рѣки гонящейся, стремящейся. По другому *) объясненію слово „Термодонъ“, взятое безъ приурочиванія къ осетинскому языку, какъ „древнее айранское“ „тармо-донъ, или тармо-тунъ—рѣка или жилище женщинъ“, вполне однозначуще съ древне-албанскимъ „террекъ—рѣка женщинъ“. Тамъ же Страбоновское „Мермадалій“—названіе рѣки, близъ которой жили амазонки (по смыслу этого слова „маръ—моди“, мужицы—приходите) признается нѣсколько тождественнымъ съ названіемъ „Терекъ“. Сказанія объ амазонкахъ, по словамъ д-ра Пфафа, находятъ продолжателя и въ позднѣйшее время, въ 1650 г.—въ лицѣ отца Ламберти, который „описываетъ ихъ вооруженіе—каску, щитъ, панцырь, къ которому придѣлана короткая, до колѣнъ, юбка ярко-краснаго цвѣта“.

Со времени завоевательныхъ движеній римлянъ на Кавказѣ, прошлое осетинъ, благодаря „Матеріаламъ для древней исторіи осетинъ“ д-ра Пфафа, становится въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе выясненнымъ. Характеризуя его на основаніи фактовъ, собранныхъ этимъ ученымъ, можно сказать, что осетинское прошлое пред-

*) „Нов. зам. на др. ист. Кавк. и его обит.“ Шопена, стр. 16, 18, 19.

ставляетъ собою „общее мѣсто“ судьбы второстепенныхъ по военной силѣ народовъ, населяющихъ арену столкновеній между народами сильнѣйшими. Такою ареною Осетія стала, главнымъ образомъ, чрезъ 2 вѣка послѣ Помпея, когда Кавказъ наводнялся то беспорядочными разливами народовъ начинавшася такъ называемаго „переселенія“, то въ послѣдствіи правильными волнами римскихъ легионовъ. Такъ въ 150 г. по Р. Х. „готы вытѣсняютъ съ Кавказа алановъ“ *). Вытѣсненіе это, вѣроятно, было однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ для исторіи случаевъ постепеннаго раздробленія и исчезновенія большой массы алановъ съ сѣвернаго Кавказа. По словамъ д-ра Пфафа, „изъ народныхъ сказаній и именъ мѣстностей (напр. Гуть—гора), явствуетъ, что готы на Кавказѣ были довольно извѣстны. Такое же мнѣніе д-ръ Пфафъ высказываетъ и относительно позднѣйшихъ героевъ эпохи великаго переселенія—гунновъ или аваровъ, относя „къ нашествію на Осетію гунновъ или аваровъ происхожденіе нѣкоторыхъ осетинскихъ ауловъ, имѣющихъ аварское названіе, напр. Нузалъ, Уналъ и т. п.“. Въ этотъ же смутный періодъ непріятельскихъ вторженій, въ среду осетинъ-алановъ мало-по-малу начали проникать сѣмена христіанскаго ученія. Въ Закавказьи, Арменіи и южномъ Дагестанѣ христіанство было распространяемо съ значительнымъ успѣхомъ еще въ 1-омъ вѣкѣ апостолами Симеономъ, Фадѣемъ, Вареломеемъ и Андреемъ. Осетины же имѣли въ это время постоянныя столкновенія съ Грузіею, то какъ ея враги или въ союзѣ съ ея врагами, то какъ ея союзники для защиты отъ враговъ. Отношенія эти, чередовавшіяся между собою, по приводимымъ д-мъ Пфафомъ фактамъ, иногда въ самые короткіе сроки, значительно объясняются вліяніемъ перекрестныхъ столкновеній на небольшомъ районѣ римлянъ, парянъ, армянъ, персовъ и др. народовъ. Но и помимо этихъ отношеній къ Закав-

*) „Кавказск. календ.“ Хронолог. указ. 1879 г. и друг. годы.

казью, осетины-аланы имѣли еще связь съ Арменією по обстоятельствамъ, слегка уже очерченнымъ нами. Кромѣ того, постоянныя вторженія въ Осетію римлянъ, готевъ, гунновъ и др. съ сѣвера, постепенно отгѣсня осетинъ въ глубь Кавказскаго хребта, по свидѣтельству нѣкоторыхъ историковъ и мѣстныхъ преданій, были причиною переселенія части осетинъ съ сѣвернаго склона горъ на южный, къ предѣламъ Грузіи, приблизительно въ началѣ III в. по Р. Х. Это переселеніе установило впоследствии связь между Грузією и Осетією, ослабивъ прежнія враждебныя отношенія единствомъ религіи. Съ этой стороны наиболѣе замѣчательнымъ періодомъ осетинскаго прошлаго было время дѣятельности грузинской царицы Св. Нины (314—325 г.) по распространенію христіанства на Кавказѣ. По нѣкоторымъ указаніямъ, частію историческимъ, частію косвеннымъ заключающимся въ многочисленности древнихъ христіанскихъ храмовъ въ Осетіи, во времена Св. Нины христіанство распространилось не только между южными, но и между сѣверными осетинами.

Кромѣ намѣченнаго періода, замѣчательнаго особенно успѣшнымъ распространеніемъ христіанства, въ жизни Осетіи былъ еще и другой такой же позднѣйшій періодъ насажденія христіанства—время царствованія царицы Тамары (1184—1212 г.). Хотя первый періодъ, судя по народнымъ преданіямъ, и не оставилъ по себѣ слѣдовъ въ народно-осетинской памяти, но взявъ во вниманіе съ одной стороны весьма распространенные слѣды древняго христіанства въ Осетіи, а съ другой—весьма сильныя противохристіанскія вліянія въ дальнѣйшемъ прошломъ Осетіи, распространеніе въ ней христіанства не можетъ быть признано дѣломъ одного только періода.

Насколько древнее христіанство заявляетъ о себѣ въ многочисленныхъ развалинахъ храмовъ или въ храмахъ вполне сохранившихся, настолько же эпоха непріятельскихъ

вторженій, постоянныхъ побойщъ и разореній заявляетъ себя въ разныхъ развалинахъ и сохранившихся разныхъ стратегическихкихъ сооруженіяхъ. Въ этомъ отношеніи почти каждое не новое поселеніе Осетіи, особенно въ ея центрѣ—въ горной полосѣ, имѣетъ нѣмыхъ, но прочныхъ свидѣтелей самаго отдаленнаго прошлаго въ ея жизни. Такъ какъ въ горной мѣстности районы для тѣхъ или другихъ сооруженій уже самымъ ея рельефомъ умаляются до minimum'a какой-нибудь квадратной десятины на цѣлую родовую группу населенія, то весьма легко допустить въ сооруженіяхъ его древность, соответствующую періоду первоначальнаго появленія этой группы на занимаемомъ мѣстѣ. Если на равнинахъ переменна, напр., окружающихъ условій, вражескія нападенія, увеличеніе населенія и т. п., могли вести къ замѣнѣ старыхъ стратегическихкихъ пунктовъ новыми, то въ горной мѣстности всѣ подобныя причины вели только къ поправкамъ древнихъ сооруженій, пристройкамъ, приспособленіямъ, но отнюдь не къ оставленіямъ или уничтоженіямъ ихъ. Последнее обстоятельство намъ случалось провѣрять лично почти во всѣхъ поселеніяхъ Осетіи и преимущественно въ поселеніяхъ горной полосы. Такъ, напр., намъ случалось видѣть не мало развалинъ, иногда даже едва замѣтныхъ, древнихъ храмовъ, но весьма мало развалинъ собственно стратегическихкихъ сооруженій. Последнее обстоятельство объясняется, конечно, тѣмъ, что стратегическія сооруженія, какъ предметъ потребности болѣе острой, безотлагательной и, такъ сказать, исторически-постоянной, чѣмъ потребность въ храмахъ, пользовались въ дѣлѣ охраненія особою неусыпною заботливостью со стороны населенія. Такъ какъ постройка новыхъ укрѣпленій на новыхъ пунктахъ не допускалась самою мѣстностью, то эта заботливость, какъ мы выше сказали, естественно сосредоточивалась на сохраненіи укрѣпленій наличныхъ, уже дозволенныхъ условіями мѣстности.

Въ виду этихъ условій, обставлявшихъ существованіе осетинскихъ укрѣпленій, можно предполагать, что многія изъ нихъ, при всей своей сохранности, гораздо древнѣ такихъ храмовъ и вообще сооружений не стратегическихъ, которыя, сравнительно съ башнями, стѣнами и вообще стратегическими сооружениями, кажутся руинами и развалинами. Въ то время, какъ укрѣпленія эти, временно страдали отъ тарановъ, крѣчьевъ и т. п. мало-разрушительныхъ осадныхъ орудій времени готевъ, гунновъ и другихъ народовъ, вторгавшихся въ осетинскія ущелья, — при малѣйшей возможности, неизбѣжно возобновлялись вновь, христіанскіе храмы, построенные въ намѣченные нами періоды распространенія христіанства, какъ дѣло посторонней инициативы, проявившейся притомъ урывками, по временамъ, очевидно, оставались послѣ вражескихъ разгромовъ и порчи отъ времени безъ возобновленія или являлись съ незначительными поправками. А такіе вражескіе разгромы, судя по общему характеру событій того времени на Кавказѣ, были весьма часты. Это было время нашествій и вторженій разныхъ народовъ на Кавказъ съ сѣвера и юга. Такъ въ 351 г. сѣверные варвары вторгаются въ Арменію, въ 513 г. гунны саборы вторгаются чрезъ Дарьяльское ущелье *). Въ то же время съ восточнаго Кавказа на Осетию напирала персы, прорвавшіеся въ Дагестанъ и потомъ къ западу до Дарьяльскаго ущелья, завладѣвъ, такимъ образомъ, частью осетинскихъ земель. Кромѣ этихъ и подобныхъ имъ выдающихся фактовъ, имѣвшихъ вообще для христіанства Осетіи значеніе разрушительное, ея тогдашнее прошлое было наполнено враждою съ другими малоизвѣстными нехристіанскими народами, бродившими на сѣверномъ Кавказѣ, — обстоятельство, которое, въ связи съ предыдущимъ, конечно, не оставалось безъ разрушительнаго вліянія на неокрѣпшіе факты хри-

*) Кавказскій календарь, 1879 г. и др. Хронолог. указатель.

стіанства въ осетинскихъ ущельяхъ. И это христіанство, послѣ перваго своего распространенія—во времена Св. Нины, въ IV в., можетъ быть, и исчезло бы въ Осетіи даже въ такихъ проявленіяхъ, которыя, судя по аналогіи этого этого факта съ подобнымъ въ наше время, вѣроятно, представляли соединеніе языческихъ вѣрованій съ христіанскими обрядами и т. п.; можетъ быть, тогдашніе храмы, постепенно разрушаясь, были бы забыты даже какъ мѣста религиознаго почитанія,—и все это исчезло бы до временъ царицы Тамары, если бы Осетія не подпала въ половинѣ VI в. подъ временное вліяніе римлянъ при Юстиніанѣ I и Юстиніанѣ II (522—556 г.). Это былъ періодъ, вообще замѣчательный тѣмъ, что греческіе миссіонеры тогда особенно успѣшно распространяли христіанство на Кавказѣ. Наибольшіе слѣды его встрѣчаются въ западномъ Кавказѣ, какъ ближайшемъ пунктѣ для дѣятельности греческихъ миссіонеровъ, свидѣтельствомъ чего служатъ древніе храмы, болѣе или менѣе сохранившіеся отъ разрушенія въ недоступныхъ пунктахъ горныхъ ущелій. Въ Осетіи же, какъ болѣе отдаленномъ пунктѣ, вліяніе греческихъ миссіонеровъ выразилось, по всей вѣроятности, въ нѣкоторомъ возобновеніи того, что было насаждено во времена Св. Нины и полуразрушено дальнѣйшими событіями. По мнѣнію д-ра Пфафа, однимъ изъ слѣдовъ древне-греческаго вліянія на Осетію можно помѣтить осетинское названіе „Юсь-дзуаръ“ (Юсь-святой), относящееся къ одному изъ мѣстъ осетинскихъ народныхъ празднествъ. Напоминая первымъ словомъ „Юсь“ имя Юстиніана и относясь къ мѣсту, глубоко почитаемому населеніемъ, означенное слово какъ-бы указываетъ, что въ фактахъ его историческаго происхожденія находятся съ одной стороны извѣстность Юстиніана, а съ другой-существованіе храма, почитаніе котораго, послѣ его разрушенія, перешло на самое мѣсто храма. Хотя древнихъ храмовъ много и въ Осетіи, но они,

судя по ихъ архитектурнымъ признакамъ, принадлежать къ иной группѣ историческихъ памятниковъ, чѣмъ храмы западнаго Кавказа. Первые, напр., почти во всѣхъ случаяхъ представляютъ одинъ архитектурный типъ: четырехугольныя зданія небольшой величины, безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній, а послѣдніе (какъ, напр., въ Хумаринскомъ ущельи, на лѣвомъ берегу р. Кубани) довольно красивыя многогранныя зданія съ куполами, колоннами и другими архитектурными украшеніями. Но вліяніе грековъ на Осетію не могло быть значительнымъ въ дѣлѣ возстановленія христіанства между прочимъ потому, что оно встрѣчало постоянное противодѣйствіе въ врагахъ Юстиніановъ—персахъ, съ которыми греки вели ожесточенную борьбу. При неудачахъ грековъ, персы тѣмъ свободнѣе вторгались въ предѣлы сѣвернаго Кавказа и Осетію, что ими былъ покоренъ восточный Кавказъ. Въ VIII в. христіанство Осетіи встрѣчаетъ новаго, еще болѣе опаснаго и непримиримаго врага: на Кавказъ вторгаются арабы, изступленные разрушители христіанства во имя тѣхъ посулъ своей религіи, которыя такъ льстятъ человѣческой природѣ восточнаго темперамента. Шесть лѣтъ спустя, въ 728 г., происходитъ движеніе хазаровъ чрезъ Кавказскія горы. Съ постепеннымъ распространеніемъ на Кавказѣ магометанскаго элемента, въ Осетіи постепенно разрушались и труды греческихъ миссіонеровъ по распространенію и поддержанію христіанства. Не встрѣчая въ послѣдующіе годы никакой поддержки къ своему сохраненію, христіанство, наконецъ, въ 931 г. совершенно исчезло въ Осетіи, такъ что годъ этотъ считается годомъ отпаденія осетинъ отъ православія. Впрочемъ, какъ и всякое религиозное вѣрованіе, не уничтожающееся сразу, христіанство Осетіи, очевидно, исчезло только въ смыслѣ, такъ сказать, наиболѣе замѣтнаго своего проявленія, оставивъ свои слѣды въ разныхъ второ-

степенныхъ обрядахъ, повѣрьяхъ народа и т. п. Предположеніе это тѣмъ болѣе не безосновательно, что Осетія еще не была совершенно изолирована въ дальнѣйшей своей судьбѣ отъ вліянія элемента христіанскаго. Такъ, обособившись отъ Грузіи, своей прежней руководительницы въ христіанствѣ, и сохранивши, благодаря своей живучести и воинственной энергіи населенія, нѣкоторую самостоятельность даже и въ періоды намѣченныхъ событій, Осетія скоро начала тяготѣть къ Византіи въ роли ея военной наемницы. Эта роль имѣла за собою достаточныя основанія въ томъ характерѣ осетинскаго племени, который былъ неизбежнымъ послѣдствіемъ историческихъ обстоятельствъ. Постоянныя нападенія враговъ на Осетію развили въ населеніи воинственный характеръ; разнообразіе же нападавшихъ, устранявшее возможность одному врагу надолго основаться въ мѣстахъ завоеванія и тѣмъ наложить на покоренныхъ сковывающій, подавляющій энергію элементъ власти, — давало этому населенію нѣкоторый просторъ для самостоятельной, свободной жизни, соединенной, впрочемъ, съ постоянными тревогами и безпокойствомъ. Послѣднее обстоятельство, конечно, значительно усложнялось экономическою скудостью края, гдѣ боины и кровопролитія отвлекали силы населенія къ оружію, гдѣ, поэтому, экономическая производительность, вслѣдствіе постоянного переполненія края разными потребителями и разрушителями, могла быть только скудною и ничтожною. Такимъ образомъ воинственность, съ чувствомъ тяготы и недовольства жизнію на родинѣ, естественно развили въ населеніи тотъ духъ авантюризма, который и увлекалъ его въ ту или другую сторону, смотря по историческимъ условіямъ. Осетію онъ привелъ къ роли военной наемницы Византіи тѣмъ удобнѣе, что этой роли предшествовала нѣкоторая политическая зависимость отъ нея во времена Юстиніановъ. — Наконецъ въ 867 г. Осетія сталкивается въ первый разъ съ древнею Русью

—это был известный поход воинственного Святослава в страну яссов. Факт этот, впрочем, бесследно исчез в осетинском прошлом уже по одному тому, что подобное, как было выше сказано, представляло тогда в жизни осетинского племени обыденное явление.

Одним из последующих результатов вторжений в Осетию иноплеменников была болѣе или менѣе значительная примѣсь въ осетинскому населенію чуждых національных элементовъ.

Въ общественной жизни она проявилась дробленіемъ племени на разнообразныя группы, отличавшіяся или по обычаямъ, языку и т. п., или по правовымъ сословнымъ привилегіямъ; причемъ группы, обособленные одна отъ другой условіями мѣстности, жили изолированной другъ отъ друга общественною и политическою жизнью. Но когда прошелъ первый періодъ иноземныхъ вторжений и вліяній, Осетія въ XI и XII вв. изъ раздробленного на группы племени, безъ опредѣленной политической формы, мало-помалу сплотилась въ одно цѣлое и, подъ управленіемъ царя Ордуре (1019 г.), образовала феодальное государство. Это былъ періодъ ея высшаго могущества и политическаго процвѣтанія, когда она имѣла всѣ обычныя функціи правильной государственной жизни: столицу, администрацію, судъ и т. п. „Осетинская царская фамилія“, говоритъ д-ръ Пфафъ; „возвысилась уже настолько, что царь Карталинн и Абхазіи женился на... дочери осетинскаго царя“. Сношенія съ Византією, укрѣпившіяся 2—3 случаями выхода замужъ осетинокъ за членовъ царскаго дома Византіи, познакомили осетинъ отчасти съ византійскою роскошью и цивилизацією тогдашней эпохи. Вообще же XI вѣкъ былъ вѣкомъ наибольшаго экономическаго и политическаго процвѣтанія и благоустройства края. Въ привилегированныхъ классахъ населенія, которые естественно

должны были образоваться вслѣдствіе историческихъ и культурныхъ условій быта народа, царствовала роскошь и нѣкоторая утонченность жизни. То и другое было, такъ сказать, естественнымъ проявленіемъ подражательности молодого народа тому, что онъ видѣлъ у народа болѣе возмужалаго политически и съ болѣе высокой культурой, какимъ былъ народъ Византіи. По словамъ д-ра Пфафа, въ Осетіи даже „тамъ и сямъ распространялась грамотность, о чемъ свидѣлствуютъ надписи, найденныя въ развалинахъ осетинскихъ церквей“. Впрочемъ, въ виду того, что надписи эти дѣлались почти исключительно на грузинскомъ языкѣ, источникомъ такого письменнаго образованія надо признавать Грузію.

Въ концѣ XII и началѣ XIII в., какъ было указано выше, Грузія снова является христіанской просвѣтительницей Осетіи въ лицѣ своей царицы Тамары. Въ это время уже не было тѣхъ разрушительныхъ вторженій, которыя прежде разстраивали политическій порядокъ Осетіи, оттого въ ней могло удобно привиться новое высшее насажденіе нравственной жизни. Какъ мы выше сказали, сношенія съ Византією не могли не отразиться на нравственномъ строѣ осетинъ и, хотя слабо, сохраняли и поддерживали въ нихъ сѣмена христіанства. Христіанскія вѣрованія осетинъ, хотя и искаженныя магометанствомъ и остатками языческихъ вѣрованій, тѣмъ не менѣе давали готовую почву для просвѣтительной дѣятельности царицы Тамары. Этимъ отчасти можно объяснить тотъ быстрый успѣхъ, который дѣлала въ то время христіанская проповѣдь и на южныхъ, и на сѣверныхъ склонахъ Кавказско-осетинскаго хребта, возстановля здѣсь въ цѣлыхъ десяткахъ церквей полузабытое служеніе Богу Живому. Этого мало: христіанство могло быть введено только по формѣ, народъ могъ оставаться съ прежними вѣрованіями, но въ Осетіи возстановленіе христіан-

ства было дѣйствительно глубоко-правственнымъ религиознымъ событіемъ, и первый весьма существенный признакъ такого значенія этого событія укаъзывается тѣмъ блестящимъ ореоломъ популярности, искренняго, глубокаго благоговѣнія и почитанія, каемъ окружено въ памяти народа, безъ различія вѣроисповѣданія, имя царицы Тамары („Тамар-дэдопали“). Можно также отчасти предположить, въ виду перваго брака Тамары съ русскимъ кн. Георгіемъ Боголюбскимъ, что время это не осталось безслѣднымъ въ знакомствѣ русскихъ съ Осетіею. Въ настоящее время, какъ народныя преданія, такъ и болѣе или менѣе достоверныя историческія данныя относятся ко временамъ царицы Тамары не менѣе 27 храмовъ, частію вполне сохранившихся, частію находящихся въ состояніи развалинь, глубоко почитаемыхъ окрестнымъ населеніемъ.

Время царицы Тамары глубоко запечатлѣлось въ народной памяти, между прочимъ и потому, что Осетія стала тогда въ зависимыя отношенія къ Грузіи не только въ религиозномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Эта зависимость сдѣлалась тѣмъ неизбѣжнѣе, что въ Осетіи въ то время проявились сильныя феодалныя раздоры, перешедшіе впоследствии въ ожесточенную кровавую вражду между феодалами, въ ожесточенную междоусобицу, полную смуть, безпорядковъ, совершенно ослабившую внутреннія силы Осетіи и сдѣлавшую ее неспособной для роли самостоятельнаго государства. Съ этого же времени судьба южныхъ осетинъ безраздѣльно слилась въ своемъ дальнѣйшемъ политическомъ существованіи съ судьбою Грузіи.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ царствованія царицы Тамары, сѣверная Осетія, вмѣстѣ съ другими народами сѣвернаго Кавказа, сдѣлалась данницею Тимура, орды котораго наводнили тогда предгорья и равнины сѣвернаго Кавказа. Эта зависимость, вслѣдствіе возникшей тогда

вражды между феодальной Осетией и Грузией, была, впрочем, не только не тягостною для Осетии, но даже—въ интересах осетинскихъ феодаловъ, такъ какъ поддержка татаръ дала возможность послѣднимъ освободиться отъ зависимости и вліянія Грузіи. Въ періодъ этого освобожденія, въ концѣ XIII в., сопровождавшагося ожесточенной войной между феодалами Осетіи и Грузіи, изъ среды осетинъ выдѣлился военными подвигами Оси-багатаръ, сдѣлавшійся впоследствии героемъ осетинскихъ народныхъ сказаній, а по инымъ варіаціямъ, даже героемъ—родоначальникомъ осетинъ. Такъ какъ послѣднія приурочиваютъ къ производству отъ „Оси-багатаръ“ названіе „осетинъ“,—слова такъ же чуждаго осетинскому языку, какъ, напр., „кавказцы“, „горцы“ и т. п., то, очевидно, что они имѣютъ недавнее, ненаціональное происхожденіе и относятся къ той порѣ, когда книжное „осетинъ“ стало входить въ употребленіе и у туземцевъ. Въ пользу этого можно привести еще доказательство и изъ области лингвистики: окончаніе слова „тинъ“, при производствѣ названія народа отъ „Оси“ такъ-же не соотвѣтствуетъ фонетическимъ законамъ осетинскаго языка, какъ лат. *us*, греч. *ης*, фр. *ion*, *al* и т. п.—окончаніямъ русскимъ. Вотъ, напр., нѣкоторые изъ производственныхъ суффиксовъ въ названіяхъ жителей, произведенныхъ отъ другихъ собственныхъ именъ: *ир-он-ъ*, *твалл-ак-ъ*, *куртат-ак-ъ* и т. п.; между тѣмъ осетинъ, если и употребляютъ нѣ своемъ языкѣ русское названіе, то безъ сообщенія этому названію своего суффикса, который по аналогіи съ подобными примѣрами долженъ былъ бы отличаться отъ суффикса русскаго.

Надо полагать еще, что сказаніе объ Оси-багатарѣ получило нѣкоторыя варіаціи, сравнительно съ своею болѣе старинною и болѣе приближавшеюся къ истинѣ редакціею, въ виду того, что оно нѣсколько лѣтъ тому назадъ слу-

жило, такъ сказать, основаніемъ въ опредѣленіи сословныхъ правъ, производившемся спеціальною по этому дѣлу комиссіею; причемъ одно, напр., желаніе причислить себя къ потомству Оси-багатара могло повести къ весьма существеннымъ варіаціямъ относительно мѣста его жизни и дѣятельности. Впрочемъ, послѣднее опредѣляется и съ достаточною точностію—историческими свѣдѣніями грузинскихъ лѣтописей. Историческое значеніе Оси-багатара въ прошломъ осетинскаго племени состоитъ въ томъ, что онъ былъ объединителемъ феодальныхъ группъ, которыя, враждуя до того времени между собою, тѣмъ самымъ дали возможность овладѣть Осетіею феодаламъ Грузіи. Впрочемъ, объединеніе это распространялось не на все осетинское племя, а только на центральную часть его, населявшую среднее ущелье р. Аръ-дона съ его притоками. Здѣсь была и главная резиденція Оси-багатара, послѣ изгнанія изъ Осетіи грузинскихъ феодаловъ—завоевателей. Многія изъ древнихъ сооружений Ардонскаго (Алагирскаго) ущелья исключительно приписываются народными преданіями Оси-багатару. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ древней церкви одного изъ древнихъ же поселеній Ардонскаго ущелья—Нузала существовала даже и надпись, сообщавшая нѣкоторыя свѣдѣнія объ Оси-багатарѣ и его подвигахъ; но частію отъ времени, частію, какъ говорятъ, по умыслу, надпись эта въ настоящее время почти уничтожена. Она была снята, какъ говоритъ д-ръ Пфафъ, еще въ 20-хъ годахъ и переведенная на многіе иностранные языки будто-бы сдѣлалась даже извѣстною въ Европѣ. Впрочемъ, д-ръ Пфафъ безусловно отвергаетъ историческое значеніе этой надписи, т. е. ея древнее происхожденіе и считаетъ ее своего рода подлогомъ подъ тонъ и характеръ, современные рассказываемымъ событіямъ.

Тѣмъ не менѣе мы считаемъ недлишимъ сообщить,

что надпись эта имѣла слѣдующее содержаніе: „Мы, девять братьевъ Гареджановы и Сахиловы, Оси-багатаръ и Давидъ Сосланъ съ четырьмя царствами боровшіеся, Фидарось, Джадарось, Соворъ и Георгій, страшные для враговъ (по другому варианту перевода на русскій языкъ, послѣдняя фраза выходитъ нѣсколько вычурною: „*съ инымиъ взглядомъ смотрѣшіе на враговъ*“). Наши братья Исаакъ, Романъ, Василій сдѣлались вѣрными рабацъ Христа. Мы имѣемъ съ 4-хъ сторонъ пути охранные, въ Касарскомъ ущельи замокъ, гдѣ брали плату съ путниковъ, мостовыя, ворота. Я, въ ожиданіи будущаго вѣка, жилъ здѣсь. Золотой и серебряной руды имѣемъ столько же довольно, какъ воды. Кавказъ покорилъ, съ 4-мя царствами равнялся, у грузинскаго царя сестру отнял, не теряя своего достоинства и обычаевъ, но онъ настигъ, нарушилъ клятву и взялъ на себя мой грѣхъ. Багатара утопили и истребилось войско Оси. Кто эти стихи будетъ читать, пусть помянетъ меня“.

Въ числѣ признаковъ подложности нузальской надписи д-ръ Пфафъ ставитъ хронологическую несообразность въ сопоставленіи ея именъ, по его мнѣнію, относящихся къ разнымъ періодамъ осетинской исторіи. Какъ ни обстоятельно такое мнѣніе, но на нашъ взглядъ надпись эта во всякомъ случаѣ имѣетъ серьезное значеніе уже по одному тому, что содержаніе ея въ главнѣйшихъ фактахъ вполне сходно съ содержаніемъ устныхъ преданій объ Оси-багатарѣ. Даже больше того: намъ случалось лично слышать отъ рассказчиковъ преданія объ Оси-богатырѣ ссылку и указанія на нузальскую надпись, какъ на доказательство вѣрности сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Съ этой стороны, впрочемъ, даже умышленное извращеніе фактовъ нузальскою надписью имѣло за собою и опредѣленные историческіе факты, между тѣмъ какъ въ устныхъ преданіяхъ объ Оси-багатарѣ оно является, какъ намъ случалось наблю-

*

дать, результатомъ и неумышленного приплетанія событій и именъ своего тѣснаго угла въ событіямъ и именамъ всего племени. Доказывая подложность этой надписи, д-ръ Пфафъ, между прочимъ, высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы въ Осетіи могли быть, какъ передаютъ о томъ грузинскія лѣтописи, два Оси-багатара: въ V и XIV вв. Но помимо отсутствія для этого сомнѣнія болѣе или менѣе положительныхъ основаній, оно является случайнымъ еще въ виду того обстоятельства, что „Оси-багатаръ“ на грузинскомъ языкѣ (какъ усвоенное съ татарскаго) въ буквальномъ переводѣ означаетъ „осетинъ-богатырь“ или „осетинъ-герой“ и т. п. Въ виду этого можно предположить, что это слово, состоящее изъ двухъ словъ, употреблялось грузинскими лѣтописцами скорѣе въ смыслѣ нарицательнаго названія осетинскихъ героев вообще, чѣмъ въ смыслѣ имени собственнаго. А такъ какъ слово „Оси“, какъ собственное имя лица, въ осетинскомъ языкѣ кромѣ разсматриваемаго случая рѣшительно не употребляется, то естественно допустить, что имя это, кажущееся собственнымъ для осетинскаго уха, усвоено осетинами, можетъ быть, даже вмѣстѣ съ самимъ преданіемъ изъ грузинскихъ источниковъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ нузальская надпись пріобрѣтаетъ значеніе какъ источникъ весьма важнаго, по своей распространенности, преданія осетинъ объ одномъ изъ выдающихся героев своего племени. Въ пользу такого предположенія говоритъ отчасти то обстоятельство, что отсутствіе въ имени народнаго героя національнаго филологическаго элемента, какъ въ данномъ случаѣ, случай слишкомъ исключительный, чтобы въ немъ не видѣть, такъ сказать, посторонняго источника, посторонняго начала въ сообщеніи фактовъ объ этомъ героѣ. Вслѣдствіе этого нузальская надпись на грузинскомъ языкѣ, давшая имя народному осетинскому герою, имѣетъ значеніе даже и тогда, еслибъ она

была лишь позднѣйшей эпитафіей ему за подвиги, которые безъ этого, можетъ быть, были бы забыты или разукрашены вымысломъ до потери или затемнѣнія ихъ историческаго смысла.

По устному варіанту преданія нузальской надписи, Оси-багатаръ имѣлъ нѣсколько сыновей, которые, разсѣлившись въ разныхъ мѣстахъ, образовали собою отдѣльныя общественныя группы, отчасти сохранившіяся до настоящаго времени и носящія названія по именамъ сыновей и потомковъ Оси-багатара. Въ общей характеристикѣ, варіанты преданія объ Оси-багатарѣ представляютъ собою какъ-бы двѣ группы: въ одной Оси-багатаръ просто осетинскій царь („иронъ-пацагъ“), въ другой, рѣже встрѣчающейся, — онъ еще и родоначальникъ („фпагъ-пацагъ“, буквально — первый царь), осетинскаго племени. Послѣдній варіантъ встрѣчается по преимуществу тамъ, гдѣ въ хранителяхъ преданій замѣтно знакомство съ русскимъ названіемъ осетинъ, причемъ послѣднее какъ-бы настраиваетъ въ тенденціозному производству названія осетинъ, отъ „Оси-багатара“.

Указаніе нузальской надписи на золотую и серебряную руду относится, конечно, частію въ нынѣшнему Садонскому руднику, частію, можетъ быть, въ другимъ, забытымъ и заброшеннымъ въ послѣдующій періодъ, мѣсто-рожденіямъ минеральныхъ богатствъ Осетіи. Добыча руды изъ Садонскаго рудника, по мнѣнію специалистовъ, производилась еще въ самой глубокой древности. Вообще горное дѣло было развито у осетинъ въ прежнее время весьма значительно, такъ что еще раньше XIV ст., когда Осетія была въ періодѣ своего наивысшаго политическаго процвѣтанія, осетины пользовались на Кавказѣ большою извѣстностью, какъ отличные оружейники, кузнецы и т. п. Въ періодъ Оси-багатара развитіе металлической промышлен-

ности должно было найти для себя поддержку и поощрение въ генуэзцахъ, которые стали посѣщать тогда Кавказъ для торгово-промышленныхъ цѣлей. Тогда же въ Осетіи, по смыслу нѣкоторыхъ преданій, появились герои-пришлецы, подчинившіе подъ свое вліяніе частныя общественныя группы не завоеваніемъ и насиліемъ, а простымъ превосходствомъ личныхъ качествъ. Такъ, напр., преданіе рассказываетъ о пришлецѣ Бадетѣ, который, имѣя у себя ружье, еще неизвѣстное тогда осетинамъ, сначала поступилъ, такъ сказать, на службу одной горной группы населенія въ качествѣ ея защитника отъ всевозможныхъ враговъ, а впоследствии сдѣлался мало-по-малу ея наибольшимъ, ея распорядителемъ или хозяиномъ. Такіе же пришлецы, по преданію, явились и въ другія общества. Сначала они обучали населеніе лучшимъ хозяйственнымъ приемамъ, а впоследствии сдѣлались главами этихъ обществъ. Факты, сообщаемые этими преданьями, находятъ для себя подтвержденіе въ подобныхъ же преданьяхъ о пришлецахъ-незавоевателяхъ и руководителяхъ въ мирной промышленной жизни въ сосѣдней съ Осетіею Чечнѣ и далѣе—Дагестанѣ. Какъ здѣсь, такъ и въ Осетіи эти преданія какъ-бы археологически подтверждаются встрѣчающимися въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдами прошлой сельско-хозяйственной культуры.

Объединеніе Осетіи, совершенное Осип-багатаромъ въ XIV стол., не было вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы осетинское племя устояло предъ дальнѣйшими враждебными вліяніями на его судьбу. Да и трудно было простому герою храбрости и удалства распространить это объединеніе дальше временной связи для защиты отъ общаго врага. Почти во весь означенный періодъ своего существованія Осетія подвергалась такимъ многочисленнымъ и разнообразнымъ вліяніямъ со стороны чуждыхъ національностей, вліяніямъ политическаго устройства, языка, вѣрованій и т. п., что,

живи осетинское племя на равнинѣ, оно неизбежно распустилось бы въ водоворотѣ и движеніи вліявшихъ народныхъ массъ до потери всякой индивидуальности и обособленности; но въ изолированной мѣстности, заключающей въ себѣ прочныя преграды для обмѣна и эндосмоса національных особенностей, препятствующей разъединенію враждующаго, соединенію солидарнаго, всѣ означенныя вліянія отразились въ общемъ нравственно-политическомъ быту осетинскаго племени разнообразіемъ всевозможныхъ наслоненій и видоизмѣненій на общемъ первоначально-племенномъ уровнѣ. Бывали, напр., такіе случаи въ жизни осетинскаго племени, когда на одну его группу вліяла языческая національность, на другую—христіанская, на третью магометанская и т. д. Вступая же съ осетинами въ болѣе близкія сношенія, вліяшія національности, вмѣстѣ съ новыми нравами, обычаями и т. п., вносили путемъ, напр., браковъ въ племенные особенности означенныхъ группъ и примѣсь своего темперамента, характера и вообще производили измѣненія въ самой существенной природѣ осетинскаго племени. Такимъ образомъ въ многовѣковой періодъ того прошлаго Кавказа, когда онъ былъ мѣстомъ народныхъ водоворотовъ и непрерывныхъ приливовъ и отливовъ народныхъ массъ черезъ осетинскія ущелья, когда составъ приливавшихъ народныхъ волнъ мѣнялся почти въ каждое столѣтіе, осетинское племя, поставленное уже самою мѣстностью въ центрѣ водоворотовъ, не могло не подвергаться существеннымъ измѣненіямъ даже въ своихъ группахъ, какъ со стороны сравнительно-первоначальной чистоты крови, такъ и со стороны нравовъ, обычаевъ, вѣрованій и т. п. Результатомъ такого прошлаго осетинъ должна была явиться обособленность частныхъ группъ этого племени не только въ быденно-бытовой, но и въ политической жизни. Общимъ соединяющимъ элементомъ такихъ группъ въ одно цѣлое, со-

ставлявшимъ, такъ сказать, противовѣсъ означеннымъ условіямъ и предупредившимъ расплывъ осетинскаго племени въ народныхъ волнахъ Кавказа, были—языкъ и тѣ особенности этого племени, которыя вѣроятно выработались въ столь продолжительный періодъ и такъ глубоко сидѣли въ его природѣ, что уничтожить ихъ не могли и намѣченныя нами сильныя историческія вліянія. Но эта племенная солидарность была хотя и постоянною, но недовольно рѣзкою, чтобы служить руководствомъ въ острыхъ требованіяхъ обыденной жизни. А самое существенное изъ этихъ требованій—требованіе матеріальнаго достатка, сытости, удобствъ жизни и т. п., въ виду природы осетинскаго края, скудной теперь и, вѣроятно, еще болѣе скудной въ прошлое время, по всей вѣроятности, было тогда, такъ сказать, требованіемъ полуголодной нужды, полуголодной, бѣдственной жизни со всѣми лишеніями невѣжества и бессилія предъ природой. Усложняясь гибельными слѣдствіями разрушительныхъ иноплеменныхъ вторженій, оно проявлялось въ общемъ нравственномъ складѣ характера племени тѣмъ острымъ настроеніемъ, которое такъ-же естественно заглушало чувства племенной солидарности, какъ естественно голодь и вообще острыя фізіологическія ощущенія заглушаютъ высшія чувства, симпатіи и т. п. Здѣсь, по всей вѣроятности, причина непрерывной вражды между группами осетинскаго племени,—вражды, заявлявшей себя разными обычаями мести, частію рыцарски-безпощадными, но больше меркантильно-снисходительными и примирительными лишь во имя экономическаго разсчета. Съ теченіемъ времени на этомъ общемъ фонѣ групповыхъ отношеній болѣе сложныя политическія условія объединили мелкія семейныя группы въ феодальныя общества съ такимъ строемъ, который неизбежно носилъ слѣды разнородныхъ вліаній власти и силы. Такъ, напр., въ каждомъ такомъ обществѣ

образовались группы, сходныя по обще-племеннымъ особенностямъ, но различныя по общественнымъ правамъ; образовалось то, что составляетъ общее историческое мѣсто въ жизни настоящихъ, по величинѣ, государствъ—сословія: высшее, среднее и низшее.

Матеріальныя лишенія, экономическая непроизводительность, составлявшія подкладку политической жизни осетинскаго племени въ продолжительнѣйшій періодъ его существованія въ Кавказскихъ горахъ, отразились весьма значительно на своеобразномъ суровомъ спартанствѣ обычаевъ и привычекъ осетинъ, воздержности ихъ въ образѣ жизни и вообще въ сильномъ предубѣжденіи къ излишеству и баловству. Все это составляло характеристичную особенность даже такихъ случаевъ прошлой осетинской жизни, гдѣ, судя по примѣрамъ большинства, обыкновенно дается полная свобода человѣческимъ слабостямъ къ простымъ пріятностямъ жизни. Насколько въ однихъ случаяхъ это обстоятельство приводитъ, такъ сказать, къ снисходительнымъ взглядамъ на факты физиологической сытости, кулинарнаго довольства и т. п., настолько же бѣдность и суровость осетинскаго быта, проявившись въ обычаяхъ мести крайнею меркантильностью, въ сферѣ непосредственнаго потребления плодовъ экономической производительности края, проявились въ обычаяхъ воздержности и суроваго отношенія къ дѣлу. Представляя картины нѣкоторой скудости и недостатковъ даже въ случаяхъ торжествъ, когда, напр., яства въ родѣ бараньей головы считались лакомствомъ во время даже свадебныхъ и т. п. пиршествъ феодаловъ, осетинская жизнь въ обыденномъ быту населенія, по всей вѣроятности, представляла крайнюю нужду, вызывавшую на набѣги, грабежи и вообще хищничество. Гдѣ же не было послѣднихъ условій прокормленія, предупреждавшихъ крайности

экономических бѣдствій, тамъ естественно возникали страшные голода, о которыхъ сообщаютъ народныя осетинскія преданія; одинъ изъ нихъ, говорятъ, былъ такъ жестокъ, что люди поѣдали другъ друга, родители своихъ дѣтей и т. п. Помимо высказанныхъ нами общихъ условій экономической жизни осетинскаго племени, достовѣрность этого преданія можно опредѣлить даже и приблизительнымъ указаніемъ времени, когда могли бывать въ жизни Осетіи такіе историческіе, но не внесенные въ исторію факты. Они могли быть, напр., въ послѣдовавшемъ за процвѣтаніемъ Осетіи періодѣ жестокой междоусобной вражды и непріятельскихъ вторженій. Такъ какъ въ періодъ процвѣтанія Осетіи, главныя осетинскія ущелья были населены весьма густо, а въ одномъ изъ нихъ былъ даже и большой городъ—столица, то при разстройствѣ политическаго порядка отъ междоусобной вражды и непріятельскихъ вторженій, экономическая производительность края, скудная и въ благопріятное время, была такъ ничтожна, что масса населенія, скученная въ бесплодныхъ ущельяхъ, неизбѣжно подвергалась всѣмъ крайностямъ голодной нужды. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство, если не въ рѣзкихъ случаяхъ повальнаго голоднаго мора, то въ обыденныхъ случаяхъ матеріальной нужды, въ періоды осетинской исторіи послѣ XIV стол., въ общемъ представляло собою картину медленнаго вырожденія племени отъ скудной бѣдственной жизни. Нужда привела напр., къ обычаю вытравливанія матерями плода, истребленію дѣтей, продажѣ ихъ въ рабство и т. п. обычаямъ, которые обнаруживали какъ-бы въ своемъ родѣ инстинктъ приспособленія къ окружающимъ условіямъ. Нѣкоторую поддержку въ матеріальномъ быту осетинскаго племени, хотя можетъ быть и въ ущербъ другимъ условіямъ его политической цѣльности и самостоятельности, представляли собою случаи поступленія осетинъ на службу Византіи

въ качествѣ вольнонаемнаго войска. Они продолжались съ перерывами, какъ мы выше сказали, почти во весь періодъ болѣе извѣстнаго существованія осетинскаго племени. Но съ XV стол., когда Византія была осаждена турецкими полчищами, эти выходы на сторону, отчасти ослаблявшія неблагоприятныя условія тѣсноты населенія при скудной природѣ, мало-по-малу превратились. Съ этого же времени въ религиозно-политической жизни Осетіи, начался новый уже 4-й періодъ перемѣны религиозныхъ вѣрованій. Осетія, частью христіанская со временъ крещенія ея Св. Ниною и Тамарою, частью языческая, въ зависимости отъ татарскихъ полчищъ, начала подпадать подъ вліяніе магометанства. Распространяясь огнемъ и мечемъ среди народовъ Кавказа, магометанство достигло Осетіи въ ея ближайшихъ сосѣдяхъ—кабардинцахъ, которые приняли его отъ своихъ политическихъ союзниковъ—покорителей, Крымскихъ татаръ.

Настроенные предыдущими столкновеніями съ кабардинцами къ враждебнымъ съ ними отношеніямъ, осетины встрѣтили это магометанство ожесточеннымъ отпоромъ. Между обоими племенами возникла продолжительная, четырехлѣтняя война, безъ перерывовъ и примиреній. Какъ племя болѣе многочисленное и сильное, кабардинцы постепенно поражали осетинъ и обращали ихъ въ магометанство. Не имѣя достаточно силъ для покоренія всего осетинскаго племени, кабардинцы тѣмъ не менѣе завладѣли почти половиною осетинской земли, распространивъ свое магометанство въ покоренномъ районѣ, и мало-по-малу начали проникать уже въ глубь осетинскихъ ущелій.

Но дальнѣйшему окончателъному покоренію Осетіи кабардинцами, вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженію въ ней христіанства, помѣшали событія въ тылу кабардинцевъ, отвлекшія ихъ вниманіе и силы къ сѣверу, гдѣ, въ холодной туманной дали,

для Кавказа уже началъ вырисовываться неясный силуэтъ русскаго могущества.

Въ половинѣ XVI стол. соплеменники кабардинцевъ— побѣдителей осетинъ, жители окрестности г. Бештау признали надъ собою владычество Іоанна Грознаго. Этотъ шагъ русской власти къ Кавказу, устранивъ вліяніе крымцевъ на равнинахъ сѣвернаго Кавказа и нарушивъ систему распространенія кабардинскаго элемента, бывшаго въ союзничествѣ съ крымскимъ, собственно для осетинъ послужилъ какъ-бы началомъ спасенія ихъ отъ полного подчиненія кабардинцамъ. Война осетинъ съ кабардинцами продолжалась, но кабардинцы, потерявъ прочную точку опоры въ поддержкѣ крымцевъ, съ вмѣшательствомъ въ дѣла Кавказа русскихъ, и отчасти ослабѣвъ отъ другихъ обстоятельствъ въ политической жизни своего племени, въ своихъ завоевательныхъ посягательствахъ на Осетію уже не шли дальше безпрерывной блокады ея горныхъ ущелій. Такимъ образомъ на равнинахъ и предгорьяхъ Осетіи въ XVI и XVII вѣкахъ жители ея сдѣлались магометанами и данниками Кабарды; населеніе же горныхъ ущелій, запертое какъ въ осажденной крѣпости кабардинскими наѣздниками, влачилось хотя и самостоятельное, но бѣдственное существованіе съ матеріальной нуждой и военными опасностями. Это населеніе хотя смутно, но еще помнило христіанскаго Бога, почитало древніе христіанскіе храмы, сохраняя ихъ отъ разрушенія и совершая вблизи нихъ во имя христіанскихъ святыхъ, отъ которыхъ остались въ памяти народа одни только имена, языческія жертвы и языческіе обряды. Оно помнило, какъ помнить даже и теперь, имя своей ближайшей по времени христіанской просвѣтительницы Тамаръ-дэдопали, можетъ быть даже и имя своего временнаго христіанскаго покровителя Юстиніана, если только названіе одного древняго храма въ Осетіи— „Юсь-дзуаръ“ (Юсь-

святой) оправдываетъ такое предложеніе. Можетъ быть, это горное населеніе съ этими именами соединяло и ожиданіе какой-нибудь помощи или изъ страны Тамарь-дэдопали (Грузіи), или изъ страны Юса; но помощи не было. Страна Тамарь-дэдопали, отдѣленная отъ нихъ хоть и высокими, но не недоступными въ своихъ вершинахъ горами для крѣпконогаго горца, сама въ это время была на краю гибели, въ положеніи мало отличавшемся отъ положенія Осетіи. Изъ страны Юса, куда ходили ихъ дѣды и отцы, какъ наемная военная сила, помощи ждать было также нельзя: ее еще болѣе, чѣмъ кабардинцы Осетію, разорили до тла свирѣпые турки. Страна Тамарь-дэдопали въ это время, какъ сказано, сама была на краю гибели, сама искала помощи: въ 1586 г. Кахетинскій царь Александръ II искалъ покровительства у царя Феодора Иоанновича. И эта русская помощь, если не для личныхъ интересовъ враждовавшихъ между собою владѣтелей Грузіи, то вообще для спасенія христіанскаго нравственно-человѣческаго элемента на историческомъ Кавказѣ, эта русская помощь уже приближалась. Въ 1587 г. она уже прочищаетъ себѣ дорогу и къ Кавказскимъ горамъ—твердынямъ, къ Грузіи и Осетіи сначала построеніемъ Терскаго города при устьи Терека, затѣмъ экспедиціей вв. Хворостина, для разоренія Шамхальской столицы Тарковъ и постройки Койсанскаго острога, который потомъ въ 1604 г. замѣненъ крѣп. Тарками. Съ XVII столѣтія начинается уже цѣлый рядъ фактовъ поступательнаго движенія на Кавказъ русской силы, вызывавшійся также цѣлымъ рядомъ просьбъ о помощи и покровительствѣ со стороны грузинскихъ царей: въ 1618 царя Теймураза I, въ 1621 г. Георгія III, царя Имеретіи и Мамія II, владѣтеля Гуріи, въ 1636 г.—Мингрельскаго дадіана Левана II. Въ 1639 г. царь Теймуразъ I призналъ надъ собою власть царя Феодора Михайловича, а въ 1650 г. царь

Имеретин Александръ присягнулъ на подданство Россіи. Съ поселеніемъ на р. Терекъ стрѣльцовъ и казаковъ съ Дона въ 1658 г., покореніемъ Дербента въ 1722 г. и, наконецъ, съ принятіемъ въ подданство Россіи кабардинскихъ князей въ 1732 г. начинается уже періодъ положительнаго властнаго вліянія Россіи на дѣла Кавказа.

Рядомъ съ усиленіемъ русскаго вліянія на Кавказѣ совершается цѣлый рядъ другихъ фактовъ, способствовавшихъ упроченію зависимости Грузіи отъ Россіи. Имѣя, повидимому, мало непосредственной связи съ жизнью осетинскаго племени, и, повидимому, также мало отношенія къ христіанской и угнетенной его части, факты поступательнаго движенія Россіи на Кавказъ отразились прежде всего въ судьбѣ Осетіи отвлеченіемъ и ослабленіемъ завоевательныхъ притязаній на Осетию кабардинцевъ. Когда же передовыя русскія силы, въ концѣ XVII стол., появились на кабардинскихъ равнинахъ рр. Терекъ и Малки, и отдаленный могущественный покоритель сталъ уже непосредственно въ тотъ районъ, гдѣ кабардинская удаля давила осетинское племя, кабардинцы, занятые заботами о своей безопасности, должны были естественно еще болѣе ослабить завоевательныя поползновенія на своихъ сосѣдей. Въ подобныхъ же условіяхъ, по общему характеру зависимости и подчиненія своимъ сильнѣйшимъ сосѣдямъ, жили и осетины южнаго склона Кавказскихъ горъ, въ предѣлахъ Грузіи. Послѣ того какъ для осетинъ и сѣверныхъ, и южныхъ миновало время Оси-багатара, объединившаго тѣхъ и другихъ въ борьбѣ съ ихъ общими тогдашними врагами—грузинскими феодалами, и когда сѣверные осетины, испытавъ нашествіе крымскихъ татаръ, а затѣмъ персіянъ, сдѣлались предметомъ завоевательныхъ притязаній кабардинцевъ, южные осетины, населявшіе верховья р. Ріона и притоки р. Буры: Ліяхву, Арагву и Ксанку, постепенно подпадали подъ власть

грузинскихъ феодаловъ. Такъ какъ исторія Грузіи съ XVI ст. до присоединенія въ Россіи представляетъ собою лишь цѣлый рядъ внутреннихъ войнъ, происходившихъ какъ между главными владѣтелями Грузіи—царями, такъ и между второстепенными феодалами или эриставами, причемъ войны эти въ своемъ хаосѣ вражды и кровопролитія нерѣдко усложнялись еще и вторженіями разныхъ пришельцевъ, опустошавшихъ страну: лезгинъ, персовъ, турокъ и т. п.,— то очевидно, что прошлое осетинъ южнаго склона также состояло въ то время изъ постоянныхъ опасностей, неурядицы и вообще обстоятельствъ и событій, характеризующихъ собою тяжелое положеніе тогдашней Грузіи. Какъ и на сѣверѣ, христіанство южныхъ осетинъ весьма много пострадало отъ магометанства и завоевательнаго давленія со стороны пришлыхъ народовъ. Последнее въ особенности относилось къ тѣмъ группамъ южныхъ осетинъ, которыя были обособлены отъ массы населенія грузинскаго, представлявшаго какъ-бы главное ядро христіанства въ его развѣтвленіяхъ по Кавказу. Но и помимо отчужденія религіознаго, обособленные отъ Грузіи—южные осетины, повидимому, еще не вполне были съ нею солидарны и въ политической жизни. Такъ, напр., грузинскія лѣтописи намѣчаютъ случаи, гдѣ осетины, еще въ періодъ своего неполнаго подчиненія грузинскимъ феодаламъ, вѣстѣ съ сосѣдними горцами, вторгались въ глубь грузинской страны для грабежей и опустошеній. Въ числѣ героевъ такого прошлаго встрѣчается также Багатаръ, третій въ исторіи осетинскихъ военныхъ событій. Впрочемъ, соединеніе южныхъ осетинъ съ Грузіею было для первыхъ не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ ихъ исторической судьбы: оно привело къ тому, что осетины сдѣлались крѣпостными грузинскихъ феодаловъ. При слабости грузинскихъ царей и отсутствіи высшей контролирующей государственной власти,

всѣ порядки Грузіи тогда основывались только на личномъ произволѣ феодаловъ. Съ этой стороны, распространеніе русской власти на Кавказѣ, вносившей духъ объединенія и государственности въ политическую жизнь страны, отличавшейся дикимъ разнузданнымъ произволомъ мелкихъ владѣтелей, имѣло для южныхъ осетинъ то же значеніе, какъ и для осетинъ сѣверныхъ: оно было зарею-вѣстникомъ лучшей жизни для христіанства и для всего политически-подавленного, безправнаго, угнетеннаго. Связь и дружественныя сношенія, установленныя между Россією и Грузією, прежде всего отразились на оживленіи въ Грузіи христіанскаго элемента. Придавленное и угнетенное до этого персидскимъ и татарскимъ магометанствомъ, христіанство, по мѣрѣ приближенія русской власти къ Кавказу, мало-помалу начало освобождаться отъ гнета враговъ и приобретать условія свободнаго распространенія и обновленія среди обывателей Закавказья и народовъ, жившихъ съ осетинами въ большей или меньшей политической и религіозной солидарности. Такъ, напр. въ 1744 г. грузинское духовенство учредило на сѣверномъ Кавказѣ „Осетинское подворье“ *) для обращенія въ христіанство осетинъ, которые уже извѣстны были своею склонностью и расположеніемъ къ христіанству. Въ это время русское владычество распространилось почти до предгорій сѣвернаго Кавказа, при чемъ большая часть кабардинцевъ, враговъ Осетіи, находилась уже въ подданствѣ русскомъ (1771 г.). Хотя административное неустройство, неизбѣжное въ первые періоды покоренія края, давало кабардинцамъ свободу на продолженіе прежнихъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ Осетіи, но это былъ уже не разгулъ сильнаго врага, а мелкія напа-

*) Какъ настоящій, такъ и послѣдующіе факты изъ прошлаго Осетіи до 40-го года XIX стол. взяты изъ I, II, III, IV, V, VI, VII и VIII тт. Актовъ Кавк. Археограф. Коммиссіи.

денія урывками. Впрочемъ, русская власть, постепенно приближаясь къ Грузіи, сдерживала кабардинцевъ даже и въ мелкихъ разбойничьихъ нападеніяхъ на осетинскій районъ. Въ это время Осетія представляла собою послѣднюю разъединительную полосу между русскими владѣніями и Грузіею, въ 200—250 в. ширины, отъ восточнаго поворота р. Терека до нижняго теченія р. Арагвы. Осетины, предрасположенные къ христіанству и русскимъ, жили въ глубинѣ горныхъ ущелій, за 150—160 верстъ отъ русской военнопограничной линіи; они были разъединены отъ русскихъ, Впрочемъ, не столько разстояніемъ, сколько враждебнымъ русскимъ магометанскимъ населеніемъ предгорій и нижнихъ ущелій, состоявшимъ частію изъ осетинъ же, частію изъ кабардинцевъ, еще не вполне покоренныхъ русскими. Такимъ образомъ, приближаясь къ Грузіи, русскіе встрѣчали въ осетинахъ, ближайшихъ къ русской пограничной линіи, враговъ и хищниковъ, которые покорялись лишь на короткіе періоды, пока русскія войска были недалеко; въ осетинахъ же дальнихъ русскіе встрѣчали миролюбие и дружественное къ себѣ расположеніе. „Осетинское подворье“, о которомъ мы сказали выше, было устроено въ районѣ первой группы осетинскаго населенія, ближайшей къ русской пограничной линіи. Какъ ни было, повидимому, это обстоятельство благоприятнымъ для движенія русскихъ въ глубь Кавказа, тѣмъ не менѣ означенная полоса, отдѣлявшая русскую пограничную линію отъ Грузіи, представляла довольно значительныя затрудненія въ наступательныхъ движеніяхъ русскихъ. Впрочемъ, покорить эту группу хищниковъ, во всякомъ случаѣ, едва ли составляло особыя трудности; но дѣло это значительно усложнялось тѣмъ, что горцы какъ описываемаго района, такъ и всего Кавказа, въ то время находились подъ сильнымъ вліяніемъ враждебной Россіи—Турціи. Такъ, напр., устройство „Осе-

тинскаго подворья“, какъ приспособленія къ дѣлу миссіонерства, возбудивъ сначала неудовольствіе кабардинцевъ, а потомъ и самой Турціи, возбудило послѣднюю протестовать противъ него даже путемъ дипломатическимъ. Обстоятельство это, которому неизбѣжно предшествовали разныя враждебныя посягательства со стороны магометанъ, привело къ тому, что „подворье“, въ которомъ предназначалось даже устройство школы, ограничилось хотя, въ своемъ родѣ, и полезною, но другою ролью. На „подворьѣ“ торговали привозимою изъ Кизляра вялою рыбою и всякими мелочами, пріискивая также проводниковъ“ для проѣзжающихъ изъ Грузіи. Не смотря на протесты Порты, „довѣренностію и знакомствомъ“ подворье держалось до 1769 г., когда было „наущеніемъ кабардинцевъ разорено въ конецъ“.

Въ то время центромъ миссіонерства былъ г. Моздокъ. Осетины и вообще туземцы, принявшіе христіанство, переселяясь въ Моздокъ, кромѣ пріюта и защиты отъ враговъ, получали по 20 руб. на первоначальное обзаведеніе. Еще большее значеніе имѣлъ Моздокъ для туземцевъ-холоповъ: стоило только такому холопу, тяготившемуся своей неволей, явиться въ Моздокъ, принять христіанство—и онъ дѣлался свободнымъ. Подобные случаи были особенно благодѣтельны для осетинъ, такъ какъ ихъ было не мало въ неволѣ у кабардинскихъ владѣтелей. Эти холопы-осетины въ большинствѣ представляли добычу кабардинскихъ наѣздниковъ, захваченную во время ихъ вторженій въ осетинскія поселенія. Впрочемъ, возбудивъ со стороны кабардинскихъ холопо-владѣльцевъ жалобы и неудовольствія, означенные случаи спасенія холоповъ отъ рабства стали впослѣдствіи обставляться все большими и большими затрудненіями.

Благодаря всѣмъ означеннымъ условіямъ, въ Моздокѣ почти въ одинъ годъ существованія миссіонерской дѣятельности было болѣе 200 новокрещенныхъ поселенцевъ. Какъ

въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ случаяхъ обращенія въ христіанство большинство новообращавшихся были осетины. Съ 1771 по 1792 годъ Осетинская комиссія обратила въ христіанство 6657 человекъ. Въ числѣ осетинъ, принявшихъ христіанство, между прочимъ было нѣсколько лицъ изъ вліятельныхъ владѣтельныхъ осетинскихъ фамилій. Фактъ этотъ ясно указываетъ, что принятіе христіанства стало тогда дѣломъ не однихъ только побужденій—воспользоваться, напр., денежною помощью и защитою отъ враговъ, но и дѣломъ уже вышедшимъ изъ своего, такъ сказать, практическаго начала. Можно также предположить, что эти результаты распространенія христіанства были бы еще болѣе значительны, если бы движеніе русскихъ въ глубь Кавказа не было приостановлено возникшею тогда войною съ Турціею. Но и помимо этого рѣзкаго случая, какъ помѣхи дѣлу, вліяніе русскихъ на туземное населеніе Кавказа встрѣчало постоянное враждебное противодѣйствіе со стороны Турціи. Оно выражалось прежде всего въ постоянномъ подстрекательствѣ населенія чрезъ шпионовъ и агентовъ противъ русскихъ не только въ періоды открытыхъ враждебныхъ отношеній Россіи къ Турціи, но и въ періоды мира. Эти шпионы и агенты обыкновенно разъѣзжали по Кавказу, развозя и раздавая владѣтелямъ—магометанамъ турецкіе фирманы, преисполненные торжественныхъ обращеній къ „правовѣрнымъ“ за содѣйствіемъ по изгнанію и искорененію гяуровъ и еще болѣе торжественныхъ обѣщаній—прислать для этой цѣли „многочисленныя побѣдоносныя войска“.

Одновременно съ стремленіями грузинскаго духовенства къ распространенію христіанства на сѣверномъ Кавказѣ появились признаки такой же дѣятельности со стороны вездѣсущихъ іезуитовъ. Такъ въ „Осетинское подворье“ явились два католическихъ патера и заявили, что

они имѣютъ отъ папы „разрѣшеніе проповѣдывать слово Божіе“. Впрочемъ, встрѣтивъ со стороны начальства, жившаго въ Моздокѣ недалеко отъ подворья, рѣшительное запрещеніе не только на проповѣдываніе, но и на пребываніе въ Осетіи, патеры не могли воспользоваться „разрѣшеніемъ папы“ и должны были немедленно удалиться. Въ „дѣлѣ о высылкѣ изъ Осетіи римскихъ патеровъ“ высказываются догадки, что они, по всей вѣроятности,—два капудина, высланные изъ Астрахани въ 1756 году по жалобѣ армянскаго епископа на обращеніе армянъ въ католичество и пріѣхавшіе въ Осетію „подъ видомъ купцовъ изъ Ахалциха для обозрѣнія кистинскаго народа и православной церкви построенной у нихъ при р. Балсу“.

Систематическая миссіонерская дѣятельность русскихъ на сѣверномъ Кавказѣ началась съ 1745 г. присылкою по волѣ Императрицы Елисаветы Петровны въ Кизляръ нѣсколькихъ миссіонеровъ, съ спеціальнымъ назначеніемъ проповѣди христіанства среди кавказскихъ народовъ. Но такъ какъ миссіонеры эти не имѣли необходимыхъ для своего дѣла условій—знанія языка, нравовъ, обычаевъ и т. п., то, очевидно, дѣятельность ихъ не распространялась дальше рѣдкихъ отдѣльных случаевъ крещенія новообращавшихся. По строгой оцѣнкѣ этого дѣла одною изъ позднѣйшихъ комиссій первые миссіонеры лишь „воспользовались благостью видовъ правительства и щедротами его для собственныхъ выгодъ своихъ“ и обратили въ 21 годъ всего 2142 чел. Продолженіемъ этого миссіонерскаго дѣла явилась „Осетинская комиссія“ въ г. Моздокѣ,—передовомъ русскомъ форпостѣ того времени на среднемъ Кавказѣ. Она была предназначена спеціально для осетинскаго района, который начинался приблизительно въ 50—60 верстахъ отъ Моздока. По своей административной организаціи, Осетинская комиссія представляла собою отчетливое „штатное“ учрежденіе: на содержаніе ея

было назначено 1,300 р. ежегодно; одну половину ея штата составляли русскіе духовные, а другую грузинскіе, знавшіе осетинскій языкъ. Но кромѣ собственно-религіозной дѣятельности, въ дѣли комиссіи входила и дѣятельность общешроsvтительная: при комиссіи была устроена школа, служившая для осетинскихъ дѣтей источникомъ не только нравственнаго, но и матеріальнаго блага; такъ напр., каждый ученикъ школы получалъ въ видѣ платы или жалованья по 2 рубля въ мѣсяць, — сумма по тогдашнему времени весьма значительная для содержанія и взрослоаго. Впрочемъ, деньги эти впоследствии стали выдаваться не питомцамъ школы, а ихъ родителямъ, — обстоятельство, поставившее, по донесенію объ этомъ протопопа А. Лебедева, начальника комиссіи, питомцевъ школы въ положеніе безпріютныхъ нищихъ.

Такимъ образомъ съ половины XVIII стол. г. Моздокъ сталъ притягательнымъ пунктомъ для осетинскаго населенія почти во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни. Въ виду высказанныхъ нами обстоятельствъ вражды осетинъ съ кабардинцами и бѣдности осетинскаго населенія, означенныя мѣры, какъ выдача денегъ, представляли, очевидно, мѣры тѣмъ болѣе обильныя результатами по привлеченію къ русскимъ осетинскаго населенія, что оно и безъ того было предрасположено къ русскимъ, какъ къ защитникамъ противъ хищничества кабардинцевъ.

Таково было общее положеніе дѣлъ, имѣвшихъ большее или меньшее отношеніе къ Осетіи, къ началу войны съ Турціею въ 1768 г. Въ періодъ этой войны произошло весьма важное не только для Осетіи, но и для Кавказа событіе: генер. Тотлебенъ, главнокомандующій войсками Кавказа, перешелъ съ своимъ отрядомъ въ 1769 г. по ущелью Терекъ и Арагвы (нынѣшней Военно-грузинской дорогѣ) въ Грузію, — это былъ первый переходъ значитель-

ныхъ военныхъ силъ чрезъ ущелье, окаймленное горами, на половину враждебными русскимъ. Благополучный исходъ этого перваго военнаго шага чрезъ Кавказскій хребетъ, весьма много зависѣлъ отъ содѣйствія осетинъ, между которыми были уже вполнѣ преданные русскимъ: они, напр., къ приходу войскъ расчистили дорогу, построили мосты и т. п. При этомъ особенною преданностью русскимъ интересамъ выдѣлились владѣтели наиболѣе важныхъ пунктовъ дороги: Дударовъ—въ началѣ ущелья и Казбекъ—у главнаго перевала чрезъ хребетъ; оба они и во все послѣдующее время сношеній съ Грузіею оказали не мало услугъ русской административной дѣятельности въ краѣ. Обстоятельство это тѣмъ болѣе важно, что осетины Терекскаго ущелья и ближайшаго къ нему района были тогда почти всѣ магометане и представляли такимъ образомъ среду, весьма легко поддававшуюся враждебнымъ подстрекательствамъ противъ русскихъ. Переходъ черезъ горы, распространивъ такъ или иначе русское вліяніе на южный Кавказъ, вмѣстѣ съ тѣмъ неблагопріятно отразился на сѣверномъ Кавказѣ ослабленіемъ его военныхъ силъ, результатомъ чего явилось ослабленіе сдерживающаго, устрашающаго вліянія русской власти на полудикихъ хищниковъ. Турецкіе фирманы, таившіеся до того времени подъ спудомъ лукавства и лицемерной преданности русскимъ владѣтелямъ Кабарды, въ короткое время возмутили почти все магометанское населеніе передняго Кавказа. Распространяясь отъ верхняго теченія р. Малки—центра Кабарды, это возмущеніе перешло на группы осетинъ-магометанъ, населявшихъ предгорья Кавказа и ущелья Военно-грузинскаго пути и составлявшихъ такимъ образомъ какъ-бы враждебную грань между русскими и осетинами-христіанами горныхъ ущелій въ центрѣ Осетіи. Впрочемъ, грань эта не была рѣзко очерченною группою враждебнаго населенія; и на своемъ про-

тяженіи, и по своей ширинѣ она разнообразилась всѣми оттѣнками отношеній: рядомъ, напр., съ населеніемъ, завѣдомо враждебнымъ, встрѣчалось населеніе, или вполнѣ преданное, заявлявшее даже желаніе выселиться въ русскіе предѣлы, или преданное до первой важной неудачи русскаго оружія, до перваго слуха, что „сюда скоро придетъ большое турецкое войско и выгонитъ русскихъ“. Подобное же, но только съ меньшимъ числомъ случаевъ преданности, встрѣчалось и среди ближайшаго кабардинскаго населенія. Впрочемъ, возмущеніе этого времени продолжалось не долго: съ прибытіемъ изъ Россіи новыхъ войскъ, оно было довольно успѣшно подавлено въ своихъ главнѣйшихъ пунктахъ генер. Медемомъ. Однимъ изъ такихъ пунктовъ было ущелье Терека, какъ соединительная линія съ Грузіей. „При командахъ, посланныхъ для усмиренія осетинцевъ, жившихъ на дорогѣ въ Грузію, къ преклоненію ихъ много способствовалъ“ одинъ изъ владѣльцевъ Малой Кабарды, сопровождавшій эту экспедицію добровольно, изъ одной только преданности русскимъ властямъ. Это успѣшное „преклоненіе“, по всей вѣроятности, не мало обусловливалось и тѣмъ, что умиротворитель осетинъ былъ изъ того же района, откуда до этого времени являлся и возмутитель.

Въ то время какъ осетины-магометане, населявшіе ближайшія мѣста къ русской пограничной линіи, представляли во всякомъ случаѣ безпкойныхъ сосѣдей, осетины центральныхъ горныхъ ущелій искали случая сблизиться съ русскими и, такъ сказать, сами шли на встрѣчу своимъ новымъ покровителямъ. Последнее особенно замѣтно выразилось въ интересѣ русскаго правительства минеральными богатствами Кавказскаго края. А интересъ этотъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, былъ весьма значителенъ. Такъ, еще въ половинѣ XVII стол. царь Алексѣй Михайловичъ посы-

ласть на Кавказъ специальную экспедицію для развѣдки его минеральныхъ богатствъ,—дѣло, окончившееся, по отдаленности этого края, по всей вѣроятности, безъ всякихъ послѣдствій. Въ описываемое время приближенія русскихъ къ Кавказскому хребту, въ 1768 г., русское правительство сдѣлало новую попытку въ изслѣдованію означенныхъ богатствъ и также отправило для этого спеціалиста „гиттенфервальтера“ Вонявина. Вонявинъ осмотрѣлъ нѣкоторые, вѣроятно, ближайшія къ пограничной линіи мѣста и нашелъ тамъ даже „признаки золота“. Впрочемъ, болѣе подробному и обстоятельному изслѣдованію минеральныхъ богатствъ края помѣшали волненія между горцами, возникшія, какъ мы выше замѣтили, одновременно съ турецкою войною. Но какъ только кончилась эта война, и вниманіе мѣстнаго начальства на Кавказѣ, отвлеченное до того на острые интересы усмиренія и покоренія ближайшихъ горцевъ, было перенесено на мирныя дѣла, осетины центральныхъ ущелій, въ персоналѣ своихъ почетнѣйшихъ старшинъ и представителей, стали являться къ русскимъ властямъ и, принося съ собою образцы рудъ, просили начальство послать въ ихъ мѣста свѣдущихъ людей для обстоятельныхъ развѣдокъ минеральныхъ богатствъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, заявляя о своей готовности къ услугамъ русскаго начальства, осетинскіе депутаты просили также о возобновленіи уже упомянутаго нами „Осетинскаго подворья“, по всей вѣроятности, какъ посредствующаго пункта для болѣе постоянныхъ сношеній съ русскими. Тѣмъ не менѣе какъ, повидимому, ни были благопріятны эти обстоятельства и для дѣла изслѣдованія минеральныхъ богатствъ, вообще сильно интересовавшихъ русское правительство, и для распространенія среди осетинъ вообще русскаго вліянія, всѣ означенныя обстоятельства, въ сожалѣнію „не имѣли ни какаго производства въ дѣйствіе и кончились сими перво-

начальными дѣйствіями“. По всей вѣроятности, вниманіе мѣстной власти края, съ переходомъ русскихъ войскъ чрезъ Кавказскій хребетъ, въ это время было занято усилившимися затрудненіями въ сношеніяхъ съ новымъ краемъ и вообще болѣе острыми требованіями военныхъ событій. Впрочемъ, русское правительство не оставляло безъ вниманія и дѣла изслѣдованія края, если не со стороны его минеральныхъ богатствъ, то со стороны его общей природы. Такъ, почти одновременно съ описываемыми событіями, въ 1769 г., на Кавказъ были посланы для этой цѣли академикъ Гюльденшtedтъ и Гмелинъ. Оба эти ученые, побывавъ, вѣроятно, во всѣхъ мѣстахъ сѣвернаго Кавказа, которыя только были доступны, отправились чрезъ Кавказскій хребетъ и въ Грузію. Путешествіе ихъ, бывшее вообще благополучнымъ и, конечно, весьма полезнымъ для государства и науки, на обратномъ пути изъ Грузіи, впрочемъ, едва не окончилось весьма печально. Такъ, проѣзжая по ущелью р. Терека, которое было поселено однимъ изъ осетинскихъ обществъ—тагаурцами, проф. Гюльденшtedтъ былъ неожиданно окруженъ толпою туземцевъ и взятъ въ плѣнъ. Узнавши объ этомъ нападеніи, генер. Медемъ, начальствовавшій надъ войсками Кавказа, немедленно послалъ военную команду для выручки ученаго. Благодаря распорядительности начальника команды майора Криденера, проф. Гюльденшtedтъ былъ взятъ обратно безъ всякаго кровопролитія, съ издержкою лишь 30 рублей выкупа.

Покровительство, которое оказывалось русскими вообще угнетеннымъ туземцамъ, привело къ тому, что въ концѣ XVIII-го вѣка около Моздова образовалась изъ приспособлявшихся къ русскому источнику благодѣяній довольно значительная колонія горцевъ-переселенцевъ. Большую часть ихъ составляли осетины, занимавшіеся сельскимъ хозяйствомъ и

ремеслами и составлявшие такимъ образомъ полезный контингентъ ближайшихъ экономическихъ производителей моздовскаго района. Съ теченіемъ времени изъ этой группы сформировалась небольшая казачья команда для содержанія пикетовъ, наблюдательныхъ разъѣздовъ и т. п., подъ названіемъ „осетинской сотни“. Въ общемъ составѣ подобныхъ военныхъ командъ, въ началѣ русскаго владычества, изъ „мирныхъ“ туземцевъ „осетинская сотня“ всегда отличалась полною преданностью русскимъ интересамъ. Въ тѣ прошлыя времена, когда многіе изъ „мирныхъ“ туземцевъ, состоявшихъ въ русской службѣ, служили агентами и соучастниками въ разныхъ продѣлкахъ немирныхъ горцевъ, то указывая имъ путь къ знакомымъ русскимъ поселеніямъ, то скрывая въ своихъ глухихъ подвалахъ добычу, награбленную ихъ кунаками въ русскихъ поселеніяхъ, означенная преданность, не обходившаяся, конечно, безъ исключеній, представляла въ бытовой жизни края весьма важное значеніе. Осетины, постепенно переселявшіеся въ моздовскій районъ, обыкновенно принимали христіанскую вѣру. Дѣло распространенія христіанства шло здѣсь тѣмъ успѣшнѣе, что миссіонерскія силы того времени, частію вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, частію по недостатку достаточно энергичныхъ дѣятелей, группировались преимущественно въ моздовскомъ районѣ. Въ 1793 г., вѣроятно, для большей широты дѣйствій, составъ кавказскаго миссіонерства былъ преобразованъ въ административномъ отношеніи въ отдѣльный викарный округъ, и начальникъ Осетинской комиссіи, епископъ Гайосъ, получилъ права викарнаго епископа съ наименованіемъ Моздовскимъ и Маджарскимъ. Зная хорошо осетинскій языкъ, епископъ Гайосъ сдѣлалъ первую попытку къ основанію осетинской письменности, составивъ осетинскую азбуку изъ русскаго алфавита. При всѣхъ своихъ пробѣлахъ въ передачѣ звуковъ осетинскаго языка,

попытка эта, во всякомъ случаѣ, есть начало того, что послѣ сдѣлано въ этомъ же направленіи позднѣйшими учеными лингвистами Шегреномъ, Шифнеромъ, барономъ Усларомъ и въ настоящемъ году—проф. В. Ө. Миллеромъ. По своему же практическому значенію она была скорѣе кабинетной работой для книгохранилищъ чѣмъ удовлетвореніемъ запроса, исходившаго изъ существовавшихъ условій.

Хотя по документамъ Актовъ Кавк. Арх. Комм. дѣятельность моздокскаго миссіонерства кажется далеко несовершенною, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что моздокскій районъ былъ для осетинъ, искавшихъ христіанства и защиты отъ кабардинскихъ нападений, довольно привѣтливомъ и не тѣснымъ убѣжищемъ. Каждый обитатель сѣверной Осетіи, оставаясь равнодушнымъ къ подстрекательствамъ магометанскаго фанатизма на грабительство, джигитство и безусловное противодѣйствіе „гюрамъ“ и тяготясь жизнью на своемъ насиженномъ пепелищѣ, постоянно обогащаясь кровью родныхъ жертвъ, подъ всегдашнимъ гнетомъ то открытыхъ, то тайныхъ вражескихъ нападений, могъ смѣло искать спасенія отъ этой тяжелой жизни подъ сѣнію русскихъ штыковъ на равнинѣ и степяхъ Моздока. Но не таково было положеніе южныхъ осетинъ, особенно тѣхъ, которые жили въ нижнихъ ущельяхъ горнаго склона и мало-по-малу распространялись дальше на югъ.* Въ то время, какъ угнетенные и подавленные осетины сѣвернаго склона находили въ русскомъ владычествѣ условія для улучшенія своего быта, жизнь южныхъ осетинъ была тою же перспективой разныхъ невзгодъ, которыя тяготѣли надъ ними до распространенія русскаго могущества за Кавказскимъ хребтомъ. Ставши еще со временъ распадѣнія осетинскаго царства на отдѣльныя группы (XII—XIII вв.) въ зависимость отъ Грузіи, прерывавшуюся лишь на короткіе сроки при Осипа-багатарѣ, юж-

ные осетины естественно, жили въ одинаковыхъ политическихъ условіяхъ съ населеніемъ Грузіи: благоприятны они были при внутреннемъ благоустройствѣ этой страны, но тягостны съ развитіемъ въ ней междоусобной вражды между ея владѣтелями и феодалами. Считая осетинъ какъ-бы покореннымъ стороннимъ населеніемъ, грузинскіе феодалы-владѣльцы тѣхъ районовъ, гдѣ жили осетины, не встрѣчая ограниченія личнымъ притязаніямъ, сдѣлали осетинъ своими крѣпостными, подчинивъ ихъ своей власти какъ въ общественномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Въ такомъ положеніи находились южные осетины почти на всемъ районѣ средняго теченія притоковъ р. Куры: Ліяхвы, Ксанки и частію Арагвы. Исключеніе составляли только осетины самыхъ верхнихъ южныхъ ущелій, огражденные отъ всякихъ стороннихъ посягательствъ на свою свободу горными стремнинами и высями своего уголка. Они жили тамъ, не имѣя „ни малѣйшаго понятія о гражданскомъ бытѣ“ *), небольшими семейными группами, вполне свободные и независимые отъ всякихъ общественныхъ отношеній дальше своего семейнаго района; каждый способный носить оружіе считалъ себя единственнымъ распорядителемъ своей судьбы, основывая всю свою самостоятельность лишь на искусствѣ владѣть оружіемъ и личной храбрости. Эти осетины почти не выходили изъ своего уединеннаго района и, по словамъ одного изъ современниковъ, едва ли знали „и по наслышкѣ“ о грузинскихъ феодалахъ-помѣщикахъ.

Таково было общее положеніе осетинъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст., когда русскіе распространили свое вліяніе и владычество на Кавказѣ до среднихъ предгорій хребта и чрезъ ущелья рр. Терекъ и Арагвы до средняго теченія р. Куры. По словамъ графа Паскевича, бывшаго впоследствии, въ 30-хъ годахъ, главноуправляющимъ

*) Акты Кавк. Арх. Комм. Т. VI, стр. 306.

Грузією и Кавказскимъ краемъ, осетины, „при первомъ появленіи въ странѣ російскихъ войскъ подъ командою ген. Тотлебена, встрѣтили ихъ какъ своихъ избавителей, въ немъ влекла ихъ христіанская вѣра... Но какъ не было взято надлежащихъ мѣръ къ гражданскому образованію осетинъ, и сверхъ того, когда осетины увидѣли, что русскіе начали отдавать ихъ на произволъ помѣщиковъ,... то, по примѣру прочихъ живущихъ по сосѣдству полудикихъ племенъ, терпя разнаго рода недостатки къ улучшенію своей жизни, они равномерно предались грабежамъ“ *). Это мнѣніе лица, вполне компетентнаго для оцѣнки факта уже по своему общественному положенію, освѣщаетъ общій характеръ исторіи осетинъ въ первые періоды владычества русскихъ на Кавказѣ съ полною обстоятельностью, какъ безпристрастный историческій обзоръ причинъ и результатовъ историческихъ событій. Особенное оправданіе взгляды гр. Паскевича находилъ въ обстоятельствахъ дальнѣйшей, послѣ вступленія русскихъ въ Грузію, исторіи южныхъ осетинъ. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. Грузія представляла собою небольшую территорию, приблизительно нынѣшнюю Тифлисскую губернію. Составляя номинально владѣніе грузинскаго царя, она въ дѣйствительности была раздроблена на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, которыми заправляли безконтрольно частію грузинскіе царевичи, родственники царя, частію наиболѣе вліятельные феодалы—князья. Такимъ образомъ южные осетины, по своей принадлежности мелкимъ владѣтелямъ, сотовляли 4 группы: 1) въ верховьяхъ р. Ріона, 2) по среднему теченію р. Ліяхвы, 3) по теченію р. Ксанги и 4) по теченію Арагвы, причемъ осетинскія поселенія, ближайшія къ устьямъ послѣднихъ притоковъ Куры, были перемѣшаны съ поселеніями грузинскими. Ограниченные, съ вступленіемъ русскихъ въ Грузію, въ своей власти надъ

*) VII т. Акт. Кавк. Арх. Комм. 302.

населеніемъ своихъ районовъ, второстепенные владѣтели-феодалы старались возбуждать противъ русскихъ туземное населеніе, распространяя вѣсти и слухи, настолько возмущавшіе его національныя чувства и привычки, напр., о солдатчинѣ, что оно предпочитало отстаивать прежнія условія своего быта и не поддаваться русскому влиянію. При такомъ постоянномъ возбужденіи умовъ населенія мало-помалу уничтожилось первоначальное расположеніе осетинъ въ русскимъ, и бывшіе притѣснители феодалы стали являться въ ихъ смутныхъ представленіяхъ о совершавшихся событіяхъ какъ руководители въ добру. Особенно воспріимчивы въ воззваніямъ и подстрекательствамъ противъ русскихъ были осетины верхнихъ горныхъ ущелій, жившіе до прибытія русскихъ, какъ мы сказали, безъ всякихъ понятій „о гражданскомъ бытѣ“, т. е. въ примитивной личной свободѣ и независимости. Забираясь въ ихъ глухіе, недоступные районы отъ преслѣдованія русскихъ, бунтарь-царевичи формировали изъ верхне-горныхъ осетинъ отряды и шайки и высылали ихъ и противъ русскихъ войскъ, и противъ туземнаго населенія, заявлявшаго преданность русской власти. Подобное возбужденіе тѣмъ легче распространялось между населеніемъ, что подстрекатели, понявъ большое мѣсто первоначальной и послѣдующей системы русскихъ дѣйствій, обѣщали населенію полную свободу отъ всякихъ крѣпостныхъ обязательствъ. Но и помимо опредѣленныхъ причинъ въ возмущеніямъ и недовольству русскими, помимо подстрекательства, недовольство это являлось неизбѣжно, какъ результатъ общаго разстройства въ краѣ, общей неопредѣленности его политическаго существованія. То самое устройство, которое въ русской административной системѣ считалось тогда залогомъ порядка и добра—закрѣпленіе сельскаго населенія, отдача его, по словамъ графа Паскевича, „на произволъ помѣщиковъ“, не могло,

вонечно, казаться населенію достаточно легальнымъ для принятія его съ добрыми чувствами. Таково было положеніе дѣлъ въ грузинской Осетіи, когда въ 1801 г. манифестъ Императора Павла I извѣстилъ все населеніе Грузіи о присоединеніи ея къ составу единовѣрной ея покровительницы—Россійской имперіи. Присоединеніе это было, такъ сказать, ознаменовано знакомъ Высочайшаго благоволенія русскаго Монарха къ новой странѣ: государь возвратилъ Грузіи одну изъ ея историческихъ національныхъ драгоценностей, хранившуюся въ русской столицѣ съ перваго овладѣнія русскими Закавказья, — виноградный крестъ Св. Нины, связанный ея волосами. Крестъ этотъ былъ торжественно встрѣченъ на границѣ Грузіи всѣми высшими духовными и свѣтскими сановниками ея и, въ сопровожденіи ихъ, отнесенъ на храненіе въ Мцхетъ, древнюю столицу Грузіи.

Одновременно съ этими событіями за Кавказскимъ хребтомъ, въ сѣверной Осетіи постепенно приводилась въ исполненіе защита осетинъ отъ враждебныхъ дѣйствій со стороны ихъ старыхъ враговъ—кабардинцевъ. Сдерживаемые въ своемъ джигитскомъ разгулѣ страхомъ русскихъ наказаній, кабардинцы тѣмъ не менѣе иногда, подь шумокъ тѣхъ или другихъ событій, отваживались нападать на осетинскія поселенія и грабить ихъ. Въ 1800 г., напр., партія изъ 300 кабардинцевъ, „руководствуемая нѣкоторыми молодыми людьми и непостоянными ихъ владѣльцами, изъ зависти, родившейся давно въ нихъ отъ распространенія въ Осетіи греческаго исповѣданія“ *), сдѣлала наѣздъ на осетинскій Каражаевъ аулъ, въ которомъ незадолго предъ этимъ была построена церковь. Аулъ этотъ былъ временною резиденціею пристава, заправлявшаго покореннымъ райономъ ближайшихъ горскихъ поселеній, съ небольшою командою казаковъ въ 20 челов.; былъ тамъ и постоянный священ-

*) Акты Кав. Арх. Ком. т. I, стр. 717.

награждали волонтеровъ деньгами и подарками. Въ одномъ изъ центральныхъ ущелій Осетіи (Заквскомъ) два такихъ рассказчика показывали намъ даже вещественныя доказательства этого „добраго стараго времени“,—времени подарковъ и быстрого обогащенія отъ одной только преданности русскимъ: сундукъ средней величины, въ которомъ, по словамъ рассказчика, дѣдъ его привезъ русскія деньги, и объемистый мѣдный котель—конусъ въ $2\frac{1}{4}$ арш. выс., $1\frac{3}{4}$ —шир., вмѣщающій въ себѣ 72 ведра пива; котель этотъ, сбитый гвоздями изъ мѣдныхъ продолговатыхъ ($\frac{1}{2}$ арш.) трапецій и проданный позднѣйшимъ его наслѣдникомъ за 600 р. сер., былъ въ свое время сдѣланъ изъ мѣдныхъ денегъ—тоже награды за преданность.

Не смотря, впрочемъ, на сочувствіе сѣверныхъ осетинъ русскимъ, проявлявшееся въ разнообразныхъ формахъ, русское вліяніе не распространялось на нихъ дальше простаго покровительства и поощренія; русскіе, напр., административные порядки, въ формѣ пристава съ неопредѣленной ролью полу-начальника, полу-агента въ случаяхъ привлеченія осетинъ въ русскій районъ, касались только ближайшихъ къ военно-пограничной „Кавказской линіи“ поселеній. И такое положеніе дѣлъ сопровождало даже и тотъ періодъ дѣйствія русскихъ за Кавказскимъ хребтомъ, когда тамъ, вслѣдъ за объявленіемъ манифеста о присоединеніи Грузіи, начали вводиться довольно прочные и отчетливые порядки: Верховное грузинское правительство, образованіе изъ Грузіи одной губерніи, съ раздѣленіемъ ея на 2 провинціи и съ дальнѣйшимъ дѣленіемъ провинцій на уѣзды *). Обстоятельство это, по всей вѣроятности, отчасти зависѣло отъ того, что тогдашнихъ военныхъ и административныхъ силъ Кавказскаго края не хватало на равномерное водвореніе порядковъ и на южномъ, и на сѣверномъ склонахъ

*) I т. Алт., стр. 411.

хребта. Какъ на южномъ, такъ и на сѣверномъ склонѣ наиболѣе расположенные къ русскимъ осетины были окружены съ разныхъ сторонъ населеніемъ, настроеннымъ во всякое время къ возмущеніямъ; такими были въ первомъ случаѣ частью татарскія племена, частью другіе народцы въ сѣверо-западномъ углу тогдашней Грузіи, Ахалцихскомъ районѣ и др. мѣстахъ,—они подстрекались почти постоянно къ возмущеніямъ или турецкими, или персидскими агентами; во второмъ случаѣ среду для постоянной праттени подстрекаательства со стороны турецкихъ шпионовъ представляли преимущественно кабардинцы. Начинаясь гдѣ-нибудь вдали отъ русскаго надзора систематическимъ заговоромъ или какого-нибудь грузинскаго царевича, поддерживаемаго въ своихъ проискахъ персидскою помощью, или кабардинскаго владѣльца, возбужденнаго со стороны турецкаго агента-фанатика обѣщаніемъ скорого прибытія на Кавказъ турецкихъ войскъ, враждебное волненіе, охватывая магометанскій районъ вновь покоренной страны, нерѣдко проникало и въ среду осетинъ-христіанъ. Особенныя трудности по водворенію порядковъ представляли случаи возмущенія осетинъ-магометанъ по ущельямъ р. Терека—Военно-грузинской дороги. Затрудняя, а иногда прекращая и безъ того трудное сообщеніе сѣвернаго Кавказа съ южнымъ, они нерѣдко ставили русскихъ въ такое критическое положеніе, гдѣ всѣ распоряженія надо было сводить къ одной цѣли—какъ-нибудь „продержаться“ въ новомъ чраѣ до помощи изъ Россіи. А возмущенія и вообще болѣе или менѣе враждебныя дѣйствія осетинъ Военно-грузинской дороги составляли почти постоянную, такъ сказать, бытовую кайму этого важнаго района. Впрочемъ, благодаря преданности русскимъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ представителей населенія Военно-грузинской дороги и между ними въ особенности грузинскаго владѣтеля Гавриіла Казбека, жившаго на границѣ владѣній грузино-осе-

тинскихъ, ингушскихъ и друг., враждебное возбужденіе этого населенія значительно умалилось его примирительнымъ вліяніемъ. Въ числѣ лицъ, оказавшихъ въ это время также большую услугу русскимъ, былъ осетинъ Батія Бидаровъ, поселившійся еще до перехода русскихъ чрезъ хребетъ въ Кайшаурской долинѣ на р. Бѣлой. Живя по дорогѣ изъ Грузіи въ Россію, онъ постоянно помогаль проходившимъ войскамъ, транспортамъ и частнымъ лицамъ въ трудностяхъ пути, или указывая имъ дорогу, или давая у себя пристанище во время остановокъ. Его полезная дѣятельность нашла для себя поощреніе сначала въ грузинскомъ царѣ Иракліи, а послѣ въ ген. Кноррингѣ, главноуправляющемъ Грузією: первый грамотою въ 1764 г. опредѣляль выдавать Батіи Бидарову ежегодно по 18 штукъ бязи и также „провьянту съ поборовъ Арагвы выдавать ежегодно“, а послѣдній далъ свидѣтельство, „что назначенное ему отъ царя грузинскаго Георгія XII ежегодное жалованье деньгами 50 р., пшеницы 50 кодь, ячменя 50 кодь вмѣстѣ съ другими выгодами имѣеть быть продолжаемо“ *). Со времени присоединенія Грузіи, съ 1801 г., необходимость государственныхъ сношеній Грузіи съ Россією привела кавказское начальство въ усиленнымъ заботамъ объ устройствѣ постоянной болѣе или менѣе правильной почты и пути чрезъ хребетъ. Въ это время „Кавказская линія“ тянулась уже у сѣверной подошвы горъ. Здѣсь, въ самомъ началѣ ущелья Военно-грузинской дороги построено въ 1767 г. небольшое укрѣпленіе, бывшее до того передовымъ наблюдательнымъ пикетомъ для конныхъ очередныхъ разъѣздовъ, — Владикавказъ. Такіе наблюдательные пикеты и небольшія укрѣпленія съ командами казаковъ и солдатъ были разставлены по протяженію горныхъ ущелій Военно-грузинскаго пути; они служили для охраненія и вообще поддержки со-

*) I т. Авг. стр. 527.

общеній Грузіи съ Россією. Болѣе или менѣе правильной почты съ частной корреспонденціей тогда не было. Казенные пакеты и посылки отправлялись съ верховыми посылными до сел. Казбекъ, на границѣ Грузіи, и сдавались „мурову или капитанъ-исправнику“ Гавріилу Казбеку; послѣдній же отправлялъ ихъ дальше или съ благонадежными случайными, или съ специально подысканными для этого людьми. Частныя лица, особенно купцы съ товарами, обыкновенно отправлялись или многочисленными вооруженными группами, или примыкали къ какому-нибудь казенному транспорту съ конвоемъ. Между Балтой и Дарьяломъ всѣ частныя путники должны были останавливаться для уплаты за себя пошлины туземнымъ владѣльцамъ этого района. Пошлина эта представляла какъ-бы еще древне-историческое право обитателей этого ущелья. Въ описываемое время она состояла—не менѣе какъ изъ 10 р. съ каждаго купца и 35 к. съ поселянина. Иногда, при случаяхъ благопріятныхъ для владѣльцевъ, она, конечно, увеличивалась до размѣровъ, которые указывались личнымъ вдохновеніемъ и благопріятными для взысканія условіями—богатствомъ путниковъ, отсутствіемъ вблизи русскихъ командъ, которыя бы могли оказать помощь притѣсняемымъ усиленными поборами, и т. п. Пошлина эта была установлена владѣльцами Дарьяльскаго ущелья еще задолго до прихода русскихъ и, практикуемая въ размѣрахъ 10 р. съ купца и 35 к. съ крестьянина, считалась какъ-бы законнымъ вознагражденіемъ владѣльцевъ ущелья за ихъ заботливость о сравнительныхъ удобствахъ Дарьяльскаго пути.

Въ 1801 г. русскія власти предложили владѣльцамъ Дарьяльскаго ущелья, заселеннаго частью осетинскаго племени—тагаурскимъ обществомъ, построить на своемъ районѣ 30 мостовъ, съ платою за каждый по 30 руб. Получивъ согласіе отъ 10 семей тагаурскаго общества, майоръ

Савельевъ, распорядившись этимъ дѣломъ, завершилъ его съ ними контрактомъ съ подробнѣйшими условіями и относительно пользованія мостами, и относительно ихъ исправнаго содержанія. Депутатами по заключенію контракта, надо полагать, — перваго нотаріальнаго акта въ Кавказскихъ горахъ, были со стороны тагаурцевъ: Кайтуко Багиреевъ, служившій въ русской службѣ въ чинѣ капитана, и старшина Девлетъ-Мурза-Колаковъ *). Условіями контракта, между прочимъ, ставилось: всѣмъ курьерамъ, почтамъ, казеннымъ вещамъ, служащимъ лицамъ проходить черезъ мосты „безостановочно и безвозбранно“, т. е. бесплатно, „исключая того, ежели кто изъ нихъ изъ-за подтвержденія начальства захочетъ подъ своимъ именемъ провезти купеческій товаръ, съ котораго пошлины получать мы издревле обыкли,—тогда пошлины съ того товара намъ брать не запрещать“. Охраненіе мостовъ отъ разоренія и порчи лежало также на обязанности тагаурцевъ, обусловливавшейся выдачею имъ ежегодно 100 р. на содержаніе караула и 25 р. на содержаніе аманата (заложника) отъ сосѣдей — кистовъ, чеченскаго племени, „дабы они разорять мостовъ не отваживались“. Контрактъ заканчивался условіемъ, что тагаурцы „за невыполненіе его повинны дать его превосходительству (ген. Кноррингу) отвѣтъ“. Соответственно этимъ мѣрамъ по установкѣ сообщенія Кавказской линіи съ Грузіею, для отправления казенныхъ посылокъ изъ Владикавказа въ Тифлисъ и Моздокъ были назначены опредѣленные дни. Къ сожалѣнію, дѣло это почти и закончилось своимъ хорошимъ началомъ: установленное въ одномъ районѣ, оно встрѣтило зловредныя препятствія изъ другаго. Одинъ изъ сонма „недовольныхъ“ грузинскихъ царевичей, Вахтангъ, владѣтель земли вблизи Военно-грузинскаго пути, старался возмутить осетинъ-тагаурцевъ и пресѣчь сообщеніе Кавказской линіи

*) I т. Акт., стр. 527.

съ Грузією. Слѣдствіемъ стараній Вахтанга было возобновленіе грабежей и нападеній по линіи Военно-грузинскаго пути. Ограничиваясь сначала отдѣльными небольшими случаями, они скоро перешли почти въ открытое возмущеніе всѣхъ туземцевъ, населявшихъ ущелья Военно-грузинскаго пути. Последнее было тѣмъ легче для царевича—бунтаря, что одновременно съ Вахтангомъ въ южной Осетіи дѣйствовали другіе возмутители изъ того же сонма „недовольныхъ“: Юлонъ, Парнаозъ и другіе. „Проѣзжая по Военно-грузинскому пути, рассказываетъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, командированный тогда на Кавказъ для развѣдыванія его горныхъ богатствъ,—я лишился важныхъ для меня горныхъ инструментовъ и могъ не иначе продолжать свой путь, какъ придвинувъ къ мосту, за которымъ тагаурцы возбраняли мнѣ оный хотѣли, изъ конвоя моего гренадеровъ съ прижнутыми штыками“ *). Подобные, хотя и враждебные, но сравнительно сдержанные „проступки“ тагаурцевъ, при малѣйшей возможности, переходили въ прямыя ожесточенныя нападенія. Даже самъ главнокомандующій ген. Кноррингъ, по разсказу гр. Мусина-Пушкина, желая наказать во время своего проѣзда изъ Тифлиса въ Моздокъ одного изъ тагаурскихъ владѣльцевъ, „нашелъ такое сопротивленіе, которое стоило ему нѣсколько человѣкъ убитыхъ и 18 раненыхъ гренадеровъ, а какъ коней его было недостаточно для выполненія предпріятія, то съ тѣхъ поръ недѣль на 5 было прекращено сообщеніе между Грузією и Кавказской линіей; нынѣ одинъ курьеръ былъ полученъ только потому, что онъ пропущенъ былъ тагаурцами въ свитѣ царевича Барата, возвращавшагося изъ Россіи“. Грабежами если не казенныхъ транспортовъ, то частныхъ лицъ и нападеніями если не на команды, то на тѣхъ же частныхъ проѣзжихъ

*) Ibid., стр. 396.

занимались не только прямо-враждебные русским осетины-тагаурцы, но и те, которые имѣли „русские чины и на шеѣ медали“. Особенно выдавался этимъ тагаурскій старшина Дударуво Ахметовъ. Для усмиренія его была послана рота солдатъ и 200 казаковъ, „которые большую часть его селенія превратили въ пепель и убили нѣсколько людей“. Впрочемъ, подобныя „репрессалии“ обыкновенно оказывали дѣйствіе, даже въ мѣстахъ своего непосредственнаго примѣненія, только до перваго удобнаго случая. Поэтому, для сообщенія репрессалиямъ большей обстоятельности и сдерживающаго, устрашающаго характера, русскія власти постоянно практиковали дополнительную мѣру—брали аманатовъ (заложниковъ) изъ наиболее вліятельныхъ фамилій и, отославъ въ Владикавказъ, Душетъ или Тифлисъ, держали ихъ тамъ подъ надзоромъ до замѣны другими аманатами. Впослѣдствіи эта практика аманатства получила особенно цѣлесообразное значеніе, благодаря обученію аманатовъ русской грамотѣ, отсылая ихъ для образованія въ Россію и т. п.

Одновременно съ рассказанными событіями волновалось и населеніе южной Осетіи, которое было возбуждаемо въ этому, какъ мы сказали, „недовольными“ царевичами: Юлономъ, Парнаозомъ и др. Но кромѣ этихъ прямыхъ бунтарей, были еще и цѣлыя группы ихъ родственниковъ, жившія хотя и подъ надзоромъ русскихъ властей, но тѣмъ не менѣе принимавшія воссоединеніе въ возмущеніяхъ передачею открытымъ недовольнымъ русскими распоряженіями денегъ и т. п. Въ періодъ этихъ смуть не малую услугу русскимъ властямъ по уговариванію и усмиренію этихъ бунтовавшихъ въ южной Осетіи лицъ оказалъ осетинскій дворянинъ Ялгудзе. Главнымъ центромъ какъ русскихъ властей по управленію южными осетинами, такъ и вообще района событій южной Осетіи, было сел. Цхинвалъ, по среднему теченію притока Куры—Ліяхвы. Получая постоянно изъ юж-

ной Осетии донесѣнія, что „осетинцы, подданные Грузіи, дѣлають большія неистовства“, главноуправляющій Грузіею приказалъ сдѣлать въ ихъ районѣ усиленную военную рекогносцировку подѣ общимъ начальствомъ полковника Симоновича; то же самое было предпринято въ сѣверной Осетии подѣ начальствомъ генер. Тучкова. Оба эти отряда, раздѣлившись на небольшія колонны, начали медленно подвигаться въ Осетию: первый со стороны ущелій Ляхвы и Ксанки, съ южной стороны края, а второй со стороны Военно-грузинскаго пути, съ восточной стороны края. Главное вниманіе ген. Тучкова было обращено на дѣйствія царевича Вахтанга, который „скитался съ мѣста на мѣсто“, возмущая осетинъ, жившихъ вблизи Военно-грузинской дороги, по верховьямъ рѣкъ Терека, Арагвы и отчасти Ксанки. Опасаясь, чтобы Вахтангъ, „бросившись на Казбекъ, не взбунтовалъ тагаурцевъ и тѣмъ не пересѣкъ вовсе коммуникацію“ по Военно-грузинской дорогѣ, ген. Тучковъ сосредоточилъ большую часть своего отряда вблизи мѣстечка Ананура, какъ пункта, чрезъ который Вахтангъ могъ пробраться къ тагаурцамъ. Одновременно съ этимъ въ Тифлисъ принимались мѣры надзора за родственниками Вахтанга и въ особенности за царицею Дарьею, которую подозрѣвали въ оказываніи помощи Вахтангу. Подобное же подозрѣніе пало и на Гавриіла Казбека, оказывавшаго до того времени значительное содѣйствіе русскимъ властямъ по сношенію Кавказской линіи съ Тифлисомъ. Въ виду такого подозрѣнія было „предписано исправнику Переяславцеву развѣдать о намѣреніяхъ Гавриіла Казбека, ибо какъ онъ во время управленія деревнями навлекъ на себя много неудовольствія жителей“, то послѣдніе изъ мести, конечно, „отероють о немъ самую истину“. И это считалось, по предписанію, тѣмъ болѣе удобнымъ, что Гавриілъ Казбекъ въ то время былъ въ Тифлисъ. Но прежде чѣмъ принять противъ Вахтанга рѣшительныя

военныя мѣры, главноуправляющій Грузією ген. Кноррингъ написалъ Вахтангу письмо, въ которомъ, какъ-бы не зная о его враждебныхъ намѣреніяхъ, обращался „съ просьбою о приказаніи кому слѣдуетъ изготовить въ земляхъ“ своего владѣнія „мосты чрезъ Терекъ, куда отправлены будутъ 3000 войскъ съ пушками“... „Я дѣйствительно много слышу, писалъ дальше ген. Кноррингъ: и на счетъ царственнаго дома, а наипаче предосудительнаго въ царицѣ Дарин... Время приблизить умы къ сознанію своихъ польвъ, и ваша свѣтлость, имѣя здравое разсужденіе, честныя правила изволите устраниться отъ дѣйствій...“ Получивъ въ отвѣтъ на свое письмо довольно требовательныя „пункты“, которыми Вахтангъ обусловливалъ свое согласіе на „примиреніе“ и возвращеніе въ Тифлисъ, ген. Кноррингъ, какъ видно по дальнѣйшимъ обстоятельствамъ, предоставилъ это дѣло дальнѣйшимъ случайностямъ блокады тѣхъ мѣстъ, гдѣ скитался Вахтангъ. Подобныя же „предупрежденія“ были дѣлаемы начальниками военныхъ отрядовъ и жителямъ района, гдѣ было возмущеніе. Такъ полк. Симоновичъ, пославъ чрезъ дворянина Ялгундзе и князя Мачабели въ районъ рѣкъ Ліяхвы и Пацы „объявленіе“ на русскомъ и грузинскомъ языкахъ, призывавшее жителей въ покорности и благоразумію, требовалъ немедленной присылки изъ каждой деревни „по три выбранныхъ изъ старѣйшихъ“, всѣхъ плѣнныхъ грузинъ и домашняго скота, который былъ захваченъ осетинами у своихъ сосѣдей—грузинъ до прихода русскихъ войскъ. Ближайшія селенія немедленно выслали требуемое; жители же ущелья Кешельты, въ верховьяхъ Пацы, близъ южнаго снѣговаго хребта, не только не выслали депутатовъ, но задержали посланнаго вк. Мачабели и приготовились къ защитѣ. Но когда полк. Симоновичъ, перейдя по трудной, едва проходимой дорогѣ чрезъ хребетъ Паро, неожиданно явился съ своимъ отрядомъ въ ихъ горномъ

ущельи, они немедленно смирились и дали „клятвенное обѣщаніе“, присягу на вѣрное и вѣчное подданство русской власти. Такимъ образомъ, благодаря энергіи и распорядительности полк. Симоновича, волненія въ верховьяхъ рѣкъ Ліяхвы и Пацы, доходившія раньше этого до убійства „наслѣдственнаго начальника“ этого района кн. Мачабели, грабежи грузинскихъ селеній, похищенія ихъ жителей для продажи въ рабство и т. п., утихли почти безъ всякаго кровопролитія. Не мало помогали этому дѣлу своимъ содѣйствіемъ, увѣщаніемъ жителей протопопъ Семень Гогобовъ и мѣстный моуравъ или приставъ-управитель Георгій Амилахвари. Получивши извѣстія о волненіяхъ въ другомъ районѣ, ближе къ Военно-грузинской дорогѣ, по рѣкамъ Арагвѣ и Малой Ліяхвѣ, полк. Симоновичъ также быстро перешелъ туда чрезъ снѣговой хребетъ Чвриви и, водворивъ тамъ спокойствіе, привелъ жителей къ присягѣ. Обезпечивая дальнѣйшій порядокъ по управленію всѣми этими жителями, Симоновичъ учредилъ тамъ для разбора спорныхъ дѣлъ и вообще завѣдыванія жителями гражданскій судъ изъ 2 князей (Туманова, Херхеулидзе), 6 старшинъ осетинскихъ и 6 грузинскихъ, писаря и священника, давъ имъ при этомъ значки-бляхи съ изображеніемъ вензеля государя. Жители обѣщали безпрекословно повиноваться суду, если только члены его, вышеприведенные „князья и есаулы“, будутъ хорошо обходиться съ ними, „брося прежнее свое обыкновеніе“. Помимо обѣщанія, для большей гарантіи спокойствія и послушанія, изъ среды жителей взято было 12 аманатовъ. Послѣдніе, впрочемъ, были скоро, по просьбѣ жителей, отпущены домой.

Одновременно съ этими событіями въ южной Осетіи жители центральныхъ горныхъ ущелій Заквессаго и Заромагскаго, заявляя Симоновичу о своей преданности русскимъ и христіанству и о своемъ желаніи присягнуть на

русское подданство, просили прислать имъ изъ Моздока священника для церковной службы и опытнаго человѣка для осмотра серебряной руды, находившейся въ одномъ изъ ущелій центральныхъ горъ. Симоновичъ приказалъ сдѣлать осмотръ этого района и доставить въ Тифлисъ образчики серебряной руды; личное же посѣщеніе ея по отдаленности и трудности пути, было для него отвлеченіемъ вниманія отъ болѣе настоятельныхъ интересовъ минуты. Такимъ образомъ въ то время, какъ южные осетины, озлобленные гнетомъ грузинскихъ помѣщиковъ, переносили отчасти свои чувства и на русскую власть, оставившую ихъ, по словамъ графа Пасевича, „на произволъ помѣщиковъ“, и представляли такимъ образомъ безпокойный элементъ, осетины центральныхъ ущелій составляли почти единственную твердую почву расположенія къ русскимъ въ хаосѣ волнений въ покоренномъ краѣ. Но особенно благодарную почву представляла эта группа населенія для возобновленія въ краѣ христіанства. „Мы всегда держали христіанство“, говорятъ теперь жители этихъ ущелій, „и у насъ никто изъ стариковъ не скажетъ, чтобы мы были когда-нибудь магометанами или другой вѣры“. Какъ, повидимому, ни малоосновательно или бездоказательно это замѣчаніе, но оно исполнѣ, такъ сказать, исторически вѣрно прежде всего потому, что населеніе центральныхъ ущелій, какъ района трудно доступнаго даже въ періодъ иноземныхъ вторженій, бывало подъ меньшимъ вліяніемъ нехристіанскихъ завоевателей Кавказа, чѣмъ населеніе другихъ мѣстъ, и поэтому сохранило въ сравнительной чистотѣ древнее насажденіе христіанства, по крайней мѣрѣ, христіанство временъ царицы Тамары. Въ половинѣ 1802 года спокойствіе, нарушенное царевичемъ Вахтангомъ, было восстановлено и, что всего важнѣе, восстановлено въ той части Осетіи, которая примыкаетъ къ Военно-грузинскому пути. Главный нарушитель

его, царевичъ Вахтангъ, предъявлявшій требовательные „пункты“ относительно примиренія изъ горной дали своего скитанія съ мѣста на мѣсто, былъ въ началѣ августа 1802 г. „вѣжливо пойманъ“ въ лѣсу и подѣ „дальнимъ“, но строгимъ карауломъ препровожденъ въ Тифлисъ. Этотъ благопріятный исходъ дѣла, судя по общему характеру тѣхъ возмущеній, гдѣ заправителями выступали „недовольные“ царевичи, былъ результатомъ того, что населеніе поняло крайнюю лживость всѣхъ подстрекательныхъ воззваній царевича къ бунту. Полудикое и, вдобавокъ къ этому, отуманенное, сбитое съ толку постоянными тревогами тогдашней жизни, населеніе это такъ же быстро подчинялось воззваніямъ къ порядку со стороны русскихъ властей, какъ быстро лѣзло въ омутъ противодѣйствій и возмущеній, съ ихъ результатами—избіеніемъ бунтарей, разореніемъ ихъ жилищъ и т. п. И когда эти репрессалии были чужды мстительной жестокости, когда они останавливались на тѣхъ фактахъ, хотя бы и справедливаго, но снисходительнаго наказанія, какіе примѣняются безпристрастною властью къ средѣ, виновной лишь по своему недоумію, тогда наказанное населеніе становилось уже неподатливымъ къ дальнѣйшимъ воззваніямъ бунтарей. Тѣ же „репрессалии“, которыя были чужды осмотрительной строгости и которыя только „нагоняли страху“, напр., тамъ, гдѣ населеніе и безъ того было забито своеволіемъ феодалной власти, всегда были, очевидно, въ ущербъ высшимъ истинно-государственнымъ цѣлямъ исправленія и умиротворенія. Примѣняемая, напр., къ тѣмъ группамъ населенія, которыя были, такъ сказать, разочарованы новыми событіями въ смыслѣ выше намѣченныхъ замѣчаній графа Паскевича, подобныя репрессалии, хотя и устрашали, но вмѣстѣ съ тѣмъ, являясь какъ-бы несправедливою жестокостью, возбуждали въ населеніи сначала неуваженіе, а потомъ и ожесточеніе къ силѣ, производившей эти репрессалии. Отъ этого,

при малѣйшей свободѣ дѣйствій, при малѣйшемъ ослабленіи мѣръ утрашенія, большинство вновь покоренныхъ осетинъ южнаго склона быстро воспламенялось враждебными дѣйствіями при первомъ подстрекательствѣ какого-нибудь „скитающагося“ царевича, при первомъ слухѣ о нежелательной административной мѣрѣ.

Возмущенія, произведенныя въ южной и восточной частяхъ Осетіи „недовольными“ царевичами, естественно отразились на разстройствѣ и экономическаго, и мѣстно-общественнаго порядка этого района. Такъ какъ причиною бунтовъ нерѣдко бывало недовольство населенія крѣпостною зависимостью отъ грузинскихъ феодаловъ-помѣщиковъ, то и послѣдствіемъ ихъ было то, что крестьянское дѣло привлекло на себя административное вниманіе прежде другихъ дѣлъ по устройству порядковъ въ краѣ. Послѣднее было тѣмъ неизбежно, что крестьянское дѣло представляло по отношенію къ осетинамъ весьма вѣскіе поводы къ волненіямъ и неудовольствію. До прихода русскихъ въ Грузію, въ періодъ ея междоусобиць, нѣкоторые изъ феодаловъ-князей, за свои возстанія противъ грузинскихъ царей, были лишены послѣдними своихъ феодальныхъ участковъ. Хотя лишенія эти, въ виду маловластія царей, иногда ограничивались только грозными указами, не выходившими, по малочисленности исполнителей царской воли, за районъ царской резиденціи, тѣмъ не менѣе, при случаѣ, они давали крестьянамъ весьма законныя права на освобожденіе себя отъ власти помѣщиковъ-феодаловъ. Когда же начали вводиться русскіе порядки, нѣкоторые изъ опальныхъ феодаловъ вновь получили свои участки. Вступая во владѣніе своими участками и претендуя на крѣпостную подчиненность себѣ крестьянскаго населенія, феодалы встрѣчали нерѣдко съ его стороны протесты, переходившіе, при соответственныхъ обстоятельствахъ, въ открытыя возмущенія. Послѣднія тѣмъ болѣе принимали

острый, враждебный характер, что многие из феодалов предъявляли къ своимъ крестьянамъ права неограниченнаго произвола и своеволия. Однимъ изъ такихъ районовъ, гдѣ возмущенія обставлялись высказанными обстоятельствами, было Ксанское эриставство (губернаторство). Такъ какъ во времена грузинскихъ царей отдѣльные районы царства въ большинствѣ случаевъ управлялись царскими чиновниками наследственно, то съ теченіемъ времени изъ управителей (эриставовъ) этими районами образовался контингентъ владѣтелей, которые были зависимы отъ царской воли только въ дѣлѣ назначенія „на мѣста“, въ дѣлѣ же управленія своими участками были вполне самостоятельны. При ослабленіи царской власти, многие изъ эриставовъ, обособляясь отъ общегосударственной зависимости, являлись такимъ образомъ самостоятельными феодалами. Пользуясь подобными условіями, Ксанскіе эриставы начали „производить злодѣянія“*), раздѣливъ свое эриставство и ссорясь между собою. Царь Ираклій, видя, что они „вмѣсто выполненія приказаній отвратили отъ царя осетинцевъ Гвидійской волости“, лишилъ ихъ эриставства. Съ наступленіемъ же русскаго владычества, Ксанскіе эриставы, понявъ русскую систему покровительства вліятельному контингенту туземнаго населенія, выхлопотали себѣ возвращеніе правъ на Ксанскій районъ. Последнее, какъ мы сказали, было частнымъ случаемъ того, что графъ Паскевичъ называлъ оставленіемъ осетинъ на „произволь помѣщиковъ“ и признавалъ причиною ихъ возмущеній. Впрочемъ, не всѣ изъ опальныхъ феодаловъ получали свои участки: помимо представленія существенныхъ доказательствъ на права по владѣнію—грамотъ грузинскихъ царей и т. п., это полученіе зависѣло еще отъ фактовъ большей или меньшей преданности русскимъ, особенно въ первый періодъ ихъ появленія въ Грузіи. Одновременно съ разда-

*) 1 т. Акт., стр. 500.

чею такихъ районовъ мѣстная администрація должна была удовлетворять претензіи членовъ царскаго дома на получение постоянныхъ ресурсовъ къ своему содержанію; такими ресурсами были прежде всего участки земель съ крестьянскимъ населеніемъ, частью принадлежавшіе имъ съ давнихъ временъ, частью составленные изъ свободныхъ земель. Кромѣ этихъ случаевъ, въ числѣ владѣтелей были монастыри и церкви, получившіе свои участки разновременно, въ качествѣ религиозныхъ приношеній.

Соотвѣтственно этимъ тремъ группамъ владѣтелей, въ началѣ 1802 года въ южной Осетин было приблизительно намѣчено и утверждено въ опредѣленномъ состояніи около 25 сель съ осетинскимъ и частью съ грузинскимъ населеніемъ; изъ нихъ 16 (Лило, Дзвелети, Свери, Эредви, Корди, 3 Медржиси, Дзевера, Кирбали, Боршати, Сакоринтло, Чала, Ломис-вана Мчадиси-джвари, Мухрани) принадлежали помѣщикамъ и частью членамъ грузинскаго царскаго дома; 9 сель (Хромис-цваро, Икоти, Дчурти, Чамури, Цкрадзиси, Гуда-осни, Трусохеобимна, Копи-Ачхоти, Сартисчала)—частью церквямъ и монастырямъ (2), частью членамъ царскаго дома.

Такимъ образомъ судьба южныхъ осетинъ была совершенно обособлена отъ судьбы ихъ сѣверныхъ сородичей на цѣлыя 70 лѣтъ, пока надъ ними тяготѣлъ гнетъ крѣпостной зависимости. Это обособленіе, естественно, обуславливалось съ одной стороны тѣсною, односторонностью интересовъ крѣпостнаго населенія, возвращавшагося лишь на привязи помѣщичьей воли, а съ другой—боязнью, нерасположеніемъ свободного человѣка къ объединенію своихъ интересовъ, особенно родства и свойства, съ интересами крѣпостнаго. Такимъ образомъ, въ интересахъ тѣхъ и другихъ, очевидно, не могло существовать одного изъ главнѣйшихъ условій ихъ объединенія и поддержки національнаго един-

ства—отношеній брачныхъ и, какъ результата ихъ, цѣлой системы отношеній родственныхъ. Съ утвержденіемъ южныхъ осетинъ въ крѣпостномъ состояніи, административное управление ими было поручено самимъ же помѣщикамъ. Въ то время, какъ первые ближайшіе администраторы сѣверныхъ осетинъ—приставъ и его помощникъ—получали содержаніе казенное, относительно приставовъ-моуравовъ южныхъ осетинъ было сдѣлано распоряженіе, что они могутъ остаться безъ содержанія и пользоваться имъ отъ своихъ моуравствъ „съ крайнею умѣренностью“. Въ 1802 г. на мѣсто генераль-лейтенанта Кнорринга, смѣненнаго за „слабость“ по управленію Грузіею, главноуправляющимъ ея былъ назначенъ князь Циціановъ. Вступивъ въ управленіе краемъ, новый главноуправляющій, по его словамъ, *) нашелъ въ немъ весьма много какъ административныхъ безпорядковъ, такъ и самоуправства лицъ, злоупотреблявшихъ своимъ служебнымъ положеніемъ (какъ, напр., увозъ маіоромъ Вершиннымъ дочери вдовы царевича Вахтанга). Заботясь объ удовлетвореніи претензій членовъ грузинскаго царскаго дома, кн. Циціановъ продолжалъ начатое его предшественникомъ выясненіе ихъ расширеніемъ за владѣтелями царевичами и помѣщиками правъ на разные участки. Въ это время южная крѣпостная Осетія составляла 4 „удѣла“, принадлежавшихъ царевичамъ: Вахтангу, Іоанну, Баграту и Юлону, и нѣсколько мелкихъ помѣщичьихъ участковъ. Во владѣніи царевичей было по вѣдомости „объ удѣльныхъ участкахъ, принадлежащихъ членамъ царственнаго дома Грузіи“ 607 дымовъ съ 3,860 душъ населенія (2,152 мужч. и 1,708 женщ). Все это населеніе было обложено податями въ такихъ размѣрахъ, которые предполагаютъ или особое матеріальное благосостояніе жителей, или требовательность владѣтелей. Такъ напр., съ деревни въ 7 дымовъ, имѣвшей по

*) П т. Арт., № 14.

общей характеристикѣ „вѣдомости“ земли неудобныя, взялось 9 барановъ, сыру, масла и т. п. на 36 руб.; съ деревни въ 15 дымовъ, имѣвшей, повидимому, лучшія обезпеченія, взялось ежегодно 12 барановъ, на 3-й годъ по 12 коровъ, 15 барашковъ къ „свѣтлому празднику“ на 25 р. Вся сумма этихъ доходовъ, по приказанію кн. Циціанова, тщательно записывалась въ „вѣдомости объ удѣлахъ“ и была обособлена отъ суммы обще-грузинскихъ государственныхъ доходовъ.

Такъ какъ члены грузинскаго царскаго дома, недовольные русскимъ владычествомъ, постоянно интриговали противъ русскихъ порядковъ, то князь Циціановъ, послѣ усиленныхъ хлопотъ по усмиренію, соглашенію и удовлетворенію претензій недовольныхъ, вынужденъ былъ, наконецъ, отправить ихъ въ Россію. Самое путешествіе „такихъ особъ числомъ 15“ *) обставлено было значительными затрудненіями, особенно по протяженію Военно-грузинской дороги. Впрочемъ, благодаря особой заботливости, особенно по доставкѣ съѣстныхъ припасовъ, путешествіе это было совершено даже въ самыхъ неудобныхъ мѣстахъ вполне благополучно.

Другою заботою князя Циціанова было устройство Военно-грузинскаго пути. Вслѣдствіе возмущеній предыдущаго года всѣ прежнія мѣропріятія по этому дѣлу не привели ни къ какимъ результатамъ; тагаурцы продолжали по прежнему иногда грабить и обижать проѣзжихъ, затрудняя сообщеніе даже и по государственнымъ надобностямъ. Пошлину же съ частныхъ лицъ они нерѣдко увеличивали до 70 р. съ одного человѣка—до размѣровъ, такъ сказать, полуграбежа. Какъ и въ прежніе годы, заботамъ кн. Циціанова по устройству сообщенія въ описываемое время весьма много содѣйствовалъ грузинскій дворянинъ Казбекъ;

*) П т. Акт. № 159.

поощряя его дѣятельность, князь Циціановъ выхлопоталъ ему чинъ маіора. Проѣзжая по Военно-грузинской дорогѣ, кн. Циціановъ всегда старался показать Казбеку „всяческія обласканія и предпочтенія“; однажды, напр., онъ сказалъ бывшимъ тамъ тагаурцамъ „шуточнымъ тономъ, что Казбекъ будетъ ихъ начальникомъ, и чтобы они не стрѣляли въ русскихъ“, полагая, что на тагаурцевъ „сіе успѣшно дѣйствовало“. Впрочемъ, для обезпеченія сообщеній были принимаемы и другія мѣры: въ мѣстечкѣ Балтѣ, при началѣ ущелій Военно-грузинской дороги съ сѣвера, князь Циціановъ приказалъ построить редутъ и вооружить его 2 мортирами, чтобы „метать бомбы въ трудно-доступныя жилища тагаурцевъ“; кромѣ того, „для содержанія въ страхѣ осетинцевъ“, князь предписывалъ старательно поддерживать Владикавказскую крѣпость. И вообще, наряду съ „обласканіями и предпочтеніями“, по обезпеченію порядка принимались и военно-предупредительныя мѣры. Впрочемъ, дальнѣйшія событія указали, что къ этимъ видамъ мѣропріятій, къ этому условію порядка и предупрежденія бунтовъ необходимо было ввести еще и другое условіе—контроль надъ мѣропріятіями, уже формально существовавшими. По устройству порядковъ въ южной Осетіи недостатокъ этого условія обнаруживался прежде всего въ томъ, что контроль, напр., по взиманію приставами—моуравами съ своихъ крестьянъ разныхъ сборовъ ограничивался однимъ предупрежденіемъ о „крайней умѣренности“, приведшей къ возмущеніямъ.

Первымъ болѣе замѣтнымъ актомъ возмущенія было собраніе недовольныхъ жителей близъ мѣст. Ананура, представлявшаго центръ возмущившагося района. Толпа бунтовщиковъ, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 1000 человекъ, начала съ того, что перехватила русскихъ курьеровъ, везшихъ бумаги, убила нѣсколько человекъ казачьей команды, охранявшей безопасность движенія въ этомъ районѣ, и

произвела вообще множество других преступлений и беспорядковъ. Въ общей смутѣ, охватившей въ это время населеніе Военно-грузинскаго пути, болѣе удаленное отъ русскихъ войскъ, вѣрными русской власти остались лишь осетинныя селенія Казбекскаго. Одновременно съ волненіями въ мѣстахъ по теченію р. Арагвы и верховьямъ р. Терека, началось возмущеніе и въ южной Осетинѣ по теченію рр. Ліяхвы, Ксанки и др. По примѣрамъ предыдущихъ возмущеній, главными ихъ руководителями и, такъ сказать, объединителями были двое изъ недовольныхъ грузинскихъ царевичей—Александръ и Парнаозъ. Средствомъ къ возбужденію въ жителяхъ враждебныхъ чувствъ къ русскимъ въ рукахъ царевичей-бунтарей было распространеніе слуховъ о такихъ правительственныхъ мѣрахъ, которыя бы казались жителямъ жестокими и нестерпимыми, какъ напр., о солдатчинѣ, выселеніи изъ родины и т. п. Такъ, въ данномъ случаѣ подобными средствами царевичи взбунтовали не только населеніе описываемаго района, но и всѣхъ окрестныхъ туземцевъ. Подробности этого возмущенія состояли изъ такихъ, напр., случаевъ. Толпа бунтовщиковъ, пришедши въ селеніе, гдѣ жилъ дворъ Казбекъ, потребовала отъ него „русской казны въ нѣсколько милліоновъ“ и немедленнаго изгнанія 29 человекъ русской команды, находившейся въ сел. Казбека для работъ и наблюденій за Военно-грузинской дорогой. Въ случаѣ отказа бунтовщики грозили убить Казбека и разорить его домъ. Но Казбекъ „твердо отказался измѣнить присягѣ“ и заперся съ командой въ укрѣпленіяхъ своего дома. Бунтовщики заняли селеніе Казбека; большая часть жителей вынуждена была повиноваться имъ, только 3 дома Казбекской фамиліи, запершіеся съ командою въ башнѣ, рѣшились сопротивляться до послѣдней крайности. Началась стрѣльба и осада, но безъ особаго успѣха и вреда для осажденныхъ. На другой день утромъ къ бунтовщикамъ яви-

лось подкрѣпленіе—300 осетинъ, подъ предводительствомъ „разбойника“ Дударуко, а за нимъ еще партія тагаурцевъ, сосѣднихъ кистовъ и др., такъ что вокругъ осажденныхъ образовался сильный отрядъ въ три тысячи человекъ. Пополудни бунтовщики, очевидно, руководимые одною властью, дали другъ другу клятву—противодѣйствовать русскимъ до послѣдней возможности; одни только хевсуры, сосѣди осетинъ, „не входя ни во что, подвинулись предъ замокъ, ожидая только добычи“. Пользуясь ихъ бездѣйствіемъ, Казбекъ старался убѣдить хевсуръ, чтобы они не приставали къ остальной толпѣ бунтовщиковъ, а приняли сторону осажденныхъ. Возваніе Казбека осталось однако безуспѣшнымъ. Трехтысячная толпа, повончивъ свои совѣщанія и клятвы, окружила башню, гдѣ были осажденные, и громкими криками требовала отъ нихъ, чтобы тѣ впустили къ себѣ для переговоровъ почетныхъ старшинъ собравшейся толпы. Сознавая свое безсиліе и надѣясь на благопріятный исходъ переговоровъ, осажденные склонились на грозныя требованія толпы и впустили къ себѣ ея депутатовъ. Вошедши къ осажденнымъ, старшины-депутаты забрали все имущество русской команды, отъ шанцевыхъ инструментовъ до одежды и амуниціи, причемъ осажденнымъ было оставлено лишь „что прикрываетъ наготу“, а потомъ раздѣлили всю эту добычу на 4 части, по числу группъ, изъ которыхъ состояла толпа. Команду же съ начальниками ея инж.-пор. Лошкаревымъ и пор. Лѣсниковымъ бунтовщики порѣшили немедленно удалить или во Владикавказъ, или въ Грузію. Получивъ секретное сообщеніе отъ преданныхъ лицъ толпы о зломъ умыслѣ противъ русскихъ со стороны нѣкоторыхъ тагаурцевъ, Казбекъ уговорилъ хевсуровъ взять часть русскихъ съ собою въ Грузію, а остальныхъ оставилъ у себя. Взявъ съ собою часть русскихъ, хевсуры передали ихъ дорогою мтіулин-

цамъ, сосѣдямъ тагаурцевъ. Въ обезпеченіе безопасности русскихъ у этихъ новыхъ покровителей, хевсуры сочли необходимымъ взять у нихъ нѣсколько аманатовъ, т. е. заложниковъ. Впослѣдствіи всѣ солдаты, казаки и офицеры, какъ разобранные горцами по домамъ, такъ и оставшіеся подъ покровительствомъ Казбека, были выручены изъ своего полу-плѣна выкупомъ и угрозами безъ особенныхъ затрудненій.

Этотъ случай въ ряду тогдашнихъ возмущеній, когда возмутители выпускали русскихъ на свободу, довольствуясь лишь скромной контрибуціей—шанцевыми инструментами и обносками съ солдатскихъ плечъ, въ то время какъ были всѣ благопріятныя условія и для поступковъ вполне враждебныхъ, очевидно, указываетъ, что возмущенія туземцевъ не всегда были крайне враждебными и не всегда вызвали необходимость строгихъ военныхъ мѣръ. Даже въ болѣе враждебномъ проявленіи эти возмущенія состояли въ безпорядочныхъ, плохо организованныхъ сборищахъ, разбѣгавшихся при первомъ натискѣ русскихъ отрядовъ и высланныхъ, при первой неудачѣ, своихъ депутатовъ съ заявленіями преданности и покорности русской власти. Еще слабѣйшею организаціею, отсутствіемъ фанатизма и, такъ сказать, примитивною наивностью отличались враждебныя дѣйствія осетинъ, жившихъ въ нѣкоторой удаленности отъ центровъ, гдѣ „скитались“ главные руководители возмущеній, въ верхнихъ ущельяхъ южнаго склона. Вотъ, напр., одинъ изъ тѣхъ характерныхъ случаевъ, какими сопровождалось первое занятіе русскими этого края. 1803 г., 19 іюня „капитанъ-исправникъ“, назначенный управлять туземцами южнаго склона, объѣзжая съ военною командою свой районъ для открытія обывательскихъ поселеній, водворенія порядковъ и т. п., увидѣлъ, что изъ сел. Земобали „нѣсколько осетинцевъ выбѣжали въ поле“. На вопросъ капитанъ-

исправника у другихъ жителей этого селенія— „зачѣмъ оныя выбѣжали, отвѣтствовано, что не видѣли никогда русскихъ и испугались“. Объявивъ убѣжавшимъ черезъ посланныхъ, что онъ прибылъ къ нимъ „только для описанія, которое, начавши, и дѣлалъ“, капит.-исправникъ, въ виду наступившаго вечера, направился къ бѣглецамъ съ своею командою; „они же противъ казаковъ приложились было ружьями стрѣлять, но вдругъ егеря, стылу забѣжавшіе, закричали на нихъ и они, устрасаясь, побѣжали къ селенію, а нѣкоторые на горы; изъ нихъ поймано было болѣе 2 семействъ“. „Хотя они и отзывались“, рапортовалъ потомъ капит.-исправникъ объ этомъ случаѣ, что „бѣжали отъ страха, но по сомнѣнію, что остальные не бѣжали, были арестованы“... Подобные случаи враждебнаго настроенія, очевидно, указываютъ, что за нимъ не было той остроты и фанатичности, которыя объединяютъ населеніе, особенно полудикое, какимъ были обитатели верхне-горныхъ ущелій,—въ группы, не разбѣгающіяся отъ одного только наивнаго страха, но упорно сопротивляющіяся въ виду даже неизбежной гибели. Какъ показалъ тогда опытъ и описываемыхъ, и послѣдующихъ годовъ, особую упорную враждебность къ русскимъ обнаруживало, въ періодъ занятія русскими вновь покореннаго края, населеніе магометанское. На южномъ склонѣ хребта оно было очень малочисленно и, встрѣчаясь лишь небольшими разединенными группами среди населенія, почитавшаго Христа и крестъ, такъ сказать, расплывалось въ немъ едва замѣтнымъ разнообразіемъ на общемъ фонѣ христіанскихъ религіозныхъ вѣрованій. Хотя вторженія въ Грузію магометанскихъ народовъ и давили по временамъ христіанство Грузіи, преимущественно среди населенія ея окраинъ, какъ въ описываемыхъ мѣстахъ, но это давленіе не оставляло особенно значительныхъ слѣдовъ уже потому, что грузинское христіанство, имѣя за собою историческую давность, слыш-

комъ глубоко укоренилось среди населенія, чтобы существенно пострадать отъ временныхъ вліяній. Осетины же не христіане сѣвернаго склона, какъ находившіеся подъ постояннымъ магометанскимъ вліяніемъ, въ своемъ противодѣйствіи русскимъ обнаруживали вообще болѣе острую, болѣе принципиальную враждебность. Враждебность эта въ особенности отъбняется тѣмъ обстоятельствомъ, что кожные осетины, какъ разочаровавшіеся въ русскихъ до послѣдней степени не только оставленіемъ, но какъ-бы и закрѣпленіемъ ихъ подъ властью помѣщиковъ, повидимому, имѣли болѣе поводовъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ русскихъ, чѣмъ осетины сѣверные. Послѣдніе, напр., съ приходомъ русскихъ если и потеряли какія-нибудь „права на существованіе“, то только права личной свободы на грабежи, воровство и вообще—права на граждански-безотвѣтственную разбойничью жизнь. Съ этой стороны, насколько русское господство явилось для южнаго христіанскаго населенія, по смыслу вышесказанныхъ замѣчаній графа Паскевича, оставленіемъ его на произволъ помѣщиковъ, или, иначе сказать, закрѣпощеніемъ въ рабствѣ, настолько же для населенія сѣвернаго—магометанскаго оно было только силой, сдерживавшей лишь одни его грубые инстинкты, одни лишь проявленія одичалости. Сила эта была тѣмъ болѣе благодѣтельна, что проявленія грубости и одичалости здѣсь сопровождались еще горячностью племеннаго характера, обострявшею, напр., даже простые случаи взаимныхъ несогласій въ кровавыя истребительныя боины и, можетъ быть, обусловливавшею, хотя отчасти, и историческую враждебную раздробленность населенія. Стѣснивъ вообще осетинъ-магометанъ, какъ хищниковъ, жившихъ лишь во имя узко-эгоистичныхъ частно-племенныхъ или семейныхъ интересовъ, русское господство тѣмъ не менѣе оставило ихъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ не только полноправными

гражданами государства, съ полной свободой вѣроисповѣданія, съ ихъ исторически сформировавшимся строемъ правовыхъ и имущественныхъ отношеній, поскольку они не вредили общему благоустройству, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ—гражданами, пользовавшимися особыми привилегіями, особымъ вниманіемъ власти. Но привычка къ хищничеству въ покоренномъ населеніи была уже настолько велика, что ограниченіе ея, въ особенности какъ привычки прокормленія, которую надо было замѣнить мирнымъ сельско-хозяйственнымъ трудомъ, возбуждало въ населеніи къ сдерживающей власти недобрія чувства.

Въ христіанскомъ населеніи это настроеніе въ своей враждебности не переходило дальше простаго „политическаго недовольства“. Судя по позднѣйшимъ примѣрамъ, оно состояло въ недовольствѣ, напр., привилегированнаго населенія—лишеніемъ правъ на жизнь и смерть своихъ подвластныхъ, всякаго сильнаго—лишеніемъ прежней свободы безконтрольных поступковъ надъ всякимъ слабымъ и т. п.; въ населеніи зависимомъ южнаго склона недовольство это, какъ мы выше сказали, состояло въ разочарованіи русскимъ господствомъ, прикрѣпившимъ его къ власти помѣщиковъ. Въ населеніи магометанскомъ враждебное настроеніе къ русскимъ, получивъ свое начало въ политическомъ недовольствѣ, значительно усложнялось религіозною рознью. Поэтому въ то время, какъ въ населеніи христіанскомъ политическое недовольство переходило въ рѣзкія формы враждебности только по временамъ, при стороннемъ подстрекательствѣ, въ населеніи магометанскомъ оно было всегда напряженнымъ и рѣзкимъ уже по одному тому, что составляло, такъ сказать, практическую бытовую подкладку религіознаго отчужденія магометанства отъ христіанства,—основное начало, съ которымъ соединялись магометанскія вѣрованія, преисполненныя фанатизма и не-

терпимости. Вообще, здѣсь магометанскія идеи вражды и ненависти къ христіанству находили для себя въ политическомъ недовольствѣ готовую воспріимчивую почву постоянного скрытаго раздраженія и, провозглашаемыя какимъ-нибудь турецкимъ шпиономъ—муллою, быстро воспламеняли магометанское населеніе огнемъ открытыхъ возмущеній. Въ общемъ своемъ характерѣ возмущенія эти, при всемъ томъ, что за ними не было такихъ данныхъ для недовольства русскою властью, какія были, какъ мы выше сказали, въ быту южныхъ осетинъ, возмущенія осетинъ-магометанъ всегда или, по малой мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ отличались большею враждебностью, большею энергіей и притязательностью, чѣмъ возмущенія осетинъ-христіанъ южнаго склона.

Занявши покоренный край, русскіе встрѣтили, какъ мы выше сказали, въ осетинахъ не только южнаго склона, но и центральныхъ ущелій довольно сильное предрасположеніе къ христіанству и вообще подчиненію русской власти. Последнее въ особенности относилось къ населенію центральныхъ ущелій, какъ оставшемуся свободнымъ отъ закрѣпощенія грузинскимъ феодаламъ. Означенное предрасположеніе, между прочимъ, обусловливалось еще тѣмъ, что русскому миссіонерству, русскому господству въ краѣ предшествовала миссіонерская дѣятельность грузинскаго духовенства. Однимъ изъ дѣятелей грузинскаго миссіонерства, предшествовавшего годамъ описываемыхъ событій—началу XIX столѣтія, равно и дѣятелемъ годовъ послѣдующихъ былъ грузинскій архіепископъ Іоаннъ; въ округъ его дѣятельности входило населеніе верховьевъ Арагвы, Ксанки, Терска и другихъ мѣстъ къ востоку отъ Осетіи. „Прибывъ въ Гудамаварское ущелье, доносилъ архіепископъ объ одной изъ своихъ поѣздокъ по округу: и побесѣдовавъ съ почетными обывателями, я не нашелъ ничего противнаго моему ученію. Потомъ появился человѣкъ, котораго назва-

ли: „это нашъ священникъ“. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ священниковъ, которые безъ книги заучили наизусть нѣсколько стиховъ изъ псалтири и учать. Произнесши ихъ, онъ ставитъ вино минуты 2—3, и это называется обѣдней, мажетъ углемъ съ произнесениемъ тѣхъ же стиховъ, и это называется крещениемъ“. Изъ дальнѣйшаго сообщенія архіепископа видно было, что въ разныхъ мѣстахъ Осетии въ то время были храмы, въ которыхъ хранилось не мало золотой и серебряной утвари; такими напр., были два древнихъ храма: на одномъ изъ восточныхъ отроговъ горы Казбека и на горѣ Ломиси, составляющей водораздѣлъ между верховьями Арагвы и Ксанки и тянущейся къ юго-западу отъ Гудаурскаго перевала длиннымъ однообразнымъ валомъ. Оба эти храма сохранились до настоящаго времени, и проѣзжающіе по Военно-грузинской дорогѣ могутъ видѣть въ хорошую погоду на высочайшихъ пустынныхъ гребняхъ горъ ихъ одинокіе силуэты, какъ скромные, но свѣтлые, родные сердцу знаки на дикомъ фонѣ чуждой природы, чуждой жизни.

По своимъ частнымъ вѣрованіямъ, обычаямъ и нравамъ, религія осетинъ, населявшихъ мѣста болѣе удаленныя отъ центровъ миссіонерской дѣятельности, представляла въ то время пеструю смѣсь вѣрованій языческихъ, христіанскихъ и магометанскихъ. По большому или меньшему преобладанію тѣхъ и другихъ, осетины назывались или христіанами, или магометанами и т. п. У многихъ осетинъ почитались пророкъ Илья (Уацилла), Георгій Побѣдоносецъ (Уастырджи) и другіе святые. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ были и чисто языческіе релігіозные обряды, сохранившіеся, по всей вѣроятности, со временъ самой глубокой древности. Во время, напр., засухъ, неурожаяевъ, повальныхъ болѣзней и т. п., осетины растягивали на высокомъ шесту черную козліную кожу и носили ее

по горамъ и полямъ съ пѣніемъ священныхъ пѣсень. Обрядъ этотъ съ одной стороны кажется сходнымъ съ древне-еврейскимъ религіознымъ обрядомъ отпущенія чернаго возла, упоминаемымъ во II книгѣ Моисея, и древне-греческимъ обрядомъ посвященія подземнымъ богамъ черныхъ животныхъ, а съ другой стороны—съ извѣстнымъ религіознымъ обычаемъ въ Россіи—хожденіемъ со святыми иконами по полямъ въ началѣ лѣта. Вліяніе магометанства отразилось, между прочимъ, на одномъ изъ обычаевъ бытовой жизни осетинъ—обычаѣ жѣнитъбы на женахъ умершихъ братьевъ, на женахъ даже умершихъ сыновей. Обычай этотъ, отчасти обусловливавшійся причинами экономическими, представлявшій, въ виду, напр., обычая покупать женъ, какъ-бы предупрежденіе тѣхъ убытковъ, которые, по понятіямъ практикующихъ этотъ обычай, несетъ семья, лишаясь своего члена, пріобрѣтеннаго покупкою,—въ періодъ новаго христіанства описываемаго времени представлялъ одно изъ сильныхъ препятствій къ успѣшному введенію христіанства въ главныя бытовыя условія тогдашней жизни осетинскаго населенія. Первые миссіонеры энергично проповѣдывали противъ безнравственности этого обычая и частью силою своихъ убѣжденій, частью „при помощи начальства“ мало-по-малу начали искоренять его среди населенія, которое такъ или иначе причислялось къ христіанскому. „Помощь начальства“ въ данномъ случаѣ практиковалась, напр., тамъ, гдѣ христіане, охотно слѣдовавшіе ученію миссіонеровъ въ усвоеніи собственно обрядовыхъ вѣрованій, оказывались неподатливыми на убѣжденія—оставить привычки „секретнаго ложа“ въ смыслѣ вышеозначеннаго обычая.

Еще больше неустройства, чѣмъ то было въ религіозной жизни края, еще больше, такъ сказать, первобытности представляла, какъ и можно предполагать, жизнь края общест-

венно-бытовая. Одною изъ ея выдающихся постоянныхъ особенностей была враждебная или же непріязненная разъединенность населенія. Сплачивалось и болѣе или менѣе объединялось оно въ группы только при исключительныхъ случаяхъ, какъ, напр., при подстрекательствахъ со стороны бунтовщиковъ-царевичей, возбуждавшихъ населеніе общими чувствами или ожиданія опасностей, какъ выселенія изъ родины, солдатчины и т. п., или—ожиданія несмѣтныхъ богатствъ, какъ „русская казна въ нѣсколько милліоновъ“ на охранномъ посту Военно-грузинской дороги. Соединяясь въ виду всѣхъ этихъ или угрожающихъ, или много общающихся обстоятельствъ для совмѣстныхъ дѣйствій, населеніе описываемаго района, въ подобныхъ случаяхъ, почти всегда представлялось для воздѣйствій русской власти многочисленными группами съ разнообразными узко-племенными, родовыми или же семейными интересами. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ все это разнообразіе сводилось въ одинъ, такъ сказать, бытовой видъ разъединенія интересовъ—во взаимные грабежи, взаимное воровство, взаимную мелкую вражду, часто ничтожную по своимъ причинамъ, но кровавую и ожесточенную по своему проявленію. Вотъ, напр., нѣсколько случаевъ, составлявшихъ тогда, такъ сказать, постоянную окраску бытовой жизни населенія. Осетинъ Т—въ во время ссоры съ своимъ племянникомъ выкололъ ему „по злобѣ“ глазъ и, опасаясь мщенія родственниковъ потерпѣвшаго, убѣжалъ въ другія мѣста. По обычаямъ того времени, сохранявшимся, впрочемъ, послѣ него болѣе полустолѣтія, почти до послѣднихъ годовъ прошлаго царствованія, отвѣтчиками за выколотый глазъ являлся не только преступникъ, но и ближайшіе его родственники. Эти обычаи требовали, чтобы потерпѣвшій, а въ случаѣ его смерти, ближайшіе его родственники вознаграждали себя за причиненный вредъ

или матеріально—платою, или, такъ сказать, нравственно—равною, а, буде возможно, и большею обидою преступнику или его ближайшимъ родственникамъ. Вслѣдствіе этого ближайшіе родственники Т—ва, вѣроятно, чувствуя себя безсильными предъ опасностями мщенія за сдѣланную имъ обиду, бросили свои насиженные пепелища и выселились вслѣдъ за преступникомъ въ чужія мѣста. Такимъ образомъ, единичный случай простой, хоть и варварской драки повелъ къ разстройству весьма существенныхъ интересовъ десятковъ людей. По выселеніи всѣхъ лицъ, которыя подвергались опасностямъ мщенія, потерпѣвшій и его родственники завладѣли жилищами опальныхъ, какъ-бы вознаградивъ себя такимъ образомъ за причиненный „по злобѣ“ вредъ. Завладѣніе это было фактомъ, настолько соответствовавшимъ тогдашнимъ понятіямъ населенія о правахъ мести и вознагражденія за обиды „по злобѣ“, что русская власть, болѣе или менѣе водворявшаяся въ районѣ описываемаго случая въ лицѣ временно наѣзжавшихъ туда начальниковъ съ военными командами, должна была отнестись къ занятію потерпѣвшимъ и его родственниками жилищъ выселившихся съ снисходительнымъ согласіемъ.

Еще большими тревогами и беспорядками въ окружающей средѣ сопровождались такія, напр., преступленія, какъ умышленное убійство. Если лишеніе глаза, по разсказанному случаю, повело къ выселенію цѣлаго семейства, то убійства вызывали по обычаямъ мести убійства преступниковъ или ихъ ближайшихъ родственниковъ, причемъ послѣднія убійства изъ мести въ свою очередь требовали такихъ же жертвъ съ враждебной стороны,—все это въ самое короткое время весьма часто приводило къ ожесточенной кровавой враждѣ не только отдѣльных семействъ, но и цѣлыхъ родовыхъ или территоріальныхъ группы. Преступленія же противъ правъ имущественныхъ составляли

тогда случаи, тѣмъ болѣе распространенные, тѣмъ болѣе повседневные, что для нихъ существовали тогда и вполне подходящія наталкивающія условія: съ одной стороны скудная на прокормленіе природа края, а съ другой—историческая отвычка населенія отъ мирнаго сельско-хозяйственнаго труда. Кромѣ случаевъ обоюдной вражды, беспорядки и неустройство бытовой жизни осетинъ увеличивались еще случаями вражды съ сосѣдними народами, причемъ осетины, какъ болѣе разрозненное населеніе, чаще бывали жертвами, чѣмъ побѣдителями. Хотя съ распространеніемъ и укрѣпленіемъ русскаго господства вражда эта болѣе или менѣе находила въ послѣднемъ сдерживающую силу, но нерѣдко, при отдаленности, напр., русскихъ войскъ, она успѣвала раздражаться кровавыми стычками, хищническими нападеніями и т. п. Такія „безпокойства“ осетинамъ особенно часто производили на сѣверѣ Осетіи, какъ мы прежде сказали, кабардинцы, на востокѣ—тушины, пшавы и хевсуры. Послѣдніе, напр., иногда дѣлали нападенія на осетинъ и безъ всякихъ наличныхъ поводовъ, или „вымысливъ, что имъ слѣдуетъ за кровь дѣдовъ ихъ“ съ осетинъ плата, или же просто изъ голоднаго молодечества, которое между прочимъ заявляло себя въ похвальбѣ предъ осетинами, что „оныя хевсуры подерасятъ довольно Арагву“ не только кровью осетинъ, но и кровью тѣхъ, „у которыхъ у одѣянія обрѣзаны полы и назади разрѣзано“ *), т. е. кровью русскихъ.

На общемъ фонѣ кровавыхъ враждебныхъ обычаевъ осетинъ того времени и въ отношеніяхъ взаимныхъ, и въ отношеніяхъ ихъ къ сосѣднимъ народамъ иногда встрѣчались, какъ инстинктивные проявленія миротворнаго духа, вызывавшагося опасностью взаимноистребленія, напр., такіе, отчасти существовавшіе и въ позднѣйшее время, обы-

*) Акт. II т., 1089.

чан: убійца, особенно если онъ былъ молодой и убилъ подобнаго же однолѣтка, могъ иногда, при желаніи родныхъ жертвы, замѣнить собою убитаго въ его семьѣ со всѣми условіями тѣхъ родственныхъ отношеній, какія обставляли жизнь убитаго, т. е. или какъ пріемный сынъ, или какъ братъ и т. п. Очевидно, что при тревожной жизни, требовавшей постояннаго внѣшняго напряженія и отвлекавшей вниманіе и энергію обывателей отъ замкнутыхъ интересовъ тѣснаго семейнаго круга на посторонніе случаи, такіе новые члены семьи весьма успѣшно сживались съ новыми семействами. Последнее тогда не требовало тѣхъ условій, какія необходимы для сживанія съ новою семьею въ мирномъ сельско-хозяйственномъ быту,—болѣе существеннаго сходства характеровъ, привычекъ и т. п.: для уровня тогдашней жизни внѣшнихъ опасностей и хищничества въ дѣлѣ такого сживанія достаточно было одной внѣшней поверхностной солидарности. Но вышеозначенный обычай примиренія, въ свою очередь, нерѣдко и усложнялъ проявленія той вражды, гдѣ онъ находилъ свое примѣненіе. Вотъ, напр., одинъ изъ подобныхъ случаевъ въ тогдашней бытовой жизни. Осетинское семейство Д—выхъ, потерявъ во время вражды съ семействомъ сосѣдняго племени ингушъ одного изъ своихъ членовъ, приняло къ себѣ, по описанному обычаю, „для усмиренія ерови“ *) сына Ш—зы, главы враждебной фамиліи. Проживъ въ своей новой семьѣ три года, пріемный членъ ея былъ убитъ. Преступленіе это вызвало къ мести какъ принявшее, такъ и родное семейство убитаго. Родной отецъ послѣдняго, Ш—за, желая поскорѣй приступить къ выполненію обязанностей мщенія, которыя, конечно, состояли въ нападеніи на жилище убійцы, въ грабежѣ его имущества, убійствѣ его самого и т. п.,—и которыя могли быть тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ больше было мстителей,

*) Акт. IV т., 624.

обратился къ главѣ осетинскаго семейства, въ которомъ жилъ его сынъ, Д—ву, переговорить о своемъ общемъ дѣлѣ. „Но Д-въ съ нимъ, Ш-зою при старшинахъ“, которые въ это время были при ихъ свиданіи „переговора имѣть не захотѣлъ“. Ш-за былъ сильно оскорбленъ этимъ невниманіемъ и „по звѣрскому своему обыкновенію, не подавши никому виду, пошелъ изъ крѣпости къ Тереву, гдѣ увидѣлъ маіора Д-ва“. Подѣхавъ къ нему на лошади и „переговоривши съ нимъ слово“, во время котораго Д-въ, замѣтивъ злое намѣреніе Ш-зы, хотѣлъ было, но „не могъ сохраниться“, Ш-за моментально выхватилъ пистолетъ, выстрѣлилъ въ голову Д-ва и быстро ускакалъ изъ крѣпости въ свой аулъ. Родственники Д-ва тотчасъ сдѣлали тревогу и, собравшись „вмѣстѣ съ подданными“ толпою болѣе чѣмъ въ 30 челов., погнались за Ш-зою. Вслѣдъ за ними была послана въ аулъ Ш-зы русская команда. Убійца заперся въ своей башнѣ съ ближайшими родственниками, желая защищаться до послѣдней степени. Сначала прискакали къ башнѣ родственники убитаго и, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ, начали въ нее стрѣлять и ломиться. Вскорѣ прибыла сюда и русская команда. Ш-за завричалъ изъ башни начальнику команды, чтобы русскіе не трогали его, что онъ противъ русскихъ вовсе не имѣетъ вражды и даже давно присягнулъ имъ, а сдѣлалъ убійство изъ мести за кровь 6 своихъ родственниковъ, убитыхъ фамиліею Д-выхъ. Жители аула, опасаясь послѣдствій этой тревоги, убѣдили Ш-зу убѣжать изъ башни въ лѣсъ. Д-вы бросились въ аулъ, „убили сестру Ш-зы и старуху—родню, взяли имущество, скоть и съ мертвымъ тѣломъ Д-ва поѣхали домой“. Желая какъ-нибудь заглушить вражду, комендантъ Владикавказа убѣждалъ Ш-зу „опомниться“, покончить все дѣло миролюбиво, грозя въ противномъ случаѣ наказаніемъ; но Ш-за „прислалъ сказать, что онъ кровь свою отыскалъ...

просить прощенья въ учиненномъ въ крѣпости,.. просить русскихъ не мѣшаться, такъ какъ Д-въ осетинскій старшина, а не русскій". Случай этотъ, какъ и всѣ подобныя ему случаи мести, повелъ къ длинному ряду враждебныхъ столкновений съ обѣихъ сторонъ, сопровождавшихся убійствами, грабежами имущества и т. п. Прекращать ихъ было тѣмъ труднѣе, что враждующія стороны принадлежали къ разнымъ племенамъ; а съ постепеннымъ увеличеніемъ соучастниковъ, такіе случаи вражды фамиліной нерѣдко переходили въ вражду племенную.

Такимъ образомъ, водвореніе порядковъ въ краѣ было соединено тогда вообще съ большими затрудненіями. Но кромѣ причинъ къ безпорядкамъ и возмущеніямъ, лежавшихъ въ нравахъ обитателей, весьма важный поводъ къ этому подавали тогда злоупотребленія лицъ, непосредственно управлявшихъ вновь покоренными районами. Въ наименьшемъ своемъ значеніи подобныя злоупотребленія, служба, такъ сказать, нагляднымъ примѣромъ и доказательствомъ недостатковъ русскаго управленія, были ближайшей причиной того успѣха, съ которымъ недовольные царевичи возмущали населеніе противъ русской власти, устрашая его еще большимъ угнетеніемъ, еще болѣе жестокими мѣрами со стороны новыхъ пришельцевъ. Такъ князь Циціановъ, главноуправляющій вновь покореннымъ краемъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ *) высказывалъ, что скопища возмущавшихся представляли собою не военные отряды, но „толпу мужиковъ, не столько царевичемъ Парнаозомъ возженную, какъ, можетъ быть, поведеніемъ капитанъ-исправника“. И дѣйствительно, при разборѣ всѣхъ обстоятельствъ и причинъ вышеочерченнаго возмущенія, преимущественно въ районѣ Военно-грузинской дороги, отъ обывателей были собраны, такія, напр., свѣдѣнія о незаконныхъ дѣйствіяхъ

*) П т. Авг., 624.

капитанъ-исправника Ананурскаго уѣзда. „Поймалъ онъ (испр.) осетинцевъ, налилъ въ собачье корыто сыворотки, наклалъ битыхъ кошекъ и всякихъ еще худшихъ мерзостей—и тѣмъ кормилъ; сжегъ 8 домовъ, 300 вѣдь ячменя“ и т. д. Наряду съ подобными проступками ближайшаго администратора края существовала цѣлая система злоупотреблений и въ непосредственныхъ мѣрахъ по управленію. Такъ, напр., для установки невозможныхъ въ то время удобствъ по Военно-грузинской дорогѣ на ней заставляли работать ближайшихъ туземцевъ и „въ нестерпимый холодъ, и въ невылазную грязь“. При этомъ работавшимъ не только не платили денегъ, но, при малѣйшей неисправности въ работѣ, если на дорогѣ, напр., завязали лошади проходившихъ командъ, обывателей били плетью и забивали даже на смерть. При проходѣ военныхъ командъ, у обывателей брали также бесплатно скоть, муку, сыръ, масло и проч.; однажды, жаловались обыватели, вмѣсто провѣянта „заставили взять серебро у нашихъ церквей“.

Еще сложнѣе были безпорядки и злоупотребленія властей на югѣ Осетіи; здѣсь они исходили уже изъ двухъ источниковъ: со стороны ближайшихъ русскихъ администраторовъ—капитанъ-исправниковъ и со стороны представителей прежняго порядка управленія—эриставовъ, капитанъ-моуравовъ и т. п. Вмѣсто того, чтобы служить, такъ сказать, регуляторами помѣщичьяго произвола, тѣмъ болѣе возможнаго, что помѣщики, какъ мы выше сказали, имѣли въ своихъ районахъ и значеніе приставовъ, капитанъ-исправники нерѣдко помогали этому произволу, или не принимая противъ него никакихъ мѣръ, или даже наказывая крестьянъ за ихъ протесты противъ притѣсненій. Вотъ, напр., случай изъ жизни осетинъ, жившихъ по р. Ксангѣ. Помѣщикъ нашъ, жаловались осетины, „вытащилъ изъ дому насильно... у насъ дочь, которая была невѣста“ *).

*) Ibid., 1068.

Оскорбленный жених разразился жестокою местию, но только не надъ виновникомъ обиды, который былъ слишкомъ силенъ для роли „козла отпущенія“, а надъ родителями и родственниками невѣсты. Наложивши на нихъ „кровяной штрафъ“, т. е. предъявивъ имъ условія мести какъ бы за кровь убитаго, женихъ собралъ толпу, вѣроятно, своихъ родственниковъ и, напавъ ночью на домъ родителей своей невѣсты, увелъ у нихъ двухъ дочерей и 100 воловъ. Не ограничиваясь этимъ грабежемъ, женихъ продолжалъ и дальше подобныя же нападенія, уводя съ собою то скотъ, то даже людей, такъ что, наконецъ, разорилъ своихъ псевдо-обидчиковъ „до самой крайности“. Озлобленные несправедливыми притязаніями жениха, родственники невѣсты убили его и выселились въ другія мѣста. Но это повело еще къ большей враждѣ, къ новымъ нападеніямъ, убійствамъ и т. п. Въ концѣ концовъ, самоуправство и насиліе помѣщика, отразившись на жестокомъ разстройствѣ двухъ семействъ, въ которомъ, напр., одна сторона невѣсты потеряла 2 убитыхъ, 1 раненаго и 26 человекъ, захваченныхъ въ плѣнъ и проданныхъ потомъ на пограничной грузинско-турецкой линіи, привели къ тому, что наиболѣе потерпѣвшая сторона невѣсты заплатилась за оскорбленную помѣщикомъ „честь“ жениха взятіемъ подъ караулъ ея старшихъ членовъ. Последнее было сдѣлано по распоряженію капитанъ-исправника. Постоянныя смуты, вызывавшіяся злоупотребленіями властей, ближайшихъ къ населенію, вызвали со стороны мѣстнаго начальства все-какія предупредительныя мѣры. Для разныхъ случаевъ сообщенія по Военно-грузинской дорогѣ, особенно тѣхъ, гдѣ привлекались перевозочныя средства туземцевъ, была установлена подробная такса. При всей умѣренности цѣны ея за разные виды перевозки тяжестей (напр., за перевозку вьюка 9—10 пуд. отъ Коби до Кайшаура 1 р. 20 коп.), а также и за расчистку снѣга

(15 в. въ день), такса эта, вѣроятно, имѣла въ дѣлѣ предупрежденія злоупотребленій не малое значеніе. Впрочемъ, другая половина тягостей, обременявшихъ населеніе въ устройствѣ сообщенія по Военно-грузинской дорогѣ,—ремонтровка дороги осталась на обывателяхъ безъ всякаго облегченія; они должны были исправлять и поддерживать ее, подобно крестьянамъ Россіи, бесплатно, своими средствами. Еще менѣе законченными были мѣры по устройству порядковъ въ южной вѣрпостной Осетіи. Здѣсь почти безъ перерыва продолжались всѣ намѣченныя нами условія безпорядковъ: съ одной стороны безконтрольность помѣщичьей власти, а съ другой недостатокъ русскихъ военныхъ силъ для рѣшительнаго подавленія тѣхъ послѣдствій, которыя были неизбѣжны съ оставленіемъ осетинъ „на произволъ помѣщиковъ“. Хотя высшая мѣстная власть и обращала особенное вниманіе на положеніе крестьянскаго дѣла, но это вниманіе было не въ интересахъ крестьянства. Въ описываемое время (1800—1805 гг.) наиболѣе замѣтными дѣятелями по установленію порядковъ среди южныхъ осетинъ были упомянутый нами дворянинъ Ялгуидзе и двор. Калатубовъ. Первый былъ назначенъ еще предшественникомъ князя Циціанова генераль-лейтенантомъ Кноррингомъ „для наблюденія порядка и въ защиту ихъ (осетинъ) отъ обидъ и притѣсненій... судьбою въ тѣмъ же осетинамъ, съ жалованьемъ въ 250 руб., коего онъ отъ казны“, впрочемъ, „не получалъ“, а послѣдній—помощникомъ Ялгуидзе. Дѣятельность этихъ лицъ, признанная полезною по первому назначенію, въ князѣ Циціановѣ, повидимому, не нашла полнаго покровителя. Такъ, когда означенныя лица съ другими представителями осетинскаго народа обратились „для испрошенія о народѣ томъ утвердительнаго постановленія“, и „правитель дѣлъ“ Коваленскій представилъ князю Циціанову документальный матеріалъ для означеннаго „поста-

новленія“, то князь Циціановъ въ своей резолюціи на докладъ правителя, между прочимъ, сказавъ, что пристава „не по умоначертанію о управленіи осетинъ пеклись, а о лишеніи помѣщика власти надъ подданными“, приказалъ все дѣло доклада „пріобщить къ дѣламъ для памяти о жи“ *). Утвердительное же постановленіе и вообще мѣры для водворенія въ край порядка въ описываемое время выразились, какъ мы выше сказали, раздѣленіемъ осетинскаго населенія на 4 удѣла, составлявшихъ собственность царевичей. Это раздѣленіе было какъ бы дополненіемъ прежнихъ мѣръ по водворенію порядковъ въ край. Въ удѣлъ царевича Вахтанга вошло 22 деревни (Абано, Саватиси, Денце, Квемо-денце, Чаходгори, Каратвали, Курмасиксо (?), Чочоли, Гимара (Джимара), Ресъ, Тепи, Кеатриси, Ухоти, Коби, Толготи, Алмаси, Кумлиспхе, Чино, Эрато, Хати, Мамулантвари, Саарагъ-Сопелшеты) съ 1438 душъ населенія (788 муж. и 650 жен.); въ удѣлъ царевича Іоанна 35 деревень съ 2135 душъ населенія (1237 муж. и 898 жен.), въ удѣлъ царевичей Ваграта и Юлона 7 деревень съ 287 душъ населенія (157 муж. и 130 жен.). Въ то время южная Осетія входила въ составъ трехъ уѣздовъ: Ананурскаго, Душетскаго и Горійскаго. Ближайшими представителями русской власти по управленію краемъ были „капитанъ-исправники“, по одному въ каждомъ уѣздѣ. Они разъѣзжали по своимъ районамъ съ военными командами, производя судъ и расправу при незначительныхъ случаяхъ своею властью и передавая вѣдѣнію высшей власти дѣла болѣе важныя. Не смотря на всѣ означенные распоряженія, жизнь населенія была полна неустройства. Хотя болѣе или менѣе значительныхъ возмущеній въ край въ это время не было, но обыденныя преступленія: убійства, грабежи, воровство и т. п. составляли почти непрерывную характеристику

*) П т. Авг., 1069.

тогдашней жизни. Въ этому присоединилось еще новое злополучіе—заразительная болѣзнь (чума), начавшая уже похищать жертвы на границахъ Грузіи съ Персією.

Въ іюль 1803 г. въ Тифлисѣ умерло отъ чумы, кромѣ чиновъ военнаго вѣдомства, 215 человекъ, въ августѣ же чума появилась въ Телавѣ, Душетѣ, по верхнему теченію Ріона и, наконецъ, перейдя черезъ Кавказскій хребетъ, она появилась и на сѣверномъ Кавказѣ. Впрочемъ, съ наступленіемъ холодовъ, чума мало по малу прекратилась. Другими болѣе выдающимися случаями послѣдующаго 1804 г. были: переходъ русскаго отряда, состоявшаго изъ полка донскихъ казаковъ и 70 рекрутъ, черезъ центральныя мѣста Осетіи изъ Владикавказа въ Цхинвалъ и приобрѣтеніе въ Терекскомъ ущельи участка земли сел. Ларса для постройки крѣпости. Движеніе отряда, совершившееся вообще довольно благополучно на двухъ третяхъ пути, по сѣверной и центральной Осетіи, на южномъ склонѣ сопровождалось весьма значительными неудачами. Лишь только отрядъ спустился съ высотъ перевала (Рокскаго) черезъ южный центральный хребетъ въ ущелье р. Большой Ліяквы, какъ мѣстные обыватели-осетины начали атаковать и вообще тревожить его хоть и не сильными, но постоянными нападеніями. Когда же отрядъ, проходя по одному узкому ущелью, растянулся на значительное протяженіе, осетины окружили одну изъ отдѣлившихся группъ отряда и взяли въ плѣнъ 40 человекъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, всѣ плѣнные были возвращены безъ особенныхъ усилій, частію при помощи владѣльцевъ—помѣщиковъ того района, гдѣ произошло нападеніе, частію вслѣдствіе угрозъ русскихъ властей подвергнуть виновныхъ строжайшему наказанію.

Участокъ сел. Ларса, принадлежавшій одному изъ почетныхъ владѣтелей земель Терекскаго ущелья Дударову, былъ уступленъ русскимъ добровольно. Взамѣнъ этого

участка владѣлецъ получилъ денежную награду, чинъ капитана и участокъ земли близъ Владикавказа для поселенія 25 осетинскихъ семействъ. Съ приобрѣтеніемъ сел. Ларса „съ землями и всѣми угодьями, ему принадлежащими,“ русскіе приобрѣли такимъ образомъ въ глубинѣ горъ весьма важный стратегическій пунктъ для удержанія въ страхѣ и повиновеніи безпкойныхъ обитателей Военно-грузинской дороги.

Со времени своего появленія въ краѣ русское вліаніе и господство, не смотря на разныя препятствія, къ концу перваго десятилѣтія XIX в. болѣе или менѣе распространились по всему среднему пространству Кавказскаго перешейка. Хотя населеніе южной Осетіи, собственно ея верхнихъ ущелій и населеніе Военно-грузинской дороги и представляли по прежнему наиболѣе безпкойный элементъ вновь занятаго края, но съ каждымъ годомъ его волненія умалались, теряли рѣзкую форму возстаній и переходили въ частные случаи протестовъ противъ притѣсненій ближайшихъ властей. Насколько вообще спокойствіе этихъ районовъ зависѣло отъ персонала ближайшихъ представителей власти, можно судить по тому, что населеніе, волновавшееся при дѣйствіяхъ одного лица, являлось вполне послушнымъ при дѣйствіяхъ другаго. Одинъ изъ такихъ случаевъ волненій на Военно-грузинской дорогѣ характеризуется, напр., разнорѣчивыми донесеніями о немъ въ 1807 г. графу Гудовичу, смѣнившему князя Циціанова, отъ маіора Ф. и князя Ч. Въ то время, какъ первый сообщалъ о „бунтѣ“, приготовленіяхъ къ оборонѣ и т. п., послѣдній доносилъ, что обыватели готовятъ лишь къ жалобѣ чрезъ депутатовъ на притѣсненія „земскаго начальства“.

Донесенія Ч. впоследствии подтвердились жалобами обитателей Военно-грузинской дороги на южномъ

перевалѣ, что изъ нихъ „много невинныхъ умерло въ темницѣ“, что одинъ, напр., изъ управителей по ремонту дороги грозилъ навести пушки на обывателей и „брать солдатъ“ изъ ихъ среды. И всѣ эти притѣсненія, говорили жалобщики, дѣлались въ то время, когда они „всегда служили вѣрно, не жалѣли выставлять быковъ и лошадей“, когда имъ не давали прогоновъ, которые назначилъ царь и т. п. Волненія происходили не только на югѣ Военно-грузинской дороги, но бывали и по ея сѣверному протяженію. Если въ первомъ случаѣ причина ихъ заключалась въ непосильныхъ тягостяхъ натуральныхъ повинностей, то на сѣверѣ возмущенія между обитателями пути, по замѣчанію одного изъ мѣстныхъ администраторовъ, весьма много обусловливались тѣмъ, что „народъ, не пріобыкшій въ работѣ“, лишившись прежняго права на произвольныя пошлыны съ проѣзжихъ—главнаго средства своего существованія, вынужденъ былъ для добыванія средствъ прибѣгать къ грабежамъ и разбоямъ. По тѣмъ или другимъ причинамъ, но грабежи и разбой, затихшіе на нѣкоторое время, стали повторяться теперь чаще и чаще. Хищники стали нападать уже не только на частныхъ проѣзжихъ, но и на военныя команды, военныя транспорты и т. п. Какъ оказалось впоследствии, не малое вліяніе на возбужденіе въ обитателяхъ враждебнаго настроенія оказывало подстрекательство со стороны персидскихъ шпионовъ и недовольныхъ царевичей. Тѣ и другіе тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовали какъ въ Осетіи, такъ и вообще на Кавказѣ, что Россія въ это время вела войну съ Персіей. Отвлекая на театръ военныхъ дѣйствій значительныя военныя силы, эта война дала возможность персидскимъ шпионамъ возбудить большинство населенія Осетіи, не сдерживаемаго страхомъ ближайшихъ наказаній, къ открытымъ возмущеніямъ противъ русской власти. Подобно шпионамъ турецкимъ, персидскіе шпионы дѣйство-

вали на легковѣрное населеніе разными живыми слухами, обѣщаніями щедрыхъ награды и т. п. Нѣкоторые изъ шпионовъ развозили и распространяли между населеніемъ фирманы персидскаго шаха ко всѣмъ старшинамъ обществъ осетинъ, черкесовъ и другихъ Кавказскихъ народовъ. Одинъ изъ такихъ фирмановъ былъ предназначенъ для тагаурцевъ. Наполненный въ началѣ похвалами народамъ, живущимъ по Военно-грузинской дорогѣ за то, что они, „сражаясь съ русскими гаурами, разорвали имъ пути прохода“, фирманъ возвѣщалъ далѣе, что „высочайшій лагерь“ шаха „снимется изъ столицы съ стотысячною арміею, 200 пушекъ, мортиръ, фальконетовъ и снарядовъ и двинется въ Грузію и Кизляръ“; что „гаурамъ русскимъ суждено испытать истребленіе“, и что близъ Эривани 1500 русскихъ гауровъ уже отправлено „въ глубочайшее отдѣленіе ада“.

Но прежде чѣмъ „высочайшій лагерь“ персидскаго шаха сдѣлалъ что либо въ пользу бунтовщиковъ, они были усмирены русскими войсками.

Дальнѣйшія событія въ Осетіи, представляя какъ-бы повтореніе предыдущихъ, были тѣмъ же калейдоскопомъ волненій, перемежавшихся съ періодами сравнительно мирнаго водворенія въ краѣ русской гражданственности. Въ общемъ такое водвореніе состояло изъ административныхъ мѣропріятій, относившихся настолько же къ главнымъ, насколько къ второстепеннымъ фактамъ общественной жизни населенія; причемъ большинство мѣропріятій имѣло временный, палліативный характеръ и замѣнялось новыми по требованію наличныхъ обстоятельствъ. Въ районѣ Военно-грузинской дороги подобными мѣропріятіями были въ описываемый періодъ (1808—1814 и посл. гг.) сначала „обвѣщеніе“, запрещавшее тагаурцамъ, подъ страхомъ строгихъ репрессалій, всякіе поборы съ проезжихъ, а потомъ

„обязательство“, чтобы тагаурцы и их сосѣди—ингуши, для охраненія безопасности и спокойствія на Военно-грузинской дорогѣ, учредили конные разъѣзды, конвоировали проѣзжихъ, отвѣтствуя за всякую сдѣланную имъ обиду и т. п. Какъ-бы въ награду за такія заботы тагаурцамъ была предоставлена милость пользоваться нѣкоторыми выгодами Военно-грузинской дороги. По существу дѣла, выгоды эти были тѣми же пошлинами съ проѣзжихъ, довольно значительными даже и въ виду услугъ тагаурцевъ по обезпеченію безопасности Военно-грузинской дороги; онѣ состояли изъ платы: 10 руб. сер. съ каждаго купца, 35 коп. съ коннаго и 20 коп. съ пѣшаго простолюдина и взымались заранѣе выбранными лицами и въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Милость на полученіе выгодъ была отчасти послѣдствіемъ жалобъ тагаурцевъ, что они, „лишась прежнихъ доходовъ, пришли въ крайнее положеніе и что ихъ молодые люди не слушаются старшихъ и грабятъ, взыскивая съ армянъ (?) за всѣ неполучаемые доходы,“ но больше всего означенная милость была послѣдствіемъ новаго, выходившаго изъ ряда обыкновенныхъ, препятствія Военно-грузинской дороги. Это былъ обвалъ Девдоравскаго ледника *), уничтожившій на Военно-грузинской дорогѣ множество сдѣланныхъ приспособленій и вообще настолько затруднившій дѣло коммуникаціи, что малѣйшіе беспорядки среди населенія могли быть теперь гибельными для русскихъ интересовъ въ Закавказьи. Помимо милости на полученіе выгодъ, для обезпеченія спокойствія были взяты аманаты изъ всѣхъ знатнѣйшихъ тагаурскихъ фамилій: Кундуховой, Есеновой, Тугановой, Шанаевой, Алдатовой, Мансуровой, Тхостовой, Конуковой, Тулатовой и ингушской-Цуровой. вмѣстѣ съ этимъ началась усиленная разработка дороги какъ въ районѣ разрушеній, произведенныхъ Дев-

*) См. выше—стр. 28.

доравскимъ обваломъ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ; на все это было израсходовано 66,520 руб. 15 коп.,—первая единовременная значительная сумма на это дѣло въ 1-е десятилѣтіе русскаго водворенія на Кавказѣ. Общая же сумма расходовъ на разработку Военно-грузинской дороги въ теченіе перваго десятилѣтія простиралась до 137,550 руб. сер. Кромѣ охраненія безопасности пути, тагаурцы должны были, по обязательству, доставлять для казенныхъ транспортовъ за установленную плату перевозочныя средства.

Болѣе спокойствія представляла жизнь осетинъ сѣверныхъ ущелій. Здѣсь они почти постоянно обращались къ русскимъ властямъ съ просьбами или о переселеніи ихъ въ русскіе предѣлы, или о возобновленіи у нихъ христіанства. Въ описываемое время численность расположеннаго къ русскимъ населенія сѣверныхъ ущелій простиралась до 7,000 дымовъ: около 4,000 въ Куртатинскомъ и 3,000 въ Алагирскомъ ущельяхъ. Въ періоды волненій въ районѣ Военно-грузинской дороги и въ Кабардѣ оно представляло довольно надежный оплотъ, препятствовавшій соединенію кабардинцевъ и тагаурцевъ для враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ. Чтобы еще больше закрѣпить разъединительное значеніе сѣвернаго района и вмѣстѣ съ тѣмъ дать его населенію защиту противъ кабардинцевъ, на одномъ изъ его проходящихъ пунктовъ предположено было устроить редутъ. Совмѣстно съ военными мѣропріятіями, русскія власти предпринимали для устройства порядка вообще на сѣверномъ Кавказѣ и мѣропріятія мирныя. Такимъ было, напр., устройство торговыхъ сношеній между вновь покоренными туземцами и русскимъ населеніемъ. Вмѣстѣ съ этимъ изъ Куртатинскаго и Алагирскаго, а впослѣдствіи изъ Тагаурскихъ ущелій въ это время происходили почти постоянныя выселенія осетинъ въ русскіе предѣлы. Группируясь преимущественно въ полосѣ наступательнаго дви-

женія русскихъ, переселенцы эти мало по малу соединяли съ нею районъ преданнаго населенія Куртатинскаго и Алагирскаго ущелій.

На югѣ Осетіи, по прекращеніи безпорядковъ, произведенныхъ персидскою агитаціей, затишье разслѣдованій, полумѣръ и т. п. въ концѣ 1809 г. было вновь прервано волненіями. Руководителями его на этотъ разъ были царевичи Леванъ и Александръ. Первый дѣйствовалъ среди населенія непосредственнымъ личнымъ участіемъ въ организаціи возстанія, а второй письменными воззваніями— „возвѣщъ свѣчу угасшаго дома“. Наполнивъ ихъ „общимъ мѣстомъ“ подобныхъ документовъ тогдашняго времени—обѣщаніями щедрыхъ наградъ, помощи въ сотни тысячъ войска и т. п., царевичъ Александръ, обращаясь къ вѣрнопостному населенію южной Осетіи, заканчивалъ свое воззваніе: „и когда все это (награды, помощь и т. п.) сбудется, тогда думайте, что мы—ваши великіе благодѣтели, и вы—*наши любовные братья, а не подданные*“. Возбудивъ волненіе, выразившееся, впрочемъ, не только въ противодѣйствіи осетинъ русскимъ, но и во взаимныхъ грабежахъ и раздорахъ, „потухшая свѣча угасшаго дома“ своимъ фальшивымъ мерцаніемъ лжи и подстрекательства привела только въ безплодной гибели бунтовщиковъ отъ меча и огня репрессалій. Такъ, напр., одни только осетины Верхне-ванскихъ и Верхне-арагвскихъ ущелій, наиболѣе возбужденные личнымъ подстрекательствомъ цар. Левана и даже „присягнувшіе“ ему въ перспективѣ „любезнаго братства“ съ верховной властью, при своемъ усмиреніи, потеряли болѣе 100 убитыхъ людей и 20 сожженныхъ деревень. Нѣкоторые же изъ осетинскихъ обществъ и деревень, образумившись послѣ короткаго увлеченія, прислали къ главноначальствующему Кавказскимъ краемъ почетнѣйшихъ старшинъ съ заявленіемъ раскаянія и просьбой о помилованіи. Старшины

явились въ глав—ному съ повѣшенными на шеяхъ саблями и въ такомъ видѣ проходили черезъ весь городъ. Такое выраженіе раскаянія было тѣмъ знаменательнѣе, что, по горскимъ обычаямъ тогдашняго времени, повѣсившій на шею саблю уже не считался за воина не только между посторонними людьми, но даже въ своей семьѣ.

Послѣ возмущенія многія осетинскія семейства были переселены въ наказаніе изъ верхнихъ ущелій, гдѣ не было помѣщиковъ, на нижнюю половину склона, въ районъ поселеній, находившихся въ крѣпостномъ состояніи. Были даже случаи, что переселенцы отдавались подъ надзоръ грузинъ—крестьянъ, равносильный крѣпостной зависимости. Волненія крестьянъ значительно усложнялись еще беспорядками въ средѣ помѣщиковъ, зависѣвшими съ одной стороны отъ многочисленности помѣщиковъ, а съ другой отъ неустановленности ихъ правъ на владѣніе крестьянами. Оба эти условія отражались на крестьянахъ тѣмъ, что всякій изъ помѣщиковъ (число которыхъ достигало иногда до 20 на одно селеніе) дѣлалъ имъ „разныя притѣсненія, отнималъ послѣднее имущество, лишалъ дневнаго пропитанія“ и т. д. Подобными притѣсненіями крестьяне, напр., Ксанскаго участка были доведены до того, что, по рапорту капитанъ-исправника, „рѣшились сопротивляться помѣщикамъ,... пока не будутъ отданы правительствомъ (одному) какому ни на есть изъ оныхъ, лишь-бы только не всѣ князья Э-вы имѣли надъ ними власть и не дѣлали имъ доселѣ невиданнаго кровопролитія“. Притѣсняя крестьянъ, помѣщики вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно враждовали и между собою изъ-за правъ на владѣніе крестьянами. Однажды, напр., подобная вражда вынудила посредника, разбивавшаго помѣщицкіе споры, при отъѣздѣ своемъ въ Гори, взять съ собою всѣхъ спорившихъ, „дабы спорами они не могли поселить между крестьянами болѣе дерзостей и неповиновенія“.

Особенно не устроены были отношенія между помѣщиками и крестьянами въ Ксанскомъ участкѣ. Взаимныя жалобы тѣхъ и другихъ на лишеніе своихъ правъ, доказывавшихся каждою стороною по своему, въ большинствѣ случаевъ—ссылкою на факты, не имѣвшіе за собою документальныхъ подтвержденій,—все это привело было русскую власть въ рѣшенію—отобрать означенное имѣніе въ казну, съ вознагражденіемъ претендентовъ пенсією въ 10,000 рублей. Хотя рѣшеніе это было регламентировано съ нѣкоторыми условіями въ 1814 г. Высочайшимъ рескриптомъ, но въ исполненіе оно не было приведено. Причина этого заключалась отчасти въ боязни возбудить примѣромъ освобожденія отъ власти помѣщиковъ въ другихъ крестьянахъ невыполнимыя надежды и вообще волненія и недовольства, а отчасти въ усложненіи этого дѣла со стороны помѣщиковъ новыми притязаніями. Въ періодъ разслѣдованія споровъ между помѣщиками и крестьянами Ксанскаго участка особенно энергичнымъ ходатаемъ за интересы послѣднихъ былъ архіепископъ Досіеѣй, старшій членъ Осетинской Коммиссіи. Прекративъ свою дѣятельность въ Моздокѣ, Осетинская Коммиссія въ 1814 году была вновь учреждена въ Тифлисѣ одновременно съ учрежденіемъ Синодальной Конторы. На содержаніе Коммиссіи, состоявшей, кромѣ управителя-епископа, изъ архимандрита, 7 священниковъ, 5 діакановъ и соотвѣтственнаго числа церковнослужителей, ежегодно отпускалось 28,000 руб. Изъ этой же суммы было назначено: „на подарки осетинскимъ старшинамъ, приласканіе оныхъ—1,500 руб., на кресты, шнуры, иконы и холсты на рубахи—3,000, руб.“; на путевыя издержки миссіонеровъ, постояннаго „руководителя въ горахъ“ и т. п.—3,000 руб. Въ первый же годъ своей дѣятельности Коммиссія, по отчету архіепископа Досіеѣя, окрестила 14,218 д. о. п. и вообще повліяла на нравственное

настроение осетинъ настолькоъ благодѣтельно, что они „стали жить смириѣе“. Но вмѣстѣ съ этимъ энергическая заботливость архіепископа Досіея объ интересахъ крестьянства, сопровождавшая его миссіонерскую дѣятельность и находившая въ себѣ предрасположеніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, возбудила большое неудовольствіе въ средѣ помѣщиковъ. Послѣдствіемъ этого были жалобы и обвиненія, будто арх-пъ Досіей стремился изъ личныхъ выгодъ „исторгнуть крестьянъ отъ ихъ законныхъ владѣльцевъ“, а проповѣдники Осет. Комм. возбуждали въ крестьянахъ неповиновеніе къ помѣщикамъ и внушали имъ, что всѣ крестившіеся перейдутъ въ собственность казны и что даже „пограбленное (ими) у карталинскихъ жителей останется безъ взысканія въ пользу самихъ осетинъ“ и т. п. По отзыву арх-па Досіея, неудовольствіе помѣщиковъ распространялось не только на его эмансипаторскую дѣятельность въ пользу крестьянъ, но и вообще на все миссіонерство, такъ какъ помѣщики будто-бы вовсе „не желали обращенія ихъ (крестьянъ) въ христіанство, чтобы пользоваться ихъ невѣжествомъ“. Впрочемъ, въ основаніи всѣхъ подобныхъ фактовъ, если только они не преувеличены въ означенныхъ жалобахъ и отзывахъ, во всякомъ случаѣ были съ одной стороны непомѣрная требовательность помѣщиковъ, а съ другой стремленія крестьянъ уклониться отъ требованій „самыхъ умѣренныхъ“. Такое положеніе дѣлъ продолжалось почти до половины двадцатыхъ годовъ. Неудройство порядковъ въ южной Осетіи, между прочимъ, было причиною, что она постоянно служила пристанищемъ преступниковъ и авантюристовъ, или скрывавшихся здѣсь отъ страха наказаній, или искавшихъ въ мутной водѣ безпорядковъ и взаимной вражды населенія податливаго матеріала для бунтовъ и противоправительственныхъ волненій. Съ половины двадцатыхъ годовъ, въ управленіе краемъ

генерала Ермолова, безпорядки въ южной Осетин начали мало по малу терять свой острый характеръ. Такъ, напр., помѣщичій произволъ въ взиманіи податей, котораго не могли остановить изданныя до этого временныя положенія, въ концу двадцатыхъ годовъ получилъ довольно значительныя ограниченія съ одной стороны въ начавшемся разборѣ правъ помѣщиковъ, а съ другой—въ установленіи болѣе опредѣленныхъ правовыхъ и имущественныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Впрочемъ, при всей энергіи, съ которою генераль Ермоловъ стремился водворить какъ въ означенномъ районѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Осетин порядокъ, въ крѣпостномъ дѣлѣ южной Осетин оставалось еще много пробѣловъ для острыхъ взаимныхъ споровъ и излишнихъ домогательствъ. Трудности въ точной регламентаціи крестьянскаго дѣла зависѣли отъ неопредѣленности данныхъ, которыми помѣщики доказывали свои права, и отъ сложности имущественныхъ и правовыхъ отношеній крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ.

Доказательствомъ правъ помѣщиковъ на владѣніе крестьянами принимались преимущественно акты и грамоты объ этомъ прежнихъ грузинскихъ царей. Но подобные документы весьма нерѣдко содержали въ себѣ для однихъ и тѣхъ же случаевъ владѣнія несогласимыя противорѣчія—послѣдствія противорѣчивыхъ распоряженій грузинскихъ царей въ періодъ ихъ взаимной вражды и раздробленія Грузин. Вслѣдствіе этого русская власть, не желая водворять порядокъ въ разрѣзъ съ исторически сложившимися условіями дѣла, довольно долгое время оставляла крестьянъ подчиняться помѣщикамъ, права которыхъ еще не были доказаны; съ другой стороны и помѣщики не пользовались всѣми правами, которыя они считали законными.

По условіямъ своего общественнаго состоянія, населеніе Осетин въ описываемое время представляло какъ бы пять

группы, обособлявшихся частью правовыми, частью имущественными отношениями, или привилегиями, или тягостями. Одна из групп на южномъ склонѣ хребта, приблизительно съ параллели плоскогорій Кели и Эрцо, находилась въ крѣпостномъ состояніи, другая, населявшая южную половину Военно-грузинскаго пути, приблизительно отъ сѣвернаго поворота р. Терека, была хотя и свободна отъ крѣпостнаго состоянія, но обременена разнообразными натуральными повинностями; третья группа, по ущельямъ р. Терека, находилась въ состояніи привилегій, впрочемъ, уже весьма близкихъ къ уничтоженію; население Куртатинскаго, Алагирскаго и Дигорскаго ущелій представляло группу, свободную отъ тягостей второй группы, но безъ привилегій третьей, и пользовавшуюся только умѣреннымъ покровительственнымъ вниманіемъ русской власти. Наконецъ, пятою группою были осетины, жившіе въ предѣлахъ русскихъ поселеній, преимущественно въ окрестностяхъ Моздока; въ 20-мъ годамъ число ихъ въ предѣлахъ тогдашней Кавказской губерніи, южныя границы которой тянулись по Моздокско-кабардинской равнинѣ, простиралось до 1200 человекъ. Эта группа почти вполне ассимилировалась съ русскою жизнію и представляла въ общественномъ отношеніи то же, что и русское казачье населеніе.

Въ 1829 г., въ управленіе краемъ графа Паскевича, преемника ген. Ермолова, Кавказъ посѣтила ученая экспедиція для изслѣдованія и знакомства съ природою вновь покореннаго края. Одна часть этой экспедиціи, состоявшая изъ академикомъ и профессоромъ: Ленца, Мейера, Менетриэ, Кудфера и Вансовича, представителей всѣхъ отраслей естествовѣдѣнія, изслѣдовала центральный районъ Кавказскихъ горъ отъ Эльбруса до Казбека, посѣтивъ такимъ образомъ и Осетию. Послѣ академикомъ Гюльденшtedта и Гмелина, посѣтившихъ Кавказъ еще въ 1769 г., означен-

ная экспедиція была вторымъ исполнителемъ воли правительства въ дѣлѣ обстоятельнаго знакомства съ природою новаго края. Но мирныя мѣропріятія, прямо или косвенно относившіяся къ благоустройству края, въ скоромъ времени, какъ въ Осетіи, такъ и въ сосѣднихъ съ нею районахъ, должны были уступить мѣсто мѣропріятіямъ военнымъ. Въ 1830 г. въ Осетіи, послѣ непродолжительнаго періода сравнительной тишины и спокойствія, вновь начались враждебныя волненія противъ русской власти. Какъ и въ прежніе годы, они обуславливались тѣми же причинами: на югѣ—крѣпостною зависимостію, въ районѣ Военно-грузинской дороги—у однихъ обывателей тягостями натуральныхъ повинностей, у другихъ стѣсненіемъ хищничества и т. п. Даже осетины Алагирскаго и Куртатинскаго ущелій, бывшіе до этого времени спокойными подданными русской власти, отчасти примкнули теперь къ враждебному движенію противъ нея своихъ соплеменниковъ. Впрочемъ, возмущеніе это продолжалось недолго; оно было успѣшно подавлено двумя русскими отрядами, одинъ изъ которыхъ, подъ начальствомъ князя Абхазова, дѣйствовалъ на сѣверѣ, а другой, подъ начальствомъ Ренненкампа, на югѣ Осетіи. Особенно успѣшно было усмиреніе бунта и водвореніе порядка на сѣверѣ Осетіи, гдѣ надъ опальнымъ краемъ въ это время начальствовалъ князь Абхазовъ. По словамъ г. М. Баева, описавшаго подробности экспедиціи князя Абхазова, *) „время князя Абхазова для осетинъ служить эрою“ новой лучшей жизни; дѣятельность этого начальника была вообще для осетинъ настолько цѣлесообразною и благотворною, что при немъ они прекратили всѣ свои убійства и грабежи и стали вѣрными подданными Россіи, которой они „обязаны своимъ благосостояніемъ“. Въ наказаніе за свое вѣроломство тагаурцы были лишены

*) „Терскія Вѣдомости“ 1869 г., № 10.

права взимать съ проѣзжихъ по Военно-грузинской дорогѣ всякую плату.

Менѣе успѣшно было водвореніе порядка въ южной Осетіи. Не смотря на энергическую заботливость графа Паскевича объ осетинахъ-крестьянахъ, дѣло по облегченію ихъ участи подвигалось впередъ вообще весьма медленно. По „запискѣ“ объ осетинахъ южнаго склона, составленной Яновскимъ и Казачковымъ, чиновниками Верховнаго Грузинскаго Правительства, и по всеподданнѣйшему рапорту графа Паскевича о крѣпостномъ дѣлѣ въ южной Осетіи *), прежніе управители или эриставы, на правахъ которыхъ претенденты помѣщики основывали свои права, имѣли власть настолько ограниченную, что „не могли сами собою опредѣлять старшинъ въ какое-либо ущелье безъ разрѣшенія царскаго совѣта“. Что же касается до осетинъ Ксанскаго участка, то они „никогда въ ихъ (помѣщиковъ) владѣніи не находились“. Всѣ же права помѣщиковъ надъ осетинами, по словамъ графа Паскевича, ограничивались тѣмъ, что ни одинъ осетинъ „не смѣлъ показаться на базаръ и въ деревнѣ Карталиніи, чтобы не быть совершенно ограбленнымъ отъ такъ называемыхъ помѣщиковъ“. Нѣкоторые же изъ помѣщиковъ устраивали въ ущельяхъ замки, нападали оттуда на проходившихъ осетинъ, грабили или брали ихъ въ плѣнъ и продавали въ рабство. Вообще же по документамъ, которые были разсмотрѣны для разъясненія крѣпостнаго дѣла въ Осетіи: грамотамъ, древнимъ грузинскимъ законамъ и т. п., притязанія помѣщиковъ на владѣніе осетинами-крестьянами были лишены, повидимому, всякаго основанія. Но de facto осетины, особенно жившіе вблизи грузинскихъ поселеній, издавна были въ крѣпостной зависимости отъ грузинскихъ феодаловъ-эриставовъ, хотя

*) VIII т. Акт. Кавк. Арх. Ком., 306, 308.

зависимость эта состояла преимущественно въ случайномъ подчиненіи ихъ феодальному производству.

Кромѣ всего этого, крѣпостное дѣло имѣло для своей окончательной регламентаціи не мало затрудненій еще въ томъ отношеніи, что одни и тѣ же крѣпостные участки имѣли на себя по нѣскольку, повидимому, равноправныхъ претендентовъ.

Дальнѣйшими болѣе выдающимися событіями въ Осетіи были: новое раздѣленіе ея на приставства и учрежденіе народнаго суда въ г. Владикавказѣ для разбора споровъ и тяжбъ между осетинами какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, преимущественно по дѣламъ кровомщенія. Персональ суда состоялъ изъ наиболѣе почетныхъ туземцевъ и русскихъ мѣстныхъ администраторовъ. Въ основаніе его рѣшеній, при разборѣ дѣлъ, брались частію русскіе законы, частію нравы и обычаи туземнаго населенія. Впрочемъ, дѣйствія этого суда, по неопредѣленности его руководящихъ положеній и правилъ, весьма мало соотвѣтствовали мѣстнымъ нуждамъ. Осетины весьма рѣдко обращались къ нему для разбора своихъ дѣлъ; вслѣдствіе этого въ 1837 г., послѣ 6—7-лѣтняго существованія, судъ этотъ „за своею ненадобностію“ былъ совершенно упраздненъ. На случай возникновенія между туземцами споровъ и тяжбъ, разборъ и ихъ рѣшеніе вошли въ обязанности ближайшихъ управителей края—приставовъ. Наиболѣе же выдающіяся дѣла разбирались на сѣверѣ Осетіи—комендантомъ крѣп. Владикавказа, а на югѣ—начальникомъ округа, жившимъ въ г. Гори.

Возмущеніе 30 года было послѣднимъ замѣтнымъ проявленіемъ отчужденности и враждебности осетинскаго населенія къ русскому господству. Въ послѣдующіе годы осетины, особенно сѣвернаго склона, начали уже успѣшно ассимилироваться и сживаться съ русской жизнью и ея поряд-

ками. Усмирение этого возмущения было вообще настолько успешным, что в том же году тагаурцы, наиболее спокойная часть осетинского населения, какъ-бы съ цѣлю загладить свои прежніе проступки, принимали, совместно съ русскими войсками, участие въ усмирении другихъ туземцевъ сѣвернаго Кавказа, „раздѣляя труды и опасности (русскаго) отряда“. Съ того же времени русскія власти начали составлять изъ осетинъ и постоянные болѣе или менѣе правильно сформированные отряды милиціи.

Въ 1836 и 1837 годахъ дѣло мирнаго развитія въ краѣ русской гражданственности было ознаменовано двумя выдающимися фактами. Академикъ Шегренъ занялся лингвистическими изслѣдованіями осетинскаго языка и такимъ образомъ обратилъ вниманіе ученаго міра на осетинское племя. Однимъ изъ плодовъ ученыхъ изслѣдованій г. Шегрена было составленіе осетинскаго алфавита, представлявшее въ своемъ родѣ обстоятельное начало для всѣхъ послѣдующихъ трудовъ въ этомъ направленіи. Другимъ же выдающимся событіемъ 1837 года, способствовавшимъ распространенію на Кавказѣ вообще русскаго элемента и объединенію разнородныхъ проявленій въ новомъ краѣ русскихъ порядковъ, было посѣщеніе Кавказа Государемъ Николаемъ Павловичемъ.

Для Осетин это посѣщеніе имѣло особую важность прежде всего въ томъ отношеніи, что Государь проѣхалъ по Военно-грузинской дорогѣ, въ районъ и осетинскаго населенія. Возбудивъ усиленную административную дѣятельность по благоустройству края, означенное посѣщеніе было какъ-бы знаменательнымъ актомъ предстоящей ассимиляціи края съ русскими порядками, актомъ полного закрѣпленія его подъ верховною русскою властію.

Послѣ посѣщенія Кавказа Государемъ Николаемъ Павловичемъ, на Кавказѣ начали вводиться новые гражданскіе

порядки; въ Закавказьи главнѣйшимъ основаніемъ нововведеній было совершенное отдѣленіе и обособленность другъ отъ друга управленій гражданскаго и военнаго. Для административныхъ работъ по устроению края, въ помощь главному управляющему, въ 1840 г. былъ организованъ Комитетъ изъ представителей мѣстной администраціи. Въ дѣйствіяхъ комитета особенное значеніе для южной Осетин имѣла окончательная разработка крѣпостнаго дѣла и окончательное установленіе взаимныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Разборъ этого дѣла, начатый еще въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ при генералѣ Ермоловѣ и продолжавшійся при графѣ Паскевичѣ въ смыслѣ облегченія и даже освобожденія осетинъ-крестьянъ отъ власти помѣщиковъ, окончился теперь не въ пользу крестьянъ. Кавказскій Комитетъ призналъ всѣ существовавшія между крестьянами и помѣщиками имущественныя и правовыя отношенія, за исключеніемъ немногихъ, противорѣчившихъ русскимъ законамъ, вполне обязательными и законными. Постановленіе это было утверждено въ 1849 г. Высочайшею властью. При разборѣ крѣпостнаго дѣла въ Закавказьи, между прочимъ, обнаружилось, что, помимо сложности имущественныхъ обязательствъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ, означенное дѣло представляло запутанность еще вслѣдствіе сложности его правовыхъ условій. Такъ, напр., въ персоналѣ помѣщиковъ были лица, въ одно и то же время владѣвшія крестьянами и находившіяся въ крѣпостной зависимости у другихъ лицъ (дворяне княжескіе или *азнауры тавадскіе*). Въ 1852 г. крестьяне, принадлежавшіе церкви, были освобождены отъ крѣпостной зависимости. Съ установленіемъ въ крѣпостномъ дѣлѣ определенныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, опредѣлились районы осетинскихъ поселеній, свободныхъ отъ крѣпостной зависимости и оставшихся подъ властью помѣщиковъ. Первый занималъ верхнее про-

странство, а второй средину и нижнюю полосу южного склона; приблизительною границею того и другого можно намѣтить неправильную линію отъ плоскогорія Кели въ плоскогорію Эрцо. Всѣ осетинскія поселенія южного склона и центральныхъ ущелій: Труссо и Закко-Мамисонскаго или Нардонской котловины, по тогдашнему административному раздѣленію Закавказскаго края, вошли въ Грузино-Имеретинскую губернію, съ центромъ ея г. Тифлисомъ.

Осетинскія поселенія сѣвернаго склона, въ административномъ отношеніи, составляли до конца пятидесятихъ годовъ часть неопредѣленнаго, по своимъ границамъ, военнаго округа, центромъ котораго была крѣпость Владикавказъ. Въ началѣ же 60-хъ годовъ, съ преобразованиемъ означеннаго округа въ Терскую область, а крѣпости Владикавказа въ ея главный городъ, сѣверные осетины были административно соединены въ отдѣльную часть Терской области—Военно-осетинскій округъ. Одновременно съ этимъ административнымъ устроеніемъ, русская власть устанавливала между сѣверными осетинами ихъ взаимныя общественныя и экономическія отношенія.

Въ описываемое время населеніе Осетіи представляло собою нѣсколько отдѣльныхъ группъ или обществъ, которыя были обособлены другъ отъ друга не только условіями мѣстности, но и условіями своего историческаго прошлаго. Сѣверную Осетію составляли шесть обществъ, соотвѣтственно шести ея главнѣйшимъ ущельямъ: Тагаурское, Куртатинское, Алагирское и Дигорское на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, Заккинское и Наро-Мамисонское въ Нардонской котловинѣ. Южная Осетія представляла также шесть обществъ: Джавское, Твальское, Магландолетское, Джамурское и Гудомакарское на южномъ склонѣ и Труссовское въ центральномъ ущельи того же имени. Наибольшею обособленностью другъ отъ друга отличались обще-

ства сѣвернаго склона; здѣсь она выражалась не только въ территориальномъ раздѣлѣ, но и въ различіи по общественнымъ правамъ и обычаямъ каждой отдѣльной группы. Каждое изъ названныхъ обществъ въ свою очередь раздѣлялось на болѣе мелкія общества, состоявшія изъ родственныхъ между собою семействъ, или фамилій. Означенное раздѣленіе на общества сохранилось на сѣверѣ Осетіи до настоящаго времени, впрочемъ, только въ частномъ быту, но не въ административномъ обозначеніи края; на югѣ же Осетіи оно значительно сгладилось подѣ объединяющимъ вліяніемъ грузинскаго населенія. Групповая раздробленность осетинъ, между прочимъ, проявлялась въ постоянныхъ раздорахъ обществъ изъ-за интересовъ имущественныхъ, раздорахъ, разрѣшавшихся весьма нерѣдко взаимными грабежами, нападеньями и т. п.

Подобные случаи были особенно значительны между населеніемъ центральныхъ ущелій, какъ наименѣ доступныхъ для административнаго воздѣйствія. Такъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ взаимныя нападенія другъ на друга закинцевъ и мамисонцевъ, алагирцевъ и дигорцевъ, хотя и не имѣвшія значенія бунта, тѣмъ не менѣе были настолько опасными для спокойствія края, что противъ безпокойныхъ были посланы два довольно значительныхъ отряда—съ сѣвера и юга. Одна треть южнаго отряда (около 300 чел.), между прочимъ, состояла изъ осетинъ-милиціонеровъ южнаго склона. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ центральныхъ ущелій виновные встрѣчали своихъ усмирителей ожесточеннымъ отпоромъ. Спокойствіе, впрочемъ, было восстановлено при первыхъ же военныхъ дѣйствіяхъ отряда.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ сѣверная Осетія, собственно ея Алагирское общество, стала предметомъ особаго административнаго вниманія со стороны русской власти; оно было привлечено первою разработкою Садонскаго сере-

бро-свинцового рудника частнымъ предпринимателемъ грекомъ Чекаловымъ. Потерпѣвъ въ своемъ дѣлѣ довольно значительныя неудачи, Чекаловъ обратился къ властямъ за помощью. Обстоятельство это, вызвавъ сначала изслѣдованіе района рудныхъ мѣсторожденій, привело къ тому, что Садонскій рудникъ въ 1850 г. перешелъ въ вѣдѣніе казны. Съ приобретѣніемъ этого рудника, Алагирское ущелье начало мало по малу оживляться довольно значительной для края и административной, и промышленной дѣятельностію. Въ теченіе трехъ лѣтъ здѣсь былъ устроенъ для переработки добывавшихся рудъ серебро-свинцово-плавильный заводъ. Отвернувъ свои дѣйствія въ 1853 г., онъ съ теченіемъ времени привлекъ съ себѣ множество рабочихъ изъ окружающаго осетинскаго населенія, ставъ такимъ образомъ для него источникомъ заработковъ.

Не малое значеніе для мѣстной жизни имѣли также устройство шоссе отъ завода къ руднику на протяженіи 33 верстъ и построеніе двухъ укрѣпленныхъ пунктовъ (св. Николая и Алагирскаго), съ постояннымъ гарнизономъ для охраненія рудника и завода. Разработка дороги отъ завода къ руднику въ послѣдующіе годы была продолжена по Алагирскому ущелью въ глубь горъ до Мамисонскаго перевала на южный склонъ хребта. Дорога эта, названная Военно-осетинскою, помимо своей полезности для туземцевъ, имѣла не малое и стратегическое значеніе, какъ кратчайшій, хотя часто и весьма затруднительный, путь изъ Владикавказскаго военнаго округа въ западную часть Закавказья.

Во время войны въ пятидесятыхъ годахъ съ турками, по этой дорогѣ, напр., нерѣдко доставлялся провьянтъ изъ Владикавказскаго округа въ отряды, расположенные въ верхне-Ріонскомъ бассейнѣ, проходили войска и т. п.

Одновременно со всѣми означенными случаями, такъ сказать, внѣшняго водворенія русскаго элемента въ болѣе

или менѣе центральныхъ пунктахъ сѣвернаго осетинскаго района, въ быту сѣверныхъ осетинъ вводились и болѣе прочныя внутренніе порядки. Таковымъ былъ, кромѣ выше-названныхъ общепрактикуемыхъ мѣропріятій, разборъ общественныхъ правовыхъ и имущественныхъ отношеній осетинскаго населенія и упроченіе ихъ силою русскихъ законовъ. Назначенныя для этого дѣла сначала временныя комиссіи: въ 1859 г. въ крѣп. Нальчикѣ, въ 1852 г. въ станицѣ Ардонской, а потомъ постоянная въ г. Владикавказѣ, посредствомъ допросовъ представителей осетинскаго населенія и его сосѣдей-туземцевъ и на основаніи другихъ данныхъ, показали, что въ средѣ двухъ осетинскихъ обществъ— Тагаурскаго и Дигорскаго существовало весьма рѣзкое подраздѣленіе на три сословія: привилегированное, зависящее отъ привилегированнаго или крѣпостное и сословіе полу-свободное, такъ сказать, среднее. Въ Тагаурскомъ обществѣ привилегированное называлось сначала тагаурами или тагаэтами, а съ 1847 г.—алдарами. (Первое названіе находится въ связи съ преданіемъ о происхожденіи привилегированнаго сословія Тагаурскаго общества отъ армянскаго царевича, или по-армянски-тагаура, а послѣднее „алдаръ“ означаетъ благородный, господинъ и т. п.). Въ Дигорскомъ обществѣ сословіе, равноправное съ алдарами, носило названія по именамъ своихъ родоначальниковъ: баделяты, саргосаты и гагуаты. Всѣ эти привилегированныя группы владѣли на правахъ помѣщиковъ другими группами, носившими разныя мѣстныя названія: куссаки, косаки, (холопы). Наконецъ, между тѣми и другими существовали еще группы: кавдасарды и фарсалаги въ Тагаурскомъ и адамихоты и хехесы въ Дигорскомъ обществахъ; они находились у привилегированныхъ сословій въ зависимости лишь по имущественнымъ, арендаторскимъ отношеніямъ и могли превращать ее по своему желанію. Особую сложность и своеоб-

разность своего общественнаго положенія представляла группа—кавдасарды; въ ней принадлежали лица, рожденныя отъ браковъ алдаръ съ женщинами непривилегированнаго сословія, или наложницами; въ ихъ общественныхъ правахъ какъ-бы соединились съ одной стороны нѣкоторыя привилегіи, а съ другой ограниченность или же и полное отсутствіе правъ родителей. Бывали, напр., случаи, что кавдасарды, изъ привилегированнаго положенія при родителяхъ, попадали въ рабство, по смерти родителей, къ ихъ наслѣдникамъ-родственникамъ.

Въ другихъ осетинскихъ обществахъ: Алагирскомъ, Куртатинскомъ, Наро-Мамисонскомъ и Заккинскомъ, по изслѣдованіямъ комиссій, не было ни раздѣленія на сословія, ни крѣпостнаго права; такъ что въ общемъ населеніе представляло здѣсь равноправную среду, изъ которой нѣсколько фамилій выдавалось только большимъ почетомъ и вліяніемъ на соплеменниковъ.

По приведеніи въ извѣстность правовыхъ отношеній во всѣхъ обществахъ, за группами привилегированнаго сословія были утверждены русскимъ правительствомъ права потомственнаго дворянства и права помѣщичьей власти надъ сословіемъ кусаковъ, косаковъ (холоповъ) и друг. Фарсалаги, кавдасарды, адамихоты или весдоны и жители Куртатинскаго, Алагирскаго, Наро-Мамисонскаго и Заккинскаго ущелій были признаны свободнымъ сословіемъ, какъ-бы соотвѣтствовавшимъ сословію русскимъ казенныхъ крестьянъ. Впрочемъ, нѣкоторымъ изъ наиболѣе почетныхъ фамилій названныхъ 4 обществъ были даны привилегіи личнаго дворянства.

Различіе въ обоюдныхъ общественныхъ отношеніяхъ въ средѣ осетинскихъ обществъ, очевидно, обуславливалось различіемъ ихъ историческаго прошлаго. Алагирцы, куртатинцы, заккинцы и наро-мамисонцы, занимая центральныя мѣста

осетинскаго района, жили болѣе или менѣе въ постояннаго иноплеменнаго вліянія и такимъ образомъ до нѣкоторой степени сохранили въ обоюдныхъ общественныхъ отношеніяхъ ту равномерность и однообразіе, которыя составляютъ естественное условіе племенной солидарности. Между тѣмъ какъ тагаурцы и дигорцы, сталкиваясь болѣею частью враждебно, первые—съ сосѣдями Военно-грузинскаго пути, а вторые—съ кабардинцами, неизбѣжно отразили въ своемъ племенномъ составѣ общія послѣдствія воинственной жизни: группы побѣдителей, побѣжденныхъ и т. п., выработавшіяся съ теченіемъ времени въ группы сословныя. Въ виду весьма значительной зависимости Дигоринъ отъ Кабарды, тяготѣвшей надъ нею до водворенія русскихъ, сходства въ общественномъ устройствѣ дигорцевъ и тагаурцевъ съ кабардинскимъ, а еще болѣе въ виду тяготѣнія высшаго сословія осетинскаго къ таковому же въ Кабардѣ, привилегированное сословіе Осетии можетъ быть принято, если не по первоначальному образованію, то по существованію его до водворенія въ край русскихъ, группою осетинъ, смѣшавшихся путемъ браковъ съ побѣдителями-кабардинцами. Такой видъ происхожденія привилегированнаго сословія констатируется въ большинствѣ случаевъ его фамиліными преданіями.

Разъясненіе и установленіе правовыхъ отношеній неизбѣжно потребовали разъясненія и установленія отношеній имущественныхъ. Въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ дѣла было распредѣленіе земельныхъ участковъ между привилегированными и свободными или „средними“ группами населенія. Дѣло это, при отсутствіи письменныхъ и вообще документальныхъ данныхъ, представляло весьма значительныя трудности. Прежде всего оно встрѣчало постоянное затемненіе и путаницу частію въ умышенномъ, частію въ неумышенномъ преувеличеніи завѣдомо-привилегированными

группами своихъ имущественныхъ правъ, особенно въ дѣлѣ землевладѣнія. Въ параллель къ этому, примѣры закрѣпленія за привилегированными группами выгодъ и преимуществъ вызывали постоянно притязанія на подобныя же преимущества иногда со стороны цѣлыхъ обществъ, гдѣ вовсе не было сословнаго подраздѣленія.

Во всемъ этомъ дѣлѣ закрѣпленія какъ привилегій, такъ и зависимости и рабства, между прочимъ, однимъ изъ руководящихъ административныхъ началъ было стремленіе русской власти расположить къ русскимъ порядкамъ населеніе, наиболѣе нерасположенное, наиболѣе недовольное водвореніемъ въ край русскихъ. Такимъ же было по преимуществу населеніе магометанское. Это руководящее административное начало проявлялось, напр., въ томъ, что притязанія магометанъ на принадлежность къ привилегированному сословію въ большинствѣ случаевъ утверждались безъ особыхъ разслѣдованій и вообще затрудненій. Еще болѣе часто практиковалось, такъ связать, задабриваніе магометанскаго населенія щедрымъ награжденіемъ чинами, орденами и т. п. Съ теченіемъ времени такая система дѣйствій, при неумѣлости и безтактности ближайшихъ къ населенію администраторовъ, весьма нерѣдко переходила даже въ крайнее заискиванье расположенія магометанъ.

Но наряду съ этимъ христіанское населеніе края пользовалось весьма слабымъ административнымъ вниманіемъ; поставленное съ этой стороны въ параллель съ населеніемъ магометанскимъ, оно казалось даже какъ-бы забытымъ и заброшеннымъ. Обстоятельство это прежде всего отражалось, напр., въ томъ, что въ персоналѣ осетинъ, награждавшихся сословными привилегіями при общемъ гражданскомъ устроеніи края, или чинами, орденами, денежными субсидіями и т. п. во время пребыванія на русской службѣ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ осетины-христіане попа-

дались какъ рѣдкое единичное исключеніе. Продолжаясь цѣлыя дѣсятки лѣтъ, такое положеніе дѣлъ, выражая собою какъ-бы пренебреженіе къ христіанскому населенію, послужило причиною довольно распространившагося между осетинами мнѣнія, что христіанство—религія „простыхъ“ людей, а магометанство религія „благородныхъ“, что никакія заслуги осетина-христіанина не дадутъ ему правъ на награды, отличія и вообще милости русскаго правительства. Развиваемое и поддерживаемое лицами, заинтересованными въ подавленіи христіанства, мнѣніе это иногда приводило къ тому, что осетины-христіане, ради успѣховъ въ службѣ, въ просьбахъ и домогательствахъ у начальства и т. п., нерѣдко измѣняли своей вѣрѣ и переходили въ магометанство. По рассказамъ вполне компетентныхъ очевидцевъ этого дѣла, въ магометанство совращались тогда не только отдѣльные лица, осетины-христіане, но и цѣлыя группы осетинскаго христіанскаго населенія.

Вообще же, къ половинѣ пятидесятихъ годовъ, когда взаимныя общественныя отношенія между разными группами осетинъ были болѣе или менѣе установлены, осетинское населеніе со стороны и общественной, и религіозной представляло двѣ группы: одна изъ нихъ, состоявшая изъ почетныхъ, вліятельныхъ, награжденныхъ, чиновныхъ, и т. п. лицъ и незначительной части простаго класса, исповѣдывала магометанскую вѣру, а другая, большинство простаго класса, исповѣдывала религію христіанскую. Общій характеръ привилегій за магометанскимъ населеніемъ еще болѣе проявился съ установленіемъ въ осетинскомъ районѣ почти новыхъ поземельныхъ отношеній. Такъ въ еще концѣ сороковыхъ годовъ русское правительство, въ виду недостатка земли въ горныхъ мѣстахъ, разрѣшило привилегированному сословію Тагаурскаго общества алдарамъ-магометанамъ занять участки земли на Владикавказской равнинѣ, представлявшіе

последнее подспорье къ уменьшенію въ горахъ тѣсноты населенія и соединенныхъ съ нею затрудненій. Въ послѣдующіе годы, когда тѣснота въ горахъ сдѣлалась уже настолько ощутительною, что переселеніе на равнину стало общимъ желаніемъ, означенная награда казалась тѣмъ значительнѣе, что, при переселеніи на равнину осетинъ-христіанъ, она ставила послѣднихъ къ магометанамъ въ зависимость, весьма легко переходившую изъ матеріальной въ нравственную. Вслѣдъ за надѣленіемъ землею тагаурцевъ, на равнинѣ были отведены участки и другимъ группамъ осетинскаго населенія.

Установленіе за алдарами, баделятами, саргосатами и гагуатами привилегій, особенно въ дѣлѣ землевладѣнія, сопровождалось со стороны фарсалаговъ, кавдасардовъ адамихатовъ и другихъ группъ осетинскаго населенія постоянными заявленіями о несправедливости означенныхъ привилегій. Въ Дигорскомъ обществѣ введеніе новыхъ порядковъ было причиной сильной вражды адамихатовъ къ привилегированному сословію; она продолжалась почти до послѣднихъ дней освобожденія зависимыхъ сословій и нерѣдко грозила перейти изъ формы жалобъ и домогательствъ въ открытое нарушеніе порядка. Подобные факты, указывая на введеніе такихъ правъ и преимуществъ, которыя превышали исторически выработанныя и вошедшія въ нравы и обычаи населенія, вызвали въ этомъ дѣлѣ въ послѣдующіе годы поправки и ограниченія. Такъ какъ главнѣйшею причиной взаимныхъ раздоровъ между сословіями была земля, то означенныя поправки относились преимущественно къ надѣлу населенія земельными участками. Въ виду послѣдняго обстоятельства, исторія распределенія между сословіями земельныхъ участковъ на равнинѣ представляетъ собою какъ-бы исторію ихъ взаимныхъ отношеній, болѣе или менѣе солидарныхъ и дружественныхъ

при равномерномъ землевладѣніи и непріязненныхъ, разрозненныхъ при другихъ условіяхъ этого дѣла.

Первое распредѣленіе вновь отведенной равнинной земли было сдѣлано въ началѣ 50-хъ годовъ, причемъ алдарамъ Тагаурскаго общества предназначалось по 225 десятинъ на каждую семью, остальнымъ тагаурцамъ по 36 десят. Въ Дигорскомъ обществѣ количества надѣловъ, хотя и безъ достаточной точности, были распредѣлены съ признаніемъ въ этомъ дѣлѣ за бадеятами, саргосатами и гагаутами значительныхъ сословныхъ привилегій. Но въ скоромъ времени, съ увеличеніемъ населенія Владикавказской равнины выходцами изъ горныхъ мѣстностей, въ землевладѣніи этого района произошли чрезвычайная путаница и безпорядки. Главнѣйшими причинами ихъ были неопредѣленность участковъ, поведшая къ черезполосицѣ, излишнимъ захватамъ земли въ однихъ случаяхъ, соединеніямъ нѣсколькихъ владѣльцевъ на одномъ участкѣ въ другихъ и т. п. Все это было тѣмъ неизбѣжнѣ, что многіе изъ подобныхъ случаевъ были пріуготовлены самымъ распредѣленіемъ земли, произведеннымъ безъ точнаго знанія распредѣляемаго района, при единственномъ тогда пособіи въ этомъ дѣлѣ — 3-хъ верстной картѣ.

Въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ въ сѣверной Осетіи было начато новое распредѣленіе земельныхъ участковъ. На этотъ разъ оно было составлено и введено безъ всякихъ послабленій неумѣреннымъ и бездоказательнымъ домогательствамъ привилегированныхъ группъ осетинскаго населенія. Вся земля была раздѣлена, по возможности, совершенно равномерно между всѣми обществами населенія; причемъ въ основаніе количества надѣловъ принималось только количество населенія. Для большаго удобства въ пользованіи земельными участками нѣкто-

рые изъ населенныхъ пунктовъ равнины были впоследствии переимѣнены на другія мѣста. Исключеніемъ изъ равномерности земельного дѣла были лишь два случая закрѣпленія обширныхъ земельныхъ участковъ, (одинъ около 2500 десят., а другой около 13,000 десят.) за 2-мя фамиліями привилегированнаго сословія (Дударовыми—близъ Владикавказа и Тугановыми—въ равнинной Дигоріи); въ обоихъ этихъ случаяхъ права владѣтелей были дѣломъ не какихъ нибудь сословныхъ привилегій, а дѣломъ вполне определенныхъ отдѣльныхъ наградъ со стороны русскаго правительства.

При надѣлѣ земельными участками всѣхъ жителей, алдарамъ, на случай ихъ нежеланія воспользоваться своими надѣлами наравнѣ съ другими жителями, были предложены участки земли по 300 десят. на семью въ сосѣдней Кубанской области, за предѣлами Военно-осетинскаго округа. Такимъ образомъ поземельный вопросъ въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ значительной поправки этого дѣла, сравнительно, съ его началомъ въ пятидесятыхъ годахъ. Не смотря на то, что въ немъ было много обстоятельствъ, ставившихъ населеніе въ возбужденное состояніе, спокойствіе въ край нарушаемо не было. Последнее свидѣтельствовало въ пользу миролюбиваго предрасположенія въ русскимъ осетинскаго населенія, тѣмъ болѣе, что въ недалекомъ разстояніи отъ него, въ Чечнѣ и другихъ мѣстахъ, въ теченіе пятидесятыхъ годовъ и отчасти въ послѣдующее время, населеніе, подъ руководствомъ Шамиля и его фанатиковъ-мюридовъ, вело отчаянную, ожесточенную борьбу съ русскими. Даже больше того: въ русскихъ отрядахъ, дѣйствовавшихъ противъ враждебныхъ намъ племенъ, осетины представляли наиболѣе многочисленныхъ представителей туземной милиціи. По рассказамъ очевидцевъ, они всегда отличались мужествомъ

и храбростію и были весьма полезнымъ контингентомъ въ военныхъ отрядахъ.

Въ 1860 г. изъ осетинъ и другихъ племенъ Терской области былъ организованъ конно-иррегулярный полкъ, и военная добровольная служба осетинъ-милиціонеровъ получила, такъ сказать, большую государственную опредѣленность, а для служащихъ—выгодность (милиціонерамъ было назначено жалованье по 10—15 руб. въ мѣсяцъ); о послѣднемъ можно судить, напр., по тому, что число желавшихъ поступить въ милиціонеры всегда превышало число вакансій. Привилегированнымъ сословіямъ Военно-осетинскаго округа, между прочимъ, было предоставлено, еще съ начала введенія въ край гражданскихъ порядковъ, право службы въ Кавказскомъ конвоѣ Государя Императора. Представляя собою видъ той административной системы, которая заключалась въ покровительствѣ наиболѣе неблагонадежному туземному элементу, означенное право безусловно не распространялось на осетинъ-христіанъ.

Послѣднее лишеніе (тѣмъ болѣе значительное, что служба въ конвоѣ Государя сопровождалась полученіемъ всевозможныхъ щедрыхъ наградъ) было настолько послѣдовательнымъ, что осетины-христіане, случайно попадавшіе въ конвой, были немедленно высылаемы на родину. Такіе случаи, дѣлаясь извѣстными между населеніемъ, не понимавшимъ ихъ настоящаго политическаго значенія, служили только къ укрѣпленію существовавшаго среди осетинъ мѣтнія, что магометанство—религія „благородныхъ“, а христіанство—религія „простыхъ“ людей. Преимущество или, такъ сказать, „торжество“ магометанскаго элемента надъ христіанскимъ на аренѣ административно-бытовыхъ интересовъ, на аренѣ наградъ, чиновъ и т. п., становилось особенно значительнымъ въ случаяхъ назначенія мѣстными администраторами края осетинъ-магометанъ. Одинъ, напр., такой случай

былъ особенно характеристиченъ. Офицеръ магометанинъ К-въ, изъ вліятельной осетинской фамиліи, воспользовавшись личною извѣстностію намѣстнику князю Барятинскому и желая эксплуатировать его вниманіе въ дѣлу распространенія христіанства, выпросилъ себѣ, подъ „негласнымъ“ общаніемъ принять христіанство, мѣсто ближайшаго начальника Осетинскаго округа. Но, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, К-въ не только не принялъ христіанства, но даже совратилъ въ магометанство довольно значительный контингентъ осетинъ, а потомъ закончилъ свое негласное коварство выселеніемъ въ Турцію. Подобные примѣры коварства и, такъ сказать, замаскированнаго предубѣжденія и недоброжелательства къ русскому элементу были явленіемъ весьма нерѣдкимъ; они начали встрѣчаться, какъ контрастъ общему предрасположенію къ русскимъ, въ средѣ, впрочемъ, немногочисленнаго персонала мѣстной магометанской аристократіи, послѣ того какъ ея привилегіи, щедрыя по первой раздачѣ, начали сокращаться и ограничиваться. Пользуясь невѣжествомъ массы населенія, этотъ персоналъ недовольныхъ иногда вовлевалъ въ свое недовольство тѣ ея группы, которыя были наиболѣе зависимы отъ него по привычкѣ, совмѣстной жизни и т. п. Впрочемъ, при отсутствіи для недовольства прочной почвы въ сочувствіи массы, проявленіе его почти не переходило за предѣлы обмановъ и интриганства. Исходя исключительно отъ магометанъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ носило характеръ религіознаго отчужденія магометанъ отъ христіанства и при благоприятныхъ случаяхъ разрѣшалось выселеніями въ Турцію, тогдашнюю обѣтованную землю всѣхъ магометанъ, волновавшихся другихъ или волновавшихся лично нелѣпными слухами о несообразныхъ русскихъ мѣропріятіяхъ, въ родѣ повальнаго окрещенія, повальнаго переселенія въ Россію и т. п.

Всѣ подобныя обстоятельства изъ жизни магометан-

скаго населенія встрѣчались преимущественно въ привилегированныхъ группахъ Тагаурскаго и Дигорскаго обществъ. Остальное же населеніе, стоя совершенно въ сторонѣ отъ арены наградъ и поощреній, было также чуждо и недовольства при ихъ сокращеніи. Здѣсь, въ непритязательной и въ большинствѣ—экономически убогой средѣ медленно, но послѣдовательно развивалось прочное, искреннее предрасположеніе къ русскимъ, освободителямъ этой среды отъ обидъ и хищничества со стороны сильныхъ иноплеменныхъ сосѣдей. Хотя первыя привилегіи, дарованныя алдарамъ, баделятамъ, саргосатамъ и гагуатамъ, и возбудили въ ней нѣкоторое разочарованіе въ надеждахъ, напр., на свободное расселеніе по равнинѣ, но дальнѣйшія поправки этого дѣла значительно сгладили такое впечатлѣніе. Но особое значеніе этой среды, помимо того, что она представляла массу, большинство, заключалось въ ея христіанствѣ или, по крайней мѣрѣ, въ предрасположеніи къ христіанству.

Впрочемъ, въ общемъ ходѣ административно-общественнаго устройства края означенное обстоятельство, по видимому, не было предметомъ даже второстепеннаго вниманія. Все предпринимавшееся или введенное здѣсь по дѣлу христіанства исходило изъ источника, хоть и компетентнаго, но весьма слабого матеріальными средствами—Осетинской Духовной Коммиссіи. Не встрѣчая никакого содѣйствія со стороны мѣстной администраціи, Коммиссія тѣмъ не менѣе удержала и развила въ краѣ главнѣйшіе начатки христіанства, готовые было исчезнуть, особенно въ періодъ наибольшаго покровительства осетинамъ-магометанамъ изъ привилегированнаго сословія. Однимъ изъ первыхъ ея дѣйствій было одновременное построеніе церквей и часовенъ въ разныхъ мѣстахъ осетинскаго района. На южномъ склонѣ хребта, гдѣ были болѣе благопріятныя условія для миссіонерства, съ первыхъ годовъ водворенія русскихъ

до пятидесятихъ годовъ было построено 12 церквей, а на сѣверномъ склонѣ 5: 1—въ Тагаурскомъ обществѣ (въ сел. Даргавсѣ въ 1864 г.), 1—въ Куртатинскомъ (въ сел. Саудагъ въ 1823 г.), 1—въ Наро-Мамисонскомъ (въ сел. Зрамагъ въ 1849 г.), и 2 въ обществѣ Дигорскомъ (въ сел. Архонскомъ въ 1835 г. и въ сел. Дагомъ въ 1837 г.). Но особенно успѣшнымъ было построение церквей въ пятидесятихъ и послѣдующихъ годахъ, когда дѣло христіанскаго просвѣщенія края нашло для себя энергичнаго просвѣщеннаго дѣятеля въ лицѣ архимандрита Іосифа (нынѣ епископа Владикавказскаго). Не смотря на затрудненія въ этомъ дѣлѣ, обусловливавшіяся съ одной стороны недостаткомъ административнаго содѣйствія, а съ другой нерѣдко и противодѣйствіемъ изъ среды вліятельныхъ привилегированныхъ магометанъ, въ означенный періодъ было построено въ ущельяхъ и на равнинѣ сѣверной Осетии болѣе 10 церквей. Обстоятельство это имѣло весьма важное значеніе для края, не только собственно-религіозное, но и вообще значеніе граждански-просвѣтительное.

Устройство церквей, назначеніе къ нимъ священниковъ и вообще введеніе условій вѣшняго религіознаго благоустройства обыкновенно сопровождалось или же влекло за собою устройство школъ и вообще распространеніе грамотности. Съ этой стороны дѣйствія лицъ духовнаго вѣдомства, особенно во второй періодъ миссіонерства, имѣли тѣмъ большее значеніе, что изъ другихъ сферъ по устройству края для образованія массы въ то время почти ничего не предпринималось. Единственнымъ исключеніемъ изъ періода административной безучастности къ дѣлу миссіонерства были 2—3 года въ половинѣ пятидесятихъ годовъ. Тогдашній начальникъ Владикавказскаго военнаго округа, баронъ Вревскій, предпринялъ было нѣкоторыя мѣры для улучшенія миссіонерскаго дѣла; но потомъ, по всей вѣроятности, отвлеченный отъ него другими интересами дня, предоставилъ

это дѣло, для дальнѣйшихъ заботъ о немъ, духовному начальству.

Въ описываемое время источникомъ школьнаго образованія для осетинъ были: вновь учрежденная горская школа въ г. Владикавказѣ и два училища: уѣздное и духовное въ г. Моздокѣ. Всѣ эти училища, предназначенныя, впрочемъ, вообще для всего населенія своихъ районовъ, были хоть и скромными, но не безсодержательными источниками просвѣщенія для осетинскаго населенія, такъ какъ оно весьма охотно отдавало въ нихъ своихъ дѣтей.

Но училища во Владикавказѣ и Моздокѣ были доступны лишь незначительному числу дѣтей изъ фамилій наиболѣе почетныхъ и вліятельныхъ; впоследствии, впрочемъ, туда опредѣлялись дѣти всѣхъ состояній и чаще всего съ спеціальнымъ назначеніемъ ихъ для службы въ вѣдѣніи Осетинской Духовной Коммиссіи. Въ половинѣ пятидесятихъ годовъ была устроена небольшая школа и въ самомъ центрѣ Осетіи—въ Мамисонскомъ ущельи. Она была дѣломъ перваго пионера осетинской грамотности—іеромонаха Домети, дѣломъ тѣмъ болѣе почтеннымъ и въ своемъ родѣ историческимъ, что о. Домети устроилъ ее на свои средства. Къ концу пятидесятихъ годовъ начали устраиваться школы и въ разныхъ другихъ мѣстахъ Осетіи. Особенно успѣшно начало развиваться школьное дѣло съ улучшеніемъ и переѣздами въ административной сторонѣ миссіонерскаго дѣла. Въ 1860 г., вмѣсто Осетинской Духовной Коммиссіи, дѣло нравственнаго и умственнаго просвѣщенія какъ туземцевъ Осетіи, такъ и другихъ племенъ Кавказа перешло въ вѣдѣніе вновь учрежденнаго Общества возстановленія на Кавказѣ православнаго христіанства. Учрежденіе этого общества, съ значительными денежными средствами, съ организаціей властнаго правительственнаго учрежденія, было въ дѣлѣ просвѣщенія не только Осетіи, но и всего Кавказа, эпохой: по-

вой жизни, эпохой, когда миссіонерское просвѣтительное дѣло изъ состоянія малоуспѣшности перешло въ состояніе прочное, солидное, полное успѣховъ. Не прошло 4—5 лѣтъ со времени учрежденія Общества, какъ почти вся Осетія покрылась школами, число которыхъ относительно числа населенія было бы немалымъ и для болѣе культурнаго края. Такъ, напр., въ началѣ 60-хъ годовъ въ Осетіи ихъ было до 35 съ 380—400 учащихся. Хотя въ школьномъ дѣлѣ было тогда много условій, умаляющихъ значеніе приведенныхъ цифръ: плохое преподаваніе, неудовлетворительная обстановка школь и т. п., тѣмъ не менѣе, школы эти, по общеніямъ компетентныхъ очевидцевъ, не остались безъ вліянія на нѣкоторое возвышеніе нравственнаго и умственнаго уровня населенія хотя тѣмъ, что внесли въ среду индифферентнаго невѣжества и забитости представленія объ умственномъ и нравственномъ совершенствованіи.

Съ теченіемъ времени лучшіе изъ учениковъ были посылаемы на счетъ Общества въ среднія и даже высшія, преимущественно духовныя учебныя заведенія, откуда, по окончаніи курса, они обыкновенно поступали на службу своей родинѣ, въ качествѣ ея духовныхъ или свѣтскихъ просвѣтителей. Въ параллель съ подобными случаями въ вѣдѣніи Общества, мѣстное начальство посылало дѣтей изъ привилегированныхъ осетинскихъ фамилій въ среднія и высшія военныя и гражданскія учебныя заведенія. Въ общемъ вся эта практика отправленій въ учебныя заведенія или на счетъ Общества или „на казенный счетъ“ съ теченіемъ времени предоставила краю, по своему численному отношенію къ общей массѣ населенія, довольно значительный контингентъ образованныхъ осетинъ; въ немъ были представители почти всѣхъ болѣе извѣстныхъ и выдающихся фамилій описываемой мѣстности. Не смотря на свое недавнее происхожденіе, этотъ персоналъ оказывалъ на массу вообще

довольно замѣтное благотѣльное вліаніе. Оно выразилось, напр., въ значительномъ умаленіи и сглаженіи той враждебной разрозненности между разными группами населенія, которая была отчасти дѣломъ ея историческаго прошлаго, отчасти послѣдствіемъ первыхъ мѣропріятій, относившихся къ правовымъ и имущественнымъ интересамъ края. Не малое вліаніе интеллигенція края имѣла также на магометанское населеніе, уменьшивъ его отчужденность отъ русскаго элемента и его симпатіи къ Турціи, какъ странѣ будто-бы совершеннѣйшаго государственнаго устройства. Просвѣтителями своихъ единовѣрныхъ соплеменниковъ образованные осетины-магометане являлись преимущественно путемъ личныхъ примѣровъ, личнымъ устраненіемъ себя отъ такихъ условій жизни, которыя составляютъ суть бытовой отчужденности магометанства отъ элемента христіанскаго. Съ этой стороны первымъ благотѣльнымъ примѣромъ въ жизни образованныхъ осетинъ-магометанъ было устраненіе ихъ отъ многоженства, со всѣми его нравственно-неряшливыми условіями семейной жизни: предпочтеніями, угнетеніемъ, завистью и т. п. Возбудивъ на первый разъ со стороны истыхъ поклонниковъ этого семейнаго начала случаи неудовольствія, означенные примѣры впослѣдствіи нашли для себя (впрочемъ, весьма немногихъ) послѣдователей и въ средѣ, такъ сказать, внѣшне-культурной, переходной отъ интеллигенціи къ массѣ населенія.

Съ 1860 г., одновременно съ устройствомъ школъ, по инициативѣ Общества, было начато и другое, такъ сказать, вспомогательное дѣло по просвѣщенію края—переводъ преимущественно священныхъ книгъ на осетинскій языкъ. Помимо своего религиозно-нравственнаго значенія, дѣло это представляло значительную важность еще какъ фактъ установленія и введенія въ практику осетинской письменности, съ неизбѣжнымъ его слѣдствіемъ—возвышеніемъ языка на степень нѣкоторой культурности и обработанности.

Переводчиками книгъ были члены комитета, организованнаго специально для этой цѣли въ г. Владикавказѣ: архимандритъ Юсифъ, протоіерей Коліевъ, священники: Сухіевъ и Аладжиевъ.

Одновременно съ распространеніемъ между осетинами грамотности и христіанства, въ краѣ постепенно вводились улучшенія и по его административному устройству. Въ послѣднемъ дѣлѣ особое значеніе имѣла точная съемка на карты и планы земель средняго Кавказа, произведенная, подъ руководствомъ генер. Ходзько, Кавказскимъ Военно-топографическимъ Отдѣломъ, и точное установленіе административныхъ районовъ этого края. Въ это время Осетія окончательно получила административное подраздѣленіе, сохранившееся до настоящаго времени: одна часть ея, по сѣверному склону хребта и Нардонской котловинѣ, вошла въ составъ Терской области, другая, по рѣкамъ: Ліяхвѣ, Арагвѣ, Ксанкѣ и друг. и верховьямъ р. Терека, — въ составъ Тифлисской губ.; небольшой уголокъ по верховьямъ р. Ріона вошелъ въ составъ вновь учрежденной Кутаисской губерніи.

Точное опредѣленіе административныхъ районовъ сопровождалось введеніемъ въ краѣ опредѣленныхъ податей: большихъ (по 3 р. съ двора или „дыма“) съ жителей равнинъ, какъ болѣе состоятельныхъ, и меньшихъ (по 2 р., 1 р. 50 к., 75 к.) съ жителей предгорій и горныхъ ущелій.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ все населеніе Осетіи простиралось приблизительно до 98,000 человекъ; изъ этого числа 1445 чел. въ Терской области и до 20,000 чел. въ Закавказьи находились въ крѣпостномъ состояніи.

Въ 1866—67 гг. въ Осетіи, какъ и на всемъ Кавказѣ, произошло многозначительное государственное событіе — освобожденіе зависимыхъ, крѣпостныхъ сословій отъ власти помѣщиковъ. Такими крѣпостными въ Осетіи были: на югѣ —

обитатели средней и нижней полосы южнаго сѣверѣ—куссаки и косаки Тагаурскаго и Курта обществъ. Не смотря на трудности дѣла, освобожденіе и другихъ произошло совершенно успѣшно, безъ нарушенія того порядка, который былъ заранѣе поставленъ въ этомъ дѣлѣ. Общія руководящія начала освобожденія были совершенно тождественны съ началами данной всему русскому крѣпостному люду Царемъ указомъ 1806 г. 19 февраля.

Для соблюденія взаимныхъ интересовъ, употребленіе вообще для ослабленія тѣхъ послѣдствій, которыя были сопровождать перерывъ вѣковыхъ отношеній, освобожденіе было обставлено по отношенію къ крестьянамъ принципомъ постепенности: выкупомъ, средніе размѣры были около 180—200 руб. за человѣка, или обремененіемъ работой помѣщику не болѣе 6 лѣтъ.

Освобожденіе крѣпостныхъ сословій для Осетинъ и для всего Кавказа, было, такъ сказать, окончательнымъ актомъ постепеннаго уничтоженія остатковъ феодальныхъ формъ ея общественной жизни. Въмѣстѣ съ тѣмъ, чтоживъ въ осетинской жизни послѣднія особенности, вышедшія отъ ея самостоятельнаго историческаго развитія, это событіе было и актомъ окончательнаго историческаго слиянія осетинскаго племени съ русскимъ.

Д. Лавровъ

(Окончаніе будетъ).

1883 г.
Г. Тифлисъ.

КРАТКІЯ ЗАМѢТКИ О КАРССКОЙ ОБЛАСТИ.

Положеніе, границы, устройство поверхности, орошеніе,
климатъ.

Положеніе и границы. Карсская область образовалась изъ двухъ санджаковъ Эрзерумскаго вилайета: Карсскаго и части Чалдырскаго, покоренныхъ русскими войсками въ послѣднюю Турецкую войну и присоединенныхъ къ Россійской имперіи по Берлинскому договору. При этомъ въ составъ области вошли нѣкоторыя селенія изъ провинціи Нижне-Пассенской, а изъ Ольтинской нѣсколько селеній отчислено къ Турціи.

Границами области служатъ: на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ уѣзды Тифлисскаго губерніи—Ахалцихскій и Ахалкалакскій, на востокѣ и юго-востокѣ—Александропольскій и Сурмалинскій уѣзды Эриванской губерніи, на югѣ и юго-западѣ каза (округъ) Кара-билисская, Алашкертская и Пассенская Эрзерумскаго вилайета Оттоманской имперіи, на западѣ—бывшая Батумская область.

Естественными границами на сѣверѣ приходятся рѣки: Посховъ, Джахъ, Карзаметь, Кура и горы: Тилиль, Шамбобельскія, Арджанскія, Учъ-тапаларъ и Окюзъ-дагъ, на востокѣ—рѣка Арпа-чай, на югѣ—рѣка Араксъ, Загарамъ-чай, горы Тандуракъ, Ахъ-булахъ и Кессе-дагъ, на западѣ отроги Саганлугскаго хребта, Топъ-дага, Яланусъ-чама и Арсіанскаго вряжа. Въ этихъ границахъ пространство области, по вычисленіямъ г. Стебницаго, заключаетъ 16,299 квадр.

версть, приблизительное же протяженіе по меридіану равно 140 верст., а по долготѣ—120 версть.

Въ этомъ пространствѣ заключаются слѣдующія административныя части области: Шурагельскій и Зарушадскій округа и приставство Чалдырское, Ардаганскій округъ и приставство Посховское, Ольтинскій округъ и Кагызманскій, Хоросанское приставство и Тахтинскій округъ. Мѣсто-пробываніемъ начальниковъ округовъ служатъ: Шурагельскаго—деревня Аргина, Зарушадскаго—деревня Зарушадъ, переименованная въ Гренадерку, Посховскаго приставства—деревня Дигоръ, Ольтинскаго округа—мѣстечко Ольты, бывшее городомъ при турецкомъ владычествѣ, Хоросанскаго приставства—деревня Башъ-кевъ, Кагызманскаго округа—мѣстечко Кагызманъ, и Тахтинскаго—городъ Карсъ. При каждомъ начальниѣ округа состоитъ помощникъ и канцелярія въ составѣ дѣлопроизводителей, переводчиковъ и прочихъ низшихъ чиновниковъ.

Устройство поверхности. По устройству поверхности Карсскую область, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ отнести къ гористымъ странамъ. Составляя продолженіе Малоазійскаго плоскогорья, она повсюду изборождена неровностями и горами, образующими глубокія долины и мѣстами довольно обширныя равнины. Карсскія горныя возвышенности оканчиваются всегда широкими и отлогими плоскостями, покрытыми густою, высокою травою, годною для пастьбы скота; незначительная ихъ часть оканчивается голыми вершинами или покрыта лѣсомъ. Горныя вряжи области носятъ слѣды вулканическаго происхожденія; объ этомъ свидѣлствуютъ находимые здѣсь обломки обсидіана и пепельная почва. Горы эти, поднимаясь на 6 или 10 тыс. фут. высоты надъ уровнемъ моря, спускаются къ основаніямъ отлогими склонами и потому не представляютъ особенныхъ затрудненій для колеснаго сообщенія.

Въ глубокихъ нѣдрахъ здѣшнихъ горъ скрываются минеральныя богатства, часть которыхъ уже открыта человекомъ и даетъ ему порядочный доходъ. Не мало минеральныхъ и цѣлебныхъ источниковъ, долженствующихъ принести со временемъ громадную пользу новому краю, беретъ начало изъ горныхъ вѣражей, происшедшихъ отъ вулканическаго дѣйствія внутренняго огня.

Изъ этихъ источниковъ пока извѣстны два въ Зарушадскомъ округѣ: близъ селенія Джелауса и Зурзуны; оба эти источника сѣрно-щелочные и обладаютъ цѣлебнымъ свойствомъ противъ навозныхъ болѣзней, а при внутреннемъ употребленіи помогаютъ противъ желудочныхъ катарровъ и геморроидальныхъ болѣзней. Температура ихъ умѣренно-теплая.

Особенно блестящая будущность ожидаетъ, безъ сомнѣнія, сѣрно-щелочной источникъ, лежащій въ живописной долинѣ рѣки Джелаусъ-чая, гдѣ, по всѣмъ признакамъ, было обширное древнее поселеніе, съ садами и многими родниками прѣсной воды. Сѣрно-щелочной бассейнъ прилегаетъ къ правому берегу Джелаусъ-чая и имѣетъ въ поперечникѣ $1\frac{1}{2}$ саж. и до 2 арш. глубины. Средина его представляетъ бьющій вертикально изъ воды водоворотъ; температура воды 26° R.

Но главнѣйшій предметъ минеральнаго богатства Карсской области составляетъ соль, которая въ 1878 г. дала доходу 32 т. руб. сер., т. е. вдвое болѣе, чѣмъ при турецкомъ правленіи. Самаго лучшаго качества—соль каменная, добываемая въ Кагызманскомъ округѣ, на правомъ берегу р. Аракса, близъ мѣстечка Кагызманъ. Эта соляная залежь составляетъ продолженіе кульпинскихъ копей Эриванской губерніи. По мнѣнію мѣстныхъ скотопромышленниковъ, кагызманская соль по своему достоинству смѣло можетъ соперничать съ кульпинскою. Нельзя оставить безъ вниманія

и другой видъ минеральной добычи, находимой здѣсь въ большомъ изобиліи: это строительный камень. Громадныя трахитовыя скалы даютъ каменщикамъ-гревамъ и подрядчикамъ прекрасный матеріалъ для разныхъ построекъ. Кромѣ того въ Шурагельскомъ округѣ находятъ бѣлый гипсъ и полевой шпатъ, а въ Кагызманскомъ добываютъ кристаллическую породу камней, напоминающую гипсъ, изъ которыхъ выдѣлываютъ вазы и разныя вещицы, употребляемыя туземцами въ домашнемъ обиходѣ и служащія предметами роскоши. Въ болотистыхъ мѣстахъ Ольгинскаго округа находится торфъ, но пока этотъ горючій матеріалъ остается безъ употребленія; со временемъ же его свѣтильные продукты должны составить безъ сомнѣнія выгодный для правительства и частной предпримчивости предметъ дохода. Богатство известковыхъ породъ камней даетъ возможность держать частнымъ лицамъ известково-выжигательный заводъ, а мѣстная глина идетъ въ кирпичныхъ заводахъ на приготовленіе кирпичей и черепиць для разныхъ построекъ.

Горныя возвышенности Карсской области раздѣляются рѣкою Араксомъ на сѣверную группу горъ и южную. Между ними, по своему экономическому значенію въ жизни народонаселенія и по высотѣ надъ уровнемъ моря, первое мѣсто занимаетъ хребетъ Саганлугскій. Онъ покрытъ хвойнымъ лѣсомъ, но нерѣдко можно встрѣтить на немъ и березу. Грунтъ земли на немъ, особенно на восточныхъ его склонахъ, черноземный и представляетъ обширныя мѣста для пастбищъ и сѣнокоса. Благодаря своей высотѣ, доходящей въ высшей точкѣ до 9 тыс. фут. надъ уровнемъ моря, и лѣсной растительности, Саганлугскій хребетъ даетъ начало множеству ручьевъ и рѣчекъ, орошающихъ плодородныя долины, представляющія весьма удобныя мѣста для обитаія. Восточные склоны этого хребта, долины и ущелья заняты кавказскими горцами—переселенцами изъ Дагеста-

на и сѣвернаго Кавказа; западные склоны круты и обрывисты, а вслѣдствіе этого трудно доступны для сообщенія.

Отъ главнаго Саганлугскаго хребта, въ томъ мѣстѣ, гдѣ гора Алла - эпкаръ возвышается надъ окружающею мѣстностью, отдѣляется и принимаетъ общее сѣверо-восточное направленіе длинная цѣпь горъ, которая пускаетъ въ стороны множество отроговъ и вѣтвей, на сѣверъ—къ берегамъ р. Куры, а на югъ—къ лѣвому берегу р. Карсъ-чая. Эта система горъ и образуемая ими у верховьевъ р. Куры равнина извѣстны у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Гельскихъ горъ и Гельской равнины. Въ частности же отроги этого хребта въ различныхъ мѣстахъ носятъ названія выдающихся высотъ, какъ напр., Карахъ-тапа, Буга-тапа и т. д. На востокъ отъ Саганлуга отдѣляется отрогъ, покрытый лѣсомъ, Ахъ-баба, южнѣе его находится безлѣсная гора Алла-дагъ, а далѣе, еще на югъ, съ нимъ соединяется покоящаяся отдѣльною вершиною Кабахъ-тапа. Послѣднія цѣпи горъ тянутся между рѣками Карсъ-чаемъ и Араксомъ. Продолженіе Алладагскаго хребта у мѣстечка Кагызманъ сходится на лѣвомъ берегу р. Аракса съ Карадагскимъ хребтомъ. Своими развѣтвленіями этотъ хребетъ на сѣверѣ касается Аладжинскихъ горъ; близъ Аладжинскаго хребта, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ отъ него, расположены возвышенія Кизиль-тапа, Караялъ, Карагузы, а на западѣ стоятъ вершины Большія и Малыя Ягны, на сѣверѣ же отъ послѣднихъ, у самаго берега р. Карсъ-чая, около Заимской станціи, начинается возвышеніе Ташни-тапа. Всѣ эти горы покрыты травой и имѣютъ плоскія вершины, но лишены почти совсѣмъ воды; Аладжа по мѣстамъ даетъ жизнь кустарникамъ, орошаемымъ родниками, но это явленіе составляетъ какъ-бы исключеніе, такъ что безводье представляетъ одну изъ характеристическихъ особенностей мѣстности, на которой расположены названныя выше горы. Алад-

жинскій хребетъ въ послѣднюю компанію приобрѣлъ громкую въ исторіи войны извѣстность: на немъ долго въ оборонительномъ положеніи держался турецкій полководецъ Мухтаръ-паша, а на Ягнахъ были разбиты турецкіе отряды.

Отъ горъ Буга-тапа, направляющихъ р. Куру къ сѣверу, отдѣляются возвышенности, которыя тянутся по правому берегу р. Куры, текущей здѣсь по ущелью Сирше. Возвышенности эти носятъ названія Алла-гезъ, Гель-гедукъ и Зиаратъ. На востокъ продолженіе горъ Буга-тапа составляетъ дикій хребетъ Киссиръ-дагъ, съ горою на сѣверѣ Бешикъ-таши, съ которою въ сѣверной части Чалдырскаго озера соединяется Зинзальская цѣпь горъ, съ свою очередь связанныхъ съ узломъ горъ Учъ-тапаларомъ. На югъ отъ послѣднихъ находятся Ахъ-бабинскія горы, покрытыя роскошными пастбищами, посѣщаемыми лѣтомъ пастушескими кочевниками.

Развѣтвляясь на множество цѣпей и отдѣльныхъ возвышенностей, на сѣверѣ и сѣверо-востокъ Саганлугскій хребетъ соединяется съ вулканическимъ хребтомъ Арсіанъ, который составляетъ южное продолженіе Аджарскихъ горъ. Горы Алла-эпкяръ соединяются съ хребтомъ Канлы-дагъ, отъ котораго изъ сѣверо-западнаго угла отдѣляется хребетъ Кирхъ-пунгаръ, имѣющій сѣверное и сѣверо-восточное направленіе. Оконечность его упирается въ поперечно стоящій переваль Яланусчанъ. За Яланусчаномъ уже начинается Арсіанъ, который, давъ начало множеству вѣтвей и отроговъ, упирающихся въ лѣвый берегъ Куры, совершенно окаймляетъ ими Ардаганскую равнину. Въ сѣверной части Арсіана, на томъ же берегу р. Куры, выдѣляются на обширномъ пространствѣ горы Соухъ-пунгаръ. Въ систему Соухъ-пунгара входятъ между прочимъ хребетъ Косрединъ-дагъ и Шамбобельскія горы. Оба склона Арсіана, восточный и западный, покрыты лѣсами; Косрединъ-дагъ и Шамбобель-

скій хребетъ изобилуютъ прекрасными пастбищами, которыми охотно пользуются для своего скота курды и другіе кочевники въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Изъ горъ, расположенныхъ по правому берегу р. Аракса и входящихъ частью въ составъ Карсской области, заслуживаютъ вниманія Кессе-дагъ, Ахъ-булахъ и Тандуракъ. Слѣдуетъ замѣтить, что такого же названія вулканическая гора Тандуракъ находится близъ Ванскаго озера, въ Турецкой имперіи. Послѣдняя, по словамъ Я. К. Маламы, въ его извѣстномъ „Описаніи Эрзерумскаго вилайета“, представляетъ единственный вулканъ въ Малой Азій, сохранившій до настоящаго времени „очевидное и постоянное сообщеніе между вулканическимъ горниломъ и атмосферою“.

Орошеніе. Множество горъ, наполняющихъ собою пространство Карсской области, вслѣдствіе значительной высоты надъ уровнемъ моря, на вершинахъ своихъ собираютъ въ видѣ снѣга, дождя, росы, много атмосферныхъ осадковъ, которые и даютъ начало многимъ рѣкамъ, незначительнымъ рѣчкамъ и ручьямъ.

Рѣки Карсской области принадлежатъ къ бассейну Каспійскаго моря. Почти всѣ онѣ въ границахъ области, за исключеніемъ временъ весенняго и осенняго полноводія, переходимы въ бродъ. Дно ихъ и самое русло усѣяны большими камнями, которыхъ повсемѣстно въ краѣ разбросано довольно большое количество; у всѣхъ берега скалистые и теченіе быстрое; зимою онѣ обыкновенно замерзаютъ. Начало свое рѣки Карсской области берутъ изъ Саганлугскаго хребта или отроговъ, составляющихъ продолженіе его; исключеніе представляетъ Араксъ, берущій начало въ Малой Азій, на югѣ отъ Эрзерума, изъ Винъ-гель-дагскихъ горъ (Тысячи озеръ), считавшихся, по древнимъ армянскимъ сказаніямъ, мѣстомъ находенія библейскаго рая и земнаго жилища первыхъ прародителей человѣческаго рода.

По длинѣ и количеству воды между рѣками Карсской области, безъ сомнѣнія, первое мѣсто занимаютъ рр. Кура и Аравсъ. Кура беретъ начало изъ родниковой воды съ западныхъ склоновъ горы Буга-тапа. Черезъ Гельскую равнину она течетъ въ низкихъ берегахъ и имѣетъ незначительное паденіе; но, выйдя изъ равнины, она вливается въ узкое и глубокое ущелье, здѣсь стѣсняется въ своихъ берегахъ и, сдѣлавшись круче, вступаетъ могучими струями въ предѣлы Ахалцихскаго уѣзда. Въ предѣлахъ Карсской области въ нее впадаютъ слѣва: Алтынъ-булахъ, Косрединъ-дересе и Карзаметь-чай; съ правой стороны она принимаетъ Кара-чай, который вытекаетъ изъ узла горъ Учъ-тапаларъ. Р. Аравсъ беретъ начало въ западныхъ склонахъ Бинъ-гель-дагскаго узла горъ нѣсколькими ручьями и течетъ сперва въ предѣлахъ Турецкой земли; въ Карсской области она принимаетъ слѣва: Арпа-чай съ Ортлу (Казанчи) и Кара-дересе съ Хань-чаемъ. Въ свою очередь Арпа-чай принимаетъ довольно значительный притокъ Кара-ханъ и Карсъ-чай; послѣдній, получивъ начало въ Саганлугскихъ горахъ, проходитъ черезъ Карсъ и, принявъ слѣва притоки Бердыкъ-чай, Чалдыръ-чай и другіе, впадаетъ въ Арпа-чай справа, ниже г. Александрополя.

Изъ стоячихъ водъ, находящихся въ области, слѣдуетъ поименовать озера: Чалдырское, какъ самое большое, Арпагель, изъ котораго получаетъ начало рѣка Арпа-чай, и Айгеръ-гель, лежащее на уступахъ горъ Буга-тапа, недалеко отъ верховьевъ Куры. Послѣднее имѣетъ большую глубину и чистую прѣсную воду; въ немъ ловится рыба сазанъ. На границѣ Ахалкалавскаго уѣзда и Карсской области лежитъ лишенное всякой жизни горькосолоеное озеро Хозяпинъ. Кромѣ перечисленныхъ водъ, на равнинахъ и въ котловинахъ между горами встрѣчаются болота; одни изъ нихъ лѣтомъ высыхаютъ совершенно до весенняго и осенняго разлитія

водъ, другія остаются въ теченіе цѣлаго года, но въ зимнее время всѣ они замерзаютъ и покрываются толстымъ слоємъ льда. Болотами изобилуютъ Ардаганскій и Зарушадскій округа, отчасти и Ольтинскій. По Гельской равнинѣ, во время полноводья, что случается здѣсь въ годъ два раза—осенью и весной, все пространство у верховьевъ Куры представляетъ сплошное болото; на Ардаганской и Чалдырской равнинахъ, въ нижнемъ теченіи горныхъ рѣчекъ, образовались также болота, которыя нерѣдко затрудняютъ сообщеніе и при разлитіи портятъ посѣвы на нивахъ и бахчахъ. Изъ отдѣльно стоящихъ болотъ, которыя у мѣстныхъ обитателей края неправильно называются озерами, особенное значеніе имѣютъ Дарна-гель и Керсъ. Болото Керсъ находится близъ мѣст. Кагызманъ и извѣстно ловлею пьавокъ, употребляемыхъ населеніемъ какъ медицинское средство. Хотя болотистыя топи имѣютъ и здѣсь общія всѣмъ подобнымъ имъ мѣстамъ свойства и равно вредное вліяніе на удобства сообщенія, но разрушительнаго дѣйствія на здоровье человѣка, какъ болота Ріонскаго бассейна, они здѣсь не производятъ, вслѣдствіе низкой сравнительно степени лѣтнихъ жаровъ и продолжительности зимнихъ морозовъ.

Климатъ. Вслѣдствіе разнообразія устройства поверхности климатъ въ Карсской области также довольно разнообразенъ. Самыя возвышенныя мѣста, лежація въ умеренно-теплой широтѣ, имѣютъ климатъ холодный; мѣста, лежація въ горныхъ котловинахъ, защищенныя отъ вѣтровъ и вліянія снѣговыхъ вершинъ сосѣднихъ горъ, отличаются теплымъ климатомъ. Здѣсь лѣтомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ высшей степени жарко, а въ другихъ лѣто проходитъ незамѣтно. Воздухъ вообще сухой, благоприятный и здоровый какъ для коренныхъ обитателей, такъ и временныхъ, случайныхъ жителей. Въ мѣстахъ болотистыхъ, покрытыхъ

водными травами, подверженными лѣтомъ гніенію, и близь рѣвъ и рѣчекъ съ топкими берегами, преимущественно въ Ольтинскомъ округѣ и Гельской равнинѣ, климатъ вреденъ для здоровья жителей. Высокія мѣста, гдѣ не бываетъ сильныхъ жаровъ, гдѣ воздухъ освѣжается частыми вѣтрами, и мѣста съ обильными лѣсами, какъ напр., Саган-лугъ и Посховское приставство, считаются самыми здоровыми и не подвержены никакимъ эпидемическимъ болѣзнямъ.

Преобладающими вѣтрами въ Каррской области являются: сѣверозападный и восточный. Первый часто дуетъ по вечерамъ и обыкновенно приноситъ дождь и прохладу, восточный же вѣтеръ сухой и въ лѣтнее время, вслѣдствіе глинистаго наслоенія почвы, поднимаетъ пыль, отъ которой среди бѣлаго дня становится темно, какъ въ осенній туманный день. Не смотря на значительную высоту Каррскаго плоскогорья, часто здѣсь температура доходитъ до 20° R. и болѣе; зимою же снѣгъ выпадаетъ обыкновенно въ ноябрѣ и лежитъ до половины марта. Морозы доходятъ до 25° R. и болѣе. Даже въ теченіе сутокъ замѣчается рѣзкая перемена температуры; лѣтомъ днемъ бываетъ тепло и приходится легко одѣваться, но по вечерамъ прохлада дѣлается до того чувствительною, что заставляетъ прибѣгать къ теплому платью. Вообще въ климатическомъ отношеніи Каррскую область можно раздѣлить на двѣ части; изъ нихъ сѣверная, западная и южная имѣютъ климатъ континентально-теплый, а центральная и восточная—континентально-холодный. Исключеніе составляютъ горныя возвышенія, которыя во всѣхъ частяхъ края имѣютъ климатъ холодный.

Въ восточной половѣ области зими очень холодныя и сопровождаются вьюгами. Рѣки, овера и болота здѣсь обыкновенно замерзаютъ, такъ что отерывается возможность совершенно свободно переправляться по нимъ. По свидѣтельству

жителей сел. Мередишь, Зарушадскаго округа, замерзает даже глубоко-донное, обширное Чалдырское озеро, и по немъ зимою духоборы свободно ѣздятъ на саняхъ. Въ Барсъ-чаѣ ледъ бываетъ 1—1¹/₂ арш. толщины, и рѣка бываетъ доступна для ѣзды по льду съ декабря по самый конецъ февраля мѣсяца. Только съ половины марта начинается здѣсь маленькая оттепель; снѣгъ по немногу начинаетъ таять; въ концѣ апрѣля въ долинахъ его обыкновенно уже не бываетъ, и въ полѣ показывается зеленая трава съ каштановыми цвѣтами, предвѣстниками наступающей весны. Зимній каштанъ разцвѣтаетъ въ половинѣ и концѣ апрѣля. Съ этого мѣсяца идутъ мелкіе и непрерывные дожди, соединенные нерѣдко съ снѣгомъ; при этомъ иногда случается, что въ долинѣ идетъ дождь, а вершина горы дѣлается бѣлою отъ выпавшаго тамъ снѣга. Первый громъ обыкновенно бываетъ слышенъ не ранѣе конца мая и начала іюня. Болѣе двухъ пятыхъ перваго весенняго и осенняго мѣсяцевъ приходится на пасмурные и дождливые дни. Рѣвки вскрываются въ первыхъ числахъ марта. Лѣто начинается съ іюля мѣсяца, и въ началѣ его бываютъ сѣнокосы; тогда же обыкновенно начинаютъ колоситься—рожь, ячмень и пшеница. Небо въ это время обыкновенно бываетъ чистое, безоблачное, но по вечерамъ часто дуетъ восточный вѣтеръ, въ недѣлю приблизительно 4—5 разъ. Вишни, черешни, а тѣмъ болѣе виноградъ здѣсь не могутъ расти. Въ концѣ іюля бываютъ довольно сильныя жары, и въ рѣкахъ вода значительно убываетъ, но съ половины августа дѣлается прохладно. Случается, что въ это время падаетъ градъ; градины обыкновенно бываютъ мелкія, величиною въ крупную дробь, иногда нѣсколько больше, но особеннаго вреда полямъ такой градъ принести не можетъ. Осень начинается съ конца августа и продолжается до первыхъ чиселъ или половины ноября. Она сопровождается здѣсь туманами и мелкимъ дождемъ.

Между тѣмъ въ теплой полосѣ климатъ гораздо умѣреннѣе; тамъ произрастають вишни, земляника, малина и даже виноградъ. Времена года здѣсь идутъ нормальнымъ ходомъ, но снѣга выпадають и здѣсь глубокіе и жители не сѣють озимыхъ хлѣбовъ. Зимой нерѣдко дуютъ здѣсь буруны, которые обыкновенно начинаются на вершинахъ высочайшихъ хребтовъ. Лѣто начинается съ іюня мѣсяца, и августъ нерѣдко бываетъ дождливый. Снѣгъ таетъ съ марта, отчего весною рѣки сильно разливаются. Лѣтомъ падаетъ иногда довольно крупный градъ и причиняетъ не мало разорительныхъ опустошеній и убытковъ земледѣльческому хозяйству.

Занятія жителей. Характеръ землевладѣнія, земледѣліе, скотоводство, пчеловодство, промышленность и торговля. Пути сообщенія.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію занятій жителей не лишнимъ будетъ предпослать нѣкоторыя данныя о равнинныхъ пространствахъ въ Карсской области и порядкѣ землевладѣнія.

Характеръ землевладѣнія. Вулканической хребетъ Арсіанъ, начинаясь отъ Аджарскаго хребта, при входѣ въ Карсскую область разбрасываетъ во всѣ стороны обширныя развѣтвленія и, наполнивъ пространство области ими, придаетъ странѣ совершенно горный характеръ. Къ этимъ развѣтвленіямъ присоединяются и отроги Саганлуга, оттого въ области равнинъ въ бузвальномъ смыслѣ слова нѣтъ, а есть только плоскогорья и долины; первыя бывають часто довольно обширны и встрѣчаются преимущественно по бассейнамъ главныхъ рѣкъ. Такихъ равнинъ насчитывается въ области пять: Гельская равнина, расположенная у верховья Куры и по верхнему ея теченію, Ардаганская, долина рѣ-

ки Кара-чая и равнины, лежащая по течению рѣкъ Арпа-чая и Карсъ-чая. Самыя важныя изъ нихъ по плодородной почвѣ и степени производительности земли это—Гельская и Ардаганская. Грунтъ почвы ихъ черноземный и весьма плодородный, хотя болотистыя свойства мѣстности не мало мѣшаютъ здѣсь успѣхамъ хлѣбопашества. Благодаря своему умеренно-теплому климату и черноземной почвѣ, равнины Карсской области съ давнихъ поръ привлекли къ себѣ осѣдлое населеніе, которое стало заниматься здѣсь земледѣліемъ, оставивъ въ безпрепятственное распоряженіе кочующихъ народовъ горы, представляющія всѣ удобства прекрасныхъ луговъ и роскошныхъ пастбищъ, съ зеленою, сочною и питательною травою для скота.

Первоначально, по ученію Корана, земля принадлежала имаму, а въ Турціи имъ считается самъ турецкій султанъ, слѣдовательно вся земля принадлежала падишаху. Такъ установилось и было съ самаго начала водворенія въ краѣ османскаго владычества. Но съ теченіемъ времени трудныя войны съ сосѣдними народами, тяжесть по водворенію порядка и управленія среди поворенныхъ иноплеменныхъ народовъ, побудили султана, даже противъ желанія, надѣлять подданныхъ, служившихъ ему, оборонительными силами противъ непріятелей, именно правами феодальныхъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ вся земля мало по малу перешла въ полное владѣніе нѣсколькихъ лицъ. Мѣстное населеніе, живя на ихъ землѣ, платило въ пользу своихъ господъ-агаларовъ или бековъ *ашаръ*, т. е. $\frac{1}{10}$ часть съ произведеній земли, и въ пользу государственной казны *самьянъ*, т. е. поземельный оброкъ. Такой порядокъ землевладѣнія существовалъ здѣсь до реформы султана Махмуда, извѣстной подъ именемъ *танзиматъ*. По смыслу танзимата, всѣ земли, состоявшія за ленными владѣльцами, посредствомъ выкупной

со стороны казны операціи, должны были перейти къ поселянамъ, занимавшимся сельско-хозяйственнымъ дѣломъ. Поселяне, получивъ во владѣніе участки земель, обязывались продолжать взносъ ашара съ продуктовъ за право пользованія землею и сальянъ, какъ казенную повинность въ пользу государственныхъ доходовъ отечества. Однако, турецкое правительство, выкупая земли у бековъ и агаларовъ, приняло мѣры, чтобы не обезземелить совершенно прежнихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, предки которыхъ съ усердіемъ и вѣрою служили отечеству. Имъ были оставлены на правахъ полной собственности весьма большіе участки, такъ что выкупная операція турецкаго правительства не помѣшала многимъ частнымъ лицамъ оставаться крупными землевладѣльцами. Между такими лицами извѣстна фамилія Хатунъ-Заде. Поселяне, получившіе отъ казны участки земель во владѣніе и пользованіе, снабжались правительствомъ, въ обезпеченіе новыхъ ихъ правъ на землю, временными документами, называвшимися *кочаны*; потомъ уже эти документы замѣнялись постоянными, называемыми *тапи*, съ гербомъ самого султана. Въ документахъ обоихъ этихъ видовъ обыкновенно обозначалось, кому принадлежитъ право пользованія землею, границы земельного участка и плата, какая была внесена въ казну при его приобрѣтеніи. Слѣдующему порядку, турецкое правительство успѣло передать всѣ участки земель, удобныхъ для культуры, въ частныя руки мѣстнымъ жителямъ, а тѣ, съ теченіемъ времени, стали увеличивать участки свои на счетъ выморочныхъ и переселенческихъ имѣній, переходившихъ также въ казну. Такимъ образомъ по порядкамъ, существовавшимъ здѣсь до водворенія русскаго владычества, всѣ земли раздѣлялись на собственныя (мюлькѣ), казенныя, общественныя и вакуфныя. Вакуфными называются вообще недвижимыя имущества, принадлежащія мечетямъ; кромѣ земли

они состояли изъ мельницъ, лавоѣ, домовъ, пожертвованныхъ частными лицами или правительствомъ въ пользу духовенства и богоугодныхъ заведеній. Вауфы до русскихъ порядковъ составляли неотъемлемую собственность мусульманскаго духовенства, и доходы отъ нихъ поступали на содержаніе медресе, мектабе, мечетей и другихъ благотворительныхъ заведеній. Съ водвореніемъ порядковъ русскаго управленія вауфныя имѣнія переданы въ казну, но часть доходовъ отъ нихъ употребляется и теперь на нужды мусульманскаго духовенства и на содержаніе мечетей.

Такимъ образомъ дарованное правительствомъ на владѣніе землею право побудило сельское населеніе заняться съ особеннымъ усердіемъ земледѣіемъ.

Земледѣліе, садоводство, огородничество и льсоводство. Въ Карсской области населеніе занимается хлѣбопашествомъ, садоводствомъ и огородничествомъ. Хотя земледѣлію во многихъ мѣстахъ края благопріятствуетъ достаточное плодородіе почвы, умѣренный климатъ и обиліе естественнаго орошенія, однако, не смотря на эти счастливыя условія, хлѣбопашество не имѣетъ здѣсь широкаго развитія: продукты его служатъ главнымъ образомъ для удовлетворенія потребностей однихъ только обывателей и не имѣютъ того сбыта, какаго можно было бы ожидать, принявъ въ соображеніе плодородіе почвы.

Это явленіе объясняется рѣдкимъ населеніемъ края и слабымъ развитіемъ его въ культурномъ отношеніи. Земля здѣсь, какъ и вездѣ на Востокѣ, обрабатывается самымъ примитивнымъ способомъ. Для паханія употребляется крѣпкій и тяжелый плугъ грузинской конструціи; въ него обыкновенно впрягаютъ 7—10 паръ быковъ и буйволовъ и едва успѣваютъ вспахать въ день $\frac{1}{2}$ десятины; на цѣлую же десятину употребляется нерѣдко $2\frac{1}{2}$ рабочихъ дня. Однако и при этихъ условіяхъ, Карсскій край, благодаря

своему плодородію, издавна считается житницею окрестныхъ областей и странъ. Съ давнихъ поръ отсюда вывозится хлѣбъ въ Россію черезъ Александрополь и Ахалцихъ, въ Анатолійскія провинціи и южныя приморскіе порты Чернаго моря, равно и въ Персію, которую такъ часто посѣщаетъ страшная засуха, а съ нею голодные годы неурожая и безкормицы. Въ минувшую компанію двѣ многочисленныя арміи двухъ воюющихъ государствъ довольствовались мѣстнымъ хлѣбомъ, и русскіе интендантскіе поставщики заготовляли здѣсь на мѣстѣ громадныя запасы хлѣба и ячменя. Не подлежитъ сомнѣнію, что при такихъ условіяхъ достатка природныхъ богатствъ края и при плодородіи почвы, съ развитіемъ массы, улучшеніемъ способовъ обработки земли и увеличеніемъ сбыта излишнихъ продутовъ, Карсскую область ожидаетъ хорошая будущность. Изъ атмосферическихъ явленій, вредно вліяющихъ на земледѣліе, слѣдуетъ указать на весенніе морозы, которые нерѣдко губятъ всходы яровыхъ хлѣбовъ и уничтожаютъ въ самой завязи садовые плоды, а также на засухи. Кромѣ того засѣянными полямъ часто приносятъ страшныя опустошенія полевыя мыши. Такъ онѣ послужили причиною бывшаго въ 1879 г. голода въ краѣ, когда правительство наше вынуждено было оказать пособіе населенію, чтобы спасти его отъ голодной смерти.

Однако не всѣ мѣстности области надѣляются земледѣльца одинаково богатыми дарами природы; черноземная почва не вездѣ плодородна, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при разнообразіи почвы, вслѣдствіе недостатка въ орошеніи, урожаи бывають довольно плохи. Наибольшимъ плодородіемъ почвы и производительностью отличаются округа: Шурагельскій, Ардаганскій и Зарушадскій, отчасти и Кагызманскій.

Пшеница и ячмень составляютъ главную пищу насе-

ленія и сѣются въ большомъ количествѣ. Въ районѣ области земледѣльческимъ населеніемъ почему-то игнорируется совершенно просо, любимый хлѣбъ курдинскаго народа, который, за неимѣніемъ возможности достать его здѣсь, добываетъ его изъ турецкихъ округовъ. Кромѣ пшеницы и ячменя въ Ольгинскомъ округѣ сѣютъ кукурузу, которая здѣсь даетъ самъ 30—40 и болѣе. Общая цифра получаемой въ области пшеницы доходитъ до 4 мил. пудовъ въ годъ. Но это количество распределяется между округами неравномѣрно. Количество пшеницы и ячменя, собираемаго въ Ардаганскомъ округѣ, Посховскомъ и Чалдырскомъ приставствахъ равно $\frac{1}{4}$ части общаго количества. Пшеница обыкновенно даетъ самъ 7 или 8, а ячмень самъ 14 или 18. Въ 1879 г. посѣяно было 108,222 пуда яровой пшеницы и 32,911 ячменя, и дало сбора пшеницы 864,983 пуда и ячменя 664,579 пудовъ.

Весь сборъ хлѣбовъ частью потребляется на мѣстѣ и идетъ на сѣмена, частью же поступаетъ въ продажу, впрочемъ, продается сравнительно небольшая часть. Въ области успѣшно можетъ произрастать также розь, и въ послѣднее время русскими поселенцами сдѣлана попытка засѣванія ею пахатныхъ земель.

По устройству поверхности Карсская область представляетъ мѣстность болѣе удобную для скотоводства, чѣмъ для хлѣбопашества. Вершины возвышенностей здѣсь въ теплое время года, съ мая по ноябрь, покрыты сочною, зеленою травою, удобною для пастьбы скота, а луговые пространства даютъ въ изобиліи сѣно. Во время минувшей компаніи Карсская область доставила войскамъ до $1\frac{1}{2}$ милліона пудовъ сѣна; оно было продано весьма дешево, и жители все-таки оставили для себя громадныя запасныя стога. А теплый климатъ долинъ, расположенныхъ по бассейнамъ рѣвъ, и плодородіе почвы въ высшей степе-

ни благоприятствуютъ разведенію садовыхъ различныхъ культурныхъ растений и огородныхъ овощей. Къ такимъ мѣстамъ теплой полосы, гдѣ соединяются благоприятныя климатическія условія съ плодородіемъ почвы и является возможность широкаго развитія садоводства и огородничества, принадлежать Кагызманскій и Ольгинскій округа и Посховское приставство. Изъ культурныхъ растений въ Кагызманскомъ округѣ сѣется ленъ, хотя впрочемъ, въ весьма ограниченномъ количествѣ; изъ него исключительно добывается свѣтильный матеріалъ, воловнистые же остатки употребляются на топливо. Изъ коноплиныхъ волоконъ ткутъ грубый холстъ въ одной только деревнѣ Еникѣй. Въ Кагызманскомъ же округѣ, на лѣвомъ берегу Аракса, разводятся жителями для собственнаго употребленія табакъ и хлопокъ.

Сады и огороды въ Карсской области орошаются искусственными канавами, которыя проведены изъ большихъ рѣкъ, озеръ и горныхъ ручьевъ. Такою сѣткою канавъ особенно извѣстенъ Кагызманскій округъ, отчасти и Ольгинскій. На огородахъ, которые сохранили за собою общее восточное, татарское названіе бахчей, разводятся разные овощи, какъ-то: арбузы, дыни, чеснокъ, лукъ, капуста, огурцы, фасоль, марковь, петрушка и прочая зелень. По официальнымъ даннымъ за 1879 г., Кагызманскій округъ далъ овощей на 4770 руб. сер.

Садоводство развито въ тѣхъ административныхъ пунктахъ теплой полосы, гдѣ и огородничество. Въ садахъ, которые обыкновенно разводятся по близости рѣкъ и оросительныхъ канавъ, растутъ груши, яблони, курага, алыча и виноградъ. Садоводствомъ особенно занимаются въ Кагызманскомъ округѣ, гдѣ сады, числомъ выше 750, въ общемъ занимаютъ до 5 кв. верстъ. Особенно важно разведеніе здѣсь виноградныхъ лозъ; ихъ въ Кагызманскомъ

округъ насчитываютъ до 5-ти сортовъ. Въ лѣтній зной и сухое время виноградъ хорошо здѣсь созрѣваетъ и изъ него готовятъ вино для мѣстнаго потребленія здѣшнихъ христіанскихъ поселянъ, хотя въ весьма незначительныхъ размѣрахъ. Вино это кислое, съ непріятнымъ вкусомъ и нѣсколько напоминаетъ известное въ Закавказьи дурнымъ своимъ свойствомъ Эриванское вино, отъ котораго легко кружится голова и является непріятное ощущеніе одуренія. Садовые и огородные продукты идутъ на гонку водки. Еще при турецкомъ правительствѣ было здѣсь нѣсколько водочныхъ заводовъ, гнавшихъ водку изъ хлѣбнаго зерна, пшеничной и ячменной муки и тутовыхъ плодовъ; при русскомъ владычествѣ ихъ считалось 4. Дѣятельность этихъ заводовъ была, повидимому, довольно обширная; такъ одинъ изъ нихъ, въ Посховскомъ приставствѣ, въ теченіе 8 мѣсяцевъ въ 1878 г. выкурилъ 2070 ведеръ спирта, а на гонку водки употреблялъ ежемѣсячно по 600 пудовъ пшеничной и ячменной муки. Но заводы эти въ настоящее время закрыты и вмѣсто нихъ въ Карсѣ открыты заводы искусственныхъ минеральныхъ водъ. Въ Кагызманскомъ округѣ изъ тутовыхъ плодовъ армяне выкуриваютъ фруктовую водку дамашнимъ способомъ, посредствомъ небольшихъ кубовъ.

Такъ какъ въ Карсской области въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разводится табакъ и хлопокъ, то прежде здѣсь существовало нѣсколько фабрикъ табачныхъ, хлопчато-бумажныхъ и даже ситцевыхъ, но издѣлія ихъ были плохого достоинства и далѣе окрестныхъ деревень не распространялись. Въ настоящее время фабрикъ этихъ болѣе не существуетъ.

Изъ царства растительнаго въ новомъ краѣ обращаютъ на себя вниманіе обширные лиственные и хвойные лѣса, принадлежащіе казнѣ на всемъ своемъ пространствѣ.

Площадь, занимаемая ими, по официальнымъ даннымъ, составляетъ приблизительно 136 т. десятинъ. Лѣса распределяются въ области далеко неравномѣрно; болѣе всего лѣсовъ—въ округахъ Ардаганскомъ, Ольгинскомъ и Тахтинскомъ; между ними главное мѣсто занимаютъ Саганлугскіе и Гельскіе лѣса. За то въ другихъ мѣстахъ на обширныхъ пространствахъ не видно ни одного дерева; такъ окрестности г. Карса представляются въ настоящее время обнаженными, хотя мѣстные старожилы свидѣтельствуютъ, что въ старину онѣ были покрыты лѣсомъ.

Лѣса въ Карсской области состоятъ преимущественно изъ сосны, ели, березы, можжевельника, дуба и орѣха. Дубовыя и орѣховыя деревья попадаются исключительно въ сѣверныхъ лѣсахъ, по сосѣдству съ Тифлисской губерніей, въ древне-грузинской Самцхе. Орѣховый наплывъ давно уже вывозится за-границу мѣстными и иностранными лѣсопромышленниками, вслѣдствіе чего это полезное дерево начинаетъ совершенно уничтожаться. Здѣшній дубъ низкорослый, суковатый и кривоствольный. Въ Саганлугскихъ и Гельскихъ лѣсахъ добываютъ хорошій строевой и подѣлочный матеріалъ, который вывозится даже въ сосѣднія безлѣсныя губерніи, особенно въ Эриванскую, куда изъ Саганлугскихъ лѣсовъ плоты сплавляются безъ особенныхъ затрудненій по р. Араксу. Мелкій лѣсъ идетъ на топливо и выжиганіе углей.

Скотоводство. Обширныя луговныя пространства въ Карсской области, покрытыя сочной, зеленой травой, представляя прекрасныя пастбища, естественно побуждаютъ жителей заниматься скотоводствомъ, не требуя отъ нихъ никакихъ особенныхъ затратъ и трудовъ. И въ самомъ дѣлѣ, почти все мѣстное населеніе охотно занимается разведеніемъ рогатаго скота и овецъ, такъ что на каждый дворъ приходится, напр.,—выючныхъ быковъ отношеніе 3:2. Удобнѣй-

ними мѣстами для скотоводства считаются—Гельская равнина и Агъ-бабинскія широкія плоскогорья, гдѣ главными скотоводами являются курды и карапахи; послѣдніе, впрочемъ, предпочтительно занимаются скотопромышленнымъ дѣломъ, первые же славятся какъ пастухи съ своими громадными собаками, немногимъ уступающими овчаркамъ нашихъ черноморскихъ степей. Здѣсь разводятся лошади, рогатый скотъ и овцы съ извѣстными всѣмъ курдюками. Сами курды различаютъ двѣ породы лошадей, разводимыхъ въ районѣ области: турменскую и курдинскую. Лошади и вообще рогатый скотъ здѣсь довольно мелкій, малорослый и слабосильный. Лошади привычны къ теплу и въ теченіе всей зимы стоятъ въ конюшняхъ въ пополахъ; онѣ добродравны, выносливы и порядочныхъ статей, но въ упряжь не идутъ, а употребляются только подъ сѣдло и подъ вьюки. Разведеніемъ лошадей занимаются также и горцы-переселенцы съ Кавказа; они отдають предпочтеніе предъ мѣстною породою своимъ кавказскимъ лошадямъ. Кромѣ быковъ и лошадей въ сельско-хозяйственныхъ работахъ обывателей имѣють особенное значеніе буйволы и эшаки. Буйволы разводятся на равнинахъ и служатъ для перевозки тяжестей по неровнымъ и неустроеннымъ дорогамъ, а также и для отправленія тяжелыхъ полевыхъ работъ; эшаки, благодаря своей нетребовательности и малоразборчивости въ пищу, составляютъ весьма цѣнную и необходимую принадлежность въ каждомъ хозяйствѣ, какъ богатомъ, такъ и бѣдномъ. Кромѣ исполненія различныхъ домашнихъ работъ, они служатъ для перевозки вьюковъ по горнымъ тропинкамъ, по которымъ широкая стопа лошади, раздвоенныя копыта быка и коровы и массивныя ноги буйвола не въ состояніи ступить безъ серьезнаго опасенія свалиться въ пропасть или опрокинуться на бокъ. Подъ вьюки мѣстные жители употребляютъ также быковъ, коровъ и ватеровъ;

послѣдніе здѣсь не разводятся, а покупаются въ Ванской провинціи по 50—75 руб. сер. Кромѣ молочныхъ продуктовъ, домашній скотъ: овцы, козы, коровы, буйволы и т. п. доставляютъ обывателямъ шкуру, шерсть и пухъ. Пухъ козы, добываемый съ головы, цѣнится довольно дорого: фунтъ его стоитъ 1 р.—1 р. 20 коп. Прекрасная по качеству и годная для войлоковъ, но грязная на цвѣтъ, шерсть курдинской овцы не идетъ далѣе мѣстнаго потребленія, удовлетворяя домашнимъ нуждамъ чуть-ли не первобытнаго степнаго курда и незатѣпчивымъ требованіямъ бѣднаго армянина переселенца. Но не смотря на широкое развитіе овцеводства въ краѣ, въ самомъ гор. Карсѣ шерсть цѣнится весьма дорого: за пудъ грязной, нечистой овечьей шерсти спрашиваютъ обыкновенно отъ 8—10 и даже отъ 12—15 руб. сер.

Мѣстное населеніе особенно любитъ баранину, но на убой ежегодно идетъ довольно большой % и рогатаго скота. Занятіе скотоводствомъ дало начало нѣсколькимъ кожевеннымъ заводамъ, на которыхъ въ большомъ количествѣ приготавливаются ремни, поясы, сѣдла и разныя другія вещи, необходимыя въ здѣшнемъ быту, при распространенной здѣсь верховой ѣздѣ.

Пчеловодство. Горныя отлогости, покрытыя богатою растительностью и разнообразными цвѣтами, дали возможность мѣстнымъ жителямъ заняться и пчеловодствомъ. Кажется, сама природа своею цвѣтчною растительностью привлекла сюда пчелъ, и догадливому обывателю оставалось только сумѣть воспользоваться трудами этихъ полезныхъ насѣкомыхъ. Пчеловодство особенно развито въ округахъ Кагызманскомъ, Ардаганскомъ и Тахтинскомъ и представствѣ Посховскомъ, т. е. въ мѣстахъ, отличающихся теплымъ климатомъ, богатой растительностью, садами и лѣсами. Медъ и воскъ мѣстнаго добыванія не только идутъ

на нужды населенія, но и составляютъ одинъ изъ предметовъ вывозной торговли за предѣлы края. Медь карсскій, славящійся своей добротачественностью и ароматомъ, вывозится за хорошія цѣны въ Эрзерумъ, Трапезондъ и даже въ самую столицу Порты.

Промышленность, торговля и пути сообщенія. Природныя богатства края, занятіе земледѣліемъ и скотоводствомъ не вполне еще обеспечиваютъ личное благосостояніе жителей, не даютъ еще имъ всего нужнаго для удовлетворенія ихъ жизненныхъ потребностей и не водворяютъ еще въ край правильнаго экономическаго благоустройства. Безъ торгово-промышленнаго фактора недостижимо обеспеченное матеріальное положеніе населенія цѣлаго района. Къ сожалѣнію, эта то важная отрасль человѣческаго труда въ новомъ крайѣ находится въ крайне жалкомъ состояніи. Обработка сырыхъ матеріаловъ стоитъ на самой низкой степени развитія и требуетъ во многомъ улучшенія. Кустарная промышленность, предметы которой составляютъ куртинскіе ковры, паласы, войлоки, чадры, сальныя свѣчи, глиняная и деревянная посуда, бязь и другія мелочи, обходится весьма дорого и даетъ предметы производства весьма посредственнаго качества. Впрочемъ, въ край находятся довольно искусные ремесленники, кузнецы, каменьщики, серебряники, сѣдельники, башмачники, портные и оружейники изъ армянъ, грековъ, евреевъ и горцевъ. Торговля же, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, вся въ рукахъ армянъ—мѣстныхъ, александрапольскихъ, ахалцихскихъ и артвинскихъ, и евреевъ, вышедшихъ изъ закавказскихъ и російскихъ губерній. Предметами вывоза изъ области за границу, судя по таможеннымъ вѣдомостямъ 1880 г., служатъ: огородныя сѣмена, овчины, невыдѣланныя кожи, домашній скотъ, пшеничная мука, сыръ, соленая рыба, виноградное вино, стеклянная, мѣдная и глиняная посуда, деревянные, шерстя-

ныя и бумажныя издѣлія, всего на сумму свыше 68 т. руб.; предметами же ввоза изъ-за границы служатъ: европейскіе и азіятскіе товары, сахаръ, европейскія вина, льняныя нитки, желѣзныя вещи, издѣлія изъ металловъ, суена, бумажныя ткани, смола, выдровыя шкуры, конфеты и проч., на сумму свыше 54 т. руб. Товары мануфактурныя и колоніальныя доставляются изъ Эрзерумскаго вилайета и гор. Батума. Изъ Тифлисской и Эриванской губерній ввозятся: суена, холстъ, самовары, бурки, рисъ, хлопокъ, изюмъ, сушеные плоды, вино, шелкъ, деревянныя гребешки, мужская и женская обувь. Изъ Персіи привозятся шали и вообще шелковыя матеріи. Главными пунктами торговой промышленности служатъ: гор. Карсъ, гдѣ находится 6 караванъ-сараявъ и 500 лавокъ, затѣмъ Ардаганъ, въ которомъ 3 караванъ-сарая и 200 лавокъ, и наконецъ Кагызманъ, въ которомъ считается 50 лавокъ. Съ водвореніемъ въ край русскаго владычества, мѣстную торговлю оживили сношенія съ торгово-промышленными городами имперіи—Тифлисомъ, Одессой, Ростовомъ, Москвою, но за то съ Эрзерумомъ внѣшняя торговля значительно пала и, съ выселеніемъ мѣстныхъ мусульманъ въ предѣлы Турціи, ей грозитъ совершенное паденіе; впрочемъ, надо ожидать, что улучшеніе путей сообщенія, при богатствѣ естественныхъ произведеній края, вновь подниметъ и оживитъ ее. Вообще благосостояніе всего завоеваннаго края всецѣло зависитъ отъ устройства въ немъ путей сообщенія, и мѣстная администрація приняла уже всѣ зависящія отъ нея мѣры въ скорѣйшему устройству и проведенію шоссеиныхъ дорогъ, не смотря на затрудненія, представляемыя поверхностью и свойствами самаго грунта.

При турецкомъ управленіи средства сообщенія были довольно скудны. Правда, существовали почтовые тракты, были и почтовыя станціи, содержимыя на условіяхъ под-

ряда, съ опредѣленнымъ числомъ лошадей на каждой, но лошади станціонныя шли не въ упряжи, а употреблялись подъ верховую ѣзду и подъ вьюки, и сообщеніе между разными почтовыми пунктами за прогоны, равно и перевозка вьюковъ производилась верхомъ на лошадяхъ, или на волахъ, а иногда назначались для этой надобности маленькія двухъ-колесныя, довольно оригинальной конструкции, арбы. Арбы эти представляютъ треугольникъ съ равнобедренными сторонами, въ которыя, для удобства при укладкѣ вещей, вколачиваются перпендикулярно жерди различныхъ величинъ, смотря по надобности; на нихъ параллельно главнымъ сторонамъ надѣвается по бруску, часто, впрочемъ, брусковъ такихъ не бываетъ и арба устраивается съ одними перпендикулярно стоящими жердями. Впереди, у вершины треугольника вдѣвается армо въ положеніи горизонтальномъ; по концамъ оно имѣетъ по двѣ пробурованныя дырочки, въ которыя вдѣваются деревянные колышки, съ кручеными веревочками или ремнемъ. Между этими колышками продѣвается шея быка или буйвола, такъ что армо приходится сверху шеи запряженнаго животнаго. По срединѣ этой незамысловатой арбы продѣвается въ горизонтальномъ положеніи деревянная ось, на обоихъ концахъ которой укрѣпляются два деревянные круга, каждый въ діаметрѣ до $1\frac{1}{2}$ аршина, обитые по окружности желѣзными шинами. Эти круги и составляютъ колеса, вертящіяся вмѣстѣ съ осью. Такая арба весьма прочна и крѣпка и мало поддается опасностямъ перекидыванія и сильнымъ толчкамъ на каменныхъ и неровныхъ дорогахъ. Она выдерживаетъ до 20 пудовъ тяжести и не такъ скоро портится. Пара быковъ свободно тащитъ ее черезъ перевалы по крупному щебню, даже по вьючнымъ тропамъ. Но въ зимнее время пользованіе такой арбой довольно затруднительно, потому что ось пример-

заетъ въ зубцамъ длинныхъ жердей и не въ состояніи вертѣться. Впрочемъ, зимою почти все мѣстное населеніе бываетъ предано пріятной зимней спячкѣ, а быки и буйволы беззаботно жуютъ сѣно въ теплыхъ хлѣвахъ около своихъ хозяевъ. Буйволы не переносятъ сильныхъ холодовъ, вслѣдствіе этого жители принуждены заботиться о нихъ зимою болѣе, чѣмъ о самихъ себѣ. Не смотря на то, что зимы здѣсь бываютъ довольно суровыя и снѣгъ выпадаетъ довольно глубокой, туземцы не запасаются для себя теплымъ платьемъ и тулупами, но своихъ ябьихъ буйволовъ заботливо кутаютъ въ войлоки и въ теченіе всей зимы не выпускаютъ изъ хлѣва; оттого зимою всякаго рода сообщенія совершаются исключительно на вьючныхъ лошадяхъ или на быкахъ. Но есть въ край и такія мѣста, въ которыхъ почти совсѣмъ нѣтъ колеснаго сообщенія; такъ, нѣкоторая часть кочующаго курдинскаго народа не знала употребленія даже и такой примитивной арбы, какъ вышеописанная. Въ настоящее время, съ переходомъ края въ руки русскаго правительства, недостатки и несовершенства путей сообщенія обратили на себя самое серьезное вниманіе мѣстной администраціи, которая, установивъ центральнымъ пунктомъ г. Карсъ, предполагаетъ отсюда провести и разработать дороги по направленію къ резиденціямъ окружныхъ управленій и разнымъ пунктамъ военныхъ постовъ: Ардагану, Кагызману, по Араксу къ Эривани, Саракамышу, Ольты и другимъ мѣстамъ, имѣющимъ какое-либо торговое, административное или стратегическое значеніе. Такъ, теперь уже существуютъ почтовые тракты между Карсомъ, Александрополемъ, Кагызманомъ и Саракамышемъ.

Населеніе. Система турецкаго управленія и русское управленіе.

Населеніе. По послѣднимъ оффиціальнымъ даннымъ *), въ 6-ти округахъ и 3-хъ приставствахъ Карсской области въ настоящее время считается 4 города, 828 селеній и зимовниковъ, или 20,890 дымовъ, съ постояннымъ населеніемъ въ количествѣ 145,412 душъ. Кромѣ того въ области считается временно проживающихъ 6,306 ч., войскъ и чиновъ управленій 11,261 ч., такъ что общее число населенія Карсской области составляетъ въ настоящее время цифру 162,979 ч.

Населеніе Карсской области состоитъ изъ слѣдующихъ народностей: армянъ (21,5⁰/о), турокъ (около 27⁰/о), турменъ (5⁰/о), курдовъ (15⁰/о), карапахановъ (15⁰/о), кавказскихъ горцевъ (осетинъ, чеченцевъ, кабардинцевъ, лезгинъ, всѣхъ 0,3⁰/о), русскихъ (5,5⁰/о), грековъ (10,5⁰/о), грузинъ-магометанъ, айсоръ, персіанъ и цыганъ (всѣхъ 0,2⁰/о). (Таблица № 1).

Армянъ въ настоящее время въ области считается 31,518 человекъ, до присоединенія же края къ Россіи ихъ было здѣсь слишкомъ въ два раза меньше. Они являются аборигенами края. Развалины достопамятной столицы ихъ царства, г. *Ани*, ясно свидѣтельствуютъ о потухшей исторіи этой, нѣкогда культурной, націи. Въ настоящее время армяне составляютъ сельское населеніе. На видъ это—народъ малорослый, слабосильный, но довольно красивый. Характера сельскіе армяне мирнаго, трудолюбивы, но бѣдны. Живутъ они по преимуществу земледѣльческимъ трудомъ, скотоводствомъ же занимаются только въ незначительныхъ размѣрахъ. По вѣроученію здѣшніе армяне григоріане, но есть между ними католики и протестанты. Ар-

*) По камеральному описанію, произведенному въ 1882 году. Ср. „Карсъ“, 1883 г., № 7.

мяно-католики живутъ по городамъ: въ Карсѣ, Ардаганѣ, а протестанты исключительно въ г. Карсѣ; ихъ считается впрочемъ, всего до 12 семействъ и они имѣютъ свою начальную школу. Григоріане питаютъ въ протестантамъ сильную ненависть, особенно духовенство и мѣстная интеллигенція, а протестанты съ своей стороны оплачиваютъ имъ тѣмъ же. Деревни сельскихъ армянъ застроены плохими саклями, сложенными изъ камней, связанныхъ между собою вмѣсто цемента глиною или грязью. Наружный видъ деревень и саклей не привлекателенъ. Домики низенькіе, съ плоскими земляными крышами, стѣны также низенькія, съ одною маленькою дверью; оконъ для свѣта домики не имѣютъ и жильцы ихъ довольствуются слабымъ свѣтомъ, который проходитъ въ небольшое отверстіе въ крышѣ или боковой стѣнѣ.

Сакля армянина дымная и большею частью грязная. Одежда напоминаетъ турецкій покрій; она состоитъ изъ широкаго разстегнутаго жилета, широкихъ сверху, а внизу узкихъ, брюкъ (шароваровъ) и широкихъ разноцвѣтныхъ кушаковъ собственного, мѣстнаго издѣлія. Нѣкоторые изъ армянъ носятъ на головѣ турецкія чалмы разныхъ цвѣтовъ. Но многіе армяне одѣваются подобно своимъ собратьямъ, живущимъ въ Эриванской губерніи. Обувью сельскому армянину служатъ недолговѣчныя поршни, сдѣланныя изъ шкуръ домашней скотины.

Женщины армянки одѣваются подобно турчанкамъ, но въ образѣ жизни онѣ мало подражаютъ имъ. Армянки вообще довольно трудолюбивы, но легкаго нрава.

Не смотря на многія хорошія качества, которыми армяне-туземцы отличаются въ нравственномъ отношеніи отъ армянъ выходцевъ, большею частью проходимцевъ, которыхъ много въ Закавказьи, все-таки остальное населеніе въ край питаетъ въ нимъ сильную антипатію, такъ напр.,

Населѣ и вѣроисповѣданіямъ *).

Национальн. исповѣданіе	Сельскій округъ.		Городъ Карсъ.		И Т О Г О.			
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	всего.	
1								
Правосл.	—	6	5	295	249	514		
Католик.	—	—	—	4	5	9		
Молокан.	3	1569	36	34	2718	2615	5333	
Духобор.	—	—	—	1015	1001	2016		
Иудейств.	4	2	20	13	24	15	39	
Секты пр.	—	—	8	9	8	9	17	
2	Греки, м.	3	8048	136	118	7818	7287	15105
3								
Григоріан.	2	2295	978	869	16201	14455	30656	
Католик.	2	132	103	94	383	351	734	
Протестант.	6	53	3	6	69	59	128	
4	Грузины, .	—	—	—	5	4	9	
5	Айсоры, м.	0	95	—	—	150	95	245
6	Турки, м.	9	236	463	425	20329	18770	39099
7								
Магом. сун.	3	89	38	29	11272	10112	21384	
Иезид.	—	—	—	—	33	36	69	
8	Тур.							
Магометан.	9	1181	—	—	3081	3005	6086	
Магометан.	—	—	—	—	888	780	1668	
9	Персіяне, .	—	7	6	7	6	13	
10	Кавк.							
Магомет.	—	—	—	—	6071	5650	11721	
Магомет.	53	149	—	—	5209	4722	9931	
11	Осетины. .	—	—	—	196	186	382	
12	Лезгины. .	54	57	—	70	69	139	
13	Кумухи .	—	—	—	3	3	6	
14	Аджарцы .	—	—	—	4	2	6	
15	И.							
Магомет.	—	—	—	—	33	32	65	
Григоріан.	—	—	5	3	5	3	8	
Итого	05	9,709	1,803	1,511	75,891	69,521	145,412	

*) Газ.

турки про покойника армянина (а не всякаго христіанина) не скажутъ „умеръ“ армянинъ, а непременно „издохъ“, („кабарды эрмень“); еурды и карапапахы часто присоединяютъ къ слову армянинъ эпитетъ „яманъ“, т. е. „сверный“. Трудно, разумѣется, при бѣгломъ знакомствѣ съ народомъ, понять и объяснить это печальное явленіе, но безъ сомнѣнія на возникновеніе такихъ отношеній между народностями, кромѣ причинъ, коренящихся въ характерѣ армянскаго населенія, вліяли и чисто историческія условія: не забудемъ, что армяне издавна являются здѣсь народомъ покореннымъ, и потому неудивительно, что они получили унижительные эпитеты.

Турокъ въ краѣ въ настоящее время считается 39,099 ч., или около 27% общаго числа населенія. До присоединенія Карсской области въ Россіи число ихъ здѣсь было почти втрое болѣе; но послѣ покоренія края отсюда болѣе $\frac{2}{3}$ турецкаго населенія эмигрировало въ Турцію (число эмигрировавшихъ турокъ одни считаютъ около 60 тыс., а другіе—около 80 тыс.). По характеру своему народъ этотъ въ высшей степени симпатиченъ, вротокъ, гостепріименъ и при этомъ отличается трудолюбіемъ; но достигши матеріальнаго достатка, турки охотно предаются, по восточному обычаю, нѣгѣ и пустой болтовнѣ за чашкой кофе или съ длиннымъ чубукомъ во рту. Всѣ они магометане-сунниты. Хозяйственный трудъ у бѣдныхъ турокъ распределенъ равномерно между мужчинами и женщинами; у богатыхъ же, напротивъ, жены никакой работы по хозяйству не несутъ. Турокъ-горожанинъ—полный хозяинъ и властелинъ дома; на его обязанности доставлять семьѣ пропитаніе: онъ ходитъ въ лавку, покупаетъ провизію, смотритъ за скотиной, колетъ дрова и т. д.; жена же его занимается хозяйствомъ въ домѣ, моетъ, стираетъ, иногда ходитъ за водой къ ближайшему источнику или рѣчкѣ. Въ послѣднемъ

случаѣ она закрываетъ лицо платкомъ отъ любопытныхъ взоровъ мужчинъ. Здѣсь даже существуетъ этикетъ, требующій, чтобы женщина-турчанка, встрѣтившись съ мужчиною, не только закрылась, но и обернулась къ нему спиною. Этого обычая до послѣдняго времени держались и армянки, но примѣръ европейскихъ женщинъ заразилъ ихъ либерализмомъ, и теперь онѣ, не рѣшаясь, правда, сразу отречься отъ привычки закрываться, стараются однако всегда показать часть лица и, при встрѣчѣ съ мужчинами, не только не сторонятся, но нерѣдко сами сталкиваютъ ихъ съ дороги, если тѣ, зазѣвавшись на что-либо, не успѣютъ въ свое время дать имъ дорогу. Богатыя турчанки, закутываясь на улицѣ въ шелковыя „еграми“, на лицо надѣваютъ черную вуаль. Здѣсь распространенъ между женщинами обычай куренія табаку, и турчанки курятъ изъ трубокъ даже въ присутствіи мужей.

У турокъ существуетъ обычай вносить въ пользу не-вѣсты и ея родителей извѣстную плату, которая называется *пашалыгъ*. Браки здѣсь совершаются или по любви, или по волѣ родителей. Въ первомъ случаѣ дѣло брачнаго союза часто заканчивается похищеніемъ дѣвушки, не караемымъ закономъ. Родители по разнымъ причинамъ часто просватываютъ своихъ дѣтей въ возрастѣ 10—12 лѣтъ, но въ законное супружество они вступаютъ гораздо позже. Обычай многоженства распространенъ здѣсь какъ между богатыми, такъ и между бѣдными.

Туреманъ въ области въ настоящее время считается 7,754 чел., или 5⁰/₁₀ общаго числа населенія. Живутъ они преимущественно въ Ардаганскомъ округѣ, по вѣроисповѣданію—магометане-сунниты и относятся къ сектѣ Алиева ученія; молитвъ и постовъ они не признаютъ, не имѣютъ имамовъ и мечетей и не совершаютъ намазовъ (омовеній). Народъ этотъ—мирный, спокойный; живутъ они земледѣліемъ и

промыслами. Главный предмет промышленности и торговли туркменъ составляетъ скотъ; особенно славятся туркменскія лошади.

Отъ туркменъ рѣзко отличается пастушескій народъ суннитскаго вѣроученія—вурды. Число ихъ въ области въ настоящее время—21,453 чел. и составляетъ 15% общаго числа населенія. Отлагая до другаго случая подробную характеристику ихъ, равно какъ и другихъ народностей, населяющихъ область, ограничимся здѣсь словами одного лица, хорошо знакомаго съ этимъ людомъ: „вурды хороший народъ, но равнодушно смотрѣтъ на чужаго барана не могутъ“. Дѣйствительно, для вурда богатство состоитъ въ численности его скота, и въ характерѣ его преобладаетъ склонность къ захвату чужаго добра какимъ-бы то ни было способомъ; оттого грабежъ и открытое насиліе—общая черта полудиваго кочующаго народа—здѣсь проявляются весьма часто.

Карапахаи, названные такъ по своимъ громаднымъ барашковымъ шапкамъ, состоятъ изъ татаръ-удальцевъ борчалинскихъ, бѣглецовъ изъ Тифлисской губерніи, и изъ коренныхъ турокъ. Ихъ насчитываютъ въ области 21,652 чел. (15% общаго числа населенія). Различаютъ карапаховъ-суннитовъ и карапаховъ-шиитовъ. Въ этомъ народѣ весьма точно отражаются всѣ достоинства и недостатки безпокойныхъ борчалинцевъ: то же своеобразное возрѣніе на человѣческую жизнь и на чужую собственность, то же прославленіе открытаго грабежа и нападенія, то же стремленіе къ захвату чужаго имущества, чужой жены и оскорбленіе женской стыдливости. Но при всемъ томъ карапахаи имѣютъ и хорошія качества: они умѣютъ отстаивать и доказывать дружбу, гостепріимны и радушны.

Кавказскихъ горцевъ въ настоящее время въ области считается всего только 533 человѣка, значительная же

часть ихъ переселилась въ Турцію. Они сохранили здѣсь до сихъ поръ въ полной неизмѣнной формѣ свой прѣжній, чисто кавказскій образъ жизни и воззрѣнія на независимость, преданность вѣрѣ своихъ предковъ и привязанность къ родному очагу. Неустршимое удалство и рыцарская храбрость рѣзко отличаютъ ихъ въ кругу мѣстныхъ мусульманскихъ народовъ отъ ихъ сосѣдей, особенно отъ курдовъ, способныхъ изъ-за одного барана совершить человѣкоубійство. Къ темнымъ сторонамъ жизни кавказскихъ горцевъ въ Карсской области должно отнести вровомщеніе и кровосмѣшеніе, сохранившіяся здѣсь въ полной мѣрѣ.

Объ экономическомъ состояніи населенія Карсской области можно судить по прилагаемой при этомъ таблицѣ (№ 2).

Система турецкаго управленія, русское управленіе.

При турецкомъ правительствѣ существовала своя система управленія краемъ и особый порядокъ дѣленія его на административныя части. Карсскую область образовали, какъ сказано выше, Карсскій санджакъ и часть Чалдырсага. Нѣсколько *санджаковъ* (губерній) составляли *вилайетъ* (генераль-губернаторство), санджаки дѣлились на *казы* (округа или уѣзды) и *нахи* (приставства, участки); нахи въ свою очередь состояли изъ *маркязовъ* (сельскія общества). Маркязомъ управлялъ выборный отъ общества *мухтаръ* (старшина), при которомъ состоялъ *ихтиаръ-меджлисъ* (сельскій совѣтъ изъ нѣсколькихъ лицъ). Для исполненія полицейскихъ обязанностей при мухтарѣ состоялъ назначенный отъ общества *чаушъ*. Мухтаръ и чаушъ получали отъ общества опредѣленное содержаніе натурою. Права мухтаровъ и меджлисовъ были ограничены и находились въ зависимости отъ мѣстной окружной власти. Въ управленіи маркязствомъ принимали живое и вліятельное участіе *имамы* (муллы). Мулла, помимо прямыхъ своихъ духовныхъ обя-

Экономическомъ его состояніи *).

Мельницы.		Масло-бойни и др. мелкіе заводы.		Сады.		Лавокъ и лужанокъ.	Изъ числа показаннаго въ графахъ населенія.			
Число.	Годовой доходъ въ рубляхъ.	Число.	Годовой доходъ въ рубляхъ.	Число.	Годовой доходъ въ рубляхъ.		Торговц., промышл., содержателей кофеенъ, трактирн. заведеній и пр.		Ремесленниковъ и огородниковъ.	
							Число.	Изъ годов. дох. въ рубл.	Число.	Изъ годов. дох. въ рубл.
93	2,946	—	—	—	—	1	3	145	49	1,771
4	140	1	100	—	—	78	84	20,015	41	4,485
97	3,086	1	100	—	—	79	87	20,160	90	6,256
38	1,280	—	—	125	1,877	—	—	—	—	—
24	1,352	—	—	635	11,550	111	108	78,482	88	9,471
62	2,582	—	—	760	12,927	111	103	78,482	88	9,471
107	2,175	—	—	990	13,557	1	2	750	45	3,890
3	380	—	—	150	177	80	23	7,630	5	770
110	2,505	—	—	1,140	13,734	81	25	8,380	50	4,660
39	2,029	—	—	—	—	9	1	300	78	5,876
70	8,260	24	1,090	26	790	5	15	1,525	38	1,630
47	1,850	—	—	1	—	2	30	3,895	12	1,200
31	1,122	—	—	53	615	—	—	—	—	—
65	2,784	—	—	208	3,287	5	—	—	48	814
32	2,168	5	385	—	—	—	8	5,720	9	975
25	8,250	5	820	—	—	374	495	159,200	717	109,187
578	34,586	35	2,395	2,193	31,353	666	769	277,662	1,125	140,069

занностей, несъ труды по отписыванію бумагъ, какъ единственное лицо въ маркязѣ, умѣвшее читать и писать. Мухтары оставлены русскимъ правительствомъ и до сихъ поръ исполняютъ обязанности сельскихъ старшинъ. Казой управлялъ *каймакамъ*. При немъ состоялъ *казы-меджлисъ* (окружной совѣтъ), который раздѣлялся на два отдѣленія— административное и судебное. Въ судебномъ отдѣленіи меджлиса предсѣдательствовалъ *кадій* (духовное лицо) по назначенію главнаго стамбульскаго духовнаго начальства, а членами состояли выборные обыватели изъ окрестныхъ маркязовъ. Кадій и члены получали небольшое жалованье отъ правительства, а члены административнаго отдѣленія должны были служить безвозмездно. Въ члены меджлиса выбирались лица извѣстнаго возраста, всѣхъ исповѣданій—по равному числу изъ мусульманъ и христіанъ. Въ производствѣ дѣла соблюдался слѣдующій порядокъ: проситель подавалъ прошеніе *арзаль-каймакаму* (окружному начальнику), которому предварительно, по установившемуся временемъ обычаю, приносилъ маленькій *пешкешъ* или приношеніе (но не взятку). Каймакамъ, ознакомившись съ дѣломъ, передавалъ его въ судебное или административное отдѣленіе меджлиса, гдѣ дѣло это подвергалось обсужденію и рѣшалось по большинству голосовъ. При каймакамѣ и казы-меджлисѣ состояли на государственной службѣ *заптіи* для исполненія разныхъ порученій полицейскаго характера и несенія караульной службы при тюрмахъ и другихъ мѣстахъ заключенія. Нахією управляли *мудиръ* (пристава) подъ непосредственнымъ наблюденіемъ каймакамовъ (окрестныхъ начальниковъ). Санджавомъ управлялъ гражданскій губернаторъ, который назывался *мутесарифъ*.

Такимъ образомъ, при турецкомъ правительствѣ въ основѣ управленія краемъ лежали начала коллегіальнаго и выборнаго порядка; административная власть, сосредото-

ченная въ рукахъ правительственныхъ чиновниковъ, не имѣла права вмѣшиваться въ дѣла судебныхъ учрежденій. Судебная же часть сосредоточивалась въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, состоящихъ изъ выборныхъ членовъ—христіанъ и мусульманъ, подъ предсѣдательствомъ кадіевъ, и была совершенно самостоятельна, такъ что чиновникъ административнаго управленія не могъ засѣдать ни въ одномъ судебномъ учрежденіи. При рѣшеніи и разсмотрѣніи дѣлъ судьи должны были руководствоваться общими государственными законами, а также слѣдовать указаніямъ шаріата и мѣстныхъ адатовъ (обычаевъ).

По занятіи описываемаго края русскими войсками, въ немъ водворено было военно-народное управленіе и введены судебныя учрежденія.

Для разбора дѣлъ, касающихся интересовъ туземнаго населенія, учреждены военно-народные суды, составленные изъ лицъ, выбранныхъ самими обывателями изъ своей же среды. Въ нихъ обыкновенно предсѣдательствуетъ представитель власти даннаго административнаго пункта. Туземцы по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ подсудны окружнымъ словеснымъ судамъ. Судьи-члены избираются изъ представителей мѣстнаго населенія, при участіи кадія. Въ словесныхъ судахъ округовъ предсѣдательствуетъ помощникъ окружнаго начальника, а въ Карсскомъ словесномъ судѣ помощникъ Карскаго полиціймейстера. Дѣла въ такихъ судахъ разбираются и рѣшаются по адату и внутреннему убѣжденію судей; при этомъ предсѣдатель, слѣдя за опредѣленіемъ мѣры взысканія, старается придерживаться духа и указаній русскихъ законовъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда судъ разбираетъ дѣла бракоразводныя или несогласія между мужемъ и женою или родителями и дѣтьми. Въ послѣднихъ случаяхъ судъ придерживается указаній шаріата. Въ судахъ дѣла разбираются гласно, въ присут-

ствіи постороннихъ, но при разборѣ проступковъ противъ правъ семейныхъ и женской чести, по заявленію одной изъ сторонъ, допускается засѣданіе суда при закрытыхъ дверяхъ. Рѣшеніе постановляется по большинству голосовъ; при этомъ предсѣдатель въ голосованіи никакого участія не принимаетъ. Дѣла же, которыя подлежатъ разбирательству по шаріату, рѣшаются кадіемъ, утверждается же такое рѣшеніе предсѣдателемъ суда.

Кромѣ городскаго и окружнаго словесныхъ судовъ, въ области существуетъ еще главный словесный судъ, какъ высшая инстанція судебныхъ учреждений. Онъ состоитъ изъ депутатовъ всѣхъ округовъ и областнаго кадія; въ немъ предсѣдательствуетъ помощникъ военнаго губернатора. Главная административная власть по управленію областью принадлежитъ военному губернатору, отъ котораго исходятъ представленія о назначеніи окружныхъ начальниковъ. Кромѣ того, военный губернаторъ есть непосредственный начальникъ и хозяинъ въ области во всѣхъ отношеніяхъ.

Тѣ изъ туземцевъ, которые привлекаемы бывають въ суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ, вооруженномъ сопротивленіи властямъ, ограбленіи казеннаго имущества, нападеніи на почты, разбоѣ, грабежѣ, умышленномъ поджогѣ казеннаго имущества, порчѣ телеграфовъ, убійствѣ съ намѣреніемъ, судятся по общимъ законамъ имперіи; пришлое же изъ Закавказья и внутреннихъ губерній Россіи населеніе подсудно не военно-народному, а существующему въ г. Карсѣ мировому суду, подвѣдомственному Эриванскому окружному суду.

Съ водвореніемъ въ новомъ краѣ русскихъ порядковъ управленія и со внесеніемъ въ восточно-азіатскую жизнь туземца духа европейскаго гуманизма, не могло быть терпимо печальное явленіе, имѣвшее мѣсто среди нѣкоторой части мѣстнаго населенія—крѣпостное право, занесенное

сюда кавказскими горцами. У горских народов на Кавказѣ существовало сословіе крѣпостныхъ крестьянъ, лишенныхъ всѣхъ правъ и всецѣло составлявшихъ собственность господина - князя или дворянина. Въ крѣпостные поступали плѣнные, бездомные и круглые сироты. Положеніе ихъ было въ высшей степени незавидное. Эти полурабы обязаны были вѣчно работать на своего князя; жениться имъ дозволялось только съ согласія ихъ владыки, дѣти ихъ были также крѣпостными и принадлежали князю. За оскорбленіе, обиду, увѣчья рабовъ виновные уплачивали штрафъ деньгами не обиженнымъ, а владѣльцамъ ихъ. Во время Кавказской войны многіе изъ горцевъ эмигрировали въ Азіатскую Турцію, захвативъ съ собою и своихъ крѣпостныхъ. Имъ отведены были для поселенія восточные и южные склоны Саганлугскаго хребта и турецкое правительство, вопреки шаріату, воспрещающему бѣлымъ владѣть бѣлыми невольниками, оставило при нихъ ихъ рабовъ. Такою мѣрой турецкая администрація думала расположить къ себѣ этихъ переселенцевъ и привлечь новыхъ.

Понятное дѣло, что такое рабовладѣніе, противорѣчащее основамъ русскаго управленія, не могло быть никоимъ образомъ терпимо при русскомъ владычествѣ. Освѣдомившись о существованіи рабовъ-крѣпостныхъ, мѣстная русская администрація, по соглашенію съ ихъ владѣльцами, дала свободу 300 крѣпостныхъ обоюгаго пола. Освобожденные отправились на сѣверный Кавказъ къ родственникамъ, съ которыми находились такъ долго въ подневольной разлуцѣ.

К. Садовскій.

Г. Карсъ.
1883 г.

ОТДѢЛЪ П.

СТАНИЦА ТЕМИЖБЕКСКАЯ

и пѣсни, поющіяся въ ней.

Мѣстоположеніе станицы, населеніе, занятія жителей, внѣшній видъ ихъ, характеръ и воспитаніе.

Мѣстоположеніе станицы и ея населеніе. Станица Темижбекская, Кубанской области, Кавказскаго уѣзда, расположена на правомъ берегу рѣки Кубани, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Кубань изъ сѣверо-западнаго направленія принимаетъ западное, въ 18-ти верстахъ выше Кавказской станицы Ростово-Владикавказской желѣзной дороги. Станица основана въ 1800 году и получила названіе отъ аула черкесскаго князя Темижъ-Бека, жившаго на противоположномъ берегу Кубани, противъ самой станицы. Станица эта населена выходцами изъ Харьковской губерніи, Бахмутовскаго уѣзда. Переселены жители по своему желанію. Между стариками существуетъ преданіе, что они были въ „Россіи“ тоже казаками, и когда ихъ хотѣли обратить въ „мужиковъ“ (крестьянъ), то они, т. е. ихъ отцы и дѣды, добровольно согласились переселиться на Кубань, въ то время только что начавшую заселяться Донскими казаками.

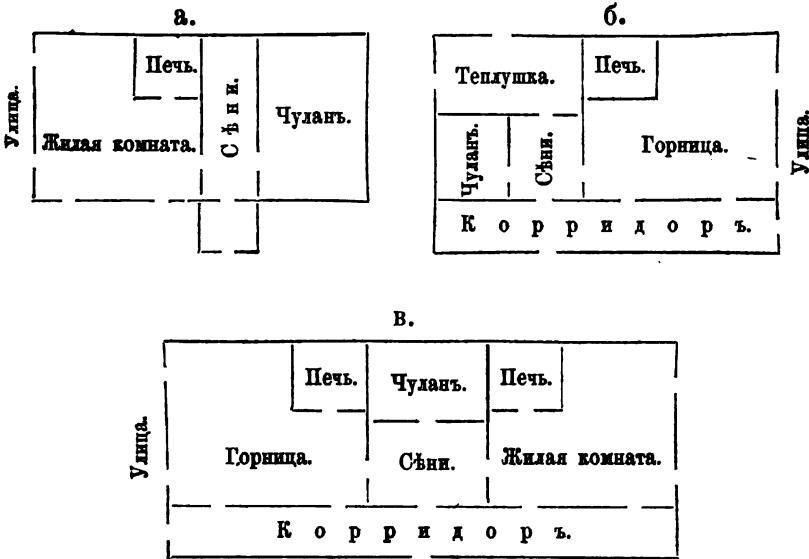
Станица занимаетъ правильный четырехугольникъ, приблизительно въ 2 квадр. версты. Посреди станицы съ юга на сѣверъ проходитъ довольно широкая балка—верхове р. Чалбасъ. Осенью въ этой балкѣ собирается вода и обра-

звется нѣчто въ родѣ озера. Озеро это, замерзая зимой, служить мѣстомъ увеселенія жителей. На сѣверъ, востокъ и на западъ тянется ровное степное пространство, и только съ южной стороны, сейчасъ возлѣ станицы, начинается небольшой, но крутой спускъ къ р. Кубани. Станица вдоль и поперекъ перерѣзана улицами и переулками и такимъ образомъ раздѣлена на правильные четырехугольные кварталы. Улицы и переулки совершенно прямые. При населеніи станицы кварталы были раздѣлены на равные дворы, каждый въ 1,200 кв. саж. (въ длину 40 саж. и ширину 30 саж.); но впослѣдствіи, когда народонаселеніе стало увеличиваться, дворы уменьшились, потому что, при раздѣлѣ имѣнія отца между сыновьями, дѣлились также и дворы на двѣ, а иногда на три части. Вслѣдствіе этого въ настоящее время дома построены довольно густо; есть, напр., мѣста, въ которыхъ одна изба отстоитъ отъ другой на 2—3 саж. Но послѣ пожара, бывшаго въ станицѣ въ іюлѣ 1879 года, жители стали сознавать вредъ густаго населенія и стали выселяться за станицу и занимать себѣ новые довольно просторные дворы.

Лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ, всѣ дома были построены здѣсь изъ рубленаго строеваго лѣса. Лѣсъ добывали тутъ же, на р. Кубани. Но съ тѣхъ поръ кубанскій лѣсъ сталъ переводиться, и въ настоящее время онъ совсѣмъ уже почти исчезъ, такъ что лѣсъ для построекъ приходится доставлять изъ Махосевскихъ лѣсовъ (Майкопскаго уѣзда) верстъ за 150; поэтому дома теперь начали строить въ станицѣ турлучные. Крыши на домахъ камышевыя, но есть и соломенные, и только 4 дома во всей станицѣ крыты желѣзомъ (училище и три частныхъ дома).

Относительно внутренняго расположенія избъ, ихъ можно раздѣлить на три разряда. Первый разрядъ составляютъ дома старинные (а). Внутреннее размѣщеніе ихъ слѣ-

дующее: 1) жилая комната съ огромною, занимающею чуть не четверть комнаты, русскою печью, 2) чуланъ, 3) сѣни и 4) при выходѣ изъ сѣней крыльцо. Второй разрядъ составляютъ дома,

появившіеся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (б). Дома эти состоятъ изъ довольно просторной комнаты, сѣней, чулана и теплушки; къ нимъ вмѣсто стариннаго крыльца стали при- дѣлывать корридоры. Третій разрядъ домовъ (в) соста- вляютъ дома, представляющіе нѣчто среднее между ста- ринными домами и домами шестидесятыхъ годовъ. Они состоятъ изъ двухъ просторныхъ комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями; въ каждой комнатѣ есть русская печь. Нельзя сказать, чтобы дома эти были достояніемъ послѣднихъ годовъ; они встрѣчались, хотя рѣдко, и въ старину, съ тою только разницею, что къ тѣмъ прежде пристраивались крыльца, а въ послѣднее время къ нимъ по большей части пристраиваются корридоры.

Вся меблировка какъ старинныхъ, такъ и новѣйшихъ

домовъ весьма проста: въ двумъ стѣнамъ комнаты отъ передняго (святаго) угла прилажены двѣ лавки, представляющія собою широкія доски, установленныя приблизительно на $\frac{3}{4}$ аршина отъ пола и служащія для сидѣнья; съ третьей стороны отъ печи идетъ широкій помостъ, называемый поломъ. Полъ высоту имѣетъ одинаковую съ лавками, а ширину съ печью; онъ служитъ общею кроватью. Тутъ въ зимнее время спитъ отецъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ переднемъ углу стоитъ простой сосновый (въ старину дубовый) столъ.

Если домъ построенъ по плану в), то одна комната служитъ кухнею и вмѣстѣ съ тѣмъ жилою комнатою, какъ равнымъ образомъ въ домахъ типа б) теплушки; другія же комнаты называются горницами. Ихъ всегда содержатъ въ большей или меньшей чистотѣ и тамъ обыкновенно принимаютъ гостей. Въ этихъ комнатахъ и мебелировка нѣсколько измѣняется, такъ—вмѣсто пола можно видѣть здѣсь деревянную кровать, всегда застланную ситцевымъ стеганнымъ одѣяломъ, а въ простѣннѣ небольшое простое, дешевое зеркало; въ переднемъ углу всегда здѣсь придѣлывается полочка (божничка), на которой стоятъ деревянные иконы. Въ кухняхъ или жилыхъ комнатахъ убранство почти то же, что и въ горницахъ, съ тою только разницею, что здѣсь вы никогда не увидите кровати (а всегда полъ), не увидите зеркала и притомъ здѣсь всегда довольно грязновато.

Посуда здѣсь почти всегда и вездѣ употребляется деревянная: чашки, ложки, тарелки, корецъ для питья воды — все это сдѣлано изъ дерева и покупается обыкновенно у щепниковъ на ярмаркахъ. Кушанья готовятся въ чугунахъ. Лѣтъ 10 — 20 тому назадъ, во всей станицѣ можно было найти два или три самовара, да и то только у офицеровъ или лавочниковъ. У нѣкоторыхъ

же казаковъ на случай болѣзни кого-либо существовали глиняные чайники, въ которыхъ они и приготавливали себѣ чай, предварительно вскипятивъ воду въ чугунѣ; вмѣсто чайныхъ стабановъ существовали такія же простыя, какъ и чайники, чашки, а иногда и просто корецъ или деревянная чашка, служившіе вмѣстѣ съ тѣмъ и для питья воды. Но въ послѣднія 6—8 лѣтъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ большой прогрессъ. Съ проведеніемъ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, когда получилась возможность скорого, легкаго и дешеваго сообщенія съ Ростовомъ, многіе казаки оставили свое исконное занятіе земледѣіемъ и обратились къ торговлѣ; а разъ ставъ „купцами“ по профессіи, они хотѣли быть ими и по домашней жизни. Вслѣдствіе этого они свою допотопную домашнюю утварь стали замѣнять болѣе изящной. У нихъ явились самовары со всѣми принадлежностями, и вмѣсто старинныхъ деревянныхъ чашекъ на столахъ появились глиняныя и фаянсовыя тарелки и блюда; вмѣсто лавокъ и половъ теперь въ употребленіи у нихъ табуреты, стулья и кровати. Это нововведеніе не могло не отразиться и на другихъ. Казаки, бывая въ гостяхъ у своихъ родственниковъ или знакомыхъ купцовъ, не могли не замѣтить, что обстановка у нихъ гораздо красивѣе и удобнѣе ихъ собственной, да кромѣ того имъ и совѣстно было бы просить къ себѣ въ гости богатыхъ родственниковъ или знакомыхъ, когда они владѣютъ такою непривлекательной обстановкой, вотъ и между ними болѣе зажиточные стали подражать вновь народившимся купцамъ, а примѣръ дѣйствуетъ заразительно. Поэтому теперь, можно сказать не ошибаясь, цѣлая четверть жителей-казаконъ имѣютъ уже самовары, хотя чай пьютъ только тогда, когда у нихъ бываютъ гости. мода охватила всѣхъ, и теперь рѣдко можно встрѣтить домъ, гдѣ-бы не было претензіи на шикъ,

второй проявляется либо въ замѣнѣ старой деревянной посуды новою глиняною, либо въ приобрѣтеніи стульевъ, табуретовъ и т. п. Этому обновленію способствовало еще и то обстоятельство, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ началѣ семидесятыхъ и до сего времени казаки каждый годъ отправляются на службу въ Закавказскій край, гдѣ остаются по 5-ти лѣтъ; возвращаясь оттуда, они уже выглядываютъ болѣе развитыми, болѣе цивилизованными, съ болѣе изысканными требованіями къ жизни въ сравненіи съ своими товарищами и братьями, жившими всѣ эти пять лѣтъ безвыѣздно въ своей станицѣ. Это обстоятельство хотя и не имѣло непосредственнаго вліянія на улучшеніе домашней жизни мѣстныхъ жителей, но оно важно въ томъ отношеніи, что начинъ, сдѣланный лавочниками-казаками, нашель вполнѣ подготовленную почву для своего развитія въ средѣ другихъ казаковъ.

Но еще и въ настоящее время есть старики-казаки, строго придерживающіеся своихъ старинныхъ обычаевъ. Я знаю одного старика, у котораго вы не найдете ни малѣйшаго измѣненія въ его обстановкѣ противъ того, какъ жили его дѣды. Вы у него во всемъ домѣ не найдете ни одной посуды, сдѣланной не изъ дерева, исключая стакана для воды, что между прочимъ есть достояніе старины.

Костюмъ казаковъ болѣе или менѣе извѣстенъ. Верхней одеждой мужчинъ служитъ черкеска и полушубокъ, имѣющій покрой одинаковый съ черкескою; подъ черкеску надѣвается бешметъ; бѣлье составляетъ ситцевая въ праздникѣ и холщевая въ будни рубаха; обувь — сапоги; прежде казаки носили чувяки, бахилки и ноговицы. Принадлежностями костюма женщины служатъ ситцевая рубаха и ситцевая юбка. Въ праздники ситцевая юбка замѣняется шелковой и шерстяной, а поверхъ рубахи надѣвается кофточка одинаковой матеріи съ юбкой; на головѣ ситцевый, шерстя-

ной или шелковый платокъ. Обувь—полусапожки и цвѣт-
ные гарусные чулки, но въ старину по праздникамъ ис-
ключительно носили красные башмаки и бѣлые бумажные
чулки. Необходимою принадлежностью головного убора за-
мужнихъ женщинъ является шляпка (нѣчто въ родѣ чепца);
волосы у нихъ заплетаются въ двѣ косы, которыя обво-
дятся вокругъ головы, и поверхъ ихъ надѣвается шляпка;
голова иногда прикрывается платкомъ. Дѣвушки же запле-
тають волосы въ одну косу и связываютъ въ нее шелко-
вые, довольно цѣнные ленты.

Коренное населеніе станицы составляютъ казаки; но
въ настоящее время, какъ видно изъ приведенной ниже та-
блицы а), почти третью часть всего населенія составляютъ
иностранцы лица, выходцы изъ внутреннихъ губерній.

Табл. а.

Число жителей ст. Темижбекской къ 1-му января 1882 го-
да, съ подраздѣленіемъ ихъ по сословіямъ.

	Казачьяго со- словія.				Другихъ сословій.												В с е г о .	
	Дворянъ и чиновниковъ.		Нижняго званія.		Духовныхъ.		Почетныхъ гражданъ.		Кушцовъ.		Мѣщанъ.		Крестьянъ.		Иностран- цевъ.			
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.		
Издѣльныхъ осѣдлости.	13	15	коренныхъ 1,283 1,317		3	4	2	3	2	2	99	81	325	249	32	30	1,769	1,718
			пришлыхъ 10 17															
Неиздѣльныхъ осѣдлости.			7	5	3	6					21	18	179	132	40	28	250	189
Итого	13	15	1,300	1,339	6	10	2	3	2	2	120	99	504	381	72	58	2,019	1,907

До покоренія Кавказа и вмѣстѣ съ тѣмъ до освобожденія крестьянъ въ ст. Темижбекской почти совсѣмъ не было иногородныхъ; были только два-три лавочника, двѣ-три семьи шерстобитовъ, столько же овчинниковъ и одинъ или два бондаря; въ настоящее же время число мастеровыхъ, какъ видно изъ таблицы ж), осталось почти то же, а всѣ остальные переселенцы или живутъ осѣдло и занимаются хлѣбопашествомъ, или не имѣютъ никакой осѣдлости и занимаются поденными работами. Первые такіе поселенцы прибыли въ намъ въ станицу, если не ошибаюсь, въ 1867 году изъ Орловской губерніи; нѣкоторые изъ этихъ переселенцевъ вернулись назадъ на свою родину, иные переселились въ другія мѣста, а нѣкоторые и до сихъ поръ живутъ въ Темижбекской станицѣ. Начиная съ этихъ поръ, число переселенцевъ съ каждымъ годомъ увеличивалось и въ настоящее время ихъ считается 1,298 человекъ обою пола.

Достойно вниманія то обстоятельство, что казачье населеніе станицы увеличивается совсѣмъ незначительно. Изъ посемейнаго списка за 1834 годъ (самый старый списокъ, какой я только могъ найти въ архивѣ станичнаго правленія) видно, что тогда въ станицѣ было 393 семьи и 2,572 чел. жителей обою пола; черезъ 30 лѣтъ, именно въ 1864 году семействъ овазывается меньше на 16 и число душъ—на 299 обою пола. Значить, за 30 лѣтъ населеніе не увеличилось, а уменьшилось. Но это можно объяснить тѣмъ, что во все это время происходило переселеніе казаковъ за Кубань, на передовую линію, хотя, между прочимъ, въ 1838 году въ ст. Темижбекскую было переселено нѣсколько семействъ Полтавскихъ казаковъ, стало быть, за это время происходило не только выселеніе, но и заселеніе. Сколько всего выселено казаковъ на передовую линію и сколько въ свою очередь переселено изъ

Полтавской губерніи, положительных свѣдѣній нѣтъ, поэтому невозможно въ настоящее время прослѣдить постепенный ростъ населенія.

Съ 1864 года переселеній уже не было; послѣднее переселеніе и переселеніе довольно значительное, было въ 1863 году, послѣ же того если и были отдѣльные случаи выселенія или приписки, то весьма незначительные, такъ что они не могли вліять на ростъ населенія. Сравнивая число жителей 1864 и 1881 годовъ, мы видимъ, что число семействъ въ 1881 г. уменьшилось на 24; это произошло отъ того, что многія семейства состояли изъ однихъ только стариковъ, не имѣвшихъ дѣтей и съ теченіемъ времени семейства эти вымерли. Такъ, сличая посемейные списки 1864 и 1881 годовъ, я нашелъ, что 35 фамилій вовсе нѣтъ въ спискѣ 1881 года противъ списка 1864 г.; есть много фамилій, и въ настоящее время готовыхъ въ вымиранію, ибо представители этихъ фамилій — старики, не имѣющіе дѣтей. Общее же число жителей съ 1864 года все-таки увеличилось на 355 душъ обоюга пола, или среднимъ числомъ немного болѣе чѣмъ на 20.челов. ежегодно.

Табл. 6.

Населеніе за прошлые года.

За 1834 годъ.			За 1844 годъ.			За 1864 годъ.			За 1877 годъ.			За 1878 годъ.		
Сем.	Душъ.		Сем.	Душъ.		Сем.	Душъ.		Сем.	Душъ.		Сем.	Душъ.	
	м.	ж.		м.	ж.		м.	ж.		м.	ж.		м.	ж.
393	1,233	1,239	394	1,353	1,398	377	1,150	1,123	358	1,236	1,288	354	1,283	1,299
За 1879 годъ.			За 1880 годъ.			За 1881 годъ.								
						Коренныхъ жителей.			Иногор., имѣющ. осѣдность.			Иног., неимѣющ. осѣдности.		
Сем.	Душъ.		Сем.	Душъ.		Сем.	Душъ.		Сем.	Душъ.		Сем.	Душъ.	
	м.	ж.		м.	ж.		м.	ж.		м.	ж.		м.	ж.
354	1,250	1,284	354	1,273	1,295	353	1,296	1,332	175	473	386	107	250	189.

Такой слабый приростъ населенія можно объяснить отчасти повальными болѣзнями, сварлатиною и дифтеритомъ, господствовавшими въ станицѣ въ 1877—79 гг., когда смертность значительно превышала рождаемость, отчасти плохимъ воспитаніемъ дѣтей и вообще дурными гигиеническими условіями, при которыхъ живетъ населеніе, и отчасти несовсѣмъ здоровымъ климатомъ. Выше уже было упомянуто, что посреди станицы собирается лужа воды, а по берегамъ ея жители сваливаютъ навозъ и всякія нечистоты; все это лѣтомъ гниетъ и заражаетъ воздухъ, вслѣдствіе чего во время лѣта въ станицѣ свирѣпствуетъ лихорадка. Вода изъ этой лужи по балкѣ протекаетъ далѣе за станицу и тамъ между садами образуетъ двѣ другія лужи, гдѣ кромѣ навоза гниютъ различныя болотныя растенія. Эта мѣстность особенно отличается лихорадкой. Нѣсколько семействъ, поселившихся по правой, болѣе низменной сторонѣ этой балки, принуждены были оставить по причинѣ сильныхъ лихорадокъ во время лѣта эти мѣста и переселиться на другія.

Табл. в.

Рождаемость, смертность и число браковъ за послѣднія 5 лѣтъ.

1877 годъ.								1878 годъ.								1879 годъ.											
Родилось.				Умерло.				Сочеталось бракомъ.				Родилось.				Умерло.				Сочеталось бракомъ.				Родилось.			
Законнороденныхъ.		Незаконнорожденныхъ.										Законнороденныхъ.		Незаконнорожденныхъ.										Законнороденныхъ.		Незаконнорожденныхъ.	
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.						
92	109	—	2	119	132	42	42	104	84	—	1	163	145	73	73	102	115	—	1								

1879 годъ.				1880 годъ.				1881 годъ.											
Умерло.	Сочеталось бра- ковъ.			Родилось.				Умерло.	Сочетаніе бра- ковъ.			Родилось.				Умерло.	Сочетаніе бра- ковъ.		
				Законно- рожденныхъ.		Незаконно- рожденныхъ.						Законно- рожденныхъ.		Незаконно- рожденныхъ.					
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.		ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.		м.	ж.	
152	185	65	65	127	134	2	1	127	122	59	59	185	152	2	—	118	96	65	65.

Табл. з.

Число рождений, падающихъ на мѣсяцы послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Мѣсяцы.													
	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Среднее число.
Года.													
1880 годъ...	30	28	26	22	15	14	25	22	24	24	20	10	21
1881 годъ...	19	18	14	15	20	27	34	30	34	41	17	19	24.

Табл. д.

Раздѣленіе населенія по возрастамъ.

	До 1 г.		1—5 л.		5—10		10—15		15—20		20—25		25—30		30—40	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Кореннаго населенія.....	68	72	189	162	100	113	167	153	153	127	115	130	108	117	152	160
Иногор., имѣющихъ осѣдлость.	30	21	58	47	45	41	62	48	42	35	32	26	49	37	48	50
Иногор., не имѣющихъ осѣдл.	15	8	26	21	31	19	35	27	23	14	23	18	15	18	35	29
Итого.....	113	101	223	230	176	173	264	228	218	176	170	174	172	172	235	239

	40—50		50—60		60—70		70—80		80—90		90—100		Болѣе 100		Всего.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Кореннаго населенія.....	128	155	72	79	67	46	18	14	7	4	1	—	1	—	1,296	1,382
Иногор., имѣющихъ осѣд.	46	39	35	32	14	5	8	4	4	—	—	1	—	—	478	386
Иногородн., не имѣющ. осѣд.	25	19	15	14	4	2	3	—	—	—	—	—	—	—	250	189
Итого.....	199	213	122	125	85	53	29	18	11	4	1	1	1	—	2,019	1,907

Занятія жителей. Главное занятіе жителей составляетъ земледѣліе, а также отчасти и скотоводство. Изъ различныхъ видовъ земледѣлія здѣсь преимущественно преобладаетъ хлѣбопашество. Разнаго рода хлѣба жители сѣютъ не малое количество. Изъ таблицы № 3 видно, что всего зерноваго хлѣба въ 1881 г. было собрано 13,594 четверти, что на каждого человѣка всѣхъ возрастовъ составляетъ болѣе чѣмъ по 5 четв. Изъ зерновыхъ растений больше всего сѣютъ озимую пшеницу и ленъ. Послѣдній составляетъ главный продуктъ сбыта, тогда какъ пшеница, за немногими исключеніями, служитъ главнымъ источникомъ пропитанія самого населенія станицы.

При распашкѣ подъ озимые хлѣба (рожь и пшеницу) жители придерживаются болѣе или менѣе правильной системы. Отъ станицы версты на 2—3 оставлено мѣсто для выгона. Далѣе, на протяженіи приблизительно верстъ 5—6, идетъ толова; эта толова раздѣлена на три „влина“ (поля). Въ то время какъ въ одномъ влину растетъ хлѣбъ (исключительно озимый), другой влинъ распахиваютъ въ маѣ подъ парь, третій же влинъ служитъ мѣстомъ пастбища рогатаго скота. Въ сентябрѣ и октябрѣ парь засѣваютъ, а весной слѣдующаго года тотъ влинъ, на которомъ пасся скотъ, распахиваютъ подъ парь, влинъ же, гдѣ былъ хлѣбъ, назначается подъ пастбище. Такимъ образомъ, при посѣвѣ

озимаго хлѣба существуетъ трехпольная система, однако безъ плодосмѣна.

Количество вспаханной земли не измѣряется десятинами (хотя жители, въ составъ которыхъ входятъ, какъ указано выше, переселенцы изъ другихъ мѣстъ, имѣютъ понятіе о десятинѣ), а просто саженами. Одинъ, напр., домохозяинъ говоритъ, что у него посеяно 1,000 саж. (въ ширину нивы) пшеницы; другой,—что у него 1,500 саж. ржи. Длина нивы (по мѣстному „гонъ“) при этомъ почти не принимается во вниманіе; она обыкновенно бываетъ 150—200 саж., и если у кого нива (по мѣстному „загонъ“) длиннѣе или короче обыкновеннаго, то домохозяинъ, говоря, что у него посеяно известное количество саженой пшеницы, прибавляетъ, что гонъ короткія, или длинныя.

Земля въ клинахъ не дѣленая, но каждый хозяинъ знаетъ свои загоны, и никто не имѣетъ права вспахать чужой загонъ, хотя-бы у него во всемъ клину не было ни одной полосы. Если же хозяинъ не успѣлъ вспахать и засеять какой-либо свой загонъ, и загонъ, какъ здѣсь говорятъ, „залегъ“, то на слѣдующій разъ онъ дѣлается ничей: его пашетъ тотъ, кто прежде захватить, и онъ уже дѣлается собственностью этого новаго хозяина. То же лицо, у котораго нѣтъ загонѡвъ, какъ напр., казакъ, прослужившій пять лѣтъ на границѣ или отдѣлившійся отъ отца и братьевъ, обыкновенно ѣдетъ на край толоки и тамъ занимаетъ себѣ загонъ; вслѣдствіе этого толока съ каждымъ годомъ увеличивается.

Яровые хлѣба сѣются за полемъ, т. е. за толовой. Тутъ уже нѣтъ никакой системы, а распахива производится безпорядочно. Каждый пашетъ тамъ, гдѣ ему вздумается, и пашетъ столько, сколько успѣетъ вспахать, направляя свой плугъ туда, куда глаза глядятъ. На первый годъ ярѣнная залежь (цѣлины уже нигдѣ нѣтъ) пашется подь

бахчи, ленъ или просо; затѣмъ, когда ленъ или просо снимутся, въ тотъ же годъ осенью нѣволокомъ сѣютъ рожь или пшеницу, или же весною—ячмень или овесъ. На третій годъ загонъ бросается и на немъ вырастаетъ громадный бурьянъ; годъ отъ году бурьянъ этотъ пропадаетъ, а вмѣсто него появляются кормовыя травы, и мѣстность черезъ нѣсколько лѣтъ дѣлается годною подъ сѣнокосъ. Такимъ образомъ и ведется хозяйство; оттого тамъ, гдѣ одинъ годъ стояли стога сѣна, на другой годъ красуются нивы льна, проса, овса и проч. Подобный порядокъ веденія полеваго хозяйства можно было-бы еще назвать сноснымъ, если-бы распашка производилась въ одномъ направленіи и одинъ загонъ приходился-бы возлѣ другаго; но дѣло въ томъ, что распашка производится такъ, что одинъ загонъ направленъ къ другому или подъ прямымъ или подъ острымъ угломъ, оставляя между собою не вспаханные клочки земли въ видѣ всевозможныхъ треугольниковъ, негодныхъ ни для распашки, ни для сѣнокоса. Благодаря такому распорядку, въ настоящее время вспахана почти вся степь, такъ что негдѣ косить сѣна.

Подъ озимый хлѣбъ, какъ сказано выше, землю пахутъ въ маѣ, а сѣютъ этотъ хлѣбъ въ сентябрѣ и октябрѣ. Подъ яровой же хлѣбъ пахутъ иногда въ ноябрѣ и октябрѣ (подъ забъ), но большею частію весною, приблизительно съ 8—10 марта по 1—5 мая и тогда же сѣютъ и самый яровой хлѣбъ. Раньше всего сѣютъ ячмень, яровую пшеницу (по мѣстному „гирьку“ и „кубанку“), потомъ овесъ и уже въ концѣ апрѣля просо и ленъ.

Изъ другихъ культурныхъ растений темижбевцы разводятъ въ небольшомъ количествѣ коноплю, картофель и кукурузу, и въ весьма ограниченномъ—гречиху.

Коноплю жители употребляютъ для приготовленія холста и разнаго рода веревокъ, а такъ какъ для этой надоб-

ности конопли требуется немного, то и сѣютъ ее въ небольшомъ количествѣ, но сѣютъ почти всѣ жители. Кукурузы сѣютъ немного потому, что ее молотить трудно и притомъ цѣны на нее непостоянны: одинъ годъ она бываетъ дорога, а другой нипочемъ. Гречиха не родить, а картофель хотя и родить, но его почему-то весьма мало разводятъ, а если кто разведетъ, то смѣло можетъ быть увѣренъ, что посадилъ не для себя, а для другихъ, ибо навѣрное его уворуютъ.

Для приготовления почвы подъ посѣвъ служатъ плугъ и борона. Прежде употреблялись исключительно плуги деревянные съ необходимыми желѣзными принадлежностями—лемехомъ и отрѣвомъ („чересло“ по мѣстному). Въ каждый такой плугъ обыкновенно впрягаютъ пары 4 или 5 воловъ; но въ настоящее время почти всѣ жители замѣнили эти старыя, тяжелыя плуги болѣе легкими, желѣзными, которыми можно пахать, впрягая въ нихъ пары 2—3 воловъ. Прежнія деревянные бороны также стали замѣняться желѣзными.

Садоводствомъ и огородничествомъ въ станицѣ Темижбекской почти совсѣмъ не занимаются. Есть нѣсколько садовъ за станицей, въ которыхъ растутъ по нѣсколько деревьевъ вишни, сливъ и яблони, но всѣ эти деревья низкаго сорта. Въ огородахъ сажаютъ лукъ и по нѣсколько грядокъ капусты; но все это въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что овощей этихъ далеко не достаетъ для лѣтняго употребленія, не говоря уже о заготовленіи на зиму. На бахчахъ, въ степи разводятся въ большомъ количествѣ арбузы, дыни и огурцы. Для бахчей обыкновенно выбирается самая крѣпкая земля—цѣлина; но такъ какъ въ настоящее время въ Темижбекской станицѣ цѣлины уже не существуетъ, то нашется „залезъ“, т. е. земля, не паханная приблизительно лѣтъ 15—20.

Скотоводство въ станицѣ развито не въ такой мѣрѣ, какъ хлѣбопашество. Оно не составляетъ самостоятельнаго сельско-хозяйственнаго занятія, а только служить подспорьемъ хлѣбопашеству. Рогатаго скота жители держатъ столько, сколько необходимо для того, чтобы не покупать воловъ для работы и коровъ для собственнаго потребленія молока; овецъ, держатъ для того, чтобы имѣть шерсть для чулокъ и зипуновъ и кожи для шубъ. Въ 1881 году всего рабочаго скота, т. е. воловъ, въ станицѣ было 1,503, среднимъ числомъ по 2 пары на каждое семейство.

Принимая во вниманіе количество земли на каждую душу (считаютъ около 24 десятинъ, но цифру эту нельзя признать точною, такъ какъ генеральнаго размежеванія въ станицахъ Кубанской области, входившихъ въ составъ Кавказскаго линейнаго войска, еще не было), матеріальное благосостояніе жителей нельзя назвать удовлетворительнымъ. Кромѣ множества мелкихъ причинъ этого явленія, можно указать на двѣ наиболѣе важныя. Первая и главнѣйшая причина, мѣшающая развитію матеріальнаго благосостоянія казаковъ, заключается въ ихъ довольно продолжительной (5 и болѣе лѣтъ) службѣ внѣ дома и сопряженной съ нею экипировкѣ на собственный счетъ. Казакъ, отслуживъ свою службу и собравъ кое-какъ свое хозяйство, обыкновенно долженъ разориться, если имѣетъ одного или двухъ взрослыхъ сыновей—однолѣтковъ. Каждого изъ нихъ, во-первыхъ, нужно женить и истратить для этого рублей 250—300, во-вторыхъ „справить на службу“, для чего потребуетъ вдвое болѣе того, что потребовалось для женитьбы. Оба сына одинъ за другимъ идутъ на службу, оставляя своихъ женъ и дѣтей на руки старика отца, зачастую мало способнаго къ работѣ. Спрашивается: въ какомъ состояніи найдутъ свое хозяйство братья по возвращеніи домой послѣ 5-лѣтней службы? И вотъ они едва

успѣвають привести его за нѣсколько лѣтъ въ порядокъ, какъ и съ ними повторяется то же, что и съ ихъ отцомъ, если они имѣютъ сыновей, годныхъ къ службѣ. Хорошо еще, если молодой казакъ, идя на службу, оставляетъ семью и хозяйство на руки отца; но бывають случаи, что все хозяйство приходится оставлять на руки одной молодой жены, и казакъ, по возвращеніи со службы, часто не находитъ не только своего хозяйства, но и самой своей молодой супруги.

Вторая причина, мѣшающая благосостоянію жителей, это — стремленіе каждаго взрослога мужчины жить съ своимъ семействомъ отдѣльно отъ отца и братьевъ, или, говоря короче, — ранній дѣлежъ семействъ. По словамъ стариковъ, въ прежнее время было обыкновеннымъ явленіемъ, что два, три и даже четыре брата долго послѣ смерти отца, имѣя уже взрослыхъ, женатыхъ дѣтей, жили вмѣстѣ, и весьма рѣдко бывали случаи, когда братья дѣлились при жизни отца. Въ настоящее же время уже рѣдкость случаи, когда братья не подѣлились при жизни отца. Къ дѣлежу теперь у казаковъ такая охота, что каждый 19—20-лѣтній юноша, женившись, уже смотритъ, какъ бы отдѣлиться отъ отца. Такимъ образомъ семейства дробятся на болѣе мелкія группы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и состоянія мельчаютъ.

Изъ второстепенныхъ причинъ, вліяющихъ на ослабленіе матеріальнаго благосостоянія казаковъ, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего частый падежъ скота; другія же неблагопріятныя обстоятельства, какъ напр., засуха, градобитіе и т. п. сравнительно рѣдки. Скупщики, ростовщики или, какъ ихъ теперь называютъ, кулаки, хотя и существуютъ въ станицѣ, но здѣсь не имѣютъ такого значенія, какъ въ другихъ мѣстахъ. Остеръ топоръ, да и сукъ зубастъ — ловки кулаки, да не промахъ и казаки. Случается часто, что не кулакъ обманетъ казака, а казакъ кулака, такъ что казаки почти

совсѣмъ не находятся въ рукахъ скупщиковъ. Этому по-
 могаетъ то обстоятельство, что скупщиковъ въ станицѣ не
 одинъ, а много; есть между ними и казаки, но больше
 иногородные; а при существованіи многихъ скупщиковъ,
 должна возникнуть между ними конкуренція. Кромѣ того,
 въ этомъ отношеніи важна близость желѣзной дороги, гдѣ
 на станціяхъ производится покупка хлѣба ростовскими и
 другими купцами. Вслѣдствіе этого мѣстные скупщики не
 имѣютъ возможности скупать за безцѣное хлѣбъ и другіе
 сельско-хозяйственные продукты.

О степени матеріальнаго благосостоянія жителей Те-
 мижбекской станицы можно судить по прилагаемой табли-
 цѣ А, въ которой данныя относятся къ 1881 году.

Табл. ж.

Число жителей, занимающихся торговлею и промыслами.

	Казак.	Иногор.
1) Торговцевъ:		
а) имѣющихъ свидѣтельства 2-й		
гильдіи	—	4
б) им. свид. на мелочной торгъ	5	4
в) " " на развозный . . .	—	1
в) прикащиковъ 2-го класса . .	—	1
д) кабатчиковъ	2	2
2) Сапожниковъ	—	2
3) Бондарей	—	3
4) Плотниковъ	—	3
5) Кузнецовъ	1	2
6) Овчинниковъ	—	2
7) Поденщиковъ	—	126
8) Крыльщиковъ	—	1
9) Полстоваловъ	—	1
10) Столяровъ	—	1
11) Колесниковъ	—	1
Итого	8	154

№ 3.

А. къ стр. 18, II отд.

КСКОЙ за 1881 годъ.

ЛОПАСЕН.	Ч И С Л О Г О Л О В Ъ С К О Т А .						П Ч Е Л О В О Д С Т В О .				
	Рогатаго.		Овецъ.		Козъ.	Свиней.	Ульевъ.	Добыто въ пудахъ.		На сумму.	
	Рабочаго.	Гулеаго.	Простяхъ.	Тонкорунныхъ.				Меду.	Воску.	Рубли.	Копѣек.
321	1,508	2,246	9,441	200	442	700	650	150	15	990	—
288	694	902	1,102	2,900	22	98	—	—	—	—	—
37	14	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—
646	2,211	3,862	10,543	3,100	464	798	650	150	15	990	—

Внѣшній видъ и характеръ населенія. Коренные жители ст. Темижбекской казѣ мужчины, такъ и женщины производятъ своею внѣшностью на наблюдателя пріятное впечатлѣніе. Они отличаются довольно высокимъ ростомъ и статнымъ тѣлосложеніемъ. Средній ростъ 25-лѣтняго мужчины 2 арш. 6 верш., а 18-лѣтней женщины—2 ар. 2¹/₂ вершка, причемъ грудная клѣтка перваго—1 ар. 4¹/₂ вер. Лицо казѣ мужчинъ, такъ и женщинъ обыкновенно бѣлое, чистое, иногда слегка покрытое веснушками; глаза свѣтло-голубые; волоса русые, у мужчинъ на головѣ обыкновенно коротко острижены. Женщины отличаются отъ мужчинъ болѣе плотнымъ тѣлосложеніемъ, подвижностью и веселостью въ характерѣ. Голосовые органы въ мѣстномъ населеніи сильно развиты; если два-три человѣка разговариваютъ, то со стороны кажется, что они ссорятся: такъ сильно они кричатъ. При разговорѣ темижбекцы сильно жестикулируютъ и вообще отличаются живостью и подвижностью. Но нужно сознаться, что въ семьѣ не безъ уroda, и между темижбекцами нерѣдко встрѣчаются субъекты, составляющіе поразительный контрастъ съ только что описаннымъ типомъ.

Характеръ темижбекцевъ представляетъ странное сочетаніе грубыхъ привычекъ съ самыми лучшими качествами человѣческой души. Въ этомъ легко убѣдиться, всмотрѣвшись въ ихъ отношенія между собою. Между ними весьма легко и часто возникаютъ ссоры изъ-за самыхъ ничтожныхъ поводовъ, иногда даже, повидимому, безъ всякихъ причинъ, и доходятъ чуть не до драки. Наиболѣе частыми поводами въ такимъ ссорамъ бываютъ незначительныя личныя оскорбленія и не столько личныя, сколько неуваженіе къ памяти предковъ или непочтительный отзывъ о родителяхъ, братьяхъ и вообще о родныхъ. Дорожа честью своего рода, каждый казакъ и казачка бываютъ

очень чувствительны даже къ самому неумышленному оскорбленію его и готовы на все, лишь-бы доказать его чистоту и непорочность. Гордые сознаниемъ личнаго достоинства и достоинства своего рода, казаки тѣмъ не менѣе не злопамятны къ обидамъ и, не смотря на ссоры, какъ-бы онѣ ни были часты и велики, никоимъ образомъ не прекращаютъ между собою дружескихъ отношеній. Сегодня, напр., сосѣди жестоко поссорятся между собою, а завтра, забывъ о вчерашней ссорѣ, спойвойно сойдутся снова вмѣстѣ и мирно и весело станутъ бесѣдовать между собою о тѣхъ или другихъ предметахъ. Отличаясь такою незлопамятною и незлобивою, темижбекцы въ случаѣ какой-либо нужды проявляютъ чувство солидарности и охотно помогаютъ другъ другу. Всякій казакъ, возвратившійся со службы или отдѣлившійся ни съ чѣмъ отъ отца, смѣло можетъ разсчитывать на поддержку со стороны своихъ товарищей при первомъ обзаведеніи хозяйствомъ. Помогаютъ не только своимъ жителямъ, но и совершенно чужимъ. Такъ, напр., на моихъ глазахъ темижбекцы приютили у себя одного странствующаго скрипача и построили даже общими силами для него избу, чтобы удержать его въ своей станицѣ.

Отношенія между членами семьи въ общемъ таковы же, какъ и отношенія жителей между собою вообще. Братья, невѣстки, сестры весьма часто ссорятся между собою, причемъ здѣсь иногда ссора, вслѣдствіе частаго повторенія, переходитъ въ озлобленіе и бываетъ причиною разстройства добрыхъ отношеній въ семьѣ членовъ между собою.

Было время, когда авторитетъ отца въ семьѣ стоялъ непоколебимо: отецъ былъ полнѣйшимъ властелиномъ своего семейства; послѣ его смерти власть его переходила къ старшему сыну. Въ настоящее же время власть главы семейства сильно пошатнулась: сыновья, а въ особенности

невѣсти далеко не въ такой мѣрѣ исполняютъ волю отца, какъ прежде. Отецъ теперь не воленъ, напр., побить, „поучить“ своего сына, не говоря уже о снохѣ; онъ не воленъ отдѣлить его, лишивъ его известной части имѣнія и т. п. Такое явленіе наблюдается въ станицѣ со времени введенія у насъ новыхъ судовъ. Во всѣхъ случаяхъ притѣсненія отцомъ своего сына послѣдній обращается теперь къ мировому судѣ, и судья хотя не наказываетъ отца, но совѣтуетъ ему мирно раздѣлаться съ сыномъ. Иногда бываетъ довольно одной угрозы со стороны сына обратиться въ судъ, чтобы заставить отца удовлетворить его требованія.

Уважая физическую силу и храбрость въ человѣкѣ, темижбеццы однако отдають въ настоящее время предпочтеніе умственнымъ способностямъ и матеріальному благосостоянію, полагая, что оно, помимо того, что имѣетъ значеніе само по себѣ, свидѣтельствуетъ еще о здоровомъ умѣ и трудолюбіи человѣка, живающаго себѣ состояніе; не даромъ гласитъ пословица: „съ умомъ хорошо суму носить, а безъ ума и суму потеряешь“.

Въ начальствующихъ лицахъ цѣнится строгость, но строгость разумная, соединенная съ хорошимъ порядкомъ. Населенію страннымъ кажется желаніе нѣкоторыхъ начальниковъ рассказывать обществу, растолковывать что-нибудь, доказывать пользу того или другаго предпріятія. Начальникъ, по мнѣнію жителей, долженъ не внушать, а приказывать.

Насколько замѣчается здѣсь уваженіе къ чужой личности, настолько же видно неуваженіе къ чужой собственности, хотя, впрочемъ, такое нарушеніе преимущественно относится къ мелочамъ. Сорвать на чужой бахчѣ арбузъ, нарвать на чужой полосѣ ведро картофеля, срѣзать на чужомъ огородѣ вочанъ капусты, выдернуть нѣсколько штукъ

рѣдки или бураковъ, нарвать въ чужомъ саду сливъ, вишень или ябловъ, вытрусить чужую мерезку съ рыбой— это для темижбеца ровно ничего не стоитъ. „Украсть да съѣсть не грѣхъ, говорятъ они: а грѣхъ только продавать краденое“. Случаи же болѣе крупнаго воровства сравнительно рѣдки. Въ послѣдніе годы въ Темижбекской станицѣ такого рода воровства стали появляться обыкновенно лѣтомъ, когда всѣ взрослые находятся въ полѣ, а дома остаются или одни дѣти, или старики и старухи. Бывали случаи, что среди дня уворовывали изъ домовъ со взломомъ все болѣе или менѣе цѣнное. Въ подобныхъ воровствахъ замѣчены, впрочемъ, не казаки, а иногородные, которые, приходя изъ Россіи на заработки и не найдя въ станицѣ работы, иногда вынуждены бываютъ прибѣгать для пропитанія и къ незаконнымъ путямъ.

Сильно развита между темижбецами измѣна супружеской вѣрности и вообще замѣчается упадокъ цѣломудрія. Этотъ порокъ развитъ едва-ли не больше, чѣмъ какой-либо другой. Развитію его способствуетъ большое скопленіе иногородныхъ, не имѣющихъ никакого опредѣленнаго занятія; молодыя женщины и дѣвушки иногда противъ желанія впадаютъ въ развратъ.

Пьянство также процвѣтаетъ въ нашей станицѣ, хотя при первомъ взглядѣ на цифру, выражающую количество выпитой водки, оно кажется довольно умѣреннымъ. Въ 1881 году выпито 3,600 вед. водки и 500 вед. вина. На каждаго мужчину, въ возрастѣ отъ 20—60 лѣтъ, приходится ежедневно водки по $1\frac{1}{8}$ чарки или „шкалика“, какъ говорятъ здѣсь; но если принять во вниманіе, что пьютъ не всѣ и не каждый день, а преимущественно въ праздники, которыхъ здѣсь въ году наберется до ста, то на каждаго человѣка приходится въ праздникъ по 4 чарки, т. е. около полуштофа. Исключивъ непьющихъ и казаковъ, нахо-

дящихся на службѣ, мы легко убѣдимся, что порція водки въ праздникъ превышаетъ полуштофъ, а выпить полуштофъ, особенно въ лѣтнюю пору, совершенно достаточно для того, чтобы быть мертвецки пьянымъ. Такимъ образомъ въ праздничные дни центральное мѣсто станицы, гдѣ находится кабаекъ, буквально запружено пьяными и полупьяными.

Усиленію пьянства немало способствуетъ то обстоятельство, что мѣсто, гдѣ находится кабаекъ, съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлалось мѣстомъ сходокъ. Дѣло въ томъ, что кабаекъ въ станицѣ изстари, чуть-ли не со дня основанія ея, существуетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, и мѣсто это, въ центрѣ станицы, извѣстно подъ именемъ „Подлѣ кабака“. Въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ, хотя кабаковъ развелось и довольно много, но всѣ они группировались около стараго кабака. Въ послѣднее время число кабаковъ снова уменьшилось до одного, но все же онъ находится на своемъ старомъ мѣстѣ *). На мѣстѣ уничтоженныхъ кабаковъ въ послѣднее время возникли лавки, а потомъ тамъ же сталъ собираться небольшой базаръ. Такимъ образомъ „Подлѣ кабака“ сдѣлалось мало по малу такимъ мѣстомъ въ станицѣ, которое такъ или иначе необходимо посѣтить чуть ли не каждому жителю. А разъ человекъ поналъ туда, онъ непременно увидится съ кѣмъ-либо изъ своихъ товарищей или родственниковъ, тутъ, смотришь, явился случай выпить стаганъ, другой, а „чужое пить—свое нужно купить“, гласитъ пословица. Въ другой праздникъ можетъ случиться то же самое, и подоб-

*) Нужно замѣтить, что кабаекъ издавна помѣщается въ общественномъ зданіи; старое зданіе было довольно ветхое и въ прошломъ году уничтожено, а на его мѣстѣ общество выстроило другое, крытое желѣзомъ, довольно просторное, съ 4-мя отдѣльными номерами, такъ что, не ошибаясь, можно сказать, что училище и кабаекъ помѣщаются въ лучшихъ въ станицѣ зданіяхъ.

ныя выпивки входятъ въ привычку, такъ что есть или нѣтъ дѣло подлѣ „Подлѣ кабака“, а человѣкъ идетъ туда—авось подпадетъ случай выпить. Съ другой стороны развитію пьянства въ значительной степени способствуетъ отсутствіе увеселительныхъ заведеній въ станицѣ. Каждый взрослый мужчина, отдохнувъ въ праздникъ послѣ обѣда, выходитъ на улицу. Нужно, между прочимъ, замѣтить, что темижбекцы большіе охотники въ праздничное время посидѣть на улицѣ и потолковать о разныхъ житейскихъ дѣлахъ; въ праздникъ чуть не на каждомъ перекресткѣ можно увидѣть группы мужчинъ и женщинъ, сидящихъ на подмосткахъ, а то и просто на землѣ, и мирно бесѣдующихъ. Но мужчины не довольствуются подобными бесѣдами, имъ хочется послушать, что говорятъ другіе „бугчане;“ а гдѣ же можно послушать ихъ, какъ не „Подлѣ кабака,“ и вотъ они идутъ къ кабаку, а тамъ, какъ извѣстно, соблазнъ выпить великъ, за предлогомъ же и случаемъ дѣло не станетъ. Будь же какія-либо мѣста развлеченія и увеселенія помимо кабака, навѣрно далеко не всякій шелъ бы къ кабаку. Не предрѣшая вопроса объ изысканіи средствъ для отвлеченія станичнаго населенія отъ кабаковъ, мы замѣтимъ здѣсь только, что бібліотека и читальня, при современномъ, сравнительно невысокомъ, умственномъ развитіи жителей, кажутся, мало помогутъ дѣлу, хотя и нельзя категорически отрицать ихъ пользу. При Темижбекскомъ одноклассномъ училищѣ въ настоящее время существуетъ небольшая бібліотека для дѣтскаго и народнаго чтенія. Изъ этой бібліотеки въ 1881 году и въ первой половинѣ 1882 года брали книги, кромѣ учащихся, только 5 человѣкъ и то только такія лица, которыя и при отсутствіи книгъ не пошли бы въ кабакъ. Книги берутся преимущественно религіознаго содержанія. Учитель пробовалъ давать книги научнаго содержанія или книги съ практическими указаніями по сельскому

хозяйству; но получившій подобную книгу скоро возвращала ее съ просьбой дать ему другую или „божественную“, или „повеселѣ“, о принесенной же отзывался, что она или „больно непонятна“, если это была книга научнаго содержанія, или—что это „выдумки ученыхъ людей, которымъ дѣлать нечего“, если книга была по сельскому хозяйству. Тѣ же грамотѣи, которые въ праздникъ „любятъ погулять, пойти въ кабаку, положительные враги всякихъ книгъ; они воображаютъ себя людьми въ высшей степени умными и знающими все, что писано въ книгахъ; поэтому они о книгахъ отзываются въ высшей степени небрежно, даже высокоумно. Такимъ образомъ, въ настоящее время библиотека не можетъ служить отвлекающимъ средствомъ отъ кабака; но въ будущемъ, при постепенномъ, хотя и медленномъ, умственномъ развитіи населенія, нужно надѣяться, что библиотека и читальня принесутъ свою пользу. Въ настоящее время дѣти школьнаго возраста, учащіяся и учившіяся, читаютъ охотно, причемъ для чтенія выбираются преимущественно сказки, рассказы, повѣсти и т. п.

Жители ст. Темижбекской всѣ почти православные, есть всего нѣсколько семействъ старовѣровъ (изъ секты поморцевъ). Указываютъ между прочимъ на нѣсколько семействъ, которыя будто бы придерживаются хлыстовщины, по положительныхъ данныхъ на этотъ счетъ не существуетъ. Лично ознакомиться съ этими семействами мы не могли, а повѣрить на слово темижбецамъ въ этомъ отношеніи довольно трудно, потому что они готовы заподозрить въ хлыстовщинѣ всякаго, кто живетъ болѣе или менѣе скромно: не посѣщаетъ кабака, ходитъ часто въ церковь и въ добавокъ не ѣстъ мяса. Подобныхъ людей въ Темижбекской станицѣ, не смотря на добрую половину посѣщающихъ веселое мѣсто „Подлѣ кабака“, все-таки встрѣчается немало. Такіе люди отличаются большою религіозностію.

Но особенно религіозны пожилыя женщины; онѣ же обыкновенно большія благотворительницы, но благотворительность ихъ ограничивается исключительно религіозными цѣлями: онѣ охотно даютъ подаванія нищимъ, жертвуютъ всѣмъ, чѣмъ могутъ, на церковь и на монастыри. Это хорошо знаютъ монахи и монахини. Пользуются этимъ также разные проходимцы. Старушки—большія охотницы послушать что-либо про божественное; а такъ какъ духовныя лица нашей станицы (священникъ, окончившій курсъ въ Кавказской духовной семинаріи и два псаломщика, окончившіе курсъ въ духовномъ училищѣ) мало или совсѣмъ не удовлетворяютъ этому желанію, то старушки охотно слушаютъ всякаго прохожаго, хотя бы тотъ говорилъ имъ сущій вздоръ. Разчувствовавшись отъ такихъ разсказовъ, старушки готовы отдать, яко бы на монастырь, послѣднія свои рубашки. Болѣе зажиточныя жертвуютъ значительныя суммы на церкви и монастыри, покупаютъ дорогія церковныя вещи и посылаютъ ихъ преимущественно на Афонъ.

Табл. 3.

Раздѣленіе народонаселенія ст. Темижбенской по вѣроисповѣданіямъ за 1881 годъ.

	Православныхъ.		Раскольниковъ.		Всего.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Коренныхъ жителей. .	1, 219	1, 246	77	86	1, 296	1, 332
Иногородн., имѣющихъ осѣдлость.	464	374	9	12	473	386
Иногородн., не имѣющихъ осѣдлости . .	250	189	—	—	250	189
Итого. . .	1, 933	1, 809	86	98	2, 019	1, 907

Воспитаніе. На физическое развитіе дѣтей казаки обращаютъ мало вниманія. Это происходитъ не отъ недостатка заботливости ихъ о своихъ дѣтяхъ, а просто потому, что они не знаютъ, что полезно и что вредно для дѣтскаго организма. Съ самаго дня рожденія ребенокъ предоставляется на волю Божію. „Все во власти Бога,“ говорятъ темижбеццы; „какъ Богъ не дастъ смерти, такъ и живъ останется.“ На этотъ счетъ даже существуетъ поговорка: „Богъ не дастъ, свинья не съѣстъ.“ Однако это нисколько не мѣшаетъ имъ, въ случаѣ болѣзни дитяти, обращаться за помощью къ знахарямъ и знахаркамъ.

Ребенокъ еще въ утробѣ матери предоставляется на волю судьбы. Беременные женщины, особенно въ большихъ семьяхъ, исполняютъ всѣ тяжелыя работы наравнѣ съ другими членами семейства: онѣ до самаго дня рожденія гробутъ сѣно, кладутъ копны, таскаютъ мѣшки съ хлѣбомъ, ставятъ въ печь огромныхъ размѣровъ чугуны съ водой и т. п.; вслѣдствіе этого часто бывають случаи рожденія неживыхъ дѣтей, а также тяжелые продолжительные роды. О болѣе удобномъ помѣщеніи родильницы и рѣчи не бываетъ; ей часто приходится помѣщаться въ тѣсной избѣ на голы, сыромъ, холодномъ, грязномъ полу, и нужно удивляться выносливости женщинъ, что онѣ при такихъ условіяхъ остаются живы и еще способны опять къ дѣторожденію.

При появленіи дитяти на свѣтъ не заботятся о томъ, чтобы температура воздуха въ комнатѣ родильницы была болѣе или менѣе теплая, чтобы свѣтъ былъ по возможности умѣренный, чтобы воздухъ—по возможности чистый и пр... Тотчасъ послѣ появленія дитяти на свѣтъ Божій, его обертываютъ въ чистыя мягкія полотняныя пеленки и вскорѣ приступаютъ къ купанію. Вслѣдствіе неблагоприятнаго вліянія на молодое, нѣжное тѣло ребенка окружающей атмо-

сферы, онъ начинаетъ кричать; бабушка-повитуха, мать или свекровь родильницы принимаютъ это за признакъ появле- нія аппетита у ребенка и приступаютъ къ кормленію его; но такъ какъ обыкновенно случается, что родильница еще не въ состояніи кормить грудью, то ему на первыхъ порахъ даютъ гущи изъ кваса, а потомъ соску изъ хлѣба; подоб- ная пища производитъ, какъ надо полагать, боль во рту и въ желудкѣ, отъ чего дитя безумолку кричитъ нѣсколько дней сряду. Не мало дѣтей умираетъ именно въ этотъ періодъ своей жизни отъ неумѣлаго, невѣжественнаго обра- щенія съ ними.

— Что умѣръ твой парнечекъ? спрашиваетъ у родиль- ницы ея подруга послѣ ея выздоровленія.

— Да умѣръ, дѣва родимая! Съ перваго денечка какъ крикнулъ, какъ крикнулъ, да такъ цѣлыхъ десять денеч- ковъ не умолкалъ, а потомъ было притихъ, а на двѣнадца- тый и кончился,—отвѣчаетъ та, сама не подозрѣвая того, что сынъ-то ея умеръ, благодаря, быть можетъ, невѣжеству бабушекъ.

Если ребенокъ остается живъ, то дальнѣйшая забо- та о физическомъ воспитаніи его заключается въ кормленіи его грудью, въ перемѣнѣ бѣлья и въ болѣе или менѣе ча- стомъ купаніи, что вполнѣ зависитъ отъ радѣнія или лѣ- ности матери: если мать—женщина подвижная, заботливая, то она чаще, приблизительно черезъ день или черезъ два дня, купаетъ и перемѣняетъ бѣлье, если же сама мать „невмѣя“, какъ говорятъ здѣсь, то купаетъ одинъ разъ въ недѣлю, а то и въ двѣ.

До тѣхъ поръ пока ребенокъ не ползаетъ, онъ не под- вергается вліянію окружающей его обстановки; въ это вре- мя онъ сидитъ или лежитъ въ люлькѣ или же на помостѣ („на полу“—по здѣшнему); когда же начинаетъ ползать, то за свою науку платится многими паденіями съ пола на землю

или съ печи на полъ. Во избѣжаніе подобныхъ случаевъ мать пускаетъ его ползать по голому сырому полу, отъ чего ребенокъ часто простуживается. Зимомъ для матери ничего не значить вынести своего ребенка для отправленія естественныхъ потребностей при десяти-пятнадцати градусномъ морозѣ на дворъ, взявъ его прямо съ печи совершенно раздѣтаго; легко понять, каковъ результатъ можетъ отъ этого получиться.

При всякомъ заболѣваніи мать обращается къ бабкамъ (знахаркамъ), и тѣ лѣчатъ ребенка отъ криковъ, отъ глазу и т. п. О причинѣ болѣзни здѣсь и рѣчи не бываетъ. Мать никогда не догадается, что ребенокъ ея заболѣлъ отъ того, что сидѣлъ на сыромъ, холодномъ полу, или отъ того, что она вынесла его съ печи прямо на морозъ, или отъ того, что она его покормила таковой пищей, которую самый вѣршій желудокъ не въ состояніи переварить: всякая болѣзнь здѣсь признается гнѣвомъ Божиимъ.

До 7—8 лѣтняго возраста родители совсѣмъ не заботятся о духовномъ воспитаніи своего ребенка; онъ въ это время предоставленъ самому себѣ и развивается подъ влияніемъ окружающей его среды. Какъ только ребенокъ начинаетъ ходить, его пускаютъ на улицу, и онъ тамъ проводитъ большую часть дня, играя со сверстниками, роясь въ песку и пыли. Такъ проходитъ время до 7—8 лѣтъ. Съ этого времени ребенка или отдають въ школу, или употребляютъ для домашнихъ работъ: дѣвочекъ заставляютъ прясть пряжу, вязать чулки, а мальчиковъ берутъ въ поле погонять воловъ во время паханья, пастъ овецъ и проч. Приблизительно съ 15 лѣтняго возраста дѣти уже наравнѣ со взрослыми исполняютъ всѣ домашнія и полевые работы: мальчики косятъ, владутъ копны, а дѣвочки гребутъ сѣно, вяжутъ снопы и т. п.

Въ ст. Темижбекской существуетъ одно смѣшанное

училище. Оно открыто въ пятидесятыхъ годахъ. Въ 1880 г. оно преобразовано въ одноклассное по образцу училищъ Министерства народнаго просвѣщенія и наименовано Александровскимъ. Сколько всѣхъ учениковъ окончило курсъ въ Темижбекскомъ училищѣ за все время его существованія—этихъ свѣдѣній въ настоящее время не имѣется; изъ посемейныхъ же списковъ казачьяго населенія станицы видно, что грамотныхъ мужчинъ въ станицѣ отъ 15 лѣтъ 160 человекъ, что составляетъ 12,5⁰/₀ всего населенія мужскаго пола. Грамотныхъ женщинъ очень немного, и всѣ онѣ принадлежатъ въ интеллигентному сословію.

Съ самаго начала открытія училища до 1876 года оно помѣщалось послѣдовательно въ трехъ различныхъ зданіяхъ, но зданія эти были тѣсны, грязны и вообще неудобны для училища. Въ 1876 году общество выстроило новое деревянное, крытое желѣзомъ, просторное, свѣтлое и удобное зданіе. Учителемъ въ школѣ состоитъ лицо, окончившее курсъ въ Кубанской учительской семинаріи, а законоучителемъ мѣстный приходской священникъ. Преподаваніе ведется по новѣйшимъ методамъ. Занятіе ежегодно начинается 1-го сентября, а оканчивается 1-го іюня.

Жизнь дѣвочекъ со дня рожденія ничѣмъ не отличается отъ жизни мальчиковъ. До послѣдняго времени ихъ совсѣмъ не отдавали въ школу, только въ 1875 году поступили въ школу въ первый разъ дѣвочки изъ простаго званія; это были первыя ученицы Темижбекской станичной школы. Въ настоящее время всѣхъ дѣвочекъ въ училищѣ болѣе 10 и всѣ онѣ изъ простаго званія.

Родители, отдавая своихъ дочерей въ школу, не всѣ имѣютъ въ виду одну и ту же цѣль. Урядникъ-писарь, кабатчикъ или лавочникъ-казакъ, отдавая свою дочь въ училище, имѣютъ въ виду выдать ее въ послѣдствіи замужъ за человека торговаго или промышленнаго, для котораго необ-

ходима грамотная жена въ виду различныхъ практическихъ цѣлей. Бѣдняки же казаки или же хотя и зажиточные, но не имѣющіе претензіи на торговое занятіе, т. е. люди, занимающіеся хлѣбопашествомъ и строго придерживающіеся старинныхъ порядковъ, люди по большей части религіозные, отдавая дочь въ школу, имѣютъ въ виду, чтобы дочь ихъ научившись грамотѣ, имѣла возможность поступить потомъ въ монастырь, сдѣлаться монахиней и тамъ отмолить грѣхи свои и грѣхи своихъ родителей. Конечно, такихъ родителей немного. Учитель Темижбекской школы рассказывалъ мнѣ слѣдующій случай. Зимой, около Рождества, приходитъ къ нему женщина и приводитъ взрослую, лѣтъ 17, дѣвушку и проситъ его, чтобы онъ принялъ ее въ училище. „Она у меня такая скромная, тихая“, прибавляетъ она при этомъ: „на улицу не ходитъ, пѣсни играть и плясать не умѣетъ, видно ей Господь сулилъ иную жизнь, такъ вотъ я ее хотѣла немного поучить, да отдать въ монастырь.“

Времяпровожденіе и пѣсни, поющіяся въ станицѣ Темижбекской.

Темижбекцы большіе охотники погулять въ свободное отъ работъ время и вмѣстѣ съ тѣмъ большіе любители пѣнія и музыки. Пѣсни поются здѣсь не только въ свободное время, но и въ самую горячую лѣтнюю пору. Какъ бы ни тяжела была работа въ продолженіе лѣтняго дня, вечеромъ вы непременно услышите нѣсколько хоровъ, дружно распѣвающихъ какую-либо любимую пѣсню; подѣ праздники, когда съ полевыхъ работъ ѣдутъ домой, пѣніе тоже слышится повсюду. Но больше всего поютъ въ праздники вечеромъ. Безъ пѣнія также не обходятся ни проводы, ни встрѣча, ни крестины; а особенно обильнымъ пѣніемъ сопровождаются свадьбы. Нужно замѣтить, что темижбекцы

народъ весьма способный къ пѣнію; они поютъ много и поютъ весьма стройно; особенною способностью къ пѣнію отличаются женщины. Женщина, не умѣющая пѣть,—явленіе здѣсь не заурядное.

Коренные жители ст. Темижбекской изстари и до сего времени употребляютъ одинъ и тотъ же музыкальный инструментъ—*пищики*. Пищики это—двѣ камышевыя дудки, длиною вершковъ 5; на одномъ концѣ этихъ дудокъ прорѣзываются язычки на подобіе язычка кларнета; затѣмъ въ одной дудкѣ прорѣзывается шесть дырочекъ, а въ другой три, притомъ такъ, что эти три приходятся какъ-разъ противъ послѣднихъ трехъ дырочекъ первой дудки. При игрѣ на этихъ дудкахъ слышится, какъ будто играютъ на двухъ инструментахъ, потому что дудка съ тремя дырочками составляетъ нѣчто въ родѣ вторы своей подруги съ шестью дырочками. На пищикахъ играютъ преимущественно скорыя плясовыя пьески, на подобіе трепака, казачья, лезгинки и т. п.

Пѣсенъ въ Темижбекской станицѣ поется очень много. Мы поставили себѣ задачею собрать эти пѣсни и при этомъ воснудили быта жителей настолько, чтобы читатель могъ составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о томъ, при какой обстановкѣ поются эти пѣсни, и вообще—при какихъ условіяхъ они частію созданы, частію переняты и сохраняются въ памяти народа. Мы старались представить пѣсни со всевозможною, почти фотографическою точностью и вѣрностью, и со всѣми до мельчайшихъ подробностей обрядами, при которыхъ онѣ поются. За вѣрность и точность записанныхъ нами пѣсенъ и обрядовъ мы можемъ ручаться, потому что для изученія ихъ мы сами принимали непосредственное участіе во всемъ, что описывается ниже.

Всѣ пѣсни можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы:

- 1) пѣсни святочные,
- 2) великопостныя,
- 3) пасхальныя,
- 4) троичныя,
- 5) хороводныя,
- 6) свадебныя и
- 7) пѣсни, поющіяся во всякое время.

Но такъ какъ съ пѣснями связаны неразрывно всевозможныя увеселенія, а иногда увеселенія сопровождаются различными суевѣрїями и предрассудками, то мы вмѣстѣ съ пѣснями изложимъ и эти послѣдніе, словомъ, мы постараемся изложить въ порядкѣ времяпровожденіе жителей въ теченіе цѣлаго года.

Начнемъ съ Рождественскихъ праздниковъ. Праздники эти называются просто *святками*, а мясоѣдъ отъ Рождества до масленицы—*зимнимъ* или *свинячимъ* мясоѣдомъ, потому что передъ Рождествомъ каждый хозяинъ колетъ кабана (борова) или свинью, и мясо свиное употребляютъ въ пищу весь мясоѣдъ. Рождественскій сочельникъ называется *колядою*. Въ этотъ день по возможности не ѣдятъ ничего, постятся, какъ говорятъ, до звѣзды; вечеромъ собирается вся семья къ ужину, гдѣ ѣдятъ *узваръ* и пшеничную кутью съ медомъ. На первый день Рождества почти всѣ отправляются къ обѣднѣ. Какъ только придутъ изъ церкви, сейчасъ садятся обѣдать, „разговляться“. При этомъ соблюдается обычай, чтобы прежде всѣхъ разговѣлась дѣвушка, какого бы она возраста ни была. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы въ предстоящую весну овцы больше „катили яровъ“, т. е. чтобы овцы больше приносили овецъ же, а не барановъ.

Послѣ обѣда, если позволяетъ погода, вся молодежь отправляется „на улицу“ *) и тутъ начинается пѣть святочные пѣсни.

*) Улицей называется мѣсто, гдѣ собираются для гулянья, а то, что у насъ принято называть улицей, здѣсь зовутъ „проулкомъ“.

Собственно святочных пѣсень только двѣ, онѣ поются въ такомъ порядкѣ:

1. Да ходила дѣвушка,
 Да ходила красная
 Во свой огородикъ (2).
 Да забыла дѣвушка,
 Да забыла красная
 Ворота заковать (2) *).
 Упустила дѣвушка,
 Упустила красная
 Воеводское стадо (2).
 Да поѣла стадичка (2)
 Рѣпу, мяту, васильки (2).
 Одна была да калинушка,
 Одна была да малинушка,
 И та за рѣкою,
 И та за быстрою.
 —Хто малину достаня,
 За тово я замужь пойду (2).
 Да видался-бросался (2)
 Старый-бородатый,
 Холость-неженатый.
 —Да на дно я моря пойду (2),
 За старова не пойду (2).
2. Ой, зайка, зайка,
 Бѣлъ горнастайка!
 Ой ля, ой ляли,
 Лѣли да ляли!
 Идѣ (гдѣ) ты ходилъ,
 Идѣ ты гулялъ?
 Ой ля, и пр....
 Я ходилъ, гулялъ
 Около двора,
 Ой ля, и пр....

Около двора
 Да Иванова.
 Ой ля, и пр....
 У Ивана на дворѣ
 Усево много,
 Ой ля, и пр....
 Куницъ, и лисицъ,
 И черныхъ бобровъ,
 Ой ля, и пр....
 И черныхъ бобровъ,
 Высокихъ хоромъ;
 Ой ля, и пр....
 А во тѣхъ во хоромахъ
 Ево дочь хороша,
 Ой ля, и пр....
 Ево дочь хороша
 Ой Марья душа,
 Ой ля, и пр....
 Ой Марья душа,
 Ивановна свѣтъ,
 Ой ля, и пр....
 Ивановна свѣтъ,
 Въ свѣтѣ такой нѣтъ,
 Ой ля, и пр....
 Что лазѣревый твѣтъ (цвѣтъ)
 Во полѣ твѣтеть,
 Ой ля, и пр....
 Во полѣ твѣтеть—
 Нихто не сорветъ.
 Ой ля, и пр....
 Борисъ твѣтъ сорвалъ,
 Ой Марьюшку взялъ.

Примѣчаніе. Нарѣчіе темижбевцевъ принадлежитъ къ

*) Т. е. ворота затворить.

великорусскимъ нарѣчіямъ, но имѣеть нѣкоторыя особенности, такъ, напримѣръ, глаголы 1-го спряженія въ ед. числѣ 3-го лица имѣють усѣченную форму, иногда въ родѣ литературныхъ дѣепричастій, напр., гуляетъ=гуляя, но достанетъ=достаия; то же нужно сказать и о 3-мъ лицѣ множ. числа глаголовъ 2-го спряженія, напр. спятъ=спя, кричатъ=крича и пр. Кромѣ того 3-е лицо глаголовъ ед. и множ. числа имѣеть на концѣ ъ, а не ѣ; напр. спитъ=спить, пишутъ=пишуть и пр. Много есть еще и другихъ особенностей, но я здѣсь не буду всѣхъ излагать: ихъ можно прослѣдить на пѣсняхъ, гдѣ я старался по возможности придерживаться мѣстнаго выговора. Этимъ и объясняются всѣ отступленія отъ правописанія нѣкоторыхъ словъ въ пѣсняхъ.

Собственные имена въ пѣснѣ „Ой зайка, зайка“ берутся отъ имени какой-нибудь дѣвушки и холостаго молодаго чело-вѣка (парня), которые, такъ сказать, стоятъ на очереди для вступленія въ бракъ и которыхъ поющіе желали бы обвѣнчать; но если есть въ станицѣ хоть одна уже просватанная дѣвушка, то „величаютъ“ ее и ея жениха. Вечеромъ на первый и второй день Рождества пѣсенъ не поютъ; вообще нужно замѣтить, что подь праздничные и воскресные дни въ станицѣ никакихъ увеселеній не бываетъ и пѣсни отнюдь не поются. На третій день, вечеромъ, вся молодежь идетъ „на широкую улицу“. Широкою улицею называется такое мѣсто, куда вечеромъ въ праздничные дни буквально со всей станицы собираются парни и дѣвушки водить хороводъ („ворогодъ“). Въ холодную зиму такимъ мѣстомъ служить вышеупомянутое озеро, а въ остальное время года широкою улицею служитъ одинъ изъ перекрестковъ. Въ хороводѣ принимаютъ участіе только дѣвушки и замужня молодья женщины; мужчины же въ это время занимаются

кулачнымъ боемъ, если это зимою, или стоять и смотреть на хороводъ, если это въ другое время года. Въ хороводѣ поются особыя хороводныя пѣсни, которыя больше никогда и нигдѣ не поются; въ нимъ во время Пасхи прибавляются только пасхальныя пѣсни. Всѣ хороводныя пѣсни сворма, плясовыя. Первая хороводная пѣсня слѣдующая:

3. Да на улицѣ, на широкой,
 Лѣли, лѣли, лѣли, лѣли, лѣли,
 лѣли!
 Да на муравѣ на зеленой,
 Лели и ир.... *)
 Да бѣжить тамъ конь чарной-
 вороной,
 Чарной-вороной, бѣлокопытый.
 Да на томъ на коню удалой
 молодець,
 Удалой молодець, удалая голова,
 Удалая голова Антонушка,
 Антонушка Ивановичъ;
 Во рукахъ держа шелковую
 плеть
 Объ семи хвостовъ, девяти уз-
 ловъ,

До онъ хоча бить молоду жену,
 Молоду жену Прасковьюшку,
 Прасковьюшку Ивановну.
 Да онъ разъ вдара, анъ семь
 рубцовъ,
 А другой вдара, анъ четыр-
 надцать,
 А какъ третій вдара, двадцать
 съ рубцомъ.
 Она же ево умяля:
 „Да дружечекъ мой, Антонушка,
 Да чаму ты бьешь, чаму учишь?
 Чаму учишь, научаешь?
 Я съ дѣвушками—я дѣвушка,
 А съ молодушками—я моло-
 душка“.

Въ этой пѣснѣ величаютъ женатаго молодого человѣка, пользующагося уваженіемъ молодежи.

Далѣе въ хороводѣ поются слѣдующія пѣсни безъ соблюденія порядка:

4. На горушкѣ, на крутой,
 Стоялъ фабричекъ новой;
 Собиралися фабрички,
 Цаловальнички на игру;
 Цаловальнички на игру,

Кы зеленому саду.
 Сами пѣсенки заплѣли,
 Соловью свистать велѣли:
 —Соловьюшекъ, посьвиши,
 Молоденькій, посьвиши!

*) Припѣвъ зтотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Мы заграемъ во скриницу
 Про душу красну дѣвицу,
 Про манерну, хорошу,
 Свѣтъ про Ганюшку душу.
 —Ой, Ганя, Ганюшка,
 Ганя сердце мое!
 Ой ты жъ мене, Ганюшка,
 Всего высушила,
 Безъ морозу, безъ лютова
 Сердце вызнобила;
 Пустила сухоту
 По моёму животу;
 Разсыпала печаль
 По моимъ яснымъ очамъ;
 Присушила черны кудри
 Кы буйной головѣ,
 Заставила ходить
 По чужой сторонѣ,
 Заставила любить
 Чужемужнюю жену.
 Чужемужняя жена
 Лебедушка бѣлая,
 А моя шельма жена—
 Полынъ горькая трава.
 Каеъ чужая жена идетъ,
 Ровно павушка плыветь,
 А моя жена идетъ,
 Каеъ лягушка полветь.
 Ой Ганя, Ганюшка,
 Ганя сердце мое!
 Полно, Ганя, увоймись,
 Съ Егорою не водись;
 Доведеть тебе Егоръ
 До славушки до худой!
 Отрѣзали Гани косу
 Сы черною лендою,
 Сы черною лендою,
 Сы аленькимъ гарускомъ.

5. Съ горы на гору Маня шла,
 Чижало млада несла,
 Ой ляли, ой ляли!
 Ой ляли, ляли, ляли, да ляли!
 И кушинъ и валекъ,
 Ишо милова платокъ;
 Ой ляли и пр....
 А платокъ коротокъ—
 Всего семь локотокъ.
 Ой ляли и пр....
 Проти милова двора
 Пригватана гора;
 Она пригватана, привалена,
 Чеботами пририта
 И водою прилита.
 А я чѣеъ—на бочекъ:
 Подломился каблучекъ.
 Я ляжу, ляжу, ляжу
 Я на правомъ на боку,
 На митгальномъ рукаву.
 И туды-суды глядь,
 Мене некому поднять,
 Оглянулась назадъ:
 Стоить Ванюша казакъ.
 „Охъ ты, Ваня Лебединъ,
 Подыми мене одинъ!“
 —„Я бы радъ тебе поднять,
 Съ стороны люди глядятъ,
 Уловить Ваню хотять“.
6. Охъ ты, утка, утка,
 Охъ ты, утка сѣрая!
 Идѣ была, утица,
 Идѣ была, сѣрая?
 Въ Темизбекской станицѣ,
 На проѣзжай улицѣ
 Стояло три молодца,
 Три молодца молодыхъ,
 Неженатыхъ-холостыхъ.

А што первый молодець—
 Молодецъ Григорьюшка,
 Григорій то Тихоновичъ;
 А што другой молодець—
 Молодецъ Гаврилушка,
 Гаврилъ то Ивановичъ;
 А што третій молодець—
 Молодецъ Степанушка,
 Степанъ то Егоровичъ.
 Григорьюшка говорилъ:
 „Жани мене, батюшка,
 Жани мене, родненькій!
 Возьмемъ за мене дѣвушку,
 Ближнюю сосѣдушку,
 Надежду то Митревну;
 Надежда то Митревна
 Дамно понаравилась,
 Дамно подабычилась
 Своею ухваткою,
 Головою гладкою“.
 Гаврилушка говорилъ:
 „Жани мене, батюшка“, и т. д.
 Степанушка говорилъ:
 „Жани мене, батюшка“, и т. д.

7. Какъ у насъ нонѣ диво,
 Дивованье большое,
 Ой лёли, лёли,
 Лёли, да ляли, мели!
 Дивованье большое,
 Дѣвокъ продаваютьъ,
 Цѣны набиваютъ:
 За дѣвку сто рублей,
 За косу всю тысячу,
 За вкосниязъ цѣны нѣтъ.
 На бабъ смерти нѣту,
 Никакой пропасти,
 Ни лихой болести.
 Нехай бабы сгинуть,

Намъ мужьевъ повянуть:
 Мужья останутся,
 Они намъ достанутся!

8. Ой на дворѣ дождь, дождь,
 Да не ситичкомъ сѣя,
 Ой лёли, лёли,
 Да лилай, лёли, мели!
 Не ситичкомъ сѣя,
 Ведромъ поливая,
 Вѣтромъ повѣвая.
 А братецъ сестрицу
 Жалѣя, жалѣя,
 По головушкѣ глядя.
 „Сестрица родная,
 Ростя жъ ты большая,
 Да будь счастливая.
 Отдамъ тебе замужъ
 Далече, далече,
 Въ чужую деревню,
 Въ несовѣтную семью.
 Куды ни поѣду,
 Къ сестрицѣ заѣду.
 —Здорово, сестрица,
 Здорово, родная,
 Спала, ночевала?
 —Родименькій братецъ,
 Недюже здорова,
 Головка болѣла,
 Сердечка шамѣла;
 Дубовыя двери
 Не на мѣстѣ стояли
 Всю ночь проскрыпѣли.
9. Разгорѣлася калина,
 Ой ля, ой ляли, калина! (2).
 Разгорѣлася калина,
 Во темномъ лѣсу стоячи,
 На темны лѣса гляючи.

Какъ расплачется дѣвушка,
Какъ расплачется красная,
Передъ батюшкою стоячи.
—Государь, ты, мой батюшка,
Не отдавай мене молоду,
Я еще годокъ посижу,
Я на улицу похожу,
Я сафьянъ башмакъ дотопчу,
Въ косѣ лендочку дотреплю.

10. Постройте мнѣ горенку,
Новую хороминку,
Ой ля, ой ля, ой ляли!
Новую хороминку,
Окошкомъ на улицу,
А другое въ зеленѣ садѣ,
А третье на озеро,
Чтобъ я млада видѣла:
Три лебедя плаваютъ.
А што первый лебедекъ—
Молодецъ Егорушка,
Егоръ то Федоровичъ;
А што другой лебедекъ—
Молодецъ Радіонушка
Радіонъ Самойловичъ;
А што третій лебедекъ—
Молодецъ Андреюшка,
Андрей то Захаревичъ,
А въ ево лебедушка,
Лебедка Маланьюшка
Маланья Трифоновна....

11. Молодица молода,
Черноброва-хороша
Ой ляли, ой ляли!...
Черноброва хороша,
Изъ-за горъ гусей гнала:
—Тега, гуси, тега, гуси,
Тега, сѣран мои!

Привыкайте, мои гуси,
Кы озеру, кы рѣки,
Кы зеленой осоки!
А я млада привыкала
Я кы свекру, кы свекровьи,
Кы деверьямъ, кы заловкамъ.
А я свекру догажала,
Бѣлы рубашечки мывала,
На сушиличкѣ сушила,
На скамеечкѣ катала,
Въ коробеечку складала
И замочкомъ замыкала.
А къ свекровьи привыкала,
Воды на руки давала,
Умыватца подавала,
Съ полотенечкомъ стояла,
Утиратца подавала.
А деверьямъ догажала,
Среди двора встрѣвала,
Ворона коня примала,
У конюшню заводила.
А заловкамъ догажала,
Дробны косушки плетала,
Дробны косушки плетала,
Приговаривала:
—Ты расти жѣ, моя коса,
До шелкова пояса!

12. Да на улицѣ, на улицѣ
На широкой,
Да на муравѣ, на муравѣ
На зеленой,
Выходила Іонова жена
Молодая,
Вывосила Іоновò сѣдло
Кованде,
—А и хто скажа
Про мово Іона молодова,
Тому отдамъ

Ионово сѣдло
Кованое.
Да на улицѣ, на улицѣ
На широкой и пр.
Выводила Ионова коня
Воронова.
—А хто скажа
Про мово Иона
Молодова,
Тому отдамъ
Ионова коня
Воронова.

13. Ой подѣ лѣсомъ, лѣсомъ
Подѣ темнымъ, зеленымъ—
Тамъ напнн пахали
Во четыре сошки,
Пятая боронка,
Шестая простая
И та не гуляя—
Бѣль лень разсѣвая,
Приговоръ приговаривая:
„Рости жь, мой леночекъ,
И тоновъ, и дологъ,
И бѣль, какъ ковыля,
И крѣпокъ, что жыла!“
Сталь лень поспѣвати,

А я горевати:
Не съ кѣмъ лѣну убрати,
Не съ кѣмъ выбирати!
А свекоръ то скажа:
„А и я съ тобою,
Съ молодой снохом!“
Ой, чертъ то не брань—
Больше гореванье.

14. Гаричанка (гречанка) дѣвушка,
Гаричанка красная
При базару выросла,
Во деревню выдали
За богатаго мужика:
Нѣтъ ни кола, ни двора,
Ни скотинки-живота,
Ни въ полѣ кладушечки,
Ни въ домѣ краушечки.
—Ой же, тещь мой, батюшка!
Пріѣзжай ко мнѣ въ гости,
Погляди богатство.
Твоя дочь богатая,
Твоя дочь досужая—
Девять лѣтъ красна пряля,
На десятый сновала,
Да утку (?) не достала,
Хворостомъ потыгала.

Хороводъ водить только вечеромъ. Часовъ въ 9—10, а лѣтомъ въ 12, хороводъ расходится. При этомъ составляются группы изъ однокутчанъ и съ пѣніемъ протяжныхъ пѣсенъ отправляются по домамъ.

Вечеромъ подѣ Новый годъ „щедруютъ“. Этотъ вечеръ называется „щедрымъ вечеромъ.“ Въ этотъ вечеръ въ каждомъ домѣ непременно варятъ вареники съ сыромъ и жарятъ колбасу. Мальчики и дѣвочки, отправясь щедровать, подходятъ подѣ окна какой-нибудь хаты и говорятъ:

„здравствуй, хозяйнъ съ хозяйшквой! Пощедровать вамъ?“
Если изъ избы позволяютъ щедровать, то они начинаютъ:

15. Какъ да на рѣчкѣ, на Ер-
данѣ,
Щедрый вечеръ, добрый ве-
черъ,
Добрымъ людямъ на весь ве-
черъ!
Стояло тамъ древо, тонко, вы-
соко,
Щедрый вечеръ, и пр....
Тонко высоко, съ корня глу-
боко.
На томъ древѣ сизокрылый
орель.
Молодой Иванъ ружье заря-
жая,
А онъ ево умаяя:
„Ты не бей мене, молодой
Иванъ,
А я табѣ упередъ гожусь:
Будешъ ѣхать съ боярями,
Съ боярями, съ княгиню,
Посыпетъ дробень дождикъ,
Распушу я сизыя крылья,

Накрою я усѣхъ бояръ,
Тебе молодова, коня воронова,
Щедрый вечеръ, и пр...
16. Какъ на рѣчкѣ, на Ерданѣ,
Щедрый вечеръ, и пр....
Дѣва Марія ризу мыла,
Помывши ризу, повѣсила.
Прилетѣли два ангала,
Поухватили туя ризу,
Понесли иѣе на небеса.
Всѣ небеса растворились,
Всѣ святые поклонились.
17. Вижу, вижу, што онъ дома,
Што онъ дома, въ концы стола,
Въ концы стола дубовава;
На немъ шуба соболева,
На шубочкѣ поясочекъ,
На поясочкѣ семь селезнич-
ковъ.
А вамъ, братцы, по селезничку,
А намъ, братцы, по пиражочку.

Послѣ этого щедрующимъ выносятъ полную чашку ва-
рениковъ и колбасы, что поѣдается ими тутъ же на улицѣ.
Иногда къ этому прибавляютъ денегъ копѣйки 2—3.

Подъ Новый годъ парни и дѣвки ворожатъ (гадаютъ).
Гаданье производится различно. Желая, напримѣръ, узнать,
какова будетъ невѣста, или каковъ будетъ женихъ—бога-
тый или бѣдный, идутъ въ хлѣвъ, гдѣ помѣщаются овцы,
и не смотря, бросаются въ гуртъ, ловятъ какою-нибудь
овцу или барана, привязываютъ къ нему примѣту и ут-

ромъ смотреть: если примѣченный баранъ или овца хорошая и шерсть на ней длинная, волнистая—значить и невѣста будетъ богатая, если же овца плохая, то значить—и невѣста будетъ бѣдная.

Дѣвушка, желая узнать, выйдетъ ли она въ предстоящемъ году замужъ, беретъ въ руки три ложки и идетъ подъ сосѣднюю избу; если въ это время скажутъ: пошелъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, то ея судьба будетъ рѣшена въ этомъ же году, а если скажутъ: садъ или въ родѣ этого что-нибудь, то значить—ей еще суждено годъ просидѣть въ дѣвкахъ.

На Новый годъ утромъ мальчики ходятъ посѣвать.

На масленицѣ въ пятницу, субботу и воскресенье бываетъ скачка (джигитовка). Мѣстомъ для джигитовки обыкновенно бываетъ церковная площадь. Но въ послѣднее время джигитовка нисколько не поощряется, даже напротивъ притѣсняется, вслѣдствіе этого джигитуютъ теперь только малые ребята; за то взрослые теперь въ эти дни предаются больше пьянству. Въ воскресенье вечеромъ „прощаются“. Прощанье состоитъ въ томъ, что каждый женатый мужчина считаетъ своею обязанностью, взявъ полштофъ водки, идти вмѣстѣ съ женою въ своему тестю. Тесть выставляетъ свою водку, устраиваетъ ужинъ и у нихъ начинается попойка, впрочемъ весьма умѣренная и чинная. Послѣ ужина младшіе вланыются старшимъ до земли, а старшіе имъ только до пояса, затѣмъ цѣлуются, приговаривая: „прости меня Христа ради!“—„Богъ простить!“—Послѣ того расходятся.

Въ Великій постъ всякія увеселенія прекращаются и пѣсенъ ни подъ какииъ видомъ пѣть не дозволяется. Въ это время поются только „стихи“, притомъ поются медленно, заунывно.

Вотъ эти стихи:

18. Да ты, Лазарь, мой Лазарь,
 Божій человекъ!
 Да пошелъ же тотъ Лазарь
 Да удоль по селу,
 Да зашелъ же тотъ Лазарь
 Къ брату своему.
 — Да ты, братецъ, мой братецъ,
 Братецъ мой родной!
 Сотвори жъ ты мнѣ, братецъ,
 Да святую милостиню.
 — Да и што ты мнѣ за бра-
 тецъ,
 Што мнѣ за родной?
 У мене такихъ братьевъ
 У роду не было.
 У мене то есть братья,
 Они лучше тебе,
 Они пьютъ-ѣдятъ сладко,
 Ходятъ хорошо.
 А вонъ твои то братья
 Да два лютаи псы,
 Да два лютаи псы-братья,
 По подлавицю лаятъ,
 Крохти собираютъ,
 Да кровавай ранушки
 Да зализываютъ.—
 И закуталъ богатый
 За нимъ ворота.
 Да какъ всеривнулъ Лазарь
 Громкимъ голосомъ:
 — Да Господи, Господи,
 Нашъ милосливый!
 Да пошли мнѣ, Господи,
 Съ небесъ ангала:
 Да нехай вынетъ мою душу
 Сквозь лѣвое ребро,
 Понесетъ мою душу

Да у въ адъ далеко!
 Какъ услышалъ Господи
 Ево молитву,
 Да послалъ ему Господи
 Съ небесъ ангала,
 Да и вынулъ ево душу
 Сквозь правое ребро,
 Да понесъ ево душу
 Да у рай высоко.
 А богатый мужикъ
 Крѣпко заболѣлъ.
 Крѣпко заболѣлъ мужикъ
 Господа просилъ:
 — Да ты, Господи, Господи,
 Нашъ милосливый!
 Да пошли мнѣ, Господи,
 Съ небесъ ангала:
 Да нехай вынетъ мою душу
 Да скрозь правое ребро,
 Понесетъ мою душу
 Да у рай высоко!
 Да услышалъ Господи
 Ево молитву,
 Да послалъ ему Господи
 Съ небесъ ангала,
 Да и вынулъ ево душу
 Да скрозь лѣвое ребро,
 Да понесъ ево душу
 Да у въ адъ далеко.

19. Уставайте вы, рабы, рано
 Да молитесь, рабы, Богу!
 Не забывайте вы про Господа
 Бога,
 Не забудетъ про васъ самъ
 Господь Богъ.
 При послѣдному концу-время

Народится злой анчихристь—
 Всему свѣту помутитель,
 Всѣмъ грѣшнымъ душамъ по-
 губитель.
 Какъ вострубить злой анчи-
 христь

Во мѣдныя труды;
 И возстануть живые и мертвые.

20. На горѣ то, горѣ,
 На Сионской горѣ,
 Да стоитъ тамъ школа
 Все жидовская.
 Да во той школѣ
 Все жида живутъ,
 Тамъ жида живутъ,
 Жида стараи.
 Тамъ ишла-прошла
 Сама Мать Божья
 Богородица;
 А на встрѣчу ей
 Да самъ старай жидъ.
 —Да ты, жидъ, ты, жидъ,
 Да ты, старай жидъ!
 Не видалъ ли ты, жидъ,
 Моево сына Суса Христа?
 —Да твой то сынъ,

Онъ давно поймать,
 На крестѣ распять,
 Ручки ножки распинали,
 Все гвоздями прибивали,
 Терновый вѣнецъ
 На главу надѣвали.

21. Какъ царь царство покидая,
 У пустыню жить убѣгал.
 А за нимъ то гонять
 Слуги вѣрнаи,
 Слуги вѣрнаи, неизмѣннаи.
 —Ужъ вы, слуги мож,
 Слуги вѣрнаи!
 Вы вернитесь, слуги,
 Во мое царство;
 Во моемъ то царствѣ
 Усево много:
 Много злата, много серебра,
 Мно разныхъ одеждъ,
 Разноцвѣтныхъ.
 А я пойду жить
 Во темныя лѣса,
 Я буду жить съ лютыми звѣ-
 рями,
 Я буду ѣсть гнилую болоду,
 А буду пить болотную воду.

Во время Пасхи непремѣннымъ увеселеніемъ служатъ „рели“ (качели). Къ качелямъ собираются дѣвушки и молодыя замужнія женщины и начинаютъ водить хороводъ. Нужно замѣтить, что хороводъ, кромѣ Пасхи, днемъ никогда не водится.

На Пасхѣ хороводъ начинается такимъ образомъ. Всѣ участвующіе раздѣляются на два отдѣленія, каждое изъ отдѣленій вытягивается въ шеренгу и участвующіе стано-

вятся лицомъ въ лицу. Затѣмъ одна шеренга идетъ надъ другою и поетъ:

22. А мы пашню пахали, пахали. | Пахали, пахали!
Ой диди-ладо!

И сдѣлавъ такимъ образомъ кругъ, становятся на свое прежнее мѣсто. Теперь повторяетъ то же самое второй хоръ и поетъ:

<p>А мы просо сѣяли, сѣяли. Ой диди-ладо! Сѣяли, сѣяли!</p> <p>1. А мы просо вытопчемъ, вы- топчемъ.</p> <p>Ой диди-ладо и пр....</p> <p>2. А чѣмъ было вытоптать, вы- топтать?</p> <p>1. А мы коней нагонимъ, наго- нимъ.</p> <p>2. А мы коней загонимъ, заго- нимъ.</p> <p>1. А мы коней выкупимъ, выку- пимъ.</p>	<p>2. А чѣмъ было выкупить?</p> <p>1. А мы дадимъ сто рублей.</p> <p>2. Намъ сто рублей не нада</p> <p>1. А мы дадимъ тысячу.</p> <p>2. Намъ тысячу не нада.</p> <p>1. А мы дадимъ смѣты-нѣтъ.</p> <p>2. А мы смѣту не смѣтемъ.</p> <p>1. А мы дадимъ дѣдушку.</p> <p>2. Намъ дѣдушку не нада.</p> <p>1. А мы дадимъ бабушку.</p> <p>2. Намъ бабушки не нада.</p> <p>1. А мы дадимъ дѣвушку.</p> <p>2. Намъ дѣвушку надомна.</p>
--	--

Тотчасъ послѣ этого оба хоровода соединяются вмѣстѣ и образуютъ общій кругъ. Одна дѣвушка входитъ въ кругъ, а другая выходитъ за кругъ. Въ это время хороводъ поетъ:

<p>23. Какъ во городѣ, во городѣ Царевна, царевна. А за городомъ, а за городомъ Царевъ сынъ, царевъ сынъ.</p>	<p>Разруби ты, сударь, (2) Ворота (2), Да ввойди ты, сударь, (2) Во городъ. (2)</p>
---	---

Стоящая за хороводомъ входитъ въ хороводъ, а хороводъ поетъ:

Подойди ты, сударь, (2)
 Поближе; (2)
 Поклонись ты, сударь, (2)
 Да пониже; (2)

Обойми ты, сударь, (2)
 Смѣлѣе; (2)
 Поцалуй ты, сударь, (2)
 Милѣе. (2)

Затѣмъ дѣвушки, стоящія въ хоровахъ, становятся на свои мѣста, а хорюводъ поетъ:

24. Ой на полѣ, ой на полѣ,
 Ой на полѣ, на полянѣ
 У ладо-ладо!
 На полянѣ, (2)
 На высокомъ на курганѣ,
 У ладо и пр....
 Да стоитъ шатеръ полотняный,
 Полотняный въ кружки тва-
 нный;

Во томъ шатрѣ не Дремь-
 дремя,
 Да не Дремь-дремя, кожи чеша.
 —Устань Дремя, свекорь ѣдя.
 —Устану я, погляжу я;
 Да ноня люди злы лукавы:
 Не видавши, скажутъ—видѣль,
 Не слыхавши, скажутъ—слы-
 шаль.

Эту пѣсню поютъ два раза. Затѣмъ дальше поютъ уже въ произвольномъ порядкѣ слѣдующія пѣсни:

25. Пойду, млада-младешенька,
 Далинѣ-далиною,
 Ляли, ляли, лялешеньки,
 Далинѣ-далиною!
 Сорву млада-младешенька
 Вѣтку съ калиною,
 Ляли и пр....
 Кину-брошу, младешенька,
 И къ свекру на сѣни.
 Свекорь журия, свекорь браня
 Молодую невѣстку.
 Табѣ, свекорь, мой батюшка,
 Недолгаи вѣки,
 А я, млада-младешенька,
 Я жить нарѣкаюсь.

Ляли, ляли, тишкомъ-луж-
 комъ,
 Тишкомъ-лужкомъ, березоч-
 комъ.
 Ляли и пр....
 На березочку липка стоитъ,
 На липушкѣ желтый цвѣтокъ.
 Сорву цвѣтокъ, совью вѣнокъ.
 Свивши вѣнокъ, пойду въ та-
 нокъ.
 Во томъ танку мой немилый,
 Мой немилый—мужъ посты-
 лой,
 Мужъ постылой въ гусли грая;
 Онъ у гусли грая, грая,
 На мене младу гляня, гляня;
 На мнѣ вѣнокъ вяня, вяня,
 Вяня, вяня, засыхая.

26. Пойду, млада, тишкомъ-луж-
 комъ,

Потомъ она опять идетъ тихомъ-лужкомъ, срываетъ цвѣтотъ, вьетъ вѣнокъ и идетъ въ танокъ.

Во томъ танку мой миленькій.
Мой миленькій въ гусли грая,
Онъ у гусли грая, грая,
На мене младу гляня, гляня;
На мнѣ вѣнокъ сьяя, сьяя,
Сьяя, сьяя, разцвѣтая.

27. Черезъ горку стежка лежить,
Ладо, ладо, стежка лежить.
По той стежкѣ дѣва шла,
Ладо, и пр....
Сы перстенечкомъ гутарила:
—Ой же ты, перстень мой золотой!
Что же ты, перстень, потускнѣлъ?
—Какъ же мнѣ, перстню, не потускнѣтъ?
Носилъ мене смертинъ сынъ
На той ругѣ, на лѣвой,
На томъ пальцу, на мезинцу.

28. На улицѣ арипей,
На широкой молодой,
Ой, диди, арипей,
Ой, ладо, молодой!
Кабы этой арипей
Въ огородѣ у мене,
Ой, диди, и пр....
Я бѣ ходила, поливала,
Отъ морозу укрывала.
Двѣ родимыя сестрицы
Къ обѣдни шли.
Какъ сестрица сестрицу
Успрашивала:

—Каково табѣ, сестрица,
Каково табѣ, родная,
Да за старымъ мужемъ жить,
Да старушкою слыть?

29. Ходить Сенюшка горою,
Носить гусли подь полою,
Ой, ляли, ой ляли, ой ляли,
Ляли, ляли, ляли, да ляли!
Носить гусли подь полою,
Звончатя подь другою,
Ой ляли и пр....
Онъ у двѣ струны грая,
Третья рѣчь говорить,
Мнѣ жениться велить.
Мнѣ жениться не годится:
Старую бабину узять—
На печи ее держать,
Киселемъ ее кормить,
Молокомъ ее поить.

30. Ой што жѣ ты, дитятю,
Да не бѣлъ, не румѣнь?
Ой ли, ой ляли
Не бѣлъ, не румень!
Да не бѣлъ, не румень,
Животомъ не здоровъ?
—Ой какъ же мнѣ, матушка,
Да румѣному быть,
Да румѣному быть,
Здоровому слыть?
Ой былъ я, матушка,
На чужой сторонѣ,
На чужой сторонѣ,
Въ турецкой землѣ;

Да водилъ я, матушка,
 Съ дѣвками таночки,
 Не нарочно наступилъ
 Дѣвкѣ на ногу.
 Какъ увидѣлъ, матушка,
 Дѣвкинъ батюшка,

Ухватилъ мене, матушка,
 Поперекъ живота,
 Поднялъ мене, матушка
 Да повыше себе
 Да ударилъ, матушка,
 Объ сырую землю.

Этимъ и заканчиваются пасхальные хороводныя пѣсни. Кромѣ этихъ пѣсенъ поется еще одна протяжная:

31. Ой же ты, Ванюшка, Иванюша,
 Ваня миленькій дружечекъ,
 Размалиновый душечекъ,
 Распахучй мой василечекъ!
 Что же, Ванюшка, не весель,
 Буйную голову повѣсилъ,
 Черной шапочкой закрылся,

Горючей слезой залился?
 Что же ты, Ванюшка, не женился?
 —Мнѣ жениться не годится,
 Сударушка не велѣла:
 За мене замужъ захотѣла.

Это—самая любимая пасхальная пѣсня; ее поютъ хоромъ, поютъ вдвоемъ, поютъ въ одиночку, поютъ, сидя на качеляхъ, поютъ дома на улицѣ, въ полѣ, словомъ ее поютъ вездѣ и во всякое время вплоть до самой Троицы. До этого же времени поются и прочія пасхальныя пѣсни.

На Троицу парни и дѣвушки „завиваютъ вѣнки.“ Парни со всѣхъ концовъ станицы собираются вмѣстѣ и „дѣлаютъ складчину“, складываются копейкѣ по 40—50 и на эти деньги покупаютъ водки и вина. Дѣвушки же собираются въ какомъ-нибудь просторномъ домѣ, приносятъ туда по десятку или по два яицъ; туда же парни приносятъ и напитки. Тамъ они садятся за столъ, а дѣвушки въ это время поютъ пѣсни и танцуютъ по избѣ, затѣмъ онѣ подаютъ на столъ яичницу. Парни начинаютъ пить водку и ѣсть яичницу, а дѣвушкамъ подносятъ вина, но нѣкоторые изъ нихъ пьютъ и водку. Въ этомъ и состоитъ все завиваніе вѣнковъ. Въ завиваніи вѣнковъ отнюдь не участвуютъ женатыя мужчины и замужнія женщины. Они мо-

гутъ тутъ быть только въ качествѣ постороннихъ зрителей. Изъ холостыхъ же людей принимаютъ въ этомъ участіе всѣ, имѣющіе право на названіе парней и дѣвокъ, т. е. парни не моложе 16 и дѣвушки не моложе 14 лѣтъ приблизительно; я говорю—приблизительно потому, что лѣта тутъ имѣютъ мало значенія, больше же всего, конечно, имѣетъ значенія физическое развитіе.

Во время завиванія вѣнковъ поются такъ называемыя трюичныя пѣсни, которыя ни въ какое другое время года не поются, онѣ даже не поются въ хороводѣ на Троицу. Первая изъ нихъ слѣдующая:

32. Ты, черемуха, черемуха моя,
Черемуха, душа-аленькій цвѣ-
токъ!
Ой ля, ой ля, ой ля,
Ой ляли, ляли, ляли да ляли!
Черемуха, душа-аленькій цвѣ-
токъ,
Свой далече во чистомъ полѣ
цвѣтешь?
Ой ля и пр....
—Я цвѣту, цвѣту, алѣюся,
Алѣюся, румянѣюся.
—Какъ и кто жъ у насъ на
ворономъ коню,
А кто жъ у насъ на черкес-
скомъ на сѣдлу?
—У насъ Григорьюшка на во-
рономъ коню
Тихоновичъ на черкесскомъ
на сѣдлу.
Григорьюшка по улицѣ проѣз-
жалъ
Тихоновичъ къ воротечкамъ
подѣзжалъ;

Онъ ударилъ кошемъ въ во-
рота:
„Ой, Марьюшка, отвори вѣ-
рота,
Семеновна, принимай маво
коня!“
—Григорьюшка, не отворю
ворота,
Тихоновичъ, не приму коня.
Слышу, вижу: на мене мой
другъ сердить,
Мимо ѣдя—не поклонится,
Не поклонится, заворотится,
Черной шалочкой навроется.

33. Трава моя, травушка,
Зеленый лужокъ!
Я по табѣ, травушка,
Я не нахожусь;
Каво вѣрно люблю—
Я не наляжусь;
Каво ненавижу—
Всегда на глазахъ,
Всегда, всегда на глазахъ,

На ясныхъ очахъ.
 Свѣти, свѣти, свѣтель мѣсяцъ,
 Во всю темну ночь!
 Освѣти дороженьку,
 Гдѣ милый пошелъ!
 Пошелъ, пошелъ миленькій
 По улицѣ вдоль,
 Зашелъ, зашелъ миленькій
 На крайній на дворъ,
 Гдѣ ево сударушка
 Подъ окошкомъ сидитъ,
 Помѣшкатъ велитъ.
 Помѣшкай, помѣшкай,
 Мой милый дружокъ!
 Табѣ, мой другъ, некогда,
 А мнѣ недосугъ:
 Головушку глажу,
 Косушку плету,
 Въ косу ленду алюю
 Увязываю,
 А другую голубую
 На шею владу.
 —Скажи, скажи, Аннушка,
 Кто ленду купилъ?
 —Мнѣ алюю лендочку
 Батюшка купилъ,
 А другую голубую
 Милый подарилъ,
 А и третью разноцвѣтну
 Сама добыла,
 Сама, сама добыла:
 Подружка дала.

34. Ой во полѣ травушка горѣла,
 Нетравушка, бѣлая кавылушка.
 А хто будя травушку тушити?
 Тушитъ будя травушку вѣте-
 рокъ.
 А вѣтерокъ травушки не туша,

Больше того по полю разнося.
 Выходила красная дѣвица,
 Выносила въ орѣшику водицы:
 —Сколько, сколько въ орѣ-
 шику водицы,
 Столько въ маво у милова
 правдицы.
 Нѣту, нѣту въ орѣшику во-
 дицы,
 Нѣту въ маво у милова прав-
 дицы.

35. У маѣра полковова
 Двѣ дочки хороши,
 Охочи были гуляти
 Во темныя ночи.
 Шубки, юбки поскидали,
 Кафтаны надѣвали;
 Они кафтаны надѣвали,
 По коню сѣдали,
 По коню, коню сѣдали,
 У полкѣ побѣжали.
 Какъ на первомъ на бикетѣ
 Дѣвушекъ не узнали,
 А на другомъ на бикетѣ
 Дѣвушекъ узнали,
 А на третьемъ на бикетѣ
 Дѣвокъ половили.
 Выходилъ душа полковникъ
 На ново крылечко,
 Выносилъ душа полковникъ
 Червонной штофъ водки,
 Подносилъ душа полковникъ
 Онъ меньшей сестрицѣ.
 Какъ и большая сестрица
 Меньшей говорила:
 —Ты не пей, не пей, сестрица,
 Червонной штофъ водки!
 У насъ мачиха лихая,

Боюсь—угада,
Больно будя бити.

36. Какъ у насъ нонѣ празд-
никъ,

Ивановъ день.

Калина моя, малина моя!

Какъ усѣ люди капусту
Заламливали.

Калина и пр....

Какъ и я ли молода
Въ огородѣ не была,
Въ огородѣ не была,
Не заламливала.

Только своеъ въ огородѣ
Чесноку, луку полоть,
Луку сѣянова,
Ишо зеленова.

Въ одну руку

Сорву луку,

А въ другую чесноку,
А въ пазуху огурцовъ,
Одѣлять молодцовъ—
Неженатыхъ-холостыхъ.

Оглянулася назадъ—

Двѣ золовущи стоятъ,

Одну рѣчь говорятъ:

—Ты, невѣстка, невѣстка,
Замужняя жена!

Ты придивася домой,
А въ насъ гость дорогой,
То нашъ братецъ родной,
А твой мужъ молодой;

Онъ привезъ табѣ подарокъ,
Подарочекъ дорогой—
Шелковую плеть.

37. По улицѣ по широкой

Молодой швольнигъ ѣдя,

Да онъ ѣдя, разѣзжая

Но ворономъ коню.

На швольничю рубашечка

Тонка алляная,

Она тонка алляная,

Какъ еленовъ листочекъ.

Ему шила, вышивала

Купецкая дочка.

Я купецкую дочку

Я велю поймати,

Я велю, велю поймати,

Велю приковать.

—Не куй, не куй мене, мати,

Въ каменной палати,

Прикуй, прикуй мене, мати,

Къ дѣвичей кровати;

Дѣвки пляшуть,

Дѣвки грають,

А мнѣ веселѣе,

Я сы горя, сы печали

Пойду потанцюю,

Сы великой, сы печали

Дѣвку поцѣлю.

38. Ой гулюшка, ой гулюшка,

Ой гулюшка голубочекъ,

Мой сизенькій воркуночекъ!

Лети, гуля, самъ воркуа,

Неси вѣсти маму батюшкѣ:

Да вечеръ мене Ладо било,

Да онъ билъ, шельма, не жа-
ловаль,

Не жаловаль, приказываль:

—Покинь волю батюшкину

Заботливость матушкину.

—Да живая буду, не забуду,

Поколь сгину—не покину.

Вотъ и всѣ троицныя пѣсни. Впрочемъ, о первой изъ этихъ пѣсенъ (Черемуха) нельзя сказать, чтобы она была собственно троицная: ее поютъ на улицѣ въ хоро-водѣ цѣлое лѣто и поютъ во время завиванія вѣнцовъ. Эту пѣсню скорѣе можно назвать лѣтнею, потому что ее начинаютъ пѣть вмѣстѣ съ началомъ сѣнокоса, хотя бы это было и раньше Троицы, и поютъ все лѣто вплоть до Успенскаго поста. Это любимая пѣсня дѣвушекъ во время возвращенія съ сѣнокоса съ граблями въ рукахъ, или съ жатвы съ серпами. Такою же лѣтнею пѣснейю можно назвать слѣдующую довольно протяжную пѣсню:

39. Ой же ты горькая, ты горькая,
 Въ полѣ полынъ травушка!
 Ой, да что горчей то тебе,
 Горчей во всемъ полѣ нѣтъ!
 Ой да што милѣй то дружка
 Милѣй во всемъ свѣтѣ нѣтъ!
 Ой да что милый другъ
 Милѣй отца-матери!
 Ой да ужъ я ляжу то спать—

Спать не спится мнѣ:
 Милой во снѣ грезится!
 Ой да будто, будто мой другъ,
 А онъ во дверяхъ стоитъ,
 Милой за чѣпъ (цѣпъ) дер-
 жится,
 А опъ во вѣтѣ просится:
 „Ой же ты пусти, ты пусти,
 Моя родиманочка!“

Съ наступленіемъ Успенскаго поста увеселенія снова, какъ и въ Великій постъ, прекращаются; въ этотъ постъ хороводовъ не водятъ, пѣсенъ не поютъ, но равнымъ образомъ и стиховъ не поютъ, какъ это бываетъ въ Великій постъ. Успенскій постъ занимаетъ нѣчто среднее между Рождественскимъ и Великимъ постомъ. Кстати о постахъ. Великій постъ соблюдается съ величайшею строгостью, послѣ него по важности слѣдуетъ Успенскій, затѣмъ Рождественскій и наконецъ Петровскій. Первый называется просто постомъ, второй Спасовками и Филиповками и послѣдній—Петровками. Относительно послѣдняго существуетъ поговорка, что этотъ постъ выдумали тещи, чтобы собрать

для зятьевъ масла (коровьяго). Во время послѣднихъ двухъ постовъ и пѣсни поютъ, и хороводы водятъ.

Время съ 15-го августа по 15-е ноября называется осеннимъ или бараньимъ мясоѣдомъ. Это время преимущественно—время свадебъ. Свадьбы хотя бывають и въ зимній мясоѣдъ, но рѣдко, а еще меньше и даже очень рѣдко онѣ бывають въ другое время года. Это объясняется тѣмъ, что во время осеняго мясоѣда жители совершенно свободны отъ полевыхъ работъ, что осенью у каждаго хозяина есть въ избыткѣ хлѣбъ, да и деньги имѣются отъ продажи хлѣба, сѣна и лишнихъ домашнихъ животныхъ, которыхъ по расчету хозяина не стоитъ кормить зиму сѣномъ. Кромѣ того, самая погода въ это время благоприятствуетъ совершенію свадебъ. Время это по большей части бываетъ теплое, а если иногда и бываетъ грязь, такъ это еще большую прелесть придаетъ свадьбамъ: вывалиться въ грязь и при случаѣ обдать ею другихъ—считается здѣсь удовольствіемъ. Но всему этому еще нужно прибавить то, что рѣдкій отецъ отдастъ замужъ свою дочь весною, такъ какъ она ему нужна на лѣто для работы.

Съ наступленіемъ осеняго мясоѣда въ воздухѣ какъ бы чувствуется приближеніе свадебъ, какъ бы сама природа принимаетъ соотвѣтствующую тому физиономію: долгиіе осенніе вечера, лунныя безоблачныя ночи, запахъ созрѣвающихъ плодовъ, скрипъ воевъ, везущихъ съ поля снопы, дружный стукъ цѣповъ... все это даетъ знать, что приближается время, въ которое должна рѣшиться судьба нѣсколькихъ десятковъ, а то и цѣлой сотни молодыхъ, только что приходящихъ въ юношескій возрастъ, человѣческихъ существъ, и рѣшиться по большей части очень печально, ибо, не ошибаясь, можно сказать, что рѣдкая дѣвушка по выходѣ замужъ бываетъ счастлива, особенно въ первый годъ замужества: она навѣрное не понравится или мужу, или деверьямъ, золовкамъ и невѣсткамъ, или чаще всего—свекору и свекрови.

Дѣвушки, чуя близкое рѣшеніе своей судьбы, начинаютъ собираться въ кружки во время лунныхъ вечеровъ (въ это время говорятъ—„дѣвки сидятъ по мѣсяцу“) и поютъ весьма протяжную, заунывную и въ то же время весьма мелодичную и задушевную пѣсню. Эту пѣсню можно назвать предсвадебною. Вотъ она:

40. Я во высокомъ теремѣ сижу, Я далеко по зарѣ слышу, Какъ лебедь лебедушку клича: „Перелети, лебедушка, бо мнѣ, У мене озера широкія, У мене затоны глубокіе“. Я во высокомъ теремѣ сижу, Я далеко по зарѣ слышу,	Какъ Сергѣй Прасковьюшку клича: „Поди, поди, Прасковьюшка, ко мнѣ, У мене хоромы высокіе, У мене кровать тесовая, У тебе перины пуховыя“.
--	---

Свадьбы начинаются приблизительно съ 1-го октября. Мы постараемся изложить здѣсь порядоки свадьбы, каковы онѣ бываетъ у людей болѣе или менѣе зажиточныхъ; конечно, и у бѣдныхъ свадьбы совершаются почти такъ же, только съ нѣкоторыми незначительными отступленіями, смотря по ихъ средствамъ.

Женять молодыхъ мужчинъ 18 лѣтъ обязательно и не женившійся въ 18 лѣтъ уже считается старымъ женихомъ; не женятся въ этомъ возрастѣ только люди бѣдные или чѣмъ нибудь опороченные, которые не могутъ найти себѣ невѣсты. Дѣвушки же выходятъ замужъ не моложе 16 лѣтъ, но средній возрастъ замужества дѣвушекъ 18—19 лѣтъ; иногда, впрочемъ, онѣ досиживаютъ и до 22—23 лѣтъ, такъ что далеко не рѣдкость встрѣтить случаи, что невѣста на 2—3 года старше жениха.

Всѣ молодые люди, достигшіе къ осени—мужчины 18-ти, а дѣвушки 16-ти лѣтняго возраста, называются—первые женихами, а вторыя невѣстами.

Приступая къ женитьбѣ сына, родители его посылаютъ

сватовъ къ родителямъ невѣсты. Въ первое посѣщеніе сватовъ родители невѣсты или категорически отказываются выдать свою дочь, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они еще не думаютъ въ этомъ году отдавать своей дочери, или, если рассчитываютъ отдать, говорятъ, что подумаютъ, посоветуются и спросятъ невѣсту. Равнымъ образомъ и сваты, не смотря ни на какой отказъ, не отступаютъ отъ своихъ намѣреній и только послѣ трехъ разъ прекращаютъ сватовство. Отказъ невѣсты или ея родителей ни въ какомъ случаѣ не смущаетъ жениха и не считается для него позорнымъ. „Женихъ тотъ же старецъ (нищій), говорятъ: отказали въ одномъ дворѣ, онъ идетъ въ другой“.

Получивъ согласіе, родители жениха приносятъ полуштофъ водки, зовутъ въ видѣ свидѣтелей нѣсколько чело-вѣкъ изъ самыхъ близкихъ родныхъ, что дѣлаютъ съ своей стороны и родители невѣсты и „запиваютъ.“ Здѣсь дѣлаютъ устное условіе, въ силу котораго отказавшійся отъ брака обязывается заплатить штрафъ; тутъ же назначается время „пропоекъ“ и иногда заключаются условія относительно „выговора“. Выговоромъ называется извѣстная сумма денегъ, отъ 15 до 25 руб., которую родители жениха должны внести родителямъ невѣсты. Деньги эти идутъ на покупку разныхъ предметовъ въ приданое невѣстѣ.

Пропойки состоятъ въ слѣдующемъ. Въ условленный день, вечеромъ, родители жениха и родители невѣсты (будемъ для краткости говорить просто—женихъ и невѣста) сзываютъ къ себѣ своихъ родныхъ. Собравшись, родные жениха идутъ въ домъ невѣсты, куда несутъ и водеу. Тамъ родные невѣсты садятся за столъ, причемъ первое мѣсто принадлежитъ, конечно, родителямъ; подлѣ нихъ садятся крестные отецъ и мать, далѣе остальные родные, смотря по степени родства. Между тѣмъ родные жениха обязаны стоять среди комнаты. Одинъ изъ родственниковъ жениха начинаетъ

подносить водку и вино; водка обыкновенно подносится на подносѣ въ двухъ водочныхъ стаканахъ. Наливается же водка изъ штофовъ: ни бутылокъ, ни графиновъ тутъ не допускается. Первые стаканы подносятся родителямъ невесты, затѣмъ уже подносятъ водку по порядку всей роднѣ невесты же, а послѣ уже и роднѣ жениха. Обнеся по первому стакану, сейчасъ же подносятъ по другому, а затѣмъ и по третьему. Какъ только родители невесты возьмутъ въ руки третьи стаканы, родные жениха, а за ними и всѣ присутствующіе затягиваютъ слѣдующія пѣсни:

<p>41. Пьяница, да пропойница,
Ой Марьинъ батюшка,
Ой Марьинъ роденькій!
Да пропиль опъ Марьюшку
Да за винную чару,
За медовой стаканъ!</p> <p>42. Да вечеръ наша Марьюшка,
Вечеръ наша Тихоновна
Животочкомъ болѣла,
Сердечкомъ щамѣла,
Бѣлы ручки опустила,
Съ рукъ колечко уронила.
—Дѣвушки, вы, подруженьки!
Подымите колечко,
Да оно мнѣ пригодится
Да съ Иваномъ обручиться.</p> <p>43. Пойду я вдоль по улицѣ,
Пойду я вдоль по широкой,
Два двора да минуючи,
Третій дворъ да послушаю,
Да что люди говорюють;
Ой Марьина батюшку брѣнють;
А Марьинъ батюшка
Да пропиль ой Марьюшку</p> | <p>Да за винную чарку,
За медовой стаканъ.</p> <p>44. Ой Марьина матушка,
Ой Марьина родная
По городику (по огороду) ходя,
Да съ твѣтами говора:
„Да твѣты же мои, твѣтики.
Да твѣты мои лазоревые,
Да не я жъ васъ садила,
Да не я поливала,
А садила-поливала
Дочь моя да любимая
Ой Марья то Тихоновна,
Да садила она, поливала,
Не однаво не сорвала,
Одинъ твѣтъ сорвала,
И съ таво вѣнокъ свила.</p> <p>45. Да Иванова матушка,
Да Иванова родная
Да мела, мела сѣни,
Да и вѣникъ бросила,
А сама заиграла (запѣла):
„Да теперъ мои сѣни
Подметенны будутъ,</p> |
|--|---|

Да теперь моя изба
Протопленная будя,
Да теперь моя семья

Накормленная будя,
Да теперь мои гости
Угощенные будутъ“.

Всѣ эти пѣсни поются протяжно и всѣ на одинъ и тотъ же голосъ.

Далѣе поется слѣдующая пѣсня:

46. А были мы, были на рыночку
Рано, рано!
А были мы, были на рыночку
Ранѣшунья!
А пили мы, пили горѣлочку
Рано и пр....
Хочь мы пили, не платили,
А Марьюшку сговорили
За младова Иванушку,
За младова Григорыча.

Ой Марьюшеѣ просимъ ласки,
Тихоновну во коляски.
Въ насъ колеса точеныя,
А другія бушеваны,
А воньки вороные,
Повознички молодые,
Только сѣсти—поѣхати
За младюу княгиню,
За красною ой Марьею,
За красною ой Тихоновной.

Выпивъ по три стакана, всѣ гости идутъ въ домъ къ жениху, гдѣ опять родня невѣсты садится, а родня жениха стоитъ. Тамъ уже пьютъ до самаго свѣта.

Въ это время у невѣсты бывають „дружки.“ Дружками собственно называются дѣвушки—подруги невѣсты, но дружками называется и вечеринка у невѣсты. Какъ только просватають невѣсту, она выбираетъ себѣ старшую и подстаршую дружку. Эти двѣ дружки находятся безотлучно при невѣстѣ до самаго вѣнчанья. Въ день пропоевъ, вечеромъ, въ то время, когда у невѣсты идетъ угощеніе, старшія дружки идутъ собирать остальныхъ дружекъ. Идя по улицѣ, онѣ поютъ:

47. Ой въ лѣску, въ лѣску
На кленку
Да висѣла колыбелька
На шелку.
А во той колыбелькѣ

Младъ Иванъ;
Да качають ево
Два братца.
—Да качайте, братцы,
Да повыше,

Чтобъ я увидалъ
Тестевъ дворъ.
Да у тестя на дворѣ
Три шатра.
Да во первомъ шатрѣ
Вины курятъ,
Во другомъ шатрѣ
Медь становятъ,
А во третьемъ шатрѣ
Дѣвки сидятъ,
Между дѣвушекъ
Млада Марья.

48. У рано, рано, на зарѣ
Да не конь копытомъ прозво-
нилъ,
Да орелъ дерево повалилъ,
Черезъ тихай Донъ положилъ.
По томъ берегу шель соболь,
Да за собою вель кунушку.
—Иди, иди, кунушка, не бойся,
Ты своихъ ноженекъ не обро-
сишь!

49. У рано, рано, на зарѣ
Свистнулъ дружила на коню.
—Сылетайтесь, соволы, сыѣз-
жайтесь, бояре:
Будемъ мы думушку думати,

Да идѣ намъ стоять сы пол-
комъ?
—Намъ стоять сы полкомъ подѣ
замками,
Подѣ новенькимъ городкомъ.
Мы пустимъ стрѣлу громову,
Разобьемъ стѣну каменну.

50. За горою, за крутою
Да свѣтель мѣсяцъ уходя,
За другою ясно красно сол-
нышко,
А за третьей дружилушка воюя:
Шапку снялъ, коня унялъ,
послухалъ.
То-то все-то калиновы стрѣл-
ки хороши,
А моя ли то да малиновая
Лучше всѣхъ,
Лучше всѣхъ, пригожѣ всѣхъ
стрѣлушекъ.
Да по терему да Иванушка
гуляя:
То-то все-то краснай дѣвки
хороши,
А моя ли то да ой Марьюшка
Лучше всѣхъ,
Лучше всѣхъ, пригожѣ всѣхъ
дѣвушекъ.

Когда подходятъ къ дому дѣвушки, которую хотятъ
пригласить въ дружки, или къ дому самой невѣсты, то
поютъ слѣдующую весьма скорую пѣсню:

51. О садовая моя яблочка,
А лилй, лели, лели (2),
И садовая, и сахарная,
Откатилася прочь отъ яблонки,

Прочь отъ яблонки, отъ садовья,
Прикатилася къ саду вышенья,
А садъ вышенья чѣмъ да не
решенье (черешня)?

Ой же ты, молодая наша
 Марьюшка,
 Отъѣзжаешь ты прочь отъ
 батюшки,
 Прочь отъ батюшки, отъ ро-
 димова,

Приѣзжаешь ты лютой свекру,
 А лютой свекорь чѣмъ не ба-
 тюшка
 Чѣмъ не батюшка, не роди-
 менькій?

Когда дружки соберутся къ невѣстѣ и когда „го-сти“ уйдутъ къ жениху, женихъ и невѣста садятся за столъ, женихъ по правую сторону, а невѣста по лѣвую; съ правой стороны жениха садится „дядька.“ Роль дядьки исполняетъ одинъ изъ женатыхъ родственниковъ жениха. Когда дядька, женихъ и невѣста усядутся, дружки начинаютъ „обгрывать“ жениха, т. е. поютъ пѣсни, въ которыхъ величаютъ жениха съ невѣстой. За женихомъ обгрываютъ дядьку. Эти два лица должны обгрываться обязательно. Послѣ этого старшая дружка подходитъ къ присутствующимъ холостымъ ребятамъ и проситъ ихъ обгрываться. Обгрываются не только холостые, но и женатые. Обгрывая, холостыхъ величаютъ съ одной изъ дѣвушекъ, а женатыхъ съ ихъ женами. Во время обгрыванья каждая дружка, начиная съ старшей, подходитъ и цѣлуетъ обгрываемого, не цѣлуютъ только жениха. Обгрывая холостыхъ, въ томъ числѣ и жениха, поютъ слѣдующія пѣсни:

52. Ой же ты, солнышко ясное,
 Ой да ляли, ляли, ясное!
 Ты почто свѣтишь, не грѣешь?
 Ой да ляли....
 — Какъ же мнѣ, солнышку,
 пригрѣти?
 Нашли да тучушки темныя,
 Пошли да дождики дробныя,
 Мене, солнышку, закрыли.

Ой же ты, красная наша
 Марья!
 Ты почто сидишь, не смѣешь?
 — Ой же вы, дѣвушки-подруж-
 ки,
 Да вы гляньтека на мене,
 Да и кто сидитъ дли (подлѣ)
 мене:
 Дли мене сидитъ младъ Иванъ.

Впрочемъ, большею частью эту пѣсню поютъ только

женуху, остальнымъ же холостымъ людямъ обыкновенно прямо начинаютъ слѣдующую пѣсню:

53. Ой ты, мальчикъ, кудрявчикъ
 мой,
 Кудряватая головушка твоя!
 Какъ и кто табѣ русья кудри
 завиваль?
 Завивала родная матушка,
 Завивала приговаривала:
 „Создай, Боже, этимъ кудер-
 цамъ
 При полку быть полковнич-
 комъ,
 При губерни губернаторомъ“.

54. Долина, долинушка,
 Долина широкая!
 По той по долинушкѣ
 Ходилъ-гулялъ молодець,
 Молодець Иванушка,
 Иванъ то Григорьевичъ;
 Связалъ свою голову
 Шляпою пуховою.
 Увидѣла матушка
 Съ високова терема,
 Шелковава полога:
 —Дитѣ мое, дитятко,
 Дитѣ моё милое!
 Почто не весель ходишь,
 Гуляешь не въ радости?
 —Родимая матушка,
 Жениться мнѣ хочется!
 —Женись, женись, дитятко,
 Женись, женись, милое!
 Возьмемъ за тебе дѣвушку,
 Генеральскую дочерю
 И съ няньками, съ мамками,

Съ молодыми крестьянками.
 —Родимая матушка,
 Генеральская дочушка
 Она намъ не работница,
 Въ домѣ не кукобница.
 Возьмемъ за мене дѣвушку,
 Ближнюю сосѣдушку,
 Ой Марью то Тихоновну;
 Ой Марья то Тихоновна
 Давно понаравилась,
 Давно подобычилось
 Своєю ухваткою,
 Головою гладкою.

55. Березничекъ листоватай,
 Ляй, ляй, листоватай! (2)
 А хто жъ у насъ неженатай?
 Не женать у насъ Иванушка,
 Холость ходя Григорьевичъ.
 Ему матушка говорила:
 —Иванушка, ты женися,
 Григорьевичъ, сговорися!
 —На што мнѣ, младцу, же-
 ниться?
 Мене такъ, младца, дѣвки
 любятъ,
 Молодушки восхваляютъ.—
 Не ходить, было, по торжечку,
 По красенькомъ по рядочку,
 Не купить, было, алыхъ лен-
 довъ,
 Алыхъ лендовъ съ позумен-
 томъ,
 Не дарить, было, красныхъ дѣ-
 вокъ.

56. Ой во борку сосенушка
 Стоит зелененька.
 Ой Марьюшка у бабушки
 Была молоденька;
 Просилася Тихоновна
 Во поле гуляти,
 Да во поле гуляти
 Зеленъ ячень жати,
 Жати, брати, избирати
 По одномъ колосочку,
 По одномъ колосочку
 По одномъ яровому,
 Да по одномъ яровому
 Ишо зеленому.
 Она жала, не жала,
 Снопочекъ нажала,
 Да снопочекъ нажала,
 Холодочекъ напяла (?).
 Съ правой руки загончика
 Дорожка лежала;
 По той стезжѣ, по дорожжѣ
 Иванушка ѣдя,
 Шапку снялъ, коня унялъ,
 Низко поклонился:
 — Богъ на помочъ, ой Марьюш-
 ка,
 Зеленъ ячень жати!
 — Иванушка Григорьевичъ,
 Ской далече ѣдешь?
 — Да я ѣду во городъ
 Калачикъ купити,
 Тебе накормити.
57. Воробушекъ-воробей,
 Рахманная пташечка,
 Ой ля, ой ля, ой ляли, ляли!
 Рахманная пташечка,
 Рябая летучая,
 Ой ля и пр....

- Далече ты летала?
 Ой отъ саду до саду
 До зеленого вышенья,
 До краснова решенья.
 Ой младенькій, младъ Иванъ,
 Далече ты отъѣзжалъ?
 — Отъ двора до двора,
 До тестинова подворья,
 До тестинова подворья,
 Да Марьинова полога.
58. А хто у насъ хорошій,
 А хто у насъ пригожій?
 Ой лели, лели,
 Да лилий, лели, лели!
 Хорошъ Иванушка,
 Пригожъ Григорьевичъ.
 Онъ хорошо ходя,
 Манерно ступая,
 Сопогъ не ломаю,
 Чулокъ не марая;
 На коня садится,
 А конь веселится,
 Онъ плеткою маша,
 А конь подъ нимъ пляша;
 По улицѣ ѣдя
 Вся улица съяя.
 Къ двору подъѣзжая,
 Матушка встрѣчая:
 — Поди, мой хорошій,
 Поди, мой пригожій,
 Давно тебе ждали,
 Давно поджидали,
 Дворъ коврами стлали,
 Черными соболями.
59. А и хто у насъ холостъ,
 А хто у насъ неженатый?
 Лели, лели, лели....

А хто у насъ неженатай
Бѣлый кудреватай?
У насъ Иванушка холостъ,
Григорьевичъ неженатай,
Григорьевичъ неженатай,
Бѣлый кудреватай.

60. А сказали: Иванушка—
Онъ богатъ, богатъ живётъ,
У него денегъ много,
У него три закрома.
Первый закрома рублевика,
Другой закрома полтиннички,
Третій закрома гривеннички.
Рублевички по домашнему,
Полтиннички коней купить,
Григивеннички дѣвокъ дарить.
—Подари, Иванушка,
Подари, Григорьевичъ!
Если въ тебе денегъ нѣту,
Ты займи въ товарища,
Въ сваво друга милова,
Да у Марьи Тихоновны.
Охъ ты, Марья Тихоновна,
Выкупи съ неволюшки,

Сы большой кручинушки.
61. У воротъ вереюшка
Не вилась, а повилась,
Не сама завивалась,
Завивали плотнички,
Плотнички московскіе,
Топоры королевскіе.
На Ивану кудерцы
Не вились, а повились,
Не сами завивались,
Завивала матушка,
Матушка родимая,
Подъ окошквомъ сидючи,
На младъ мѣсяцъ глядючи,
Да на частыя звѣзды,
Да на бѣлыя зори.

62. Чуешь ли, слышишь ли,
Да Иванушка,
Что про тебе
Красны дѣвки грають?
Дѣвки грають,
Они дару хотять,
Дару хотять, все серебря-
нова.

Въ это время старшая дружка беретъ въ руки кружку и подходитъ къ обыгрываемому и поетъ вмѣстѣ съ подстаршей:

63. Что, что въ столѣ звенить?
Да Иванъ казну воруща,
Григорьевичъ золотую;
Онъ хоча дѣвокъ дарить,
Онъ хоча красныхъ дарить.
—Подари, Иванушка,

Подари, Григорьевичъ!
Не рублемъ, полтиною,
Золотою гривною;
Изъ гриввы копѣечку,
Изъ копѣечки копьемъ,
Ты живи сабѣ статьемъ.

Обыгрываемый бросаетъ въ кружку коп. 5—10, а дружки поютъ:

Спасибо, Иванушка,

Спасибо, Григорьевичъ!

Когда же обыгрываютъ женатыхъ, то поютъ другія пѣсни; первая изъ нихъ слѣдующая:

64. Что по бугрику боченокъ
Катается,
Что Антонъ надъ женою
Величается:
—Ты, Прасковьюшка, устань,
Моя ягодка, проснись,
Разобуй, разодѣнь,
Распоясавай скорѣй!
—Да я бѣ рада разула,
Я не знаю, какъ назвать,
Позабыла величать.
А мнѣ люди сказали,
Что Антономъ зовутъ,
А другіе сказали,
Что Семеновичъ.

65. Какъ у насъ нонѣ диво,
Дивованьце большое.
Середь лѣта, Петрова дня,
Сине море замерзало
И снѣгами западало,
Мятелицей заметало.
Какъ по той бѣлой порошокъ
Государь Антонъ гулял,
Бѣлы снѣги расчишая,
Прорубочки прорубая,
Шелковъ неводъ запуская,
Хоча рыбушку ловить,
Прасковьюшку накормить,
Макаровну напоить.
Свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами,
Ясно солнце съ лучами,
Прасковьюшка съ дочерями,
Да что съ ясными зарями,
Антонюшка съ сыновьями,
Да что съ ясными соколами.

66. Не повѣвай, не повѣвай,
Да буенъ вѣтерокъ,
Не всколыши, не всколыши
Бѣлова полога,
Не разбуди, не разбуди
У Антона жену:
Ево жена, ево жена
У пиру была.
Съ пиру пришла,
Сына родила,
Кумъ то былъ
Генеральскій сынъ,
Кума была
Съ Новагорода;
Кумъ то далъ
Полтора рубля,
Кума дала
Полтора холста.

67. Сидитъ воробъ на конопелькѣ,
Кличитъ воробъ воробушку:
—Перелети, воробушка,
На мою конопельку,
На мою зеленую;
Конопель зеленая,
Ёдрушка ядрѣная.
Сидитъ Антонъ на короватѣ,
Кличитъ Антонъ Прасковьюш-
ку:
—Поди, поди, Прасковьюшка,
Поди, поди, Макаровна,
На мою короватку,
На мою тесовую;
Короватъ тесовая,
Перина пуховая.

Далѣ денегъ просятъ такъ же, какъ и у холостыхъ. Вечеринка эта продолжается далеко за полночь. На эту вечеринку женихъ приноситъ невѣстѣ „гостинцевъ“: орѣховъ, пряниковъ, конфетъ и т. п., и кладетъ ихъ на столъ передъ ней, а она взамѣнъ этого кладетъ передъ женихомъ подсолнечниковыя сѣмена. Когда кончится вечеринка и женихъ уходитъ домой, то, провозая его, дружки поютъ:

68. Бѣлъ зайшка, бѣлъ зайшка,
 Бѣлъ зайшка, горнастаюшка,
 Идѣ ты былъ,
 Поздно вечеромъ гулялъ?
 Ай у тебе, гдѣ привадушка
 есть?
 Привадушка, привадушка,
 Привадушка, камышь тра-
 вушка,
 Камышь трава, камышь трава,
 Камышь трава, ключевая вода?
 Ой младенькій, ой младень-
 кій,

Ой младенькій, младъ Ива-
 нушка,
 Идѣ ты былъ, поздно вечеромъ
 гулялъ?
 Ай у тебе гдѣ привѣтушка
 есть?
 Привѣтушка красна дѣвушка
 Привадила добра молодца къ
 себѣ,
 Заставила часто въ гостиюшки
 ходить,
 Заставила все гостинчики но-
 сить.

Недѣли черезъ двѣ или черезъ три послѣ пропойки, назначается свадьба. Наканунѣ дня свадьбы, вечеромъ, бывають „сговоры.“ Для этого, какъ и на пропойкахъ, родственники жениха собираются въ домъ къ родителямъ жениха и, взявъ съ собой жениха, идутъ къ невѣстѣ; во время пути поютъ уже знакомую намъ пѣсню: „Я во високомъ теремѣ сажу“ (№ 40); если идти далеко, то поютъ еще слѣдующую:

69. У рано, рано
 А что стучить, что гремить
 Во високомъ теремѣ?
 Да Иванова матушка,

Да Иванова родная
 Всю ночушку не спала,
 Все Иванушку вбирала (соби-
 рала):

— Да Иванушка дитятко!
Поѣдешь ты жениться,
Стрѣнуть тебе шурьяки
И съ пивами, съ винами,
Стануть тебе честовать,—

Ты не пей винца изъ кубца,
Вылей коню на гриву:
Стань моя грива колесцомъ,
А Иванушка молодцомъ!

Подходя въ дому невѣсты, поютъ слѣдующую пѣсню:

70. — Узумѣешь ли, ой Марьюшка,
Иванушку сустрѣть?
— Узумѣю, разумѣю,
Ишо вывѣдаю,
Я Иванушку сустрѣну

Среди сваго двора,
За праву руку возьму,
Въ высокъ теремъ поведу,
Въ высокъ теремъ поведу,
За дубовый столъ посажу.

Затѣмъ пришедшіе оставляютъ жениха на дворѣ, а сами идутъ въ избу. Здѣсь, какъ и на пропойкахъ, родня невѣсты садится, а родня жениха стоитъ. Усадивъ гостей, начинаютъ подносить имъ водку и вино. Въ это время дружки вводятъ невѣсту въ комнату (до того времени она сидитъ въ другой комнатѣ или—чаще всего—въ чуланѣ) и ставятъ ее посрединѣ между собой. Когда гости выпьютъ по два стагана, то вводятъ жениха, и онъ долженъ найти между дѣвушками свою невѣсту. Гости же въ это время поютъ:

71. Ясмѣнь соколъ прилеталь,
Чечетушку выкликаль:
„Чечетушка, вылетай,
Рахманная, выпорхай!“
Иванушка прїѣзжалъ

На ворономъ на коню,
Онъ Марьюшку выкликаль:
„Ой, Марьюшка, выходи,
Тихоновна, выступи!“

Женихъ, найдя невѣсту, беретъ ее за руку, ведетъ на средину комнаты и становится, обратившись лицомъ къ столу. Отецъ невѣсты спрашиваетъ его:

— Ты кто такой?

— Купецъ.

— Что же ты покупаешь?

— Не лисицъ, не буницъ, а красныхъ дѣвицъ.

Въ это время гости поютъ:

<p>72. По загуменью ясмёнъ соколъ летая, Онъ летая, летая, порхая, По полету черныхъ галокъ выбирая. Да онъ выбрать себѣ галуш- ку черную, Онъ черную, черную чепур- ную. Да что галушка у сокола про- силась: — „Ты пусти, пусти, ясмёнъ соколъ, на волю, Съ черными полгами, съ чер- ными полгами полетати, Полетати, полетати, попыр- хати“. — А я пушу, а я пушу, ты не будешь, Про мене ли ясна сокола забудешь. — „Жива буду, жива буду—не забуду, Поколь сгину, поколь сгину, не покину“.</p>	<p>Какъ по терему Иванушка гуляя, По походекѣ красныхъ дѣвокъ выбирая. Да онъ выбрать себѣ дѣвуш- ку бѣлую, Онъ бѣлую, бѣлую, румяную. Да что Марьюшка въ Ива- нушки просилась: — „Ты пусти, пусти, Ивануш- ка, на волю, Да на волю, на волю къ крас- нымъ дѣвкамъ, Съ красными дѣвками по- играти, Поиграти, поиграти, попля- сати“. — Я я пушу, а я пушу, ты не будешь, Про мене ли доброва молодца забудешь. — „Жива буду, жива буду— не забуду, Поколь сгину, поколь сгину, не покину“.</p>
--	---

Послѣ этого, жениха, его родителей и нѣкоторыхъ болѣе или менѣе почетныхъ родныхъ дарятъ платками. „Дружко“ (какую роль играетъ дружко—будетъ сказано ниже) наливаетъ стаканъ водки, ставитъ его на поднось, кладетъ туда же подарокъ и подаетъ жениху, а женихъ вмѣстѣ съ невѣстой подаетъ все это родителямъ или подноситъ, кому предназначается этотъ даръ.

При этомъ гости поютъ:

73. Вечёръ наша ой Марьюшка
Тужила-горевала,
Она тужила-горевала,
Чи жало (тяжело) воздыхала:
— Дѣвушки-подруженьки,
Ой какъ же мнѣ быти,
Чѣмъ же я лютова свекра
Подарить то буду?
Подарю я лютова свекра
Тонкою рубашкой,
И тонкою и бѣлою
Ишо альяноу.

74. Ой на морѣ, ой на морѣ
На синемъ, на синемъ, на,
синемъ,

Лежала тамъ
Тонка, гибка досточка.
На досточкѣ ой Марьюшка
стояла,
Тонки, бѣлы рубашечки мы-
вала.
По бережку Иванушка гуляя,
Съ правой руки винтовочку
справляя,
По бѣлому по лебедю стрѣляя,
У лебеда лебедушка подъ
крыльцомъ;
Въ Иванушки ой Марьюшка
подъ бочкомъ,
Подъ правой рукою.

Затѣмъ гости идутъ къ жениху въ домъ, а дружки слѣдшать сѣсть за столъ, чтобы не дать мѣста жениху. Дружко обязанъ выкупить мѣсто, заплативъ дѣвкамъ копѣекъ 15—20. Когда дружко торгуется за мѣсто, дружки поютъ:

75. Заборливый дружко
У теремъ заборился,
Съ дѣвками поборился.

Дѣвки дружка били,
Подъ полъ завалили,
Соломоу запалили.

Когда дружко купитъ мѣсто, то дядька заводитъ жениха и невѣсту за столъ и дружки начинаютъ обыгрывать жениха, а затѣмъ и другихъ. Обыгрываютъ такъ же, какъ и на пропойвахъ, съ тою только разницею, что въ этотъ вечеръ невѣста угощаетъ ужиномъ жениха и дружекъ.

Гости, уходя отъ невѣсты къ жениху, поютъ знаемую уже намъ пѣсню „А были мы, были на рыночку“ (№ 46) и еще:

76. Ой ковано, бушевано колесо
Катилоса, катилоса далеко,

Приватилось, прикатилось ко
городу.

Во городѣ, во городѣ столѣ
 стоять,
 А за столомъ бояре,
 Промежъ бояръ младѣ дружко,
 Глади коня, глади воронова
 По бедрамъ.

—Быть табѣ, коню, въ извозѣ,
 Подъ раннею свахою.
 Чижала свашка на подъѣмъ:
 Семеро коней не везуть,
 Калиновы мосты не держать.

Подходя ко двору жениха, гости поютъ:

<p>77. Чей то дворъ, чей то дворъ?
 Побываль бы въ немъ, побы-
 валь.
 Чей то теремъ, чей то теремъ?
 Побываль бы въ немъ, побы-
 валь.
 Чей то столъ, чей то столъ?
 Посидѣль бы за нимъ, поси-
 дѣль.</p> | <p>78. У утушки, у сѣренькой
 Короткаи ножки
 У Григорьюшки у Давыдьви-
 ча (отецъ жениха)
 Полюбовные гости.
 Они жѣ въ ево, они жѣ въ
 ево
 И пили, и ѣли,
 Веселы сидѣли.</p> |
|---|--|

Въ тотъ день, когда назначено вѣнчаніе, утромъ, вмѣстѣ съ зарею, невѣста выходитъ на дворъ „голосить по зарѣ.“ Впрочемъ, инныя невѣсты, въ особенности тѣ, которыя выходятъ не по своей волѣ, голосять почти каждое утро со дня пропоекъ. Голошенье состоитъ въ томъ, что невѣста выходитъ на дворъ и плачетъ, весьма жалобно выводя.го-лосомъ слѣдующія слова:

79. Выду я на бѣлую зореньку,
 Покличу я свою волю дѣвичью.
 Прошла моя воля,
 Прокатилася;
 Ты вернись моя воля
 Черезъ три года!
 Немножео я повольничала

У сваво батюшки,
 У сударыни матушки.
 Послѣднюю я зорюшку
 У сваво родимова батюшки
 На ево подворья широкому
 Кличу свою волю дѣвичью.

Если у невѣсты нѣтъ въ живыхъ отца или матери, то она послѣ голошенья по зарѣ начинаетъ голосить „до

мертвому“. По мертвому голосать уже совсѣмъ иначе, нежели по зарѣ: тутъ нѣтъ опредѣленныхъ словъ, а голосящая на извѣстный мотивъ причитываетъ, что ей Богъ на душу положить.

Часовъ въ 10—11 утра дружка ведетъ жениха къ невѣстѣ; его сопровождаетъ вся родня, которая въ этомъ случаѣ называется боярами, а женихъ называется молодымъ княземъ, вся же процессія—поѣздомъ. Поѣздъ бываетъ или пѣшій или конный; въ послѣднемъ случаѣ женихъ съ дядькой ѣдутъ верхами, а дружка впереди ихъ на повозкѣ. Какъ только поѣздъ приблизится ко двору невѣсты, то родные невѣсты стараются запереть ворота и не пустить поѣзда на дворъ. Мужчины со стороны жениха отбиваютъ ворота, тутъ иногда завязывается драка не на шутку, но чаще всего дѣло оканчивается миромъ. Послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ отбить ворота, дружка даетъ выкупъ въ видѣ кварты водки, и бояре со стороны невѣсты отворяютъ ворота и впускаютъ поѣздъ.

Невѣста въ это время сидитъ за столомъ и голосить. Когда поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ, невѣсту вводятъ въ чуланъ; тамъ дружка беретъ рубашку и юбку невѣсты, въ которой она будетъ вѣнчаться, и сбрызгиваетъ ее нашептанной водой, для того чтобы этимъ предохранить невѣсту отъ заговоровъ злыхъ людей. Вообще роль дружка въ томъ и состоитъ, чтобы предохранять молодыхъ отъ порчи; съ этою цѣлью онъ постоянно то сбрызгиваетъ ихъ наговоренной водой, то даетъ имъ пить этой воды и т. п.

Нарядивши невѣсту какъ подобаетъ въ вѣнцу, дружка вводитъ ее въ избу; тутъ она прощается съ родителями и другими близкими родными, причемъ родители благословляютъ ее иковою и хлѣбомъ-солью. Невѣста, влянаясь отцу, просить у него прощенія, а бояре поютъ:

80. Шелкова ниточка къ стѣнкѣ вѣсть, Ой Марьюшка батюшкѣ че- ломъ бѣть:	—Прости мене, батюшка, бла- гослови Къ Божьему суду йти, къ вѣнчанью!
--	--

Попрощавшись съ кѣмъ слѣдуетъ, невѣста садится за столъ; рядомъ съ нею садится „свашка.“ Свашка—это молодая женщина, родственница невѣсты; обязанность ея—быть помощницей дружка. Сѣвъ около невѣсты, она беретъ хлѣбъ-соль и икону и владеть все это въ большую деревянную миску, туда же кладутъ двѣ деревянные ложки, насыпаютъ немного хмѣлю и бросаютъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Въ это время одинъ изъ братьевъ невѣсты идетъ „продавать косу.“ Онъ садится за спину невѣсты, беретъ въ руки ея косу и торгуется съ дружкомъ, а бояре поютъ:

81. Торгуйся, братецъ, за сестру, Да проси за сестру сто рублей,	А за русу косу тысячу.
---	------------------------

Братъ беретъ изъ рукъ дружка стаканъ водки и нѣсколько копѣекъ денегъ и выходитъ изъ-за стола, а ему поютъ:

82. Татаринъ, братецъ, татаринъ, Продалъ сестрицу за чару,	А русу косу за гривну!
---	------------------------

Послѣ этого вводятъ жениха, который въ продолженіе всей предшествовавшей церемоніи обязанъ былъ находиться на дворѣ, и сажаютъ его около невѣсты. Въ этомъ случаѣ говорятъ, что молодые „сидятъ на посадѣ“. Бояре въ это время начинаютъ обѣдать, но женихъ и невѣста отнюдь не ѣдятъ весь этотъ день. Во время обѣда поютъ слѣдующія пѣсни:

83. Рано, рано, Что за церквою, за нѣмецкою	Сылеталися сизые голуби, Посадилися вокругъ озера,
--	---

Вокругъ да широкова.
Они пьютъ-ѣдятъ,
Веселы сидятъ.
Какъ одинъ голубъ сы голуб-
кою
Онъ не пьетъ, не ѣстъ
Невесель сидитъ.

84. Не стой, верба, надъ водою,
Не стой, верба, надъ быстрою,
Хоть стой, не стой, развивай-
ся,
Развей сабѣ семьсотъ вѣтокъ,
Развей сабѣ три-четыре
Три-четыре молодыхъ;
Всѣмъ боярамъ по вѣточкѣ,
Всѣмъ боярамъ по вербовой,—
Одному дружку вѣтки иѣту,
Ему вѣтка—ранняя свашка,
Она ему не вѣковая,

Она ему часовая.
Одному Иванушкѣ вѣтки иѣту,
Ему вѣтка ой Марьюшка,
Ему вѣтка Тихоновна,
Она ему не часовая,
Она ему вѣковая.

85. Черная галушка
На равитѣ сидѣла;
Хотѣла она
Ракиту поломити,
Не поломила,
Только похилила.
Красная наша Марьюшка
На посадѣ сидѣла,
Хотѣла она батюшку взвесели-
ти,
Не взвеселила,
Только прослезила.

Тотчасъ послѣ обѣда, молодыхъ ведутъ въ церковь, а оттуда прямо въ домъ къ жениху. Тутъ молодую „повиваютъ“, т. е. расплетаютъ у ней косу, заплетаютъ волосы въ двѣ косы и надѣваютъ ей на голову шляпку. Во время повиванья поютъ:

86. Да приѣхала свашенька
Съ Новагорода,
Начала мою косушку
И рвать, и метать,
И рвать, и метать
Косу на-двое заплетать.

Съ дѣвки молодичу.
Ой на хатѣ зелье,
А въ хатѣ веселье,
За столомъ бояре,
Какъ макъ расцвѣтають.

87. Повили хохлушечку
Иванову душечку,
Вотъ такъ снарадили,
Какъ сами схотѣли:
Съ муки пеленицу—

88. Слава Богу, я сына женила,
Я невѣстунку узала,
Я голубушку привела,
Я туды-суды пойдю,
Ее таки упередъ пошлю.

На другой день молодые дарятъ всѣхъ родныхъ: кого рубахой, кого платочкомъ, за что тѣ въ свою очередь одариваютъ, смотря по состоянію, кто коровой, кто овцой, кто деньгами. Во время даровъ поютъ:

89. Ой роды, роды богаты,
Дарите скоты рогаты!
А вы, сестрички, телички;

А вы, брателки, хоть бычки;
А вы, преданки, серпанки;
А вы, печурки, хоть шкурки!

Когда одарятъ всѣхъ родныхъ, начинается обѣдъ, послѣ чего всѣ гости идутъ къ родителямъ невѣсты, а оттуда по порядку ко всѣмъ роднымъ. Такъ продолжается дня три-четыре, а иногда и цѣлую недѣлю, смотря по количеству родственниковъ. Въ заключеніе идутъ къ жениху „концы хоронить.“ Тутъ ужинаютъ, причемъ ѣдятъ обыкновенно курей. Этимъ и заканчивается свадьба.

Кромѣ всѣхъ изложенныхъ пѣсень, есть еще такія, которыя поются въ разное время дня и года. Пѣсни эти по содержанію, главнымъ образомъ, можно раздѣлить на военныя и любовныя. Но между ними есть и такія, содержаніе которыхъ не подходитъ ни подъ тотъ, ни подъ другой разрядъ. По темпу ихъ можно раздѣлить на скорыя и протяжныя. Пѣсни эти или сочиняются служащими казаками, у которыхъ есть довольно много досуга для того во время ихъ вордонной службы, или перенимаются ими отъ другихъ казаковъ.

Сочиненная вновь пѣсня скоро дѣлается модною, ее поютъ безпрестанно до тѣхъ поръ, пока не явится на смѣну ей другая новая пѣсня. Такимъ образомъ пѣсня, бывшая когда то въ модѣ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ совсѣмъ забывается и ее помнятъ развѣ только старики. Но часто слу-

чается, что старая, очень старая пѣсня, пропѣтая вновь какимъ нибудь старикомъ, дѣлается опять модною.

По происхожденію эти пѣсни можно раздѣлить на старинныя, и новѣйшія. Содержаніе первыхъ приурочено, по большей части, въ рр. Кубани и Лабѣ, а послѣднихъ въ Закавказскому краю. Это объясняется тѣмъ, что до замиренія кавказскихъ горцевъ казаки служили на рр. Кубани и Лабѣ, а послѣ за Кавказомъ, на Турецкой и Персидской границахъ. Но и въ этомъ отношеніи весьма трудно сдѣлать точное подраздѣленіе. Поэтому, при изложеніи этихъ пѣсенъ, мы не будемъ придерживаться строгаго систематическаго дѣленія, а приведемъ сначала нѣкоторыя военныя пѣсни, потомъ семейныя и любовныя, а въ концѣ нѣсколько новыхъ пѣсенъ для характеристики современнаго творчества.

90. Ужъ какъ по лугу-лужечку,

По крутому бережечку,

Тамъ ходила, тамъ гуляла

Удовушка молодая;

За собой она водила

Своихъ мажыхъ дробныхъ дѣтокъ.

Она ходила и гуляла,

На хоромы узглядала.

— „Вы, хоромы, вы, мои хоромы,

Развеселые теремы!

Почему же вы, мои хоромы,

Пораскрытыя стоите?

Али въ васъ, мои хоромы,

Хозяина дома нѣту?“

— Хозяинъ нашъ умеръ

За рѣчкою за Лабюю.

91. Ужъ вы, горы мои,

Горы крутыя!

Вы позвольте, горы,

Дли (подлѣ) васъ постояти:

Намъ не годъ годовати,

Одну ночь ночевати,

Свинецъ-порохъ получати.

92. Подъ горою было, подъ крутою,

Да подъ каменною подъ стѣною,

Тамъ спали два братца,

Спали они спочивали.

Да что старшій братецъ

Меньшему брату говоря:

— Ты устань, братецъ,

Братецъ, подымися,

Да отъ сна, братецъ, пробудися!

— Не могу то я встати,

Головы, братецъ, подняти

Су вчерашняго, было, похмѣльица.

Нопоили мене князья горскіе,

Напоили мене тремя пивами.
 Что первое пиво—пуля свинцовая,
 А второе пиво—шашка острая,
 А третье пиво—мечъ булатный.

93. Ужъ вы, горы мои,
 Горы закавказскія!
 А на тѣхъ на горахъ
 Стоитъ сыр-зеленый дубъ;
 А на томъ на дубѣ
 Сидитъ сизокрылый орелъ.
 Во когтяхъ то онъ держитъ
 Да чернаго ворона.
 Онъ не бьетъ, не клюетъ,
 А только спрашиваетъ:
 „Гдѣ ты, черный воронъ, былъ,
 Да гдѣ ты прогуливался?“
 —Да я былъ-побывалъ
 Въ горахъ закавказскихъ;
 Изъ-подъ тѣхъ изъ-подъ горъ
 Течетъ быстрая рѣченька,
 А надъ той надъ рѣкой
 Стоитъ кустъ ракиновый,
 А подъ тѣмъ подъ кустомъ
 Разостлана бурочка,
 А на бурочкѣ лежитъ
 Удалъ добрый молодецъ;
 Онъ не такъ то лежитъ,
 А лежитъ онъ крѣпко раненый.

94. Что подъ грушею было,
 Было подъ кудрявою,
 Молодой то ли казакъ,
 Да казакъ все починъ держаль,
 Онъ починъ то держаль,
 Казакъ все коня кормилъ

И кормилъ то коня,
 Онъ его выглаживалъ,
 Казакъ все коня распрашивалъ:

—Почему же ты, конь,
 Ты не пьешь, не ѣшь,
 Не весель стоишь?
 Все состарила тебя
 А все только служба царская?
 Чижала тебѣ чужая сторона
 Чижало тебѣ сѣдло черкесское?

—Не состарила мене
 А все только служба царская,
 Не чижилая мнѣ чужа сторона,
 Не чижилое мнѣ все сѣдло черкесское,—
 Чижиломъ мнѣ чижало,
 Когда ты пьяный папиваешься,
 Да и мною, конемъ, а ты выхваляешься.

95. Сторона ли ты моя.
 Вотъ моя стороноушка,
 Сторана моя чужая!
 Да не самъ то ли я
 На это стороноушку,
 Не самъ я зашелъ-заѣхалъ:
 Занесло мене, раздоброва молодца,
 Занесло мене неволею.

96. Ты береза моя,
 Да моя кучерявая!
 Ты не стой, ты не стой,
 Не стой надъ быстрой рѣкой:
 Эта рѣчущка
 Бѣжитъ, не утомится
 Она врозь разольется.

Разливалась рѣчка
 Она по желтымъ пескамъ.
 Какъ расплакался
 Вотъ нашъ молодой казакъ
 Предъ своимъ то паномъ—
 Молодымъ полковничкомъ:
 „Да ты, батюшка нашъ,
 Молодой полковничекъ!
 Ты пусти, ты пусти
 Мене сы полка домой:
 У мене то дома
 Случилось несчастье,
 Какъ и померъ то мой
 Родименькій батюшка,
 А родимая моя матушка
 Да лежитъ она—преставляется.“

97. Нашъ полковникъ господинъ
 Себе орденъ получилъ,
 Намъ походецъ объявилъ:
 Мы походовъ не боимся,
 Больше радуемся;
 Мы на-конь сядемъ, поѣдемъ,
 Сами пѣсни запоемъ:
 —Ты прости, прощай,
 Наша станица!
 Прощай, здѣшній край родной!
 Наши жены стоятъ наряжены,
 Насъ не чають проводить.

98. Охъ вы, братцы, вы мои то-
 варищи,
 Братцы мои!
 Не покиньте мене, братцы,
 А ли да при бѣдности,
 Братцы, таковой
 При печали,
 Братцы, при большой!
 Ой какъ взыгрался

Да мой вороной конь,
 Братцы, подо мной,
 Сывалилася
 Вотъ черная шапочка
 Она сы буйной моею головы;
 Оторвался
 Мой булатный мечъ
 А онъ сы правова,
 Братцы, сы плеча.

99. Да ходилъ, гулялъ по базару,
 Какъ за нимъ то ходять,
 Ходять два турецкіе
 Да жалнерики молодые;
 На-голо то они носятъ
 Вотъ востраи свои шашечки.
 Какъ ево то было
 Вотъ доброва молодца
 Загубить ево хотять;
 Вотъ буйную ево головушку
 Да хотять съ ево плечь сва-
 лити.

100. Какъ и мать то сына
 Въ походъ его провожала,
 Хорошо то сыну она прика-
 зывала:
 —Ты пойдешь, ты пойдешь,
 Вотъ милое дитятко,
 На чужую сторону,
 Не берись же ты, не берись,
 Не берись а ты во знамен-
 щики;
 Во знаменщикахъ быть—
 Надо на-передъ итить,
 На-передъ итить—
 Всѣ убитому быть.

101. По улицѣ по шировой

- Туманъ разстился;
 Какъ по этомъ по туманѣ
 Сизъ голубъ летая;
 Онъ летая, летая,
 Голубку шукая (ищетъ).
 Голубушка улетѣла
 На синее море,
 Да на синее море,
 На крутъ бережочекъ,
 На желтый песочекъ.
 Тамъ казакъ платъе мой,
 Да онъ мой, не моя,
 Самъ голосомъ воя:
 — „Не казацкое то дѣло,
 Что мытъ платъе бѣло,
 А казацкое дѣло
 Во строю стояти,
 Ружье заряжати,
 Подъ черкесь стрѣляти.“
102. Надъ горою надъ высокой,
 Надъ долиной надъ широкой
 Ты взойди, взойди, солнце
 красное,
 Обогрѣй ты насъ, людей бѣд-
 ныхъ!
 Мы люди бѣдные, казаки
 военные.
103. Не чернымъ то черно
 Поле зачернѣлося;
 Какъ успахано поле
 Оно не плугами,
 Не плугами поле,
 Оно не сохами,
 А успахано поле
 Конскими копытами,
 А усѣяно поле
 Казацкими головами.

104. Да не воронья чернѣють
 По вершинамъ горъ,—
 То черкесы въ бурвахъ чер-
 ныхъ
 Строятъ свой заваль.
 Они строятъ, поспѣшаютъ:
 Гостей страшныхъ ждутъ.
 Какъ зарѣчкою, за Курсавкою
 Русский отрядъ идетъ:
 По-переду то идетъ храбрый
 Гейманъ,
 Ишо храбрѣй то ево
 Князь Чеченскій.
105. Ой сылетались, ой сылетались,
 Сылетались соколики съ сторо-
 ны,
 Ой сѣли-пали, ой сѣли-пали,
 Сѣли-пали къ удовушкѣ въ на
 дворѣ.
 Крылушками, крылушками,
 Крылушками широкай дворъ
 размели,
 Голосами, голосами,
 Голосами удовушку будили:
 — Устанъ-проснись, удовушка
 молода!
 Чужи мужья сы походу идутъ,
 Тваво мужа ворона коня ве-
 дутъ,
 Сѣделице на бѣлыхъ рукахъ
 несутъ,
 Тѣло бѣло въ черной буроч-
 кѣ везутъ.
106. Ты воспой, ты воспой,
 Младъ соловьюшекъ,
 Ты воспой, воспой
 Пѣсню новую,

Пѣсню новую,
 Молодецкую,
 Про мене то, младца,
 Про невольничка!
 Хорошо то вамъ жить,
 Жить на волоушѣ,
 А и мнѣ то, младцу,
 Жить въ неволушкѣ,
 Во неволушкѣ въ земляной
 тюрьмѣ!

107. По горамъ, горамъ,
 По турецкимъ по скаламъ
 Орудейный звукъ несется:
 Весь турецкій край дрожить,
 А въ насъ слухи пронеслися:
 Храбрый воинъ къ намъ бѣ-
 жить,
 Храбрый воинъ у насъ Гей-
 манъ,
 Закавказскій нашъ орелъ,
 Закавказскій нашъ орелъ,
 Мы всѣ славимся по немъ.
 Онъ аулы разоряетъ
 И всѣхъ турокъ не щадить;
 А кто ему вѣрно служить,
 Таво щедро наградить.
 Вынимаетъ мечъ булатный,
 Бѣжитъ прямо на заваль;
 Загремѣли ружья, пашки,
 Бьютъ мы турокъ наповаль.
 Пройдемъ горы и всѣ воды,
 И всѣ темные лѣса,
 Вспомнимъ Бога и присягу:
 Намъ помогутъ небеса.

108. Выду за ворота—
 Тамъ камышъ и болота,
 Выду а я за новыя—

Тамъ травушка зеленѣя.
 Тамъ травушка зеленѣя,
 Мое сердечушка ноя,
 Ноя сердце, понывая,
 Что милова дома немая.
 Уже свѣтъ бѣлѣнькій—
 Да идетъ же мой милѣнькій,
 На порогъ вступаетъ
 Чижалехонько вздыхаетъ.
 —Гдѣ ты, милая, шлялся,
 Гдѣ ты, дружекъ, волочился
 Ночною порою
 Да съ чужой женою?
 Чѣмъ чужая жена лучше,
 Чѣмъ чужая жена краше?“
 —Червоныя монисты
 Подошли младцу подѣ мысли,
 Ласковыми словами,
 Да что черными бровями,
 Тихая походка,
 Веселая поговорка.

109. Какъ на зоренькѣ было,
 Вотъ было на утренней—
 Случилось мнѣ
 Мимо саду ѣхати,
 Случилось мнѣ
 И слѣзть да послушати,
 Какъ и мужъ то жену
 Бабочку журить, бранить,
 Онъ ее убить хотить.
 Какъ жена то мужа
 Она приговаривала:
 —Да ты, мужъ, ты, мой мужъ,
 Да ты, родный мужъ,
 Ты не бей то мене
 Младу въ зеленомъ саду.
 Какъ на утрѣ было—
 Дѣточки проснулись,

По корватушкѣ они поразла-
зились,

Родную матушку
Они повзыскались.
—Да ты, батюшка нашъ,
Да идѣ жъ наша
Родимая матушка?
—Ваша матушка
Бѣлится-румянится,
Съ молодымъ то купцомъ
Гулять собирается.
—Ой да неправду ты
Намъ говоришь:
Наша матушка
Въ зеленомъ саду
Лежить подъ колодою.

110. Несчастливая дѣвушка зароди-
лася,

Разгнѣвался батюшка
На мене горькую,
Отдалъ мене батюшка
Замужъ далече,
Далече, далече—
За Волгу рѣку;
И велѣлъ мнѣ батюшка
Семь лѣтъ не бывать,
Неродная мачиха—
Хоть вѣкъ не видать.
Я годъ жила, младешенька,
Я другой жила,
На третій годъ, младешень-
ка,
И скучилася.
Пойду-ка я, младешенька,
Въ городъ на базаръ,
Куплю себѣ, младешенька
Сизыя крылушки,
Скинуся я, младешенька,

Кукушечкою,
Полечу я, младешенька,
Въ батюшкинъ во садъ,
Закукую я, младешенька,
Кукушечкою.
Родименькій батюшка
По сѣнничкамъ ходя,
Невѣстусшекъ-голубусшекъ
Пробуживая.

—„Не наша ли то горькая
Въ зеленомъ саду;
Коли наша горькая—
Лети во теремъ,
А не наша горькая—
Лети съ саду вонъ.
Эта пѣсня очень старая.

111. Какъ носила мене моя ма-
тушка,

Она все стогнаючи,
Породила мене государыня,
Она умираючи.
Какъ сдумѣлъ мене
Родименькій батюшка
А онъ уснуть, усвормить,
Не сдумѣлъ мене
Родименькій батюшка
А онъ замужъ выдати.
Какъ не отдалъ мене
Родименькій батюшка
За князя-полковничка,
А отдалъ мене
Родименькій батюшка
За вора-разбойничка.
Какъ сы вечера
Воръ-разбойничекъ
А онъ сталь коня сѣдлатъ,
Сы полуночи
Воръ-разбойничекъ

А онъ сталъ съ двора съѣз-
жать;

Какъ узѣхалъ
Ворь-разбойничекъ
А онъ на высокій курганъ,
Какъ и свистнулъ
Ворь-разбойничекъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
— Сылетайтесь, орлы сизо-
крылые,
Вы, братьцы-товариши!

112. Не ходи ты, бѣль-кудрявый,
Мимо маво саду,
Не топчи ты, бѣль-кудрявый,
Ты мою разсаду:
Я не для тебе садила
Не для тебе поливала:
Я садила, поливала
Для дружка милова,
Для дружка, дружка милова,
Батюшки роднова!
Онъ нечасто въ гости ѣздя,
Недолго гостюя;
Онъ недолго гостюя,
Одну ночь ночуя;
Одну ночушку ночуя
И ту протосуя,
Подъ окошкомъ спать ло-
жится,
Окошко отворяя;
Онъ окошечко отворяя,
Свѣту дожидая.

113. А молодость, молодость,
Дѣвичая красота,
Молодецкая сухота!
При чемъ тебе, молодость,
При старости вспомянуть?

Вспомянуть тебе, молодость,
Тоскою-кручиною,
Тоскою-кручиною—
Великой печалю.

114. На прекрасѣ стоялъ городъ
на горѣ.
Тамъ ходилъ, тамъ гулялъ
Беззаботной мальчишечка,—
чей такой?
Какъ и нѣтъ у ево заботуш-
ки никакой,
Только есть у ево воть одна
забота—
Есть ревнивая воть шельма
жена.
Не пускаетъ воть ево жаненка
Да гулять ево на всю ночь.
— Не послушаю я воть свою
жаненку,
Пойду гулять на всю ночь,
Да приду домой во самую во
полночь.

115. Да пойдете мы, братьцы,
Вдоль по улицѣ,
Да зайдете мы, братьцы,
Во паревъ кабачекъ,
Да и садимъ мы, братьцы,
Вдоль по лавочкѣ;
А онъ догадается,
Поднесетъ ли намъ хозяинъ
А онъ да по рюмочкѣ,
Али да по рюмочкѣ
А все сладкой водочки.

116. А сказали про милова,
Что не живъ онъ, не здоровъ,
Что не живъ онъ, не здоровъ,

Будто безвѣсти пропаль;
 Да вечеръ же мой миленькій
 Вдоль по улицѣ прошелъ,
 Да любимую свою пѣсенку
 На свисточекъ просвисталъ,
 Да душѣ красной дѣвицѣ
 Въ теремъ голосъ подавалъ,
 Чтобы красная дѣвица
 Не дремала, не спала,
 Къ себѣ милова ждала,
 Чтобы красная дѣвица
 Не тушила воскову свѣчу.
 — Да давно я тебѣ, миленькій,
 Давно тебѣ говорю:
 Ты убей, убей, миленькій,
 Свою угрюмую жену!
 — Да моя угрюмая жена
 Сына она мнѣ родила;
 И всѣ то она родинушки,
 Она сама отбыла.

117. Ой да ты, полыня,
 Ты, моя полыня,
 Полынюшка, трава горькая!
 Да не я вотъ, моя полы-
 нюшка,
 Да не я али тебе съяла?
 Да сама вотъ, моя полы-
 нюшка,
 Да сама же ты уродилася.
 Занимала вотъ, моя полы-
 нюшка,
 Землю самую ни лучшую (т.
 е. самую лучшую),
 По которой, было,
 Сладкій бѣлый виноградъ,
 Ой виноградъ растеть.

118. Ой да не двѣ ластушки,

Въ полѣ двѣ касатушки,
 Въ полѣ онѣ увивалися.
 Увивалася вотъ красная дѣ-
 вунка

Въ младца въ короватушки;
 Пробуждала она ево,
 Вотъ добрава молодца
 Отъ сна ево пробуждала!
 — Ты устань, ты проснись,
 Удадь добрый молодець,
 Отъ сна пробудися!
 Какъ твои то, было,
 Вотъ братья-товарищи
 Они у воротъ стоять,
 Во рукахъ то держать
 Они да по ножечку,
 Какъ тебе то, было,
 Вотъ добрава молодца
 Они загубить хотять;
 Какъ мене то, было,
 Вотъ красную дѣвушку
 Они хотять на позоръ,
 На позоръ вывести.

119. Ой да вы, ночи мои,
 Ночи мои темныя,
 Не могу то я васъ,
 Али мои ночушки,
 А я васъ проспять, про-
 ждять,
 А я васъ продумати!
 А я ляжу то спать,
 Спать—не спится мнѣ,
 Милой во снѣ грезится.
 Будто, будто мой милой
 А онъ во дверяхъ стоять,
 Милой за чѣпъ держится,
 А онъ во клѣтъ просится:
 — Ты пусти, ты пусти,

Моя родиманочка!
Я не воръ то пришелъ,
А я не разбойничекъ,
А я прежній то твой
А я полюбовничекъ!

120. Ой да Ваня бѣлай,
Ваня чернобровой,
Молодецъ хорошей!
Ой да ходилъ Ваня—
Ваня по лужечку,
Онъ искалъ слѣдочку.
Ой да не нашелъ онъ,
Ванюша, слѣдочку
И сталъ на тыночку.
Ой да злы собаки
Ваню увидали,
На него брехали.
Ой да къ нему вышла,
Вышла-выходила
Красная дѣвица.
Ой да она вышла,
Вышла-выходила,
Рѣчи говорила:
—Ой да ты самъ себѣ,
Иванюша, шводишь,
Не во время ходишь;
Ой да ты приди-ка,
Ванюша, порою—
Вечерней зарею,
Ой да когда зоренька,
Иванюша, стухнетъ,
Всѣ люди пріуснутъ,
Ой да ни батюшки,
Ни матушки
Дома не случится;
Ой да родны братья—
Братья за стрѣльбою,
Сестры за гульбою;

Ой да невѣстухи,
Али голубушки,
Хотя онѣ дома,
Ой да хотя онѣ дома,
Онѣ вѣдь не скажутъ,
А хоть скажутъ—не скажутъ,
А имъ не повѣрятъ.

121. Любила я сотничка,
Любила полковничка—
Съ тихова Дона,
Съ Дона казака.
Чесалъ казакъ кудерцы,
Чесалъ казакъ русаи
Частымъ рыбьимъ,
Рыбьимъ гребешкомъ.
Расчесавши кудерцы,
Расчесавши русаи,
Черную шапочку
Младецъ надѣлъ;
Надѣлъ онъ шапочку,
Надѣвши онъ черную,
Вдоль по улицѣ,
Младецъ, пошелъ.
Черезъ эту улицу,
Да черезъ широкую
Быстрая рѣчущка,—
Рѣчущка бѣжитъ;
Черезъ эту рѣчущку,
Черезъ эту быструю
Тонкая жердочка—
Жердочка лежитъ;
А по этой жердочкѣ,
А по этой тоненькой
Доброй молодецъ—
Молодецъ пошелъ,
Да тонкая жердочка—
Она обломилася,
Доброй молодецъ—

Младецъ потонулъ.
 Кидалася дѣвушка,
 Бросалася красная
 Быструю рѣчку—
 Рѣчку выливать.
 Не выливши рѣченки,
 Не выливши быстрой,
 Стала рѣчку—
 Рѣчку проклинять:
 —Бодай тебе, рѣченъка,
 Бодай тебе, быстрая,
 Желтымъ пескомъ—
 Пескомъ занесло!

122. Туманы мои темнаи!
 Ничевохонько, было,
 Да сѣвозъ эти туманы
 Ничевохонько невидно.
 Ой да только виденъ, было,
 Да одинъ сыръ дубочекъ,
 Подъ которымъ, было,
 Да я, красная дѣвушка,
 Да весь день я съ милымъ
 простояла;
 Я про все то, про все
 Да съ милымъ дружкой го-
 ворила,

Одно тайное словечко
 Сказать ему позабыла.

123. Ой на горѣ сильный дождь,
 Подъ горою туманъ,
 На мене, на бабочку,
 Вся горя-печаль.
 Поѣхалъ мой миленькій
 На службу на часъ,
 На часъ, на часъ, миленькій,
 Сказалъ: „душечка, прощай!“
 А я, молодешенька,

Во слѣдочень я пошла,
 Всѣ стежки дороженьки—
 Слезой я ихъ улила;
 Среди дороженьки
 Становилася,
 Кричала, гукала я—
 Мой миленькій не слыхать,
 Платочкомъ махала—
 Мой миленькій не видалъ,
 Чи жало вздохнула—
 Мой миленькій услыхаль.
 Сестрицы-подруженьки!
 Сходитесь ко мнѣ,
 Тушите лучинушку,
 Ложитесь спать!
 А мнѣ, молодешунькѣ
 Всю ночь не спать;
 Не спать, не спать бабочкѣ—
 Все мила дружка ждать.
 Калинка съ малинкою
 Рано расцвѣла,
 Да въ ту пору маменька—
 Она мене родила,
 Не собравшись съ разумомъ,
 Замужъ мене отдала.

124. Ходиль-гуляль молодець

По крутой горѣ,
 Расчесывалъ кудерцы
 На буйной головѣ.
 Расчесавши кудерцы,
 Пускалъ за водой,
 За водой-водой
 Кы своей милой.
 —Тамъ моя мила, мила,
 Она платъница мыла,
 Кудерцы ловила;
 Поймавши кудерцы,
 Разспрашивала:

— Скажите вы, кудерцы,
 Кто тужить по васъ?

— Мы думаемъ: тужишь
 То ты, молода!

— Нехай по васъ тужить
 Огонь да вода,
 Да не я молода!
 Раскладывалъ милый огону-
 шекъ

На крутой горѣ,
 Привязывалъ коника
 Къ шелковой травѣ.
 — Неправда, милая,
 Неправда твоя:
 Раскладывалъ я огонушекъ
 На твоей груди,
 Привязывалъ коника
 Кы русой косѣ.

125. Да ходилъ-гулялъ молодець
 По крутой горѣ,
 Расчесывалъ онъ русыя кудри

На буйной головѣ.
 Расчесавши онъ русыя кудри,
 Съ ними говорилъ:

— Да возьму-ка я
 Машу-невдашечку
 За правую ручку,
 Поведу я Машу-невдашечку
 На Кубань рѣчку,
 Да поставлю я Машу-невда-
 шечку

На крутъ бережекъ,
 Да сопхну я Машу-невда-
 шечку

Во Кубань рѣчку.
 Да плыви, плыви,
 Маша-невдашечка,

Плыви услѣдь за водой,
 А я, молодой мальчишка,
 Остануся удавой!

126. Да стоитъ парень—
 Парень у воротъ,
 Кличетъ дѣвку
 Себѣ на совѣтъ:
 — Да выйди, выйди,
 Молода дѣвченка,
 Поговоримъ мы съ тобою!
 — Да сожди, парень,
 Сожди годинушку,
 Сожди, парень,
 Сожди другую,
 Да поколѣва папашѣ-мама-
 шѣ

Вечеренку сготовлю!

— Хорошо тебѣ,
 Молода дѣвченка,
 По свѣтлицѣ гуляти,
 А и мнѣ то,
 Парню молодому,
 На морозѣ стояти.
 Морозъ лютый
 Сапожки стиская,
 Бѣлый снѣжокъ
 Въ лицо порошокъ.
 Полно тебѣ,
 Молода дѣвченка,
 Надо мною смѣяться,
 Да ужъ я тебѣ,
 Молода дѣвченка,
 Всѣ насмѣшки отсмѣю!

127. Счастливая табѣ путь-дорож-
 ка!

Да куда же ты, дружечекъ,
 задумалъ?

А я, млада, дома остаюся,
Въ большомъ горѣ нахожуся;
Пойду съ гора во чистое по-

ле, |
Въ чистомъ полѣ а я раз- |
гуляюся.

Въ чистомъ полѣ стоять |
кусть малины, |
Да сломлю же я эту мали- |
нушку,

Да подь саменькій ее коре- |
шечекъ,

Посажу я эту малинушку |
Подь саменькимъ подь сво- |
имъ окошкомъ:

Рости, рости, моя малинушка, |
Рости, рости, да ты не ша- |
тайся;

Да живи, живи, моя суда- |
рушка,

Живи, живи, да ты не пе- |
чалься.

128. Ой выду, выду
Я на вышку, на курганъ,
Гляну, гляну я
По разсыпчатымъ буграмъ:
Да не гонять ли
Табуньшички табунъ;
Если гонять,
Такъ я сяду, подожду,
А не гонять—
Я заплачу, прочь пойду.
То-то тошно
Мнѣ на бѣломъ свѣтѣ жить,
Растопнѣ
На проклятомъ хutorѣ;
Переѣду во станицу,
Лучше жить

Во станицѣ:
Да тамъ есть ково любить.

129. Броду, броду, броду—
Тамъ дѣвчечочка
Она брала воду;
Тамъ казаченька
Коня напуваетъ,
Самъ съ дѣвченкой
Разговляеть.
Горе тому казаченьки,
Которова двѣ дѣвченки лю-
бать;
Одна любить чернявая,
А другая бѣлая,
Онъ съ чернявой цаловался,
А съ бѣлою обымался.
Эта пѣсня, какъ видно, пере-
дѣлана изъ малороссійской.

130. Вышивала Катенька
Кисейные рукава;
Вышивши рукавчики,
Къ батюшкѣ въ теремъ
пошла.
—Родименькій батюшка,
Подумайте обо мнѣ!
—Мы думали, думали
Въ монастырь записать.
—Родименькій батюшка!
Въ монастырь я не гожусь:
Я старыхъ монашекъ
Я изъ келеи прогону,
Молодыхъ молодчиковъ
Полну келью наведу.

131. Кавалеръ, мой кавалеръ,
Молоденькій офицеръ!
Кавалеръ коня поилъ,

Къ воротичкамъ приводиль,
Къ верёжкѣ привязаль,
Красной дѣвѣ приказаль
и проч....

132. — Охъ ты, сына моя,
Ты дятинка моя!
Ты не пей, не пей
Много горѣлки:
Ты сойдешь съ ума!
— Мнѣ горѣлки не пить—
Мнѣ живому не быть!
Подъ горою верба,
Подъ вербою вода,
Тамъ дѣвченка брала воду,
Собой она молода.
— Ты, дѣвченка моя,
Ты садись на коня!
Мы поѣдемъ во чистое поле,
Во мой во дворець.
Во моемъ то дворцѣ
Нѣтъ ни кола, ни двора,
Ой да стоитъ тамъ
Одинъ кустъ малинки,
И та не цвѣла.

133. Дятина, дятина,
Дятинушка мой!
Ой лели, лели, лели да ляли,
Дятинушка мой,
Бѣлой-румяной!
Не стой ты со мной,
Со мной молодой,
Съ казацкой женой!
А то люди скажутъ,
Что любишь мене,
Цалуешь мене,
Цалуешь, милуешь,
Надежой зовешь.

134. Да вы, сѣни ли, вы мои,
Да вы, сѣнюшки новыя!
Что по васъ ли, сѣни,
Я ходила, гуляла;
Во рукахъ то ли я держала
Да я яснава сокола,
Я держала и ему привазы-
вала:
— Ты лети, ты лети,
Да соколигъ мой ясный,
Лети же ты во Тифлисъ го-
родъ,
Ты неси, ты неси жъ
Письмо моему милому.

135. Сы той страны воздухъ
Пріятегъ несетъ,
Гдѣ моя сударушка
Сашенька-душенька живетъ.
Живетъ она, поживаетъ
На тихомъ славномъ Дону;
Да ходитъ она, гуляетъ
По зеленомъ саду;
Да рветъ она, срываетъ
Сладкій бѣлый виноградъ;
Да мечетъ она, бросаетъ
Къ милому дружку въ коро-
вать.
Виноградъ милый не беретъ,
Отвѣтъ онъ ей не отдастъ.

136. Ой ли я люблю, то ли я
люблю
Да хорошенькую бабочку,
Люблю ее, какъ душу свою!
Ой ли я боюсь, то ли я
боюсь
Да хорошенькую бабочку,
Боюсь ее, какъ люту змѣю.

Ой ли изведеть, то ли из-
ведеть
Да хорошенькія бабочка,
Изведеть мене съ свѣта бѣ-
лова.
Ой ли пропадетъ, то ли про-
падетъ
Буйная моя головушка,
Пропадетъ она не за де-
нежку.
Ой ли разнесутъ, то ли раз-
несутъ
Да мои кудри русыя,
Разнесутъ а все вѣтры буй-
ные.
Ой ли растопутъ, то ли рас-
топутъ
Да мои кости, кости бѣлыя,
Растопутъ, а все звѣрья
лютые.

137. Ой служилъ же я тремъ—
Тремъ царямъ,
Да служилъ же по семи годовъ,
Какъ четвертому королю прус-
скому
Да служилъ же я ровно де-
вать лѣтъ.
Какъ составилось моей служ-
бицы
Да всей, было, ровно трид-
цать лѣтъ.
Какъ за то мене король прус-
скай,
За то мене любилъ, жало-
валь.
Какъ и вышла на мене, до-
брова молодца,
Вышла на мене напраслина:

Какъ и будто я, добрай мо-
лодець,
Полюбилъ а я королевскую
дочь.
Какъ за то мене, доброва мо-
лодца,
Король сы дворца прогналъ.

138. Да ты, скука ты моя,
Моя скука,
Чужа дальня сторона!
Разлучила ты мене,
Моя скука,
Съ отцомъ, съ матерью далеко,
Сы милымъ дружкомъ на вѣкъ.
Какъ во теремѣ подъ ово-
шечью
Воздохнула Мама чижало.
—Ты о чемъ, ты о чемъ, Ма-
ша, плачешь,
Понапрасну слезы льѣшь?
—Да и какъ же мнѣ не
плавать,
Какъ же бѣдной не вздыхать?
Какъ одинъ то у мене былъ
садоцекъ,
Да и тотъ сталъ засыхать;
Какъ одинъ то былъ соловью-
шекъ,
Да и тотъ сталъ отлетать;
Какъ одинъ то былъ любезный
другъ,
Да и тотъ сталъ отъѣз-
жать.
Какъ пойду ли я, душа Мама,
Во чистое поле гулять;
Какъ взойду то, взойду, душа
Мама,
На высокоай на курганъ,

Какъ и гляну то я, душа
Маша,

На четыре стороны:

Что не пылъ то курить на
дорожекѣ,

Молодой то кульерикъ бѣ-
жить.

—Ты откуль, ты откуль, куль-
ерикъ,

Да откуль такъ бѣжишь?

Я бѣгу то, бѣгу, душа Ма-
ша,

Изъ Тифлису во Москву,

Я везу то, везу, душа Маша,

Молодымъ бабочкамъ письмо,

А табѣ то ли, табѣ, душа

Маша,

Невеселыя словеса.

139. Все бѣ я по горенкѣ ходила,

Все бѣ сы милымъ,

Все бы я сы милымъ гово-
рила:

—Не садися, не садися,

Не садися противъ мене,

Люди скажутъ, люди скажутъ,

Люди скажутъ: любишь мене.

Если ты любишь, если ты

любишь,

Если ты любишь, такъ сва-
жися,

А не любишь, а не любишь,

А не любишь—отважися.

—Ужъ я роду, ужъ я роду,

Ужъ я роду не простова,

Не простова княжескова.—

Княжескій сынъ въ гусли

гряя,

Самъ съ своей свѣтлицей,

Самъ съ своей горницей,
Самъ съ своей горницей раз-
мовляя,

Размовляя—проздравляя,

Проздравляя красну дѣвицу:

—Быть табѣ, дѣвица, быть
табѣ, красная,

Быть табѣ, красная, за мною,

Быть за мною, красотою!

140. Да ты, батюшка нашъ, свѣ-
тель мѣсяцъ!

Ты свѣти, ты свѣти всю тем-
ную ночушку,

Освѣти, освѣти мнѣ, доброму
молодцу,

Освѣти ты мнѣ путь дорожень-
ку,

Чтобы видно было мнѣ, доб-
рому молодцу,

Идти къ сударушкѣ.

Подойду я, подойду къ своей
сударушкѣ,

Подойду подъ заднее окоше-
чко,

Успрашу я, успрашу я въ
своей сударушки

Про еѣ здоровьице.

141. Отойди, тоска, на время!

Да я къ Машѣ полечу,

Упаду я на колѣни,

Прощеньяца попрошу:

—Ты прости мене, милая,

Ты прости жѣ мене во всемъ!

—Я во всемъ тебе прощаю,

Въ одномъ тебе не прощу:

Да ты влялся и божился,

Что—„одну тебе люблю“,

А теперь отказался
И другую полюбилъ.
Я сы той ли сы печали
Во постелю я слегла.—
Какъ сы той милый кручины
Служить въ Грузію пошелъ,
Да всю Грузію прошелъ—
Лучше Маши не нашелъ.

142. Какъ прошелъ то я, прошелъ,
Молодецъ, Куру рѣчку,
Прошелъ ее изъ конца въ
конецъ—

Не нашелъ то я, не нашелъ
Мил'ѣй отца-матери.

Какъ нашелъ то я, набрелъ,
Младецъ, на пловучій плотъ.

На плоту то стоитъ
Красная дѣвченокча:

Она не такъ то стоитъ,
Да стоитъ она, бѣло моется.

Во правой то рукѣ
Держитъ кленовой валежъ,

Во лѣвой то рукѣ
Держитъ шелковой платокъ.

Платокъ въ рукѣ вѣтса,
—Да и мой то милой,

Милой женитса,
Да беретъ то мой милой

Не мене, а сестру мою.

143. Распаху я пашенку,
Посѣю я бѣлый ленъ.
Я сѣяла бѣлый ленъ,
Приговоривала:
Уродиса, мой ленокъ,
Тонокъ, дологъ и высокъ,
И съ кореня коренистъ,
Съ мавовочки маковистъ.

Ухвачу я зипунишка,
Побѣгу я на ленишка,
По дороженькѣ бѣжала,
Животъ-сердце дрожало;
Я на пашенку взошла,—
Съ ума, съ разуму сошла:
Какой это суностатъ
Мой бѣлый ленъ привалаятъ!
Знаю, знаю, чья наруга:
Маво прежнева друга;
Знаю, чьи посмѣшки:
Маво милова потѣшки!
Ужъ я ему отсмѣю,
Пшениченку привалю.

144. Сизенькій голубчикъ
Сидѣлъ на дубочку:
Очи ево ясны,
Брови ево черны,
Головка ево червонна!
Прилетѣла пава,
Серѣдъ двора пала,
Сама про то знала,
Сама про то вѣдала,
Что мой миленькій робить.
Робить-поробляеть,
Коника сѣдлаеть,
Сы двора милый сѣзжаеть.

145. Гуляеть по Дону казакъ мо-
лодой;

Льеть слезы дѣвица
Надъ быстрой рѣкой.
—О чемъ, дѣва, плачешь?
О чемъ слезы льешь?
—По милому другу,
По сбруѣ златой.
Какъ была я маленькой,
Безпечной была,

Смѣясь, мою рученьку
 Цыганка брала,
 Пристально смотрѣла,
 Головой качала,
 „Утонешь, сказала:
 И свадьбы не жди!“
 — „Не вѣрь, моя милая:
 Я выстрою мостъ,
 Чугунный предлинный,
 На тысячу версть,
 Упоры поставлю
 Къ тому то мосту.“
 Болить мое сердце
 И вдалось въ тоску.—
 Тутъ случился поѣздъ:
 Невѣсту везутъ;
 Чугунныя плиты
 Бренчатъ и гудятъ.
 —Подай мнѣ коня
 И бандурку мою:
 Размыкаю горе
 По тихому Дону.

146. На горѣ высокой
 Два креста стоятъ,
 Подъ доской дубовой
 Два гроба лежатъ.
 Я часто туда
 Прихаживала,
 Порою съ слезами
 Разспрашивала:
 —Нѣтъ ли между вами
 Друга моего?
 Могила говѣритъ:
 —Здѣсь нѣту его.
 Вдругой повторяетъ:
 —Забудь про него.
 —Соловей мой, соловушка,
 Что ты не поешь?

Яровое зернышко
 Что ты не клюешь?
 —Клеваль бы я зернышко,
 Да парочки нѣтъ;
 Пѣваль бы я пѣсенки,
 Да голоса нѣтъ.

147. Изъ Ростова холодъ гонить,—
 Мое сердечушка ноетъ.
 Тошно-невозможно, }
 Воротить дружка } Припѣвъ.
 нельзя! }

Мнѣ сказали на Псебаѣ,
 Что мой милый на вокзалѣ.
 Тошно-невозможно,
 Воротить дружка нельзя!
 Распроклятая машина,
 Зачѣмъ дружка ты утащила?
 Распроклятые вагоны
 Завезли дружка за городъ.
 Та дорога—три аршина,
 По ней бѣгаетъ машина.
 Вы налейте стаканъ чаю,
 Я по милому сучаю.
 Вы мнѣ выройте могилу
 Противъ милаго трактира;
 Но не роите вы сырую,
 Не кладите вы живую;
 Обкладите виноградомъ,
 Положите съ милымъ рядомъ.
 Его сѣрые глаза
 Рѣжутъ сердце безъ ножа;
 На ѣмъ (на немъ) синіе
 брюки
 Довели меня до муки;
 На ѣмъ атласный бешметъ—
 Лучше его въ свѣтѣ нѣтъ.

148. Ты Наташа, ты Наташа,

Ты Наташа роза-цвѣтъ!
Почему въ тебѣ, Наташа,
Перемѣны въ лицѣ нѣтъ:
Щеки алы, брови черны,
Развеселые глаза.
У Наташи подѣ окномѣ
Стоитъ коникъ подѣ сѣдломѣ,

А Наташа выходила,
Графинѣ водки выносила;
Налила стаканѣ вина,
Прежде выпила сама,
Потомѣ налила стаканѣ дру-
гой:
—Выпей, выпей, милый мой!

Послѣднія двѣ пѣсни представляютъ собою образецъ современнаго творчества народа. Пѣсни эти очень недавняго происхожденія и, какъ видно, не отличаются особеннымъ достоинствомъ въ художественномъ отношеніи. Такихъ пѣсенъ много въ настоящее время, но всѣ онѣ скоро забываются и съ теченіемъ времени совсѣмъ изглаживаются изъ памяти народа, остаются же только пѣсни, выдающіяся по своему содержанию или по своему мотиву. Вотъ почему и сложилось убѣжденіе, что старинныя пѣсни гораздо лучше современныхъ и будто пѣли ихъ въ старину гораздо лучше, чѣмъ теперь. Но это едва ли вѣрно. Надо полагать, что и въ прежнее время были плохія пѣсни, но онѣ позабыты, а удержались въ памяти только самыя выдающіяся. Равнымъ образомъ и теперь есть очень хорошія пѣсни, которыя тоже, вѣроятно, съ теченіемъ времени будутъ служить образцами.

Е. Передельскій.

Г. Баталпаинскъ.
1882 г.

НѢСКОЛЬКО КАЗАЦКИХЪ ПѢСЕНЪ И ПОВѢРІЙ

въ ст. Разшеватской, Кавказскаго уѣзда, Кубанской области *).

Записаны со словъ казака *Григорія Турищева*.

1. Пѣсня про наборъ въ солдаты.

Заря моя, зоренька,
Охъ заря красная!
Охъ, да што же ты, зоренька,
Рано занялася?
А ты, красное солнышко,
Высоко взопло?
Да не чаяло солнышко
Сыготу (заката) себѣ.....
Скатилося солнышко
За единый часъ,
За единый часъ со минутою.
Поѣхалъ нашъ батюшка
Во иной городъ;
Прослышалъ нашъ батюшка
Про несчастьице,
Про такое несчастьице,
Про большой наборъ.
А у нашего батюшки
Четыре сына,
Четыре сынушки,
Да всѣ ровные,

И всѣ они ровные—
Дѣти родныя:
Которому сынушеѣ
Во службу итить?
У большаго сынушки
Дѣти малыя;
У другаго сынушки
Жена хороша;
А третій сынушка
Для дому хорошеѣ;
Четвертый же сынушка
Несмышленушка.
Пошелъ же нашъ батюшка
Во зеленый садъ—
И срѣзалъ нашъ батюшка
Всѣмъ по прутыку,
И сдѣлалъ нашъ батюшка
Всѣмъ по жеребью:
Меньшему сынушеѣ
Упалъ жеребій!....

2. Пѣсня о казакѣ *Луковкинѣ* **).

Каеъ и пале-то туманъ

*) Жители ст. Разшеватской были прежде крестьянами и обращены въ казаковъ въ началѣ 1838 года.

***) Луковкинъ былъ убитъ въ одномъ сраженіи съ горцами, вскорѣ послѣ обращенія жителей ст. Разшеватской въ казаковъ.

Да на сине море,
 Ты сойди, грусть-тоска,
 Да съ ретива сердца!...
 Не звѣзда тамъ блеститъ
 Во чистомъ полѣ,—
 Тамъ горитъ огонекъ
 Маль малешенекъ;
 У огня-то лежить
 Черная бурочка,
 А на бурочѣ —
 Молодой казакъ,
 Казакъ Луковинъ.
 Онъ не убить-то лежить,
 Не зарѣзанный,
 Свинцовою пулею
 Сквозъ прострѣленный.
 А въ ногахъ-то стоитъ
 Его добрый конь.
 Онъ и бьетъ копытомъ
 Объ сыру землю,
 Онъ и будить
 Своего-то хозяина:
 —Ты устань, ты проснись,
 Ты, хозяинъ мой!
 Отвезу я тебя
 На святую Русь,
 Къ отцу, къ матери.
 —Ужъ ты, конь,
 Ты, мой конь,
 Конь, товарищъ мой!
 И ступай же ты, конь,
 Конь, одинъ домой.
 Ты скажи-ка поклонъ,
 До земли поклонъ
 Родному батюшкѣ,
 Родной матушкѣ,
 Молодой-то женѣ
 Съ малыми дѣтками!

3. Пѣсня о взятіи Кюрюкь-дара
въ 1854 году.

За горами, за скалами,
 Русскій лагерь тамъ разбитъ.
 Какъ за рѣчкой, за Корсачкой
 Князь нашъ Бебутовъ стоитъ.
 Двадцать третьяго іюля
 Мракъ покрылъ всѣ небеса.
 Басурманская натура
 Въ ночь всѣ заняла мѣста.
 Какъ по утру, до разсвѣта
 Вся покрыта ужъ гора:
 И къ пророку Магомету
 Самый паша кричитъ: „Алла!“
 Врагъ покрылъ крутую гору
 И орудія стоятъ....
 Казаки уборны (готовы) къ
 бою,
 Всѣ отвагами горять.
 Турокъ армію устроилъ
 И поля всѣ захватилъ.
 Князь Барятинскій—героємъ,
 Ихъ, какъ шаромъ, покатылъ!
 Егеря направо, влѣво,
 Ихъ бригада въ середѣ.
 Казаки вступили въ дѣло,
 Нашъ Комковъ (полковой
 командиръ) былъ впереди!
 Но Комковъ самъ съ казаками,
 Какъ орелъ, вездѣ, вездѣ леталъ,
 И турецкимъ всѣмъ драгунамъ
 Онъ пощады не давалъ.
 Загремѣли наши фланги,
 О, Владыко, чудеса!
 Матерь Божія, ты съ нами:
 Веселитесь небеса!
 Пушки, знамя мы забрали,
 А побитымъ въ полѣ—рай.

Помолися, мать Россія,
Торжествуй нашъ Николай!
Побѣдивши супостата
Мы становимся всѣ въ строй,—
Дожидались командира:
Пріѣзжаетъ къ намъ герой.
Вотъ нашъ князь *) къ намъ
подъѣзжаетъ
И съ побѣдой поздравляетъ;
Онъ, поздравивши съ побѣдой,
Молодцами называетъ.

„Ну, спасибо вамъ, Комковъ,
И начальникамъ частей.

Пронесется ваша слава
По Россіи—звукъ—по всей“.
Князь нашъ Бебутовъ лю-
бимый

Царской милостью почтень;
Корпусъ нашъ неустраши-
мый

Командиромъ награждень.

Рады мы всегда стараться,
Не ударимъ въ грязь лицомъ:
Если драться, такъ ужъ драться,
Каждый станетъ молодцомъ!

Пусть пожалуютъ къ намъ
въ гости,—

Валять, словно саранча...
Унесутъ ли гости восты,
Какъ мы вдаримъ ихъ съ
плеча.

Какъ на черную ихъ тучу
Приударить рускій громъ,
Разметаемъ ихъ (ихъ) кучи
И на славу разобьемъ!

Нашъ отецъ передъ отря-
домъ—

Бережетъ своихъ дѣтей;

*) Бебутовъ.

Онъ глядитъ орлинымъ взгля-
домъ,

Гдѣ-бы впотчивать гостей.

Съ бѣлымъ крестикомъ на шеѣ
Князь Барятинскій—впередъ,
И казакамъ веселѣе,
Какъ начальникъ самъ ве-
детъ.

Уже Бримеръ (полевоникъ) не
отстанетъ

Бѣлый крестъ свой обновить,
Бурей огненною грянетъ,
Басурмановъ поразить.

Битва съ туркой намъ забава,
Вспомнемъ Кюрюкъ-дара:
Князю Бебутову слава!
Войску русскому ура!

Притѣв: Веселитесь, ребята,

Веселись, нашъ командиръ:

Мы разбили супостата,
Слава намъ на цѣлый міръ!

4. Пѣсня Кубанскаго полка
1858 г.

Славься, славься, полкъ Кубан-
скій

Громкой славою дѣлъ своихъ!
За Лабой край басурманскій
Испыталъ ужъ силу твоихъ.
Вновь за Лабой
Храброй рукой
Ты лавры пожалъ
И мощь доказалъ.

Шлетъ приказъ князь Воронцовъ

Намъ итить, Кубанцамъ, въ бой

И въ горахъ разить враговъ,
Свято чтить героя зовъ.

Пойдемъ, ребята,

Сердце казака
Огнемъ горитъ
И кровь кипитъ.

Вплавъ Лабу рѣбу мы пере-
ходимъ,
Будто маленький ручей,
Быстры рѣчки тамъ нахо-
димъ,

Гдѣ скитался врагъ червесь.
Пойдемъ въ оврагъ,
Гдѣ скрылся врагъ,
Въ ущелья, лѣса,
Къ самимъ небесамъ.

Гдѣ тамъ горы, лѣсъ и скалы?
Гдѣ надменный врагъ чер-
кесь,
Надѣвъ панцирникъ и латы,
Русскихъ ждетъ въ себѣ
сквозь лѣсъ?

Магометъ-Аминь, князь главный,
Горцевъ всѣхъ собралъ своихъ,
Шамиля сыновъ издавныхъ,—
Самъ ручался за успѣхъ.
Рано хватился,
Расхрабрился,
Много собралъ,
Насъ не узналъ....

Всю отборную команду
Черезъ Лабу велъ Магометъ

Аминь

На Урупскую поляну
И мирной аулъ громилъ.
Онъ громилъ
И бузу пилъ;
Кубанцы въ слѣдъ
Несутъ обѣдъ.

Нашъ полковникъ не дремаетъ
Подъ Ахметъ-горой отрядъ
Свой летучій утверждаетъ:

Пошелкаетъ его въ задъ.
Храбрый герой,
Повелъ насъ въ бой;
Усталыхъ—прочъ,
Махнули въ ночь.

Деять верстъ мы отбѣжали,
Магометъ-Аминь не зналъ,
Что герои догоняли....
Вдругъ вблизи насъ увидалъ.
Поздно хватился,
Бѣжать пустился
Черезъ курганъ,
Кричитъ „яманъ!“

Вотъ отрядъ нашъ наступаетъ,
Отъ орудій громъ гремитъ,
Въ задъ ракетами пушаетъ.
Аминь видитъ, что разбить.
Старшій мулла
Кричитъ „алла!“

Худо, пропасть,
Самъ утекалъ (убѣжалъ).
Покрывалась степь тѣлами
Храбрыхъ, бойкихъ узденей
Съ ихъ обритыми главами
Отъ Урупа до Тигиней.
Черкесь разбить
Значекъ отбить.
Врагъ посрамлёнъ,
Кавказъ смирёнъ.

Тѣлъ собирать не успѣвали,
Стало некуда дѣвать.
Вьюки, арбы нагружали,
Стали по ярамъ валять (бросать).
Коней бросали
Вмѣстѣ съ тѣлами,
И подъ кручи
Валяли въ кучи.
Такъ Кубанцы въ слѣдъ бѣ-

жали

Магометъ-Аминь струхнулъ, И въ Чечнѣ тогда узнали, Самъ Шамиль, гордясь, вздрогнулъ.	По линеющеѣ Кавказской Не сизой орелъ летѣлъ, Строгъ приказъ былъ атаман- ской—
---	--

Славой покрылись,
 Мы воротились,
 Кончился бой,
 Мы на покой.
 Звукъ програнулъ громкой сла-
 вой

Ту же вѣсточку вторилъ:
 Выступать въ походѣ сотнями,
 А составы въ полкахъ есть,
 Ружья съ новыми кремнями,
 Пашки острыя имѣть.
 Подъ начальствомъ Воронцова
 Лестно, братцы, помереть!
 Какъ онъ скажетъ два-три сло-
 ва—

На Кавказѣ по горамъ,
 Что Кубанцы тверды, храбры
 И страшны своимъ врагамъ.
 Лѣсъ Семеновскій оставимъ,
 Обойдемъ мы горы въ кругъ,
 Подъ Ахметъ-горою станемъ,
 Тамъ для насъ зеленый лугъ.
 Но вотъ шель отрядъ летучій;
 Нашъ князь Эривовъ герой
 Отъ Ахмета вель, какъ тучу,
 Храбрыхъ быстро за собой;
 Не трудилъ напрасно войска,
 Не повелъ онъ по горамъ,
 Разсуждаетъ по-геройски:
 Попадется въ руки врагъ и
 самъ....

Пашки вонъ—идемъ на смерть!
 Вѣдь привыкли мы сражаться
 Съ кровожадною ордой,
 И намъ нечего бояться,
 Полетимъ на смертный бой....
 Тамъ за рѣчкой Аргунаемъ,
 На Чеченской сторонѣ,
 Послѣ боя, умирая,
 Нашъ казакъ промолвилъ мнѣ:
 „Отнеси-ка, братъ родимый,
 Ты родителямъ поклонъ,
 А женѣ моей скажи ты:
 Я женился на другой—
 Да на пулѣ свинцовой.

Притѣсь: Похвала тебѣ, герой,
 Пораженъ червесь тобой!
 Честь и слова молодцамъ,
 Намъ, Кубанцамъ, храбре-
 цамъ!

И жену свою прошу я
 Вѣкъ прожить среди родныхъ,
 И напрасно не тоскуя,
 Дѣтушекъ кормить дробныхъ.

5. Пѣсня о походѣ за Аргунь.

6. Пѣсня о Шамилѣ.

Что не буря зашумѣла
 Во сыромъ бору зимой,—
 Вѣсть въ народѣ пролетѣла:
 Намъ итить въ походѣ весной.

Началъ Шамиль бунтоваться,
 Въ прошедшіе годы,
 А теперь пошелъ скитаться....
 Вышелъ врагъ изъ моды!

Трай-рай, рата-тай,
 Вышелъ врагъ изъ моды!
 И подъ Бурной *) его войско
 Заваль не вдержало
 И отъ страсти не геройской
 Отъ штурма бѣжало.

Трай-рай и проч.

Вотъ кубанскіе стрѣлки,
 Конница й пѣхота
 Изъ-за камней, какъ звѣрки...
 Тутъ Кубанцевъ сотня!

Трай-рай и проч.

Наши сдѣлали погоню
 И самъ Фреть **) былъ съ нами,
 Вотъ отгрыли мы огонь,
 На ура вскричали!

Трай-рай и проч.

Тутъ мы гнали остальныхъ
 Прямо до оврагу,
 Расщелкали мулловъ ихъ,
 Сбили имъ отвагу.

Трай-рай и проч.

Ворочались назадъ
 И тѣла ихъ мы считали,
 А подраненныхъ отъ пуль
 Тутъ же дорубали.

Трай-рай и проч.

Насчитали мулловъ ихъ
 До семи десятковъ:
 По оврагамъ всѣ лежатъ
 Совсѣмъ безъ порядку.

Трай-рай и проч.

А тутъ рѣчка протекала,—
 Славна не водою—
 Тѣмъ, что намъ тутъ сѣча была
 Съ подлою ордою

Трай-рай и проч.

*) Крѣпость.

**) Полковникъ.

Тутъ другая протекала,
 Она была красна,
 И намъ страсти навлекала:
 Всѣмъ было ужасно!
 Трай-рай и проч.

7. Пѣсня объ умирающемъ казацкѣ.

Вы полѣ огонекъ,—
 Струею тонкой дымъ клубится.
 На этомъ полѣ одиноекъ,
 Покрытый ранами, томится,
 Казакъ кубанскій молодой.
 Жизнь его ужъ угасаетъ,
 И надъ склоненною главой
 Ужъ кровожадный вранъ летаетъ.
 —Лети, мой конь, въ родимый
 край,

Лети въ отцовское селенье,
 Моимъ малюткамъ сиротамъ
 Отдай мое благословенье!
 Лети, мой конь, въ родимый
 край,

Лети ты: путь недалній,—
 И молодой женѣ отдай
 Повлонъ ты мой прощальный.

Скажи женѣ, товарищъ мой,
 Что я женился на другой:
 Лиха, угрюма и страшна,
 У ней постеля пуховая
 На чистомъ полѣ постлана.
 Виномъ кровавымъ угощали
 На свадьбѣ радостныхъ го-
 стей,

Веселый пиръ отпировали
 При звукахъ копейвъ и мечей;
 Но вмѣсто брачнаго вѣнца
 Стрѣла служила каленая,
 А уложила молодца
 Въ постелю пуля свинцовая.

Повѣрье о змѣяхъ.

До грѣхопаденія праотцевъ, Адама и Евы, всѣ змѣи жили въ раю въ полномъ распоряженіи первыхъ людей; но когда Ева была введена въ искушеніе змѣею и Богъ осудилъ змѣю на вѣчное пресмыканіе, то она сдѣлалась навсегда врагомъ человѣка. Такъ какъ змѣя дала обѣщаніе Богу смертельно кусать людей, то Богъ повелѣлъ убивать всѣхъ ядовитыхъ змѣй. Въ настоящее время, кто желаетъ спасти свою душу, долженъ непремѣнно постараться убить по возможности больше змѣй, такъ какъ за каждую убитую змѣю Богъ прощаетъ человѣку 12 грѣховъ. Если человѣкъ увидитъ гдѣ-либо ядовитую змѣю, то обязательно долженъ убить ее чѣмъ бы то ни было. „Нѣтъ палки въ рукахъ, а хлѣбъ, говорятъ здѣсь по этому поводу: бей хлѣбомъ, а не то топчи ногой!“ Упустить змѣю считается большимъ грѣхомъ. Напротивъ, въ неядовитымъ пресмыкающимся народъ относится весьма дружелюбно. Убить ужа, который живетъ въ домѣ, ловить мышей, поѣдаетъ молоко въ кувшинахъ, а то и обѣдаетъ прямо съ ребятами, считается грѣхомъ, и человѣка, убившаго ужа, непремѣнно постигнетъ какое-либо несчастье: или у него корова перестанетъ давать молоко, или случится какая-либо другая бѣда.

Дѣвѣ легенды о происхожденіи горъ.

I.

Богъ сотворилъ землю не словомъ Своимъ, а посѣялъ сѣмена, которыя и дали росты. Когда сѣмена взопли, то Богъ увидѣлъ, что земля выросла далеко не въ совершенномъ видѣ, а рѣдкая, поэтому Онъ велѣлъ ангеламъ сдвинуть ее поплотнѣе. Какъ на землѣ приказаніе старшаго

вызываетъ со стороны младшихъ, смотря по чину и власти, стараніе точнѣе выполнить его, и отъ чрезмѣрнаго усердія дѣло часто только портится, такъ то же случилось и на небѣ. Ангелы, желая угодить Богу, такъ сдвинули землю, что она покособилась и образовала горы и разныя другія возвышенности.

II.

Когда Богъ добылъ Себѣ сѣмянъ земли, то дьяволъ какимъ то образомъ успѣлъ украсть нѣсколько этихъ сѣмянъ и себѣ. Для того, чтобы не потерять ихъ и скрыть слѣды своего воровства, дьяволъ всѣ уворованныя сѣмена положилъ себѣ за щеку. Когда Богъ посѣялъ землю и сѣмена начали быстро расти, то, въ ужасу нечистаго духа, пустили ростки и сѣмена, находившіяся у него за щекою; при этомъ они настолько быстро росли, что стали препятствовать дьяволу даже жевать пищу. Чтобы избавиться отъ этого несчастія, дьяволъ началъ своей лапой вытаскивать кусочки земли изъ-за щеки и бросать въ разныхъ мѣстахъ: куда попалъ большой кусокъ, тамъ выросла большая гора, а куда маленькій, — тамъ образовался курганъ или небольшая возвышенность. Однако, какъ ни старался дьяволъ поскорѣе выбросить изо рта всю землю, онъ не успѣлъ исполнить этого, потому что сѣмена быстро росли; пришлось разорвать щеку, чтобы освободиться отъ земли. Вотъ почему и рисуется дьяволъ съ открытыми зубами.

Космогоническія повѣрья.

Млечный путь — путь солнца. Радуга — подпираетъ тучи, чтобы онѣ не падали, и набираетъ воду.

Затмѣніе солнца показываетъ, что оно мучится, страдаетъ за наши грѣхи. Если затмѣніе случится во время

войны, то говорятъ: „черное солнышко спорило съ бѣлымъ, это выйдетъ побѣдителемъ: турки или русскіе.“ Исходъ борьбы всегда въ пользу русскихъ. Знаки на луиѣ—тучи.

Землетрясеніе производитъ вить-рыба своимъ перышкомъ; она же держитъ и землю.

Громъ производитъ Илья пророкъ на огненной колесницѣ; стрѣлами онъ бьетъ змія, который хоронится въ облака. Если пророкъ Илья по ошибкѣ убьетъ человѣка, то послѣдній считается святымъ. Если отъ грома загорится домъ, то это значить, что змій убитъ и кровь его произвела пожаръ. Громовой стрѣлой лѣчатъ коліи въ животъ, обводя его кругами.

Разныя предрасудки и повѣрья.

- 1) Комета предзнаменуетъ войну.
- 2) Падающія звѣзды обозначаютъ смерть людей. Если же кто, всмотрѣвшись пристально на небо, увидитъ тамъ новую звѣзду, то это означаетъ рожденіе человѣка.
- 3) Первый ударъ колокола въ церкви; „разгонъ“, дѣлается съ паузою для того, чтобы дать возможность злымъ душамъ разбѣжаться.
- 4) Если заяцъ или священникъ перейдутъ дорогу, или встрѣтятся женщина съ пустыми ведрами, то будетъ несчастіе; если же къ священнику подойти и попросить благословенія, то ничего дурнаго не будетъ.
- 5) Человѣкъ, который первый протрезвонитъ послѣ освященія пасокъ, никогда не будетъ пойманъ въ воровствѣ.
- 6) Если дѣти скоро умираютъ, т. е. недолговѣчны, то берутъ первыхъ встрѣчныхъ лицъ въ кумовья.
- 7) Когда женщина трудно рождаетъ, то просить у всѣхъ прощенія, такъ какъ обиліе грѣховъ не позволяетъ выйти ребенку изъ утробы матери; затѣмъ бабка зоветъ

мужа, чтобы онъ переступилъ три раза черезъ ноги родильницы, снимаетъ у нея сережки, расплетаетъ косы, а въ крайнемъ случаѣ проситъ „батьшку“ отворить царскія врата, что священникъ и выполняетъ въ точности. Если ребенокъ мало показываетъ признаковъ жизни, то бабья громко начинаетъ произносить имя отца, а когда ребенокъ въ такомъ случаѣ закричитъ, то говорятъ: „бабья едва откликнула“. Если ребенокъ родится въ рубашкѣ, то будетъ счастливъ; рубашка же сушится и носится на шеѣ отъ лихорадки.

8) Обрѣзанные ногти нужно класть въ пазуху, а не бросать на землю, чтобы въ аду не заставили вытаскивать ихъ изъ огня.

9) Ходить по комнатамъ, обувши только одну ногу, нельзя, такъ какъ въ этомъ случаѣ непременно умретъ мать.

10) Солнце имѣетъ мать, которая всегда его омываетъ, а потому садиться къ вѣтру противъ солнца задомъ грѣхъ, такъ какъ этимъ можно увеличить трудъ матери по омыванію краснаго солнышка.

11) Ничего нельзя выбрасывать изъ окна, чтобы на томъ свѣтѣ душъ не метали чего-нибудь.

12) Стрѣльба на „Иорданѣ“, въ день Богоавленія, по мнѣнію народа, производится потому, что всѣ черти, при погруженіи креста въ воду, выскакиваютъ изъ воды, гдѣ они обыкновенно проживаютъ. Поэтому каждый владетъ возможно большій зарядъ въ ружье, чтобы убить злаго духа.

Учитель Разшеватской школы *К. Живило.*

Ст. Разшеватская.
1882 г.

СЕЛЕНІЕ САЛАХЪ-ЛУ

И ТАТАРСКІЯ СКАЗКИ, ЗАПИСАННЫЯ ВЪ НЕМЪ.

Селеніе Салахъ-лу.

Сел. Салахъ-лу, Казахскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи, лежитъ между $41^{\circ},15'$ с. ш. и $63^{\circ},3'$ в. д. Расположено оно на р. Курѣ, на равнинѣ, окаймленной съ трехъ сторонъ холмами и открытой съ четвертой. Основаніе его относится ко второй половинѣ XIII столѣтія, причеиъ самое названіе приурочивается преданіемъ къ имени нѣкоего Салаха. Рассказываютъ, что во время Батыева погрома въ Азіи, прибылъ со всѣмъ своимъ семействомъ изъ Курдистана въ нынѣшній Казахскій уѣздъ нѣкто Косай-Мирза-Али-бекъ, родомъ вурдъ. Здѣсь онъ обратился къ мѣстному владѣтельному хану Шамши-хану съ просьбой позволить ему поселиться гдѣ-нибудь въ его обширныхъ владѣніяхъ. Шамши-ханъ, имѣя въ виду высокое происхожденіе пришельца, позволилъ ему выбрать для поселенія любую мѣстность, и Косай-Мирза-Али-бекъ поселился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ раскинуто селеніе Салахъ-лу. Узнавъ, что здѣсь среди мѣстнаго населенія пользуется неограниченнымъ уваженіемъ въ народѣ нѣкто Салахъ, обладавшій большими богатствами, Косай-Мирза-Али-бекъ счелъ необходимымъ познакомиться съ нимъ и, устроивъ роскошный пиръ, пригласилъ его къ себѣ. Во

время пиршества онъ обратился къ нему съ просьбой переселиться на выбранную имъ новую мѣстность съ нѣсколькими дымами, чтобы основать здѣсь селеніе; Салахъ сначала отказался отъ этого, но потомъ согласился переселиться сюда съ нѣсколькими дымами подъ условіемъ, чтобы новое селеніе было названо его именемъ. Такъ было положено основаніе селу Салахъ-лу.

Въ настоящее время селеніе это занимаетъ площадь приблизительно въ 4 кв. вер., и въ немъ насчитывается болѣе 800 дворовъ.

Съ сѣверной стороны къ селенію примыкаетъ Караязскій лѣсъ, имѣющій большое значеніе для описываемой мѣстности: здѣсь добывается матеріалъ для постройки, топливо, и онъ же служитъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ пасутся большія стада скота мѣстныхъ жителей съ сентября до іюля мѣсяца. Въ лѣсу растутъ и нѣкоторыя плодовые деревья: яблоня, груша, алуца, шелковица и т. п. Кромѣ того Караязскій лѣсъ изобилуетъ разнаго рода дикими звѣрями и птицами: кабанамъ, медвѣдямъ, джейранами, зайцами, лисицами, утками, гусями, фазанамъ, охота за которыми составляетъ не послѣднее занятіе многихъ жителей селенія. Особенно развита здѣсь ястребиная охота.

По разсказамъ здѣшнихъ старожиловъ, на той мѣстности, гдѣ стоитъ теперь Караязскій лѣсъ, будто бы была нѣкогда безлѣсная равнина, на которой расположено было около 8,000 дымовъ, а на той равнинѣ, гдѣ теперь раскинуто сел. Салахъ-лу, стоялъ непроходимый лѣсъ, который, съ заселеніемъ этой мѣстности, сталъ постепенно вырубаться, такъ что отъ него теперь остались только кое-гдѣ отдѣльныя деревья.

Зима здѣсь наступаетъ въ половинѣ ноября и продолжается до половины февраля; холодъ зимою доходитъ до—6° или—7° R. и сопровождается иногда вѣтромъ. Снѣгъ

выпадаетъ рѣдко и скоро таетъ; вообще зима здѣсь проходитъ незамѣтно при хорошей почти постоянно погодѣ.

Съ наступленіемъ весны, когда р. Кура разливается и затопляетъ всѣ окрестности, жители начинаютъ сами переправляться и переправлять свой скотъ на лодкахъ на ту сторону рѣки, въ лѣсъ, причемъ нерѣдко лодки эти уносятся быстрыми волнами въ даль и дѣло не обходится безъ жертвъ.

Лѣтомъ здѣсь бываютъ сильныя жары, доходящія до $+45^{\circ}$ R. и болѣе; жары эти весьма часто сопровождаются сухимъ и знойнымъ восточнымъ вѣтромъ, дующимъ иногда цѣлое лѣто. Вслѣдствіе этого жители перекочевываютъ со всѣми своими стадами съ 1 іюня на Дилижанскія горы и остаются тамъ до сентября мѣсяца, покидая на это время на произволъ судьбы свое село и посѣвы. Съ наступленіемъ осени, они возвращаются обратно и тогда уже начинаются полевые работы. Къ ноябрю мѣсяцу эти работы обыкновенно заканчиваются. Изъ хлѣбныхъ растеній здѣсь сѣется пшеница, ячмень, просо и пр. Но салахлинцы, занимаясь земледѣліемъ только отчасти, предпочитаютъ ему скотоводство. Изъ домашнихъ животныхъ они разводятъ рогатый скотъ, лошадей и баранту. Для перевозки тяжестей и полевыхъ работъ употребляются обыкновенно быки и буйволы, но жители не имѣютъ никакого ухода за ними и вообще мало смотрятъ за скотиной; правда, зимою кормятъ ее въ день раза два сѣномъ, но и то въ маломъ количествѣ, во все же остальное время года она пасется на сухихъ поляхъ безъ всякаго присмотра, оставаясь даже ночью на открытомъ полѣ, отъ чего часто дѣлается жертвою то хищныхъ звѣрей, то блуждающихъ шабегъ разбойниковъ.

Изъ домашнихъ птицъ здѣсь разводятъ только куръ, но и то въ маломъ количествѣ.

Жители сел. Салахъ-лу всѣ татарской національности, число ихъ простирается до 4,800 человекъ (2,417 муж. пола и 2,383—женскаго); всѣ они магометане сунниты Омарова ученія.

По сословіямъ и занятіямъ мѣстное населеніе распредѣляется такъ: дворянъ и чиновниковъ 350 (въ томъ числѣ 2 военныхъ и 2 учителя), духовнаго званія—325 (въ томъ числѣ однихъ муллъ до 200), купцовъ—29 и крестьянъ—4,096 (въ томъ числѣ 18 ремесленниковъ). Чтобы судить о степени зажиточности мѣстныхъ жителей, достаточно сказать, что на каждаго приходится приблизительно по 17 десятинъ земли, 1 лошадь, 3 коровы, 2 вола, 15 овецъ и 3 вozy. Но цѣны на предметы первой необходимости довольно велики; такъ 1 пудъ пшеничной муки стоитъ 1 р. 10 к., 1 ф. коровьяго масла—40 к., 1 ф. мяса—12 к. и т. д.

Въ самомъ селеніи считается болѣе 800 домовъ, 18 лавокъ, 7 мельницъ, 3 кузницы, 2 мечети и 1 училище. Общую стоимость жилыхъ домовъ оцѣниваютъ въ 165 т. рублей. Общее количество ежегодныхъ доходовъ въ селеніи считаютъ въ 17 т. руб.; изъ этой суммы отпускается на содержаніе училища 300 руб., на лѣсъ для постройки и топлива 560 руб., на содержаніе скота въ лѣсу 190 р. 89 к. и 10,764 р. 94 к. идетъ на подати, такъ что общее количество расходовъ въ селеніи исчисляется въ 11,815 руб. 83 коп.

Дома здѣсь большею частію строятся въ землѣ изъ дерева, а вмѣсто оконъ оставляется въ крышѣ одно отверстіе. При входѣ въ домъ прежде всего бросается въ глаза длинный рядъ мѣдной посуды, разставленной близко другъ около друга, потомъ идетъ рядъ ковровъ, войлоковъ, уложенныхъ другъ на друга, пестрая постель и т. п. По срединѣ дома разводится на землѣ огонь, на которомъ

варять пищу, пекутъ хлѣбъ, а зимой грѣются. Между подобными домами изрѣдка въ селеніи попадаются каменные, принадлежащіе исключительно здѣшнимъ богачамъ и помѣщикамъ. Эти послѣдніе дома строятся изъ тесаного камня, имѣютъ нѣсколько оконъ и внутри печь въ родѣ камина. По обѣимъ сторонамъ печи въ такихъ домахъ стоятъ кушетки, устланныя коврами. Дома строятся вообще особнякомъ. Улицъ въ селеніи собственно говоря—нѣтъ.

Благодаря физическимъ свойствамъ мѣстности, населеніе Салахъ-лу пользуется вообще довольно крѣпкимъ здоровьемъ. Изъ болѣзней здѣсь наиболѣе часты: лихорадка, оспа, корь, скарлатина и тифъ; поражаютъ онѣ преимущественно дѣтей въ возрастѣ до 10 лѣтъ, что объясняется крайне плохимъ уходомъ за ними. Впрочемъ, на распространеніе болѣзней вообще много вліяетъ и восточный вѣтеръ.

О рациональной медицинской помощи и гигиеническихъ условіяхъ сохраненія здоровья населеніе не имѣетъ ровно никакого понятія.

Чтобы судить о состояніи здоровья жителей сел. Салахъ-лу, мы приводимъ таблицу смертности за послѣднія 5 лѣтъ, съ указаніемъ болѣзней, отъ которыхъ произошли смертные случаи.

Годъ.	Число смертныхъ случаевъ по возрастамъ.									Названіе болѣзней, отъ которыхъ произошли смертные случаи.							Всего.	
	До 1 года.	До 10 лѣтъ.	До 20 лѣтъ.	До 30 лѣтъ.	До 40 лѣтъ.	До 50 лѣтъ.	До 60 лѣтъ.	До 70 лѣтъ.	70 л. и бол.	Всего.	Оспа.	Корь.	Скарлатина.	Лихорадка.	Понось.	Простуда.		Убійство.
1877	28	53	7	13	35	27	46	16	9	234	29	49	39	56	26	24	11	234.
1878	32	48	19	64	53	8	37	29	12	302	22	68	74	56	78	—	4	302.
1879	62	28	85	59	73	61	94	49	18	529	66	73	85	59	38	199	9	529.
1880	77	160	20	8	9	7	19	13	14	327	50	38	97	140	—	—	2	327.
1881	72	250	14	12	20	46	19	29	16	478	49	56	65	94	40	170	4	478.

Въ селеніи есть въ настоящее время нѣсколько больныхъ, страдающихъ болѣзнями, требующими особаго ухода: слѣпыхъ отъ рожденія—4, глухонѣмыхъ — 5, сумасшедшихъ—2, идіотовъ—3.

Но вообще населеніе отличается крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Средній ростъ=2¹/₂ арш., лицо продолговатое, лобъ большой, открытый, волосы на головѣ черные, глаза также черные и большіе, смотрящіе какъ то сурово, носъ прямой, зубы бѣлые, грудь и плечи широкія, голосъ грубый, походка медленная.

Характеръ населенія отличается суровостію, грубостію и чрезмѣрнымъ лицемѣріемъ. Духовенство не пользуется особымъ уваженіемъ и жители относятся довольно равнодушно къ своимъ мулламъ, все образованіе которыхъ состоитъ въ изученіи Корана и разныхъ молитвъ.

О состояніи нравственности въ населеніи также нельзя сдѣлать одобрительнаго отзыва: воровства, убійства, грабежи—явленія нерѣдкия въ здѣшней жизни; причинами ихъ являются зависть къ богатству, женщины, кровная месть и т. п.

Говорятъ мѣстные жители на азербейджанскомъ языкѣ, себя называютъ *таракаша*, т. е. грубымъ и жестокимъ народомъ, и подъ этимъ же названіемъ извѣстны у сосѣдей. Изрѣдка здѣсь слышится въ настоящее время русскій говоръ, который, благодаря здѣшнему училищу *), постепенно приобрѣтаетъ права гражданства въ средѣ мѣстнаго населенія.

*) Нормальное одноклассное училище въ сел. Салахъ-лу открыто въ 1878 году; оно состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій и посѣщается исключительно мѣстными мусульманскими дѣтьми, съ 7-лѣтняго возраста. Занятія продолжаются съ 1-го сентября по 1-е мая, начинаются въ 8 часовъ утра, и оканчиваются въ 2 часа пополудни. Кромѣ того въ училищѣ ведутся еще вечернія занятія, съ 6 час. до 9, посвященныя приготовленію къ слѣдующему дню уроковъ, чтенію и бесѣдѣ. Число учащихся въ училищѣ въ 1878 г. было 20, въ 1879 г.—30, въ 1880 г.—35, въ 1881 г.—41.

На азербейджанскомъ же языкѣ здѣсь поется множество пѣсенъ, составляющихъ любимое развлеченіе здѣшной молодежи, преимущественно женскаго пола. Салахлинцы — большіе охотники до загадокъ и пословицъ, но особенно любятъ сказки о богатыряхъ; впрочемъ, теперь нерѣдко въ долгія зимнія ночи молодежь убиваетъ время за картами, тогда какъ не такъ еще давно, при жизни мѣстнаго старожилы Палахъ-аги Векилова, въ модѣ были особые общественные вечера, на которыхъ старики или вели бесѣду о своихъ дѣлахъ, или слушали вмѣстѣ съ молодыми рассказы про старину, или просто развлекались сказками. Со смертью Векилова вечера эти прекратились.

Полевая работа лежитъ на обязанности мужчинъ, а домашнія на обязанности женщинъ, дѣти же начинаютъ помогать своимъ родителямъ съ двѣнадцати-лѣтняго возраста и ранѣе. Одежду мѣстныхъ жителей составляетъ: у мужчинъ — ситцевая или бязевая рубаха, поверхъ ея шелковый или шерстяной короткій бешметъ, архалукъ, опоясанный или простымъ, или серебрянымъ поясомъ съ винжаломъ простымъ или высеребреннымъ, шерстяная или суконная червеска, шерстяной башлыкъ, шерстяные или суконные шаровары, изъ овечьей шкуры папахъ, и башмаки, а зимою поверхъ всего этого одѣвается бурва или шуба; у женщинъ — шелковая или ситцевая рубаха, шелковый или ситцевый длинный бешметъ, шелковая или шерстяная юбка, такая же кофта, шаль и башмаки или полусапожки. Таковую одежду носятъ здѣшніе помѣщики и ихъ жены, а крестьяне и крестьянки носятъ самую простую одежду; при этомъ нужно замѣтить, что крестьянки опоясываются широкимъ поясомъ, покрытымъ гривенниками и двугривенными, которыми украшаются и рукава бешметовъ и головной уборъ.

Въ семейномъ быту отецъ — глава семейства, которое

во всемъ подчиняется ему; онъ старается удержать до самой своей смерти всѣхъ членовъ семьи вмѣстѣ, а умирая, обыкновенно дѣлаетъ завѣщаніе, въ силу котораго по его смерти всѣ члены семейства пользуются равной частью имущества вообще. Но если отецъ умретъ, не успѣвъ сдѣлать завѣщанія, то нѣсколько почетныхъ лицъ по шаріату дѣлятъ все имущество на извѣстныя части и каждый наслѣдникъ получаетъ свою долю. Жѣнщина не пользуется здѣсь свободой, она даже не можетъ показаться постороннему лицу.

Изъ разныхъ мѣстныхъ обрядовъ нѣсколько интересны обряды, которыми сопровождаются рожденіе дѣтей и главнымъ образомъ ихъ обрѣзаніе, свадьбы и похороны. Обрѣзаніе совершается надъ новорожденнымъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его рожденія, но большею частью по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ особый, назначенный для обрѣзанія, день собираются по приглашенію отца родные и знакомые къ нему въ домъ, туда же приходитъ и цирюльникъ съ бритвою. Мальчику завязываютъ глаза и лицо, исполняющее обязанности кума, держитъ его на рукахъ съ согнутыми колѣнами, а цирюльникъ владетъ ргаеритіумъ между двумя камышами и обрѣзываетъ острою бритвою; потомъ мальчика укладываютъ въ постель и обрѣзанныя мѣста обсыпаютъ золою. Послѣ этого всѣ присутствующіе даютъ цирюльнику деньги, смотря по состоянію и желанію, и садятся за обѣдъ. По окончаніи обѣда, пожелавъ новообрѣзанному многолѣтія и счастья, гости расходятся, а цирюльникъ обрѣзанныя части беретъ съ собою на домъ, сушитъ и сберегаетъ ихъ.

Празднованіе свадьбы составляетъ выдающееся удовольствіе для здѣшнихъ жителей. Но прежде чѣмъ говорить о самой свадьбѣ, нужно замѣтить, что агалары, здѣшніе помѣщики, выдаютъ своихъ дочерей только за лицъ

своего круга, благодаря чѣму всѣ они породнились уже между собою, за лицъ же другаго сословія они ни за что не выдадутъ ихъ. Какъ агаларская, такъ и крестьянская свадьба имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ, отличаясь между собою только блескомъ, богатствомъ пиршествъ и нарядовъ. Отецъ, желая женить своего сына, выбираетъ ему невѣсту, отправляетъ къ ней на домъ сватовъ, которые заводятъ разговоръ о чемъ-либо и между прочимъ отыскиваютъ причину своего посѣщенія. Родители дѣвушки, согласившись на бракъ своей дочери съ извѣстнымъ лицомъ, назначаютъ въ извѣстный день нѣчто въ родѣ сговора. Къ этому дню родители жениха посылаютъ въ домъ невѣсты для празднованія сговора нѣсколько головъ сахару, нѣсколько фунтовъ чаю, разныхъ фруктовъ, крупы, масла и нѣсколько штукъ овецъ и тогда же приглашаются на сговоръ родные и гости. Въ это время, обыкновенно послѣ обѣда, эфенди, главный сельскій духовникъ, отправляетъ къ невѣстѣ какое-либо почетное лицо спросить ее, согласна ли она выйти за того, за кого родители ее выдаютъ. Въ случаѣ согласія невѣста обязана выбрать за себя повѣреннаго. Эфенди сначала беретъ за сговоръ отъ повѣреннаго со стороны жениха нѣсколько рублей, а потомъ дѣлается самъ повѣреннымъ за невѣсту, а повѣреннымъ за жениха выбираетъ одного муллу, такъ какъ не духовные не могутъ вмѣшиваться въ дѣла религіи. Послѣ этого эфенди говоритъ муллѣ, что тотъ долженъ дать за невѣсту 1,000 р., или 500 р., или сколько придется приданого; тотъ соглашается и тогда эфенди записываетъ въ книгу состоявшійся сговоръ, и въ извѣстный день назначается самое празднованіе свадьбы. Въ это время зурна сзываетъ жителей со всѣхъ концовъ селенія на свадьбу, и празднованіе ея продолжается до 7 дней и болѣе. Въ теченіе всего этого времени днемъ на дворѣ гудитъ зурна и юноши бѣгаютъ въ

запуска, а также и борются между собою; вечеромъ же собираются мужчины и женщины въ домъ и размѣщаются по группамъ (женщины садятся отдѣльно отъ мужчинъ на коврахъ); затѣмъ подъ звуки зурны начинаются танцы. Для выбора женщинъ на танцы назначаются обыкновенно двѣ старушки, которыя и выводятъ танцовщицъ на средину. Танцовщица выходитъ съ закрытымъ шелковою шалью лицомъ. Во время танцевъ мужчины дарятъ деньги въ пользу танцующихъ и танцы продолжаются до поздней ночи, послѣ чего гости расходятся, а почетныя лица приглашаются на ужинъ. Въ послѣднюю ночь празднованія невеста идетъ съ подругами въ домъ какой-нибудь изъ своихъ подругъ и оттуда возвращается въ свой домъ въ торжественномъ шествіи съ зурною, при факелахъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, направляемыхъ въ яблоко, воткнутое на длинный шестъ. Домъ невесты въ это время бываетъ наполненъ мужчинами и женщинами; здѣсь начинаются снова танцы и продолжаются до самаго разсвѣта. Въ это время собираются также добровольныя денежныя пожертвованія съ мужчинъ и женщинъ въ пользу невесты. Въ этотъ же день эфенди съ нѣсколькими муллами и почетными лицами отправляется на домъ къ невестѣ и совершаетъ обрядъ самаго бракосочетанія, взявъ за это нѣсколько рублей; потомъ записываетъ всѣ тѣ вещи, которыя родители невесты даютъ своей дочери въ приданое, какъ то: постель, ковры, войлоки, посуду и проч., и между прочимъ спрашиваетъ родителей невесты, сколько они получили отъ жениха; если они получили отъ него сполна, что было условлено съ повѣреннымъ муллою, то эфенди записываетъ все это въ книгу, въ противномъ же случаѣ забираетъ у жениха на условленную сумму скотины и разныхъ другихъ предметовъ и вручаетъ родителямъ невесты. Послѣ этого онъ записываетъ въ книгу о заключеніи бракосочетанія, благословляетъ жениха и

невѣсту, желаетъ имъ многолѣтія, счастья и многочадія. Въ этотъ же день, послѣ обѣда, собирается во дворъ невѣсты нѣсколько десятковъ молодыхъ людей на коняхъ, они начинаютъ скакать здѣсь взадъ и впередъ, сопровождая свою скачку выстрѣлами изъ ружей, потомъ сажаютъ невѣсту на красиво убранную лошадь и въ сопровожденіи большого количества народа она отправляется въ домъ жениха. Женихъ, еще до прибытія невѣсты, выходитъ изъ дому и встрѣчаетъ ее, стоя у дверей, причемъ даетъ выстрѣлъ, направляя дуло ружья выше ея головы. Затѣмъ невѣста вступаетъ въ домъ своего жениха. Вечеромъ въ этотъ день женихъ отправляется въ домъ кого-либо изъ своихъ друзей, а при наступленіи темноты, возвращается домой съ зурною, при фавелахъ и ружейныхъ выстрѣлахъ. Послѣ этого вновь начинаются танцы, по окончаніи которыхъ собираются добровольныя пожертвованія въ пользу жениха, и всѣ расходятся по домамъ; этимъ и заканчиваются всѣ свадебныя празднества.

Похоронныя обряды не сложны, но производятъ довольно тяжелое впечатлѣніе на душу. Когда кто-либо умретъ, то надъ нимъ вдругъ раздается горькій плачь женщины, призывающей жителей воздать послѣдній долгъ усопшему и оплакать его. Немедленно со всѣхъ концовъ селенія собираются въ домъ покойника жители съ различными подарками, преимущественно шелковой матеріей; близкіе къ умершему женщины вдохновляются творческою силою и начинаютъ пѣть импровизированныя пѣсни, сопровождая ихъ рваніемъ на себѣ одежды, волосъ и пр. Мулла между тѣмъ читаетъ надъ усопшимъ Коранъ до того времени, пока все будетъ готово къ погребенію. По окончаніи чтенія Корана, раздаютъ деньги всѣмъ присутствующимъ, потомъ кладутъ покойника на носилки и несутъ на кладбище, причемъ многіе сопровождаютъ умершаго на коняхъ. У моги-

лы снова читаютъ Коранъ надъ усопшимъ и, похоронивъ, возвращаются домой на обѣдъ, который дается мужчинамъ и женщинамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, смотря по состоянію покойнаго.

Изъ мѣстныхъ праздниковъ особымъ уваженіемъ въ средѣ населенія пользуются: Оручъ-Байрами, Новрузъ-Байрами и Курбанъ-Байрами. Первый состоитъ въ томъ, что послѣ 30-ти дневнаго поста всѣ жители одѣваются въ праздничное платье, приглашаютъ другъ-друга въ гости, скачутъ на лошадяхъ, сопровождая эту скачку ружейными выстрѣлами и пр. Новрузъ-Байрами—праздникъ новаго года. Наканунѣ этого праздника въ каждомъ дворѣ разводится огонь, а молодые люди, образовавъ нѣсколько партій, ходятъ по дворамъ съ пѣснями, привѣтствуя новый годъ. Въ самый день новаго года жители приглашаютъ другъ-друга къ себѣ въ гости и веселятся. Празднованіе Курбанъ-Байрами отличается отъ первыхъ двухъ тѣмъ, что въ этотъ день каждый дымъ по силѣ возможности долженъ заколотъ барана или вола, причемъ часть этой жертвы раздаютъ бѣднымъ, другую сосѣдямъ, а третью ѣдятъ сами хозяева.

С к а з н и.

I. Меликъ-Мамадъ и Меликъ-Шумшидъ.

Въ столицѣ нѣкотораго царства жили двѣ ханши, изъ которыхъ одна называлась Гулизарь, а друга—Асли; у нихъ долгое время не было дѣтей. Сильно желая имѣть ихъ, онѣ употребляли всевозможныя старанія произвести ихъ на Божій свѣтъ, но всѣ ихъ мѣры оставались тщетными. Вотъ изъ далекой страны пришелъ въ эту столицу дервишъ-нищій и между прочимъ вошелъ въ роскошный дворецъ ханшѣ просить себѣ подаванія. Ханши рассказали ему свое несчастіе. Тогда онъ далъ имъ обѣимъ по ябло-

бу и велѣлъ каждой съѣсть по половинѣ, а другія половины дать съѣсть своимъ мужьямъ; послѣ этого у нихъ должны родиться дѣти, и дервишъ велѣлъ одному изъ нихъ дать имя Меликъ-Мамадъ, а другому—Меликъ-Шумшидъ; при этомъ онъ даже предсказалъ судьбу каждаго изъ будущихъ дѣтей-богатырей. Ханши щедро наградили дервиша за совѣтъ и отпустили съ Богомъ.

Черезъ нѣсколько времени у обѣихъ ханшъ дѣйствительно родились дѣти; Гулизаръ назвала своего сына Меликъ-Мамадомъ, а Асли—Меликъ-Шумшидомъ. Дѣти эти росли не по днямъ, а по часамъ, и черезъ двѣнадцать лѣтъ стали высокими, стройными и красивыми юношами и уже тогда обладали богатырскою силою. Изъ любви къ такимъ завиднымъ дѣтямъ ханши не щадили своего имущества на драгоценные подарки имъ. Въ числѣ такихъ подарковъ былъ одинъ мячикъ. Разъ какъ-то оба богатыря пошли въ свой садъ гулять и Меликъ-Шумшидъ покатилъ свой золотой мячикъ съ такой силой по саду, что онъ пролетѣлъ всю аллею сада и очутился на улицѣ, гдѣ нѣкая старуха подняла его и спрятала у себя. Меликъ-Шумшидъ замѣтилъ это и сталъ требовать его отъ старухи, но та отказала. Тогда Шумшидъ, не долго думая, поднялъ старуху выше своей буйной головы и такъ ударилъ о землю, что та на мѣстѣ же умерла. Послѣ этого онъ взялъ свой мячикъ; но совѣсть его мучила, что онъ убилъ старуху, и вотъ онъ, вопреки волѣ и увѣщаніямъ своихъ родителей, добровольно осудилъ себя самъ за недостойное его званію преступленіе на долготннее изгнаніе въ царство красивѣйшей царицы міра—Авгунашъ. Царство это славилось между прочимъ и тѣмъ, что рѣдко кто изъ побѣдившихъ туда могъ возвратиться обратно, не будучи тамъ убитымъ. Но Меликъ-Мамадъ не хотѣлъ разстаться съ своимъ другомъ и порѣшилъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ это

роковое царство и раздѣлить съ нимъ тамъ всѣ удачи и неудачи. Въ одну прекрасную ночь оба богатыря, взявъ съ собою только свои стрѣлы, сѣли на своихъ летучихъ коней, выѣхали тайкомъ изъ столицы и, какъ стрѣла, пустились по направленію къ царству Авгунашъ. Вотъ они приблизились къ высокимъ стѣнамъ столицы этой царицы и вступили въ битву съ богатырями, охранявшими ворота въ столицу. Они убили этихъ богатырей и помчались по улицѣ прямо во дворецъ поклониться царицѣ. Авгунашъ приняла ихъ очень ласково и удивлялась тому, какъ они могли убить сильныхъ богатырей, охранявшихъ ворота въ ея столицу, тогда какъ ихъ не могли убить самые отважные богатыри изъ другихъ странъ. У этой царицы было семеро братьевъ. Они, желая имѣть родственниками такихъ небывалыхъ богатырей, какъ Меликъ-Мамадъ и Меликъ-Шумшидъ, предложили первому руку своей сестры, но тотъ скромно отказался отъ этого предложенія, предлагая выдать ее за своего друга Меликъ-Шумшида. Братья согласились на это, и вотъ начались роскошные свадебные пиры, на которыхъ происходили разныя увеселенія и между прочимъ бой богатырей.

Отпраздновавъ свадьбу сестры, братья ея опять предались своей охотничьей жизни. Однажды они пригласили съ собою на охоту и Меликъ-Мамада, а во дворцѣ съ царицею остался одинъ Меликъ-Шумшидъ. Въ этотъ день пришелъ къ нему богатырь Хамшинъ, ростомъ въ одинъ аршинъ, и сталъ просить Меликъ-Шумшида накормить его. Тотъ приказалъ дать ему половину громаднаго котла плова, но Хамшинъ не насытился этимъ и попросилъ дать себѣ еще цѣлый котелъ съ пловомъ, который готовился для богатырей, отправившихся на охоту; тогда Меликъ-Шумшидъ приказалъ прогнать его, но Хамшинъ отвѣтилъ ему на это сильною пощечиною. Меликъ-Шумшидъ во всю свою жизнь не

испытывалъ такого оскорбленія и, задумавшись о своемъ позорѣ, заснулъ богатырскимъ сномъ, а Хамшинъ, пользуясь этимъ, похитилъ царицу Авгунашъ и увезъ ее съ собою въ свой дворецъ, построенный въ одномъ глубокомъ колодцѣ. Скоро возвратились съ охоты братья царицы и Меликъ-Мамадъ. Узнавъ о происшедшемъ, братья пришли въ сильное негодованіе, такъ что у нихъ изъ глазъ посыпались искры. Не долго думая, всѣ семеро братьевъ царицы сказали Меликъ-Мамаду, чтобы онъ въ теченіе 40 дней нашелъ ихъ сестру, - иначе они грозили за нее убить Меликъ-Шумшида. Меликъ-Мамадъ согласился съ богатырскою готовностью отыскивать Авгунашъ и затѣмъ пустился въ странствованіе, взявъ съ собою только свою богатырскую стрѣлу. Послѣ двухдневнаго пути онъ встрѣтилъ двухъ богатырей, изъ которыхъ одинъ, стоя на вершинѣ высокой горы, ватилъ жерновъ, а другой, стоя у подошвы горы, задерживалъ этотъ жерновъ. Меликъ-Мамадъ взялъ ихъ съ собою. Одинъ изъ нихъ назывался Надиръ, а другой — Усубъ. Послѣ пятидневнаго пути они встрѣтили на дорогѣ громадный камень. Меликъ-Мамадъ предложилъ своимъ богатырямъ поднять вдвоемъ этотъ камень, но они, не смотря на всѣ свои усилія, не могли ничего съ нимъ сдѣлать. Тогда Меликъ-Мамадъ самъ только одною рукою сбросилъ этотъ камень съ мѣста. Оказалось, что онъ служилъ воротами во дворецъ Хамшина. Тогда Меликъ-Мамадъ предложилъ богатырю Надиру опуститься въ колодець и далъ ему въ руки одинъ конецъ длинной веревки, а другой самъ ввѣлъ; но, не дойдя до середины колодца, Надиръ сильно закричалъ и просилъ вытащить его, потому что чувствовалъ, будто горитъ въ пламени. Меликъ-Мамадъ вытащилъ его. Потомъ такимъ же образомъ былъ спущенъ богатырь Усубъ, и его также скоро вытащили по той же причинѣ. Теперь очередь дошла

до Меликъ-Мамада. Опускаясь въ колодець, онъ предупредилъ своихъ богатырей, чтобы они не вытаскивали его оттуда, хотя бы онъ и сталъ кричать, что горить въ огнѣ. Опустившись на дно колодца, Меликъ-Мамадъ зажегъ свѣчу, которую взялъ съ собою, и скоро замѣтилъ двери. Отворивъ ихъ, онъ вошелъ въ роскошную комнату. Здѣсь въ это время сидѣла царица Авгунашъ, а на коврѣ, положивъ голову на колѣни царицы, лежалъ богатырь Хамшинъ. Увидѣвъ Меликъ-Мамада, Авгунашъ залилась слезами отъ радости, а нашъ богатырь, не потерявъ ни одного мгновенія, своею богатырскою стрѣлою разомъ покончилъ съ Хамшиномъ и вывелъ царицу изъ этой комнаты. Въ колодцѣ онъ предложилъ ей подняться наверхъ по опущенной веревкѣ, по которой самъ онъ спустился, но царица отказывалась подняться первой, объяснивъ ему, что, если она поднимется первая, то находящіеся наверху богатыри Надиръ и Усубъ, прельстившись ея красотою, возьмутъ ее къ себѣ, а его не вытащутъ изъ колодца. Поэтому она совѣтовала Меликъ-Мамаду самому сначала подняться, а потомъ и ее вытащить, но онъ настоялъ на своемъ, и царица поднялась наверхъ первая. Но слова ея сбылись: богатыри, увидѣвъ ея необыкновенную красоту, порѣшили взять ее себѣ, а Меликъ-Мамада оставить въ колодцѣ. Бѣдный богатырь нашъ очень горевалъ, не найдя никакого средства подняться вверхъ; но дѣлать было нечего, и онъ началъ разсматривать огромное помѣщеніе Хамшина. Въ одномъ изъ отдѣленій онъ увидалъ двери, отворилъ ихъ, и... передъ нимъ открылся цѣлый городъ. Съ радостью направился онъ туда, поселился у одной старушки и попросилъ ее рассказать ему что нибудь объ этомъ городѣ. Старушка рассказала ему, что черезъ этотъ городъ протекаетъ маленькая рѣчка, изъ которой достаютъ воду для питья; въ этой рѣчкѣ живетъ семиглавый кровоидилъ, которому по жребію

еженедѣльно даютъ на пожираніе кого нибудь изъ жителей, чтобы онъ отпустилъ имъ воды.— „Завтра, продолжала старуха, нашъ царь выдаетъ свою старшую дочь замужъ, а его младшая дочь назначена на съѣденіе крокодилу“. Въ тотъ день, когда крокодилъ долженъ былъ позвать царскую дочь, Меликъ-Мамадъ пошелъ къ рѣчкѣ съ своею стрѣлою, попросилъ царскую дочь позволить ему заснуть, положивъ свою голову на ея колѣно, и велѣлъ разбудить себя при появленіи крокодила. Вотъ сидитъ царская дочь на берегу рѣчки и дожидается крокодила. Вдругъ съ ревомъ бросается это животное къ берегу на свою жертву; царская дочь отъ испуга совсѣмъ растерялась и не могла разбудить спавшаго богатыря. Изъ глазъ ея брызнули слезы и одна золотая слезинка, прокатившись по розовымъ щекамъ ея, упала на щеку спавшаго богатыря. Тотъ въ мигъ приподнялся и своею могучею стрѣлою свалилъ крокодила на берегъ, избавивъ такимъ образомъ и царскую дочь, и цѣлое государство отъ чудовища. За такую доблесть Меликъ-Мамада царь предложилъ ему просить чего онъ хочетъ, но тотъ отказался ото всего.

Меликъ-Мамадъ все придумывалъ разныя мѣры, какъ бы попасть въ свѣтлый міръ, гдѣ живутъ его родители, его другъ Меликъ-Шумшидъ и царица Авгунашъ; но всѣ его старанія оставались напрасными, и цѣлые дни и ночи онъ все раздумывалъ объ этомъ. Разъ старуха, у которой жилъ Меликъ-Мамадъ, спросила его о причинѣ его грусти; тотъ отвѣтилъ, что очень хочетъ попасть въ свой свѣтлый міръ. Тогда старуха сказала ему, что въ одной равнинѣ стоитъ высокое дерево, на которомъ воршунъ свилъ себѣ гнѣздо. Ежегодно удавъ съѣдаетъ его дѣтенышей, но стоитъ только Мамаду убить этого удава, и воршунъ, навѣрно, за эту услугу подниметъ его на своихъ крыльяхъ до желаемого міра. Не теряя ни минуты, Меликъ-Мамадъ помчался на эту равни-

ну и пришелъ туда какъ разъ къ тому времени, когда удавъ хотѣлъ пожрать дѣтенышей коршуна. Съ ловкостью пустилъ онъ въ него свою стрѣлу, и удавъ, пораженный стрѣлою, съ трескомъ полетѣлъ на землю. Послѣ этого нашъ богатырь спокойно заснулъ подь деревомъ. Вотъ прилетаетъ къ дереву коршунъ; Меликъ-Мамадъ проснулся отъ сильнаго вѣтра, который онъ производилъ взмахами своихъ крыльевъ. Тогда Меликъ-Мамадъ сталъ просить эту могучую птицу поднять его на крыльяхъ въ свѣтлый мѣръ. Коршунъ согласился на это съ большою готовностію, и черезъ нѣкоторое время Меликъ-Мамадъ былъ уже въ свѣтломъ мѣрѣ. Съ радостью пустился онъ по свѣту отыскивать своихъ и на пути встрѣтилъ богатырей Надира и Усуба, которые завладѣли царицею Авгунашъ и везли ее съ собою. Съ свирѣпостію льва бросился онъ на нихъ и разорвалъ ихъ на части, потомъ взялъ царицу Авгунашъ и направился съ нею къ столицѣ, гдѣ съ отчаяніемъ ожидали ихъ Меликъ-Шумшидъ и семеро братьевъ царицы. Всѣ ихъ встрѣтили у воротъ столицы, и встрѣча эта кончилась тѣмъ, что одинъ изъ братьевъ царицы отъ радости самъ убилъ себя своею стрѣлою. Черезъ нѣкоторое время Меликъ-Мамадъ и Меликъ-Шумшидъ съ царицею Авгунашъ возвратились въ свою родную столицу и застали тамъ еще въ живыхъ своихъ матерей. Но ханши скоро умерли, оставивъ свои обширныя владѣнія и богатства своимъ сыновьямъ. Черезъ 12 лѣтъ послѣ этого умерли и наши богатыри, оставивъ послѣ себя въ потомствѣ громкую славу о своихъ подвигахъ.

II. Авилъ-Касимъ и Авилъ-Мамадъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жила царица Нигаръ. Долгое время она была бездѣтна и съ горя общала половину

своего царства тому, кто укажетъ ей вѣрное средство родить дѣтей. Узнавъ объ этомъ, богатырь Нарманъ переодѣлся въ нищенское платье, пришелъ къ царицѣ и далъ ей одно яблово, посовѣтовавъ половину его самой скушать, а другую дать съѣсть шаху Апанту, послѣ этого, по его словамъ, она должна родить двухъ сыновей и первому должна дать имя Авиль-Касимъ, а второму—Авиль-Мамадъ. Царица тогда спросила его, что онъ возьметъ себѣ, если все это исполнится, и Нарманъ попросилъ себѣ втораго сына—Авиль-Касима. Царица обѣщала исполнить все сказанное имъ, и черезъ годъ она дѣйствительно родила двухъ близнецовъ, которымъ дала указанныя Нарманомъ имена. Прошло нѣсколько времени. Нарманъ, узнавъ о рожденіи дѣтей у царицы, пришелъ къ ней и напомнилъ ей объ обѣщаніи, которое она дала ему за нѣсколько времени передъ тѣмъ, когда желала родить дѣтей. Гордая царица, не желая нарушить своего обѣщанія, выдала ему своего сына Авиль-Касима, который охотно пошелъ съ Нарманомъ искать приключеній, чтобы въ нихъ закалить свою богатырскую натуру. Разъ Нарманъ, положивъ свою голову на колѣно Авиль-Касима, заснулъ богатырскимъ сномъ; Авиль-Касимъ, изъ любопытства разсматривая кудри Нармана, увидѣлъ въ нихъ золотой ключъ. Ключъ этотъ былъ отъ сосѣдней комнаты, которую Нарманъ ни разу не отпиралъ при немъ, такъ что Авиль-Касимъ не зналъ, что въ ней хранилось. Теперь онъ отперъ этимъ ключемъ заповѣдную комнату и увидѣлъ въ ней два источника, изъ которыхъ одинъ былъ золотой, а другой серебряный. Разсматривъ все это хорошенько, Авиль-Касимъ заперъ опять комнату и спряталъ ключъ въ своихъ кудряхъ. Нарманъ, проснувшись и не найдя въ своихъ кудряхъ золотого ключа, спросилъ Авиль-Касима, не знаетъ ли онъ, гдѣ находится такой то золотой ключъ, но тотъ отвѣчалъ, что не

знаеть, и Нарманъ, въ бѣшенствѣ, не понимая себя, пустился въ странствованіе—куда глаза глядятъ. А между тѣмъ Авиль-Касимъ отворилъ двери комнаты Нармана, гдѣ находилась его летучая лошадь, сѣлъ на эту лошадь, въѣхалъ на ней въ источникъ золота и покрылся весь съ конемъ золотомъ. Въ такомъ видѣ потомъ пустился нашъ молодой богатырь по направленію къ столицѣ шаха Марда. Когда онъ подъѣзжалъ къ столицѣ, конь упросилъ его отпустить его на волю; Авиль-Касимъ отпустилъ его, предварительно выдернувъ изъ хвоста нѣсколько волосъ и сказавши ему, чтобы онъ немедленно явился къ нему, когда только онъ призоветъ его по волосамъ. Затѣмъ самъ Авиль-Касимъ переодѣлся въ нищенское платье, вошелъ въ столицу и нанялся въ конюхи у шаха Марда. У этого владыки было три дочери чудной красоты, и Авиль-Касимъ въ самое короткое время сильно полюбилъ младшую царскую дочь, по имени Нигаръ, которая была красивѣе обѣихъ своихъ сестеръ. Съ этой поры Авиль-Касимъ и дни и ночи предавался разнымъ мыслямъ, и въ одинъ прекрасный вечеръ, снявъ съ себя платье и сіяя при свѣчѣ своимъ тѣломъ, покрытымъ золотомъ, началъ весьма трогательно пѣть пѣсню, въ которой со слезами произносилъ имя своей возлюбленной. Звуки этой задушевной пѣсни долетѣли до Нигаръ, которая въ это время сидѣла у окна и любовалась небосклономъ, изукрашеннымъ звѣздами. Услышавъ пѣсню Авиль-Касима, она вострепелась подобно соловью и отправилась въ конюшню; здѣсь она увидѣла красавца, сіяющаго золотомъ, который совсѣмъ растерялся отъ такой неожиданной встрѣчи, бросилась къ нему въ объятія, и счастію Авиль-Касима не было границъ. Долго они наслаждались своимъ счастіемъ, но вотъ насталъ день, въ который царь намѣревался выдать замужъ своихъ дочерей. Онѣ должны были выбрать себѣ жениховъ по желанію; но

царь заранѣе выбралъ для нихъ двухъ высокопоставленныхъ хановъ, а третьимъ женихомъ явился по жребію конюхъ Авиль-Касимъ. Стали всѣ три царскія дочери противъ трехъ жениховъ, и обѣ старшія выбрали себѣ въ женихи хановъ, а младшая Авиль-Касима. Этотъ выборъ удивилъ всѣхъ и осрамилъ самаго царя, такъ какъ никто, кромѣ ея, не зналъ, кто скрывается подъ платьемъ конюха. Во всякомъ случаѣ дѣло было сдѣлано, и царь устроилъ сорокадневный богатый пиръ по поводу выдачи своихъ двухъ дочерей за великихъ въ своемъ царствѣ хановъ, младшую же свою дочь за ея выборъ лишилъ празднованія свадьбы и далъ ей съ ея супругомъ самую дурную квартиру, тогда какъ ханамъ отвелъ великолѣпные дворцы.

Прошло нѣсколько времени, и вотъ шахъ Марда сильно заболѣлъ. Чтобы угодить своему повелителю, ему посоветовали достать и покушать яблоковъ изъ сада Бамадъ, находящагося за двумя горами, въ извѣстное только время отдѣляющимися другъ отъ друга и въ мигъ же замыкающимися. Для того, чтобы достать яблоки изъ этого сада, нужно было имѣть такую лошадь, которая бы въ моментъ размыканія горъ въ мигъ могла въѣхать въ садъ и также въ мигъ, подобно стрѣлѣ, вылетѣть назадъ, чтобы не попасть между горъ, когда онѣ соединяются. Но кто же возьмется достать для больного царя яблоки изъ этого сада? Никто не соглашался на такое трудное и очень опасное предпріятіе. Дѣлать было нечего, и ханы-зятья царя по неволѣ должны были сами взяться за это дѣло. Въ сопровожденіи большой конницы, съ разными запасами, пустились они въ невѣдомыя страны отыскивать чудесный садъ. Конюхъ Авиль-Касимъ тоже, въ свою очередь, упросилъ царя дать и ему какую нибудь лошадь, чтобы поѣхать за этими яблоками; царь сперва началъ смѣяться надъ нимъ, но потомъ приказалъ дать ему хромую лошадь, и Авиль-

Касимъ, сѣвъ на нее, поѣхалъ изъ столицы, сопровождаемый насмѣшками со стороны народа. Выѣхавъ за столицу, онъ отпустилъ хромую лошадь на волю и призвалъ своего золотого коня, который въ мигъ явился передъ нимъ съ оружіемъ, блестящимъ какъ солнце. Сначала Авиль-Касимъ снялъ съ себя одежду конюха и сталъ сѣять какъ звѣзда, потомъ набросилъ на себя свои доспѣхи, сѣлъ на коня и съ копьемъ въ рукахъ помчался по направленію къ саду, путь къ которому ему давно былъ извѣстенъ. Дорогою онъ встрѣтилъ зятьевъ шаха, которые, издали увидѣвъ его мчавшимся въ солнечномъ сіяніи подобно стрѣлѣ, признали его за богатыря, отступили отъ дороги и овазали ему честь, не зная, что это—конюхъ, котораго они такъ сильно презирали. Вотъ Авиль-Касимъ пріѣхалъ къ горамъ, дождался, когда онѣ разошлись, въ мигъ влетѣлъ въ садъ, сорвалъ три яблока и выѣхалъ обратно, послѣ чего горы снова сомкнулись. Мчится онъ теперь подобно стрѣлѣ назадъ, домой съ яблоками и опять встрѣчаетъ своихъ гордыхъ хановъ. Какъ бы не узнавъ ихъ, онъ спросилъ ихъ о причинѣ поѣздки и, узнавъ эту причину, предложилъ имъ купить у него эти яблоки, такъ какъ онъ только что сорвалъ ихъ въ томъ саду, куда они направляются. Это предложеніе очень обрадовало хановъ, и они предложили ему за яблоки громадную сумму, но Авиль-Касимъ отказался отъ денегъ и согласился дать имъ эти яблоки только тогда, если они позволятъ ему приложить имъ на пяткахъ своихъ ногъ его имянную печать. Ханы, не зная, что съ ними говорить презрѣнный конюхъ, согласились на это, и Авиль-Касимъ приложилъ имъ на пяткахъ свою печать, послѣ чего далъ имъ яблоки, но не тѣ, которыя сорвалъ въ саду Бамадъ, а другія; ханы же, думая, что это яблоки именно тѣ, которыя имъ нужны, въ неописанномъ восторгѣ возвратились въ столицу къ своему тестю. Но еще

прежде ихъ возвратился въ столицу Авиль-Касимъ. Доѣхавъ до столицы, онъ отпустилъ своего коня, снялъ свое платье и оружіе, сѣлъ на хромую лошадь, данную тестемъ, и пріѣхалъ домой, не говоря никому о случившемся, кромѣ своей возлюбленной. На другой только день послѣ этого пріѣхали ханы съ конницею и подносятъ шаху яблоки, сказавъ, что они сорваны самими ими въ саду Бамадь. Шахъ Марда, скушавъ одно яблоко, еще хуже заболѣлъ, и тогда только ханы догадались, что они обмануты неизвѣстнымъ чедовѣкомъ. На другой день младшая царская дочь, супруга Авиль-Касима, поднесла своему отцу два яблока, сорванныхъ ею мужемъ въ саду Бамадь. Шахъ сѣлъ одно изъ нихъ и сейчасъ же поправился. На вопросъ его, откуда она достала эти яблоки, Нигаръ смиренно отвѣчала, что ихъ досталъ ей супругъ, котораго онъ такъ сильно презираетъ. Тогда ханы догадались, что неизвѣстный чедовѣкъ, обманувшій ихъ, былъ не кто другой, какъ Авиль-Касимъ, и стали отчаяваться, какъ бы онъ изъ ненависти къ нимъ не открылъ всего ихъ позора.

Черезъ нѣкоторое время шахъ Ашантъ объявилъ шаху Марда войну. Обѣ воюющія стороны согласились покончить эту войну единоборствомъ двухъ богатырей, по одному съ каждой, условившись, что чей богатырь побѣдитъ, та сторона будетъ считаться побѣдившей и другая обязана ей покориться.

Со стороны шаха Ашанта вышелъ богатырь въ двѣ сажени высоты и въ сажень толщины, а со стороны шаха Марда никто не рѣшался выступить противъ такого богатыря. Тогда, не теряя времени, явился Авиль-Касимъ, все еще никому неизвѣстный, досталъ изъ своего кармана волосъ своей лошади, призвалъ ее къ себѣ, снялъ свое платье, надѣлъ пурпуровое, набросилъ на себя сверху оружіе, сѣлъ на свою лошадь и съ копьемъ въ рукѣ бросился на противника.

Поднявъ его копьемъ вверхъ, онъ бросилъ его потомъ на землю съ такою силою, что тотъ разорвался на части, и Авиль-Касимъ преподнесъ голову его шаху Марда. Такимъ образомъ шахъ Ашантъ долженъ былъ покориться шаху Марда. За эту услугу шахъ Марда предложилъ Авиль-Касиму просить что угодно, но Авиль-Касимъ отказался ото всего и попросилъ шаха привязать раздѣтъ наголо своихъ зятьевъ и рассмотреть ихъ пятки. Это немедленно было исполнено и шахъ замѣтилъ на пяткахъ своихъ зятьевъ печать Авиль-Касима.

Шахъ Марда уже былъ старъ, а потому передалъ свое царство Авиль-Касиму, который долго правилъ имъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ и довель это царство до высшей степени процвѣтанія. Умирая, онъ передалъ свое царство своему первенцу отъ своей возлюбленной супруги—шаху Азизу.

III. Шахъ Рустамъ.

Шахъ Рустамъ въ одно прекрасное утро отправился на охоту съ своими придворными, въ числѣ которыхъ особеннымъ его благоволеніемъ пользовался нѣкто Керимъ-заде. На ночлегъ всѣ они расположились около одного селенія. Въ эту ночь Кериму-заде приснилось, что въ этомъ селеніи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, родился одинъ прекрасный на видъ юноша, и что, увидѣвъ его случайно, дочь шаха Рустама выбрала его себѣ въ супруги. Керимъ-заде, проснувшись, рассказалъ этотъ сонъ шаху, и тотъ приказалъ узнать, не родился ли въ эту ночь въ селеніи какой-либо ребенокъ мужскаго пола. Спустя нѣсколько времени, ему донесли, что у одного богача въ эту ночь родился прекрасный сынъ. Тогда шахъ отправился къ этому богачу въ домъ и, замѣтивъ прекраснаго на видъ ребенка, попросилъ отца отдать ему этого ребенка въ сыновья, такъ какъ у ша-

ха не было сыновей. Отецъ, не предвидя ничего, отдалъ Рустаму своего сына, а тотъ приказалъ Кериму-заде сбросить этого ребенка съ высокой скалы, чтобы его не стало въ живыхъ. Шахъ боялся, что когда этотъ мальчикъ подрастетъ, то, пожалуй, сонъ Керима-заде исполнится и шаху придется тогда посрамиться передъ цѣлымъ свѣтомъ, принявъ въ зятя простаго человѣка. Благородный Керимъ-заде не могъ рѣшиться на это злодѣяніе и отказался прямо отъ исполненія такого грознаго и постыднаго для шаха приказанія; тогда жестокій шахъ самъ сбросилъ невиннаго ребенка со скалы, а потомъ возвратился со свѣтою во дворецъ. Но Господь избавилъ ребенка отъ смерти и послалъ къ нему оленя, который кормилъ его своимъ молокомъ до трехъ лѣтъ. До 15 лѣтъ молодой человѣкъ блуждалъ по лѣсамъ и горамъ, доставая себѣ пищу и одежду изъ убиваемыхъ имъ звѣрей. Спустя 15 лѣтъ, шахъ Рустамъ опять отправился на охоту въ ту сторону, гдѣ сбросилъ со скалы ребенка. Подъѣхавъ къ скалѣ, Керимъ-заде увидѣлъ тамъ одного прекраснаго юношу и догадался, что это тотъ самый ребенокъ, который нѣкогда былъ сброшенъ со скалы, но навѣрное не умеръ, а теперь подростъ. Керимъ-заде сообщил о своей догадкѣ шаху Рустаму и тотъ, подойдя къ юношѣ, спросилъ его: кто онъ такой, кто его родители и откуда онъ. На всѣ эти вопросы юноша отвѣчала, что ничего этого не знаетъ. Тогда шахъ, убѣдившись, что догадки Керима-заде основательны, написалъ своимъ придворнымъ приказъ во дворецъ, въ которомъ повелѣвалъ подателя его немедленно умертвить, и передалъ этотъ приказъ юношѣ, приказавъ доставить его во дворецъ. Не подозрѣвая коварства, юноша отправился во дворецъ съ приказомъ и черезъ 6 дней достигъ столицы. Подойдя къ столицѣ, онъ замѣтилъ невдалекѣ источникъ, сѣлъ около него, умылся и легъ отдохнуть отъ долгаго пути, держа въ одной

рукъ приказъ шаха. Въ это самое время дочь Рустама вышла съ служанками за столицу по своему обыкновенію погулять. Подойдя къ источнику, она увидѣла здѣсь спавшаго красавца съ открытою грудью и, замѣтивъ въ его рукъ бумагу, тихо взяла и прочла ее. Узнавъ о грозящей юношѣ гибели, она порвала приказъ и отъ имени своего жестокаго отца написала другой, въ которомъ предписывалось сановникамъ немедленно, съ полученіемъ этого приказа, выдать царскую дочь замужъ за этого юношу. Сдѣлавъ это, она вложила приказъ въ руки юношѣ, а сама ушла во дворецъ. Вотъ проснулся юноша и, ничего не подозрѣвая, направился ко дворцу и вручилъ приказъ сановникамъ. Тѣ, прочитавъ повелѣніе шаха, на другой же день выдали его дочь за юношу и отпраздновали царскую свадьбу. Такимъ образомъ исполнился сонъ Керима-заде. На другой день послѣ этого пріѣхалъ шахъ Рустамъ; но ему теперь ничего нельзя было сдѣлать, и онъ возвелъ юношу въ высокой санъ, а впоследствии, умирая, передалъ ему свое царство.

IV. Царевичъ Камбаръ.

Царевичъ Камбаръ былъ страстнымъ охотникомъ. Отправившись однажды на охоту съ однимъ изъ своихъ придворныхъ, онъ встрѣтилъ дорогою стадо гусей, которыхъ пасъ какой-то человекъ. Придворный его замѣтилъ, что одинъ гусь въ стадѣ едва ходитъ отъ тяжести, и, съ разрѣшенія царевича, купилъ его за 50 коп. Все это видѣлъ проходившій мимо какой-то арабъ. Приблизившись къ сановнику, этотъ арабъ сталъ просить уступить ему купленнаго гуся и предложилъ за него сто рублей; тотъ согласился, и арабъ, купивъ гуся, отправился домой. Пріѣдя къ себѣ, онъ передалъ гуся своей женѣ и приказалъ ощупать его, но до его возвращенія не смѣлъ потрошить его. Тѣмъ временемъ

царевичъ съ придворнымъ задумались, почему это арабъ за гуся далъ сто рублей, тогда какъ онъ стоитъ только 50 воп. и, не теряя времени, пустились вслѣдъ за арабомъ, желая возвратить гуся и разсмотрѣть, нѣтъ ли чего-либо внутри его. Они скоро прибыли въ деревню, гдѣ жилъ арабъ, и стали слѣдить, куда онъ пойдетъ. Когда арабъ, отдавъ своей женѣ извѣстное уже намъ приказаніе, вышелъ изъ дому и направился къ базару, царевичъ и его придворный, слѣдившіе за его выходомъ, вошли въ его домъ и увидѣли, что жена араба зарѣзала гуся и ощупываетъ его. Придворный настоятельно упросилъ ее уступить ему гуся за 10 рублей, и жена араба, ничего не вѣдая, согласилась отдать ему гуся за такую высокую цѣну. Камбаръ и его придворный взяли гуся и подобно стрѣльцѣ пустились къ своей столицѣ. Приѣхавъ во дворецъ, царевичъ самъ собственноручно выпотрошилъ гуся и въ желудкѣ его нашелъ какое-то чудесное кольцо, которое освѣщало весь дворецъ. Надѣвъ это кольцо на палецъ, царевичъ на другой же день съ тѣмъ же придворнымъ отправился въ столицу шаха Ибраима сватать его дочь, считавшуюся первою красавицей въ мірѣ. Шахъ Ибраимъ хотѣлъ выдать ее за того, кто богаче всѣхъ въ мірѣ. Приѣхавъ въ столицу Ибраима, царевичъ Камбаръ остановился у одной богатой вдовы и попросилъ ее отправиться къ шаху Ибраиму и посватать за него красивую его дочь. Вдова отправилась къ шаху и во время бесѣды высказала о желаніи царевича жениться на его дочери, а тотъ передалъ ей, что, если царевичъ Камбаръ въ состояніи будетъ завтра же угостить его со всѣми сановниками и войсками такъ, чтобъ ему это вполне понравилось, то онъ немедленно выдастъ за него свою дочь, въ противномъ же случаѣ просилъ не прогнѣваться. Вдова рассказала обо всемъ этомъ царевичу, и тотъ согласился на предложеніе шаха съ большою радостью.

На другой день Камбаръ обратился къ своему чудесному кольцу и сказалъ: „Кольцо! я отъ тебя желаю, чтобы сейчасъ же на этомъ мѣстѣ стояло двѣнадцати-этажное зданіе, выстроенное изъ золота: внутренность всѣхъ комнатъ должна быть убрана по-царски, передъ этимъ зданіемъ долженъ быть садъ, подобнаго которому нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, по аллеямъ сада должны стоять золотые столы съ такими же стульями, на столахъ должны быть роскошныя блюда, на всякомъ деревѣ должна висѣть золотая вѣтвь съ соловьемъ и соловьи эти при входѣ царя въ садъ должны начать свадебный гимнъ и окончить его только при уходѣ царя изъ свой дворецъ“. Только что окончили царевичъ свои слова, какъ все, что онъ просилъ, явилось вдругъ на самомъ дѣлѣ. Вся столица пришла въ восторгъ и въ ужасъ, увидѣвъ такое диво, но никто не зналъ, кромѣ самого царевича и его придворнаго, отчего все это такъ произошло. Вотъ прибылъ въ новый дворецъ шахъ съ дочерью, со всѣми сановниками и войсками; только что вступилъ онъ въ садъ, какъ вдругъ раздался соловьиный свадебный гимнъ. Шахъ былъ пораженъ роскошью сада, зданія и пира и тутъ же выдалъ свою дочь за царевича Камбара съ большими почестями. На другой день шахъ съ царевичемъ и сановниками отправился на охоту; Камбаръ же, боясь во время охоты потерять безцѣнное кольцо, отдалъ его своей супругѣ, ничего не сказавъ ей о чудесныхъ его свойствахъ, а та надѣла его на свой палецъ.

Между тѣмъ арабъ, узнавъ все приключившееся, пустился въ путь и пришелъ въ столицу шаха Ибраима. Замѣтивъ дворецъ царевича Камбара, онъ догадался, что дворецъ этотъ выстроенъ чудесною силою кольца, находившагося въ желудкѣ гуся. Зайдя во дворецъ, арабъ увидѣлъ супругу царевича, гуляющую по саду, подошелъ къ ней, сталъ на колѣни и со слезами просилъ ее уступить ему

кольцо, предлагая за него 200 червонцевъ. Царевна, взявъ деньги, уступила ему просимое кольцо. Послѣ этого арабъ немедленно оставилъ столицу и пустился въ обратный путь въ свой домъ, но на дорогѣ ему пришло въ голову отпра- виться къ морю, и послѣ нѣкотораго странствованія онъ очутился наконецъ на берегу моря. Стоя здѣсь, онъ до- сталъ чудесное кольцо и обратился къ нему съ слѣдую- щими словами: „Кольцо, я желаю отъ тебя, чтобы дво- рецъ царевича Камбара, находящійся въ столицѣ шаха Ибраима, съ садомъ передъ дворцомъ и съ супругою само- го царевича сталъ сейчасъ же на срединѣ этого моря и принадлежалъ мнѣ.“ Только что онъ окончилъ свои слова, какъ вдругъ весь дворецъ Камбара сталъ на срединѣ моря, и супруга царевича вмѣстѣ со всѣмъ чудеснымъ дворцомъ стала принадлежать арабу. Скоро возвратились съ охоты шахъ Ибра- имъ и царевичъ Камбаръ. Вѣсть о странномъ, загадочномъ исчезновеніи дворца поразила шаха и царевича, и ими овладѣла сильная грусть. Окружающіе шаха увѣрили его, что тутъ дѣло нечистое, что зять его, царевичъ Камбаръ, владѣеть злыми духами, потому его опасно держать при себѣ, а слѣ- дуетъ помѣстить въ другомъ домѣ и воспретить ему входъ во дворецъ. Шахъ повѣрилъ этому и удалилъ своего зятя отъ себя, помѣстивъ его совсѣмъ въ другомъ домѣ. Царе- вичъ заперся въ новомъ своемъ помѣщеніи и день и ночь все думалъ да гадалъ о пропавшемъ дворцѣ и о своей супругѣ. Разъ его сановникъ, проходя по базару, увидѣлъ, что два мальчика душатъ кошку и собаку; сановникъ подошелъ къ нимъ и освободилъ несчастныхъ животныхъ, взявъ ихъ къ себѣ домой. Спустя нѣсколько дней, кошка сказала собакѣ: „Знаешь ли ты, другъ мой: у нашего хозяина было кольцо, чу- десною силою котораго онъ построилъ дворецъ и женился на дочери шаха Ибраима. Теперь его дворецъ стоитъ по- среди моря, а кольцо находится у араба, который и жи-

веть въ этомъ дворцѣ съ супругою нашего господина. Пойдемъ къ морю, я сяду на тебя, а ты приплыви къ дворцу; я войду во дворецъ, какъ-нибудь украду это кольцо и мы принесемъ его нашему господину.“ Собака согласилась на это, и вотъ послѣ обѣда онѣ тайкомъ убѣжали изъ дому и направились къ морю. Черезъ нѣсколько дней онѣ пришли къ морю. Кошка вспрыгнула на спину собаки, и такимъ образомъ обѣ онѣ благополучно доплыли до дворца; затѣмъ кошка спрыгнула съ собаки и, приказавъ собаку остаться на дворѣ, сама вошла во дворецъ. Долго она старалась выслѣдить, гдѣ находится кольцо, и во время обѣда увидѣла, что арабъ досталъ его изо рта, положилъ на столъ и принялся ѣсть, а послѣ обѣда опять положилъ въ ротъ. Тогда кошка стала ожидать, когда арабъ заснетъ, чтобы какимъ-нибудь образомъ достать изо рта его кольцо. Къ счастью, арабъ послѣ обѣда заснулъ. Тогда кошка вспрыгнула на кровать араба и всунула свой хвостикъ ему въ ноздрю; арабъ, ощущая какую-то непріятность, приподнялся и плюнулъ на полъ. Кольцо выскочило у него изо рта, но онъ не замѣтилъ этого и скоро опять заснулъ. Тогда кошка, схвативъ кольцо, выбѣжала изъ дворца, вспрыгнула на спину собаки и онѣ поплыли обратно; но, подплывая къ берегу, собака начала настойчиво просить кошку показать ей кольцо, а та, желая удовлетворить любопытство собаки, уронила кольцо въ воду. Бѣдныя животныя остановились у берега, убитыя печалью вслѣдствіе этой потери. Скоро пришелъ къ берегу рыболовъ, который обѣщалъ имъ дать одну изъ пойманныхъ рыбъ. Рыбакъ поймалъ только одну рыбку и отдалъ ее, согласно обѣщанію, нашимъ животнымъ; кошка, схвативъ рыбу, взяла ее въ ротъ, отошла въ сторону и начала ѣсть. Къ счастью, кольцо оказалось во внутренностяхъ этой рыбы и наши животныя, доставъ его, съ восторгомъ пустились къ столицѣ. Скоро онѣ прибѣжали во дво-

рець, и кошка, подойдя къ царевичу, вспрыгнула ему на колѣни и выбросила изо рта кольцо. Царевичъ поднялъ его, надѣлъ на палець, со слезами поцѣловалъ кошку и собаку, понявъ теперь причину отсутствія ихъ изъ дому.

На другой день царевичъ попросилъ кольцо о томъ, чтобы его дворець съ садомъ, супругою и арабомъ появился на прежнемъ мѣстѣ. Когда просьба его была исполнена, онъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ сталъ искать свою возлюбленную по дворцу. Встрѣча ихъ была очень трогательная и стоила имъ многихъ, обильныхъ слезъ. Арабъ же немедленно былъ убитъ. Узнавъ объ этомъ, шахъ Ибраимъ пріѣхалъ повидаться съ дочерью и зятемъ.

Послѣ этого всѣ зажили счастливо. Прошло много времени. Шахъ Ибраимъ, приближаясь къ смерти, передалъ свой престолъ царевичу Камбару, какъ своему зятю, и тотъ сдѣлался могущественнѣйшимъ и богатѣйшимъ въ мірѣ царемъ.

V. Шахъ Исмаиль.

Шахъ Исмаиль былъ сынъ славившагося богатствомъ и военными силами шаха Абдуллы. Достигши шестнадцатилѣтняго возраста, онъ началъ принимать участіе въ сраженіяхъ, гдѣ закалялъ свою натуру, и скоро пріобрѣлъ славу непобѣдимаго героя. Онъ до того пристрастился къ войнѣ, что считалъ потеряннымъ для себя тотъ годъ, въ который не было войны; поэтому могущественный шахъ Абдулла, изъ любви къ своему единственному и безцѣнному сыну, ежегодно объявлялъ войну то тому, то другому шаху и всегда оставался побѣдителемъ, благодаря своимъ славнымъ войскамъ и особенно своему непобѣдимому герою-сыну. Но шахъ Исмаиль питалъ страсть также и къ охотѣ. Однажды во время охоты онъ увидѣлъ бѣгущаго оленя и по-

скакалъ за нимъ, желая загнать его и поймать живымъ. Олень завелъ царевича въ одну прекрасную равнину, гдѣ стоялъ роскошный дворецъ царицы Пари, которая въ это время гуляла передъ дворцомъ. Оставивъ преслѣдованіе оленя, шахъ Исмаиль сталъ любоваться красотою царицы, а та, узнавъ въ немъ непобѣдимаго героя, шаха Исмаила, попросила его подойти къ ней. Шахъ Исмаиль исполнилъ ея просьбу и прискакалъ къ ней. Тогда она ему сказала: „Я до сего времени никого ни изъ царей, ни изъ героевъ не удостоила моей руки, но ты получишь ее, если найдешь меня послѣ этой встрѣчи. Вотъ тебѣ на память мой башмакъ и кольцо“. Послѣ этого шахъ Исмаиль возвратился во дворецъ нѣсколько разстроенный; отецъ его неоднократно спрашивалъ его о причинѣ грусти, но всегда получалъ отрицательный отвѣтъ. Прошелъ день, и шахъ Исмаиль исчезъ невѣдомо куда. Хотя отецъ и узналъ послѣ, въ чемъ заключалось все дѣло, но не захотѣлъ мѣшать желаніямъ добраго сына своего и предоставилъ ему полную свободу. Отправившись отыскивать свою возлюбленную Пари-задъ-ханимъ, шахъ Исмаиль дорогою увидѣлъ на равнинѣ прекрасный домъ и пожелалъ войти въ него, но никакъ не могъ найти дверей въ него. Разсердившись, онъ обнажилъ саблю и разсѣкъ домъ этотъ на двѣ половины. Войдя въ него, онъ увидѣлъ тамъ одну прекрасную дѣву, изъ-за которой много царей вели войну съ ея семью братьями, по храбрости равнявшимися цѣлому войску. Дѣва эта, видя передъ собою такого же красавца, какъ и она сама, привѣтливо угостила его и не допустила уѣхать на ночь, а просила остаться у нея. Шахъ Исмаиль согласился на это и, вступивши въ бесѣду съ прекрасною дѣвою, просилъ ее рассказать о себѣ. Она рассказала ему про свою судьбу и между прочимъ упомянула о томъ, что ея семеро братьевъ ведутъ войну изъ-за нея съ шахомъ Вердіемъ.

Отдохнувъ покойно ночью, шахъ Исмаиль рано утромъ сѣлъ на своего боеваго коня и помчался на поле сраженія. Здѣсь онъ сталъ помогать братьямъ красивой дѣвы, и вмѣстѣ они скоро почти совсѣмъ истребили войска шаха Вердія. Послѣ этого братья вмѣстѣ съ шахомъ Исмаиломъ возвратились домой и къ удивленію своему увидѣли, что домъ ихъ разсѣченъ на двѣ половины; отъ сестры они узнали причину этого и охотно согласились выдать ее замужъ за такого славнаго богатыря, какъ шахъ Исмаиль. Тотъ взялъ ее съ собою и поѣхалъ дальше въ странствованіе отыскивать свою Пари-задъ-ханымъ. Только вдругъ перегораживаетъ ему дорогу какой то арабъ и вступаетъ съ нимъ въ бой. Шахъ Исмаиль, сваливъ араба на землю, хотѣлъ было уже убить его, но арабъ остановилъ его и попросилъ раскрыть ему грудь. Шахъ Исмаиль исполнилъ это и увидѣлъ, что арабъ—дѣвица; тогда онъ взялъ и ее въ жены и съ обѣими ими пустился дальше. Долго онъ ѣздилъ, наконецъ пріѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ скрывалась его Пари-задъ-ханымъ. Шахъ Исмаиль отправился къ ней на домъ и остался тамъ нѣсколько дней, а потомъ рѣшился вмѣстѣ съ нею и двумя другими женами возвратиться къ своему отцу. Шахъ Абдулла встрѣтилъ со слезами своего дорогаго сына у воротъ столицы. Прошло нѣсколько времени, и отцу стало завидно, что самъ онъ не могъ добиться руки красавицы Пари-задъ-ханымъ, а его сынъ добился, и потому онъ сталъ придумывать мѣры, какъ бы погубить своего сына, а красавицу жену его взять себѣ. Съ этою цѣлью онъ въ одну ночь подослалъ къ сыну убійцъ, которымъ приказалъ выколоть Исмаилу глаза и бросить его въ такомъ видѣ въ поле, чтобы звѣри растерзали его. Все это было исполнено въ точности, и шахъ Абдулла взялъ Пари-задъ-ханымъ къ себѣ. Но не долго онъ любовался ею. Разъ вечеромъ гуляла

Пари-задъ-ханимъ передъ дворцомъ, какъ вдругъ прискакала вторая жена шаха Исмаила—арабъ и увезла ее съ собою, ни за что не соглашаясь выдать ее свирѣпому отцу, убитшему изъ-за нея своего сына. Шахъ очень рассердился и послалъ большую конницу противъ нея, чтобы отнять у нея красавицу Пари-задъ. Тѣмъ временемъ одна ворона прилетѣла и сѣла на трупъ лежавшаго въ полѣ шаха Исмаила и стала горько плавать по несчастномъ героѣ; потомъ своимъ клювомъ она подняла лежавшіе около него глаза и, вложивъ ихъ въ глазныя впадины, улетѣла за живой водой къ чудесному, цѣлительному источнику, который находился между двухъ горъ. Воду эту рѣдко кто могъ достать, потому что у этого источника гнѣздились удавы, который пожиралъ всякаго смѣльчака, являвшагося за водой. Ворона скоро возвратилась съ живою водой, влила часть ея въ ротъ Исмаилу, отъ чего онъ ожилъ, а остальную влила въ глазныя отверстія, отъ чего онъ сталъ видѣть. Шахъ Исмаилъ, оживши, отлично помнилъ, какъ жестоко поступилъ съ нимъ отецъ, и поэтому рѣшился отмстить ему. Прибывши къ столицѣ, онъ увидѣлъ, что цѣлое войско шаха ведетъ за городомъ войну со второю его женою, поскакалъ туда и вмѣстѣ съ женою разбилъ все войско шаха. Послѣ этого онъ вступилъ въ столицу, убилъ Абдуллу, завладѣлъ царскимъ престоломъ и правилъ царствомъ до самой своей смерти.

VI. Шарифъ.

Одинъ богачъ имѣлъ трехъ сыновей, изъ которыхъ младшій назывался Шарифъ. Умирая, отецъ просилъ своихъ сыновей, чтобы каждый изъ нихъ поочередно караулилъ его могилу въ теченіе одной ночи. На первую ночь, по его смерти, пошелъ на кладбище караулить отцовскую мо-

гилу старшій сынъ, но съ половины дороги вернулся и пошелъ къ своей любовницѣ провести ночь. Это замѣтилъ младшій сынъ Шарифъ и, чтобы могила его отца не осталась безъ надзора, немедленно самъ пошелъ караулить ее. Въ самую полночь къ могилѣ подѣхалъ вакой то чело-вѣкъ въ черномъ платьѣ съ оружіемъ и началъ поносить покойника. Шарифъ вступилъ съ нимъ въ бой и убилъ его; послѣ чего взялъ его лошадь и спряталъ вмѣстѣ съ оружіемъ и платьемъ въ подземельѣ, утромъ же возвра-тился домой, не говоря никому ничего о случившемся. Вотъ приходитъ старшій братъ отъ любовницы и, предпо-лагая, что это никому неизвѣстно, говорить братьямъ, будто никого не видѣлъ на кладбищѣ. На вторую ночь пошелъ на кладбище караулить отцовскую могилу средній сынъ, но также съ полъ-дороги направился къ любовницѣ, а ка-раулить пошелъ опять младшій сынъ Шарифъ. Въ полночь опять подѣхалъ къ могилѣ неизвѣстный чело-вѣкъ уже на бѣломъ конѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ оружіемъ въ рукахъ и также сталъ поносить покойника; Шарифъ убилъ и это-го чело-вѣка, а коня его, оружіе и платье спряталъ опять въ подземельѣ. Утромъ возвратился домой и средній братъ и сказалъ также, что ничего не видѣлъ ночью на могилѣ отца. На третью ночь очередь была Шарифа, и онъ по-шелъ караулить могилу дорогаго отца. Въ полночь вдругъ подѣхалъ къ могилѣ чело-вѣкъ въ голубомъ платьѣ на голубомъ конѣ и также сталъ поносить покойника; Ша-рифъ убилъ его, а коня его и вооруженіе спряталъ въ подземельѣ, утромъ же возвратился домой, какъ ни въ чемъ не бывало, ничего не говоря братьямъ о случившемся. Въ то время нѣкій царь приказалъ объявить по всѣмъ городамъ и селамъ о томъ, чтобы молодые люди собира-лись къ нему на царской праздникъ на хорошихъ коняхъ. Вотъ въ назначенный день со всѣхъ городовъ и селеній

отправились на праздникъ молодые люди на хорошихъ коняхъ, въ томъ числѣ поѣхалъ и братья Шарифа; самъ же Шарифъ направился къ кладбищу въ подземелье, гдѣ были спрятаны его кони и вооруженіе, одѣлся въ бѣлое платье, сѣлъ на бѣлаго коня и съ оружіемъ въ рукахъ помчался на праздникъ. У царя было три прекрасныхъ дочери и отецъ обѣщалъ на праздникѣ руку старшей тому, кто на конѣ перескачетъ черезъ ровъ въ полтораста саженой ширины, который онъ приказалъ передъ тѣмъ вырыть. Всякій слѣшилъ отличиться передъ царемъ, но всѣхъ далеко оставилъ позади себя Шарифъ: на своемъ бѣломъ конѣ онъ легко перескочилъ черезъ ровъ и взялъ старшую дочь царя, не будучи узнавъ ни братьями и никѣмъ другимъ. Вотъ братья Шарифа пріѣхали домой и стали рассказывать ему о случившемся, а онъ не показалъ даже вида, что отлично знаетъ, кто былъ этотъ молодець, о которомъ рассказывали ему братья. На слѣдующій день собралось на праздникъ снова множество знатныхъ юношей, явились братья Шарифа, явился и онъ самъ на голубомъ конѣ, въ голубомъ платьѣ, съ оружіемъ и опередилъ опять всѣхъ, взявъ среднюю царскую дочь. На третій день собралось гостей гораздо болѣе, чѣмъ въ первые два дня, такъ какъ въ этотъ день рѣшалась судьба младшей дочери, которая по красотѣ далеко превосходила своихъ сестеръ, но и она досталась Шарифу. Вотъ окончились праздники, но даже самъ царь не зналъ, кому достались его дочери. На другой день Шарифъ предложилъ своимъ братьямъ поѣхать на кладбище; они согласились на это и Шарифъ завелъ ихъ въ подземелье, гдѣ стояли три прекрасныя лошади и находились всѣ три царскія дочери. Тутъ онъ рассказывалъ имъ, какъ все случилось со времени смерти ихъ отца и въ заключеніе предложилъ старшую дочь царя своему старшему брату, вторую своему среднему брату, а млад-

шую оставилъ себѣ. Но братьямъ стало завидно, что Шарифъ успѣлъ такъ отличиться и потому они стали искать случая погубить его. Въ одно прекрасное утро они втроемъ отправились на охоту. Въ это время богатырь Караданъ подѣхалъ къ дому супруги Шарифа и попросилъ у нея себѣ воды; утоливши жажду, онъ вдругъ схватилъ ее и увезъ съ собою. Скоро братья возвратились съ охоты и Шарифъ, узнавъ о похищеніи своей супруги, пустился по свѣту отыскивать ее. Девять дней ѣздилъ онъ быстро съ одного мѣста на другое, наконецъ встрѣтилъ на дорогѣ старуху, которая, узнавъ о причинѣ его странствованія, посоветовала ему прекратить всякія исканія, такъ какъ супруга его увезена самымъ могущественнымъ богатыремъ Караданомъ, живущимъ на срединѣ моря. Шарифъ однако не обратилъ вниманія на совѣты старухи, а полетѣлъ дальше на своемъ летучемъ конѣ. Только вдругъ ему преграждаютъ путь трое богатырей; Шарифъ вступаетъ съ ними въ бой и всѣхъ ихъ убиваетъ. Въ это время изъ дома убитыхъ богатырей вышли ихъ три прекрасныя жены и, прельстившись красотою Шарифа, стали просить его остаться съ ними хоть одну ночь. Шарифъ согласился на это, но на другой день очень рано выѣхалъ въ путь и наконецъ достигъ моря, посреди котораго красовался великолѣпный домъ богатыря Карадана. Пустивши въ море коня, Шарифъ подплылъ къ дому Карадана, самого его убилъ и остался тамъ съ своей возлюбленной навсегда, проводя все время въ разныхъ удовольствіяхъ.

Учитель Салахлинскаго училища *Б. Веніаминовъ.*

Сел. Селакъ-лу.
1882 г.

КАРАЧАЕВСКІЯ СКАЗАНІЯ.

Нѣсколько словъ отъ собирателя.

Въ верховьяхъ р. Кубани, по горнымъ отрогамъ Эльбруса, въ Баталпашинскомъ уѣздѣ, Кубанской области, живетъ Карачаевское племя татарскаго происхожденія, населяющее нѣсколько ауловъ. Говоритъ оно татарскимъ языкомъ и занимается, главнымъ образомъ, скотоводствомъ.

По преданію, карачаевцы живутъ въ своей горной мѣстности около четырехъ-сотъ лѣтъ. Сначала ихъ поселилось здѣсь немного, но съ теченіемъ времени численность ихъ увеличилась отъ наплыва разныхъ пришельцевъ: сванетовъ, мингрельцевъ, абхазцевъ, кабардинцевъ и русскихъ бѣглецовъ, такъ что въ настоящее время число ихъ простирается до тридцати тысячъ душъ обоюго пола. Вѣроисповѣданія они магометанскаго, но исповѣдуютъ эту религію, повидимому, не особенно давно, ибо теперь еще есть столѣтніе старики, которые увѣряютъ, что они помнятъ то время, когда въ Карачаѣ было много язычниковъ, ѣвшихъ свиное мясо.

Карачаевцы вообще народъ довольно словоохотливый, любящій на досугѣ поболтать о разныхъ предметахъ, преимущественно же о старинѣ; въ особенности они большіе охотники до преданій о прошломъ своей родины, охотники до разсказовъ о герояхъ, о нартскихъ богатыряхъ или объ огромнѣйшихъ и безобразнѣйшихъ эмегенахъ, великанахъ-

чудовищахъ, обладавшихъ сверхъестественною силою. Потому то рассказовъ такихъ здѣсь довольно количество. Такъ, здѣсь встрѣчаются почти всѣ сказанія о нартахъ, записанныя г. Урусбиевымъ у татаръ Пятигорскаго округа *), и имѣютъ тотъ же самый характеръ, отличаясь отъ нихъ только въ деталяхъ. Кромѣ того, здѣсь есть еще рассказы о великанахъ неизвѣстнаго времени и преданія о родоначальникѣ карачаевцевъ—Карчи. Мы собрали нѣсколько такихъ рассказовъ и преданій, а изъ нартовскихъ сказаній помѣстили только тѣ, которыя не встрѣчаются у г. Урусбиева.

Г. Ачимезъ и Хубунъ.

На рѣкѣ Терекѣ, въ мѣстности, называемой Насыранъ, жилъ одинъ изъ нартовскихъ богатырей, по имени Ачи, а на лѣвомъ берегу рѣки Кубани, близъ укрѣпленія Хумаринскаго, жилъ Хубунъ.

У Ачи было шесть взрослыхъ, храбрыхъ сыновей, которые въ разное время были убиты Хубуномъ. Лишившись своихъ дѣтей, Ачи рѣшился отмстить кровожадному Хубуну. Съ этою цѣлью онъ отправился въ его владѣнія и, увидя удобное время, угналъ его громаднѣйшій табунъ лошадей.

Хубунъ бросился за нимъ въ погоню, догнавъ его при устьяхъ Дзегуты, праваго притока рѣки Кубани, и здѣсь у нихъ завязалась борьба, продолжавшаяся три дня и три ночи. Наконецъ Хубуну удалось побѣдить своего противника. Тогда, убивши Ачи, Хубунъ привязалъ его къ хвосту его же буланого коня и пустилъ этого коня на свободу. Вѣрный конь притащилъ своего хозяина прямо домой.

*) См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. 1881 годъ. Вып. I, отд. II.

Увидѣвъ Ачи убитымъ, старшій братъ его, по имени Насыранъ, возымѣлъ сильное желаніе отмстить убійцѣ за его смерть.

Собравши своихъ вѣрныхъ нартскихъ богатырей, въ числѣ которыхъ находились Сосруко, Рачивоу и др., Насыранъ отправился во владѣнія Хубуна, но, дойдя до того мѣста, гдѣ Джегута впадаетъ въ Кубань, долженъ былъ остановиться, потому что не могъ переправиться черезъ рѣку, находившуюся въ то время въ сильномъ разливѣ. Дѣлать было нечего, и Насыранъ расположился здѣсь лагеремъ, чтобы выждать болѣе благоприятное время. Такъ онъ здѣсь простоялъ довольно долго, ограничиваясь только небольшими набѣгами на враговъ.

А между тѣмъ въ это самое время жена Ачи родила сына Ачимеза, который черезъ недѣлю сталъ уже ходить, а черезъ двѣ, къ удивленію всѣхъ, уже участвовалъ въ играхъ дѣтей. Однажды, играя съ товарищами, Ачимезъ услышалъ отъ нихъ упреки, что его отецъ убитъ и остается не отмщеннымъ, а самъ онъ, обладая такою силою, играетъ на улицѣ и нисколько не думаетъ о мести. Ачимезъ до сихъ поръ ничего этого не зналъ. Услышавъ отъ товарищей объ убійствѣ отца, онъ сталъ задумчивъ и все хотѣлъ знать, кто такой былъ убійца, но мать его, считая его слишкомъ молодымъ, чтобы отмстить за смерть отца, не рѣшалась сказать ему, что Ачи убитъ Хубуномъ. Видя упорство матери, Ачимезъ сталъ совѣтоваться съ своими товарищами, какимъ бы образомъ выпытать отъ нея, кто былъ убійцею его отца.

Одинъ изъ товарищей посоветовалъ ему попросить у матери горячей халвы *) и при этомъ поступить слѣдующимъ образомъ:

— „Если она будетъ тебѣ давать на поднось, ска-

*) Халва—мѣсиво, состоящее изъ меда, пшена, толченыхъ орѣховъ и муки.

залъ онъ: ты не бери, а попроси, чтобы она подала тебѣ ее прямо изъ рукъ; тогда ты сожми ей руку съ халвою. Ей будетъ очень больно и отъ боли она непременно откроетъ тебѣ, кто былъ убійца твоего отца“.

Ачимезъ все такъ и сдѣлалъ и дѣйствительно узналъ, какъ и отъ кого погибъ его отецъ. Тогда онъ рѣшился во что бы то ни стало не медля исполнить священный долгъ мести. Но у него не было ни лошади, ни оружія. Тогда онъ обратился къ матери:

— „Не осталось ли отъ отца надежной лошади и оружія?“ спросилъ онъ.

— „Да, отвѣчала она: остались три любимыя его лошади и оружіе въ черномъ сундукѣ, но не тебѣ только поймать и ѣздить на тѣхъ лошадяхъ и носить то тяжелое вооруженіе.“

Ачимезъ не обратилъ вниманія на послѣднее замѣчаніе матери, а бросился въ поле, поймалъ отцовскаго буланнаго коня, осѣдлалъ его (а конь все посматривалъ на него съ недовѣріемъ), сѣлъ на него и три раза ударилъ его своею крѣпкою плетью. Конь при этомъ три раза поднялся къ небу и три раза опустился на землю, но, чувствуя на себѣ крѣпкаго сѣдока, сдѣлался покорнымъ, какъ овечка, и сказалъ: „Никто еще на мнѣ не ѣздилъ, кромѣ твоего отца, но клянусь, что я буду тебѣ служить такъ же вѣрно, какъ и ему, потому что ты стоишь его.“

Послѣ этого Ачимезъ и конь его поклялись другъ другу въ вѣрности, и Ачимезъ, надѣвъ на себя тяжелое вооруженіе своего отца, отправился на Кубань исполнить задуманную месть. Къ вечеру онъ добрался до Кубани, верстахъ въ трехъ выше того мѣста, гдѣ находился отрядъ его дяди и, не смотря на сильный разливъ воды, переправился на лѣвый берегъ рѣки, разложилъ здѣсь большой костеръ и расположился на ночлегъ. Въ отрядѣ Насырана скоро

замѣтили костеръ и подумали: не явился ли сюда Хубунъ? Поэтому рѣшено было непременно узнать, кто тамъ и зачѣмъ. Но такъ какъ охотника добровольно исполнить это рѣшеніе не было, то предводители рѣшили между собою бросить жребій, кому отправиться къ костру, чтобы узнать, кто тамъ; жребій палъ на Насырана. Не безъ страха кое-какъ переправился онъ черезъ Кубань и робко приблизился къ костру; здѣсь съ удивленіемъ онъ увидѣлъ буланого коня покойнаго своего брата, а возлѣ огня сидѣлъ мальчикъ. Послѣ обычнаго привѣтствія, Насыранъ спросилъ его:

— „Кто ты такой? Гдѣ взялъ ты эту лошадь и зачѣмъ здѣсь?“

— „Я—сынъ Ачи, отвѣчалъ мальчикъ, а лошадь—моего отца. Я пріѣхалъ отмстить тому, кто убилъ его“.

Насыранъ зналъ, что у его брата не было ни одного сына, когда самъ онъ отправился въ походъ, жена же его была дѣйствительно въ то время беременною; но онъ повѣрилъ словамъ мальчика только тогда, когда узналъ отъ него время его рожденія. Тогда, послѣ обычнаго родственнаго привѣтствія, Насыранъ взялъ его къ своимъ храбрымъ нартамъ. Увидѣвъ Ачимеза и узнавъ отъ Насырана, кто онъ такой и зачѣмъ явился сюда, нарти сказали:

— „Ты еще такъ малъ, что не можешь переносить тѣхъ лишеній, которыя намъ приходится испытывать въ нашей боевой жизни. Напрасно ты сюда заѣхалъ“.

— „Ничего, отвѣчалъ Ачимезъ: я какъ нибудь все снесу. Вы будете воевать, а я буду въ вашемъ лагерѣ присматривать за вашимъ имуществомъ, ночью же пасти вашихъ лошадей. Однимъ словомъ, я буду вашимъ шапою*)“.

Сказавши это, онъ пожелалъ нартамъ покойной ночи, а самъ погналъ ихъ лошадей на пастбу. Пригнавъ ихъ въ безопасное мѣсто, онъ оставилъ ихъ тамъ, а самъ от-

*) Шапа—слуга.

правился отыскивать табуны Хубуна. Табуны эти паслись при впадении Тиберды въ Кубань, и Ачимезъ скоро нашел ихъ здѣсь. Подъѣхавъ къ одному табуну, онъ крикнулъ громкимъ, повелительнымъ голосомъ и огромнѣйшій табунъ Хубуна, повинувся чудесному голосу Ачимеза, послѣдовалъ за нимъ къ лагерю спокойно спавшихъ нартовъ. Сильный топотъ лошадей разбудилъ ихъ. Страшно переполошившись, они схватились было за оружіе, думая, что бѣжить къ нимъ войско Хубуна, но Ачимезъ успокоилъ ихъ, сказавши, что это они слышатъ гулъ пригнаннаго къ нимъ Хубунова табуна; при этомъ онъ совѣтовалъ имъ какъ можно скорѣе съ этою значительною добычею возвращаться домой.

— „А то если Хубунъ, спохватившись, нагонитъ васъ, сказалъ онъ имъ: то почему знать, на чьей еще сторонѣ останется побѣда“.

Выпроводивши нартовъ, Ачимезъ воротился назадъ и остановился на одной возвышенности наблюдать за дѣйствіями Хубуна. Послѣдній съ безпокойствомъ отыскивалъ своихъ лошадей, но ихъ нигдѣ не было видно. Тогда, замѣтивши Ачимеза, Хубунъ спросилъ его, не видѣлъ ли онъ здѣсь гдѣ-нибудь его табуна. Ачимезъ отвѣчалъ, что видѣлъ, какъ какіе то неизвѣстные ему люди прогнали чей то табунъ въ ту сторону, и при этомъ указалъ совсѣмъ не туда, куда дѣйствительно нарты угнали лошадей, а въ противоположную сторону, и вызвался даже самъ сопровождать Хубуну и указывать ему дорогу. Черезъ нѣсколько времени они выѣхали на гору, близъ того мѣста, гдѣ теперь находится станица Карданикская. Здѣсь Ачимезъ, остановивши Хубуна, сказалъ:

— „Стой, не ѣзди напрасно! Я обманулъ тебя: я угналъ твоихъ лошадей и отправилъ ихъ съ моими храбрыми нартами въ свои владѣнія на Терекъ“.

Хубунъ отъ изумленія остановился какъ вкопанный и, выпучивши свои, отъ гнѣва налившіеся кровью, глаза, сказалъ:

— „Какъ ты смѣлъ, щенокъ, меня, старика, обманывать и угонять мое трудами нажитое добро? Да я тебѣ всё внутренности вымотаю и отдамъ собакамъ на съѣденіе!“

— Да, я смѣлъ и имѣю на то полное право, сказалъ Ачимезъ, потому что я сынъ Ачи, погибшаго отъ твоихъ, уже прежде запятнанныхъ кровью моихъ *шести* братьевъ, рукъ. Я пріѣхалъ разсчитаться съ тобою за нихъ. Теперь посмотримъ, кто останется побѣжденнымъ: щенокъ, или старая собака“. Тутъ у нихъ закипѣла ожесточенная битва, продолжавшаяся цѣлый день.

Ачимезъ, видя, что силою ему ничего не подѣлать съ своимъ заваленнымъ въ битвахъ врагомъ, пустился на хитрости: вдругъ упалъ на землю и притворился мертвымъ. Хубунъ, считая его убитымъ, подошелъ къ нему, но, не найдя на немъ ни одной смертельной раны, съ состраданіемъ сказалъ: „бѣдный мальчикъ, ты умеръ отъ страха и усталости!“ Затѣмъ, взявши его къ себѣ на сѣдло, отправился съ нимъ домой и тамъ, съ помощію своей жены, положилъ его на ночь въ одномъ сараѣ.

Когда въ домѣ Хубуна все стихло и погрузилось въ сонъ, Ачимезъ тихонько вышелъ изъ своего убѣжища, осмотрѣлся кругомъ и, убѣдившись, что за нимъ никто не наблюдаетъ, незамѣтнымъ образомъ вошелъ въ спальню Хубуна, взялъ висѣвшій на стѣнѣ его мечъ и отсѣкъ ему голову. Потомъ, уговоривши еще очень молодую и рѣдкой красоты жену Хубуна быть своей женой, забралъ все его богатство и подданныхъ и возвратился на свою родину, гдѣ сдѣлался богатымъ и сильнымъ властителемъ и вождемъ храбрыхъ нартовъ.

II. Эмегены.

Однажды три нартских богатыря Урызмень, Сосруко и Гилахсыртанъ злоязычный отправились на охоту по непроходимымъ кавказскимъ лѣсамъ, гдѣ было множество всякихъ звѣрей. Но на этотъ разъ какъ то имъ не посчастливилось и охота ихъ была неудачная. Пробродивъ цѣлый день безуспѣшно и сильно утомившись, они должны были съ пустыми желудками остановиться на ночлегъ. Осматриваясь во всѣ стороны, къ большому своему удовольствію — они увидѣли невдалекѣ зарево горящаго костра и рѣшили отправиться туда, чтобы воспользоваться хоть чужимъ гостепрѣимствомъ и чѣмъ-нибудь поддержать свои упавшія силы. Подѣхавъ къ горящему костру, они, къ ужасу своему, увидѣли двухъ громаднѣйшихъ эмегеновъ, сидѣвшихъ около огня и пожиравшихъ своими огромными зубами оленя въ сыромъ видѣ; въ сторонѣ же лежало еще немалое количество убитыхъ оленей.

При видѣ такихъ чудовищъ нарти оробѣли, не зная на что рѣшиться. Однако уйти было уже поздно, такъ какъ они сами были замѣчены ими. Тогда нарти, чтобы не обнаружить передъ эмегенами своей трусливости, смѣло подѣхали къ нимъ и, проговоривъ обычное привѣтствіе, объявили себя ихъ гостями. Обрадованные эмегены предложили имъ слѣзть съ лошадей и размѣститься вокругъ огня. Затѣмъ, исполняя священнѣйшій долгъ гостепрѣимства, они зажарили имъ самаго жирнаго оленя.

Удивленные такимъ оборотомъ дѣла, нарти ободрились и, отлично поужинавъ, спокойно улеглись спать. На другое утро эмегены объявили своимъ гостямъ, что, по ихъ давно заведенному порядку, всякій заѣзжій гость долженъ безотлучно находиться у нихъ не менѣе трехъ дней. По этому, во уваженіе къ своимъ законамъ, они требовали отъ

нартовъ непрекословнаго во всемъ повиновенія себѣ и грозили, что накажутъ смертию того изъ нихъ, кто попытается уйти отсюда.

Нарты хорошо сознавали свое безсиліе передъ этими грозными великанами и потому волей-неволей должны были покориться своей судьбѣ и въ бездѣйствіи провести три дня въ гостяхъ у чудовищъ. Въ теченіе первыхъ двухъ дней эмегены съ большимъ усердіемъ угощали своихъ вунановъ, но на третій сказали имъ:

— „По нашимъ мудрымъ законамъ мы окончили свое двухдневное угощеніе; теперь законы наши предписываютъ гостямъ въ свою очередь угощать премудрыхъ эмегеновъ *). А такъ какъ съ вами ничего нѣтъ, кромѣ вашихъ безобразнѣйшихъ лошадей, то мы сначала примемся за нихъ, а затѣмъ, пожалуй, очередь дойдетъ и до ихъ глупыхъ хозяевъ“.

Сказавши это, они тотчасъ же съ жадностью набросились на лошадей и, связавши ихъ какъ ягнятъ, стали пожирать живьемъ. Терзая ихъ своими крѣпкими, какъ сталь, зубами, они съ ногъ до головы обагрились кровью, отъ чего стали еще болѣе безобразными и ужасными. Управившись съ лошадьми, они было хотѣли уже полакомиться самымъ излюбленнымъ для нихъ блюдомъ—человѣческимъ мясомъ, для чего уже связали самага младшаго изъ нартовъ—Гиляхсыртана; но его товарищи, видя и свою неизбѣжную гибель и пользуясь несообразительностью и глупостью своихъ враговъ, пустились на хитрость, какъ послѣднее средство для своего спасенія.

— „Благоразумнѣйшіе и мудрѣйшіе эмегены! сказали они. Мы пріѣхали къ вамъ по одному важному дѣлу, не

*) Эмегены обладали громаднѣйшею силой, но были въ высшей степени глупы, несообразительны. Тѣмъ не менѣе они любили называть себя *премудрыми* и считали все остальное безобразнѣйшимъ и глупымъ.

объявляли же вамъ о немъ потому, что вы насъ не спрашивали“.

Эмегены, польщенные словами нартовъ, вдругъ остановились и превратились въ слухъ, приказавъ имъ рассказать, въ чемъ состоитъ ихъ важное дѣло.

Урызбекъ, какъ старшій изъ нартовъ, началъ такъ:

— „У насъ между нартами издавна остаются нерѣшенными три вопроса, которые производятъ постоянныя ссоры и драки между нами. Чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ несогласіямъ, насъ послали къ вамъ, какъ мудрѣйшимъ изъ всѣхъ живущихъ на землѣ, просить рѣшить ихъ и тѣмъ водворить въ средѣ нартовъ миръ и согласіе. Въ этихъ вопросахъ заключаются слѣдующіе три вещи: *молотокъ, долото и угольные щипцы*. Что изъ этихъ трехъ вещей первое изобрѣтено и появилось въ свѣтъ?“

Эмегены на минуту призадумались. Потомъ одинъ изъ нихъ, поднявши голову, съ торжествомъ сказалъ:

— „Глупы вы и ваши собраты! Первымъ изобрѣтень *молотокъ!*“ Второй же, чтобы не уступить первенства своему товарищу и показать передъ нартами свою мудрость, назвалъ долото. Вслѣдствіе этого у нихъ завязался сильный споръ, перешедшій потомъ въ страшную драку, причемъ они ожесточились до того, что начали вырывать съ корнями громадныя деревья и награждать ударами другъ друга, забывъ въ своей ярости все обижавшее.

Между тѣмъ наши хитрецы, пользуясь ожесточенной борьбой чудовищъ, развязали своего товарища и скрылись въ дремучемъ лѣсу, оставивъ далеко за собою страшный шумъ и трескъ вѣковыхъ деревьевъ, ломавшихся въ сильныхъ рукахъ эмегеновъ, и нечеловѣчскій визгъ ихъ самихъ, по глупости оспаривавшихъ силою другъ у друга первенство въ мудрости.

III. Девлеръ, или кто сильнѣе?

Въ одномъ изъ кавказскихъ ауловъ нѣкогда жилъ съ женою и дѣтьми одинъ бѣдный человѣкъ, по имени Девъ; изъ домашнихъ животныхъ у него была только одна корова, которую онъ берегъ пуще своего глаза, потому что она была кормилицею всей его семьи. Но такъ какъ жительство его находилось среди горъ и дремучихъ лѣсовъ, гдѣ водилось несмѣтное множество хищныхъ звѣрей, то онъ отъ нападенія ихъ обнесъ свою хижину высокою стѣною и устроилъ въ ней крѣпко запиравшіяся ворота.

Однажды кормилица - коровка не возвратилась домой съ пастбища въ свое обыкновенное время и тѣмъ надѣлала большой переполохъ въ семействѣ Дева, потому что всѣ были увѣрены, что съ нею случилась какая-нибудь бѣда. Самъ Девъ, вооружившись дубинкою, тотчасъ же бросился отыскивать ее. Бродя по лѣсу, онъ, наконецъ, нашелъ свою корову дѣйствительно въ опасномъ положеніи: прижавшись задомъ къ одной изъ скалъ, она отчаянно защищалась своими рогами отъ нападавшихъ на нее волковъ. Съ дубинкою въ рукахъ Девъ бросился къ ней на помощь и, отогнавъ кровожадныхъ звѣрей, погналъ ее домой; но волки, скоро оправившись отъ внезапно наведеннаго на нихъ страха, послѣдовали за нимъ. Съ большимъ трудомъ отбиваясь отъ этихъ лютыхъ звѣрей, кое-какъ Девъ добрался до двора; но тутъ новая бѣда: ворота во дворъ заперты, а жена крѣпко спитъ! Между тѣмъ раздраженные волки со всѣхъ сторонъ съ яростію обступаютъ его, и только ловкая дубинка въ его сильныхъ рукахъ внушаетъ имъ нѣкоторый страхъ и заставляетъ держаться на почти-тельномъ разстояніи. Тогда Девъ, видя, что на его крикъ не отпираются крѣпкія ворота, не долго думая, схватилъ свою корову въ руки и мигомъ перебросилъ ее черезъ заборъ

во дворъ, затѣмъ, отмахнувшись еще разъ отъ разсвирѣпѣвшихъ преслѣдователей, мгновенно перескочилъ во дворъ и самъ. Волки опѣшили и, постоявъ нѣсколько передъ оградой и пропѣвъ обычную свою голодную пѣсенку, разбрелись въ разныя стороны.

Перескочивши во дворъ, Девъ точно также остановился въ недоумѣннн: онъ самъ до сего времени не подозрѣвалъ въ себѣ такой силы и ловкости. Сильно обрадовавшись столь важному открытію, онъ вскричалъ: „есть ли на свѣтѣ кто-либо сильнѣе и ловче меня?“ и рѣшилъ на другой же день отправиться отыскивать такового. Послѣ этого онъ легъ спать. На слѣдующій день, проснувшись утромъ, онъ вспомнилъ о вчерашнемъ приключеніи и, захвативъ все необходимое для дороги, отправился внизъ по теченію рѣки искать, не встрѣтитъ ли кого сильнѣе себя.

Пройдя не малое разстояніе, вдругъ онъ видитъ: на берегу рѣки сидитъ человѣкъ и ловитъ удочкой рыбу; въ рукахъ у него вмѣсто хворостинки большой брусъ. Не безъ страха Девъ подошелъ къ нему и сказалъ: „*Ай юноноъ акши бусунъ! Чабакъ кепъ бусунъ!**) Проговоривъ это привѣтствіе, онъ присѣлъ около рыбака.

— „Что ты ходишь и чего ищешь?“ спросилъ его рыбакъ. Девъ разсказалъ ему свое приключеніе и намѣреніе. Рыбакъ, чтобы испытать его силу и дать понять о своей собственной, сказалъ: „Какъ сильный человѣкъ, поддержи-ва ты мою удочку, пока я схожу по естественной надобности!“ Бѣдный Девъ, держа брусъ, чуть не надорвался отъ напряженія, пока дождался рыбака. Взявши отъ него удочку, незнакомецъ сказалъ: „я вижу, что ты удивляешься моей силѣ, но иди дальше и ты увидишь еще сильнѣе ме-

*) Первая фраза—обычное привѣтствіе среди дня, а вторая—пожеланіе успѣха въ ловлѣ рыбн.

ня". Девъ отправился дальше и увидѣлъ дѣйствительно еще одного рыбака, у котораго въ рукахъ удолище было гораздо больше, чѣмъ у того, котораго онъ встрѣтилъ раньше. Этотъ продѣлалъ съ нимъ то же, что и первый, и посоветовалъ идти дальше, увѣряя, что тамъ онъ можетъ увидѣть человѣка еще сильнѣе его.

Девъ пошелъ дальше и увидѣлъ еще третьяго рыбака за тѣмъ же занятіемъ, но еще съ большимъ удолищемъ. Этотъ послѣдній, давши ему испытать тяжесть своего удолища, направилъ его по особой тропинкѣ на гору, сказавши, что тамъ онъ найдетъ хижину, въ которой увидитъ такую силу, которая равняется всѣмъ тремъ силамъ, видѣннымъ имъ раньше. Девъ, побуждаемый любопытствомъ, отправился по указанному пути. Взойдя на прекрасную поляну, онъ увидѣлъ большую хижину, сдѣланную изъ самыхъ большихъ бревенъ; на порогѣ ея сидѣла старуха и пряла шерсть. Увидѣвши приближающагося къ ней человѣка, она встала и, послѣ обычнаго привѣтствія, спросила: „Кто ты, какъ попалъ въ такое глухое мѣсто и зачѣмъ?“

Девъ разсказалъ ей всѣ свои приключенія и объявилъ причину, побуждавшую его на такое небезопасное странствованіе.

— „Жаль мнѣ тебя, бѣдный человѣкъ, сказала старуха: разъ зашедши сюда, ты уже не можешь выйти отсюда живымъ безъ моей помощи. Если мои сыновья вернутся, то Богъ знаетъ, что съ тобою можетъ случиться.“ Послѣ этого она выкопала въ своей хижинѣ веретеное яму, спрятала его туда, а сверху забросала подушками.

Вскорѣ послѣ этого пришли ея три сына съ большимъ запасомъ рыбы.

— „Гдѣ же нашъ гость, котораго мы сюда прислали?“ спросили они, не видя нигдѣ Дева. Старуха попыталась было отговориться невѣдѣніемъ, но видя, что такимъ пу-

темъ она ничего не достигнетъ, вытащила Дева изъ ямы съ намѣреніемъ избавить его отъ гибели болѣе хитрымъ способомъ. Какъ бы съ намѣреніемъ показать гостю все его ничтожество, она посадила его посреди комнаты, сыновей разсадила по тремъ угламъ, сама же сѣла въ четвертомъ; потомъ приказала каждому сыну по очереди дуть на Дева, отъ чего тотъ какъ мячъ катался то къ одному, то къ другому. Затѣмъ она велѣла всѣмъ разомъ дуть какъ можно сильнѣе подь Дева, отъ чего тотъ вдругъ поднялся вверхъ и вылетѣлъ въ трубу. Тутъ онъ, чувствуя себя на свободѣ, бросился бѣжать что есть мочи, куда глаза глядятъ. По счастью скоро онъ наткнулся на громаднаго человека, тащившаго необыкновенной величины арбу съ солью; на боку у него былъ плетень. Отъ удивленія и страха Девъ остановился, но, видя на лицѣ незнакомца доброту и привѣтливый взглядъ, рѣшился просить у него защиты противъ своихъ преслѣдователей. Добрый силачъ немедленно снялъ съ себя сапогъ и, положивши въ него трепещущаго отъ страха Дева, бросилъ на арбу. Только что онъ взялся опять за тягло, чтобы продолжать свой путь, какъ вдругъ явился одинъ изъ преслѣдователей и, грозно размахивая руками, закричалъ:

— „Какъ ты смѣлъ, негодяй, прятать нашу жертву!“ и при этомъ бросился на него съ остервенѣніемъ.

Силачъ, не долго думая, схватилъ его одной свободной рукой за шиворотъ, повалилъ на землю и, вырвавши у себя изъ бороды нѣсколько волосковъ, связалъ ему руки и ноги.

Только что онъ успѣлъ управиться съ нимъ, какъ явились одинъ за другимъ и остальные два брата; но и ихъ добрый силачъ укротилъ такимъ же образомъ и заставилъ лежать на землѣ неподвижно.

Послѣ этого онъ снялъ съ арбы сапогъ и, вытащивши изъ него Дева, сказалъ:

— „Ну, теперь не бойся, милый человекъ, и скажи: какъ ты попалъ въ такое опасное мѣсто и зачѣмъ?“

Девъ, оправившись нѣсколько отъ страха, разсказалъ своему спасителю все, что съ нимъ было. Добрякъ, выслушавши его, сказалъ:

— „Нѣтъ, милѣйшій, никто не въ правѣ воображать себя сильнѣе всѣхъ! Ты видѣлъ, какую я имѣю силу, но есть люди еще сильнѣе меня. Я разскажу тебѣ только то, что я самъ видѣлъ и испыталъ, а ты, выслушавши это, самъ потомъ посуди, возможно ли себя воображать сильнѣе другихъ.“

Однажды я взялъ къ себѣ одного мальчика на воспитаніе и, выростивши его, вздумалъ женить. Мы поѣхали съ нимъ къ одному богатому князю, чтобы взять у него его дочь, славившуюся красотою на всѣ окрестности. Дорогою насъ застигла ночь въ лѣсу и мы остановились тамъ ночевать. Проснувшись ночью, вдругъ я слышу ужасный шумъ и трескъ; я удивился и, взглянувши кругомъ, замѣтилъ, что отъ выходящаго изъ рта спящаго моего воспитанника дыханія деревья ломаются и валятся, какъ отъ самой сильной бури. Увидѣвши это, я пришелъ въ ужасъ и рѣшился покончить съ нимъ, такъ какъ мнѣ съ такимъ сыномъ не одобровать. Я началъ таскать что ни на есть самыя большія деревья и валить на него, думая тѣмъ раздавить и уничтожить его. Но мальчикъ, проснувшись, стряхнулъ ихъ съ себя, какъ какіе-нибудь мелкіе прутья, потомъ, обратившись ко мнѣ, спросилъ, зачѣмъ я все это сдѣлалъ, и замѣтилъ, что я напрасно трудился. Я же, чтобы не впасть предъ нимъ въ подозрѣніе, оправдывался тѣмъ, что будто бы все это сдѣлалъ для того, чтобы прикрыть его отъ свѣжаго ночнаго воздуха.

Послѣ этого мы благополучно доѣхали до мѣста нашей цѣли и, взявши отъ князя красавицу невѣсту, преспокойно возвращались домой. Вдругъ слышимъ мы за собою поговю, обращаемся назадъ и видимъ, что за нами гонится какой-то человѣкъ. Сынъ мой узналъ въ немъ своего соперника и просилъ меня вернуться и раздѣлиться съ нимъ. Когда я сталъ приближаться къ преслѣдователю, онъ, остановившись, подулъ на меня съ такою силою, что лошадь моя не могла дальше слѣдовать, и я, видя свое противъ него безсиліе, долженъ былъ возвратиться назадъ безъ успѣха. Когда рассказалъ я обо всемъ этомъ своему сыну, то онъ передалъ мнѣ свою невѣсту, а самъ воротился къ своему противнику; тутъ у нихъ завязалась отчаянная борьба. Обезоруживъ въ борьбѣ другъ друга, они стали барахтаться, какъ дикіе звѣри, выбивая при этомъ по колѣно землю своими могучими ногами. Затѣмъ оба съ оглушительнымъ шумомъ повалились на землю. Тутъ сынъ сталъ умолять меня подать ему его мечъ, чтобы скорѣе покончить съ врагомъ. Я же, вмѣсто того, чтобы помочь сыну, вынулъ свой мечъ и хотѣлъ отрубить ему голову; видя мое намѣреніе, онъ дунулъ на меня съ такою силою, что я былъ отброшенъ на большое разстояніе и, падая, попалъ бокомъ на острый камень, такъ что повисъ на немъ. Сынъ же, управившись съ своимъ врагомъ и безъ моей помощи, возвратился ко мнѣ и, снявши меня осторожно съ камня, принялся ухаживать за мной: съ помощію своей невѣсты досталъ цѣлебныхъ травъ, обложилъ ими мои раны, а къ пробитому мѣсту привязалъ вотъ этотъ плетень. Потомъ меня усадили на лошадь и мы отправились дальше.

Проѣхавъ нѣсколько впередъ, мы замѣтили, что на насъ мчится какая-то необыкновенной бѣлизны лошадь, а на ней спдить очень маленькій человѣкъ съ огромной бѣ-

лой бородой. Подъѣхавши къ намъ, человѣкъ этотъ мгновенно схватилъ одной рукой моего сына и, положивши его подъ стремя, скрылся въ дремучемъ лѣсу. Тамъ, остановившись, онъ слѣзъ съ лошади, взялъ большое дерево и, расщепавши конецъ его, вложилъ въ него моего сына, а потомъ, разложивши большой костеръ, положилъ на него свою жертву, чтобы жарить его, какъ шишлыкъ; самъ же послѣ этого легъ и, укрывшись буркою, захрапѣлъ. Сынъ мой отъ мучительной боли началъ биться, но лошадь своимъ оглушительнымъ ржаніемъ, разбудила своего господина; тотъ же, вскочивши на ноги и не видя близъ себя никакой опасности, началъ бить ее за то, что она напрасно нарушила его покой. Затѣмъ онъ взялъ моего сына и, обрѣзавши у него сверху нѣсколько прожарившееся тѣло, съѣлъ, послѣ чего, переложивъ сына моего другимъ бокомъ къ огню, опять захрапѣлъ. Сынъ опять началъ барахтаться, желая какъ-нибудь высвободиться изъ крѣпкихъ тисковъ, но лошадь снова предупредила своего хозяина. Послѣдній поднялся и, убѣдившись въ своей безопасности, принялся еще больше прежняго бить своего коня. Натѣшившись вдоволь такими побоями, онъ взялъ опять моего сына и, обрѣзавши прожарившееся мѣсто, съѣлъ, послѣ чего, положивши его опять къ огню, захрапѣлъ еще сильнѣе прежняго.

Тогда лошадь, разсердившись на своего неблагодарнаго хозяина за напрасные побои, человѣческимъ голосомъ сказала моему сыну: „Добрый человѣкъ, постарайся высвободиться изъ этой проклятой трещины! Моего хозяина ничто не можетъ разбудить, кромѣ моего ржанія, но я теперь не намѣрена будить его. Потомъ возьми его собственный мечъ и отруби ему голову. Когда это сдѣлаешь, какъ можно скорѣе спрячься подъ меня!“ Мой сынъ, услышавъ ея добрый совѣтъ, напрыгъ всѣ свои силы и высвободился

изъ крѣпкихъ тисковъ. Послѣ этого взялъ мечъ кровожаднаго людоеда и однимъ взмахомъ отрубилъ ему голову, самъ же тотчасъ бросился подъ лошадь. Людоѣдъ въ ту же минуту вскочилъ безъ головы и началъ бросаться во всѣ стороны, отыскивая своего убійцу, но, не найдя его нигдѣ, вернулся на свое мѣсто, легъ и тутъ же околѣлъ.

Сынъ мой, обрадовавшись, что успѣлъ наконецъ раздѣлаться съ людоедомъ, отвязалъ его лошадь и, сѣвши на нее, пріѣхалъ съ обгорѣлыми боками къ намъ, все еще ожидавшимъ его на прежнемъ мѣстѣ. Я и невѣста его на этотъ разъ искренно обрадовались его возвращенію и, видя его обезображеннымъ, принялись съ помощію цѣлебныхъ травъ лѣчить его бока. Раны его скоро зажили, но только, къ удивленію нашему, на мѣстахъ обжоговъ выросла очень густая шерсть, вслѣдствіе чего онъ изъ красавца сдѣлался довольно безобразнымъ. Поэтому днемъ онъ нигуда не показывается, за то ночью раздѣлываетъ ужасныя вещи: обираетъ и убиваетъ безпощадно всѣхъ попадающихся въ его сильныя руки.

Вотъ видишь, какіе бываютъ люди на свѣтѣ (закончилъ добрый силачъ). Я же, съ своей стороны, жалѣя тебя и сочувствуя твоей бѣдности, даю тебѣ столько денегъ, сколько ты можешь донести, но при этомъ совѣтую попусту не шляться по свѣту и не исвать невозможнаго, ибо никто не можетъ вообразить себя сильнѣе всѣхъ“.

IV. Кто больше?

Нѣкогда по долинамъ и ущельямъ Кавказа бродилъ неслыханной величины быкъ. Если онъ подходилъ къ водою, то голова его касалась рѣки, а задняя часть была на горѣ; а когда онъ начиналъ пить воду, то выпивалъ ее всю, и ниже его рѣка прекращала свое теченіе.

Въ это же самое время въ тѣхъ же мѣстахъ появился очень большой орель, обладавшій страшною силою. Орель этотъ схватилъ своими мощными лапами великана-быка и унесъ его на одну изъ вершинъ горы; тамъ онъ и склевалъ его и, схвативъ въ когти одну оставшуюся въ цѣлости переднюю лопатку, слетѣлъ въ долину, на которой подъ надзоромъ пастуховъ паслись тучныя стада мѣстныхъ жителей.

Въ одномъ изъ этихъ стадъ былъ очень большой козель съ такою бородою, что во время непогоды все стадо и самъ пастухъ укрывались подъ нею.

Въ одинъ изъ ненастныхъ дней, когда козель преспокойно стоялъ, охраняя стадо и пастуха отъ шедшаго въ этотъ день проливнаго дождя, къ нему на рога сбѣлъ сказанный орель съ лопаткою быка-великана въ когтяхъ и продолжалъ объѣдать оставшееся на ней мясо.

Пастухъ, которому наскучило томительное ожиданіе погоды, высунулъ изъ-подъ бороды возла голову и взглянулъ вверхъ, чтобы узнать, скоро ли перестанетъ дождь. Орель, испугавшись пастуха, слетѣлъ съ рога и выпустилъ изъ когтей свою добычу. Лопатка, падая, попала однимъ концомъ пастуху въ глазъ и застряла тамъ.

Пастухъ отъ нестерпимой боли поднялъ сильный крикъ и раздирающіе душу вопли. На его отчаянные крики сбѣжались люди и кое-какъ, съ помощью ломовъ и лопатокъ, вывернули изъ глаза его эту занозу.

Прошло нѣсколько лѣтъ; лопатка покрылась землею и всякаго рода растеніями, и на ней поселился цѣлый аулъ, причемъ жители нисколько не подозрѣвали, что построили свои сакли на одной кости.

Одинъ конецъ лопатки, нѣсколько выдававшійся вверхъ, не совсѣмъ былъ закрытъ землею. Великанша-лиса, бродя ночью, какъ то напала на эту часть кости и принялась

грызть ее, отъ чего лопатка со всѣми на ней постройками пришла въ движеніе; жители аула отъ сотрясенія всѣ переполошились и, выскочивъ изъ саклей, увидѣли, къ великому своему удивленію, громаднѣйшихъ размѣровъ лису, которая преспокойно грызла кость и тѣмъ приводила въ сотрясеніе весь ихъ аулъ. Тогда они схватились за оружіе и, окруживши ее со всѣхъ сторонъ, начали колотить, чѣмъ кто могъ, до тѣхъ поръ, пока та не повалилась бездыханною на землю. На другой день на это чудо собрались всѣ жители аула и порѣшили снять съ лисы кожу и раздѣлить ее между собою. Своро всѣ принялись за дѣло, но, ободравъ верхнюю сторону лисы, принуждены были оставить свою работу, потому что, сколько ни напрягали своихъ силъ, не могли даже сообща перевернуть ее на другой бокъ. Въ это самое время невдалекѣ проходила одна удивительной величины женщина. Увидѣвъ толпу жителей, возившихся надъ чѣмъ-то, она завернула къ нимъ. Тутъ, узнавши въ чемъ дѣло, она сказала: „Если только вы дадите мнѣ на шапку часть лисьей шкуры, то ужъ таеъ и быть — я переверну ее вамъ!“ Толпа удивилась, но изъ любопытства жители согласились на ея предложеніе. Тогда эта великанша взяла лису одной рукой и перевернула на другую сторону.

Снявши шкуру, жители аула разрѣзали ее на двѣ равныя части и одну отдали великаншѣ, а другую раздѣлили между собою. Но удивительно то, что изъ второй половины хватило всѣмъ жителямъ аула каждому на шапку, а великаншѣ изъ такой же половины не вышло и одной шапки.

Спрашивается: кто же тутъ больше всѣхъ въ этомъ разсказѣ?

V. *Джелмаусъ.*

Въ незапамятныя времена въ одномъ аулѣ жилъ ка-

вой-то богатый князь. У этого князя однажды родилась дочь, по имени Джелмаусъ, и въ ту же ночь изъ дома родителей ея таинственно исчезли теленокъ и одно ведро воды. Домашніе княжеской семьи немало были удивлены этимъ необъяснимымъ исчезновеніемъ, но, чтобы не подать повода къ различнымъ толкамъ, рѣшились сохранить это въ тайнѣ отъ другихъ.

Но съ этой первой роковой ночи исчезновеніе телятъ и воды стало повторяться каждую ночь и у другихъ жителей аула, такъ что всѣ они не на шутку переполошились и стали доискиваться причины этого явленія. Сначала они думали, что какой-нибудь изъ дивныхъ звѣрей истребляетъ ихъ скотину, но никакое изъ предпринимаемыхъ ими средствъ къ отысканію его не привело къ цѣли; между тѣмъ какъ за исчезновеніемъ мелкаго скота въ скоромъ времени сталъ исчезать и крупный. Поэтому они пришли къ убѣжденію, что скотъ ихъ пропадаетъ отъ какой-нибудь сверхъестественной силы, и снова стали доискиваться, гдѣ начало этому злу.

Вскорѣ стало извѣстнымъ, что у князя не очень давно родилась дочь и что она растетъ неизмовѣрно быстро. Это обстоятельство дало поводъ къ заключенію, что новорожденная княжеская дочь не простая смертная, а эменгъ, что это она пожираетъ скотину и что отъ нея нужно ожидать еще большихъ бѣдъ; избавиться же отъ нея уже не было никакой возможности, такъ какъ она была въ то время настолько сильна, что могла любого взрослога человѣка моментально разорвать на части.

Одинъ изъ братьевъ Джелмаусъ, Кіилы *), желая избѣгнуть угрожающей ему со стороны сестры опасности, отправился на берегъ Чернаго моря и тамъ поселился; а для того, чтобы тѣмъ-нибудь поддерживать свое существо-

*) Страждущій или терпящій.

ваніе, сталъ заниматься рыболовствомъ. Однажды онъ поймалъ необыкновенной величины рыбу и внутри ея нашель, къ своему удивленію, двухъ еще живыхъ борзыхъ щенятъ, которыхъ сталъ кормить и лелѣять, и тѣмъ приготовилъ изъ нихъ для себя двухъ вѣрныхъ друзей. Теперь онъ уже могъ оставить рыболовство и заняться охотою, которая ему болѣе нравилась. Охота его была очень удачна, такъ какъ собаки были настолько ловки, что даже ловили налету птицъ. Новымъ занятіемъ охотникъ нашъ вскорѣ скопилъ себѣ нѣкоторое состояніе и обзавелся осѣдлостью. Но Кіилы томила неизвѣстность о родинѣ; ему очень хотѣлось посѣтить ее, и наконецъ онъ рѣшился привести въ исполненіе свое желаніе, только не зналъ, взять ли съ собою собакъ для защиты на случай несчастія, или же оставить ихъ для присмотра за домомъ. Вскорѣ собаки сами вывели его изъ затруднительнаго положенія, посовѣтовавъ ему оставить ихъ дома, а взять съ собою немного ихъ шерсти, при этомъ онѣ сказали ему, что стоитъ только ему, въ случаѣ несчастія, бросить эту шерсть въ огонь, какъ онѣ немедленно явятся къ нему на помощь.

Кіилы очень обрадовался этому, оставилъ своихъ друзей дома и съ спокойнымъ сердцемъ одинъ отправился въ путь. Но, прибывъ на родину, онъ былъ крайне пораженъ тѣмъ, что не нашель тамъ никого, кромѣ кузнеца и своей сестры. Джелмаусъ встрѣтила его съ великою, повидимому, радостію, коня его поставила въ конюшнѣ, самого же отвела въ домъ. Разложивши на очагѣ огонь для приготовленія угощенія, она за чѣмъ-то вышла на дворъ. Черезъ нѣсколько времени, возвратившись обратно въ саклю, она спросила брата, какъ это онъ пріѣхаль на лошади о трехъ ногахъ. Кіилы сначала принялъ эти слова за шутку и замѣтилъ, что лошадь его достойна не насмѣшекъ, а похвалы, такъ какъ она сослужила ему великую службу. Когда же

сестра заявила самымъ убѣдительнымъ тономъ, что она не шутитъ, Кіилы, удивившись ея словамъ, вышелъ къ лошади и, къ своему несчастію, убѣдился, что она дѣйствительно о трехъ ногахъ. Догадавшись, кто былъ виновникомъ такого звѣрства и для какой цѣли, Кіилы съ большимъ усиліемъ подавилъ свое негодование, соединенное со страхомъ, и старался казаться равнодушнымъ, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе сестры и не дать ей замѣтить, что онъ желаетъ ускользнуть отъ ея наблюдательнаго глаза и ищетъ случая какъ-нибудь спастись.

Спустя немного времени, Джелмаусъ въ другой разъ вышла изъ сакли и, возвратившись назадъ, объявила брату, что лошадь его осталась только о двухъ ногахъ. Тутъ Кіилы сталъ слѣдить за выходами сестры и узналъ, что она, послѣ съѣденія каждой лошадиной ноги, бѣгала къ кузнецу точить свои крѣпкіе стальные зубы. Тогда ему стало ясно, почему она оставила въ живыхъ кузнеца, тогда какъ всѣхъ другихъ пожрала. Между тѣмъ Джелмаусъ еще два раза выходила на дворъ и, возвращаясь въ саклю, говорила, что лошадь Кіилы осталась то объ одной ногѣ, то, наконецъ, совсѣмъ безъ ногъ.

Бѣдный Кіилы, сильно встревоженный, все придумывалъ различные способы, какъ-бы хотъ самому то избавиться отъ своей кровожадной сестры, но мысли его отъ страха путались, сердце трепетало и онъ, навѣрно, не могъ бы ничего придумать и былъ бы съѣденъ своею сестрою, если бы къ нему не явилась на помощь мышва. Дѣло въ томъ, что когда Джелмаусъ вышла въ послѣдній разъ, чтобы пожрать уже туловище лошади, мышва, выскочивши изъ подполья, посоветовала ему немедленно отправиться въ такое мѣсто, гдѣ бы ему не угрожала никакая опасность, а сама общала въ то же время на вопросъ его сестры, куда онъ ушелъ, — обманывать ее до трехъ разъ, указывая ей ложно разные пути.

Кіилы, поблагодаривъ мышку за ея къ нему состраданіе и добрый совѣтъ, не медля ни минуты, отправился въ путь.

Эмегенъ, управившись съ остатками коня, вошла въ саклю, чтобы увѣдомить брата объ исчезновеніи его лошади, но, не найдя его, пришла въ бѣшенство и пристала къ мышкѣ съ вопросомъ, куда онъ скрылся. Мышка вѣрно исполнила свое обѣщаніе: три раза Джелмаусъ бѣгала за братомъ въ разныя стороны и только въ четвертый разъ бросилась уже безъ указанія по настоящей дорогѣ. Кіилы, выбившись изъ силъ и потерявъ всякую надежду на спасеніе, рѣшился наконецъ призвать на помощь своихъ собакъ. Вѣрныя собаки явились въ пору, ибо Джелмаусъ уже приближалась къ нему съ налившимися кровью глазами и открытой пастью. Тогда Кіилы велѣлъ своимъ собакамъ броситься на Джелмаусъ, и тутъ то пошла общая свалка и отчаянная борьба, въ которой ничего нельзя было разобрать, только клочья летѣли вверхъ, и кровь брызгала во всѣ стороны. Но какъ эмегенъ ни была сильна, однако собаки одолѣли ее и разорвали на куски; осталась только одна голова съ стальными зубами, не поддававшаяся никакимъ усиліямъ собакъ и все еще отбивавшаяся отъ нихъ. Желая уничтожить ее окончательно и разорвать на-двое, собаки схватили ее—одна за волосы, а другая—за нижнюю челюсть; голова же вдругъ закачалась и, поднявшись вверхъ, улетѣла вмѣстѣ съ собаками на луну. Съ тѣхъ поръ голова эмегена сдѣлалась вѣчнымъ врагомъ луны, а собаки вѣчными ея стражами: круглый годъ онѣ не смыкаютъ глазъ и оберегаютъ луну отъ головы эмегена и только одинъ разъ въ теченіе года, утомившись, засыпаютъ. Голова эмегена, пользуясь этимъ случаемъ, набрасывается на луну, отъ чего та темнѣетъ; тогда варачаевцы, видя такое явленіе, тотчасъ же начинаютъ стрѣлять въ воздухъ и какъ можно

громче кричать, чтобы разбудить вѣрныхъ стражей. Проснувшись отъ выстрѣловъ и криковъ, собаки оттаскиваютъ вмегена въ сторону и луна снова свѣтлѣетъ.

VI. Аймушъ.

ПРЕДАНИЕ О ГОРНОМЪ ОЗЕРѢ ХУРЛА-КЕЛЬ.

Въ отдаленныя времена на вершинахъ *Хурла-джаланки* жили четыре брата: Аймушъ, Сигунъ, Сіймушъ и Сійнухъ. Первый изъ нихъ занимался овцеводствомъ, второй козловодствомъ, третій вообще скотоводствомъ и четвертый хлѣбопашествомъ. Всѣ они поочередно гоняли своихъ животныхъ въ ущелье Индышъ пить кислосоленою водою, которая и по настоящее время пользуется уваженіемъ скотоводовъ.

Въ одинъ прекрасный день Аймушъ, возвращаясь съ Индыша по направленію къ горному озеру Хурла-кель, велъ за собою свое многочисленное стадо овецъ, оберегаемыхъ и подгоняемыхъ пастухами. Въ эту ночь онъ рѣшился, по обычаю, украсть въ жены одну изъ горскихъ красавицъ, уже заранѣе намѣченную имъ. День былъ на исходѣ и солнце клонилось совсѣмъ уже къ западу.

Вдругъ Аймушъ слышитъ какой-то таинственный голосъ, произносившій его имя; онъ моментально, прервавъ свою пѣсню, оглядѣлся во всѣ стороны и увидѣлъ лѣтавшаго надъ собою чернаго ворона необыкновенной величины, который говорилъ: „Аймушъ! Не противорѣчивши никогда братьямъ, не принимая въ свое стадо ни одной чужой овцы, не бравши за руку ни одной сѣроокой красавицы, что ты теперъ замыслиаешь? Ты хочешь оскорбить своихъ братьевъ, взявши вопреки ихъ желанію себѣ жену, гордую красавицу. Покайся, пока еще есть время, и принеси въ курман-

лькѣ имѣющагося у тебя самаго лучшаго блага черноухаго валуха; въ противномъ случаѣ, по волѣ Сердцевѣдца, ты жестоко заплатишься за свой легкомысленный поступокъ". Но Аймушь, подозрѣвая въ говорящемъ воронѣ злаго духа, гордо отвергъ его совѣтъ и продолжалъ свой путь.

Подойдя къ озеру, онъ остановилъ на ночлегъ свое стадо на зелено-бархатной, просторной полянѣ подъ надзоромъ своихъ пастуховъ; самъ же отправился домой съ цѣлью въ эту ночь непременно исполнить свое давно лелѣянное намѣреніе. Изъ дому онъ послалъ для главнаго присмотра за овцами своего любимаго брата—пахаря, приказавъ ему не производить въ эту ночь никакого шума, какой бы переполохъ ни произошелъ въ его стадѣ.

Сійнухъ, придя въ братнину стаду, помѣстился на ночлегъ около озера, а пастухамъ приказалъ лечь съ противоположныхъ сторонъ вокругъ стада. Въ самую полночь вдругъ онъ слышитъ сквозъ сонъ сильный гулъ, просыпается и видитъ страшный переполохъ овецъ въ стадѣ и между ними бѣгающаго необыкновенной бѣлизны барана съ огромными золотыми рогами, издававшими какой-то фосфорическій свѣтъ. Отъ удивленія и страха Сійнухъ, забывъ приказаніе брата, закричалъ во все горло. Золоторогій баранъ тотчасъ же стремительно бросился въ озеро, а за нимъ, съ не меньшей быстротой, послѣдовало и все стадо. Сійнухъ отъ изумленія стоялъ, какъ каменный, и очнулся только тогда, когда уже послѣднія овцы исчезали подъ водою озера. Очнувшись, онъ успѣлъ схватить и удержать за ногу лишь одного самаго тощаго ягненка.

Послѣ столь необычнаго происшествія Сійнухъ отправился домой и извѣстилъ своего брата обо всемъ случившемся.

Аймушь, только что похитившій невѣсту и ласкавшій себя сладкою надеждою провести остатокъ ночи въ ея

объятіяхъ, услышавши о гибели своихъ овецъ, которыя составляли все его богатство, забылъ и свою невѣсту и все окружающее и стремглавъ бросился на мѣсто катастрофы; тутъ онъ увидѣлъ однихъ только пастуховъ, со страхомъ посматривавшихъ на озеро, гдѣ погибли всѣ овцы. Не имѣя силъ вынести столь тяжкое испытаніе, Аймушъ, какъ безумный, съ раздирающимъ душу крикомъ, бросился самъ въ озеро и скрылся на глазахъ пастуховъ въ тѣхъ же таинственныхъ волнахъ, гдѣ погибло все его стадо.

Нѣкоторые карачаевцы и до сихъ поръ убѣждены, что Аймушъ и по настоящее время живъ, невредимъ и разгуливаетъ со своимъ стадомъ подъ озеромъ въ какомъ-то подземномъ царствѣ; говорятъ, что и по сію пору во время весенней стрижки овецъ, шерсть овецъ Аймуша показывается на поверхности озера.

VII. К а р ч а.

Карча считается родоначальникомъ карачаевцевъ. Нѣкогда съ небольшимъ своимъ племенемъ онъ вышелъ изъ Крыма и, послѣ долгихъ скитаній, поселился на одномъ изъ верховьевъ р. Баксана, гдѣ прожилъ, никѣмъ не замѣченный, около шести лѣтъ.

Въ одно время онъ вздумалъ построить мостъ чрезъ быстро текущую рѣку. Жившіе внизу кабардинцы, увидѣвъ плывущія по рѣкѣ щепки, немало удивились и донесли объ этомъ своему князю Кази. Раздраженный князь твердо рѣшился наказать нарушителей своихъ правъ, самовольно явившихся въ его владѣнія, и вскорѣ, снарядивъ изъ своихъ храбрыхъ кабардинцевъ сильный отрядъ, отправился отыскивать ихъ въ верховьяхъ р. Баксана. Но, найдя, что карачаевцы живутъ въ мѣстности, совсѣмъ ему ненужной,

измѣнилъ свои прежнія жестокія намѣренія, обошелся съ ними миролюбиво и положилъ только съ нихъ дань съ-томъ по обоюдному согласію.

Черезъ нѣсколько времени Карча, не платившій никогда прежде никому дани, счелъ свои обязательства по отношенію къ кабардинскому князю низостью для себя и рѣшился отказаться отъ нихъ. Поэтому, когда явились къ нему посланные отъ Кази за данью, онъ вмѣсто дани послалъ ему связанную старую, паршивую собаку.

Кази отъ такой обиды пришелъ въ ярость и рѣшился жестоко наказать своихъ непокорныхъ данниковъ. Собравъ сильный отрядъ, онъ явился къ карачаевцамъ.

Карча хотя и предвидѣлъ бѣду и приготовился къ защитѣ, но съ своею малочисленною дружиною не могъ выдержать напора сильныхъ кабардинцевъ; потому онъ оставилъ въ рукахъ побѣдителя все имущество и семейство и съ уцѣлѣвшими своими дружинниками скрылся въ горы, потомъ перебрался въ Сванетію просить помощи у заклятыхъ враговъ кабардинцевъ—сванетовъ. Послѣдніе, сочувствуя его бѣдственному положенію, съ радостью согласились на его просьбу.

Тогда Карча съ обновленными силами перебрался опять во владѣнія кабардинцевъ, но такъ какъ у него войска все же было меньше, чѣмъ у его враговъ, то онъ не рѣшался вступить съ ними въ открытый бой, а ограничивался набѣгами и захватомъ ихъ многочисленныхъ стадъ.

Однажды онъ узналъ случайно, гдѣ находится главное мѣстопребываніе стадъ самого Кази и, прокравшись ночью къ его кошу, засѣлъ въ такомъ скрытомъ мѣстѣ, откуда свободно могъ видѣть и слышать все происходящее около горящаго костра пастуховъ.

Вотъ главный надзиратель за стадами Кази поймалъ самаго лучшаго изъ всего стада барана и, приведши его къ

огню, сталъ дѣлать надъ нимъ обычное омовеніе, для приготовления его въ курманлыкъ *), приговаривая: „Если только Аллахъ избавитъ насъ въ эту ночь отъ рукъ нена сытнаго Карчи, то мы принесемъ этого барана завтра въ курманлыкъ“. Карча, услышавъ это, тоже про себя сказалъ: „А если намъ благополучно удастся захватить въ свои руки эти стада, я тоже его принесу въ курманлыкъ“.

Когда пастухи улеглись, Карча бросился на нихъ и, перевязавши всѣхъ, угналъ всѣ бывшія тамъ стада Кази. Загнавши ихъ въ безопасное мѣсто, онъ поймалъ приготовленнаго уже пастухами въ курманлыкъ барана и, выведя его на средину предъ пастухами, сказалъ: „За благополучное окончаніе моего дѣла я этого барана приношу въ курманлыкъ“.

Пастухи, удивившись, переглянулись между собою и невольно улынулись. Карча же, наблюдавшій за ихъ дѣйствіями, спросилъ ихъ, чему они смѣются? Пастухи рассказали, что они этого самаго барана еще вчера обрекли въ курманлыкъ за свое будущее спасеніе. „Я тоже еще вчера обрекъ его въ курманлыкъ за будущую удачу, сказалъ Карча: но такъ какъ вы прежде это сдѣлали, то я возвращаю его вамъ“. Потомъ, обратившись къ главному надзирателю, онъ добавилъ: „Возьми этого барана, отправляйся съ нимъ къ своему господину и скажи ему, что все богатство его находится въ моихъ рукахъ и что если онъ хочетъ его возвратитъ себѣ, то пусть явится ко мнѣ на мирные переговоры. Я буду ждать его вонъ тамъ (при этомъ онъ называлъ извѣстное имъ мѣсто, очень удобное для оборонительнаго положенія). Если же онъ не явится черезъ три дни, то все его богатство безвозвратно погибнетъ“.

*) Предназначая барана въ курманлыкъ, сначала омоваютъ водои не всего его, а только уши и ноги при извѣстной молитвѣ.

Кази, услышавши отъ возвратившагося надзирателя, что всё его стада въ рукахъ врага, сильно опечалился, такъ какъ пропавшія стада его стоили гораздо дороже всего того, что онъ взялъ прежде у Карчи. Надѣясь на силу и храбрость своихъ кабардинцевъ, онъ могъ бы и силою возвратитъ все взятое его врагомъ, но срокъ, назначенный имъ, былъ такъ коротокъ, что въ теченіе его онъ не былъ въ состояніи собрать такое количество войска, чтобы успѣшно можно было бороться съ Карчею; а потому онъ рѣшился съ своею небольшою дружиною отправиться въ назначенное мѣсто для мирныхъ переговоровъ съ нимъ.

Остановившись на условленномъ мѣстѣ, Кази повелъ переговоры черезъ переводчика, проживавшаго въ то время у него, выходца изъ Крыма—Шамхала. Карча же во время переговоровъ сидѣлъ на одномъ большомъ камнѣ и предписывалъ своему врагу условія мира. Онъ требовалъ отъ Кази: 1) полного возвращенія всего взятаго кабардинцами, 2) полной независимости и 3) уплаты всѣхъ расходовъ по найму сванетскихъ войскъ.

На выполненіе первыхъ двухъ пунктовъ Кази безпрекословно соглашался, но на третій ни за что не хотѣлъ согласиться. Тогда Карча пришелъ въ сильный гнѣвъ и, привставши, сказалъ: „Если такъ, то пусть же Кази попробуетъ взять свое стадо у меня силою!“ При этомъ онъ съ такою силою опустился на камень, что онъ съ оглушительнымъ трескомъ раскололся на четыре части *).

Кабардинцы, видя въ своемъ врагѣ такую сверхъестественную силу, страшно испугались и поспѣшили съ точностію выполнить всё предложенныя имъ условія мира.

Послѣ этого Карча, не желая болѣе оставаться на

*) Говорятъ, что этотъ камень и до сего времени цѣлъ, и карачаевцы, побывавъ на Бакасанѣ, своимъ долгомъ считаютъ посмотрѣть на этотъ памятникъ силы своего родоначальника.

Баксанъ съ такими безпкойными сосѣдами, переселился въ ущелья верховьевъ рѣки Кубани. Переводчикъ при переговорахъ—Шамхалъ перешелъ также къ своимъ соплеменникамъ и женился на дочери Карчи.

По смерти Карчи власть его перешла къ его зятю, Шамхалу изъ Крыма, почему и потомство его стало называться князьями Крымшамхаловыми.

Учитель Карачаевскаго горскаго

училища *М. Алейниковъ.*

Карачаевскій аулъ.
1882 г.

П Ъ С Н И, ПОЮЩІЯСЯ ВЪ СТ. ТЕ МИЖБЕКСКОЙ.

П Ъ С Н И ПАСХАЛЬНЫЯ, ТРОИЧН., ХОРОВ. И ДР.

1

А МЫ ПРОСО СВЯЛИ.

Умбр.

ДА ВО ГОРОДЪ ЦАРЕВНА.

Умбр.

ОЙ, НА ПОЛЬ, НА ПОЛЯНЬ.

Скоро.

Ой, на по ль, ой, на по ль,

ой, на по ль, на по ля нь, у ла до ла до, на по ля нь.

НА УЛИЦЬ АРИПЕЙ.

ск.

На у лиць а ри пей, на жи ро кой мо ло дой,

ой, ди ди, мо ло дой, ой, ла до, мо ло дой.

ЧЕРЕЗЪ ГОРКУ ДЬВКА ШЛА.

ск.

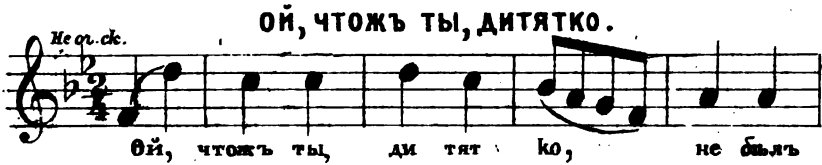
Че резъ гор ку дьв ка шла,

ла до, ла до, дьв ка шла.

ХОДИТЬ СЕНЮШКА ГОРОЙ.

ск.

Хо дятъ се нюшка го ро ю, по ситъ

ле ли, ля ли, тиш комъ луж комъ.

М. р. ск. ПОЙДУ МЛАДА, МЛАДЕШЕНЬКА ДОЛИНЬ-ДОЛНЮЮ.

Пойду, млада, млада дещенька до линь-до лн ю,
ля ли, ля ли, ля ле шеньки.

Прот. **В А Н Я.**

Ой же, ты, Ва ню шка, И ва

ню ша, да ой, Ва ня ми

лень кій да дру же чекъ

ЧЕРЕМУХА.

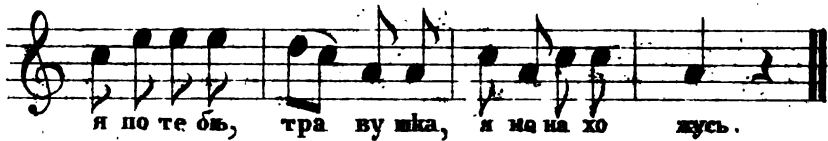
ск.

Ты, че ре му ха, че ре му ха мо л, че ре му ха

ду ша а лень кій цѣтьтокъ, ой ля, ой ля,

ТРАВА МОЯ, ТРАВУШКА.

ск. КАКЪ У НАСЪ НОНЬ ПРАЗДНИКЪ.

ск. ВЫПАДАЛА, ВЫПАДАЛА БЪЛАЯ ПАРОША.

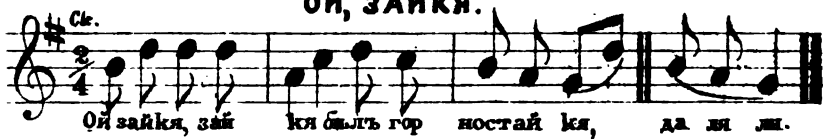
ОЙ, ВО ПОЛЬ ТРАВУШКА ГОРЬЛА.

У МАЁРА ПОЛКОВАГО.

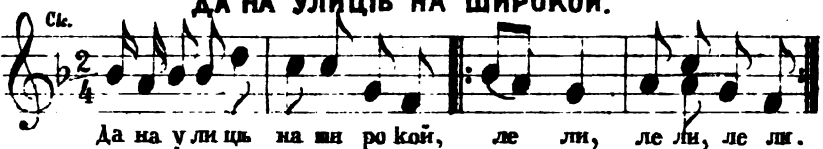
ОЙ, ЗАЙКА.

ДА ХОДИЛА ДЬВУШКА.

ДА НА УЛИЦЬ НА ШИРОКОЙ.

НА ГОРУШКЪ НА КРУТОЙ.

Ск.

На го рушкѣ на крутой сто ять фа бри чекъ по вой,

со би ра ли ся фа бри чки, цѣ лова ѣ ни чки на игру.

ОХЪ, ТЫ, УТКА, УТИЦА.

Ск.

охъ ты, утка, у ти ца, охъ ты, утка съ ра я, ой, ле ли,
ой, ле ли, ой, ля ли, да мл я ле ли, ой, ля ли.

РАЗГОРЪЛАСЯ КАЛИНА.

Ск.

Раз го рѣ ла ся ка ли на, ой ля, ой, ля ли, ка ли на.

СЪ ГОРЫ НА ГОРУ МАНЯ ШЛА.

Неск. Ск.

Съ го ры на го ру ма ня шла, че жва ло мла да не сла,
И ду шинъ и нлекъ, и шно мидо ва пла токъ,
ой ля ли, ой, ля ли, ой, ля ли, ля ли, ля ли.

ОЙ, НА ДВОРЬ.

Ой, на дво рѣ дожъ, дожъ, да не см течкомъ съ я.

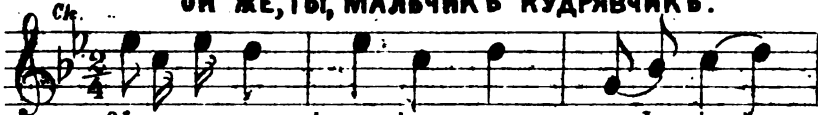
ПЪЯНИЦА.

Медл.

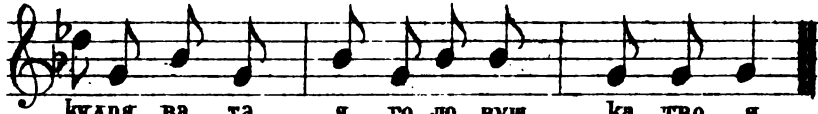
Пья ни ца, да про пой ни ца, пья ни ца,

ОЙ ЖЕ, ТЫ, МАЛЬЧИКЪ КУДРЯВЧИКЪ.

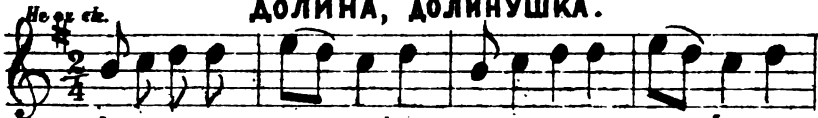

Ой же, ты, мальчикъ кудрявчикъ мой,
 ой, ля ли, ой, ля ли, ой, ля ли,

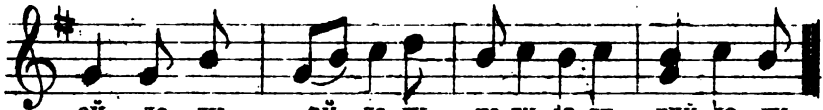

кудрява та я голубчикъ твой.

ДОЛИНА, ДОЛИНУШКА.

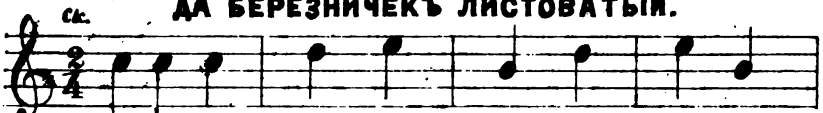

Долина, долинушка, долина широкая,

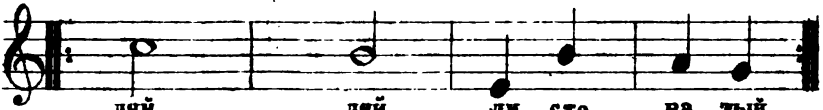

ой, ле ли, ой, ле ли, ле ли, дали ли, ле ли.

ДА БЕРЕЗНИЧЕКЪ ЛИСТОВАТЫЙ.

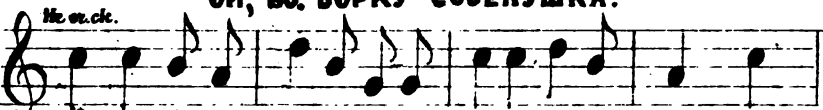

Да березничекъ листова тый,

ляй, ляй, листова тый.

ОЙ, ВО, БОРКУ СОСЕНУШКА.

Ой, во борку сосенушка стоитъ, зелененькая,

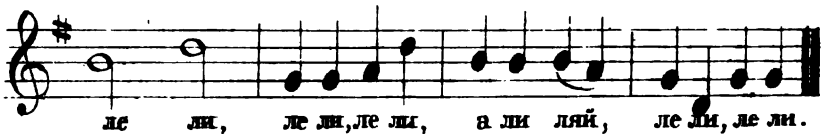
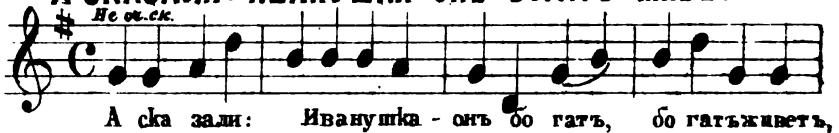
А ХТО ВЪ НАСЪ ХОРОШІЙ.

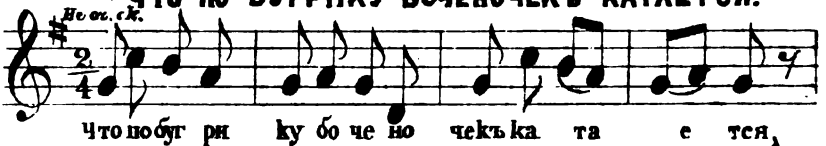
У ВОРОТЬ ВЕРЕЮШКА.

А СКАЗАЛИ: ИВАНУШКА-ОНЪ БОГАТЬ ЖИВЕТЪ.

ЧТО ПО БУГРИКУ БОЧЕНОЧЕКЪ КАТАЕТСЯ.

ой ля, ой ля, ой, ля ля, ля ли, ля ли.

КАКЪ У НАСЪ НОНЬ ДИВО.

Не ок.ск.

Какъ у насъ нонь ди во, ди воваш е це большое,

ле .. ли, ле ли, ле ли, а ли ляй, ле ли, ле ли.

БЬЛЪ ЗАЮШКА.

Не ок.ск.

Бьль за юшка, бьль за юшка, горна ста юшка.

У РАНО, РАНО А ЧТО СТУЧИТЬ, ЧТО ГРЕМИТЬ.

Мед.т.

У рано, рано а что сту чить, что гре мить,

у рано, рано во вы со комъ те ре мь?

УЗУМЪЕШЪ ЛИ, ОЙ, МАРЬЮШКА.

Не ок.ск.

У зумъ ешь ли, ой, Марьюшка, Ива му шку су стрьтъ ой, ли ли,

ОЙ ЛИ ЛЯ, ОЙ, ЛЯ ЛЯ, ЛЯ ЛЯ, ЛЯ ЛЯ, ЛЯ ЛЯ, ЛЯ ЛЯ, ЛЯ ЛЯ, ЛЯ ЛЯ.

ЯСМЕНЬ СОКОЛЬ ПРИЛЕТАТЬ.

Ск.

Ясмень соколь при летать, при летать, при летать.

ОЙ, КОВАНО, ДА БУШЕВАНО КОЛЕСО.

Ск.

Ой, ко ва но, да бу ше ва но ко ле со, ко ле со,
 ой, ле ли, да ле ли, ле ли, ко ле со, ко ле со.

ЧЕЙТО ТО ДВОРЪ.

Мо от Ск.

Чей то дворъ, чей то дворъ? Побываль бы въ дворъ, побываль.

У УТУШКИ СПРЕНЬКОЙ.

Мо от Ск.

У у тушки у сп ренькой ко ро ткия но жки.

РАНО, РАНО ЧТО ЗА ЦЕРКВОЮ.

М. 2.

Ра но, ра но что да за цер кво

ю, ра но, ра но что за нь мец ко ю.

Прот. УЖЪ КАКЪ ПО ЛУГУ ЛУЖЕЧКУ.

УЖЪ, ВЫ, ГОРЫ МОИ, ГОРЫ ЗАКАВКАЗСКІЯ.

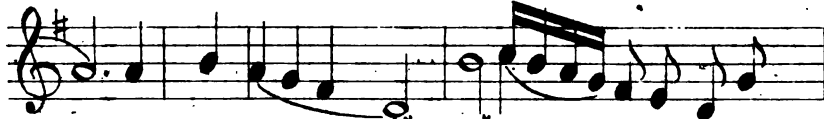

НАДЪ ГОРОЮ НАДЪ ВЫСОКОЮ.

*Медл.***ОЙ, ДА, ВАНЯ БЬЛЫЙ.**

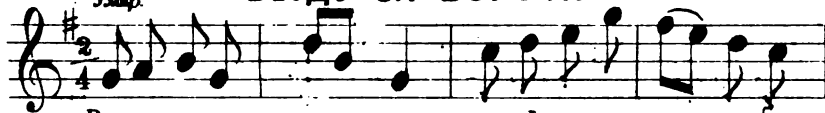
Ой, да, Ва ня бь лый, Ваня черно бро вий, молю дець

хо ро ший, ой, молодець хо

ро ший, ой, да хо дить.

*Умер.***ВЫДУ ЗА ВОРОТА.**

Выду за во ро та, тамъ камышь трава и бо

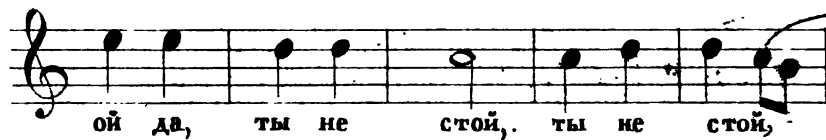
ло та, ой, вы ду а я за но вы

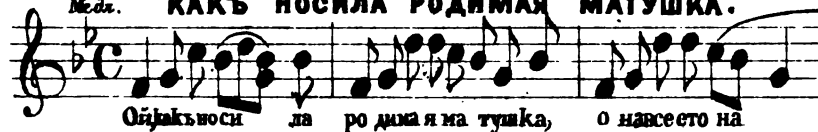

я, тамъ травушка зе ле нь я.

Медл. **НЕСЧАСТНАЯ ДЬВУШКА ЗАРОДИЛАСЯ.**

Не счаст на я да дь вуш ка за ро ди

Умер. СЧАСТЛИВАЯ ТЕБЬ ПУТЬ ДОРОЖКА.**Медл. СТОРОНА ТЫ МОЯ.****Медл. КАКЪ НОСИЛА РОДИМАЯ МАТУШКА.**

ВЪ ПОЛЕ, О НИ У НИ ВА

ЛИ СЯ, У НИ ВА ЛИ СЯ.

К О Н Е Ц Ъ .

УКАЗАТЕЛЬ

къ пѣснямъ, поющимся въ ст. Темижбекской.

	№ № по ст. Пере- двѣйскаго.	Стр. Сборни- ка, II отд.	Стр. нотъ.
1. А мы просо сѣяли.	22	45	1
2. Да во городѣ царевна.	23	—	—
3. Ой, на полѣ.	24	46	2
4. На улицѣ арипей.	28	47	—
5. Черезъ горку дѣвва шла.	27	—	—
6. Ходить Сенюшка горой.	29	—	—
7. Ой, что жъ ты, дитятко.	30	—	3
8. Пойду, млада, тишкомъ луж- комъ.	26	46	—
9. Пойду, млада-младешенька долинъ-долиною.	25	—	4
10. Ой, же ты, Ванюшка.	31	48	—
11. Черемуха.	32	49	—
12. Трава моя, травушка.	33	—	5
13. Какъ у насъ нонѣ праздникъ.	36	51	—
14. Ой, во полѣ травушка горѣла.	34	50	6
15. У маіора полковаго.	35	—	—
16. Ой, зайка, зайка.	2	34	—
17. Да ходила дѣвушка.	1	—	—
18. Да на улицѣ, на широкой.	3	36	—
19. На горушкѣ, на крутой.	4	—	7
20. Охъ, ты, утка-утица.	6	37	—
21. Разгорѣлася калина.	9	38	—
22. Съ горы на гору Маня шла.	5	37	—
23. Ой, на дворѣ дождь.	8	38	—
24. Пьяница, да пропойница.	41	41	—
25. У лѣску, лѣску.	47	57	8
26. Ой, садовое мое яблочко.	51	58	—
27. Ой, же ты, солнышко ясное.	52	59	—
28. Ой, же ты, мальчикъ будряв- чикъ.	53	60	9

	№ № по ст. Пере- дьяльскаго.	Стр. Сборни- ка, II отд.	Стр. нотъ.
29. Долина, долинушка.	54	60	9
30. Да безрничекъ листоватый..	55	—	—
31. Ой, во борку сосенушка. . .	56	61	—
32. А хто въ насъ хорошій. . .	58	—	10
33. У воротъ веревушка.	61	62	—
34. А связали: Иванушка.	60	—	—
35. Что по бугрику боченочекъ катается.	64	63	—
36. Какъ у насъ нонѣ диво. . .	65	—	11
37. Бѣлъ заюшка.	68	64	—
38. У рано, рано.	69	—	—
39. Узумбешь ли, ой, Марьюшка.	70	65	—
40. Ясмень соколь прилеталь. .	71	—	12
41. Ой, ковано, да бушевано ко- лесо.	76	67	—
42. Чей то дворъ.	77	68	—
43. У утушки сѣренькой.	78	—	—
44. Рано, рано что за церевую..	83	70	—
45. Ужь какъ по лугу-лужечку..	90	73	13
46. Ужь вы, горы мои.	93	74	—
47. Надъ горою, надъ высокой. .	102	76	14
48. Ой, да Ваня бѣлый.	120	81	15
49. Выду за ворота.	108	77	—
50. Несчастливая дѣвушка зароди- лася.	110	78	—
51. Ты береза моя.	96	74	16
52. Счастливая тебѣ путь-до- рожка.	127	83	17
53. Сторона ты моя.	95	74	—
54. Какъ носила родимая матуш- ка.	111	78	—
55. Подъ горою, подъ крутою. .	92	73	18
56. Ты воспой, ты воспой. . . .	106	76	—
57. Да ходить, гуляль.	99	75	19
58. Служиль же я тремъ царямъ.	137	86	20
59. Нашъ полковникъ-господинъ.	97	75	—
60. Не ходи ты, бѣлъ-кудрявый.	112	79	21
61. Дятина, дятина.	133	85	—

	№ № по ст. Пере- дьявскаго.	Стр. Сборни- ка, II отд.	Стр. нотъ.
62. Все бѣ я по горенѣѣ ходила.	139	87	21
63. Ой, тамъ летѣли.	105	76	—
64. Ходилъ, гулялъ молодець. .	124	82	22
65. Охъ вы, братцы.	98	75	—
66. Не двѣ ластушки.	118	80	—

